

Нил Никандров

И в а н

Солоневич

Народный монархист

В л а с т и т е л и д у м

Н и л Н и к а н д р о в

И в а н
Солоневич

Народный монархист

Москва
АЛГОРИТМ
2007

УДК 82-4
ББК 84
Н 62

Никандров Н.

Н 62 Иван Солоневич: народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. – 672 с.

ISBN 978-5-9265-0442-9

Книги Ивана Солоневича, прежде всего «Народная монархия» и «Россия в концлагере», стали классикой антисоветчины и учебником монархизма. Но читатель, догадываясь, что судьба у Солоневича сложилась непросто, едва ли посвящен во все ее перипетии. Нил Никандров восполняет этот пробел. Написанная отличным русским литературным языком, со знанием мельчайших подробностей биографии отца русского неомонархизма, его книга рассказывает о том, как закалялась белогвардейская сталь: о детстве и отрочестве, о борьбе с большевиками, о многочисленных арестах и отсидках в сталинских лагерях, о нелегальном переходе границы, о покушениях чекистов и о прочих невероятных приключениях Ивана Солоневича в России и в зарубежье. Книга совмещает в себе достоинства первоклассного детектива с документальностью биографического очерка.

**УДК 82-4
ББК 84**

© Никандров Н., 2007

ISBN 978-5-9265-0442-9

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

«Всевидящее око» НКВД

Ровно в 20.00 распахнулась дверь, и в кабинет один за другим стали заходить сотрудники. Свои улыбки и оживленность они оставили в приемной, сменив их на внешнюю озабоченность, подчеркнутую серьезность и педантичность. Неизбежная мимикрия, демонстрация служебного рвения. Но разве он, нынешний начальник Ленинградского управления НКВД, ведет себя иначе в высокопоставленных кабинетах?

Филипп Демьянович Медведь¹, дожидаясь, когда участники совещания займут свои привычные места, начертил парковочной ручкой несколько загадочных иероглифов в блокноте. Потом взглянул на календарь, который уютной «избушкой» прятался под настольной лампой. Это был сувенир из Карелии, куда он при okazji ездил на охоту. Медведь начинал каждое рабочее утро в Ленинграде именно с календаря, подбирая деревянные брусочки с названием месяца и текущей датой, которые с тщательностью часовщика вставлял в стенку «избушки». Не обошлось без соответствующей процедуры и сегодня: на календаре значилось — 6 сентября 1933 года.

¹ Медведь Ф. Д. (1890—1937) род. в дер. Мосеевка Пружанского уезда Гродненской губернии. В органах ВЧК-ГПУ-НКВД с мая 1918 г. После убийства Кирова на закрытом судебном процессе был осужден вместе с другими 12 руководящими работниками Ленинградского Управления НКВД за «халатное отношение к служебным обязанностям». «Отбывал наказание» в должности начальника Южного горнопромышленного управления Дальстроя, находившегося в ведении НКВД. В 1937 году Медведь и другие ссыльные чекисты были расстреляны за «создание» антисоветской правотроцкистской организации и вредительскую работу в золотодобывающей промышленности. Реабилитирован 17.12.1957 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

Медведь пододвинул к себе увесистый том, на котором крупными печатными буквами было написано: «Спортсмены». Название для разработки выбрали неудачное: слишком нейтральное и беззубое, словно дело заведено не на убежденных врагов советской власти, а безобидных туристов-путешественников. Впрочем, разработка возникла в Москве, а реализацию ее почему-то возложили на Ленинград. Нет ли тут подвоха?

Начальник ленинградских чекистов отмахнулся от беспокойной мысли, положил руку на серовато-коричневую обложку дела и сказал, обращаясь к присутствующим:

«Что ж, потрудились неплохо. Разработка Солоневичей велась, в основном, грамотно. Прямо скажу, дело — не рядовое. Братья не из трусливой породы, знакомы с нашими методами работы. Но мы их переиграли. У нас исчерпывающая информация по всем фигурантам, мы посвящены в их замыслы, контролируем все их связи. Минувшей ночью я подписал заключение на реализацию дела. Захват группы — 9 сентября. Как видите, времени в обрез!..»

Медведь хорошо знал, о чем говорил. Сводки на «спортсменов» докладывали ему ежедневно. Еще бы, вооруженная группа готовилась к прорыву через финскую границу! Такого в практике Ленинградского управления не было давно. В группу входило пять человек, и двое из них были особенно опасны — братья Солоневичи, Иван и Борис, в недавнем прошлом — известные спортсмены. Они обладали тяжелыми кулаками, профессиональными бойцовскими навыками — от классической борьбы до джиу-джитсу. По их методическим пособиям оперативные работники учились новейшей технике «самообороны без оружия». Секретный сотрудник «Прицельный», введенный в разработку, предупреждал в донесениях: «Они готовы ко всему, поэтому обзавелись внушительным арсеналом: двустволка, берданка, малокалиберная винтовка и браунинг. В случае лобовой попытки захвата они окажут бешеное сопротивление. Иван постоянно твердит — «терять нам нечего».

На совещании прозвучали предложения по нейтрализации «спортсменов». Конечно, безопаснее всего было бы арестовать их поодиночке, причем не в Ленинграде, а в Москве,

по пути на вокзал. Но в Центре решили иначе: брать группу в полном составе, со всем уликовым материалом! Поэтому особенно долго чекисты обсуждали вариант захвата «группы Солоневичей» на станции в Карелии. Чтобы у беглецов не возникло каких-либо сумасбродных иллюзий, перрон можно будет оцепить тройным кольцом сотрудников, а для полного «впечатления» демонстративно установить пару пулеметов.

Наконец, после всех «за и против», остановились на схеме, которую предложил замначальника секретно-политического отдела Стромин: чтобы не допустить случайных жертв «со стороны гражданского населения», провести захват в плацкартном вагоне, ночью, на пути «спортсменов» в Карелию. Риска для пассажиров не будет никакого, потому что в вагон, помимо фигурантов, сядут только чекисты. Этот вариант даст стопроцентную гарантию успеха: из такого капкана не вырваться! Для страховки членов группы угостят чаем, подмешав в него снотворное, чтобы не бузили при аресте. Медведь одобрил предложение Стромина со снотворным: «Отличная идея!»

О работе сексота «Прицельного» по «спортсменам» Медведь отозвался с похвалой, но выразил недовольство тем, что руководство отдела, за которым закреплен сексот, не позаботилось о его своевременном выводе из разработки:

«Теперь ему придется бежать до конца в одной упряжке с Солоневичами. Чем все закончится, мы не знаем. Если дело дойдет до стрельбы, можем потерять ценного помощника. Если до стрельбы не дойдет, то отсутствие имени «Прицельного» в следственном деле прямо укажет на него как нашего человека».

Обсудили варианты действий на случай, если что-то сорвется, пойдет не по плану, и Солоневичи, используя свой боевой арсенал, решатся на прорыв. Тут сомнений не было ни у кого: «Огонь на поражение».

«Зря не подставляйтесь, — сказал в заключение Медведь. — Знаю, что среди вас есть любители щегольнуть отвагой, мужеством и личной храбростью. Встречу со смертью торопить не стоит»...

«Беглецы» собрались на Московском вокзале в Ленинграде: Иван Солоневич с сыном Юрием, брат Борис с женой

Ириной Пеллингер¹. Все свои, полное доверие друг к другу. Мужчины подготовлены к скитаниям по карельским лесам и болотам, физическая форма Ирины тоже на уровне, — тут постарался Борис, приложивший все свое тренерское мастерство. Жена Ивана — Тамара, Тамочка, — находилась за рубежом, дожидаясь их в Германии. Она покинула Страну Советов легально, но это стоило таких моральных мучений и бюрократических унижений, что Иван старался не вспоминать о тяжких перипетиях ее отъезда.

Два других члена группы пришли «со стороны». Хорошо знакомый Солоневичам Степан Никитин, лысый, в очках, с неброской внешностью бухгалтера. Он и в самом деле был бухгалтером. По мнению Ивана, Никитин по своим физическим кондициям являлся наиболее слабым звеном в группе. С этим приходилось мириться: бухгалтер мог пригодиться после перехода границы. У него были богатые родственники в Латвии, которые обещали в случае успеха предприятия помочь деньгами и с устройством на работу.

Шестой участник побега — Николай Бабенко — вызывал у Ивана смутное чувство беспокойства. Все, что он знал о нем, поведал сам Бабенко. В прошлом — белый офицер, участник Гражданской войны, давно мечтал бежать из Советского Союза. Узнав — «по счастливой случайности» — о готовящемся побеге, напророчился в группу: мол, теперь или никогда. Бабенко сумел поставить дело так, что оказался полезным на всех этапах подготовки побега. Даже билеты «организовал» именно он.

Опасения Ивана несколько рассеялись, когда поезд тронулся. Если чекисты знали об их планах, то почему не схватили прямо на вокзале? Или еще раньше — в Салтыковке? Неужели всевидящее око «органов» проморгало их подготовку к побегу? Острота переживаемого момента действовала на Солоневичей и их спутников как своеобразная анестезия, смягчала ощущение страха, притупляла чувство тревоги, усыпляя перегруженную эмоциями психику. Все в их жизни было поставлено на кон. Или пан или пропал.

¹ Пеллингер Ирина Францисковна, род. в 1903 г. в Киеве, физкультурный врач по профессии. В прошлом — участница скаутского движения. На этой почве и познакомилась с Борисом.

Иван Солоневич так вспоминал о переживаниях того дня: «Я не думаю, чтобы кто бы то ни было из нас находился во вполне здравом уме и твердой памяти. Я как-то вяло отметил в уме и «оставил без последствий» тот факт, что вагон, в который Бабенко достал плацкарты, был последним, в хвосте поезда, что какими-то странными были номера плацкарт — в разбивку: 3-й, 6-й, 8-й и т.д., что главный кондуктор без всякой к этому необходимости заставил нас рассестись «согласно взятым плацкартам», хотя мы договорились с пассажирами о перемене мест. Да и пассажиры были странноваты... Вечером мы все собрались в одном купе. Бабенко разливал чай, и после чаю я, давно страдавший бессонницей, заснул как-то странно быстро, точно в омут провалился»¹.

Пробуждение было грубым, резким, ошеломляющим. Перестук колес заглушили вдруг крики, отчаянный женский визг, шум борьбы, гулкие удары и стоны. Операция по захвату началась одновременно в разных местах вагона, и беглецы не могли помочь друг другу. Иван отбросил в сторону одного из нападавших, и тут же почувствовал, что его обхватили сильные тренированные руки, много рук! — за колени, за горло, прижали к подушке голову. Потом — при скудном свете «ночника» он увидел, что на него направлено несколько револьверов, и понял, что сопротивление бесполезно: запястья стиснуты наручниками, а ожесточенная возня в соседнем отсеке затихла. Все понятно: помощи от Бориса ожидать не придется. Все кончено...

Иван Солоневич был немногословен, описывая впоследствии свои чувства: «Грустно — но уже все равно. Жребий был брошен, и игра проиграна вчистую»...

В том же самом вагоне «группу Солоневича» повезли назад в Ленинград. Все были в наручниках — «восьмерках». Исключение сделали только для Ирины Пеллингер. Не избежал наручников и Бабенко. Чекистам приходилось соблюдать «правила игры», прикрывать сексота.

С вокзала группу увезли в двух «воронках» в новое здание ГПУ на Литейном проспекте. Во внутреннем дворе сняли наручники. «Потом мы прощаемся с очень плохо сделанным

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: Римис. С. 32.

спокойствием, — вспоминал Иван Солоневич. — Жму руку Бобу. Ирочка целует меня в лоб. Юра старается не смотреть на меня, жмет мне руку и говорит:

«Ну, что ж, Ватик... До свидания... В четвертом измерении...»

Это его любимая и весьма утешительная теория о метампсихозе в четвертом измерении; но голос не выдает уверенности в этой теории.

«Ничего, Юрчинька. Бог даст — и в третьем встретимся»¹.

Ивана отвели по узким бетонным лестницам и бесконечным лабиринтам коридоров в одиночную камеру. Мощные, непроницаемые для внешних звуков стены, сильный запах краски и штукатурки, — тюрьма разрасталась, расширяла свои «емкости» по приему заключенных. Регулярно бывая в Ленинграде, Солоневич видел, в какой спешке возводился комплекс зданий Управления НКВД по соседству с гранитной набережной Невы, Летним и Таврическим садами. Горожане не без иронии называли Управление «Домом слез». Ходили слухи, что для облицовки его стен использовали надгробья со старых петербургских кладбищ, а для решения «жилищной проблемы» ответработников из соседних кварталов старожилов под разными предлогами переселяли на окраины.

И вот он сам оказался в недрах «Дома слез». Хорошенькая экскурсия, однако: неизвестно на какой срок и с какими последствиями. Уцелеет ли после нее голова на плечах?..

Солоневич мерил шагами скудные метры камеры, и иногда в полузабытьи, словно ничего не случилось, напевал-наговаривал шепотом любимую песню, которую Тамара, Юра и он самозабвенно пели, отправляясь в походы по Подмоскovie:

Там за далью непогоды,
Есть блаженная страна...

Неужели больше не повторятся те счастливые дни, когда они были вместе, строили «наполеоновские планы», мечтали о будущей счастливой жизни вдали от неустанного надзора ГПУ?

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере... С. 34.

Но туда выносят волны
Только бодрого душой.
Смело, братья! Ветром полный,
Прям и крепок парус мой...

Тяжело было на душе Ивана, он считал себя единственным виновником провала: «На моей совести тяжелым грузом лежало все то, что с нами произошло: моя «техническая ошибка с г-жой Е. и с мистером Бабенкой»¹.

В тюрьме на Шпалерной Солоневич и его «команда» провела под следствием и в ожидании приговора три месяца...

Жаркий июль 1990 года, магазин «Академкнига» на улице Горького (теперь это Тверская, а магазина давно нет). У букинистического отдела нерешительно переминался пожилой человек, только что выслушавший категоричное «нет» от не слишком любезной оценщицы. Я взял из его рук листочки с перечнем книг — мексиканская, аргентинская, венесуэльская мемуаристика 40—60-х годов. За книги он просил умеренную цену, и мы ударили по рукам. Так я познакомился с Юрием Антоновичем Марковым.

Потом я несколько раз приезжал к нему домой и по частям забирал покупку. Визиты мои сопровождалась неизменными чаепитиями и застольными беседами. Хотя Марков никогда не занимал крупных руководящих постов, он был свидетелем многих событий, работая секретарем Особого отдела Коминтерна, затем — в различных отделах ГУГБ НКВД, а в 50—70-е годы — на технической должности в Секретариате ЦК КПСС. Не знаю, было ли это везением или знаком судьбы, но, приобретя «с рук» редкие книги о Латинской Америке, я познакомился с человеком, располагавшим уникальными материалами о жизни Ивана Солоневича! Марков заинтересовался его личностью после того, как в архиве ЦК наткнулся на справку советского посольства в Аргентине об обстановке в русской эмигрантской колонии. Автор ее, не затрудняя себя изысканностью формулировок, лихо разделявал «под орех» представителей эмиграции, поглядывая на них с зияющих высот своей идеологической зрелости.

Досталось от него и Ивану Солоневичу:

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере... С. 162.

«Среди лидеров колонии отдельные лица играли до войны видную роль. Достаточно упомянуть о таких ее «вождях», как Вербицкий или Солоневич. Последний в августе с.г. за выступления против перонистского правительства был выслан из Аргентины и в настоящее время находится в Уругвае, откуда руководит газетой «Наша страна». Он монархист, полусумасшедший фантазер, называет себя теоретиком старого русского течения и пишет бредовые антисоветские статьи».

К справке были приложены аккуратно перепечатанные на пишущей машинке цитаты из статей Солоневича в качестве подтверждения его «сумасшествия»:

«Миллионы русских душ борются в СССР, отстаивая бытие свое против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замазать свет и солнце русской жизни. Миллионы и миллионы русских мужчин и женщин погибли в этой борьбе мучительно и страшно. Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих в концентрационных лагерях. Мне страшно думать о том лжепатриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами прикрывает самое страшное, что было в нашей истории: попытки убить и тело, и душу нашего народа»...

«Я хорошо помнил о «деле Солоневича», вернее — Солоневичей, — рассказал мне Марков. — Их побег за границу в 30-е годы наделал много шума в НКВД. Кого-то разжаловали, кого-то отправили в сибирскую глухомань. Но, конечно, о Солоневичах — Иване и Борисе — на Лубянке не забыли. Решили их «примерно» наказать и за рубежом, чтобы другим неповадно было бегать. Работая в ЦК, я собирал материалы для брошюры о практике идеологических диверсий против СССР. Вот и решил включить главку о Солоневиче и его приятелях-монархистах в свой труд».

Однако добытые «по листочку» в разных архивах документы, меморандумы, справки и вырезки из эмигрантских газет и журналов Маркову негодились. Советская цензура подвергала имя Солоневича такой глухой блокаде, что оно вымарывалось даже из «разоблачительных», «идеологически взвешенных» статей и монографий. Мол, нечего создавать этому махровому националисту, монархисту, антисоветчику, антисемиту и явному фашисту пусть косвенную, но рекламу!

Тема Солоневича и его роли в Русском Зарубежье не раз затрагивалась в моих беседах-интервью с Юрием Антоновичем, спешившему выговориться в странном предчувствии грядущих перемен, которые он не в силах будет перенести... И вот, пролежав втуне добрых три десятка лет, папка с материалами Маркова о Солоневиче перекочевала ко мне. Ознакомившись с ними, я понял: мне несказанно повезло и как журналисту, и как исследователю. Документы из «архива Маркова» рассказывали о малоизвестных обстоятельствах жизни Ивана, раскрывали подробности многоходовой провокации «органов» против Солоневичей во времена Ягоды и Ежова¹. Удивительно, что братья не только сумели выстоять, но и активно сопротивлялись потокам лжи и клеветы, которые до сего дня возникают в трудах либерально «ангажированных» историков в России и за рубежом. Мол, не слишком ли много прямых и косвенных свидетельств в пользу того, что Иван и Борис Солоневичи работали на ГПУ-НКВД, выполняя специальное задание по разжиганию конфликтов в стане эмиграции?

Рядом с инсинуациями о «работе Солоневичей на органы» нередко звучат обвинения братьев в «увлеченности» фашистской идеологией, указывается на некие факты их «прямого сотрудничества» с нацистами. Кто-то даже назвал Солоневича «агентом гестапо» в эмигрантской среде. Российские и зарубежные исследователи либерального плана неизменно относят писателя к деятелям право-консервативного фланга эмиграции с «явно фашистской ориентацией». Характерными являются оценки американского «советолога» Уолтера Лакера. Указав на «участие» Ивана Солоневича в конспиративной организации бывших офицеров царской армии, действовавшей в Болгарии, он не удержался от соблазна намекнуть на принадлежность писателя к советской агентуре и обвинить его в «разложении» русской эмиграции. По мнению Лакера, Солоневич также «брал деньги у немцев и пытался снискать расположение нацистов». Лакер подытожил свой тенденциозный эскиз о Солоневиче следующим образом:

«Не стоило бы останавливаться на этой фигуре — ее место всего лишь в сноске к истории русской эмиграции, — если

¹ Все цитируемые в книге документы, происхождение которых специально не оговаривается, взяты из архива Ю.А. Маркова.

бы в период *гласности* Солоневича не открыли для себя крайне правые и он не стал бы одним из их духовных наставников. Вместе с другими фашистскими, профашистскими и парафашистскими идеологами 30-х годов он вошел в пантеон русской правой. Его биография была соответствующим образом переписана. Так, его «вынудили» (интересно, кто?) переехать из Болгарии в Германию, и он делал все возможное, чтобы противодействовать самоубийственной русофобской пропаганде немцев. Его окончательная канонизация как одного из главных святых новых русских правых была приурочена к его столетнему юбилею в 1991 году»¹.

Лакер выстроил свою «концепцию» биографии Ивана Солоневича на заведомо ложной фактуре. Достаточно сказать, что Солоневич не входил «в конспиративную организацию бывших офицеров царской армии», не «разлагал» русскую эмиграцию (она и без того была разложена до предела), и, более того, пытался организовать ее на новых началах через движение «штабс-капитанов». Солоневич никогда не брал денег у нацистов на финансирование своей политической и публицистической деятельности и, без всякого сомнения, не пытался «снискать их расположение». Его попытки вести на равных диалог о судьбах России с представителями Третьего рейха стоил Солоневичу 4-летней ссылки под надзор полиции в глухой район Померании.

Конечно, в судьбе Ивана Солоневича было много спорных, подчас двусмысленных, моментов. Какой простор для выдумок и фальшивок! Солоневич писал по этому поводу: «Я знаю, о моей персоне имеются в зарубежье самые разнообразные мнения: от неоправданно восторженных до непримиримо злобных. Во всяком случае, я не обижен отсутствием внимания». Подобный «расклад» мнений и «внимания» сохранился до наших дней.

Судьба Ивана Лукьяновича Солоневича, самобытного писателя-публициста, прошедшего через испытания революциями, войнами, тюрьмами и ссылками, мало кого оставляет равнодушным. Отсюда и столкновение мнений, борьба за Со-

¹ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994. С. 125—126.

лоневича между теми, кому он дорог, и теми, кто хотел бы отправить его на «свалку истории».

В неблагоприятных исторических условиях Солоневич упорно отстаивал свои взгляды на наиболее правильный, с его точки зрения, путь развития для России. Он считал, что безжалостные реформаторские эксперименты (эпоха Петра I, Февральская и Октябрьская революции) имели катастрофические последствия для судьбы России, и, в итоге, *исказили* единственно возможный, по мнению Солоневича, путь ее исторического развития — самодержавие, «типично русскую форму монархии», способа управления страной. По глубокому убеждению писателя, монархия — это не тоталитарный режим, не абсолютизм, это симфония совместной работы церкви, царя и народа.

Полемика об Иване Солоневиче приобретает все большую остроту. Время такое — идет безжалостная, почти всегда тенденциозная, нередко бездоказательная переоценка прошлого. Аргументы используются разные, часто — фиктивные, взятые с потолка, и, само собой, выводы провозглашаются в соответствии «с заказом». Солоневича называют то искренним патриотом, то демагогом, игравшим на стремлении эмигрантов вернуться на родину, то авантюристом, «служившим разным хозяевам — от большевиков до нацистов». Как автор я преследовал одну главную цель: дать объективную, максимально полную биографию этого человека, не манипулируя фактами, не скрывая «невыгодных» для героя событий, высказываний и поступков. Выводы пусть делает читатель...

Желание восстановить основные вехи жизни Ивана Солоневича, разобраться в его «путаной, — по его собственному выражению, — судьбе» привело меня несколько лет назад в редакцию основанной им газеты «Наша страна» в Буэнос-Айресе, на улице Монроэ, дом 3578.

Газета десятилетиями придерживалась бескомпромиссной политической линии основателя и была уникальна тем, что никогда не получала «субсидий» от тех государств, организаций и специальных служб, которые находились на острие холодной войны против Советского Союза. «Наша страна» стояла на позиции непримиримости к коммунистической системе в России, но принципиально отвергала «субсидии» из

черных касс подрывных ведомств, отстаивая свое право «говорить собственным голосом»: независимым, осознанно национальным, монархическим.

Эта газета размером в четвертушку от солидных «сытых» изданий, из экономии и по традиции печатавшаяся на папиросной бумаге (так было легче провозить ее в Советский Союз), ни на йоту не изменила своего идейного курса, который сконцентрирован в лозунге «После падения большевизма только царь спасет Россию от нового партийного рабства». Сейчас «Наша страна» выходит и в электронном виде. Казалось бы, можно только радоваться, газета идет в авангарде прогресса, освоила Интернет, с нею знакомится значительно больше читателей, чем раньше. Но правда такова, что финансовые трудности «Нашей страны» остаются прежними, как и ее борьба за выживание, — единственной русской газеты патристической направленности в Западном полушарии.

Именно там, на улице Монроэ, из рук немногочисленных, но доброжелательных сотрудников газеты я получил редкие прижизненные публикации писателя. Они во многом определили дальнейший курс моих поисков, и, прежде всего, не искаженных пропагандой и злонамеренным вымыслом фактов, раскрывающих реальную жизненную траекторию Солоневича. С этих пожелтевших от времени материалов началось также мое знакомство с политико-идеологическим наследием писателя.

Я с теплым чувством вспоминаю о визитах в редакцию, в которой, несмотря на подвешенные к потолку «старозаветные» электрические лампы было темновато. Если в редакционном помещении были окна, то я их не разглядел за стеллажами, штабелями газет и картонных коробок с архивом. Старая пишущая машинка, архаичный монитор, телефон эпохи Хуана и Евы Перон, — все это словно сохраняло дух минувшей эпохи. Но впечатление было ошибочным: «Наша страна» внимательно всматривалась в процессы, проходящие в постсоветской России, пристально анализировала их, оценивая события и политические шаги новой плеяды деятелей строго «со своей колокольни», не поддаваясь на миражи неолиберальных «моделей развития».

Дружную команду авторов «Нашей страны» возглавляли Михаил Владимирович Киреев, на плечах которого держалось все техническое-издательское обеспечение, и главный

редактор Николай Леонидович Казанцев, ответственный за литературно-публицистическую часть газеты. Н. Казанцев — известный аргентинский журналист, автор прогремевшей на всю страну книги о Мальвинской войне¹; только он из всей пишущей и радиотелевизионной журналистской братии Аргентины сумел попасть на архипелаг, чтобы стать свидетелем и хроникером тех трагических событий. Без помощи М. Киреева и Н. Казанцева мне было бы невозможно выстроить цельное повествование о человеке, который не только бросил вызов сталинской машине уничтожения, но и отважился в те далекие сложные времена задавать себе мучительные вопросы: каким путем должна идти многострадальная Россия? На какой духовно-идейной основе? Кто должен возглавить ее возрождение?

Полезный фактологический материал я получил благодаря переписке с «женами Солоневичей», которые перешагнули 90-летний порог, — Рут (Рутикой) — спутницей Ивана Лукьяновича в военные и послевоенные годы, и Ингой, хранительницей художественного наследия покойного Юрия Солоневича, сына писателя.

В поисках истины в отношении не проясненных эпизодов из жизни И.Л. Солоневича мне существенно помогли Игорь Воронин, зам. редактора газеты «Монархист», организатор ставших традиционными научных конференций, посвященных писателю-публицисту, и кандидат исторических наук Кирилл Чистяков, исследователь творчества Солоневича, современных ему процессов в Русском Зарубежье, в том числе, эволюции РОВСа².

¹ *Мальвинская война* — война между Великобританией и Аргентиной за Мальвинские (Фолклендские) острова (апрель — июнь 1982 г.) в Южной Атлантике. Закончилась победой Великобритании. — *Примеч. ред.*

² РОВС (Русский общевоинский союз) основан в Бельгии 1 сентября 1924 года бывшим главнокомандующим Русской армии генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем. Союз создавался не как политическая организация, а с целью сохранения идеологии, традиций и заветов русского воинства для передачи их в будущем национальной Российской армии. По замыслу основателей РОВСа, главной задачей Союза был не приход к власти, а «служение России». РОВС претендовал на роль «единственного правопреемника Российской Императорской армии и армий Белых фронтов гражданской войны в России».

В ходе работы над книгой мне удалось отыскать редкие фотографические материалы, освещающие разные этапы жизни «клана Солоневичей». Исключительно полезной была помощь Эда Митчелла, профессионального фотографа из города Роаноук (Roanoke), штат Вирджиния (США), являющегося другом семьи Солоневичей. Он содействовал реставрации и пересылке не публиковавшихся прежде фотографий из семейного альбома Солоневичей. Не могу не упомянуть Веру Бурляй, которая по просьбе автора провела дополнительную фотосъемку памятных мест писателя в Монтевидео.

Иван Солоневич отстаивал свои взгляды до последнего вздоха, устоял против «воздействий» на него бомбами, провокациями и клеветой. Он выдюжил, — не напрасно его любимым былинным героем был Микула Селянинович, здравомыслящий мужик, обладатель крепкого характера и неодолимой силы, каковой было не занимать самому Ивану, имя которого с почтением упоминалось в спортивной хронике дореволюционных лет. Говорят, Солоневич и с борцом Поддубным тягался на равных.

В одной из статей Солоневич произнес оду крепкому кулаку как необходимому фактору выживания в сложные переходные эпохи: «В этих условиях звериной борьбы, кулачного права, быта, который временами опускается до доисторического уровня, физическая сила играет огромную роль... Но только при переходе России от двадцатого к доисторическому веку я понял все преимущества обладания огромным кулаком. К физической силе и к огромному кулаку плебс всегда относится с почтением. Иногда даже с бескорыстным и мистическим почтением. Превосходство моральное и интеллектуальное — вещь темная и не всегда понятная. Кулак прост, осязаем и внушителен. Кулак беспорен. В особенности он беспорен в тех случаях, когда на прилепленной над ним физиономии выражается достаточно ясная решимость в нужный момент пустить его в ход»¹.

Чтобы уцелеть и быть услышанным «в условиях звериной борьбы» Ивану Солоневичу потребовались не только кулаки, но и самостоятельно мыслящая голова, особый мужицкий взгляд на события прошлых веков и XX столетия. Он

¹ Солоневич И. Послесловие «Большевизм и женщина» // Солоневич Т. Три года в Берлинском полпредстве. «Голос России», 1938. С. 242—243.

жаждал выкрикнуть в мир то, что наболело, накипело в его душе после скитаний в зловещем мире тоталитарных лидеров и идеологий. Каких невероятных усилий это ему стоило! Накануне высылки из Аргентины в Уругвай он сказал своему другу-священнику:

«Моя жизнь была рискованной Одиссеей, вечной попыткой пробиться на волю между молотом и наковальней, а точнее — НКВД, гестапо и другими подобными сектами и организациями. Я устоял, но с какими потерями, друг мой, с какими потерями! И я имею в виду не только здоровье. И если ты меня спросишь, стоило ли это понесенных жертв, я отвечу, что да, — стоило! Я не утопический монархист-одиночка, верящий в лубочно-райское русское царство. Я, вопреки всему, верю в ту грядущую мощную страну, которая обязательно будет, которая неизбежно воспрянет, преодолев коммунистический режим и его рабские, унижительные для каждого русского, порядки».

Вопрос об идеальном способе управления Россией Иван Солоневич решил для себя раз и навсегда еще в молодости. При любых вариациях «политической конъюнктуры» и соотношения сил на мировой арене он стоял на своем: «Русская монархия есть морально и технически наиболее совершенный в истории способ управления государством».

До последних дней жизни Солоневич пытался доказать соотечественникам, что другого пути у России и русского народа нет. Отсюда и название его фундаментального труда-завещания «Народная монархия»...

Мечта о чемпионских лаврах

Иван Лукьянович Солоневич родился в местечке Цехановец Гродненской губернии 1 ноября 1891 года¹. Его мать —

¹ Ныне Цеханув — город на севере Польши, являющийся административным центром одноименного воеводства. Именно в Цехануве крестьянский сын по имени Иоанн был крещен 12 ноября 1891 года, о чем имелась соответствующая запись в метрической книге Цехановецкой церкви Бельского уезда Гродненской губернии. Эти данные приводит Исмагулова Т.Д. в статье «И.Л. Солоневич в Санкт-Петербурге» (см.: Материалы II Конфе-

Юлия Викентьевна, урожденная Ярушевич, выросла в семье бедного деревенского священника, была девушкой строгих правил, с нелегким характером. Отец — Лукьян Михайлович — крестьянских корней, по словам Ивана, «в детстве пас свиней». Иван не раз подчеркивал в своих статьях, что вырос в «мужицко-поповской семье», «очень консервативной и религиозно настроенной». Правда, Иван был далек от истового соблюдения православных ритуалов. Объяснял он это так: «В Бога я верую крепко, хотя церковных обрядов и не выполняю. Семеро моих дядьев были священниками — это несколько отбивает охоту к исповеди»¹.

Кроме Ивана — старшего, у Юлии и Лукьяна было еще трое детей: Всеволод, Борис и Любовь. В семье Солоневичей культивировалась русская культура, русская традиция: «У меня в Белоруссии живут родичи крестьяне, — писал по этому поводу Иван. — Если я считаю, что вот лично мне русская культура, общерусская культура, включая сюда и Гоголя, открыла дорогу в широкий мир, почему я не имею права желать той же дороги для моих родичей. Я часто и подолгу жил в белорусской деревне; и мне никогда и в голову не приходило, что мои родичи не русские. И им тоже»².

После учительской семинарии отец Ивана работал в деревенской школе. Тогда же он стал писать статьи консервативно-монархического толка в газеты Гродно.

Гродненский губернатор П. А. Столыпин обратил внимание на способного учителя, помог ему перебраться в город, устроиться чиновником «по статистике», всячески поддерживал его и в «Белорусском Обществе», и в качестве издателя газеты «Белорусская Жизнь» (первый номер вышел в 1909

ренции, 2005). В некоторых исследованиях о Солоневиче в качестве места его рождения указывается село Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии. Необходимо отметить, что при оформлении удостоверений личности в Аргентине (1948) и Уругвае (1953) Солоневич указал в качестве места рождения Городню Гродненской области, а датой рождения — 19 декабря 1891 года.

¹ Из письма А.Ф. Соловьеву в Китай, 15.03.37. Борис Солоневич приводит несколько иную «статистику»: «Среди родных — два деда и пять дядей были священниками».

² Солоневич И.Л. Россия в концлагере... С. 204. Борис Солоневич, рассказывая о семейных истоках, неизменно подчеркивал: «У всех была чисто славянская кровь, белорусы — самые чистые славяне».

году). Газета имела четкую прорусскую тенденцию, предавая гласности факты ополячивания и окатоличивания белорусов. В трудные для газеты моменты Столыпин помогал деньгами — причем, не из казенных, а из личных средств¹.

Благодаря своей настойчивости и крепкому характеру Лукьян Михайлович смог выбиться в люди, стать в Белоруссии заметной политической фигурой, даже претендовать на избрание в Государственную Думу.

Для Ивана отец был самой авторитетной личностью. Лукьян Солоневич своей начитанностью и образованностью заметно выделялся среди современных ему белорусских политиков и журналистов. Он критически воспринимал многие стороны жизни в Российской империи, но с уважением относился к существующему порядку вещей, считал, что насильственная ломка того, что создавалось столетиями, приведет к общерусской катастрофе. По мнению Ивана, у отца был только один недостаток — «почтительность к губернаторскому мундиру». Но и в этом случае он умел настоять на своем: «Конфузился, извинялся и продолжал вести свою линию».

Несмотря на поддержку Столыпина, семья временами очень нуждалась. Скорее всего, по этой причине Лукьян Михайлович стал по-любительски заниматься научно-исследовательской деятельностью, экспериментируя с молочнокислыми бактериями, стараясь создать «коммерчески перспективный» молочный продукт. (После Октябрьской революции у Лукьяна Михайловича, игнорировавшего советскую власть и все с нею связанное, кефир «Лукьяновка» домашней выработки станет главным источником доходов).

Как ни старался Лукьян Михайлович, он не мог оплачивать учебу старшего сына в Гродненской гимназии. По свидетельству друга детства Ивана — Льва Рубанова, — Лукьян Михайлович, «забирая сына из гимназии» после трех лет учебы, руководствовался и другими соображениями. В 1904—1905

¹ Нынешние ультрапатриоты в Белоруссии относятся к Лукьяну Солоневичу резко критически. Один из них оставил на сайте «История Беларуси — История Большой Литвы» такую запись: «Л. Солоневич — это классический чиновник — представитель русификаторской идеологии Российской империи в Беларуси, идеологии XIX века, — «западно-русизма». Короче, обычный царский чиновник, которому Российская империя платила зарплату за русификацию белорусов».

годах гродненские гимназисты поддались всеобщему политическому возбуждению, «ходили на демонстрации, присоединялись к толпе и пели революционные песни»¹. Лукьян Михайлович опасался, что Иван «наберется тлетворного революционного духа».

Его тревоги были напрасными. Сын прочно усвоил слова отца о недопустимости разрешения конфликтов в обществе насилием, об эволюции, как единственно возможном способе достижения общественного благополучия и государственного прогресса, о том, что частная собственность — неприкосновенна. Самые лучшие условия для народного развития и процветания, по убеждению Лукьяна Михайловича, создавало самодержавие. Основы будущей имперской идеологии Ивана — это, прежде всего, — влияние отца. Неудивительно, что всю свою жизнь Иван был последовательным врагом революций, под какими бы «этикетками» они ни навязывались обществу. Иван говорил: «Да, я с юных лет моих «отбросил революцию», как и революция отбросила меня»². Для него любая революция была преступлением. И доказывал это Иван простейшей аксиомой: если грабеж и убийство — криминальное деяние, почему они перестают быть таковыми, когда число их увеличивается в сто тысяч или миллион раз? По мнению Солоневича, «грязную уголовную хронику великих революций» так и надо подавать: как грязную уголовную хронику, а не как романтические, хотя и кровавые взлеты в надмирные высоты».

Иван не раз писал о той эпохе своей жизни, не романтизируя ее, как обычно бывает у мемуаристов, когда речь идет о детских и подростковых годах: «Я вышел из третьего класса гимназии отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутины я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм. Но тот день, когда я покинул захолустную гродненскую гимназию, был, пожалуй, таким же радостным, как день перехода советской границы»³. Началась взрослая жизнь.

¹ «Наша страна», № 1709, 23.04.83.

² Солоневич И. Л. Диктатура слоя. Буэнос-Айрес, 1956. С. 103.

³ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // «Наша газета», № 35, 19.06.39.

Иван брался за любую работу, что способствовало его быстрому возмужанию, формированию внутренней независимости, уверенности в себе. Все заработанные деньги Иван отдавал «в семью». Когда требовалось, он смело отстаивал свои интересы, в том числе «авторитетом кулака». Известен случай, когда Иван, по просьбе некоего «почтово-телеграфного чиновника» два месяца выполнял его служебные обязанности, но вознаграждения в обещанном размере не получил. Чиновник «в порядке законной компенсации» получил хорошую трепку, а Иван попал под надзор полиции «за оскорбление действием» государственного служащего.

Когда отец начал издавать газету «Белорусская жизнь», Иван немедленно подключился к делу и стал его главным помощником. Друг Ивана Лев Рубанов так вспоминал об издательской деятельности семьи Солоневичей до Первой мировой войны:

«Окончив гимназию в 1912 году, я вернулся (из Сувалок) в Гродно к родителям. В это лето Лукьян Михайлович издавал газету «Северо-Западная Жизнь», где Ваня исполнял обязанности секретаря редакции. Редакция помещалась на втором этаже в доме Библина на углу Садовой и Телеграфной улиц. Мне же Лукьян Михайлович предложил быть театральным рецензентом, что очень мне импонировало, так как я имел постоянное место во втором ряду в гродненском театре».

В рекламной «врезке» в книге «Вся Вильна, 1911 год» о курсе газете говорилось следующим образом: «Внимательно следя за всеми событиями государственной и общественной жизни в России и за границей и давая им беспристрастное освещение на своих страницах, «Белорусская Жизнь» главное внимание будет сосредоточивать на обслуживании местных, краевых интересов, на выяснении взаимоотношений населяющих край народностей и на примирении их на почве справедливости, ни на минуту не забывая при этом, что Северо-Западный край — Белоруссия — есть нераздельная часть Великой России, что господствующее положение в нем должно принадлежать белорусу — родному брату великоросса и малоросса, что в тесном единении этих трех племен залог могущества государства».

«Белорусская Жизнь», позже — «Северо-Западная Жизнь», — вела острую полемику с либерально-буржуазной

газетой «Наше Утро», которая имела «финансовых покровителей» среди местных еврейских предпринимателей. Для «Нашего Утра» «Северо-Западная Жизнь» была реакционно-охранительным, шовинистским изданием, отвергавшим «веяния прогресса в стране, обществе и культуре». Для «Северо-Западной Жизни» ее соперник был «пропагандистом разрушительных для единства России идей». Газету «Наше Утро» издавал студент Психоневрологического института Мейлахович, отец которого был владельцем типографии. Мейлахович «воевал» с проправительственной газетой, поддерживаемой Столыпиным, и при упоминании ее непременно «допускал опечатку» — «Скверно-Западная жизнь». Лукьян Михайлович свирепел в таких случаях, и на следующий день отвечал сопернику далеко не в джентльменских терминах. Вот они — первые полемические университеты Ивана.

Гонораров он не получал — газета своя, какие гонорары! Но однажды отец, в порядке поощрения, подарил Ивану часы, первые наручные часы в его жизни.

Молодость братьев требовала сильных ощущений, постоянного выплеска физической энергии. Они увлекались спортом, были активными членами «Сокола». «Сокольство» как гимнастически-воспитательное движение началось в Чехии (тогда части Австро-Венгерской империи). Создателем этой спортивной системы был доктор Мирослав Тырш, чех по национальности, славянин по духу. Сокольскую гимнастику он выработал, используя свои глубокие медицинские познания, и она быстро приобрела популярность, особенно в странах Восточной Европы. Первоначально в России к «сокольству» относились настороженно, считая, что это «спортивное прикрытие» деятельности революционеров. С легкой руки П.А. Столыпина, понимавшего важность физического воспитания народа, «сокольство» в России пошло в гору. Гимнастика по системе Тырша была введена в русских учебных заведениях, офицерских школах и даже в войсках. Лукьян Михайлович — верный последователь Столыпина, разумеется, поощрял участие сыновей в «Соколе».

Отражением спортивных увлечений Ивана стали его газетные «заметки» на футбольные, боксерские и тяжелоатлетические темы. Эти материалы печатались в «Северо-Западной

Жизни», чаще всего без подписи. К более серьезным проблемам, прежде всего международным, Иван стал обращаться с октября 1912 года. По оценке одного из биографов Солоневича, «даже названия очерков, корреспонденций, заметок и передовиц говорят о становлении нового политического публициста всероссийского калибра: «Балканский кризис», «Польско-еврейская распря», «Drang nach Osten», «Русская точка зрения», «Австро-русские отношения»¹.

Иван, несмотря на свои трудовые (любая работа, но чтобы честно платили!) и спортивные нагрузки, настойчиво занимался самообразованием. В мае — начале июня 1912 года в Вильно он сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Секретарь экзаменационной комиссии вручил ему соответствующее «Свидетельство»: «хорошо» за знание истории, географии, законовведения, немецкого и французского языка, Закона Божьего. На «удовлетворительно» Иван сдал физику и математику, философию и латинский язык, а также русский язык и словесность. Последнее его огорчило, но строгость экзаменаторов была понятна: белорусский говор да еще косноязычие (заикание после сильного испуга в раннем детстве) сильно сказывались на его речи.

Экзамен по русскому языку подвел Ивана при поступлении на экономический отдел политехникума. Его спросили о правописании деепричастий, о котором Иван «не имел никакого понятия». С тройкой по столь важному предмету в техникум не брали. Утешением стало то, что его зачислили на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где к поступающим не предъявлялось особенных требований. О карьере адвоката Солоневич даже не мечтал (при его-то косноязычии!), но для «общего развития», необходимого для журналистской работы, высшее образование было необходимо. В университете Солоневич проучился без перерыва шесть семестров, до весны 1915 года. Затем в его жизнь вмешались «форс-мажорные обстоятельства», и стены университета пришлось покинуть...

¹ Воронин И. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель. В сборнике материалов 1-й научно-практической конференции. СПб., 2004. С. 6.

На рубеже 1912—1913 годов Лукьян Михайлович разошелся с женой. Причиной стала другая семья, которая появилась у него во время деловых поездок в Санкт-Петербург. Почти десять лет Лукьян жил «на два дома». Но все тайное становится явным. Анонимный «доброжелатель» из столицы прислал в Гродно сочувственное письмоце Юлии Викентьевне. Юлия Викентьевна измены не простила, и в порыве гнева наговорила всего, вплоть до проклятий. После этих тяжелых для всех событий семья распалась.

Иван, связанный с отцом не только родственными узами, но и общим делом издания «Северо-Западной Жизни», оказался в сложной ситуации.

Юлия Викентьевна, никогда не сидевшая без дела, сумела взять себя в руки. Всеволод и Люба были ее главной поддержкой. Как и прежде, в трудные для семьи времена, мать зарабатывала на жизнь обшиванием богатых дам и рукодельем, не забывая о ежедневных посещениях церкви. Она словно чувствовала, что жизнь ее на исходе. Действительно, после «непродолжительной, но тяжелой болезни (воспаление легких) она почилла в Бозе». Именно такое извещение появилось в № 103 газеты «Северо-Западная Жизнь» 2 мая 1915 года. Даже находясь на смертном ложе, Юлия Викентьевна не могла переломить себя: она отказалась видеть бывшего мужа, а для сыновей, оставшихся с ним, не нашла ни одного доброго слова...

Осенью 1913 года Иван Солоневич женился на Тамаре Владимировне, урожденной Воскресенской, чем нарушил университетский устав: он был обязан просить у ректора разрешение на брак. О столь серьезном «проступке» в университете стало известно — донёс кто-то из сокурсников. Было проведено расследование, но «самовольство» Ивана последствий не имело, разразившаяся мировая война списала все.

Тамара окончила казачий институт благородных девиц в Новочеркасске в 1911 году с высшей наградой — с золотым шифром¹. Она обладала незаурядными лингвистическими способностями, хорошо владела французским, английским и немецким языками, была начитанной девушкой, и не могла не

¹ Донской Мариинский институт благородных девиц закрытого типа. В него принимались только девицы из привилегированных сословий.

произвести впечатления на Ивана своей эрудицией в области истории России, доскональным знанием трудов Соловьева.

Отец Тамочки, полковник В.И. Воскресенский, оставил свой след в истории тем, что входил в комиссию по делимитации русско-японской границы на острове Сахалин. В годы Первой мировой войны Воскресенский занимал пост начальника штаба дивизии. По свидетельству Солоневича, «это был человек исключительного остроумия и единственный по тем временам, который предсказал: война будет длиться не полгода и не год, — а черт его знает, сколько времени, и кончится, черт его знает, чем. Я, в числе очень многих людей того времени, отнесся к этому пророчеству весьма иронически»¹.

В 1933 году, когда чекисты всерьез взялись за Солоневичей, из выездного досье Тамары была извлечена и приобщена к оперативной разработке ее автобиография: «Дочь акушерки (внебрачная), родилась 11 апреля 1894 года в Одессе, украинка по национальности, родной язык — русский. Образование — выше среднего, служащая, беспартийная, под судом не была. До 1913 года жила на средства матери. В 1913 и 1914 годах, будучи учительницей, ездила пополнять образование на летние курсы в Париже. До 1915 года являлась преподавательницей французского языка в Минской гимназии. После эвакуации из города (в связи с немецким наступлением) выехала в Москву, где с 1915 по 1917 год жила с матерью по адресу — ул. Долгоруковская, 32».

В этой автобиографии нет, конечно, ни слова об отце-полковнике, казачьем институте благородных девиц, других «неподходящих» родственниках, включая дядю — генерала А. Сташевского, служившего в Казани. А сведения о матери-акушерке подозрений «классового характера» не вызывали, как и то, что Тамара — «внебрачная дочь». Она также сочла за лучшее скрыть, что в 1915—1917 годах жила вместе с Иваном в Петербурге. В Москве она, конечно, бывала, но только наездами, чтобы погостить у матери.

Летом 1914 года Иван и Тамара совершили поездку в Париж. Первую половину дня Тамара проводила на курсах по усовершенствованию французского языка. Иван знакомился с

¹ Солоневич И.Л. Послесловие к книге Т. Солоневич. С. 237.

организацией спортивного дела в местных клубах. Он серьезно относился к расширению познаний в сфере физкультуры и спорта, считал для себя перспективной эту работу. В ближайшие планы Ивана входило открытие гимнастического общества «Сокол» и организация команд по футболу и легкой атлетике в Минске.

После полудня Иван и Тамара, по заведенному ими порядку, встречались в заранее назначенном месте, обедали и, прихватив «Бедекер», отправлялись бродить по городу. Тамара считала необходимым «повышение культурного уровня» мужа. В обязательную программу входило посещение музеев и исторических достопримечательностей. Один из первых визитов был сделан в Пантеон с гробницей Наполеона. Тамара была влюблена во французскую культуру, обожала местную кухню, жаждала развлечений, — и Иван старался ни в чем не перечить молодой жене...

О годах, проведенных в университетских стенах, Иван Солоневич вспоминал часто. В числе его сокурсников был поэт Николай Гумилев, известный своими монархическими убеждениями, а среди преподавателей — «витийствующие» профессора, авторы нашумевших философских и политико-экономических книг, в которых на всякие лады доказывалось, что Россия созрела для перемен, «судьбоносных перемен», если использовать сегодняшнюю формулу. В своих лекциях ученые мужи с жаром проповедовали идеалы свободы, равенства, братства, а, следовательно, радикального обновления России. Как писал впоследствии Солоневич об университетских преподавателях, «почти все они были марксистами», использующими «немецкие шпаргалки». По мнению Ивана, «душа всякого русского профессора была сшита из немецких цитат».

Одного из них он выделил особо — профессора М.И. Туган-Барановского, читавшего курс политической экономии. Студент Солоневич очень ненадолго увлекся этой наукой, считая, что использование ее постулатов позволит ему не только «правильно» интерпретировать сложные процессы, происходящие в России, но и наметить пути в будущее, чтобы с четко выверенных позиций обустроить российскую жизнь. Студент-белорус, жадно впитывавший каждое слово, произнесенное с кафедры, и задававший несколько корявые, но не-

изменно острые вопросы, не мог не привлечь внимания мэтра. Они встретились несколько раз за пределами университетских стен, но настоящего сближения не произошло. Солоневич так прокомментировал ситуацию: «По тем временам — 1912—1916 годы — я возлагал некоторую надежду на науку политической экономии. Наука, в лице профессора Туган-Барановского, возлагала некоторые надежды и на меня. Кажется, разочаровались обе стороны».

В недолгие месяцы близкого общения с профессором Иван проштудировал тома «Капитала», познакомился с трудами российских последователей К. Маркса, в том числе самого Туган-Барановского и П.Б. Струве. Вспоминая о «заблуждениях» студенческих лет, Солоневич писал: «Если бы это было юридически возможно, в эмиграции я предъявил бы проф. Туган-Барановскому иск за нанесение увечий моим мозгам: сейчас мне совершенно ясно, что после курса у проф. Туган-Барановского, я во всем, что касается народного и вообще человеческого хозяйства, вышел еще большим дураком, чем был до курса. Можно было бы предъявить и иск об изувеченной жизни: наука товарища Туган-Барановского проповедовала как раз те пятилетки, которые на нас всех и свалились».

Критикуя профессора, Солоневич отметил, что ему ясны и «смягчающие вину обстоятельства»: «Проф. Туган-Барановский, — и прочие иже с ним — был просто глуп».

Эту оценку научной «состоятельности» профессора вряд ли стоит квалифицировать только как оскорбительный выпад «реакционного публициста», не сумевшего увидеть рациональных элементов в научных построениях Туган-Барановского. Известная эмигрантская писательница А. Тыркова-Вильямс, которая имела возможность общаться с ученым, писала: «Не Туган выдумал социализм и связанные с ним экономические теории. На это у него не хватило бы воображения. Но мозги его обладали редкой емкостью для впитывания книжного материала. Он мог наизусть цитировать Карла Маркса и Энгельса, твердил марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран. Экономический материализм был для него не только научной истиной, но святыней. И он, и Струве были совершенно уверены, что правильно приведенные изречения из «Капитала» или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешают все сомнения, все споры. А если еще указать, в каком издании и на какой стра-

нице это напечатано, то возражать могут только идиоты. Для этих начетчиков марксизма каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна».

Тыркова-Вильямс упомянула еще об одной слабости Туган-Барановского и близких к нему ученых: почти полное равнодушие к живым людям, для которых сочинялись все эти «передовые теории», оказавшиеся впоследствии «мертвой каballистикой». А, все-таки, как отразятся эти иностранные теории, если их приложить к русским людям, к русской жизни вообще? Тыркова-Вильямс, как и Солоневич, проронила в адрес профессора слово «дурак» и тут же, смягчила его: «Это... очень упрощенное суждение. Дураком Туган, конечно, не был, но была в нем доля нелепости, слепоты, иногда граничащей с тупостью...»¹

Учеба, газетная работа и семейная жизнь не препятствовали страстному увлечению Ивана спортом. Наибольших успехов, дружно отмеченных прессой того времени, Солоневич добился на всероссийском первенстве в Риге в феврале 1914 года. Иван выступал от минского атлетического общества «Sanitas» в соревновании по подниманию гирь. Несколько фунтов не хватило ему, чтобы побить мировой рекорд в выжимании правой рукой, который принадлежал тогда известному атлету А. Елисееву. Ивану вручили серебряную медаль. Спортивные журналисты заметили способного новичка, выступавшего в тяжелом весе. Технической подготовленностью Солоневич не блистал, но его огромная сила поразила всех: этот белорус обязательно добьется чемпионских лавров! Лукьян Михайлович не без гордости помещал в своей газете заметки о спортивных достижениях сына: «Знай, мол, Солоневичей! Они себя еще покажут!»

Увы, не показали: разразилась мировая война, и о завоевании чемпионских титулов пришлось забыть.

Большая часть российских студентов встретила войну с энтузиазмом. И не только студенты: в газетах писали — всеобщий патриотический подъем! Солоневич вспоминал: «Осенью 1914 года студенчество поперло в офицерские школы — добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев

¹ См.: Тыркова-Вильямс *Ариадна*. На путях к свободе. Overseas Publications Interchange Ltd, London, 1990. С. 35—36, 39.

шесть. Правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости»¹.

24 февраля 1915 года Иван Солоневич стал официальным издателем, а отец — редактором газеты «Северо-Западной Жизни», которая сменила адрес — переехала в Минск. Иван пробыл на этом ответственном посту до сентября 1915 года. Он много писал в это время, и, по оценке биографа И. Воронина, в свои двадцать пять лет хорошо овладел «жанровой палитрой журналистики, постиг основы полемического искусства». В серии очерков (более 70!) под общим названием «Дневник войны», Иван Солоневич, «безусловно, превзошел средний уровень провинциальной журналистики»².

Обстановка на фронте в 1915 г. была сложной и переменчивой: под натиском немцев пал Ковно, и, казалось, та же участь ожидает Вильно, но большим напряжением сил русской армии врага все-таки удалось отбить. Потом последовал прорыв немецкой кавалерии до Молодечно, что породило обвал слухов: враг, мол, сумел перерезать железную дорогу на Москву и даже выбросил конную разведку под Минск. Слухи легко рождались и с такой же легкостью пропадали. Даже после череды тяжелых поражений не хотелось верить, что армия кайзера овладеет Минском. Молодой журналист оставил насыщенную фактами и «подтекстами» зарисовку жизни в городе:

«В Минске было спокойно и беззаботно. Сюда были перенесены управление Варшавско-Виленской ж.-д., варшавские и потом виленские губернские учреждения; лодзинские фабриканты скупали в городе и в его окрестностях земельные участки для своих предприятий; многие варшавские и лодзинские фирмы перенесли свои магазины в Минск; перекочевало даже «Варшавское Утро», занявшись на минской почве фабрикацией варшавских сенсаций.

Город жил необычайно интересной жизнью. Массы беженцев, — большей частью состоятельных купцов и промыш-

¹ Солоневич И.Л. «Великая фальшивка Февраля» и другие статьи. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. С. 132.

² Воронин И. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель // Материалы 1-й научно-практической конференции, СПб., 2004. С. 7.

ленников Польши, тыловые учреждения, офицерство, переезжающее и наезжающее в город, — все это давало великолепные гешефты минскому еврейству. Непомерное вздутие цен, только отчасти сдерживавшееся таксами и обязательными постановлениями, тяжким бременем ложилось лишь на плечи русского чиновничества с его неизменившимся жалованьем. Улицы, кафе, рестораны, кинематографы вечно кишели развлекающейся публикой, и только изредка толпы пленных и санитарные автомобили говорили о недалеких ужасах войны»¹.

По цензурным соображениям Иван избегал «сгущения красок», шокирующих подробностей этого «пира во время чумы». Но не удержался, включил в статью «В Минске» описание не раз виденных им сцен бегства белорусских мужиков с насиженных мест, хотя был уверен, что безжалостная рука цензора их не пропустит. Цензор пропустил:

«Самое ужасное, это — беженцы-крестьяне. Вросшие в свою родную землю, они срываются с нее только в ту последнюю минуту, когда враг находится в расстоянии нескольких верст и когда соседние деревни охвачены дымом пожаров. Вozy с захваченным имуществом представляют собою нагромождение часто самых ненужных вещей: тут старые ведра, кухонная посуда, грабли. Часто нет зимней одежды, в суматохе забытой в заветных углах «скрын» и чердаков. Как общее правило, крестьяне захватывают коров, свиней, баранов, если только интендантство не реквизирует их вовремя для надобностей войск... Но на дороге часто нечего есть и людям, не только коровам... На выручку приходит неизбежный еврей-перекупщик, и корова идет за 50 коп. — 1 рубль»².

В Минске, несмотря на нагрузки по изданию газеты, Иван пользовался любой возможностью для «накачивания» мускулов, тренировок с гирями, игры в футбол. Братья приобрели популярность среди футбольных болельщиков Минска. Они называли Солоневичей «чемпионами Кокшарской площади», именно там находилось игровое поле. Но война приближалась к городу. Из-за осложнившейся ситуации на фронте, угрозы немецкого прорыва многие управленческие органы, учреждения, ведомства, типографии и редакции были эвакуи-

¹ «Новое время», № 14197, 18.09.15. Статья И. Солоневича «В Минске».

² Там же.

рованы из Минска. Издание газеты пришлось приостановить. Солоневичи думали, что на несколько месяцев, оказалось, — навсегда.

Иван вернулся в Санкт-Петербург. Имевшийся у него опыт работы в провинциальной прессе был явно недостаточным, чтобы рассчитывать на «теплый прием» в столичных газетах. . Все пришлось начинать с нуля, бегать по редакциям в поисках работы, писать разовые репортажи, выбивать гонорары. Как вспоминал Иван, это были голодные месяцы, когда он спал на одеяле, постеленном на полу, прикрываясь летним пальто (другого не было). Тамочка ожидала ребенка, и поэтому находилась в Москве, под присмотром матери. Свободный от семейных обязанностей, Иван смог «подрабатывать» нештатным судебным хроникером в тех петербургских газетах, которые не претендовали на первые роли в иерархии столичных изданий.

Далеко не все газеты были приемлемы для Ивана по своей идейной направленности. Он нуждался в твердом заработке, чтобы содержать семью, но кривить душой, изменять своим убеждениям не мог даже под угрозой голода. Свои взгляды Иван формулировал просто и категорично: монархия, православие, патриотизм. Либеральные веяния с «розовой подкладкой» были для него неприемлемы, хотя именно эти «веяния» все больше определяли «политический климат» в столице.

Врожденные «пробивные способности» позволили Ивану сравнительно быстро найти подходящее место: в консервативной газете «Новое Время», которая, по оценке Солоневича, «всегда боролась с революционным движением, с которым боролся и я». Либералы считали, что газету правильнее было бы называть «Чего изволите», но это было мнение либералов, которые всячески вредили существующей власти и подталкивали страну к революции. Сотрудники газеты знали, что Николай Второй начинал свой день с чтения «Нового Времени», и гордились этим. Фотография царя с газетой в кармане тужурки висела во многих кабинетах редакции, причем не только в «рекламных целях». Газета последовательно защищала самодержавие, отстаивала раз и навсегда определенную позицию: Россия без царя обречена на долгие годы нестабильности, хаоса и, возможно, распада. Николай Второй был символом стабильности.

«Новое Время» слыло газетой антисемитской, скорее всего потому, что некоторые авторы, включая таких корифеев, как

М.О. Меньшиков и В.В. Розанов, затрагивали в своих писаниях «еврейский вопрос», чаще всего в контексте назревающего многовекторного кризиса империи. Однако хозяин газеты А.С. Суворин антисемитом не был. В своей «кадровой политике» он руководствовался исключительно деловым критерием: если ты способен, талантлив, инициативен, способствуешь финансово-коммерческому успеху газеты, следовательно, ты достоин работы в ней без каких-либо оговорок. Его правой рукой по вспомогательно-административным делам был некий Шмулевич, а в обойму постоянных пишущих сотрудников входили евреи Гольдштейн, Шайкевич, Манасевич-Мануйлов и другие.

Солоневич любил вспоминать о своих хитроумных маневрах по завоеванию места под «нововременским» солнцем:

«А.М. Ренников¹ помог мне устроиться во внутреннем отделе на обзорах провинциальной печати. Я до сих пор не могу забыть того большого и дружеского участия, которое оказал мне А.М. Ренников, он тогда редактировал внутренний отдел. Но я хотел работать более всерьез. Редактор информационного отдела Ф.Ф. Борнгардт заявил мне, что он меня в этот отдел не пустит, — для такого заявления у него были все основания. Я сказал, что я пройду. «Нет, не пройдет». — «Ну, посмотрим». Я сделал маленький трюк... Изучил все слабые стороны нововременской информации, дал несколько важных заметок Борнгардту, он их не пустил. Две соответствующие заметки дал в какую-то другую газету, а с рукописью третьей пошел прямо к М.А. Суворину, взяв с собою все предыдущие произведения. Борнгардт едва не вылетел из «Нового Времени» совсем, что нам не помешало впоследствии поддерживать самые дружеские отношения. Так я стал работать в «Новом Времени». И так я получил доступ к политическому быту и политической технике двух последних лет императорской России»².

Роскошное здание редакции стало для Ивана вторым домом. Он с головой окунулся в черновую газетную работу, и не тяготился ею, понимая, что претендовать на первые роли

¹ Ренников (Селитренников) А.М. (1882—1957) — прозаик, драматург, фельетонист, постоянный сотрудник газеты «Возрождение».

² Солоневич И. Пути, ошибки и итоги. Белая Империя. М.: 1997. С. 280—281.

в суворинском издании рано. Когда-нибудь он будет писать не хуже, чем «первые перья» «Нового Времени». Его час еще настанет.

Если не было срочных репортерских заданий в городе, он усаживался за рабочий стол, заваленный губернской прессой. Из этого «чернового материала» надо было выбрать «жемчужины» — наиболее интересные факты для колонки провинциальных новостей и, если повезет, собственного «авторского» материала на страничку-полторы.

Тамочка ожидала ребенка, очень тревожилась и поэтому находилась в Москве, под присмотром матери. Свободный от семейных обязанностей, Иван смог «подрабатывать» нештатным судебным хроникером в тех петербургских газетах, которые не претендовали на первые роли в иерархии столичных изданий.

15 октября 1915 года Тамара родила сына, который был назван Юрием. В конце ноября она вместе с сыном вернулась в Санкт-Петербург. С заработками у Ивана было не густо. По этой причине пришлось несколько раз менять квартиры. Их последнее «предреволюционное» жилище было более чем скромным: «Мы с семьей — моя жена, сынишка размером в полтора года, и я — жили в крохотной квартирке, на седьмом этаже отвратительного, типично петербургского «доходного дома». Окна выходили в каменный двор-колодезь, и в них даже редко проникали солнечные лучи».

Это был важный период в жизни Солоневича, уверенного в себе молодого человека с «мужицко-спортивной хваткой», проницательного и наблюдательного, с четкой жизненной целью: создать себе имя в российской журналистике. Конкурировать с авторитетными сотрудниками «Нового Времени» Иван еще не мог и старался «набирать очки» тем, что безотказно выполнял срочные репортерские задания или же писал небольшие, часто «безымянные» заметки на текущие, не всегда интересные для него темы. Корифеям газеты платили по 20—40 копеек за строчку (например, В.В. Розанову — 50!), «подмастерьям», наподобие Ивана, — от 3 до 5 копеек.

Размер гонораров определял образ жизни журналистов: привилегированные, как правило, были завсегдатаями дорогих ресторанов, славились кутежами, крупными проигрышами в

казино, похождениями с артистками, имели доступ в высший свет и часто были конфидентами финансово-промышленных воротил. Если требовалось «свалить» министра, «мешающего» чиновника или повернуть доходное дело, — наилучшим печатным органом для этого было «Новое Время». «Низовые» сотрудники газеты, среди них Солоневич, довольствовались малыми благами жизни. Это были «редакционные ужины после двух часов ночи, где за бутылкой (бутылки были, невзирая ни на какие сухие законы) каждый из сотрудников делился всем, что узнал за день («не для печати»). Кулуары Государственной Думы. Министерства. Биржа».

Исследователь И. Воронин многое сделал для выявления публикаций Солоневича в «Новом Времени». Большинство этих текстов, так или иначе, посвящено войне, тревожному положению в тылу, неприглядным фактам разложения хозяйственно-экономической жизни страны, явным признакам потери управления и контроля самодержавия за общественными и социальными процессами. Все это незаметно и неуклонно подтачивало устои Российской империи, стойкость армии, общественную мораль, открывало простор для действия радикальных политических элементов. «Последние дни Гродно», «Пленники», «Война и деревня», «Восковой голод», «Винокурные сирены», «Что делают с нашим хлебом», «Кожевенный хаос», — эти и другие статьи со всей очевидностью показывали — в России неурядок, в столице и провинции неудержимо нарастает внутренний кризис непредсказуемых масштабов.

Каких-либо статей Солоневича того периода, посвященных Февральской революции, не установлено. Тем не менее, молодому журналисту ее негативные международные последствия были очевидны. Революция заметно ослабила способность России к самозащите. И. Воронин полагает, что публикация Солоневича «Немцы о русской революции» прямо указывает на эту позицию журналиста: «В дни всероссийского безумия, когда авторитетные фигуры русской консервативной журналистики заговорили несвойственным им языком «социальных перемен», а владельцы «Нового Времени» поспешили заверить новую власть в лояльности, малоизвестный репортер Иван Солоневич писал: «Противоречивые, сбивчивые и часто неверные сведения все-таки подтверждают главное: немцы

зорко следят за Россией и ловят вести о нашем внутреннем положении, независимо от источника, из которого они исходят». Казалось бы, невелик подвиг, но — на фоне всеобщего революционного психоза — это, как минимум, голос здравомыслящего человека, пытающегося втолковать своим современникам: свержение монархии, внутренние потрясения на руку только внешнему врагу и больше никому»¹.

О том, что Российская империя больна, Солоневич не мог не думать в предреволюционный 1916 год. В обществе распространялись грязные слухи о царской семье и Распутине, немецком шпионаже, главным «инструментом» которого была якобы государыня, о предательстве правящих верхов. Как позднее писал Солоневич, «во всей распутинской истории самый страшный симптом не в распутинском пьянстве. Самый страшный симптом — симптом смерти — это отсутствие общественной совести. Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. *Совести не оказалось*. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите элементарнейшей семейной чести Государя».

Солоневич вспоминал в этой связи, как «наивным и малость провинциальным студентом» он попал в 1916 году в салон баронессы Скопин-Шуйской и был свидетелем разговоров, в которых сладострастно повторялись, «сюсюкались» грязные выдумки о царице, княжнах и Распутине: «Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у трона, — и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи... Очень грешен: никому в морду не дал. Просто встал и ушел. Потом мне передавали: такого рода мужика баронесса приглашать больше не будет»².

В начале августа 1916 года Иван был призван в армию и «приписан» ратником 2-го разряда в запасной батальон Лейб-

¹ Воронин И. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель. В Сборнике материалов 1-й научно-практической конференции «И. Солоневич — идеолог народной монархии» (СПб., 20 апреля 2003 г.). СПб., 2004, с. 8.

² Солоневич И.Л. За тенью Распутина // «Наша газета». София, 31.07.39.

гвардии Кексгольмского полка. Медицинская комиссия вновь обратила внимание на серьезный дефект глаз у новобранца: «одна двадцатая нормального». По этой причине Солоневич не был направлен на фронт, а определен в швейную мастерскую полка.

Явление зловещих людей

Швейная «перспектива» Ивана не устраивала. Не устроила его и переплетная мастерская, в которой в компании двух других «очкариков» ему пришлось забирать в коленкоровые обложки обильную бюрократическую документацию Кексгольмского полка. Вскоре, как позднее вспоминал Солоневич, «был найден разумный компромисс — я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня». Военную форму Иван надевал только на территории казармы, за ее пределами ходил в штатской одежде.

Должность спортивного инструктора позволяла Ивану отлучаться по личным делам и не прерывать сотрудничества с «Новым Временем». Вспоминая о своем батальоне, состоявшем из «бородачей», «отцов семейств», которые из-за войны оставили семьи на произвол судьбы, Солоневич написал о том, что никто из его «возрастных» сослуживцев не рвался на фронт. Они были готовы выдержать любые тяготы казарменной жизни, но только не фронт, где «солдаты зачастую воевали против хорошо вооруженных немецких частей голыми руками. Три тысячи человек жили в переполненных казармах, с трехэтажными нарами, чтобы уместились все. Настроение этой солдатской массы «было подавленным и раздраженным».

О качественном составе своей воинской части Солоневич писал: «Это был не полк, и не гвардия, и не армия. Это были лишенные офицерского состава биологические подонки чухонского Петербурга и его таких же чухонских окрестностей. Всего в Петербурге их (таких полков) было до трехсот. Как могло правительство проворонить *такие* толпы? Летом 1917

года я говорил об этом Б. Савинкову — он тогда был военным министром. Савинков обозвал меня паникером»¹.

Вот как описывал Солоневич повседневную жизнь Лейб-гвардии Кексгольмского полка:

«Быт» этих бородачей был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им было запрещено посещение кино или театра, чайных или кафе, и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой-то патруль, несмотря на то, что у меня было разрешение комендатуры на езду в трамвае. Зачем было нужно это запрещение — я до сих пор не знаю. Меня, в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров заперли в какой-то двор на одной из рот Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно».

Но были и приятные воспоминания: «Людей кормили на убой — такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал».

В январе 1917 года Солоневича, которому тогда было 25 лет, комиссовали по причине прогрессирующей близорукости и полной «неспособности» к военной службе и ношению оружия. Иван вернулся в штат «Нового Времени» и по личному поручению Б.А. Суворина, младшего сына владельца газеты, «в последние предреволюционные дни» взялся за сбор информации о том, что же на самом деле происходит в столице, действительно ли все чревато беспорядками и бунтами. Солоневич, по его словам, «лазил по окраинам, говорил с рабочими, с анархистами, с эсдеками и с полицией. Полиция была убеждена: все уже пропало. Начальство сгнило. Армия разбита. Хлебные очереди как бикфордовы шнуры».

В те дни Иван предпринял попытку восстановиться в университете, заплатил «недоимку» — 50 рублей за 1914—1915 годы, и получил разрешение на продолжение учебы на юридическом факультете. Однако на студенческую скамью он так и не вернулся: начались революционные события. Поэтому, говоря о своем высшем образовании, Солоневич нередко использовал ироническую формулу: «Я более или менее окончил Санкт-Петербургский Императорский университет...»

¹ Солоневич И.Л. «Великая фальшивка Февраля» и другие статьи. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. С. 133.

Февральская революция застала Солоневичей в Петербурге. Отец выждал немного и уехал со своей «второй семьей» в Мелитополь, предсказав, что «все российские заварушки — это надолго». Борис успел закончить только четыре семестра кораблестроительного института. Летом 1917 года он отправился к отцу на студенческие каникулы, вряд ли предполагая, что выучиться на кораблестроителя ему не суждено. В то лето в столице было беспокойно, передвигаться с вещами в одиночку было опасно, и потому Иван «под аккомпанемент отдаленных выстрелов» проводил его на вокзал.

Ни в Февральской революции, ни в Октябрьском перевороте Иван участия не принимал. По его признанию, он был, в общем-то, пассивным созерцателем событий в Петербурге, осмыслить которые по-настоящему смог значительно позже. Определяли тогдашнюю его жизненную позицию, в основном, причины «материальные»: «Во время революции я не потерял ни капиталов, ни имущества, так как таковых не имел». То есть, ничего не потерял, ничего не приобрел, поэтому стоит ли так переживать из-за всех этих потрясений?

Размышления Солоневича о революции сконцентрированы, в основном, в его статьях цикла «Великая фальшивка Февраля» и в книге «Диктатура слоя», написанных уже в эмиграции. По оценке писателя, было много причин, которые привели к Февральской революции, однако той роковой искрой, которая вызвала протесты жителей Петербурга, стали хлебные очереди. Женщины, в основном фабричные работницы, после бесплодного ожидания хлеба стали грабить продовольственные лавки, перегораживать улицы, обвинять власть во всех смертных грехах. О том, как начинался великий российский раздрай, Солоневич вспоминал десятки лет спустя так, как будто это случилось только что: «Были разбиты кое-какие булочные и были посланы кое-какие полицейские. В городе, переполненном проституцией и революцией, электрической искрой пробежала телефонная молва: на Петербургской стороне началась *революция*. На улицы хлынула толпа. Хлынул также и я».

Следуя репортерскому инстинкту, Солоневич спешил побывать во всех критических пунктах первоначально стихийного, не имевшего политической подоплеки бунта. Бунт стреми-

тельно разрастался, подпитываясь негативной энергией толпы, окраинного плебса, уголовно-деклассированных элементов: «На Невском проспекте столпилось тысяч пятьдесят людей, радовавшихся рождению революции, конечно, великой и уж наверняка бескровной: какая тут кровь, когда все ликуют, когда все охвачены почти истерической радостью: более ста лет раскачивали и раскачивали тысячетенное здание, и вот, наконец, оно рушится».

После разгрома оружейных лавок появились первые жертвы, — по версии Солоневича, — от неумелого обращения подростков с охотничьим оружием, которые «палили куда попало, лишь бы только палить». Однако цепкий глаз журналиста с самого начала выделил в этом «стихийном сценарии» начала революции энергичных «зловещих людей» в солдатских шинелях без погон, которые деловито грабили магазины, словно показывая пример всем другим. Они тоже стреляли в разные стороны, тоже наугад: иногда от «мальчишеского желания попробовать вновь приобретенное оружие», а иногда «в чисто превентивном порядке: чтобы никто не лез и не мешал». Толпа стала разбегаться, а улицы столицы к вечеру попали под полный контроль «зловещих людей».

В первый же день «Февральской революции» Солоневичу пришлось столкнуться с бандой «зловещих людей», которые ворвались в его скромное жилище с обыском. Предлог был обычный: якобы из квартиры кто-то стрелял «по революционерам». Солоневич подробно описал этот эпизод, раз и навсегда определивший его отношение к «революционной инициативе масс»:

«Стрелять было не в кого, разве только в соседние окна, наши окна выходили во двор. На ломанном русском языке банда требует предъявления оружия и документов. У меня в кармане был револьвер — я его, конечно, не предъявил. Я мог бы ухлопать человека два-три из этой банды, но что было бы дальше? Остатки банды подняли бы крик о какой-то полицейской засаде, собрали бы своих сотоварищей, и мы трое были бы перебиты без никаких. Я предъявил свой студенческий билет — он был принят как свидетельство о политической благонадежности. Банда открыла два ящика в комод, осмотрела почему-то кухонный стол и, поняв, что отсюда ничего путного произойти не может, что грабить здесь нечего, отправилась в поиски более злых мест».

В книге «Диктатура слоя» Солоневич размышляет о том, на какой стадии беспорядков в Петербурге можно было остановить разрушительную стихию, загасить «первые, еще робкие, языки пламени всероссийского пожара». По его мнению, в условиях всеобщей растерянности, особенно правительственной, это было, практически, невозможно. В самом начале «их можно было бы потушить ведром воды — потом не хватило океанов крови. К концу первого дня революции зловещих людей можно было бы просто разогнать. На другой день пришлось бы применить огнестрельное оружие — в скромных масштабах. Но на третий день зловещие люди уже разъезжали в бронированных автомобилях и ходили сплоченными партиями, обещанные с головы до пят пулеметными лентами. Момент был пропущен — пожар охватил весь город».

Анализируя динамику развития Февральской революции, Солоневич писал: «Дело, однако, заключается в том, что единственный, технически возможный, общественный способ воздействия на историю заключается в том, чтобы средние люди страны взяли бы за пулеметы, револьверы или крысиный яд и стали бы истреблять зловещих людей революции всеми технически доступными способами. Пока не поздно. Для этого нужен был героизм. Нужно было, кроме того, и предвидение дальнейших событий. Ни того, ни другого у нас в достаточном количестве не оказалось. Не оказалось и навыков самочинного судопроизводства».

«Если бы в 1917 году мы знали и если бы в 1918 мы могли!» — не без чувства обреченности воскликнул писатель. В этой связи он вспомнил о «машине времени» из романа Герберта Уэллса. Если бы можно было вернуться в 1917 год, то он, Иван Солоневич, обязательно сделал все возможное, чтобы предотвратить, рискуя собственной жизнью, разрушительно-негативный для России ход событий. Объяснил он это желание «исправить историю» драматизмом своей собственной судьбы: «Ибо все то, что я пережил в течение следующих тридцати лет, было сплошным риском, сплошным унижением, сплошным страхом: процесс жизни стал мучительным процессом, смягченным только надеждой на то, что не может же все это, наконец, не кончиться!».

По описанию Солоневича, то, что творилось в Петербурге, действительно, внушало страх. За представителями «царского режима» велась остервенелая охота. Особым жестокостям

подвергались городовые и полицейские чиновники, которых подозревали в «засадах», «стрельбе из пушек и пулеметов» по гражданскому населению и прочих преступлениях, хотя в большинстве случаев беззакония творились именно «зловещими людьми». Они сожгли уголовный суд и его архив. Солоневич вспоминал: «Огромное здание пылало из всех своих окон, ветер разносил по улицам клочки обожженной бумаги, я нагнулся, поднял какую-то папку, и сейчас же около меня возникла увешанная пулеметными лентами зловещая личность: «Тебе чего здесь, давай отсюда!» Я послушно отдал папку и отошел на приличную дистанцию. Зловещие люди тщательно подбирали все бумажки и так же тщательно бросали их обратно в огонь».

Иван сделал вывод, что «движущий элемент» революции сжигал в огне свое уголовное прошлое, чтобы в условиях «новой, невыразимо прекрасной жизни» и «нового, невыразимо прекрасного общественного строя» не оставалось никаких доказательств их преступных корней, тюремных университетов, принадлежности к трущобному миру. «Вдумайтесь в их положение, — писал Солоневич, — и вы сами увидите, что кроме «углубления революции», «перманентной революции», как это формулировал Троцкий, им не оставалось ничего. И они, вооруженная масса городских подонков, не могли не пойти за Троцким и Лениным — ибо *все* остальное грозило бы им, по меньшей мере, возвращением в первобытное состояние, возвратом на общественное дно. Они, эти люди, рыскали потом с митинга на митинг, поддерживая своими глотками и своими винтовками тех вождей, которые обещали наивысшую плату в самый короткий срок... Наивысшую цену и в кратчайший срок предложил Ленин. Если бы *он* поцеремонился и усоветился, нашлись бы другие — менее церемонные и менее совестливые. Так на моих глазах шел великий аукцион революции: кто дает больше и — еще — кто даст скорее».

О личных настроениях и переживаниях того времени Солоневич рассказал в книге «Диктатура слоя». Называя себя (не без иронии) контрреволюционером, «пережитком проклятого прошлого», поборником всяческих поповских суеверий и мещанских предрассудков, он в то же время терзал себя вопросами: «А не являюсь ли я жертвой оптического обмана, пристрастности, реакционности, односторонности и других таких

нехороших вещей?» И в еще более жесткой форме: «А может быть, именно я оказался неким социальным подонком, дезертиром великого будущего, дальтонистом, в глазах которого всякий оттенок красного цвета принимает окраску грязи?»

Эти сомнения и колебания «выветрились» накануне октябрьских событий. Солоневич так описал этот период:

«Обреченная толпа, под кровавыми знаменами, текла навстречу своей гибели: ave, revolutia, morituri te salutant! Зловещие люди уголовного подполья уже оттачивали свои ножи, а зловещий человек политического — Владимир Ленин уже вел переговоры с германским генеральным штабом. И над этим страшным союзом развеялся лживый стяг:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Нужно отметить, что некоторые «позывы» к действию у Солоневича в ту эпоху все-таки были. Спортсмены из студенческой среды организовали «добровольный отряд милиции» для охраны порядка. В качестве начальника Васильевского отдела Иван Солоневич во время корниловского мятежа отправился к казачьему атаману Дутову и предложил привести ему в помощь хорошо подготовленный физически «отряд спортсменов-добровольцев» в 700 человек. Дело было в одном: требовалось оружие. Но атамана «инициатива» Солоневича не заинтересовало. По его мнению, гражданским лицам вмешиваться в серьезные военные дела не следовало.

Впоследствии Иван не раз вспоминал о той утраченной возможности ухода в контрреволюцию, пренебрежительном отказе атамана Дутова помочь студентам, а также об объективной неготовности добровольцев к действию: «Наше (студенческое) движение не могло развиваться потому, что мы не были самостоятельны, что мы не умели политически мыслить, что над нами было слишком много всякого начальства и что мы верили в государственный этого начальства ум»². И все-таки для Ивана это был утраченный шанс померяться сила-

¹ «Да здравствует революция, идущие на смерть приветствуют тебя!» — фраза, производная от слов «Да здравствует цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!», которыми в Древнем Риме гладиаторы приветствовали императора перед поединком на арене цирка. — *Примеч. ред.*

² Солоневич И.Л. Пути, ошибки и итоги // «Наша газета», № 35, 19.06.39.

ми с большевизмом: «Очень может быть, что из нашей студенческой затеи, если бы мы и получили винтовки, не вышло бы все равно ничего. Ну а вдруг? Мало ли какой камушек в решающий момент может перевесить весы истории?»¹

Позднее Иван признавался, что его «косноязычие» было одной из причин политической пассивности в годы революции и Гражданской войны: «Не имея возможности ни говорить публично, ни даже толком разговаривать частным образом, я стал «в сей жизни не бойцом», а только наблюдателем. Наблюдения были окаянные. Оригинальностью они не блистали. Но об отсутствии оригинальности я узнал только потом, когда перечел писания Суворина, Каткова, Тихомирова, Мещерского. Мнения о правящем слое России можно было бы сформулировать фразой К. Победоносцева о своей же правящей братии: «А кто нынче не подлец?»²

Надо было зарабатывать на жизнь. Не без участия Ивана группа студентов из атлетического кружка — «гиревики, борцы и боксеры, чемпионы и рекордсмены» — решили использовать свой «силовой потенциал» и пойти в порт, на Калашниковскую пристань, где потребность в сильных руках и крепких спинах была постоянной. Десятки тысяч тонн пшеницы лежали без движения. К тому же труд грузчика оплачивался в несколько раз выше репортерского заработка Солоневича. Даже падение курса рубля не могло сказаться на росте оплаты питерских «докеров».

«Гениальная идея» пойти в грузчики не выдержала проверки практикой: «Первые часы мы обгоняли профессиональных грузчиков, потом шли наравне, а концу рабочего дня мы скисли все. На завтра явилось нас меньше половины. На послезавтра пришло только несколько человек. Грузчики зубоскалили и торжествовали».

На пристани закрепиться не удалось. По молодости лет и отсутствию «дипломатичности» студенты отказались выпить «рюмку мира», предложенную ветеранами пристани, пренебрегли скудным угощением, которое те выставили на импрови-

¹ Солоневич И.Л. Пути, ошибки и итоги // «Наша газета», № 35, 19.06.39.

² Там же.

зирванный стол из необструганных досок: черный хлеб, соленые огурцы и прочая простонародная закуска. Отказ студентов был, в принципе, оправдан, потому что в качестве питья грузчики употребляли денатурат, химические добавки которого вызывали слепоту. Для Ивана — это был верный шанс утратить зрение навсегда. Но других, более цивилизованных напитков, не было: «Россия еще переживала сухой режим, введенный Николаем Вторым — водки нельзя было достать почти ни за какие деньги. И петербургские грузчики пили денатурат... А как без денатурата? Работать в петербургском климате приходится под дождем или под снегом... Ветер с залива пронизывает насквозь; туман, оседая, покрывает груз тонкой ледяной коркой — истинно собачья работа».

Солоневич вспоминал: «Грузчики восприняли наш отказ как некое классовое чванство. стакан денатурата был выплеснут в физиономию одного из студентов. Студент съездил грузчика по челюсти. Грузчики избили бы и студента, и всех нас, вместе взятых, если бы мы, презрев наше тяжелоатлетическое прошлое, не занялись бы легкой атлетикой: бегом на довольно длинную дистанцию при спринтерских скоростях. Так кончилось наше первое «хождение в народ»...

Между тем с продовольствием в Питере становилось все труднее. Как отметил Солоневич в «Диктатуре слоя»: «Дело стояло всерьез: хлеба в городе уже не было: первая ласточка тридцатилетнего голода. Я жил черным рынком и редакционными авансами». Пригодились родственные связи: на окраине города, на Черной речке, в неказистом деревянном доме жил двоюродный брат — Тимофей Степанович Солоневич, он же — Тимоша. С ним Иван «кооперировался», чтобы совершать поездки в Лугу, Тосно и прочие места подобного рода, чтобы купить хлеб, муку, сало и другие продукты у мужиков. Эти поездки Солоневич называл «первым опытом революционного товарооборота».

Позднее Иван использовал биографию брата Тимоши для иллюстрации своего излюбленного тезиса о том, что пролетарская (и все другие) революции враждебны интересам трудовых людей. Простой деревенский парень Тимоша приехал в Петербург, устроился на завод Лесснера, получил профессию металлиста и накануне Февральской революции зараба-

тывал больше, чем Иван журналистикой. Деньги откладывал, чтобы лет через десять открыть собственную авторемонтную мастерскую. По митингам и партийным кружкам он не ходил, потому что был человеком практичным, по выражению Солоневича, — «средним рабочим страны».

После февраля Тимошу не раз «заманивали» в партии. Как отметил Солоневич, «тогда — в 1917 году — еще уговаривали. И на каждом заводе были свои эсэровские, эсдековские и всякие иные партийные товарищи, которые «подымали завод» на массовое действие. Нельзя скрывать и того прозаического обстоятельства, что на каждом заводе есть достаточное количество людей, которые предпочтут шататься по улицам вместо того, чтобы стоять за станком. Тем более что заработная плата — она все равно идет».

Тимоша избегал политики, манифестаций и митингов не одобрял, вместе с толпой громить булочные не бегал. У него был другой тип «сознательности». Характеризуя его, Солоневич писал: «Наше поведение — мое и Тимошино, можно назвать индивидуалистическим, анархическим и вообще антиобщественным. И это в значительной степени будет верно: мы пытались выкручиваться каждый сам по себе».

В «революционной буче» неискушенным в политике людям трудно было понять, куда ведут русский народ волевые, уверенные в своей правоте вожди, причем не только большевистские. Многих устраивал прежний царский строй, который остервенело громили «зловещие люди». Частная собственность была для Тимоши и Ивана священным институтом. Сами они были «неимущими», но полагали, что при проклинаемом и разрушаемом большевиками режиме они имели реальные шансы добиться чего-то существенного в жизни:

«Тимоша считал совершенно законным существование хозяина на своем заводе, как я никогда не собирался национализировать газету, в которой я работал, и даже назначать редактора, который, по тем временам, учил меня, как надо писать. Мы были, как говорит русский народ, «уважительными людьми», «истовыми», и над нами и над обломками тысячелетнего *нормального* общественного строя поднялась муть неистовых людей, людей, лишенных уважения к чему бы то ни было в мире. Мы вовремя не истребили этих неистовых людей. Не догадалась вовремя истребить их и «реакционная» полиция. Мы проворонили...»

Враждебное отношение к большевикам побудило Ивана и Тамару покинуть пусть неказистое, но обжитое семейное гнездо и отправиться в рискованный путь из красного Петрограда в Киев, на белый юг.

В краткой «автобиографии для РОВСа», написанной в 1936 году, Иван так вспоминал об этом периоде, который положил начало его нелегким странствиям, рискованным авантюрам и, как выразился один из биографов Солоневича, «ходжению по краю пропасти»: «После Октябрьской революции я, как миллионы других русских, бежал на юг России. Принял участие в белой борьбе, но так как заболел сыпным тифом, остался в Одессе, когда она была занята красными. Так началась моя одиссея в СССР. Я работал грузчиком, кооператором, сценаристом, счетоводом, фотографом и, наконец, стал инструктором спорта и туризма».

В статье «Пути, ошибки и итоги», которая была опубликована в 1939 году, Иван подробнее описал свое участие в антибольшевистской борьбе: «Потом была работа на Белую армию и с Белой армией. Побег из Москвы на Украину, авантюрное путешествие из гетманского Киева в красный Питер. Побег из красного Питера с семьей Калинниковых в тот же Киев. Побег из петлюровского Киева в белую Одессу. Командировка из белой Одессы в красный Киев. Подпольная работа в красном Киеве. Секретные сводки отдела осведомления Совнаркома, которые доставала Тамочка. Секретные военные сводки, которые доставал я. Эти сводки снимал на киноплёнку И.М. Калинников, отправлял в белую Одессу, а в белой Одессе никто не читал»¹.

В Киеве Иван стал работать в редакции «Вечерних Огней». Газета выходила нерегулярно, и жизнь ее была недолговечной — с сентября по ноябрь 1919 года. Выходила она под эгидой Киевского Бюро Союза Освобождения России. Из-за частой смены, как сейчас сказали бы, «властных структур» в городе и возможных репрессий со стороны новых «хозяев» члены редакции и авторы предпочитали «укрываться» под псевдонимами. Солоневич последовал общему примеру, подписывая свои материалы как «Ив. Невич» или «Ив. Сол.»...

¹ Солоневич И.Л. Пути, ошибки и итоги. № 35—38, 1939 г.

В Киеве – при белых, в Одессе – при красных

В октябрьские дни 1919 года в гости к Ивану из Ростова «прорвался» на несколько дней Борис. Он совершал служебную поездку по югу России «по линии» Осведомительного агентства белых (ОСВАГа). Борису было о чем рассказать: он не раз попадал в руки махновцев и «зеленых», однажды был «приговорен» бандитским главарем к расстрелу по «подозрению в офицерстве» и только чудом смог бежать. Борис дал понять брату, что намерен покинуть агентство, которое все меньше занималось контрразведывательной и пропагандистской работой в тылу красных и все больше погрязало в заурядном полицейском сыске, причем в собственных рядах Добрармии. Пьянство, «постельные дела», спекуляция казенным имуществом, намерения дезертировать, иногда — подозрения в связи с большевиками и т.п.

Доносы поступали на всех, даже на старших военачальников. Информация докладывалась «наверх» (т.е. начальнику ОСВАГа и А.И. Деникину) без проверки («там, мол, сами разберутся»). Чаще всего, по словам Бориса, подобного рода «доносители» преследовали шкурные цели. Они подсиживали неугодных, радели «родным человечкам», и в условиях фронтовой и тыловой неразберихи компрометировали тех, на несчастии кого можно было нажиться. По оценке Бориса, руководство ОСВАГа нередко пыталось подменить работу по красным в тылу Добрармии и за линией фронта охотой за «либеральными» попутчиками. Путем нехитрых манипуляций их можно было представить как опасную, конспирирующую против белого движения силу, готовую при необходимости, пойти на сговор с большевистским правительством.

Иван согласился с тем, что ОСВАГ «откровенно недорабатывает», особенно в пропагандистско-политической сфере. Самой большой удачей Агентства, по мнению Ивана, были сатирические частушки, которые «заказывались» поэтам из белого стана. Они надпечатывались специальными штампами на советских банкнотах и разбрасывались за линией фронта с аэропланов.

Большинство материалов, поступавших в редакцию «Вечерних Огней» из ОСВАГа для использования в пропаганде, грешило, по оценке Ивана, ненавистью, духом реваншизма и на этой почве — откровенным стремлением восстановить в России прежние сословные порядки. Некоторые брошюры ОСВАГа Иван хвалил, особенно серию «Беседы с рабочим человеком», автором которых был Е. Чирков. Полезные мысли для понимания сути событий в России можно было найти, по мнению Ивана, в работах таких «осваговских» авторов, как Е. Венский, И. Ломакин, И. Наживин, И. Сургучев и князь Е. Трубецкой. Проблемы монархизма, самостийничества и национальный вопрос, роль еврейства в разрушении традиционной России, — эти и другие неразрешенные вопросы российской жизни в те дни обсуждались братьями с чувством бессилия и безнадежности под трепет огня в «буржуйке» и «аккомпанемент» горилки. Настроение Солоневичей несколько повышало хоровое исполнение (с участием Тамары) частушек ОСВАГа:

Обманули комиссары,
Кучу денег надавали,
А теперь на эти знаки
Ты не купишь и собаки...

В революционные годы и особенно годы Гражданской войны политическое становление Ивана Солоневича стало свершившимся фактом. Его публицистическое перо окрепло, он легко ухватывал суть повседневных событий и уверенно интерпретировал их с позиций «белого дела». Как следствие — оригинальные, часто пророческие сюжеты его статей.

Прогноз Ивана о дальнейшем успешном наступлении белой армии, падении Москвы и гибели Совдепии, однако, не сбылся.

О своих взглядах той эпохи Солоневич вспоминал без каких-либо умолчаний: «В 1920 году я был политически довольно грамотным молодым человеком. Я был монархистом, антисоциалистом, верующим и вообще всем тем, что принято называть «реакцией»¹. Конечно, Иван не мог не размыш-

¹ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Новосибирск: Благовест, 1994. С. 155.

лять о судьбах России, находясь в Киеве, одном из болевых центров Гражданской войны. Всю эту жестокость, яростный раздрай «между близкими по крови» людьми, спонтанные выбросы ненависти и отчаяния, — как их примирить, пригасить, направить в спокойное, далекое от кровавых и низменных страстей русло? Выход может быть только один, считал Иван Солоневич, — распространение и практическое воплощение народно-монархической идеологии. Близкий друг Солоневича, видный деятель эмиграции С.Л. Войцеховский¹ утверждал, что уже в годы Гражданской войны Иван был убежденным сторонником монархии:

«Благо России может быть обеспечено только монархией. Монархия в России возможна только одна — НАРОДНАЯ, БЕССОСЛОВНАЯ. Иван Лукьянович твердил это всегда — и в 1919 году в Киеве, когда я с ним познакомился в редакции «Вечерних Огней», и годом позже, в Одессе, когда он о народной монархии говорил в советском подполье нам, членам Союза Освобождения России»².

Во время пребывания в Киеве Иван получил возможность услышать, как говорится, из первых уст о планах и намерениях большевиков. В качестве корреспондента «Вечерних Огней» он встретился с Д. Мануильским³, который был в то время своего рода «дипломатическим представителем» Советской России в Киеве. Интервью переросло в полемику, и Солоневич стал с жаром доказывать красному эмиссару, что «большевизм обречен — ибо сочувствие масс не на его стороне»⁴.

¹ Войцеховский Сергей Львович (1900—1984), род. в Варшаве. Служил в Добровольческой армии. Был сотрудником гетманского МИДа. С декабря 1918 г. — служащий французского консульства в Одессе. В январе 1920 г. остался в городе, стал членом антисоветского Союза Освобождения России (СОР). Нелегально эмигрировал в Польшу, где жил с 1921 по 1944 г. Был членом боевой организации Кутепова, ее варшавским резидентом. С 1940 по 1945 г. — председатель Русского комитета. После войны жил в Германии, затем в США, где и умер.

² Войцеховский С.Л. Завещание И.Л. Солоневича // «Наша страна», № 180, 27.06.53.

³ Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959), профессиональный революционер, секретарь Исполкома Коминтерна (1928—1943).

⁴ Солоневич И.Л. Россия в концлагере... С. 114.

Мануильский снисходительно «просветил» наивного репортера:

«Послушайте, дорогой мой, да на какого же нам черта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете — наплевать нам на сочувствие масс».

Тот разговор в Киеве стал исходной точкой для размышлений Солоневича о причинах кажущейся прочности советской власти и внешней эффективности ее аппарата. В книге «Россия в концлагере» писатель признал, что путь к прозрению был нелегким: «Очень много лет спустя, пройдя всю суровую, снимающую всякие иллюзии школу советской власти, я, так сказать, своей шкурой прощупал этот, уже реализованный, аппарат власти в городах и деревнях, на заводах и в аулах, в ВЦСПС и в лагере, и в тюрьмах. Только после всего этого мне стал ясен ответ на мой давнишний вопрос: из кого же можно сколотить аппарат власти при условии отсутствия сочувствия масс? Ответ заключался в том, что аппарат можно сколотить из сволочи, и сколоченный из сволочи, он оказался непреодолимым; ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания».

Для Солоневича слово «сволочь» было идентично другому — «активисты». Он исходил из своего советского опыта, характеризуя «актив», но признавал, что «активист» — «это мировой тип»: «Это тип человека с мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы. Это тип человека, ищущего решения своих проблем в распоротом животе ближнего своего. Но так как никаких решений в этих животах не обнаруживается, то проблемы остаются нерешенными, а животы вспарываются дальше». Гораздо позже, находясь в исправительно-трудовом лагере в Карелии, Солоневич столкнется с «лагерными экземплярами» активистов, и они, по его оценке, будут ничем не лучше тех, кто находится на воле.

Красные вновь наступали. В Одессу Иван уехал последним поездом, семью пришлось оставить в Киеве: на «железке» царил хаос, гарантий в том, что он сможет довезти жену и сына в целостности и сохранности, не было никаких. Повсюду торжествовало право сильного: грабежи, кровавые расправы, насилия. Эпидемии тысячами косили людей, словно вернулись

мрачные времена Средневековья. В 1920 году в Севастополе умер брат Всеволод¹. Иван узнал о его смерти спустя несколько лет от отца, когда удалось восстановить с ним связь.

Об обстоятельствах смерти Всеволода рассказал Борис в автобиографической повести «ГПУ и молодежь». Эвакуировавшись после ранения из Туапсе в Севастополь, Борис случайно встретился с Лушевым, товарищем своих братьев по спортивному кружку «Сокол». Тот сообщил, что Всеволод служит комендором на броненосце «Алексеев». Не теряя времени, Борис помчался на Графскую пристань, откуда на дежурном катере добрался до грозного корабля. Вахтенному офицеру не пришлось напрягать память и выяснять, служит ли на броненосце Всеволод Солоневич. Из Морского госпиталя только что поступило извещение, что он умер от сыпного тифа.

Борис покинул корабль с ощущением «первого в жизни большого горя»: «Я опоздал на несколько часов... Где-то в серой больничной палате, окруженный равнодушными чужими лицами, бесконечно одиноким ушел из жизни мой брат... А через неделю я и сам лежал в сыпном тифе в той же палате, где недавно умирал мой брат. И в полубреду я слышал, как подходили ко мне сестры милосердия и шепотом спрашивали: — Солоневич? — Да... Только другой... — Ну, совсем как тот!.. Ну, Бог даст, хоть этого выходим!».

Первые дни в Одессе Иван Солоневич существовал на небольшие киевские сбережения, потом стал редактировать газету «Сын Отечества». Радость привычной работы длилась недолго: в начале 1920 года газета «приказала долго жить». Иван понимал, что белым в Крыму отсидеться не удастся. По киевскому ОСВАГУ он был знаком с некоторыми офицерами контрразведки. Не веря в возможность удержания полуострова, они советовали Солоневичу: «Ты — вольная птица. Уезжай! Чем раньше это сделаешь, тем лучше». После этих настойчивых подсказок, Иван, несмотря на очевидную безнадежность предприятия, стал искать пути к организации «переправы» Тамочки и Юры в Крым. Если уходить с Белой армией, то только с ними.

¹ Годы жизни: 1895—1920. Как отметил Борис Солоневич в книге «ГПУ и молодежь», до службы на броненосце «Алексеев» Всеволод сражался в рядах Белой армии на Кубани.

Контрразведчики, перебрав лишнего, жаловались: Врангелю ежедневно сообщают о присутствии в городе «видных деятелей большевизма», но он приказывает карательных мер к ним не предпринимать. Если кто-то из «красно-розовых элементов» и подвергнулся аресту, то ненадолго. Два-три дня за решеткой, и потом снова на свободу: фланировать по Дерибасовской, как ни в чем не бывало! Лояльные Добрармии горожане пребывали в недоумении, недоверие к власти росло, как и молва о том, что чины контрразведки берут от большевиков взятки. Мало кто сомневался в том, что именно за взятку была восстановлена еврейская дружина «самоохраны», та самая, которая после ухода из Одессы французской эскадры взяла власть в свои руки. Дружинники безжалостно расправлялись с белыми офицерами, попадавшими им в руки.

Жизнь в городе была сносной, несмотря на войну и комендантский час. Инженеры Добрармии и местные техники поддерживали в рабочем состоянии городское хозяйство: освещение, водопровод, трамвайные пути. Продукты первой необходимости были доступны, несмотря на разгул спекуляции. Слухи о неминуемом прорыве Красной армии стали привычными: они распространялись большевистской агентурой, которая действовала в самой Одессе и в поселках вдоль железной дороги. Отряды красноармейцев скрывались в каменоломнях Парубейска и Усатова и применяли партизанскую тактику, атакуя тылы Добрармии. С красными конкурировали «самостийники». Петлюровские эмиссары конспирировали, располагая огромными суммами карбованцев на подкуп железнодорожников и военных.

В дни эвакуации армии Врангеля Иван был недееспособен: лежал в беспомощности в госпитале, — заболел сыпняком. Как говорил впоследствии Солоневич, госпиталь «в некоторой степени определил мою судьбу и начало моей советской карьеры: после выздоровления я стал санитаром в другом сыпнотифозном госпитале».

Неожиданно, «проявив инициативу», из Киева приехала жена с сыном. Поездка была тяжелой. «С превеликими мытарствами, после шестидневного сидения на чемоданах и мешках, вместе с четырехлетним Юрочкой, в товарном вагоне, я притащилась (буквально притащилась) в Одессу», — вспоминала Тамара Солоневич. Все вместе поселились на «дачке» по со-

седству с 12-й остановкой трамвайной линии, которая связывала Одессу с курортно-пляжным пригородом Большой Фонтан. Место было уединенным, на периферии чекистских патрулей, которые, по словам Тамочки, «в этот период рыскали, как гончие, по Одессе и окрестностям, вылавливая белых».

Надо было начинать новую жизнь в советских условиях, добывать средства на существование. Тамара поступила переводчицей на Одесскую радиостанцию, давала платные уроки иностранных языков. У Ивана возможности «приличного» трудоустройства были ограниченными. Недавнее сотрудничество с белыми в Киеве — ОСВАГ и работа в «Вечерних Огнях» — могли всплыть при самой поверхностной проверке биографических данных. Поэтому он предпочел «частную» сферу деятельности. Сошелся с местными рыбаками, пригласил двух-трех друзей с таким же «сомнительным прошлым» и сколотил промысловую артель. Усилия по налаживанию коммерчески выгодного рыбопромыслового дела провалились. Переметы и сети не радовали внушительными уловами. Как вспоминала Тамара, «на долю каждого приходилось 11—12 бычков. Бычки эти моментально жарились и съедались».

Иван сблизился с «антисоветски настроенной» группой сторонников «прежнего режима», в которую входил С.Л. Войцеховский, хороший знакомый Солоневичей по Киеву. Он не смог покинуть Крым, поскольку, по его словам, «был брошен в январе 1920 года на произвол судьбы ответственным за эвакуацию генералом Н.Н. Шиллингом». Одна еврейская семья спасла его в самые тяжелые первые недели террора победителей. Конспиративные и полуконспиративные встречи Солоневича с Войцеховским и другими, возможно, остались бы «вне поля зрения» ЧК, если бы не донос старухи-садовницы Каролины. Солоневичи конфликтовали с нею на «бытовой почве». Бойцовый петух «испанских кровей», который принадлежал старухе, терроризировал обитателей и посетителей дачи, особенно детей. Однажды после очередного нападения петуха на Юру Иван не выдержал, поймал агрессивного «испанца» и засадил его в клетку. Каролина такого насилия над любимцем не простила. Тайком отправилась «куда надо» и наговорила на Солоневичей с три короба, указав на их подозрительные связи с бывшими офицерами.

Вскоре, по словам Тамары, «настал роковой день». В начале июня 1920 года дачку окружили красноармейцы с винтовками наперевес. Обыском руководил некий Рабинович, который с профессиональной цепкостью обнаружил все нехитрые тайники Солоневичей. В них хранились ювелирные вещицы «из приданого» Тамары, ее бьювар с фотографиями и перепиской и пишущая машинка. Наличие пишмашинки было по тем временам серьезным преступлением: по декрету властей все «множительные аппараты» подлежали сдаче в трехдневный срок. В ходе обыска Рабинович намекнул Тамаре, что Солоневичи подозреваются в принадлежности к «подпольной организации».

Так начались тюремно-чекистские мытарства Солоневичей в красной Одессе. Вначале сидели в кельях монастыря, который располагался у 16-й станции трамвая. Кельи были превращены в камеры «предварительного заключения», а сам монастырь — в казарму для «интернационального батальона». Командир батальона — латыш по национальности, — провел первый, не слишком профессиональный допрос, и у Солоневичей появилась надежда, что их «попугают», подержат ночь другую под замком и выпустят. Пустые мечтания: их перевезли в здание Чека на Маразлиевской улице и поместили в подвальной камеру. По прошествии нескольких дней в составе колонны, в которой было несколько сот человек, — их отправили в городскую тюрьму. Предчувствия были самые мрачные, ведь, по словам Тамары, «в то лето в Одессе шли непрерывные аресты и расстрелы».

Только на шестнадцатый день после ареста начались допросы. Судя по всему, серьезной «доказательной базы» у чекистов не было. Солоневичам инкриминировали передачу шпионских сведений агентам белых «с той стороны». По версии Чека, Тамара, работая переводчицей на радиостанции, получала «ценную информацию», перепечатывала ее на пишущей машинке и вручала мужу. Иван вместе с другими соучастниками («под предлогом рыбалки») выходил в море, где и проводил секретные встречи с белым эмиссаром. По мнению Тамары, «все это было настолько нелепым, что и протестовать было трудно. Машинка не функционировала, радиостанция бездействовала, наши горе-рыбаки отъезжали от берега максимум на километр».

Изматывающей процедуре допросов был подвергнут Иван и, по свидетельству Тамары, «он тревожился гораздо больше», опасаясь, что в сети Чека попадут Войцеховский и его помощники. Они должны были посетить дачу, имея при себе документы, которые могли бы серьезно скомпрометировать всех. «Подпольная организация действительно была, — писала Тамара в своих «Записках советской переводчицы», — но, строго блюдя правила конспирации, муж мой даже мне ни словом не обмолвился. Его душевное состояние в момент ареста и после него было близким к отчаянию. Он боялся, что эти два члена организации попадут на нашей даче в засаду (Рабинович, оказывается, три дня оставлял солдат на даче, с намерением поймать кого-нибудь из наших знакомых, чтобы создать «дело»). С.Л. Войцеховский и С-ий, по счастливой случайности, пришли только на четвертый день, когда засада была уже снята и, таким образом, от Каролины узнали, что мы арестованы. Были приняты все меры, и организация временно ушла в глубокое подполье».

Иван Солоневич описал свои тюремные «будни» в Одессе: «Летом 1920 года я с женой и Юрой сидел в одесской чрезвычайке. Техника «высшей меры» тогда была организована так. Три раза в неделю около часу дня к тюрьме подъезжал окруженный кавалерийским конвоем грузовик брать на расстрел. Кого именно будут брать, не знал никто. Чудовищной тяжестью ложились на душу минуты, час-полтора, пока не лязгала дверь камеры, не появлялся вестник смерти и не выкрикал. Васильев. Иванов. Петров. На букве «С» тупо замирало сердце. Трофимов. Ну, значит, еще не меня. Голод имеет свои преимущества. Без голода этой пытки душа долго не выдержала бы».

Память Солоневича хранила немало эпизодов репрессивной «хроники» первых лет советской власти. Особенно часто Иван вспоминал «горы трупов» во дворе киевской Чека. Без суда и следствия они были расстреляны за несколько часов до прихода белых. Но в Одессе он стал очевидцем расправы над заключенными:

«Нас выпустили на прогулку во двор, огороженный от входного двора тюрьмы воротами из проржавленного волнистого железа. В железе были дыры. Я посмотрел. В полном и абсолютном молчании там стояла выстроенная прямоугольником толпа молодежи человек 80. Выяснилось впоследствии по

спискам — расстрелянных оказалось 83 человека. Большинство было в пестрых украинских рубашках, девчата были в лентах и монистах. Это была украинская «просвита», захваченная на какой-то «вечорнице». Самым страшным в этой толпе было ее молчание. Ни звука, ни всхлипывания. Толпу окружало десятков шесть чекистов, стоявших у стен двора с наганями и прочим в руках. К завтрашнему утру эти только что начинающие жить юноши и девушки превратятся в груды человеческого мяса. Перед глазами пошли красные круги».

В конце августа Солоневичей освободили «по причине отсутствия улик». Отчасти подействовало и ходатайство за них небольшого коллектива радиостанции, почти полностью состоявшего из «бывших». Их солидарность с Солоневичами была понятна: сами в любой момент могли оказаться в такой же ситуации. Формулировка постановления об освобождении: «Отсутствие улик» была более чем странной. Улики-то были! И шансов увильнуть от расстрела не было никаких! При аресте в руки чекистов попали документы, о которых, по словам Ивана, принято говорить, что они «не оставляют никаких сомнений».

Спасительную «услугу» оказал молодой еврей по фамилии Шпигель, который имел какое-то отношение к работе одесской чрезвычайки. Все инкриминирующие документы «он из чрезвычайки утащил, утащил вместе с ними и оба наших дела, и мое и жены. Так что, когда мы посидели достаточное время, нас выпустили вчистую, к нашему обоюдному и несказанному удивлению». Позже выяснилось, что в свое время Иван оказал Шпигелю небольшую заочную услугу. Они не были даже знакомы. И вот — везение, дар судьбы, в критический момент подвернулся благодарный Шпигель.

С того памятного эпизода слова «Шпигель поможет» вошли в арсенал «идиоматических выражений» семьи Солоневичей.

Тамара с суровой правдой в деталях описала первые минуты семьи Солоневичей на свободе:

«И вот мы идем — худые, голодные, оборванные. За три месяца мы не меняли платья. Ваня был арестован в рубашке и рыбацких брюках. Трудно поверить, как может выглядеть рубашка, если ее носить и в ней спать, не снимая три месяца подряд. Только на плечах и на обшлагах она еще кое-как держа-

лась, остальное были дыры и лохмотья. На мне были остатки серого костюма, которые выглядели совсем неприлично».

За время их «отсутствия» вещи Солоневичей на «даче» исчезли, даже матрацы. Все тот же неутомимый Рабинович пригнал грузовик и погрузил на него незамысловатые пожитки. Лишь железные скелеты кроватей уныло жались по углам, да лохмотья обоев шевелились на сквозняке, — снова искали тайники с драгоценностями...¹

На старое место решили не возвращаться. Поменяли квартиру. Тамара так вспоминала о ней: «В Одессе мы жили в самом центре, в двух шагах от Дерибасовской улицы, и хотя там у нас тоже было только две комнаты, они были большими и светлыми». Первой нашла работу Тамара — в АРА, — «органе» продовольственной помощи США голодающей России (American Relief Administration). Иван, имея за плечами грузчицкую практику в Петербурге, стал своим в среде одесских докеров и вскоре «подкреплял» семейный бюджет не столько деньгами, сколько «бесперебойными поставками провианта» семье. В книге «Диктатура слоя» Солоневич назвал две даты своего погружения в мир грузчиков в Одессе: 1921 и 1923—1924 гг. Видимо, когда с работой в городе было особенно плохо, Ивану приходилось рассчитывать на свой «единственный капитал», как он обычно говорил, — на крепкие бицепсы. Особенно тяжело было в 1921 году. «За годы голода и тифов я сильно ослабел физически, — писал он, — и шестипудовые мешки приобрели несвойственную им тяжесть. Мне было очень трудно. Кроме того, наличие в грузчицкой среде человека в очках вызывало недоумение и подозрительное внимание советской полиции, — меня укрывали от этого внимания».

¹ В дни, когда Тамара находилась в тюрьме, друзья с радиостанции передали ей известие о том, что в Харьковской тюрьме от тифа и истощения умерла ее мать. Арестована она была за то, что «прятала белых». «Я помню, — пишет в связи с этим Тамара Солоневич, — как я буквально билась головой о стену в моем огромном горе. Все свалилось на меня сразу. Это был один из самых страшных периодов моей жизни». Через две недели после выхода на свободу Тамара съездила в Харьков, чтобы побывать на могиле матери и утешить бабушку, которая доживала свой век в Ахтырке.

Воспоминания об Одессе, «интернациональном городе с южным оттенком», окрашены у Ивана Солоневича мрачными красками. По его словам, революция в этот город пришла на четыре года позже, чем в Петербург. По мнению Солоневича, «главной опорой большевиков в Одессе был чисто уголовный элемент, во главе с профессиональным бандитом Яшкой Япончиком». Властями предпринимались меры для подкупа городского пролетариата («допинга», по терминологии Солоневича), для чего объявлялись так называемые «дни мирного восстания», а на самом деле — повальные акции по конфискации имущества у буржуазии. Активисты должны были обходить богатые квартиры и забирать все лишнее — от нижнего белья до мебели. Скрыться хотя бы на время было невозможно. Жителям приказывали сидеть по домам, уличные перекрестки контролировались патрулями, а выходы из города были заперты отрядами Япончика.

Как писал Солоневич, «Одесса пережила отвратительные дни: вот-вот в вашу квартиру ворвутся обоего пола питекантропы и начнут рыться в шкафах и комодах, столах и сундуках. А вы будете стоять и смотреть — бессильный представитель вымирающего мира собственности». По свидетельству Солоневича, пролетариат не поддался на подстрекательство к грабежу. «Дни мирного восстания» прошли действительно мирно, желающих «пограбить награбленное» не нашлось, если не считать представителей уголовного дна, портовых подонков, «шпаны» — по одесскому лексикону. Грузчики, — товарищи Ивана, — не пошли на «разрешенный» властями грабеж. Они пытались предотвратить налеты на квартиры запуганных людей, хотя, по портовым традициям, всегда были готовы «унести на спине, увезти ночью на лодке или вообще «национализнуть» любым способом» все, что «плохо лежит».

С первых дней жизни в Одессе Иван и Тамара строили планы побега из Советской России. Иван прорабатывал легальные варианты, «устроиться где-нибудь в порту, на таможене, на границе так, чтобы до заграницы оставалось несколько шагов. Но в эти места пускали людей только с проверенными биографиями. У меня не было никакого желания предъявлять свою биографию на благоусмотрение ВЧК».

Постоянная борьба за существование, выживание семьи и свое собственное, — вот что определяло его тогдашнюю оценку советских порядков большевистской власти. Солоневич писал: «Я не думаю, чтобы в эти годы я отличался бы выдающимися аналитическими способностями. Мое отношение к большевизму было типичным для подавляющей — неорганизованной — массы населения страны. Я, как и это большинство, считал, что к власти пришла сволочь»¹.

Свою версию одесской жизни начала 20-х годов дал Борис в книге «Молодежь и ГПУ»²:

«А еще говорят — нет чудес.

— Эй, товарищ Солоневич! Зайди-ка наверх — тебе письмо тут есть.

Я поднял голову. Из окна канцелярии военкомата на 4-м этаже ухмылялось лицо какого-то приятеля.

— Да времени, брат, нет. Брось-ка, голуба, его просто вниз!

Через минуту белый листок конверта, колыхаясь и скользя, упал на мостовую. Я поднял письмо, поглядел на адрес и радостно вздрогнул. Почерк старшего брата... Больше двух лет мы не видали друг друга... Черт побери — значит, он жив и в России!..

На письме был штампель Москвы. «Каким ветром занесло его в Москву?» — мелькнуло у меня в голове. Но сейчас же я и сам рассмеялся такому вопросу. Таким же, как и меня в Севастополь. Путаные ветры были в те времена...

«Милый братик Боб, — писал Ваня, — посылаю тебе письмо наудачу на адрес Севастопольского Всевобуча. Тебя, как чемпиона, там должны, конечно, знать и найти...

Можешь себе представить, как я дьявольски рад, что ты жив. А по совести говоря, я и не надеялся видеть тебя на этом свете.

А узнал я о тебе до нелепости случайно. В Москве теперь я проездом. Живу с Тамочкой и Юрчиком под Одессой.

¹ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Новосибирск: Благовест, 1944, с. 152.

² Солоневич Б. Молодежь и ГПУ. София: Голос России, 1937. Цит. по: www.lib.ru.

По старой привычке купил в киоске «Красный Спорт». Просматриваю. Гляжу — фото — победители Крымской Олимпиады. Такие фотографии — их на пятак — дюжина. А тут почему-то я пригляделся... Судьба какая-то ввязалась в это дело. Гляжу — твоя физиономия... Вот так чудеса!.. Ну, я конечно, сейчас же на почту... Я так рад, что хоть тебя отыскал в этой нелепой каше... Где батька и Вадя — ума не приложу... Знаешь что, Bobby, — плюнь на все там — приезжай ко мне. В такое время плечо к плечу легче воевать с жизнью...

Ей-богу, приезжай, братик!..»

Второй раз звать Бориса не пришлось. Несмотря на трудности проезда в Одессу, ее особое приграничное положение, жесткий контроль над приезжающим людом, Борис, обеспечив себя необходимыми документами, в том числе и мандатом «организатора Олимпиады юга России», отправился в путь. Преодолев патрули, заградительные отряды, проверки и прочие препятствия, Борис добрался, наконец, до маленького городка Ананьева под Одессой. И вот — встреча. Первое впечатление о брате Борис запечатлел на страницах своей книги:

«Кто узнал бы в босоногом человеке, одетом в брючки и рубаху, сшитые из старых, покрытых пятнами, мешков, — блестящего журналиста и человека с высшим юридическим образованием? По внешности вышедший мне навстречу человек был похож на бродягу, пропившего в кабаке остатки своего костюма... Вероятно, любой из моих читателей со страхом отшатнулся бы от такой странной фигуры... Но для меня это был мой милый брат, шуткой судьбы оставшийся в живых и заброшенный в дебри Новороссии».

В этой же книге Борис оставил безрадостную зарисовку жизни в Одессе:

«Тяжелой была зима 1922 года! Неурожай, террор, реквизиции, паралич транспорта — все это несло с собой все обостряющийся голод. Одесса, жившая морем и портом, представляла собой пустынный вымирающий город. Вместо электричества дома освещались жестяночками с фитильками-коптилочками, дававшими копоть за 10 свечей, а светившими в четверть свечи. Воды не хватало. Водонапорная станция, расположенная в 40 километрах от города, на Днестре, не работала. И переселившись в большой город, мы носили воду

ведрами за несколько километров из колодцев. Об умывании и не мечтали: не хватало воды для питья. Топлива почти не было. В каждой комнатке стояло изобретение эпохи «военного коммунизма» — жестяная печурка, называвшаяся «временкой» или почему-то «румынкой», — которую топили случайными материалами, начиная от собственной мебели и кончая соседними заборами».

В семейном фотоальбоме Солоневичей сохранился снимок, иллюстрирующий эти слова Бориса: он сидит в уличной одежде у «румынки», протянув к огню ноги в грубых башмаках и солдатских обмотках. Спортсмен, волевой человек, привыкший преодолевать трудности и лишения, снят в момент невеселых раздумий. Как жить? Что делать? В то время Борис работал «раздельщиком» на автомобильном кладбище, получая в качестве пайка один килограмм черного хлеба на всю семью. Дополнительные средства на жизнь давало участие в «чемпионатах французской борьбы». Чтобы придать им привлекательность, организаторы называли их международными и в срочном порядке подыскивали нескольких «иностранцев». Так Борис стал Бобом Кальве, «австралийским чемпионом», оказавшимся в Одессе случайно, «проездом в Москву». Артистические данные у Бориса несомненно были: «В своем американском пальто, скаутской шляпе, золотых очках, я с важным и надменным видом появлялся в театре и с успехом изображал иностранца, владеющего только «австралийским языком».

Как выживали Солоневичи в тяжелые месяцы «хаоса и разгрома»? По их рассказам, они создали что-то вроде «бродячего цирка», который «гастролировал» по селам в 2—3 десятках верст от Ананьева. Неискушенные в цирковом жанре селяне-украинцы охотно приходили на «грандиозные вечера смеха и силы», в которых братья выкладывались до предела: они «пели, декламировали, показывали незатейливые фокусы и, наконец, потрясали нехитрые мозги зрителей «грандиозным гала-спорт представлением». Как вспоминал Борис, «наши силовые номера производили фурор. Было здесь и поднимание всяких доморощенных тяжестей, и «разбивание камней на грудях», и «адская мельница», и «мост смерти», и прочие эффекты... Если удавалось — провоцировали на выступление какого-нибудь местного силача, который обычно срамился, не зная специальных трюков. После этого мы устраивали

схватку «на первенство мира по борьбе», с соответствующими «макаронами» и «грозным ревом разъяренных противников». При хороших сборах мы угощали зрителей на десерт дополнительным блюдом — схваткой по боксу в самодельных перчатках из брезента, как рашпилем рвавших кожу при случайных ударах по лицу»...

Посещение «цирка» селяне «оплачивали» натурой: салом, мукой, яйцами, крупой, маслом. Иногда циркачей вознаграждали живностью: курами, гусями, поросятами. Домой братья возвращались, груженные мешками с продовольствием. Тамара тоже помогала пополнять семейный бюджет. Она, по свидетельству Бориса, «раздобыла рецепт простого мыла, варила его и с большим успехом торговала на базаре».

Переезд в Москву

В 1922—1923 годах Иван работал преподавателем гимнастики, затем перешел в Одесский продовольственный губернский комитет инструктором по физкультуре. В 1926 году Солоневичи покинули Одессу и переехали в Москву. Иван, используя связи, устроился на работу в ВЦСПС на инспекторскую должность по физкультуре и спорту. В одном из позднейших (заграничных) интервью Солоневич, не страдая в данном случае от скромности, отметил: «До 1930 года я фактически руководил спортом и туризмом СССР. В этом качестве ездил по всей России и Азии. Видел повсюду ужасную бедность и тогда понял, что при этом положении не только спорт невозможен в СССР, но даже и обыкновенная жизнь. Все наше семейство решило бежать из СССР»¹.

Говоря «все наше семейство», Иван имел в виду и брата Бориса, который в 1926 году тоже переехал в Москву, чтобы занять пост инспектора спорта ВМФ. Борис получил жилье на Тверской улице в доме 75, но ненадолго. Его арестовали за «нелегальную скаутскую работу» и сослали на Соловки. «Жилплощадь» брата, — комнату в «коммуналке», — унаследовал Иван, который описал ее в самых неприглядных красках: «В квартире было семь комнат, и в семи комнатах жили

¹ Интервью опубликовано в болгарской газете «Утро» 5.02.38.

восемь семейств. Одно из них жило в ванной. По утрам в коридоре шипели восемь примусов. По ночам из пяти комнат доносился крик неизвестного мне количества детей. По всем комнатам и коридорам квартиры безданным и беспощадно бродили неисчислимы полчища клопов. Это был «жилищный кризис», который начался с началом революции и стихийно растет и до сих пор... В Москве оказалось вовсе невозможно жить. По крайней мере, для меня. Я могу выносить: примусы, детей, споры из-за уборной и пререкания из-за кухни, но к клопам у меня решительно то же отношение, что и к социализму: я не могу. Я сбежал. Но это мне удалось не сразу»¹.

Сбежал Иван Солоневич в Подмоскovie. Весомой причиной для поиска «уединенного» жилья было стремление «не светиться» по адресу Бориса: излишний интерес соседей, письма с признаками вскрытия, пристальный интерес к нему со стороны членов домкома, — все это не обещало ничего хорошего.

Московские будни казались Солоневичу серыми и бесконечными... Несколько скрашивали жизнь многочисленные обязанности по его должности в Центральном комитете профсоюза советских и торговых служащих: инструктор по спорту и туризму, — это звучало авторитетно. Политика то и дело вторгалась в столь, казалось бы, далекое от идеологии дело. Приходилось «маневрировать», кривить душой, липовать, «корректировать» реальное состояние вещей:

«Меня заставляют разрабатывать и восхвалять проект гигантского стадиона в Москве. Я знаю, что для рабочей и прочей молодежи нет элементарнейших спортивных площадок, что люди у лыжных станций стоят в очереди часами, что стадион этот имеет единственное назначение — пустить пыль в глаза иностранцев, обжудить иностранную публику размахом советской физической культуры. Это делается для мировой революции. Я — против стадиона, но я не могу ни протестовать, ни уклониться от него... Я вру, когда работаю переводчиком с иностранцами. Я вру, когда выступаю с докладами о пользе физической культуры, ибо в мои тезисы обязательно вставляются разговоры о том, как буржуазия запрещает ра-

¹ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. С. 150.

бочим заниматься спортом и т.п. Я вру, когда составляю статистику советских физкультурников — целиком и полностью высосанную мною и моими сотоварищами по работе из всех наших пальцев, — ибо «верхи» требуют крупных цифр, так сказать, для экспорта за границу»¹.

По традиции, Иван Солоневич брался за любую дополнительную работу. Подряжался даже в качестве гида для иностранных туристов, которых называл «лоботрясами». Среди «подработок» — чтение лекций на спортивные темы. По подсчетам Ивана, в его «активе» было не менее 500 прочитанных докладов в различных уголках страны. Эти сверхнагрузки помогли ему не только избавиться от дефекта, с которым он настойчиво боролся — косноязычия, но и приобрести прочные ораторские навыки: «В советской России нельзя было не уметь говорить, — писал он. — Даже самый заваливший инструктор гимнастики был обязан делать доклады».

Чтобы заработать, Иван проводил показательные тренировки в вузах столицы, составлял брошюры-методички по постановке физкультуры и спорта в профсоюзах. В 1928 году «ударными темпами» подготовил солидные руководства по триста с лишним страниц — «Гиревой спорт» (для Книгоиздательства ВЦСПС) и — «Самооборона и нападение без оружия: элементарное руководство» (для Издательства НКВД РСФСР). Руководство по самообороне прошло у чекистов «на ура». Солоневича несколько раз приглашали в «Динамо» для дачи консультаций тамошним тренерам. Благодаря этому пособию Солоневич вписал свое имя в плеяду основоположников борьбы самбо, в число которых входят Ознобишин, Ощепков, Харлампиев и Спиридонов.

Тамара устроилась переводчицей в Комиссию Внешних Сношений ВЦСПС, которая находилась в том же самом здании, где работал Иван. Первым «боевым» опытом для Тамары стало «сопровождение» делегации английских горняков по Советскому Союзу. Длительная забастовка рабочих Англии широко освещалась советской прессой, на поддержку их борьбы с капиталистами по всей стране собирались средства, имена лидеров «героических шахтеров» были у всех на слуху.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 28—29.

Беспокоило Тамару только одно: как посмотрит Иван на ее участие в «большевистском представлении» для английских пролетариев:

«Я поспешила вниз к мужу. Рассказала, в чем дело. Нам обоим, конечно, было неприятно расставаться, тем более что до этого мы несколько месяцев провели врозь, он в Москве, а я в Одессе. Но предложение казалось мне настолько соблазнительным, мне так хотелось войти в контакт с настоящими, живыми англичанами, и казалось, что двери за границу как будто приоткрываются. Мечты бурным вихрем завертелись в моей голове. Обсудив все, мы решили, что поехать все-таки стоит».

Своими впечатлениями и наблюдениями об этой 40-дневной поездке, организованной Профинтерном, Тамара поделилась с эмигрантским читателем через десять лет. «Записки советской переводчицы» публиковались вначале в газете Солоневича «Голос России», затем вышли отдельным изданием¹. Масштабная даже по советским понятиям пропагандно-туристическая поездка «братьев по классу» была описана Тамарой с хроникальной точностью, с таким изобилием подробностей, мимолетных эпизодов, деталей поведения профсоюзного начальства и английских гостей, что, несомненно, эта повесть до сих пор сохраняет ценность исторического и человеческого документа. Тамара попыталась рассказать о том, какими методами и средствами, по ее мнению, создавалась «потемкинская иллюзия» о благополучии и процветании Страны Советов в глазах иностранцев. И о том, какие чудеса словесной эквилибристики приходилось совершать членам «группы обслуживания», включая переводчицу, чтобы не допустить какого-либо политико-идеологического «прокола», не вызвать подозрений в том, что ярко раскрашенные «домики достижений социализма», нередко являются декорациями-временками.

Спецвагоны, выделенные для делегации, преодолели тысячи километров: Тула, Харьков, шахтерские городки Донбасса, Кисловодск, Грозный, Тифлис, Баку. Везде повторялось одно и то же: многолюдные встречи на вокзалах, акты солидарности, интервью, обильные застолья и неизбежные подар-

¹ Солоневич Т. Записки советской переводчицы. София: Голос России, 1937.

ки — от самоваров до ящиков с азербайджанским коньяком. Тамара признавалась, что даже на нее, убежденную антикоммунистку, эти тщательно спланированные Профинтерном мероприятия оказывали влияние:

«Жизнерадостность, любопытство, почти детская восторженность от инсценированных большевиками приемов, митингов и голосований, немного раздражали, немного смешили и немного умиляли. Очень часто я ловила себя на сознании, что я раздваиваюсь: с одной стороны, мне до боли хотелось сказать англичанам правду о настоящем положении вещей, с другой, — какая-то безотчетная русская гордость вспыхивала и загоралась, когда они восторгались нашими просторами, нашей дивной кавказской природой, нашим гостеприимством».

Из этой поездки Тамара вернулась не с пустыми руками: не суррогатным, а настоящим коньяком для Ивана и чеканной фразой, которую могли тогда разделить все ее коллеги по профессии:

«Тяжела ты, шапка советской переводчицы!»

В мае 1927 года у Ивана появилась перспектива «легального» выезда за рубеж. Ему предложили место заведующего клубом советского торгпредства в Англии. Уже на следующий день мечты о загранице развеялись. В газетах было опубликовано сообщение о налете британской полиции на офис и склады советской торговой компании «Аркос». Были захвачены компрометирующие документы, которые косвенно свидетельствовали о том, что некоторые сотрудники компании занимались разведывательной работой. Дипломатические отношения между Советским Союзом и Англией были разорваны с разочаровывающими последствиями для Солоневича: «розовые надежды были отодвинуты до следующей okazji».

Работа инструктором культотдела ЦК Союза Совторгслужащих вроде бы стала приносить плоды. В 1928 году Солоневича «запланировали» в заграничную командировку с целью закупки спортивного инвентаря. Санкции «органов» на поездку он так и не получил. О причинах отказа Солоневичу, разумеется, не сообщили. «Неблагоприятное» для него заключение ЭКУ ОГПУ осело в архивах. Не обратились к нему, как обещали, и по поводу переиздания руководства «Самооборо-

на и нападение без оружия». Иван пытался выяснить причины утраты интереса к его пособию, но наткнулся то на отговорки, то на невнятные обещания «разобраться».

В обществе «Динамо», куда Солоневич был вхож в качестве нештатного тренера, на него стали посматривать косо, и он под благовидным предлогом отказался от работы. Все понятно: нащупали какой-то компромат. Персона нон грата. Поэтому не стоит навязываться. Раздражение его в адрес «Динамо» так никогда и не прошло: помогал им выигрывать медали, а они отплатили ему своей обычной монетой, «чертовыми черепками». К динамовской теме Иван впоследствии возвращался неоднократно. Он хорошо знал ее и не хотел, чтобы пропал «ценный исторический материал».

По оценке Солоневича, «Динамо» — это пролетарское спортивное общество войск и сотрудников ГПУ, в сущности, один из подразделов ГПУ — заведение отвратительное в самой высокой степени, даже и по советским масштабам. Официально оно занимается физической подготовкой, неофициально оно скупает всех мало-мальски выдающихся спортсменов СССР и, следовательно, во всех видах спорта занимает в СССР первое место... «Динамо» выполняет функции слезки в спортивных кругах, «Динамо» занимается весьма разносторонней хозяйственной деятельностью, строит стадионы, монополизировало производство спортивного инвентаря, имеет целый ряд фабрик — и все это строится и производится исключительно трудом каторжников. «Динамо» в корне подрезывает всю спортивную этику («морально то, что служит целям мировой революции»)... В те годы, когда я еще мог ставить рекорды, мне стоило больших усилий отбояриться от приглашений «Динамо».

Через два с лишним десятилетия в романе «Две силы» Солоневич вновь вернется к «динамовской теме»:

«Динамо» — спортивное общество сотрудников ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД, — учреждение со столь же многообразными названиями, как и функциями, проявляло трогательную заботливость о здоровье сначала чекистов, потом гепеушников, потом энкаведистов и прочих таких людей, которые, впрочем, среди своих предпочитали называть себя по старинке: чекистами. Заботливость эта имела свои основания: очень немногие имели силы долгое время выдерживать режим ноч-

ной работы, допросов, пыток, расстрелов и прочего. Да и те, у кого оказывался достаточный запас моральной непроницаемости, никак не были гарантированы от всякого рода служебных и партийных «оргвыводов». Такого рода оргвыводы кончались то ли концентрационным лагерем, то ли подвалом. Словом — положение было не очень устойчивым. Но пока чекист стоял на посту, о нем заботились»¹.

Тренерские связи с «Динамо», которые Иван Солоневич не отрицал, будут использоваться его недругами в эмиграции для обвинения в работе на ГПУ-НКВД: мол, ненадежных людей «со стороны» в «Динамо» не брали.

Скитания скаута Бориса Солоневича

Среди причин, которые побуждали Ивана Солоневича заняться планами «семейного ухода» за границу, были опасения за Бориса. «Органы» мертвой хваткой вцепились в него. Вначале отправили на Соловки за «подпольную скаутскую деятельность», доведя почти до полной слепоты, затем перебросили в Сибирь в качестве ссыльного, а позже — в Орле, — пытались через свою агентуру втянуть брата в «антисоветскую организацию», чтобы окончательно захлопнуть ловушку. Борис в письмах, которые передавались Ивану через редкие «оказии», намекал: «Мои *проблемы*, известные тебе, по-прежнему существуют, причем независимо от меня».

Иван не сомневался в том, что «органы» присматриваются, подбираются и к нему. Рано или поздно он на чем-либо попадет. Иногда достаточно анекдота, рассказанного не в той компании, чтобы надолго загреть «к черту на кулички». А наличие брата-антисоветчика, подпольного организатора скаутского движения, — это хороший предлог для построения «следственного романа». Чтобы не допустить нежелательного развития событий, надо предупредить «органы», ускорить уход за кордон. С Борисом в одной «команде» (с его-то скаутской школой выживания!) шансы на успех предприятия значительно повышались...

¹ Солоневич И.Л. Две силы. Цит. по интернет-публикации на www.rus-sky.com.

Жизнеописание Ивана Солоневича невозможно без досконального знания судьбы его alter ego — Бориса, который долгие годы был главной опорой Ивана в житейских, спортивных, издательских, общественно-политических и пропагандистских делах.

В автобиографиях, которые пришлось писать Борису вначале для следователей ГПУ-НКВД, а затем — в эмиграции — для сотрудников полиции и контрразведки РОВСа в Финляндии и Болгарии, он сообщал о себе дозированные сведения, «в зависимости от адресата». От чекистов он утаивал факты участия в Белом движении, от РОВСа и полиции — подробности своей тренерской работы в «Динамо». Это общество было «чекистским», и Борис понимал, что в соответствии с логикой полицейских дознавателей и контрразведки РОВСа, — его близость к «Динамо» была подозрительной.

Сравнение (совмещение) автобиографий Бориса «для тех и других» дает наглядное представление о сложных перипетиях его жизни, скитаниях по взбаламученной революцией России, проблеме выбора (с белыми или красными?), опасных играх с ГПУ-НКВД. Из всего этого проистекает одно: в самые сложные времена Борис старался сохранять внутреннюю свободу, верность скаутским идеалам дружбы и взаимопомощи.

Он родился 20 января 1898 года в деревне Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии. Учился в гимназии в Вильне, затем в Петрограде. Был помощником начальника скаутов России С.И. Пантюхова «в чине» старшего скаутмейстера. Участвовал в чемпионатах различного уровня по вольной борьбе, часто занимал призовые места. В 1914 году поступил на кораблестроительное отделение Петроградского политехнического института, но окончил всего два курса. Война — не до учебы! Во второй половине 1917 года перебрался к отцу на Кубань «из-за голодной жизни в Петрограде».

В 1918 году Борис переехал в Екатеринодар (Краснодар), где работал корреспондентом газет «Свободная речь» и «Единая Россия». Позже устроился преподавателем физкультуры в реальном и техническом училищах. Пригодился также опыт, приобретенный в скаутских отрядах Вильно и Петрограда: он стал начальником городского «образцового отряда скаутов». По этой работе Солоневич тесно общался с Цитовичем, будущим автором книги «Русский скаут» (глава о физкультуре

была написана Борисом). Солоневич «на добровольных началах» возглавлял спортклуб «Унион», был капитаном футбольной команды. Особенно запомнились ему футбольные матчи с англичанами, которые в азарте и упорстве не уступали русским соперникам.

По собственной инициативе Борис Солоневич пошел служить в Осведомительное Агентство Добрармии (ОСВАГ), совершил несколько «ходов» на советскую сторону. В начале марта 1920 года Борис в составе Алексеевского военного училища отступил с Кубанской армией на Туапсе. Был ранен и эвакуирован в Феодосию. Футбольный фанатик доктор Доброхотов помог Борису перебраться в Севастополь и устроиться там на работу в качестве переводчика на складе Красного Креста. С первых же шагов в городе он стал собирать под свое крыло скаутов и играть в футбол в команде Севастопольского кружка любителей спорта.

За неделю до перекопских боев Борис был командирован Красным Крестом в Константинополь. Узнав о прорыве красными крымского фронта и об эвакуации полуострова врангелевцами, Солоневич решил вернуться в Россию, «чувствуя себя неразрывно связанным со своей страной» (из показаний в ГПУ 1926 года). Борис прибыл в Ялту на борту «попутного» американского миноносца, как раз тогда, когда на транспорты грузились последние отряды белых и их семьи. В ходе более позднего допроса в ГПУ (в марте 1932 года) Борис, объясняя причины возвращения в Крым, дал несколько иную интерпретацию своего поступка: «Остался в России потому, что мало разбирался в политике и желал приносить посильную пользу в новой стройке».

После установления советской власти в Крыму Всеобуч объявил о «добровольной мобилизации спортсменов», и Борис в числе первых предложил свои услуги. Его назначили заведующим 1-м Севастопольским рабочим спортклубом. Привлекался он также к спортивно-организаторской работе ВМС РККА, где на него был заведен послужной список. В тот же период, несмотря на «неразумность» данного шага, Борис тайно возглавил скаутскую дружину.

В 1921 году Солоневич ненадолго стал председателем Крымского олимпийского движения. В октябре этого же года, «спасаясь от преследований Чека» (формулировка для РОВСа),

переехал в Одессу и продолжил работу во Всеобуче. В декабре из-за анонимного доноса был арестован в городе Ананьев Одесской губернии и обвинен в контрреволюционной деятельности в годы Гражданской войны. Из-под конвоя бежал, некоторое время находился в Одессе на нелегальном положении.

В 1922 году Борис организовал Одесский легкоатлетический клуб и устроился в местный филиал АРА в отдел выдачи посылок. К этому времени относились последние попытки Бориса отстоять самостоятельность скаутских отрядов, сократить до минимума «протекторат» Всеобуча и комсомола над ними. (Версия по этому периоду жизни для РОВСа: «Арестован Одесской Губчека по обвинению в «организации боевых скаутских банд, подготовке восстаний на Дону и Кубани». Приговорен к двум годам за бандитизм. Находился несколько месяцев в Одесском ДОПрЕ. Освобожден досрочно).

Некоторые обстоятельства этого ареста Борис описал в книге «ГПУ и молодежь». По его словам, Иван и Тамара терялись в догадках: за что? Только ли за подпольную скаутскую работу? Борис — импульсивен, склонен к безрассудным романтическим поступкам. В какую новую авантюру он влез?

Первое «зашифрованное» известие от Боба поступило в книгу, которую передал Ивану один из выпущенных сокамерников. Боб просил о помощи. Помочь могли американцы из АРА, и Иван поспешил к ним. Те предприняли попытку вызволить Бориса, но без успеха. Председатель губернской ЧК Семен Дукельский¹ принял американцев и заявил им, что Борис является «важным государственным преступником», «советским подданным», и что органы власти не обязаны отчитываться перед иностранцами о своих действиях. Дукельский

¹ Дукельский Семен Семенович (1892—1960) — сын пекаря, образование получил в Елисаветградском училище и оперно-музыкальной частной школе в Киеве. До Первой мировой войны работал в типографии, потом пианистом-аккомпаниатором в кинотеатрах. С 1915 по 1917 г. служил в музыкальной команде лейб-гвардии Московского полка. В 1917 г. вступил в РСДРП(б). С 1920 г. — в органах ВЧК на Южном и Юго-Западном фронте. В 1921—1922 гг. — председатель Одесской губернской ЧК (ГПУ). С небольшими перерывами (в связи с переводом на «хозяйственную работу») служил в органах госбезопасности до 1937 г. Некоторое время «руководил» советским кино. В июне 1953 г. был уволен на пенсию. Умер персональным пенсионером союзного значения.

говорил с американцами подчеркнуто грубо, и они сделали вывод, что положение их сотрудника безнадежно.

О безжалостности «предгуба» ЧК к «врагам» советской власти ходили мрачные легенды. Рассказывали, что на Украине в годы Гражданской войны Дукельский оставил за собой кровавый след репрессий, возглавляя особые отделы на фронтах и отвечая за борьбу с бандитизмом. О своих подвигах он написал «историко-автобиографическую» книгу «ЧК-ГПУ на Украине». Работа была с претензиями: обширный статистический материал, подробное изложение «идейной базы» бандитов-повстанцев, детальное описание чекистских операций. Начальство на Лубянке признало книгу идеологически незрелой попыткой интерпретации недавних событий на Украине, к тому же отягощенной «несвоевременным» раскрытием методов работы «органов». Уже напечатанный труд был изъят из типографии и пущен под нож. Для Дукельского это было трагедией: он считал себя не только выдающимся историком гражданской войны, но и талантливым писателем.

Уцелевшие экземпляры «ЧК-ГПУ на Украине» являются сейчас библиографической редкостью и, одновременно, свидетельством завышенной писательской самооценки Дукельского. Вот фрагмент его книги, посвященный событиям декабря 1919 года: «Разбитое Красной Армией наголову родовое дворянское офицерство с досады лихорадочно гнало на юг целыми эшелонами награбленное в походах добро. Предчувствуя агонию, заматались в конвульсивной горячке спекулятивные элементы. Командный состав вакхически закрутился в безудержном вихре беспросыпного пьянства, требовалось море вина, чтобы залить, утопить безнадежность, тоску и крушение надежд. Железные дороги были запружены бившимися в истерике офицерскими семьями, целыми таборами «отступавшими» перед пулями Красной армии. Белогвардейский тыл бросало в холод и жар, лихорадило».

Внешне Дукельский казался нескладным, даже неуклюжим, но аффектированная, властная жестикуляция рук напоминала о том, что это человек быстрых и, как правило, не подлежащих пересмотру решений. Он ходил в неизменном военном френче, синих галифе и хромовых сапогах. Бритая, «под Котовского», голова, торчащие уши и угадывавшийся за стеклами очков недоверчивый взгляд, — придавали ему зловещий

вид. Когда Дукельский появлялся на улицах города, одесситы старались не попадаться ему навстречу. Его отказ «амнистировать» Бориса мог означать самое страшное: включение арестованного в очередную разнарядку по «разгрузке» города от контрреволюционных элементов.

Из тюрьмы Бориса выручила его сослуживица из АРА — Тамара Войская. Она симпатизировала веселому спортивному парню и, узнав об аресте, сделала все возможное, чтобы спасти его. В книге «ГПУ и молодежь» есть изложение рассказа Ивана о действиях Войской по вызволению Бориса:

«Она все время живо интересовалась твоей судьбой. Все ахала и придумывала способы спасти тебя. Молодец! Бой-баба! Тут судьба на твое счастье принесла в Одессу какого-то важного чекиста из Москвы. На курорт приехал — вероятно, отдыхать после московских расстрелов. И как раз этот чекист оказался старым знакомым семьи Тамары. Тут она в него и вцепилась мертвой хваткой. А тому, понимаешь, тоже лестно оказать свою протекцию, показать свой вес, свою власть и значение. Словом, пошел он в ЧК к Дукельскому, председателю. Уж не знаю, долго ли и как они там договаривались... Кажется, Дукельский так и сказал этому московскому чекисту: «ну, знаете, только для вас»... Черт тебя знает, Bobby. Видно, крепко у тебя душа к телу пришита. Но смеха у нас, признаться, много было в городе, когда узнали, что ты вдруг превратился в «бандита»...

В 1923 году Борис вернулся в Севастополь, где стал вести спортивно-тренерскую работу по линии военно-морского флота. Она не раз была отмечена благодарностями и поощрениями командования, быстрым служебным ростом. Вскоре он был назначен инспектором физической подготовки штаба РКК Черноморского флота. Он часто ездил в командировки в Москву. Там, осенью 1925 года, встретился со стройной девушкой с серыми глазами и длинными косами — Ириной Пеллингер, которую знал по прежним скаутским делам. Ирина училась в университете, работала инструктором физической культуры в «Серебряном Бору», куда зачастил Борис: «По ее особой рекомендации в этот дом отдыха можно было приезжать по воскресеньям, получать скромный обед и провести весь день на берегу Москва-реки, в могучем сосновом лесу. И, возвращаясь из своих частых плаваний по морям, я

с особенной радостью уезжал из душной Москвы за город — отдохнуть, к Ире».

Влечение было взаимным. И все-таки Борис колебался: имеет ли он моральное право как руководитель подпольной организации скаутов заводить семью, заведомо зная, что впереди его ждут нелегкие испытания, повседневная борьба с режимом без реальных шансов на победу. Однажды он прямо высказал Ирине свои сомнения. Ее ответ не заставил себя ждать: «Она медленно положила свою руку на мою и тихо ответила, прямо глядя на меня своими серыми глазами: «Где ты, Кай, там и я, Кай»».

В 1926 году Борис Солоневич вновь пошел на повышение: был переведен в Москву на должность инспектора физподготовки ВМФ. Он стал заметной фигурой в спортивном мире столицы: председателем тяжелоатлетической секции ВСФК, главным судьей и председателем арбитражной комиссии первенства СССР по тяжелой атлетике. Третье место выигрывал чемпионат московского «Динамо» по борьбе и гирям; представляя «Динамо», был вторым по боксу в тяжелом весе по Москве и в первенстве Закавказья. В Московском университете Борис, сдав экстерном необходимые экзамены, получил диплом врача по оздоровительной физкультуре. С этого момента Солоневичи стали его звать, при соответствующих оказиях, «доктором Бобом».

И вот, когда, казалось, что жизнь наладилась, — 2 июня 1926 года — арест! По постановлению Коллегии от 26 сентября Солоневич был приговорен к пяти годам концлагеря по статье 58 п. 5 Уголовного кодекса «за участие в организации, оказывающей помощь международной буржуазии, за руководство подпольными скаутскими отрядами» (дело № 37545). (Справка Бориса для РОВСа: «Было арестовано более тысячи девушек и юношей. Не менее двухсот из них было направлено в ссылку. Вместе со мною на Соловках оказалось 15 юношей и 2 девушки. Для мировой печати это дело прошло незамеченным»).

Находясь в следственной тюрьме, Борис узнал о рождении сына. Увидел он его только на вокзале, во время погрузки этапа. Иван и Ирина с малышом, закутанным в пеленки, пришли проводить его. Проводить издали, потому что охрана не позволяла приближаться к арестантам. Через шум толпы донеслись до Бориса их голоса: Ирины — «До свидания,

Боб, до свидания!», и брата — «Cheer up, Bobby! (Держись, Бобби!)». Сыниску Борис все-таки смог подержать в руках: один из охранников, не устояв перед просьбами Ирины, принес малыша в арестантское купе. В честь небесного покровителя скаутов сын был назван именем Георгий.

Свой срок Борис отбывал в 1926—1928 годах в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения (СЛОНе). Первые месяцы провел на пересыльном пункте острова Попова, затем — на острове Соловки в 1-м отделении «монастыря». Некоторое время работал «на баланах»¹, после чего его назначили заведующим спортивной секцией лагеря. «По заданию» воспитательно-просветительского отдела СЛОНа подготовил научную работу на тему «Физкультура как метод пенитенциарии». Ее опубликовали в «Криминологическом вестнике» Соловецкого общества краеведения. За «честное стремление» к успешной «перековке» по решению Совета «Динамо» Борису была вручена в 1927 году денежная премия.

В начале 1928 года санчасть Соловецкого лагеря направила Солоневича в Ленинград (без конвоя!) «для обследования прогрессирующего заболевания глаз и прохождения специального лечения в тюремной больнице им. Гааза». Врачи подтвердили, что зрение у Солоневича резко ухудшилось и что есть угроза наступления полной слепоты. Специалисты указали на необходимость срочной «перемены климата» для пациента. Коллегия к рекомендации прислушалась: 14 мая 1928 года Солоневич был переведен в «административную ссылку» в Сибирь.

Полномочный представитель ОГПУ в Новосибирске Л.М. Заковский² распорядился трудоустроить Бориса в обществе

¹ Б а л а н — бревно; катать «баланы» — работать на подкатке и погрузке бревен.

² Заковский Леонид Михайлович (Генрих Эрнестович Штубис; 1894—1938) в ВЧК с декабря 1917 г. С февраля 1926 г. — полномочный представитель ОГПУ по Сибири и по совместительству начальник Особого отдела Сиб. военного округа. В 1928 г. во время поездки И.В. Сталина по Сибири входил в спецгруппу по обеспечению его безопасности. С 10 декабря 1934 г. — начальник Управления НКВД по Ленинградской обл. Под его руководством в январе — марте 1935 г. в Ленинграде и области было репрессировано около 11 тыс. человек. Один из близких сотрудников Н.И. Ежова. Сам стал жертвой репрессий. Не реабилитирован.

«Динамо» в Томске. Однако окончательное решение по Солоневичу принял нарком Ягода. Он запомнил мускулисто-го спортсмена на каком-то из соревнований «ведомственного характера» и резонно решил, что «этот Геракл» должен и впредь поддерживать спортивный престиж «Динамо». Заместитель начальника Томского отдела ОГПУ В.Я. Шешкен тут же дал указание об устройстве Бориса тренером.

До 1930 года Солоневич трудился под опекой чекистов на спортивной ниве в Томске, где написал еще одну «подневольную» научную работу на тему: «Анализ болезней сотрудников ГПУ под углом зрения работы «Динамо». В Центральном совете спортобщества его труд был признан актуальным и своевременным. Забота ссыльного о здоровье чекистов тем более выглядела трогательно. Вскоре Борис был вознагражден. В связи с новым «ухудшением зрения и обострением малярии» врачебная комиссия ПП ОГПУ Сибирского края вынесла заключение, что континентальный климат является для ссыльного «гибельным». После всех необходимых согласований и визирований Борис купил плацкартный билет до Москвы и весной 1930 года покинул Томск. До определения места «высылки» он работал инструктором физкультуры в Люберецкой трудколонии. Несколько раз встретился на «полуконспиративной основе» с Иваном. Им было о чем поговорить.

В книге «ГПУ и молодежь» Борис изложил содержание бесед с братом «в милой Салтыковке» как один-единственный разговор осенью 1930 года. Борис уточнил для читателей, что очутился в Салтыковке проездом, «следуя из ссылки в высылку: из Сибири — в город Орел». После четырех лет разлуки он многое рассказал брату «о своих приключениях и переживаниях», которые были, по оценке Бориса, «и смешными, и трагичными, и трогательными, и страшными».

Иван внимательно, с сочувствием слушал, курил, иногда покачивал головой, словно находя в словах брата отзвук своим сокровенным, вновь и вновь подтверждаемым размышлениям. Иван дал Борису возможность высказаться до конца, не перебивая, не комментируя услышанного.

«Ну, и к какому ты выводу пришел после всего этого?» — неожиданно спросил он Бориса¹.

¹ Диалог с сокращениями излагается по книге Б. Солоневича «ГПУ и молодежь».

«О чем это?»

«Да вот, о советской действительности?»

«Да какой же может быть иной, кроме самого пессимистического!»

«Ну, слава богу, значит, и твой оптимизм дал наконец трещину»

«Ну, уж сразу и трещину... Оптимизм — это не политический анализ, а, так сказать, точка зрения на мир. Но, вот, насчет «новой жизни» и соцстроительства — последние надежды, действительно, ушли бесповоротно... Нашей русской молодежи нет места в этой стране».

«Только вашей, как ты говоришь, непокорной молодежи нет места? А другим — мирно и сладко живется? Неужели, по-твоему, кто-нибудь выиграл во всей этой идиотской истории, именуемой пролетарской революцией?»

«Ну, чекисты, по крайней мере, выиграли».

«Во всяком государстве есть палачи, и им, как правило, сытно живется. И той сволочи, на которой держится советская власть и для которой жизнь и слезы человеческие — песок под ногами, — им тоже кое-как живется!.. И вот, собралась такая шайка ни перед чем не останавливающихся людей, связала каждого взаимной поручкой пролитой вместе крови и творит эксперименты»...

«Так что же, по-твоему, перебить эту сволочь?»

«Поздно уже. Надо было раньше... Да не сумели. Сперва деликатничали, а потом не так взялись за борьбу. А теперь уже поздно — аппарат власти в их руках. Мы голыми руками ничего не сделаем».

«Так что же: *faire bonne mine au mauvais jeu*?».

«Ну, это уже к черту! А выход, по моему мнению, простой — если тебе, как ты сам говоришь, нет места в этой стране, давай уйдем в другую!»

«Драпать за границу?»

«Ну, конечно... Не гнить же здесь, бессильно сжимая кулаки, и еще притворяться «энтузиастом социалистической стройки»... Вот, возьми — сколько хороших ребят хотело быть полезными стране... Этак по-хорошему. Вот и скауты, и соколы — да мало ли кто еще хотел быть просто русским, просто полезным России. Но ведь, как ни работай, все равно все это идет на пользу мировой революции и советской шайке»...

И еще один вывод сделал Иван о перспективах жизни в СССР — своих, Бориса, всех, кто принадлежал к клану Солоневичей: «А здесь — мы на учете, и на плохом учете. Помочь им (России и русскому народу. — Н.Н.) здесь уже ничем не можем. Эта иллюзия лопнула. Нам в советских условиях можно теперь быть либо рабами, либо погонщиками рабов. Третьего не дано. А мы ни для того, ни для другого не приспособлены».

Возможно, Иван затеял этот разговор преждевременно. Даже после Соловков и сибирской ссылки Борис был настроен к режиму примирительно: он спешил к семье, хотел забыть, выбросить из головы лагерные воспоминания, приспособиться к советской жизни, которую он прежде видел, по его словам, «только с оборотной стороны, со стороны изнанки». Должна же быть у нее какая-то другая сторона, лояльная, человеческая, дающая право на жизнь без страха после того, как «ошибки прошлого» были искуплены годами неволи. «Дай толком оглядеться да очухаться», — сказал Борис на прощание брату. Он был прав, откладывая решение, потому что принимать его нужно было не в одиночку, «с индивидуальной точки зрения», а вместе с Ириной, «Ладой-Снегурочкой»...

Местом ссылки для Бориса был определен «тихий богоспасаемый» город Орел. Два-три месяца он работал тренером в спортивном клубе, потом заведующим фотолабораторией в отделе технической пропаганды на железной дороге. В задачи отдела входила популяризация передовых идей модернизации транспорта, введения НОТ, ознакомления рабочих с новыми технологиями на «железке». Оформленные Борисом «наглядные пособия» пользовались успехом у начальства. Чтобы идти в ногу с прогрессом, Борису приходилось много читать по предмету пропаганды, ездить по области, фотографировать, переводить снимки на диапозитивы. Попутно Борис подрабатывал инструктором физкультуры на железнодорожном узле, руководил районной световой газетой, был внештатным сотрудником газет «Гудок», «Орловская правда», «Рельсы гудят», а также журнала «Физкультура и спорт».

Очень быстро Борис стал популярной фигурой в городе: его узнавали по энергичной походке, разлетающейся непокорной шевелюре, очкам, а также неизменным бушлату и тельняшке, которые он носил не столько из-за романтической

преданности морю, сколько в силу практичности этой одежды. Через плечо — на ремне — фотоаппарат или чертежная «труба», в которой Борис хранил очередные шедевры «наглядной агитации».

Чтобы добиться полной реабилитации, Борис занимался общественной работой: был заместителем председателя учебно-методического комитета ГСФК, членом Горсовета ОПТЭ, вел секцию стрелкового дела. В июле 1931 года вступил в профсоюз железнодорожников. В Орловском ОГПУ «перековке» Бориса не очень-то верили, но формальных причин для сохранения его статуса поднадзорного не было. В конце февраля 1932 года ему объявили решение о досрочном «освобождении от высылки». Казалось, планы его вернуться к нормальной спокойной жизни, «без административного внимания ОГПУ» сбылись.

Радость Бориса была недолгой. Он был вновь арестован и отправлен в Москву. Солоневич просидел на Лубянке, а потом в Бутырской тюрьме три месяца, в течение которых ни разу не был допрошен. Из-за нервных переживаний зрение стало катастрофически ухудшаться. Раз в неделю тюремный врач вводил ему в глазные яблоки физиологический раствор, но это почти не помогало.

Потом начались допросы. Следователи пытались добиться от Бориса признаний в участии в «контрреволюционной организации» и «тайных связях с границей». Все упиралось в шапочное знакомство Бориса с бывшим офицером Протасовым, который обвинялся в «шпионаже, создании антисоветской организации и службе в белой контрразведке». Сознаться было не в чем, и Борис на предлагаемые «компромиссы», не соглашался. Хорошо знал: стоит признаться в какой-либо мелочи, и профессионалы допросов сумеют за нее уцепиться, раскрутить и раздуть очередное дело. Поэтому в своих письменных объяснениях он категорически отрицал, что его знакомство с Протасовым имело какую-либо преступную подоплеку. Отвергал он и инсинуации следователей об «антисоветских контактах» с иностранцами:

«Мои отношения с иностранцами в период 1919—1922 годов ничего опасного не представляли и были исключительно спортивными или служебными. Эти отношения объясняются знанием английского языка. За последние десять лет я не имел никакой связи с границей: ни встреч, ни разгово-

ров, ни переписки с какими-либо иностранцами. Надо полагать, получение через профком станции Орел каталога фирмы Цейс и Кон по талону журнала «Пролетарское фото» не оценивается как связь с заграницей?

Высказанный мне в процессе следствия полунамек на то, что моя 12-летняя добросовестная работа в области советской физкультуры могла являться ширмой, маскировкой какой-то вредительской работы, считаю необоснованным и оскорбительным. За политические ошибки деятельности по скаутизму (в период их ликвидации в 1921—1922 годах) я уже понес сверхнаказание. Это — почти 6-летняя изоляция, отрыв от семьи, прежде всего детей, трагическое ухудшение зрения с серьезнейшими осложнениями, грозящими неизбежной слепотой в случае повторения пережитых испытаний, нервных потрясений, тюрем, концлагерей, этапов, северного и континентального климата и отсутствия постоянного врачебного ухода.

Добить мое зрение и тем самым мое существование чрезвычайно легко. Но, как мне кажется, моя объективная ценность как творческой единицы на фронте культурного строительства достаточно заметна, чтобы с нею не считаться. Не зная за собой никаких прегрешений, я предполагаю следующие формы моей работы в будущем: 1) по физкультуре в «Динамо», «Труде» или коммуне ГПУ; 2) по линии ГСФК или ВСФК; 3) фоторепортаж; 4) военно-стрелковая работа в ОАХ; 5) научно-методическая деятельность совместно с моей женой доктором И. Пеллингер по вопросам физкультуры; 6) выступление по борьбе на предстоящем первенстве СССР 14 марта в Ростове и подготовка к участию в мировой Спартакиаде (классные борцы-тяжеловесы — дефицитный товар в стране)».

После пятимесячного пребывания в московских тюрьмах Солоневич был неожиданно освобожден. Ему вручили выписку из протокола заседания Коллегии ОГПУ от 28 июля 1932 года по делу № 121343: «Дело прекратить, Солоневича Б.Л. освободить и отправить к месту жительства». Борис вернулся в Орел, под крышу семейного очага на Железнодорожной улице, дом 12.

Трудно сказать, почему «органы» проявили подобный «либерализм» в отношении Солоневича. Скорее всего, было

решено продолжить разработку, чтобы довести дело до нужных кондиций. Однако московские допросы показали Борису, что «затеряться в тени» ему не удастся, что чекисты вцепились в него всерьез и надолго. Выводы Бориса после этой «сидки» были обескураживающе мрачными:

«По-прежнему я плотно сидел на карандаше ОГПУ. В просторечии это значило, что опять и опять будут аресты, по-прежнему все, кто будут со мной встречаться, неминуемо попадут под подозрение, и что я останусь приманкой, на которую ОГПУ будет вылавливать «контрреволюционную» непокорную молодежь. Меня «обезвреживали» со всей тщательностью и цинизмом чекистского аппарата».

Именно поэтому Борис до отъезда в Орел заглянул к брату в Салтыковке, чтобы сказать ему твердо и определенно:

«Я согласен, Ваня. Бежим. Здесь нет ни настоящего, ни будущего».

Жизнь «по Остапу Бендеру»

Иван Солоневич с ностальгией вспоминал о своей работе в дореволюционных газетах, а о своем творчестве 20—30-х годов чаще всего отзывался пренебрежительно. Он писал: «Я журналист по наследству, по призванию и по профессии, и у меня даже и после моих советских маршрутов осталось какое-то врожденное уважение к моему ремеслу»¹.

Отношение Солоневича к советской журналистике зафиксировано во многих его высказываниях. Вот одно из них: «Пойдя в компартию, я, вероятно, мог бы получить чин какого-нибудь рептилин-пресс-шефа, — я не пошел». Причина понятна: «Для работы в советской печати у меня оказалось слишком много брезгливости». Но писать приходилось, и Иван называл публикации подобного рода «халтурными очерками», потому что его «энтузиазм» был только видимостью, имитацией активной авторской позиции. К спортивной прессе, где «политики» было меньше, Иван относился спокойнее, и писал для нее много, энергично, с четкой постановкой тем.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. См. главу «Перековка в ка-вычках».

Его статьи можно найти в журналах «Физкультура и спорт», «Теория и практика физической культуры», «Медицинский работник» и других.

Позже, находясь в эмиграции, Солоневич так раскрывал «технологию» своей «подсоветской» журналистской деятельности:

«В числе бендеровских четырехсот способов легального изымания денег из советской казны у меня был и такой:

Я приезжаю в совхоз и снимаю всех, кто попадает под руку. Фотографии с соответствующими текстами и очерками идут:

В журнал «Медицинский Работник» — как работает совхозная амбулатория даже и тогда, когда ее и в природе не существует.

В журнал «Ударник Социалистического животноводства» — о том, как доярка Иванова Седьмая перевыполняет промфинплан.

В журнал «Работник Просвещения» — о том, как ударник Иванов Седьмой ликвидирует малограмотность (о неграмотности писать было нельзя — она уже ликвидирована).

В газету «Социалистическое Земледелие» — о дирекции совхоза вообще.

В «Красный Транспортник» — о том, как совхоз перевыполняет планы дорожного строительства.

В журнал Автодора — приблизительно о том же.

В наиболее благоприятных случаях удавалось снимать урожай с двенадцати журналов, перечислять которые было бы долго и скучно»¹.

Как успевал Иван «обслужить» так много изданий за рекордно короткий срок? Технологию «чеса» раскрыл И. Воронин в очерке, посвященном журналистской и издательской деятельности писателя: «Маленький секрет Солоневича удалось разгадать — список изданий не был бы столь велик, если бы их редакции не помещались по одному адресу — в Москве, на Солянке, 12, во Дворце Труда, где располагались центральные комитеты всех отраслевых профсоюзов. И легендарного Остапа Бендера И.Л. Солоневич упоминает совершенно

¹ Солоневич И.Л. Роман во Дворце Труда. Буэнос-Айрес, 1954. С. 92—93.

не случайно: именно по коридорам Дворца Труда «великий комбинатор», посетив редакцию газеты «Гудок», убежал от мадам Грицацуевой»¹.

На «переключку» своей советской судьбы с судьбой Бендера, неунывающего героя «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца», Солоневич часто указывал в своих произведениях. Надо ли говорить, что эти плутовские романы Ильфа и Петрова Иван знал почти наизусть.

Неприятие советской действительности — вот главное, что объединяет реального Солоневича и вымышленного Бендера. И тому и другому пришлось проявлять чудеса изворотливости, чтобы удержаться на плаву, выжить, не стать бездумными винтиками системы, которую они не могли принять, хотя и по разным причинам.

Искреннее сочувствие Ивана к Остапу Бендеру вызывал последний эпизод в «Золотом тельце», когда румынские пограничники схватили «великого комбинатора» при попытке перехода границы и с привычной ловкостью «освободили» его от припрятанного под одеждой груза золотых вещей и драгоценных камней. Реалистически выписанная сцена ареста Бендера была настолько впечатляющей, что раз и навсегда убедила Солоневича в том, что «румынское направление» для побега не подходит: граница там, действительно, на замке.

Как и у Бендера, окружение Ивана Лукьяновича в 20—30-е годы было поражающе «разноперым».

В Москве Иван Солоневич слыл популярной личностью. Многим льстило знакомство с «симпатичным силачом», интеллигентом «из народа», который, казалось, чувствовал себя в советской действительности, как рыба в воде. Иван был мастером имитации. Он мог за полчаса, не отрывая пера от бумаги, написать фельетон с элементами «позитивной» критики. Мог блеснуть «принципиальной» статьей, созвучной текущим передовицам «Правды». Но в доверительной обстановке, в дружеской компании на пикнике или в вагонном купе, направляясь к месту очередной журналистской командировки, он часто поражал собеседников проявлениями фрондерства, беспощадными выпадами в адрес сталинского режима.

¹ Воронин И. Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель // Сб. материалов 1-й научно-практической конференции. СПб., 2003. С. 13.

Самые близкие, можно сказать, товарищеские отношения сложились у Солоневича с Зиновием Яковлевичем Эпштейном. Не встретиться они не могли, потому что Зиновий (Зен — в дружеском кругу) некоторое время жил в Салтыковке по соседству с Иваном. Познакомились они в 1927 году на салтыковском перроне, дожидаясь поезда в Москву. Слово за слово, разговорились, по малозаметным признакам ощутили близость своих подходов к окружающей жизни, неудовлетворенность тем, что были вынуждены мимикрировать, выражать лояльность тому, чему были чужды и чему не верили. Эпштейн работал в институте норм и стандартов угольной промышленности, занимался вопросами технической пропаганды. Несмотря на свой «профиль» работы, к лозунгам ускоренной индустриализации страны Зен относился критически, считая, что осуществляется она «через рабский труд граждан, независимо от того, находятся ли они на свободе или в лагерях».

У Эпштейна были связи в столичных изданиях, и он помогал Ивану в получении командировок в качестве «спецкора». Благодаря Зену тематика «халтурных очерков» Солоневича заметно расширилась, как и его гонорарные поступления. После переезда Зена в Москву Солоневич часто навещал приятеля по новому адресу — Хоромный тупик, дом 2/6. Характер у Эпштейна был легкий и веселый. Он был «душой компании», пользовался успехом у женщин, никогда не обременял знакомых личными просьбами, но любил быть «полезным».

Зен владел обширным репертуаром анекдотов, в том числе «политически вредных». Больше всего нравился Ивану его анекдот о «русских пролазах»: Сидели два еврея в московском ресторане, смакуя коньячок после сытного обеда. Один из них глянул краем глаза в газету «Правда», лежавшую на столе, и охнул от удивления: «Смотри-ка, Наум, заместителем наркома по торговле назначили Игната Демьяновича Сидорова!» Второй еврей сокрушенно покачал головой и осуждающе вздохнул: «Ох, уж эти русские, везде пролезут!»

Иван доверял Зену, особенно после совместных путешествий в Сванетию и Киргизию и «исповедально-антисоветских» бесед на привалах у костра. Содержание тех разговоров в существенно переработанной форме Иван использовал впоследствии в документальной повести «Памир», в которой рас-

сказал о членах геологической экспедиции, служившей «прикрытием» для убежденной группы врагов советской власти, ведущих «активную работу» по ее свержению.

В ходе разработки Ивана Солоневича сотрудники ЭКО ГУГБ не могли не обратить внимания на Эпштейна. Еще бы — приятель «не разлей вода»! В 1933 году подозрения в его адрес получили документальное подтверждение. Чекисты перехватили письмо Германа Михайловича Крепса, 34 лет, бывшего офицера армии Колчака, который работал директором заповедника в Чупе — ст. Хибинь. Письмо было адресовано Солоневичу в Салтыковку. В нем «в завуалированной форме» Крепс описывал условия перехода границы в районе заповедника. По оценке чекистов, именно Эпштейн сообщил Крепсу о намерениях Солоневича бежать из СССР и просил о содействии. Судя по всему, в НКВД решили Эпштейна до поры до времени не трогать, рассматривая его как перспективную фигуру для дальнейшего «развития» дела: по оперативным учетам НКВД он проходил как «скрытый троцкист».

Эпштейн познакомил Солоневича со своими друзьями из газеты «Известия». Среди них наиболее известным был фельетонист Алексей Гарри, участник Гражданской войны, автор книжки рассказов «Огонь: Эпопея Котовского». Фельетоны Гарри Иван читал не без ревности, всякий раз делая вывод, что им не хватает критической остроты. Иван был уверен, что Гарри травмировала северная каторга: «Он по какой-то опечатке ГПУ попал в Соловки и проторчал там год. Потом эта опечатка была как-то исправлена, и Гарри, судорожно шагая из угла в угол московской комнатухи, рассказывал чудовищные вещи о великом соловецком истреблении людей и истерически повторял:

— Нет, но зачем мне показали все это?.. Зачем мне дали возможность видеть все это?.. Ведь я когда-то верил»¹.

«Известинцы» — Евгений Гнедин, Анатолий Канторович, Исаак Будовниц — были людьми интеллигентными, гибко ориентировались в текущих событиях московской жизни, знали подноготную многих влиятельных персонажей столицы: из партийного актива, головки НКВД, заграничных ведомств и творческих кругов. Иван приглашал эту газетную братию к

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 248.

себе в Салтыковку, чтобы более-менее «бесцензурно» поговорить о «текущем политическом моменте», причинах очередных кадровых перестановок в партийном руководстве и прочих не менее острых сенсациях «советского бомонда».

Во время допросов после неудачной попытки побега в сентябре 1933 года Иван Солоневич по требованию следователя дал характеристики на приятелей-газетчиков. О Канторовиче и Гнедине Солоневич отозвался, в общем-то, положительно, всячески подчеркивая их революционное прошлое и верность «генеральной линии партии» в настоящем. Упомянул Солоневич и о том, что Канторович некоторое время состоял в партии эсеров, а Гнедин, по слухам, был сыном меньшевика Парвуса¹. Чекисты, конечно, знали о них значительно больше и дополнительных вопросов не задавали. Вспоминая о содержании бесед с «известинцами», Солоневич старался быть лаконичным: «Разговоры были на политические темы разного характера — причем я и Эпштейн подвергали критике мероприятия советской власти по вопросу коллективизации, остальные участники всегда стояли за правильность этого мероприятия. В последнее время разговоры на политические темы по просьбе вышеуказанных сотрудников газеты были совершенно прекращены».

Иван умолчал о другом знакомом журналисте «Известий» — Евгении Братине, который был его другом детства (по другой версии писателя — товарищем юношеских лет). Судя по всему, он был «другом» с серьезными оговорками. Вот характеристика, которую Солоневич дал Братину уже в эмигрантский период жизни: «В царское время он писал в синодальном органе «Колокол». Юноша он был бездарный и таинственный, я до сих пор не знаю его происхождения, кажется, из каких-то узбеков. В русской компании он называл себя грузином, в еврейской — евреем. Потом он, как и все не-

¹ Гнедин Е.А. был действительно старшим сыном А. Парвуса. Парвус Александр (Гельфанд Израиль Лазаревич) — родился в 1867 г. в Витебске. Марксист по убеждениям, человек авантюристического склада, который был замешан в спекулятивные финансовые операции. Переехал из России в Германию, где стал популярным журналистом в среде социал-демократов. С 1916 г. — австрийский гражданин. Активно помогал русским революционерам, на его квартире печатались первые номера ленинской «Искры».

удачники, перешел к большевикам. Был зампредом харьковской чрезвычайки и потом представителем ТАССа и «Известий» в Москве».

Иван периодически общался с Братиним после Февральской революции и после своего возвращения в Москву в 1926 году. В статье «Трагедия царской семьи» Солоневич рассказал о любопытном эпизоде, связанном с «другом юности». В поисках заработка и, возможно, журналистской славы, Братин решил «воплотить в жизнь» то, о чем постоянно твердила дореволюционная и послереволюционная пресса, — слух, что императрица поддерживала тайные (предательские) связи с немецким Генеральным штабом. Летом 1917 года Братин с таинственным видом рассказал Солоневичу, что «нашел шифрованную переписку Царицы и Распутина с немецким шпионским центром в Стокгольме». Как раз в тот период работала Чрезвычайная Следственная комиссия Временного правительства по делам о преступлениях царского режима. По мнению Солоневича, «положение комиссии было идиотским: никаких преступлений — хоть лавочку закрывай». «Вся страна ждала «разоблачений». И вот *ничего. Абсолютно ничего*».

И тут удача: в газете «Республика» (до революции — «Биржевой Курьер») были опубликованы документальные доказательства — секретные «телеграммы», «чушь совершенно несусветимая».

Газету раскупили моментально.

Солоневич вспоминал о тех событиях:

«Я был временно приглашен в эту газету еще в период ее «биржевого» прошлого для постановки в ней информационного отдела. «Республику» я бросил, но, узнав о сенсационных намерениях Е. Братина, все-таки поехал к Гутману и честно предупредил: кроме скандала не выйдет ничего. Гутман сослался на тираж. Скандал получился, если и не грандиозный в те времена сплошной «мешанины», — то, во всяком случае, очень большой. Сравнительно мелкая газета в одну неделю подняла тираж почти до миллиона».

По словам Солоневича, «Чрезвычайная Комиссия, однако, обрадовалась до чрезвычайности, — наконец-то, хоть что-нибудь. ЧК вызвала Братина. Братин от «дачи показаний» отказался наотрез: это, де, его тайна. За Братина взялась контрразведка — и тут уж пришлось бедняге выложить все. Оказалось,

что все эти телеграммы и прочее были сфабрикованы Братиным в сообществе с какой-то телефонисткой».

О судьбе «друга юности» Солоневич рассказал в статье «Миф о Николае Втором» без сочувствия: «Но дело ограничилось только скандалом — из «Республики» Братина все-таки выгнали вон — его буржуазно-революционная карьера была кончена и началась пролетарско-революционная — та, кажется, кончилась еще хуже¹. Потом, лет двадцать спустя, я обнаружил следы братинского вдохновения в одном из американских фильмов. Так пишется история».

Наверное, самым экзотичным знакомым Ивана в Москве был испанец Хесус Ибаньес. Солоневич познакомился с ним через Тамару, которой, в свою очередь, представила своего «пылкого сожителя» подруга по работе в Комиссии Внешних Сношений ВЦСПС. Иван с интересом присматривался к Ибаньесу, приглашал его поговорить по душам (московские пивные и рюмочные — самое подходящее место для этого), и тот охотно рассказывал о себе, так и не восприняв неписаной советской нормы межличностного общения: «Меньше болтай, больше слушай». Особенно Ивана интересовала жизнь Хесуса до приезда в Советский Союз.

По словам Ибаньеса, его мать была актрисой бродячего театра комических пантомим. О своем отце Ибаньес говорил по-разному. По одним рассказам, он был мельником, по другим — шарманщиком. С отцом Хесус якобы исходил всю Испанию с «подопечной» обезьянкой на плече: она вручала билетики с предсказаниями судьбы.

Когда бродячая жизнь Ибаньесу надоела, он увлекся политикой, вступил в компартию. Будучи членом ЦК, приехал в Москву на конгресс Коминтерна, но проявил слишком большой интерес к содержанию «закрытых документов», поступавших из секретариата ВКП(б). В итоге Ибаньес «застрял» в Москве на восемь лет: его испанский паспорт был «на всякий случай» изъят ГПУ.

Ибаньес любил рассказывать, что родился в тюрьме: мать принесла передачу заключенному-«бандолеро», и у нее нача-

¹ В этой же статье Солоневич написал о предполагаемой судьбе Братина: «Потом его, кажется, расстреляли: он вызван был в Москву и как-то исчез».

лись схватки. Так тюрьмы стали его судьбой: ему пришлось сидеть в Испании, Германии и даже в «любимом (несмотря ни на что!) Советском Союзе». Ибаньес объяснял это просто: «Коммунисты-бюрократы из начетчиков всегда расшибались о мой характер, и в конце концов ужасная полиция Сталина «включила» меня в ряды троцкистов, хотя это была единственная левая партия, к которой я никогда не имел отношения. Возможно, самые горькие моменты моей жизни я провел в русских тюрьмах».

В холодной, недоверчивой, не слишком гостеприимной России Хесус ухитрился не пропасть. Тамара Солоневич рассказывала о нем: «Босяк и хулиган по характеру, маленький, коренастый, некрасивый, он имел, однако, большой успех у женщин». Они помогли ему изучить русский язык, подкармливали, терпеливо наставляли, как лучше вписаться в московскую среду. Ибаньес стал зарабатывать на жизнь литературными переводами и даже ухитрился издать роман «Барселонские террористы». Газета «Известия» раскритиковала его труд в пух и прах, и самолюбивый Хесус, спрятав в рукав пальто отточенный кинжал, отправился в редакцию, чтобы «по душам» поговорить с критиком. Ивану с большим трудом удалось «отговорить его от этой безумной попытки». Таких случаев «на грани» уголовщины было несколько. Именно поэтому Иван ни разу не пригласил Ибаньеса в Салтыкову, считая его человеком непредсказуемым и «потенциально опасным».

У самого Солоневича нет ни одного упоминания о Хесусе Ибаньесе. Образ буйного испанца достоверно изображен в «Записках советской переводчицы», по которым прошла уверенная редакторская рука Солоневича. Чувствуется его правка и в заключительном абзаце текста, посвященном Ибаньесу. Читателю, знающему творчество Солоневича, легко определить, какая из двух фраз принадлежит Тамаре, а какая Ивану:

«В 1934 году я узнала от одного француза, что Ибаньесу таки удалось вырваться из СССР и что он теперь играет крупную роль в испанском анархическом движении. Я не завидую его положению: Ларго ли Кабальеро возьмет верх, или генерал Франко, Ибаньеса все равно, в конечном счете, повесят».

В самом деле, повесили Хесуса или нет?

Не угадал Иван, не повесили. Ибаньес как-то признался: «Самым большим страхом моей жизни был страх не оказаться в нужный момент в нужном месте, когда начнется революция». Хесус не опоздал. Ему удалось выбраться из Советской России в Испанию, принять участие в революции и в гражданской войне в должности комиссара-инспектора Северного фронта. После поражения республики Ибаньес оказался в Мексике, где нашли пристанище тысячи испанских беженцев-республиканцев. Хесус написал несколько книг: «Татьяна-большевичка», «Огонь с небес», «Прямое действие» (вариант «Барселонских террористов»). Когда здоровье стало шалить, Ибаньес взялся за мемуары, в которых самокритично назвал себя «человеком из плутовского романа». Мемуары вышли в 1946 году под названием «Железные диски — мемуары моего трупа». В этом же году Ибаньес отошел в мир иной, лежа в кровати с томиком избранных работ Сталина в руках...

В Ленинград Солоневич ездил по газетно-журнальным делам (для прикрытия) и для подготовки побега (реальная цель). В материалах следственного дела, хранящегося в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, есть перечень лиц, с которыми Солоневич регулярно общался в «Питере», начиная с 1927 года¹. «Питерская компания» чаще всего собиралась на квартире Пржиялговских — Елены Леонардовны и ее супруга, которого она самым откровенным образом не ставила ни в грош. Вот как описал этих людей Солоневич:

«Это общество, даже и в его партийной части, было настроено антисоветски. Все разговоры, поскольку они касались общественно-политических тем, носили характер резкой критики мероприятий советской власти, в особенности в области продовольствия и снабжения. Из отдельных членов этой группы могу показать на следующих:

Пржиялговский, Иосиф Антонович, около 45 лет, окончательный алкоголик, настроен явно антисоветски. В разго-

¹ Здесь и далее все ссылки на материалы следствия на И. Солоневича и его группу делаются по статье К. Чистякова «Следственное дело в отношении Ивана Лукьяновича Солоневича в архиве ФСБ». См.: Материалы 3-й научно-практической конференции. СПб., 24 апреля 2005 г.

ворах принимал участие, высказывая критику коммунистической партии и советской власти.

Бак — б(ывший) зав(едующий) ленинградским собесом. Рассказывал о том, как он снабжал фондами собеса (мебель, ковры, пианино) всякого рода «нужных людей».

Голубин, Михаил Николаевич, служащий Госбанка, окончательный алкоголик, настроен антисоветски, но это настроение выражалось в брюзжании по поводу продовольственных затруднений.

Мезенев, Сергей Леонидович (или Леонид Сергеевич)... В прошлом году Мезенев был, кажется, арестован ОГПУ.

Бабенко, Николай Артемьевич. Бывал в компании у Пржиялговских последние 1½ — 2 года. Рассказывал о себе, что он — бывший офицер-артиллерист. Неоднократно (давал) сообщения о том, что на Украине голод, что там вымерло около 4 миллионов людей, читал письма своего отца, описывающего продовольственное положение Украины. Резко критиковал колхозные мероприятия советской власти, причем его критика носила некоторый, так сказать, украинско-патриотический характер. В начале июня с.г. Пржиялговская пришла ко мне в Салтыковку и предложила принять Бабенко в нашу экспедицию по переходу границы, и при этом сообщила, что Бабенко в курсе наших планов. Бабенко заявил, что у него будет 350 долларов валюты, двустволка, охотничья собака и карта интересующей нас местности»...

Нельзя не обратить внимания на то, что двоих из названных лиц Иван назвал законченными алкоголиками (по русской традиции, смягчающее обстоятельство!), а самую подробную характеристику дал на Бабенко, секретного сотрудника, внедренного в группу. Солоневич указал и на «антисоветскую пропаганду», содержащуюся в высказываниях Бабенко, на наличие элементов сепаратизма в его политических взглядах. Сексот злоупотреблял «политическим негативом» в своих высказываниях, явно провоцируя своих собеседников.

По страницам произведений Солоневича разбросаны сотни реальных персонажей, с которыми он в тех или иных обстоятельствах общался в советские годы. Эти портреты-зарисовки — журналистов, спортивных деятелей, чекистов, профсоюзных работников, писателей, «киношников», нэпманов, сотрудников министерств, «деклассированных» элемен-

тов (какого-нибудь беспризорного мальчишки, мечтающего о возвращении «царского режима») — до сих поражают точностью, конкретностью «социального облика» каждого персонажа, безошибочностью языковых характеристик. Судьба каждого из них была достоверно вписана в советские реалии. Глубина проникновения писателя-публициста в «маракотову бездну» жизни советского общества поражала эмигрантского читателя, помогала ему осмыслить суть событий «за чертополохом»...¹

Приключения в горах Киргизии

Чтобы вырваться хотя бы на время из «удушающей» столичной атмосферы «на свободу», Иван Солоневич обращался в редакции московских газет и журналов, оформлял командировочные удостоверения и отправлялся в дальние странствия — Поволжье, Урал, Карелия, Средняя Азия. Юра, вернувшийся из Германии, стал сопровождать отца в этих поездках. Они побывали в Дагестане, Абхазии, Сванетии, — и не раз попадали в сложные ситуации. Как отмечал Иван, порой приходилось рисковать жизнью. Недоверчивые горцы принимали их за «шпионов», присланных из Москвы.

Летом 1931 года Иван, Юра и Зен совершили поездку по Киргизии. По ее итогам Иван написал несколько статей для сентябрьских номеров журнала «На суше и на море»: «Животноводческий форпост», «Чу-река», «Интергельпо»². Успехи и трудности социалистического преобразования республики — таков тематический стержень этих публикаций. Если хорошо вчитаться в статьи Солоневича, то можно прийти к выводу: трудности явно преобладали. Социалистическому строительству мешало почти все — инерция патриархального прошлого, неэффективность советского управленческого аппарата, необузданность природных стихий и многое другое.

В статьях Солоневича слово «проблема» — самое употребляемое. Проблемы возникают повсюду, они являются неотъем-

¹ «За чертополохом» — то есть в России.

² Названные статьи были любезно предоставлены автору исследователем творчества И.Л. Солоневича И. Ворониным.

лемой частью жизни, буквально захлестывая энтузиастов-преобразователей, обрекая их на повседневный героизм борьбы за ликвидацию «прорывов», преодоление бытовых трудностей и, разумеется, рекордные показатели. В статье «Животноводческий форпост» Иван в подробностях рассказал о том, каких невероятных усилий стоило его «экспедиции» добраться из города Фрунзе (бывшего Пишпека) до Качкорки, «крупнейшего и наиболее организованного овцеводческого совхоза Киргизии». Чтобы преодолеть путь в 250 километров, Солоневичу и его спутникам пришлось затратить не менее 30 часов:

«На полутонный «форд» грузятся кошмы, сортовое железо, бензин, доски, неопределенное количество всякого багажа и бухгалтеры, практиканты из животноводческого техникума. Все это, по ориентировочным подсчетам, весит тонны две с половиной. «Ковчег» такого рода на местном диалекте называется почему-то автобусом. Люди, как наименее деликатный груз, понатыканы как и куда попало, и всю дорогу идут нескончаемые споры о жилплощади для ног: ноги девают некуда».

Солоневич подробно описал поездку в Качкорку: слева — горы, справа — бурливая, раздуваемая от дождей река Чу, дорога с глубокими тряскими ухабами, затяжные дожди и пронизывающий ветер, бесконечные обозы, «наглядно иллюстрирующие всю историю гужевого транспорта: на лошадях, на волах, на верблюдах, на ослах». После всех дорожных мытарств поселок Качкорка показался путешественникам благословенным очагом цивилизации. Солоневич дал читателям подробную справку о «Качкорском совхозе овцеводческого треста»: о поголовье скота, о том, что центральная усадьба располагается на высоте 2100 метров и что территория совхоза достигает 120 000 гектар. Для того чтобы добраться до его отдаленных пастбищ, необходимо быть хорошим всадником: расстояния в десятки километров в горах для «рядового европейца» — сложное испытание, как из-за резких перепадов температуры в течение дня (до 30 градусов!), так и нехватки кислорода. Но Солоневич и его спутники — спортсмены! — чувствуют себя как дома. Они даже ухитрились пробиться на «фордике» к высокогорному летнему пастбищу Джумгал, где насладились киргизским гостеприимством, став первыми «дегустаторами» совхозной брынзы.

Вот как описал Солоневич беззаботную жизнь в Качкорке: «Старожилы уверяют, что на этих высотах трудно двигаться: «задышка», и потому люди передвигаются исключительно верхом. Киргизский наркомздрав совместно с киргизским Советом физической культуры из этих соображений запретил физкультуру во всех горных совхозах. Мы в качестве людей, территориально не подчиненных киргизским властям, идем на речку, тренируемся и купаемся каждый день. Мы лазим по горам, охотимся, мы ходим в трусах. За две недели пребывания в Качкорке мы сильно загораем и приобретаем вполне тренированный вид. Никакой «задышки» и никаких сердец».

Несмотря на откровенно курортное настроение, Иван подмечает и фиксирует в блокноте большие и малые проблемы совхозной жизни. Это нехватка подготовленных «кадров чабанов», задержки с завозом топлива, дефицит леса для строительства жилых домов и кошар, неудачи с искусственным осеменением маток, постоянный падеж ягнят, отсутствие прогресса в «улучшении породы местной овцы» и, плюс ко всему, — «недееспособный» рабочий комитет. Если внимательно вчитаться в статью Солоневича и составить реестр провалов и нехваток, то «крупнейший и наиболее организованный овцеводческий совхоз Киргизии» явится совсем в ином свете: как воплощение бесхозяйственности, равнодушия, наплевательского отношения к делу.

В этом контексте завершающая «оптимистическая концовка» статьи кажется издевательски-фельетонной:

«Так, шаг за шагом разрешаются проблемы, расширяются «узкие места», ликвидируются прорывы. Горный совхоз растет и крепнет: тракторы, мериносы, все глубже проникают в киргизскую глушь, отары все гуще покрывают склоны гор, советское хозяйство, построенное в самом отсталом уголке Азии на основе самой передовой современной техники, растет и крепнет с каждым днем»...

В похожем ключе, через контрастный показ «негатива» и позитива» в буднях ударной социалистической стройки, написана статья «Чу-река», о Чустрое, важность которого для Советской России Солоневич обозначил так: «Строительство (гидростанции и оросительных сооружений. — Н.Н.) — не из

маленьких. По капиталовложениям оно равно двум Днепростроям — свыше полмиллиарда рублей, по территории, которую предстоит оросить, оно равно 360 000 га. По своему значению оно приравнено к первоочередным ударным стройкам — таким же, как Магнитострой». Говоря об истории этого проекта, Солоневич отметил: «Идея использования вод реки Чу для орошения и для получения электрической энергии настолько бросалась в глаза, что даже при царском режиме ею заинтересовались местные работники».

В энергичной эмоциональной манере Солоневич рассказал о том, почему именно «заинтересовались»:

«Здесь есть все для того, чтобы превратить долину в, так сказать, рекламный участок земного рая: неисчерпаемое плодородие лессовых почв, масса тепла, почти вечно безоблачное небо. Не хватает одного пустяка — воды. Вода же, в лице реки Чу, летом воровскими изворотами обходит жаждущие поля, а весной — разбойными набегами с гор затопляет долину, смыкает немногочисленные туземные самодельные арыки и уходит на запад, где и иссыхает в пустыне». Как отметил Солоневич, лишь в годы советской власти за проект гидроэлектростанции и современной оросительной системы в долине реки Чу взялись по-настоящему: «Утопический план» был принят и, как все «утопические планы», выдвигаемые советской общественностью, — реализуется не только в намеченные сроки, но и раньше их».

«При царском режиме» на реализацию проекта выделялось более сорока лет, но, как подчеркнул Иван, советская власть намерена завершить его в четыре года, несмотря на все трудности, лишения, недостатки планирования. Некоторые фрагменты статьи воспринимаются как «сигналы» в инстанции о царящих на стройке беспорядках: чудовищно плохие подъездные пути, нехватка транспортных средств (всего две автомашины и они — «не на ходу»), вместо полагающихся сорока с лишним инженерных работников — всего восемь. А постоянные проблемы со связью?

Это еще один «сигнал» Солоневича в духе критических выступлений тогдашней прессы:

«Среднеазиатская почта — нужно отдать ей справедливость, работает отвратительно. Письма идут от двух недель до месяца, телеграммы — еще дольше — они почему-то идут

через Ташкент. Следовательно, всякие письменные «изменения и дополнения» требуют для увязок и прочего не недель, а месяцев. И бывает так: материалы есть, рабочая сила есть, — а работать нечего: планы дальнейшей стройки не согласованы и не утверждены... Уже в течение трех лет чустроевцы ведут войну за перевод проектной части на место стройки, во Фрунзе. Но москвичи окопались крепко, и из Москвы их не выманишь калачом».

В наблюдательности, зубастости, врожденном даре фельетониста-обличителя Солоневичу не откажешь. Ощущается и немалый полемический темперамент, но только ощущается: для подобных ему «маргинальных» полемистов политических условий в стране нет. Право дискуссий на проблемные темы прочно узурпировано руководством ВКП(б), подконтрольно аппарату и Сталину, который, оставаясь в тени, контролирует все.

В статье «Интергельпо» («Взаимопомощь») Солоневич рассказал о попытках чешских и других переселенцев из Европы создать в Киргизии передовую сельскохозяйственно-промышленную артель. Инициатором ее стал чех Маречек, рабочий-коммунист из городка Жилино, расположенного в предгорьях Исполиновых гор. Он попал в русский плен как «рядовой австро-венгерской монархии». Годы пленения провел в Пишпеке, созерцая заснеженные вершины Памира и, судя по всему, искренне полюбил эти полудикие экзотические края.

Как написал Солоневич, «Великая российская революция ликвидировала все «плены» на территории СССР, и рабочие и крестьяне — немецкие, венгерские, чешские — вернулись к своим семьям. К своей родине, к своему труду, но вместе с тем — и к своим помещикам и фабрикантам. Вернулся и Маречек. Но он уже видел жизнь без помещиков и фабрикантов. Просторы великой революции потянули его обратно в СССР, и вот он снова в Пишпеке, но уже не в качестве военнопленного, а в качестве «ходака» от сотни чешских и словацких рабочих».

Хлопоты Маречека в Пишпеке и Москве увенчались успехом: в 1924 году он получил разрешение на организацию переселения в Советскую Россию первой группы соотечест-

венников. Как подчеркнул Солоневич, «право на свободный труд» надо было всесторонне обеспечить: в частности, переселенцам пришлось собирать денежные средства на переезд — 36 тысяч долларов. Продавали дома, личное имущество, снимали со счетов сбережения. Приходилось приобретать инструменты и оборудование «по профилю работы» для будущих мастерских. Было много дискуссий, нерешенных проблем, запугивания и клеветы буржуазной прессы.

И все-таки все трудности удалось с успехом преодолеть: «На вокзал, к отъезду интергельповцев в СССР, собрались тысячные толпы рабочих. Местная организация компартии организовала митинг. Около сотни жандармов чехословацкой республики «охраняли порядок» и пытались разогнать митинг. С красными знаменами, с пением Интернационала интергельповцы тронулись в путь. На всех станциях их встречали толпы рабочих, устраивались митинги. Через Польшу эмигрантов пропустили в запломбированных вагонах, станции при их проезде охраняли усиленными нарядами жандармерии. 3 апреля 1925 года эмигранты прибыли в СССР, на родину пролетариата всего мира».

Переселенцам было выделено 320 га земли в окрестностях Пишпека. Работа закипела. Иван без прикрас описал в статье историю становления артели, трудные моменты в ее жизни, вплоть до беспощадного пожара, уничтожившего значительную часть имущества интергельповцев. Были сомнения, были дезертиры, были внутренние конфликты. Солоневич обрисовал эти кризисные моменты характерным для того времени языком внутрипартийных дискуссий: «Финансовое положение артели стало угрожающим. Это и привело к борьбе внутри артели. Группа «автономистов» предлагала разбить артель на несколько автономных единиц по всем отдельным предприятиям, группа «ликвидаторов» предлагала организованно распродать все имущество артели и вернуться на родину и, наконец, группа «централистов» стояла за ликвидацию нерентабельных предприятий, концентрацию сил на оставшихся рентабельных предприятиях и за работу до полного преодоления всех трудностей. Линия «централистов» победила».

Можно себе представить «умонастроение» Ивана Солоневича во время написания статьи «Интергельпо»: чешские, словацкие, венгерские и другие пролетарские товарищи жертвовали всем, чтобы выбраться из своих буржуазных стран и

обосноваться в Советском Союзе, из которого он, Иван — крестьянский сын, стремился как раз в противоположном направлении, выискивая подходящие лазейки и тайные тропы через границу. Однако противоречивые эти эмоции в статье «Интергельпо» и других обнаружить невозможно. Разве можно играть с огнем?

С огнем Иван старался не играть. Вспоминая в первые месяцы после побега из СССР о своей поездке в Киргизию, он упомянул о том, что его больше всего там потрясло: «Неслыханное разорение киргизского скотоводства, неопиcуемый даже для Советской России кабак животноводческих совхозов, концентрационные лагеря на реке Чу, цыганские таборы оборванных и голодных кулацких семейств, высленных сюда из Украины. Я чудом уношу свои ноги от киргизского восстания, а киргизы зарезали бы меня как барана и имели бы весьма веские основания для этой операции — я русский и из Москвы... И обо всем этом я не могу написать ни слова. А не писать — тоже нельзя. Это значит — поставить крест над всякими попытками литературной работы и, следовательно, — надо всякими возможностями заглянуть внутрь страны и собственными глазами увидеть, что там делается. И я вру»¹.

Оказавшись за пределами СССР, Солоневич не любил вспоминать о своих публикациях «советской поры» еще и потому, что их содержание могло быть использовано против него недругами из эмигрантской среды. При желании его «советскую подкладку» можно доказать, выхватывая из статей, написанных до побега, отдельные слова и фразы, общепринятые для «красной прессы» формулировки, без которых прохождение его материалов через цензуру было бы немыслимым. Снисходительное упоминание о «царском режиме», воспевание социалистической стройки, коммуниста-интернационалиста Маречека, выпады в адрес буржуазно-капиталистического строя и прессы. Сколько таких неприемлемых для эмиграции вещей скрыто в публикациях, о которых он просто-напросто забыл. Хорошо еще, что некоторые материалы Иван подписывал псевдонимами.

Под статьями и фотографиями киргизского цикла стоит подпись Ив. Солнич. Автор понимал, что его экспедиция к от-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 28—29.

рогам Памира «в некоторых кругах» может вызвать «рефлекс бдительности». А не тот ли это Солоневич, который...

По этой же причине воздержался он от печатания в журнале «авторской» фотографии на фоне снежных вершин Александровского хребта. Правда, на одном из его снимков с текстовойкой — «Первая брынзоварня Качкорского совхоза» — можно угадать силуэты Юры с взлохмаченными ветром волосами и «Зена» Эпштейна в белой панаме, задумчиво обозревающего работу туземных брынзоваров.

Киргизская экспедиция Солоневича имела скрытую цель: он намеревался провести «разведку персидской границы южнее Ашхабада», определяя надежный маршрут для бегства из Советского Союза. План был таким: «Объехать всю Среднюю Азию, запастись всякими письмами, знакомствами, рекомендациями и прочим и к границе подъехать, так сказать, во всеоружии». Знакомство с реалиями Памира разочаровало Солоневича. Огромность расстояний, сложный рельеф местности, труднопреодолимые горные участки, налаженная пограничная охрана, в том числе с помощью киргизских кочевников, получавших вознаграждение за пойманных перебежчиков, — это делало весьма проблематичным уход за рубеж «семейной группой».

«По мотивам» этой поездки Солоневич, будучи уже за границей, написал документальную повесть «Памир». Впервые она была напечатана в Софии в 1937 году. В предисловии автор указал, что «это никак не беллетристика, не литература, и вообще не выдумка. Еще в России для себя, «для души», я записывал свои встречи и свои наблюдения — вот почему все это так живо в моей памяти. Эти очерки не беллетристика. Это, если хотите, фоторепортаж. Все описанные в них происшествия действительно происходили, и все действующие лица, за специально оговоренными исключениями, носят свои фамилии».

Как же выглядит история поездки Ивана в Киргизию в «бесцензурном» изложении, т.е. на страницах повести «Памир»?

Дорогу от Москвы до Пишпека, столицы Киргизской республики, герой-повествователь, то есть сам Солоневич, про-

делал за неделю. Об этом путешествии он давно мечтал, и это чувствуется по его сочным описаниям, точным образам и метафорам. Он часами не отходил от окна, жадно впитывая впечатления: «За Оренбургом начинается великая среднеазиатская пустыня. Бесформенные и бесконечные насыпи ржавого песка. На них редкими кучками, как волосы на бородавке старушечьего лица, растет чахлая трава пустыни, — обиженная Богом и природой трава. Ее душат пески и сжигает солнце. Жгучая обида тысяч и тысяч лет сложилась в корнях этой травки. Там тринадцать с половиной процентов никотина — мировой рекорд».

Пишпек¹ восторга у Ивана не вызвал, может быть потому, что в приличную гостиницу попасть не удалось (нужна протекция!) и ночевать пришлось в чайхане, вернее на ее дворе, чтобы не набраться вшей. Нужные документы, чтобы двинуться в глубь республики, к Памиру, Ивану и Юрию (в тексте Эпштейн по вполне понятным причинам ни разу не упоминался) пришлось оформлять две недели. Пишпек, конечно, за эти дни примелькался и порядком надоел гостям из Москвы: унылые тополя вдоль улиц, приземистые глинобитные домики, оросительные каналы, из которых жители берут воду для своих нужд и в которые «выливают помои». Время словно остановилось, и, по словам Солоневича, за годы после революции в столице было построено только одно новое здание — ГПУ².

Пишпек жил предчувствием раскулачивания и коллективизации, и поэтому киргизы-кочевники спешили «реализовать» по бросовой цене свои бараньи отары и приобрести хоть что-то на вырученные деньги. Но на магазинных полках, по свидетельству Солоневича, ничего кроме водки не было, и

¹ Пишпек был переименован в город Фрунзе в 1926 г. в честь политического и военного деятеля М.В. Фрунзе. С 1991 г. носит название Бишкек.

² Здесь субъективность И. Солоневича очевидна. В 20—30-е годы Пишпек активно застраивался. В материалах краеведов нынешнего независимого Киргизстана указывается, что в тот период в городе были возведены здания Совнаркома, хирургического корпуса республиканской больницы, «Круглой поликлиники», городского банка, типографии, педучилища, нескольких гостиниц, пивного завода и т.д. Из этих же материалов следует, что НКВД «обзавелось» своим зданием в Пишпекке только в 1941 г.

жителям гор приходилось потреблять ее в невероятных количествах. Правда, мяса на рынках Пишпека было «ешь, не хочу». Этим и утешались путешественники: «Мы объедаемся бараниной во всех известных гастрономии видах и разновидностях».

Получив пропуск «в глубь» Киргизии, экспедиция Солоневича направилась в овцеводческий совхоз-гигант «Качкорка»¹.

Нужно было преодолеть триста километров. По тряской горной дороге доехали на автобусе до озера Иссык-Куль, на западном берегу которого в поселке Рыбачий² мирно переночевали.

В тексте повести есть поэтическая зарисовка одного из «прекрасных мгновений» в жизни Ивана Солоневича: «Просыпаемся ослепительным утром. Ветра нет. Озеро — как тарелка голубого фаянса в рамке гор — розовых, лиловых, синих, багрово-красных по склонам и снежно-белых на вершинах».

После остановки в Рыбачьем Солоневичи продолжили свой путь на уже знакомой нам по статье «Животноводческий форпост» «полуторатонке»: повернули на юг в сторону границы и «Качкорки». В кузове было невероятно тесно, и Иван описал это как «живописный беспорядок» из бочек с бензином, бухгалтера с портфелями, колючей проволоки с шипами, плановиков с планами, тракторных частей, гвоздей, киргизов и двух красноармейцев с пулеметами. Предосторожность не лишняя: в любой момент в любом месте они могли столкнуться с опасностью — басмаческими отрядами.

«Машина перегружена, по крайней мере, в два раза, — отметил Солоневич. — Точно на нее свалилось какое-то землетрясение и заполнило кузов кучей бесформенных и натыканых в беспорядке обломков. Сверху за эти обломки судорожно цепляются чудом уцелевшие жертвы землетрясения. Люди — груз не ценный и не срочный: если по дороге свалятся и разобьются — что же, значит, судьба — или, как здесь говорят — «кысмет».

Власть в масштабах совхоза «Качкорка» на территории площадью 300 на 500 километров осуществлял директор Пархоменко — бывший матрос, контрабандист, чекист, которому «было что рассказать о своей жизни».

¹ Правильное написание — Кочкорка.

² Нынешнее название — Балыкчы.

Солоневич описал его сочным, грубоватым языком, не скрывая противоречивых чувств: с одной стороны, авантюристы всегда вызывали интерес у писателя, и с другой — «человеческого отвращения». По собственным рассказам Пархоменко, он получил первые уроки жизни в одесском порту среди воров и проституток, а «высшее образование» в ГПУ и партии большевиков. Он был везуч, изворотлив, всегда выходил сухим из сложнейших переделок:

«Его два раза вешали — один раз за шпионаж в пользу Турции в начале мировой войны, и другой раз — за коммунистическую пропаганду в конце мировой войны, — оба раза неудачно. Он, вместе с восемью тысячами раненых, тонул на госпитальном судне «Португалия», потопленном германской миной, и на контрабандной шлюпке, захваченной штормом у берегов Кавказа, — и опять-таки оба раза неудачно. Потом, в период его деятельности в северокавказском ГПУ, его резали чеченцы, так сказать, со средним успехом. Резали долго. С вариациями. Когда из спины тов. Пархоменко были вырезаны два ремня, программа была прервана появлением чекистского разъезда... На беспартийной части его совести лежало два романтических убийства и одно из мести. На партийной части — весьма неопределенное число убийств по линии ГПУ».

Во время ознакомительных поездок по «империи Пархоменко» Иван Солоневич убедился в том, что советская власть на Памире далеко не так прочна, как утверждала официальная пропаганда. Обстановка в краю была сложной, местное население находилось как бы между двух огней: новой, малопонятной коммунистической властью, и басмаческими отрядами. Киргизские большевики явно не сумели отринуть от себя пережитки прошлого. В селении Джейлау, куда Иван поехал один, предусмотрительно оставив Юру на центральной усадьбе, он познакомился с «главой коммунистической ячейки». Тот имел замашки бая, шесть жен и бесчисленную челядь. В духе прежних «непартийных» традиций Солоневич был тепло принят, обласкан, накормлен до отвала. В его честь организовали даже «байгу», что-то вроде «олимпийских игр» локального масштаба.

Ночью на поселок напали басмачи. Взрывы ручных гранат, стрельба, собачий лай, крики, полные ненависти, — все это Солоневич описал с живописными подробностями, кото-

рым трудно не поверить. Охрана, сопровождавшая Пархоменко, разбежалась, а сам он прятался до утра в большом чане, в котором заквашивалось овечье молоко. Ивану тоже пришлось спастись бегством. Уберег его от расправы новоприобретенный друг-«батыр», которому Солоневич показал приемы борьбы джиу-джитсу и самбо. «Батыр» привел лошадей, и Ивану, не владевшему искусством конной езды, пришлось пережить бешеную скачку в ночной тьме, чтобы избежать безжалостных кинжалов басмачей. Солоневич укрылся в горной расщелине, где провел несколько тревожных часов, размышляя об истоках и характере басмачества:

«Басмачи — это та часть киргизского населения, которая не ушла в Китай... Потеряв свои стада, она вооружилась чем попало, ушла в горы и вместо того, чтобы пасти собственных овец, предпочитает резать совхозных. Вместе с совхозными овцами подвергаются резне и совхозные служащие, и местные коммунисты, и вообще все те, кого киргизы с достаточным или без достаточного основания считают представителями советской власти».

Вспомнил Иван и о далекой Москве, которая в опасной ситуации представлялась ему надежной и безопасной:

«Ведь кому-кому, а мне пора бы уже знать, что как только высунешь нос подальше от столицы и магистралей, — сейчас же напорешься на какую-нибудь резню. Для активного участия в резне у меня нет ни желания, ни таланта, ни соответствующего воспитания. А какое, во имя Аллаха, может быть удовольствие от *пассивного участия* в резне?»

Утром Иван вернулся в Джейлау и узнал, что из пассажиров «полуторки» уцелело не больше половины. Директор совхоза Пархоменко исхитрился уцелеть и на этот раз. К утверждениям о том, что на селение напали басмачи, он отнесся скептически. С местной партийной верхушкой у него были весьма напряженные отношения. Пархоменко не сомневался, что это их рук дело: «Какие тут к черту «басмачи»? Это все уездная партячейка подстроила... Знаю я их... Сволочь на сволочи сидит»...

Иван вернулся в Качкорку и с Юрой отправился в поселок Рыбачий, чтобы оттуда продолжить путешествие. Планы были такие: на пароходе «Чекист» перебраться на другой бе-

рег озера и ознакомиться с жизнью села Каракол. Потом посетить коневодческий и опиумный совхозы, находившиеся в ведении ОГПУ, и проложить путь дальше — в Таджикистан и Узбекистан, если не подтвердятся слухи о разгоревшихся там восстаниях.

Осуществить этот план не удалось. Возникли новые проблемы, причем не где-нибудь, а на борту «Чекиста». Басмачи проникли на пароход под видом пассажиров и захватили его. Солоневичей они не тронули, потому что раньше получили от них щедрый подарок — «свои» фотопортреты. На самом деле фотографии были сделаны в другом месте, с других людей, но, басмачи этого «не заметили». По версии Ивана, «никто из киргизов самого себя, вероятно, никогда и в зеркале не видел. Так что тот факт, что на снимках никто совершенно не был похож на самого себя, что наши первые снимки были произведены на фоне гор, а нынешние — на палубе парохода, — оказался совершенно незамеченным».

На хрупкой лодчонке, предоставленной басмачами, Солоневичи добрались до берега и направились в ту сторону, где по их расчетам находилось село Каракол. Им повезло: по дороге они наткнулись на геоботаническую экспедицию Академии наук, которую возглавлял профессор Андрей Кондратьев (в тексте повести отмечено, что фамилия эта вымышлена). Москвичей накормили, обогрели и приютили. Рассказывая об экспедиции, Солоневич подчеркнул, что группы, подобные кондратьевской, «представляют собою своеобразную разновидность внутренней эмиграции России». По оценкам Ивана, каждой весной в Советском Союзе отправляется в путь не менее 50—100 тысяч научных экспедиций — геологических, ботанических, топографических и прочих: «Шесть-восемь месяцев в году такая компания цыганствует по степям, горам и лесам, будучи на это время вне советской власти: все-таки передышка». Солоневич признался, что, если бы он не решил бежать из Советской России любой ценой, — то обязательно выбрал бы именно такую работу.

«Антисоветскую подкладку» профессора Кондратьева Солоневич раскусил довольно быстро: «Вот ироническая морщинка в уголке глаза, вот легкая, почти неуловимая интонация в слове «товарищ», вот небольшое движение папиросой или трубкой. И — все понятно. У масонов есть свои опозна-

вательные знаки — особый способ рукопожатия и все такое в этом роде. Все это, по-видимому, весьма элементарно. Подсоветские опознавательные знаки слишком, я бы сказал, художественны, чтобы их мог уловить партийный взгляд и партийный мозг. Это — несколько высшая школа». Заприметил Солоневич и то, что группа Кондратьева поддерживала тайные связи с местными повстанцами, снабжая их продовольствием, махоркой и патронами.

Члены экспедиции тоже присматривались к гостям, задавали им внешне невинные вопросы, незаметно проверили их рюкзаки, содержание писем, просмотрели фотонегативы Ивана (для ГПУ это был бы компромат!) и в итоге пришли к мнению, что москвичей в симпатиях к советской власти заподозрить трудно, и что «фотограф» — скрытый контрреволюционер. Лед недоверия был растоплен.

Солоневичи «околачивались» с экспедицией около десяти дней. Иван был принят в штат фотографом, Юрий — энтомологом, разумеется, формально. Как выяснил Иван, экспедиция в ходе комплексных исследований в Киргизии обнаружила уникальные золотые месторождения. Однако сообщать о них «советским властям» Кондратьев не собирался. Золото должно было достаться «настоящему русскому правительству», то есть тому, которое будет в России после падения Советов. Подытоживая эпизод, Иван отметил, что подобные экспедиции доводят до сведения советских властей не больше половины своих открытий:

«Самые ценные из них скрываются. Во-первых, из чисто контрреволюционных соображений. Во-вторых, из соображений личного характера — при будущем русском правительстве можно будет сделать заявку — и, в третьих, из соображений безопасности. Вот вы открыли месторождение нефти. Вам дадут тысячу рублей награды и какой-нибудь орден почета и назначат чем-нибудь заведовать в будущем предприятии. А через полгода-год пошлют в Соловки за вредительство. Так что, в общем, публика предпочитает умалчивать».

Именно Кондратьев дал Ивану дельный совет: не пытаться бежать через персидскую границу. Лучше в Китай, через Амур, но никак не в Персию, в которой к перебежчикам с советской стороны относились враждебно и обычно возвращали на расправу в СССР.

Кондратьев просил Ивана отвезти в Москву некий «таинственный пакет» для не менее таинственного человека. По словам начальника экспедиции, от содержания этого пакета «зависела жизнь нескольких людей». Иван не без колебаний согласился. И вот — железнодорожная станция, по-русски крепкие прощальные поцелуи и напутствия. Оказалось, что это прощание было навсегда. В Москве за пакетом никто не пришел. Обещание побывать в гостях в Салтыковке Кондратьев тоже не выполнил:

«Никто не зашел. Мои попытки что-нибудь узнать о дальнейшей ее [экспедиции] судьбе кончились полным провалом... Погибла ли она по недоразумению от повстанческих пуль, или — не по недоразумению — от чекистских наганов, переправилась ли она от Иссык-Куля куда-нибудь в Китайский Туркестан — так я и не знаю. Но если она погибла, то с нею погибли очень большие русские ценности: семеро людей, выкованных из железа, и карта золотых месторождений Киргизии...»

«Приключенческая часть» повести от начала до конца, несмотря на все первоначальные заверения автора, является вымыслом: нападение басмачей на Джейлау, ночное бегство Ивана на коне, захват бандитами пароходика «Чекист», борздящего воды Иссык-Куля, эпизоды с «научно-повстанческой экспедицией» профессора Кондратьева. Можно предположить, что Солоневич «обострил» сюжет повести не только из литературных соображений, придания ей большего драматизма и читабельности. Он добивался естественного включения в текст тех фактов активного сопротивления советской власти, которые стали ему известны в ходе поездки. Замысел был успешно реализован: Иван показал, как в этой борьбе смыкались усилия местных жителей-киргизов и, на примере экспедиции Кондратьева, пришлых русских. Эффект достоверности был такой, что некоторые зарубежные издательства предложили Солоневичу написать цикл повестей «в духе» «Памира».

Во всем другом документальная точность рассказанного Солоневичем о Киргизии не вызывает сомнений. Действительно, в начале 30-х годов АН СССР направила в Киргизию комплексную экспедицию, которая состояла из 12 отрядов научных работников. По итогам экспедиции в феврале 1933 г. в Ленинграде прошла конференция АН СССР.

Позднейшие западные и отечественные исследования подтвердили оценки и выводы Солоневича в отношении антисоветских настроений в Киргизии, вызванных строгой регламентацией количества разрешенного скота для личных хозяйств. «В Киргизии сопротивление приняло форму «массового уничтожения скота», — писал Р. Конквест, — а также «миграции за границу», причем часть приграничного населения ушла в Китай, «уведя с собой 30 000 овец и 15 000 голов крупного рогатого скота»¹. Исследования подтверждают также, что операции чекистов в регионе не были выдумкой Солоневича. Отряды ОГПУ Восточного пограничного округа до 1933 года вели тяжелую борьбу с басмаческими отрядами, приходившими с территории Афганистана. Последние банды были уничтожены только в 1936 году.

Из путешествия на Памир Иван привез «типичный мужской наряд киргиза», включая головной убор — *колпак* — с угловатыми крылышками, и халат — *чепкен*, — в которых прогуливался по улицам Салтыковки, изображая, на потеху поселковым мальчишкам, богатого «восточного» купца. «Наряд киргиза» по-настоящему пригодился Солоневичу в «год тощих коров», когда он готовился к побегу, нуждался в деньгах и распродал вещи.

Рай в Салтыковке

Иван Солоневич всегда говорил о Салтыковке, в которой он провел свои последние *свободные* советские годы (1926—1933), как о земном рае. Обнаружить этот рай, который находился на 17-й версте Нижегородской железной дороги, стоило больших трудов. Как вспоминал Иван, ему пришлось в течение нескольких недель сбегать со службы, обследовать московские пригороды, расспрашивать встречных и поперечных о сдающемся в наем жилье. Ответы были неутешительными: не только в Москве, но и в ее окрестностях свободных «квадратных метров» не было.

¹ Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Изд. Overseas Publications Interchange Ltd., London, 1988. С. 283—284.

Наконец, Солоневичу повезло. В июле в очередном «исследуемом» пригороде — поселке Салтыковка, на улице Луговой, дом 12, он увидел через забор пожилую супружескую пару, мирно пившую чай на веранде. Иван подошел поближе, попросил воды. Добросердечные старички предложили ему чай. Завязался разговор, в котором доминировала тема поиска жилья. Солоневич пожаловался, что именно по этой причине живет врозь с семьей, застрявшей в Одессе.

Далее содержание разговора идет в изложении Солоневича:

«Так вы, значит, из Одессы?» — спросил старичок.

Одесса пользуется репутацией самого вороватого города в России. И на вопрос: «Скажите, а вы не из Одессы?» анекдот отвечает так: «Сами вы сволочь!» Поэтому я поспешил поправиться:

«Я, собственно говоря, из Петербурга».

«Ага, — сказал старичок, — а в котором году вы бежали?»

Я понял, что попался. И ответил туманно: как и все. Старушка предложила мне еще стакан чаю. Потом поговорили о том, о сем. Потом старушка вышла на кухню, старичок последовал за ней. Что-то шептались. У меня на душе было неуютно: вот проболтался! Но оба супруга скоро вернулись на веранду, и на меня свалилась манна небесная:

«У нас, видите ли, — сказал старичок, — кое-какое помещение есть — только, может быть, дороговато для вас будет, — тридцать пять рублей в месяц, две комнаты...»

Надо ли говорить, что Солоневич торговаться не стал. С владельцем «частно-хозяйственной дачи» Александром Руденко и его женой семья Солоневичей мирно уживалась шесть лет. По мнению Ивана, главным достоинством этого обиталища было отсутствие *домкома* и всяческих, связанных с ним проблем и нервотрепок. В Москве, на Тверской, ему пришлось принимать участие в собраниях жилищного кооператива, вникать в малоинтересные дела, связанные с починкой крыши, вывозом мусора, покупкой топлива для котельной и прочими хозяйственными проблемами. Солоневич вспоминал: «Я очень скоро сообразил, что ни о чем этом я, во-первых, не имею никакого понятия, а если бы и имел, то не имею никакой возможности заниматься всеми этими собраниями: у меня ведь есть все-таки и мои собственные дела». Поэтому Солоневич регу-

лярно саботировал собрания жильцов, что, конечно, негативно сказалось на его общественно-политической репутации...

Внешне Салтыковка была самым обычным «населенным пунктом»: с центральной магистралью — мощеной улицей с гордым названием «шоссе Ильича», дощатыми тротуарами, пусть и плохоньким, но уличным освещением. И все-таки, по сравнению с Москвой жизнь в поселке, «оазисе свободы», обладала массой преимуществ: «Меня никто не тащил на собрания жильцов. Меня никто не заставлял контролировать хозяйственные действия товарища Руденко, владельца частно-хозяйственной дачи... Когда я, усталый и голодный, возвращался домой, никто не стучал в мои двери, вызывая меня на собрания, посвященные вопросам озеленения детей или заготовки мусора. Каким-то таинственным образом крыша не текла сама по себе, мусор исчезал, как кролик в рукаве престижидидатора: таинственно, бесследно и, главное, бесшумно: без всякого участия «широкой общественности», — сам по себе... Вообще был рай: не было ни бумажек, ни собраний, ни общественности, ни самодеятельности, было очень нище — очень просто, но по-человечески организованное человеческое жилье. А не клопное социалистическое стойло».

И еще одно достоинство было у «райской дачи»: в ее дворе находилась банька, в которой, — по выражению Ивана, — были смыты все наслоения московской социалистической эпохи.

Тамаре новое место обитания поначалу не глянулось. Она вспоминала, что в поселке «не было ни мостовых, ни тротуаров, ни освещения, и темной осенней ночью на улице приходилось зачастую трепетно стоять на одной ноге, потому что калоша с другой ноги устревала в непролазной грязи, и потому что страшно было ступить дальше в одной туфле... Лавок в Салтыковке почти не было. Только один кооператив, в котором, кроме водки и морковного кофе, ничего нельзя было найти».

Не нашлось у Тамары одобрительных слов и по поводу нового семейного гнезда, на поиски которого Иван затратил столько сил: «Мезонинчик наш состоял из коридорчика, в котором два человека с трудом могли бы разойтись, и двух крохотных клетушек с бревенчатыми стенами, из которых вылезал войлок прослоек... Я, каюсь, человек, легко поддающийся настроению и импульсивный. Поэтому на следую-

щее по приезде утро, лежа на импровизированной косоногой постели и смотря в маленькое оконце на гнущуюся от ветра оголенную березу, я впала в острое отчаяние, пустилась в слезы, стала упрекать себя и ни в чем не повинного мужа в том, что мы уехали из милой Одессы, а когда мой взгляд нечаянно остановился на крюке от лампы, мне всерьез захотелось повеситься».

Но привычка — великое дело. Прошло время, и семья Солоневичей нашла много положительных сторон жизни в Салтыковке — природа, простор, тишина, реки и озера, где можно было рыбачить, а иногда и браконьерничать. Железнодорожная станция обеспечивала связь с Москвой, хотя порой, — при денежных затруднениях или желании дать спортивную нагрузку ногам, — Иван отправлялся в столицу пешком (в трудах Солоневича есть упоминания об этих марш-бросках).

В «Съестной палатке» местного нэпмана Ивана Яковлева можно было приобрести все, что было душе угодно: от сосисок до беломорской селедки, причем без всяких карточек. Позже появилась еще одна «микроскопическая акула капитализма», торговавшая продуктами питания, — купец Сидоров. Для Ивана, любившего хорошо поесть (вполне понятная для физически крепкого человека слабость), продовольственный ренессанс нэпманской эпохи был пусть недолговечной, но все-таки радостью.

Тамочка постепенно приспособилась к примитивному быту Салтыковки и нашла в неторопливой жизни поселка немало достоинств: «Летом это был рай земной, кругом леса, пруды и речушки, и чудесный воздух, и отсутствие пыли. Нам суждено было прожить в нашей «голубятне» до самого побега нашей семьи за границу, и я так к ней привыкла, что когда уезжала в последний раз, я упала возле кровати и целовала пол, чувствуя, что я больше никогда уже сюда не вернусь. На фоне заторможенной, суматошной, шумной и грязной Москвы — Салтыковка была тихой пристанью, голубым озерком, уютом среди враждебной и угрожающей советской действительности».

Совместные путешествия по «джунглям и прериям» в окрестностях Салтыковки способствовали еще большему сближению отца и сына. Юрий вспоминал о том времени:

«Я «открыл» своего батьку, когда мне было четырнадцать лет... В то время он для меня стал богом — просто богом, таким, каким был Зевс для эллина. Живым, человеческим богом, не подверженным критике, да и не нуждающимся в критике. В то время с ним можно было говорить о футболе и об Анатоле Франсе, которого я тогда начинал открывать, о «Кожаном Чулке», который уже сходил с моего горизонта, или марках, которые я собирал, как все мальчишки — без толку. Взрослые друзья его, их у него тогда было — пруд пруди, — говорили с ним о музыке, и о театре, и о политике и о чем угодно. Он знал все и всем интересовался. И на все имел свою, доморощенную точку зрения. Именно — доморощенную, потому что специалистам она в большинстве случаев казалась ересью. А к специалистам он всегда имел нескрываемое отвращение. Он играл в футбол и боролся, жал двойники, лазил с бредешком по салтыковским прудам»¹.

В семейном альбоме Солоневичей, который бережно хранит вдова Юрия — Инга, есть фотография, сделанная в салтыковские годы, когда Юре было 13—14 лет. Иван присел отдохнуть на опушке леса, и Юра, по-борцовски обхватив его за могучую шею, улыбается: отец как скала, не сдвинуть. Такая же добродушная улыбка освещает лицо Ивана. Оба в очках, и это придает им трогательно беззащитный вид. С первого взгляда на снимок понимаешь, что отец и сын не позируют, что они беспредельно искренни и что фотографу (Тамаре?) повезло: «лейка» запечатлела счастливое мгновение из жизни неразлучных друзей...

Впоследствии Юрий часто вспоминал об этом уютном семейном пристанище. В 1992 году он писал:

«Была у нас в Салтыковке, в нашей двухкомнатной «глубятне» огромная кафельная печь, занимавшая по четверти из каждой комнаты, сложенная каким-то великим мастером-печником. Тяга в ней была такая, что в ней горели даже сырые, мокрые от дождя или снега березовые поленья. Через полчаса она нагревала всю квартиру даже в самые морозные дни до вполне приемлемой температуры. Зимой, приходя снаружи так приятно было прижаться к ней спиной и ладонями и мечтать о Таити или Гонолулу»².

¹ Солоневич Ю. Цена жизни // «Наша страна», № 176, 30.05.53.

² «Наша страна», № 2493—2494, 23.05.98.

Несмотря на дифирамбы Салтыковке, Тамара, получив в январе 1928 года разрешение на заграничную командировку в Берлин, покинула «салтыковский рай» без сожаления, прихватив с собой Юру. Иван посадил их в международный вагон, помахал на прощание рукой в почти непроницаемое окно и в грустном одиночестве отправился на свою собственную загородную виллу»...

«На огонек» в Салтыковку собирались разные люди. Как вспоминал Юрий, отец «тогда верил в людей и считал, что нет на свете ничего интереснее и лучше, чем они. Даже в самой отъявленной сволочи он находил жемчужинку, из-за которой ею стоило поинтересоваться. Он редко бывал в одиночестве, а так как друзей было масса, и друзья все интересные, то и случалось иногда, что в нашей салтыковской голубятне набивалось по тридцать человек. Все — разных толков и темпераментов, но все его одинаково любившие и ценившие»¹.

В документальной повести «Роман во Дворце Труда» Солоневич упомянул о некоторых салтыковских визитерах: «В сенях моей мансарды всегда стоял десяток пар лыж, и у меня собиралась самая невероятная и, казалось бы, несовместимая публика. Каким-то таинственным российским способом она все-таки совмещалась: чекист Преде, милый батюшка из микроскопической салтыковской церковушки, главный и самый бескорыстный друг Советской России м-р Инкпин, регулярно приезжавший в Москву, чтобы выклянчить очередную субсидию и получить очередную директиву, секретарь ЦК английской компартии м-р Горнер, наезжавший то на покаяние, то на поклонение, некоторые (другие) люди, удобно скрывавшиеся за этим прикрытием от небезызвестного недреманного ока, и много всякой молодежи».

В другом месте повести Солоневич в числе гостей назвал «большевистского полпреда в Ковно т. Карского»² и «передовика «Известий» А.Я. Канторовича. В материалах следственного дела на Солоневичей упоминались и некоторые другие за всегдатаи «голубятни», как ностальгически назвал Иван Лукь-

¹ Солоневич Ю. Цена жизни // «Наша страна», № 176, 30.05.53.

² Карский М.А. — советский дипломат, руководил в НКВД отделом Прибалтики и Польши. В декабре 1930 г. был назначен полномочным представителем СССР в Литве.

янович мансарду. Среди них — германский дипломат Вирт¹, через которого Солоневич переправил Тамаре в Берлин материалы, предназначавшиеся для будущей публицистической деятельности: вырезки из советской прессы, фотографии, даже «разоблачительные статьи» Ивана, которые, к сожалению автора, ни одно из немецких изданий не приняло.

После ликвидации нэпа «райское житье» стало давать перебои: возникли проблемы с приобретением продуктов питания, все чаще отключали электричество. Чтобы наладить домашнее освещение, приходилось добывать керосин. В декабре 1931 года, после возвращения Юры из Германии, Салтыковка в очередной раз погрузилась во тьму. Поехали в Москву за керосином, простояли шесть часов в очереди на жестоком морозе. Иван Солоневич взял на себя «административные обязанности» по упорядочению очереди. По праву организатора, когда лавку открыли, первым наполнил два пятилитровых бидона вне очереди и сверх нормы. Кто-то стал протестовать, полез с кулаками. Завязалась драка, из которой, конечно, победителем вышел Солоневич. В другом случае керосин пришлось просто «умыкнуть» с территории какого-то охраняемого склада.

Салтыковские восторги Ивана ослабели, когда местная «среда обитания» непоправимо ухудшилась: свет на улицах пропал из-за нехватки нефти, тротуары были разобраны на дрова и сожжены в «румынках», а грязь стала непролазной. Пригородные поезда ходили «неритмично», часто из-за нарушений в графике люкс-экспресса «Голубая стрела», который циркулировал между Москвой и Нижним Новгородом. Эти ожидания на перроне в ранние зимние утра были тяжкими и утомительными и навсегда запомнились Солоневичу:

«И вот — стоят эти обмерзшие (пригородные) поезда и ждут, пока мимо этих замерзших людей, цепляющихся за жгучее железо поручней, с великолепным грохотом, обдавая пролетариат снежной пылью и ледяным ветром, голубой молнией мелькнет показательно-издевательский экспресс с его ответственными — вот вроде меня — пассажирами... Для меня — этот голубой экспресс стал неким символом социализма, индустриализации, пятилеток, рекламы, блефа и халтуры»².

¹ Имя установить не удалось.

² Солоневич И.Л. Роман во Дворце труда. С. 117.

Солоневич был эмоционально привязан к Салтыковке, много, с аналитической дотошностью, писал о ней. На примере «отдельно взятого» поселка он рассказывал об общих процессах в Советском Союзе, резюмируя их одним словом: деградация. «Будущая наука об общественных отношениях (сейчас у нас ее нет), — отмечал Солоневич, — займется, вероятно, и тем, что я бы назвал микротомией социальной ткани. То есть: оставит в покое декорации и декламации и начнет изучать процессы, совершающиеся в клетках социального организма. Салтыковка была небольшим сгущением таких клеток: три-четыре тысячи населения, сотен пять-шесть деревянных домиков, населенных рабочими, мелкими служащими, приказчиками, пенсионерами. У каждого домика — небольшой огород, сад и, конечно, баня»...

Нельзя отказать Солоневичу в проницательности, когда он указывает на главную причину крушения нэпа. На фоне оживления частнопредпринимательской деятельности «многочисленная администрация ходила угрюмо и угрожающе: ее полномочия таяли с каждым днем, и ее доходы таяли с тем же каждым днем... Началась та партийная безработица, которая впоследствии сыграла решающую роль в деле ликвидации нэпа... Партийная администрация стала обнаруживать, что вся эта мелкобуржуазная сволочь может жить вовсе без ордеров, разрешений, планов и всего прочего — партийная администрация скрежетала зубами и говорила: «Ну, подождите, не все коту масленица...»¹

В повести «Роман во Дворце Труда» Солоневич рассказал драматическую историю молодых людей — комсомольцев Маруси и Коли Алешиных, которые, по сюжету повести, бывали в гостях в Салтыковке. Под влиянием негативных сторон жизни в Советском Союзе (эксплуатация рабочих, голод, засилье бюрократов и т.п.) они создали подпольную организацию для борьбы с советским строем. Первой акцией подпольщиков стало распространение листовок, на чем Алешин сразу же попался.

Арестовав преступника, сотрудники ГПУ выяснили, что в числе его знакомых был Солоневич. И вот — вызов к следователю Садовскому. В повести Иван признался, что его «не

¹ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. С. 132, 133.

в первый раз таким манером приглашали в ГПУ, — всегда была нервная рабья дрожь». Его уже допрашивали на Лубянке: в первый раз в связи с желанием ГПУ «навести некоторые справки» о брате Борисе, второй — по поводу падения и разрушения вышки для прыжков на водном стадионе в Сталинграде. Проект вышки был «завизирован» самим Солоневичем, который хотел избежать бюрократической волокиты, связанной с ее строительством. Вышка довольно быстро рухнула, по причине, ничем не инкриминирующей Солоневича: ее превратили в «трибуну» для зрителей, то есть использовали не по назначению. Ивану удалось выпутаться из этой неприятной истории. Но могло быть иначе, ведь сталинградские чекисты считали, что все было подстроено специально, чтобы «утопить головку сталинградского аппарата».

«Дело Коли Алешина» выглядело не менее серьезным: в Москве распространили антисоветские листовки, изготовленные на пишущей машинке из кабинета Солоневича и размноженные на шапирографе в помещении по соседству. «Листовка была написана откровенно безграмотно, — отметил Солоневич. — Но из каждой ее строчки лился пафос смертельной ненависти к власти, и заканчивалась она призывом к товарищам красноармейцам, рабочим, крестьянам и комсомольцам резать носителей власти безо всякой пощады, где попало и чем попало, и создавать террористические группы в предприятиях, заводах, совхозах и прочем. Подписана была листовка каким-то союзом молодежи, — я уже не помню, каким именно. Кажется, «союзом мыслящей пролетарской молодежи» — таких союзов имеется весьма значительное количество».

Утверждение Солоневича о «значительном количестве таких союзов» было преувеличением. Чекисты создали в стране вездесущую агентурную сеть, были хозяевами положения, работали эффективно, часто «с опережением», обнаруживая и ликвидируя группы подобного рода в зачаточном состоянии.

Беседы со следователем Садовским по поводу листовок Солоневич изложил в объективной манере, с избытком точных психологических деталей, из чего можно сделать вывод, что в этих сценах было отражено реальное событие его жизни, включая попытку вербовки в качестве сексота. Садовский дал понять своему «собеседнику», что знает о нем очень многое, пусть и не подсудное, но на грани этого, многозначитель-

но намекнул, что окончательно подозрения об авторстве листовок с него не сняты. И вот разговор:

«— Вы самый старый работник в ЦК, и вы знаете там все входы... Мы весьма сильно подозреваем, что авторы этих листовок вам небезызвестны.

— Понятия не имею...

— Ну, допустим... Во всяком случае, там у вас, в ЦК, имеется троцкистская банда... Я допускаю, что до сих пор вы, ну, скажем, не обратили на нее своего благородного внимания. Так вот — вам и предлагаю: обратите внимание и дайте знать нам.

Все стало ясным: вся путаная цепь допроса... а также и то, что Садовский, прижав меня в угол совокупностью косвенных улик, предлагает мне почтенный пост секретного сотрудника ГПУ. Неплохой выбор! Только — малость ошибочный. Надо полагать, что Садовский меня выпустит, — и драпану же я! — только меня и видели»...

У следователя был свой план: он собирался выпустить из тюрьмы Марусю Алешину, чтобы «новоприобретенный» сексот выяснил у нее, кто именно организовал «троцкистскую банду». У Солоневича были большие сомнения в причастности к делу Алешина, но в отношении троцкистов он не колебался: «Должен сознаться — если бы дело шло о всамделишных троцкистах, то я решительно ничего не имел бы против, чтобы ГПУ их поймало и разменяло: чем больше эта публика будет резать друг друга, тем лучше для нас, всех остальных»...

Солоневич ответил следователю без обиняков:

«Давайте ставить вопросы проще: если вы посадите в подвал лишнюю дюжину троцкистов, — я охотно вам буду помогать»...

Садовский дал Ивану на выполнение «задания» недельный срок.

История с Алешиным и его женой разрешилась относительно благополучно: Колю выслали в Среднюю Азию на десять лет, Маруся выехала следом. Каких-либо сведений о «разоблаченных» Солоневичем в ЦК профсоюзов троцкистах в «Романе во Дворце труда» не приведено. Скорее всего, их и не было...

Солоневич никогда не скрывал, что среди его знакомых были чекисты. Он не мог избежать контактов с «органами».

В период работы в профсоюзах Ивану пришлось, к примеру, заниматься выдачей «всяких вспомоществований и ссуд», и в числе его клиентов было немало сотрудников ГПУ-НКВД. А еще рабочие связи с руководителями и спортсменами «Динамо», с издательством НКВД, «собеседования» на Лубянке по тем делам «физкультурного ведомства», которые были подозрительны на саботаж и т.п. — все это фиксировалось в памяти, оседало на сетчатке зорких репортерских глаз.

Для солоневичеведов и вообще для всех интересующихся жизненной траекторией писателя-публициста вопрос об обоснованности слухов о сотрудничестве Солоневича с ГПУ-НКВД является одним из самых болезненных. Не оказывал ли он и в самом деле негласной помощи «органам»?

В книге «Россия в концлагере» Солоневич написал, что хорошо знает «технику» чекистской работы. По его словам, это знание помогло ему 18 лет «выкручиваться» из цепких лап НКВД и выкручиваться «неплохо», потому что в результате ему удалось бежать за границу. Солоневич уничижительно отзывался о профессионализме сотрудников ГПУ-НКВД: «Технику эту я считаю нехитрой техникой, рассчитанной на ротозеев. Или, что еще обиднее, техникой, рассчитанной на наших великолепных подпольщиков: возьмется за эту работу русский офицер, человек смелый, человек, готовый идти на любую попытку, а вот выпьет — и прорвется. И кончено. Словом, техника работы ГПУ — техника не хитрая. Молодец против овец. То, что мы оказались овцами, это не делает особой чести ни нам, ни ГПУ. В порядке изучения этой техники много литров водки выпил я со всякими чекистами, все они хвастались и плакали. Хвастались всемогуществом ГПУ и плакали, что им самим от этого всемогущества нет никакого житья. Нужно быть справедливым и к врагу; жизнь среднего работника ГПУ — это страшная вещь, это жизнь пана Твардовского, который продал свою душу черту. Но черт пана Твардовского хоть чем-то платил оному пану при его жизни. ГПУ в сущности ничего не платит при жизни, а документ о продаже души все время тычет в нос. Это звучит фантастически и малопривлекательно, но в двух случаях моей жизни мне удалось выручить из работы в ГПУ двух коммунистов, один из них работал в ГПУ 10 лет».

«Коллективный портрет» чекистов в интерпретации Солоневича выглядит так:

«Работники ГПУ — при прочих их достоинствах и недостатках — публика весьма подверженная всяким неприятностям. Работа палача — нездоровая работа. Лет пять-шесть такой работы среднего человека выматывают окончательно. Тогда его за ненадобностью или расстреливают, или, что бывает реже, выбрасывают вон. Выброшенный чекист — совсем пропащая личность... И такие вот личности — вчерашние следователи и палачи — приходят в ЦК и просят сотню рублей на пропой души или путевку в какой-нибудь дом отдыха... И вот, приходили ко мне изъеденные расстрелами и кокаином люди и истерически требовали — хоть десятку. В подтверждение своих моральных прав на эту десятку приводились заслуги: ранения, расстрелы, полная моральная и нервная изношенность. Посетители предполагали, что в моих глазах стаж расстрелов и сыска является достаточно убедительным доводом для выдачи ссуды. Я не давал. Посетители шли к коммунистам ЦК, и те тоже не давали. Вчерашних палачей, сыщиков и расстрельщиков, бившихся в истерике на полу канцелярии ЦК, выводили или при помощи милиции или при помощи ГПУского патруля. Никогда еще в своей жизни я не видал, чтобы продажа души черту оказалась выгодным предприятием».

В «Романе во Дворце труда» Солоневич особо подчеркнул, что данное в беседе с Садовским «согласие» на сотрудничество — вынужденный шаг, чтобы хотя бы на время «вывернуться» из критической ситуации и «не пропасть». Позже, по версии Ивана, он «откупился» от поползновений ГПУ солидной по тем временам суммой в 10 000 рублей. Солоневич организовал хитроумную комбинацию с заказом спортивного инвентаря из дефицитного сырья в одной из кустарных артелей, которая и выплатила чекистам эти самые спасительные для Ивана «отступные». Операция была рискованная, но он пошел на нее, потому что «товарища Солоневича в списках сексотов ГПУ товарищ Садовский не дождется, — это, уж, извините».

В «Романе» Солоневич привел свои размышления, связанные с этой психологически тяжелой для него историей. Тут нет и намек на ее интерпретацию в духе приключений Ос-

тапа Бендера, но вновь упоминается о взятке, данной чекистам за «вольную»:

«К Садовскому меня действительно больше не вызывали. Так сказать — откупился. Несколько утешительно было думать, что откупился я не за свой счет. Но вообще настроение было чрезвычайно отвратительное. Чрезвычайно отвратительно жить в стране, где все время приходится изворачиваться и откупаться. Конечно — жизнь есть борьба, но и борьба-то бывает разная... Советская обстановка жизни совершенно исключает возможность честной борьбы. Все время — какие-то воровские извороты. А не извернешься — пропал... Пропадать мне не очень хотелось, но и изворачиваться — тоже. Как-то не люблю ни того, ни другого».

Изложенная Солоневичем история о взятке чекистам, чтобы «откупиться», проверке не поддается. Ее можно принимать или не принимать на веру. Однако неожиданный уход Солоневича со стабильной, неплохо оплачиваемой работы в ЦК профсоюзов, дававшей к тому же возможность поиска денежной «халтуры» в других местах, скорее всего, и стал тем вариантом действий, к которому прибегнул Иван, чтобы поставить точку на неприемлемой для него ситуации. После ухода из ЦК он больше не пытался устраиваться на работу в совучреждения, чтобы избежать общения с кадровиками, которые в обязательном порядке докладывали чекистам-кураторам о каждом вновь принятом сотруднике. В положении человека «без определенного рода занятий» можно было избежать постоянного контроля по месту работы и располагать временем для подготовки побега.

Нет сомнения, что Солоневич делал все от него зависящее, чтобы избежать «возобновления отношений» с Садовским и К°. Но при этом было и другое: постоянный страх, что чекисты поймут смысл его «игры в прятки». Неуверенность в завтрашнем дне, опасения за судьбу членов семьи, — это тревожило, побуждало к поиску выхода из, казалось бы, тупиковой ситуации. Отсюда — малохарактерные для него признания в депрессии и чувстве безнадежности: «Настроение было чрезвычайно отвратительное». И отсюда его те самые отчаянные слова: «Советская обстановка жизни совершенно исключает возможность честной борьбы. Все время — какие-то воровские извороты. А не извернешься — пропал».

Тесное общение Солоневича с немецким дипломатом Виртом в тот период тоже вызывает вопросы. Из материалов следственного дела НКВД о подготовке побега «группой Солоневича» следует, что он регулярно встречался с немцем в конце 20-х — начале 30-х годов (не менее 8 раз!). Через Вирта Иван сумел передать жене в Берлин различные материалы о жизни в Советском Союзе, надеясь использовать их в будущем для литературно-публицистической антисоветской работы. Сложно представить, что эти встречи с Виртом (чаще всего в Салтыковке) остались для чекистов незамеченными, и они не предприняли необходимых шагов для выяснения подоплеки подозрительных отношений с иностранцем, если, конечно, они с самого начала не были подконтрольны «органам». И если это так, то можно предположить, что Иван решил воспользоваться благоприятной ситуацией для «двойной игры», чтобы поддерживать через Вирта тайный канал связи с Тamarой.

В годы «подсоветской» жизни Солоневич проходил по 5—6 делам, зарегистрированным в учетном отделе ГПУ-НКВД. В каком-то из них, возможно, и содержатся сведения о не проясненных до сих пор эпизодах жизни Ивана, «технике выкручивания», «воровских изворотах» и «двойной игре».

В Салтыковке без особых опасений можно было заниматься «бесцензурным» творчеством, знакомиться с запрещенной и полузапрещенной литературой, «лишенной официального штампа». К ней Солоневич относил почти полностью изъятых из библиотек Есенина, Эренбурга, Сельвинского, Ильфа и Петрова. Была просто «подпольная литература», которая распространялась в машинописных или гектографированных списках, часто — с эмигрантских изданий в Париже, Берлине, Брюсселе. Иван не жалел денег, чтобы приобрести очередную «новинку» подобного рода. «Книжные жучки», несомненно, рисковали, торгуя из-под полы нелегальной литературой, которая вдохновляла Солоневича на независимое и неподцензурное творчество.

В «Романе во Дворце труда» есть упоминание о некоем крупном сочинении, над которым Иван работал в то время. Садовский узнал о рукописи и заинтересовался ее содержанием. Иван ответил туманно:

«Так сказать, психологические и сексуальные сдвиги»...

Это разъяснение не убедило следователя в безобидности литературной работы Солоневича, и он настоял на том, чтобы Иван показал ему свой труд:

«Да вы не волнуйтесь... Ваша рукопись не пропадет... А мы ее просмотрим... Знаете, совет ГПУ никогда не помещает... Могут быть некоторые уклоны»...

Иван не сопротивлялся, понимая, что другого выхода нет: «Пришли бы, устроили бы обыск и забрали бы и то, что нужно, и часть того, что совсем не нужно, чего я припрятать еще не успел. Литературная профессия в Советской России имеет некоторые технические стороны, неизвестные буржуазным писателям... Конечно, Садовскому я передам только то, что с точки зрения ГПУ носит совсем уж вегетарианский характер...»

Иван благоговейно относился к литературному труду, мечтал о писательской славе, как когда-то — о спортивной. Он сознавал, что никогда не сможет переломить себя, чтобы «отражать» в своих книгах успехи социалистических преобразований. Солоневич утешал себя размышлениями о том, что при советской власти не появилось имен «первой мировой величины», равных Тургеневу, Толстому, Достоевскому и Горькому. Те писатели, которые поднялись на волне революции, пытались осмыслить и оправдать ее, создать новую пролетарскую литературу, — несомненно, талантливые Бабель, Пильняк, Сейфулина и другие, оказались, по мнению Солоневича, на периферии событий, игнорируемые властью: «замолчали, исчезли, растворились в безбрежности революционных стихий и Главлитов». Потрясли Ивана самоубийства ведущих поэтов советской эпохи — Есенина и Маяковского. По оценке Ивана: «Великая русская литература временно умерла. Мне пришлось присутствовать у ее смертного ложа»¹.

Как бы там ни было, Иван не терял интереса к современной литературной жизни, при любой возможности посещал встречи писателей с читающей публикой, «влекомый, — по его словам, — недугом репортерского любопытства». Он оставил зарисовку одной из таких встреч: писатель «второго ряда» Пантелеймон Романов² публично «отчитывался» о

¹ Солоневич И.Л. Диктатура слоя. С. 49.

² Романов Пантелеймон Сергеевич (1888—1938 гг.) — русский советский писатель, автор романа «Русь», повестей и рассказов, посвященных

своей работе. По наблюдениям Солоневича, читатели, «отбросы фабрично-заводских задворков», особым интеллектом не отличались: «Какие-то безлобые юнцы, какие-то орлеанские девы русской революции, Господом Богом лишенные даже и прелестей флирта». Романов прочел рассказ «о том, как «мелочи быта» сбивают с революционного пути героев социалистической стройки». Началось обсуждение.

По признанию Солоневича, «более гнусной атмосферы мне, пожалуй, никогда не приходилось видеть». Романову пришлось выдержать самый настоящий допрос с пристрастием: у читателей вызывало подозрение все, — от сомнительного интереса автора к жизни героя с полубуржуазными привычками (как он далек от пролетариата!) до собственной — автора — неясной политической позиции. Было высказано в обвинительной форме мнение о том, что Романов пытается «размагнитить» железную пролетарскую волю к стройке и борьбе», явно склоняясь к «право-лево троцкистско-бухаринскому уклону-загибу».

Встреча с читателями в этот раз завершилась для Романова благополучно, он «умел себя держать», понимал ритуальную необходимость подобной «творческой смычки». Но и после нее, по свидетельству Ивана, рассказу Романова пришлось преодолеть «полдюжины цензур», чтобы появиться в печати. Через такие марафонские испытания Солоневич проходил сам, «пробивая» в печать свои спортивные руководства. Однажды самонадеянная «пролетарская девица» из Главлита, просмотрев его брошюру о технике поднятия гирь, сказала с полной уверенностью в своей правоте, что он, Солоневич, «плохо знает русский язык». Иван болезненно относился к подобным замечаниям:

«Мне — за сорок лет. Я окончил старый университет, и занимаюсь литературной профессией лет двадцать. Русскую литературу я знаю, как специалист, и кроме русского языка я кое-как говорю еще и на трех иностранных, — девица же спотыкается на элементарнейшей русской грамматике. Я ста-

вопросам русского и советского быта и морали. К началу 30-х гг. Романов приобрел репутацию выразителя интересов всякого рода «бывших»: воинствующих мещан, нэпманов, лиц из духовного сословия. В произведениях, посвященных советской эпохе, он отражал «образ жизни» спекулянтов, бюрократов, обывателей.

раюсь не скрежетать зубами и дипломатически отвожу ее поправки к моему литературному стилю. И стараюсь доказать, что в русском языке есть все-таки такие слова и выражения, которые, очевидно, ей, девице, по молодости лет, еще как-то не попадались на глаза. Такие беседы постепенно приводят к перерождению печени. В особенности, если каждая книга стоит полдюжины таких бесед»¹.

Роман «Россия на воле» был задуман Солоневичем как масштабное реалистическое полотно о событиях двух минувших десятилетий. Он хотел показать «отвратительное лицо революции», причем «не в виде грозного, но поэтического лика исторической Немезиды, а в виде миллионов присосков скользкого, безликого и безмозглого революционного осьминога. Осьминог страшнее гильотины. Гильотина рубит голову немногим, а осьминог присосался ко всем».

Следователь Садовский настаивал на показе рукописи, что вызывало все большую тревогу Солоневича:

«Этот роман я писал года три. Но, насколько мне помнилось, решительно никому и решительно ничего о нем не говорил. Откуда Садовский узнал об его существовании! Рукопись романа делилась на две части: одна лежала более или менее открыто, другая сохранялась в тайнике, для ГПУ, безусловно, недоступном».

В конце концов, один из его сослуживцев, каким-то образом связанный с ГПУ, намекнул с хитровой улыбкой, что оставлять портфели без присмотра чревато: всегда может найтись любопытствующий человечек, проверяющий их содержимое. Это полупризнание успокоило Ивана: в его портфеле хранилась первая, «невинная по содержанию» часть романа. Она была вручена Садовскому на ревизию и возвращена «без последствий». Садовский не поверил, что Солоневич с его откровенно «диссонирующими взглядами» пишет чепуху сексуально-психологического толка. Но глубже копать не стал: лучше подождать. Психология непризнанных авторов была ему хорошо известна: они горят желанием поделиться своими гениальными трудами с надежными друзьями и любимыми женщинами. Солоневич тоже попадетсЯ.

¹ Солоневич И.Л. Диктатура слоя. С. 50.

Других сведений о своем первом романе Иван, к сожалению, не сообщил, но упомянул, однако, о том, что перед неудавшимся побегом 1932 года спрятал обе части рукописи в тайник. В 1938 году, находясь в Германии, он вернулся к замыслу «России на воле», пытаясь восстановить текст по отдельным наброскам и фрагментам, переправленным в свое время за рубеж. Этот творческий импульс Ивана был своего рода сублимацией переживаний, вызванных гибелью Тамочки. Именно ее он видел главной героиней нового варианта романа. Рукопись и на этот раз не была завершена.

Не исключено, что первый вариант романа до сих пор хранится в «недоступном ГПУ» месте. Не зря говорят, что рукописи не горят. Поэтому сохраняется надежда, что кто-нибудь когда-нибудь случайно наткнется на тайник, который, находится в окрестностях Салтыковки или в недрах самой «салтыковской голубятни». Не будем гадать о литературной ценности романа, но исторической он, несомненно, обладает. Ведь это, если можно так выразиться, одно из первых диссидентских произведений советской эпохи, которое писалось из чувства протеста, не для публикации, а «в стол» — для читателей отдаленного будущего...

Агент «Прицельный» не промахнулся

В письме к Александру Гучкову¹, которое Иван Солоневич направил в Париж через два месяца после пересечения советско-финской границы, он так рассказывал о подготовке побега:

¹ Гучков Александр Иванович (1862—14.02.1936) — из московской купеческой семьи. Учился на историко-филологическом ф-те Московского университета. Крупный предприниматель, российский общественный деятель, председатель партии «октябристов» (Союз 17 Октября). Депутат III Госдумы, в 1910—1911 гг. ее председатель. Вместе с В.В. Шульгиным принял манифест об отречении Николая II от престола. Активный участник Февральской революции. В 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства. Один из организаторов Корниловского мятежа. В 1919 г. выехал в Зап. Европу для организации помощи Белым армиям. Остался в эмиграции. Оказывал помощь русским беженцам.

«Мои проекты и сборы для бегства за границу имеют уже почтенный стаж — лет около шести. Все эти годы я собирал материалы для зарубежной печати. Я объехал с блокнотом и фотоаппаратом Украину, Подмосковную область, Сев. Кавказ, Дагестан, Грузию, Абхазию, Сванетию, Среднюю Азию, Поволжье — от Твери до Царицына, Урал, Карелию, в том числе все крупные города и стройки. У меня были «мандаты» от московских журналов — туристских и профсоюзных, и, следовательно, я имел доступ в самые сокровенные тайники колхозной, совхозной, заводской и прочей жизни. Перед своей предпоследней попыткой к бегству я нелегально переправил в Берлин более 600 негативов, которые охватывают почти все стороны советского быта»¹.

Первоначально Солоневич «прорабатывал» южные варианты побега, через туркестанскую и кавказскую границу. Больше всего опасений у Солоневича вызывал возможный характер «приема» после перехода «на ту сторону»: «Очень было неясно, как встретили бы нас персы, турки и румыны. Я узнал, что очень многих и за очень небольшую плату из большевистского кармана персы выдавали обратно — на расстрел... Турки выдавали систематически. Польская граница у Минска и латвийская у Пскова были плотно прикрыты советскими пограничниками, на румынской границе грабили и убивали»².

Из всех направлений ухода за рубеж «финское» выглядело самым привлекательным. В карельской глухомани можно было легко затеряться, сбить со следа погоню и, самое главное, финны не выдавали беглецов...

Весной 1931 года после завершения командировки вернулась из Германии Тамара. Стать «невозвращенкой» она не могла: власти отыгрались бы тогда на муже и сыне.

Много лет спустя Юрий описал встречу так, словно она произошла вчера: «Мы с батькой забегали по перрону, пытаюсь узреть Тамочку сквозь его (поезда) закрытые окна. Попытки эта окончились безрезультатно: она, видимо, уже вы-

¹ Семейный архив Солоневичей (включая диапозитивы) был переправлен за границу через немецкого дипломата Вирта.

² Солоневич И.Л. Большевизм и женщина. Послесловие к книге Тамары Солоневич «Три года в Берлинском торгпредстве». София, Голос России, 1938. С. 253—254.

шла из купе в коридор, дожидаясь очереди вылезать. Решили разделить наши функции и искать ее — он налево, я направо от середины. Народу было уйма. И пассажиров, и встречающих. Разделились. И тут я, на своем правом конце, услышал какой-то визг и вообще «суматоху» на бабкином левом... Окруженный сочувственно смеющейся толпой, стоял батя, держа на руках Тамочку и целуя ее чем и куда попало. Она же, хохоча, отмахивалась и отбрыкивалась, пытаясь одновременно не выпустить из рук чемодана и какую-то кошелку. Она в те времена весила кило под девяносто, но это его не смущало: он незадолго до этого поднял лошадь из канавы»¹.

В честь Тамочки в Салтыковке был устроен роскошный прием. Подготовка его потребовала немалых усилий. Иван облачился в свое «супершикарное иностранное пальто» и, имитируя иностранца, проник в магазин Инснаба, где за советские рубли приобрел деликатесы — балык, севрюгу, икру, маслины, пирожные и водку «белая головка». Свой вклад в подготовку пиршества внес Юрий. Он «смотался» на Сухаревскую толкучку («Сушку») и за пятьдесят рублей и старые ботинки купил толстую баранью ногу «у спекулянта ориентального вида». Приготовлена нога была по «коронному» рецепту Солоневичей: нашпигована чесноком и запечена с картошкой и луком в специальной чугунной кастрюле². Аромат этого изысканного блюда разносился по всей округе. Когда же чугунная крышка была снята, то, «аромат буквально взорвался как ручная граната».

Приезд Тамары поставил перед Иваном сложную задачу: как организовать ее «переброску» за кордон. Тамара спортом никогда не занималась, и все же, чтобы не быть обузой, стала тренироваться в ходьбе, развивать выносливость. Однаж-

¹ «Наша страна», № 2493—2494, 23.05.98.

² Юрий Солоневич в своих воспоминаниях не удержался от того, чтобы не «воспеть» баранов с «Сушки»: «Я вот уже тридцать пять лет в Америке, а таких баранов не видел. Их просто нет, ни за какие деньги. Американский баран бараном не пахнет, его от телятины отличить трудно. И это не только в США: то же самое действительно и для Аргентины... Да и вообще для всей как Северной, так и Южной Америки. Земля здесь, должно (быть), не такая как надо» (см. «Наша страна», № 2493—2494, 23.05.98).

ды она преодолела пешком рекордное для себя расстояние в двадцать километров. Но это был ее последний подвиг: на восстановление затраченных сил потребовалась целая неделя. Стало ясно, что она не выдержит трудностей, связанных с нелегальным переходом границы.

На семейном совещании решили воспользоваться распространенным для советской «выездной» практики 20—30-х годов фиктивным браком. Тамочка подобрала кандидата на роль мужа — чешского немца Бруно Прцевоцни (по другой транскрипции — Пшевозни). С ним она познакомилась в Берлине, когда работала в советском торгпредстве. Бруно был членом КПГ и по партийной линии отвечал за агитацию и пропаганду в рабочих районах Берлина. В полпредстве и торгпредстве ему доверяли, он преподавал сотрудникам немецкий язык. Бруно был моложе Тамары (по словам Бориса, «годовался ей в сыновья»). В то время он приезжал в Москву, представляя одну из немецких коммерческих фирм.

Ивану и Тамаре пришлось пройти через процедуру развода. «В ЗАГСе и развод, и бракосочетание действительно много времени не занимали, — вспоминал Юрий. — Пять рублей и пять минут. Но, тем не менее, когда разговор дошел до загса, я как раз смотрел на батьку, и мне показалось, что я буквально слышал, как его сердце стукнуло о пол». К тому же Иван Лукьянович узнал, что его Тамочка «зачем-то наврала Бруно, что она и батька друг друга давно уже не любят, вместе больше не живут, развелись вот уже полгода назад». И еще один не менее важный момент этой тяжелой истории: не было никаких сомнений, если Бруно «раскусит Тамочкину стратегию», он откажется от женитьбы и вернется в Берлин. Поэтому пришлось имитировать и развод, и жизнь «врозь» и даже добиваться отдельной квартиры для Тамары, в которой она потом и принимала Бруно¹.

Юрий всю жизнь мучился тем, что скрыл от отца реальную историю отношений матери и Бруно: «Одно мое письмо батьке, посланное (из Берлина) года два назад, могло бы прервать весь процесс Тамочкиного с Бруно романа. Но оно послано не было, и это была моя вина». «Струсил», «смелости не хватило», «в их глазах я был бы трусливым ябедой», «боялся промахнуться и развалить мои с Тамочкой отноше-

¹ До отъезда в Германию Тамара жила на улице Беговой, 16, кв. 31.

ния», «батька бы, вероятно, простил мне, но Тамочка — никогда. А мама у людей бывает только одна» — эти слова Юрий написал почти через шестьдесят лет после «фиктивного развода» своих родителей.

Бруно приехал ненадолго в Москву и оформил в загсе брак с Тамарой. Через день он уехал в Германию, сославшись на то, что не может оставаться в Советском Союзе без соответствующего разрешения партийной организации. Тамара в то время работала в Москве референтом в Международном комитете горняков. После отъезда Прцевоцни она возбудила перед ИНО Мособлисполкома ходатайство о выходе из советского гражданства по причине «выезда к месту жительства «супруга». Бюрократические хлопоты были сложными, изматывающими, со многими препонами. Тамара строчила жалобы в разные инстанции, нередко используя формулировки, сочиненные «первым» мужем. В сентябре 1932 года постановлением ЦИК ее ходатайство было удовлетворено. Тамара без задержек оформила паспорт в германском посольстве и выехала в Берлин.

«Очень трудно рассказывать о мучительности наших колебаний и о моментах нашего прощания», — вспоминал позднее Иван. При этом неизменно добавлял, что о подробностях «легального отъезда» Тамары «говорить преждевременно». Через десятки лет об этом написал его сын, и ему было не менее тяжело вспоминать «подробности». В одном из своих писем в редакцию «Нашей страны» Юрий сообщал: «В работе над моими «мемуарами» я сейчас приближаюсь к самому критическому моменту в батькиной жизни: его с Тамочкой полуподдельному разводу. Батька сам никогда о нем ничего не писал, разве что мимоходом, не желая признаваться в том, что не все было уж так идеально в нашем семействе. Этот развод совпал с нашей катастрофической первой попыткой драпежа, ответственность за который он нес всецело на себе, хоть это и было глупо. Но такие два события, свалившиеся на беднягу одновременно, действительно подвергли его характер невероятному испытанию. Я тоже одно время думал всю эту историю опустить, но отказался от этой идеи, считая, что она его портрету повредить не может. Наоборот»¹.

¹ «Наша страна», № 2397—2398, 20.07.96.

Планируя побег в Финляндию, Солоневичи не могли не думать о судьбе близких. Репрессивные меры властей в отношении родственников были неизбежны. Летом 1931 года Иван с семьей съездил на несколько дней к отцу в Ялту, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы посвятить его в планы бегства. Иван признался, что удерживает его только одно: опасения, что карательные органы отыграются за их бегство на близких родственниках. «Вы можете пострадать по нашей вине», — сказал Иван.

«Обо мне не беспокойся, — прервал его отец. — Мне бояться нечего. Я уже прожил свою жизнь. Будь я моложе, пошел бы с вами. Раз вы решили, идите до конца. Вы сильные — сможете вырваться»...

Лукьян Михайлович жил с детьми, без хозяйки: жена умерла в Екатеринодаре в 1920 году от тифа. Детей было четверо: сын Евгений (1905), дочери — София (1909), Зинаида (1915) и Любовь (1920)¹. Жили бедно, всегда на съемных квартирах. Некоторое время семья находилась в станице Лабинской, где батрачил брат Луки — Степан. В годы военного коммунизма голодали, иногда доходило до того, что переходили на «подножный корм»: крапива, щавель, дикие фрукты, каштаны.

После переезда в Крым жизнь Солоневичей, в основном, наладилась. Евгений возглавил артель рыболовов, дочери брались за любую работу, чтобы помочь семье. Софья, как старшая, обстирывала и кормила семью, ухаживала за больным отцом. Сам Лукьян имел небольшое «приусадебное» хозяйство, изготавливал в домашних условиях кефир, который продавал курортникам². К слову сказать, «кефирную закваску» отца Иван взял с собой в первый побег, планируя наладить на каком-нибудь литовском или латвийском курорте его коммерческое производство.

Драматична история двух провалившихся побегов Солоневичей. Первая попытка пришлось на сентябрь 1932 года. Готовились к ней основательно. Как потом рассказывал Иван,

¹ См.: Дьяков И. Дело, которое больше нас // «Наш современник», № 11, 1991.

² В Ялте Л.М. Солоневич жил на Дорсановской улице, д. 26.

летом 1932 года он «сделал пешую разведку по направлению к финской границе от станции Кивач Мурманской железной дороги в направлении на село Койкоры на реке Суне и не дошел до границы двадцать верст». Около Койкор его подцепили сельские активисты-комсомольцы, и ему стоило очень большого труда вырваться из этой разведки¹. Однако маршрут был подобран, досконально изучен и, по словам Ивана, «группа шла наверняка».

Иван вспоминал, что группа была вооружена до зубов: «У меня был тяжелый автоматический дробовик Браунинга 12-го калибра, у Юры такого же калибра двустволка. Патроны были снаряжены усиленными зарядами пороха и картечью нашего собственного изобретения, залитой стеарином. По нашим приблизительным подсчетам и пристрелкам такая штукovina метров за сорок и медведя могла свалить с ног. У Бориса была его хорошо пристрелянная малокалиберная винтовка. Вооруженные этаким способом, мы могли не бояться встречи ни с чекистскими заставами, ни с патрулем пограничников».

В группу, помимо Ивана, входили Юрий, Борис (месяц назад он был освобожден из Бутырской тюрьмы), его жена Ирина Пеллингер, Елена Леонардовна Пржиялговская, аристократическая дама с польско-литовскими предками, муж которой — Иосиф Антонович — был другом Ивана еще с дореволюционных лет, и бухгалтер Степан Никитич Никитин. Последние двое были полезны Солоневичам тем, что имели за границей богатых родственников, которые обещали помочь беглецам после пересечения границы.

Группа выехала к границе под «легендой» туристов-охотников, которые собирались отдохнуть и поохотиться в Карелии. Иван запасся командировочными удостоверениями от редакций столичных газет, подтверждавшими его журналистскую миссию: сбор материалов для подготовки репортажей о северном крае. У местного рыбака арендовали лодку, и группа, проплыв по реке Суна, добралась до озера Суо-Ярви и оттуда, от водопада Кивач, — наземным путем, — двинулась через лесные чащи в сторону Финляндии, до которой было около 150 километров.

¹ Солоневич И.Л. Большевизм и женщина. С. 254.

По расчетам Ивана, до границы можно было добраться за неделю. И, возможно, так оно и было бы, если бы не три роковых фактора: неожиданно холодная погода с непрерывными дождями (вопреки прогнозам метеослужбы), магнитные аномалии («компасы там врут как нанятые») и внезапная болезнь Ивана. Борис вспоминал: «Напряжение последних месяцев не прошло даром для брата — он разболелся настолько серьезно, что продолжать трудный путь было невозможно... О том, чтобы оставить больного брата где-нибудь на дороге и уйти самому, не могло быть и речи». После пяти дней блужданий группа с трудом выбралась из зоны непролазных болот. Было решено повторить попытку в следующем году.

Иван «затаился» в Салтыковке. Неудача вызвала у него депрессию. В редакциях газет и журналов его репортажей о Карелии не дождалась. Причина была понятной: стоит ли в очередной раз демонстрировать свой интерес к приграничным зонам? Без постоянной работы и гонораров Иван перешел на строгий режим экономии. Жил с Юрой на получаемые через «Торгсин» переводы от Тамары. Если они задерживались, продавал вещи: фотоаппараты, объективы к ним, наручные часы, а также коллекционные серебряные талеры, когда-то приобретенные на одесской толкучке на «черный день».

В мае 1933 года Иван Солоневич вновь взялся за подготовку побега. Не обошлось без неприятных сюрпризов и на этот раз. У Юры воспалился аппендицит! Его оперировали, и это означало, что побег надо было отложить на август-сентябрь. Солоневич вспоминал: «Вся подготовка, такая сложная и такая опасная — продовольствие, документы, оружие и пр. — все было сорвано. Психологически это был жестокий удар, совершенно непредвиденный и неожиданный удар, свалившийся, так сказать, совсем непосредственно от судьбы. Точно кирпич на голову... Настроение было подавленное. Трудно было идти на такой огромный риск, имея позади две так хорошо подготовленные и все же сорвавшиеся попытки. Трудно было потому, что откуда-то из подсознания бесформенной, но давящей тенью выползало смутное предчувствие, суеверный страх перед новым ударом, ударом неизвестно с какой стороны»¹.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 30—31.

Пока переносились сроки побега, несколько изменился состав группы. К ней подключился «бывший офицер» Николай Бабенко. С «Николасом» познакомила Солоневича Пржиялговская. Своего супруга-алкоголика Елена Леонардовна ни во что не ставила, и, находясь в бальзаковском возрасте, заводила интрижки на стороне. Последним ее «завоеванием» был «неотразимый Николас», который «признался» ей, что был царским офицером и в годы гражданской войны воевал «на той» стороне. Откровения любовника потрясли Пржиялговскую, и она в ответ поведала ему о своем секрете — участии в подготовке побега. Она была счастлива, узнав, что ее «интимный друг» тоже мечтает «об уходе на Запад»!

Елене Леонардовне Солоневичи доверяли. Симпатий к советской власти она не испытывала, хотя от критических заявлений воздерживалась даже в заведомо «антисоветской компании». Дав согласие на участие Пржиялговской в «группе побега» Иван Солоневич сомневался только в одном: выдержит ли 45-летняя женщина тяготы блужданий по лесам и болотам? Но брать ее стоило: в Литве у нее было родовое имение, в котором братья намеревались (с ее предварительного согласия) на время поселиться в качестве арендаторов. Кто мог предположить, что Пржиялговская, несмотря на все призывы «соблюдать конспирацию», посвятит в дело «душку Николаса»!

Бабенко появился в Салтыковке в июне 1933 года. Пржиялговская представила его Ивану, заявив, как ни в чем не бывало, что «Коленька в курсе всех планов», что он надежен, смел и будет полезен во всех отношениях. Бабенко скупно рассказал о себе: «Я — белый офицер, старый охотник, принципиальный враг режима», — и сообщил, что намерен взять «в побег» двуствольное ружье, собаку и подробную карту Карелии. И самое главное: он обещал добыть деньги на обеспечение группы.

Прошло несколько недель, и взбалмошная Пржиялговская выкинула очередной фортель. Она сказала, что не может рисковать здоровьем, плутая по Карелии, и потому остановилась на легальном варианте выезда — через «Интурист». Бабенко в группе остался. Его цепкий интерес ко всем деталям подготовки побега беспокоил братьев. Нехорошие предчувствия в отношении Бабенко у Ивана усилились, когда

стало ясно, что «бывший офицер» не слишком соответствует «образу человека» с фронтовым опытом: «Зашел разговор об оружии, и Бабенко сказал, что он в свое время много тренировался на фронте в стрельбе из нагана и что на пятьсот шагов он довольно уверенно попадал в цель величиной в человека. Этот «наган» подействовал на меня как удар обухом. На пятьсот шагов наган вообще не может дать прицельного боя, и этого обстоятельства бывший артиллерийский офицер не мог не знать»¹.

Чтобы проверить Бабенко на предмет его возможного сотрудничества с «органами», Солоневичи устроили вечеринку. Юра создавал «интимное настроение», пел под гитару песни из своего обширного репертуара: сентиментальные немецкие, английские — с юмором, и даже русские романсы.

Бабенко обладал звучным баритоном и самозабвенно подпевал Солоневичами:

Там, за далью непогоды
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой.
Смело, братья! Ветром полный,
Прям и крепок парус мой.

Проверку Бабенко прошел успешно. Иван решил оставить все так, как есть, действовать по плану, успокаивая себя следующими размышлениями: «Если Бабенко — сексот, то все равно мы уже «под стеклышком», все равно где-то здесь же в Салтыковке, по каким-то окнам и углам, торчат ненавистные нам агенты ГПУ, все равно каждый наш шаг — уже под контролем... С другой стороны, какой смысл Бабенке выдавать нас? У г-жи Е. в Польше — весьма солидное имение², Бабенко — жених г-жи Е., и это имение, во всяком случае, привлекательнее тех тридцати советских сребреников, которые Ба-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 32.

² В деревне Инкерт под Вильно. В тот период Виленский район находился под контролем Польши.

бенко, может быть, получит — а может быть, и не получит — за предательство»¹.

Как вспоминал Иван, «это было очень тяжелое время неформленных подозрений и давящих предчувствий. В сущности, с очень большим риском и с огромными усилиями, но мы еще имели возможность обойти ГПУ: ночью уйти из дому в лес и пробираться к границе, но уже персидской, а не финской, и уже без документов и почти без денег. Но... мы поехали. У меня было ощущение, точно я еду в какой-то похоронной процессии, а покойники — это мы все»².

Эти же события в интерпретации Бориса Солоневича мало отличались от версии Ивана. Борис в беседе с «контрразведчиками» РОВСа в Гельсингфорсе так объяснил причины провала:

«В 1933 году, когда я с братом собирался бежать во второй раз (после первой неудачи), одна из наших предполагаемых спутниц неосторожно доверила тайну побега своему жениху, Николаю Артемьевичу Бабенко, юристу, проживающему где-то на Театральной площади в Ленинграде. Его мой брат знал около трех лет по общим знакомым и не раз встречался с ним на вечерах или просто за бутылкой водки. Этот жених называл себя поручиком старой армии, артиллеристом, участником белого движения. К сожалению, я его увидел только перед отъездом из Ленинграда и не мог лично проверить сведения, которые он дал брату о себе. По пути из Ленинграда в Петрозаводск мы все были умело «сняты» — арестованы ОГПУ и помещены в ДПЗ. Этого «поручика» тоже арестовали, но в тюрьме уже не трогали. Следователи не скрывали, что этот человек их сексот».

Бабенко, агент «Прицельный», «специализировался» на выявлении и разработке белых офицеров. Солоневичи к офицерской категории не относились, но в Ленинградском ОГПУ сочли необходимым ввести в разработку «Спортсмены» именно «Прицельного»: «Авантюрного склада, физически крепок, умеет входить в доверие, может поддержать беседу на политические и культурные темы, задания выполняет четко, следуя намеченной линии поведения».

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 32.

² Там же.

«Прицельный» не подвел и на этот раз, получив сведения о точной дате побега, маршруте движения, «характере вооруженности» группы. В своих письменных отчетах он, правда, несколько преувеличил степень «ожесточенности» Солоневичей, их готовности «с боем» прорываться на Запад. Такие отчеты вызывали обостренную реакцию в Управлении НКВД и, как следствие, повышенные денежные поощрения «Прицельного».

Во время последней перед «побегом» встречи с курирующим сотрудником сексот отметил с обеспокоенностью, что «ощутил некоторую настороженность со стороны Ивана, когда посетил его «на даче» в Салтыковке: «Все участники побега живут в страшном напряжении, знают, что рискуют жизнью, и потому боятся даже собственных теней. Каких-либо поводов заподозрить меня в «предательстве» я не давал. Однако Иван, как организатор и вдохновитель побега, опасается провала. Он знает, что в этом случае последствия для его родственников, втянутых в аферу с бегством за кордон, в том числе для сына, будут серьезными. Иван переживает. Юрий успокаивает его, играет на гитаре, развлекает песенками».

«Прицельный» привел названия нескольких немецких песен, которые «привез» Юрий из Германии, и слова романа «Пловец». По его мнению, этот романс «отражает изменнические настроения» Солоневичей: «Там, за далью непогоды, есть блаженная страна...»

В первой главе этой книги была изложена версия Ивана об обстоятельствах ареста. Борис тоже описал «сцену ареста» в свойственной ему экспрессивной манере: «И вот... ночью в вагоне поезда, несшем нас по Карелии, я проснулся от какого-то прикосновения. Кто-то держал меня за руки и обшаривал карманы, где у меня лежал револьвер. «Воры!» — мелькнуло у меня в сознании, я рванул чью-то руку. Послышался хруст кости, стон, но в этот момент в лицо мне вспыхнуло несколько электрических лампочек, и черные револьверные дула показались перед глазами.

— Не рвитесь, товарищ! Вы арестованы. Протяните руки!

Борьба была бесцельна. Резко щелкнула сталь наручников. Весь вагон был в движении. Старики, рабочие, инженеры, военные, все они стояли с револьверами в руках и радо-

вались удачно проведенной операции. Как оказалось впоследствии, для нашего ареста было мобилизовано 36 чекистов, переодетых в самые разнообразные костюмы... На каждого из нас приходилось по 7 человек, вооруженных и привыкших не стесняться перед кровью и выстрелами».

В безвыходной ситуации братья Солоневичи не потеряли присутствия духа, хотя было понятно: влипли всерьез и надолго! Больше всего переживал Юра: он вез на себе пакет с «разоблачительными» фотонегативами. Снимки были сделаны Борисом на улицах Орла, и сюжеты их были похожими: трупы и трупы людей, бежавших от голода на Украине. От улик необходимо было избавиться, и Юра, руки которого были стянуты наручниками, сумел, преодолевая боль в запястьях, вытащить из заднего кармана брюк конверт с негативами и потом незаметно для чекистов засунуть его в щель вагонного окна.

Следователи не скрывали, что обладают необходимыми доказательствами для осуждения беглецов за целый «букет» преступлений: организация контрреволюционного сообщества, ведение агитации против советской власти, шпионаж, подготовка побега за границу. Участникам группы пришлось давать показания друг на друга. Нравственные страдания каждого в дни следствия были запредельными. Любое произнесенное слово могло стать роковым, оправдывающим «высшую меру».

В архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится следственное дело Ивана Солоневича и «организованной им группы». Биограф писателя К. Чистяков, который ознакомился с этим делом благодаря ходатайству внука писателя Михаила Юрьевича, получил возможность сравнить показания Солоневича (по протоколам допросов) с тем, что он пишет в книге «Россия в концлагере». Как отмечает Чистяков, Солоневич, «написав (в своей книге. — Н.Н.), что отказался что-либо подписывать, а затем и вовсе давать показания, несколько искажает факты — показания он и писал собственноручно, и подписывал написанное следователем; но в этих показаниях он только повторял и подтверждал то, что обозначил Никитин, и не более того». По мнению Чистякова, «в целом, описание попытки

побега и того, что ей предшествовало, а также хода следствия и допросов в «России в концлагере» соответствует тому, что Иван Солоневич показывал на следствии. Особенно точно совпадает то, что касается самой попытки бегства. Безусловно, какие-то вещи Иван Солоневич мог скрыть или приукрасить, но он имел на это право — право художника, которому к тому же необходимо учитывать идеологические и политические моменты»¹.

В ходе следствия Иван придерживался тактики разумной гибкости. Он старался говорить о том, о чем следователи заведомо знали. Отпираться «наглухо» было глупо и бесполезно, потому что показания давали все члены группы, а в проверке их искренности и достоверности следователям помогал Бабенко. Формально дело базировалось на показаниях Никитина. Он как «слабое звено» был допрошен в первую очередь. Как написал об этом Солоневич, Никитин «наворотил совершенно жуткой чепухи, запутав в ней и людей, которых он знал, и людей, которых он не знал. Он перепугался так, что стремительность его «показаний» прервала все преграды элементарной логики, подхватила за собой Добротина, и Добротин в этой чепухе утоп»².

Тамара в своей книге «Три года в Берлинском торгпредстве» проявила к Никитину больше снисходительности. Она описала его как человека доброго, смиренного и законопослушного. Никитин работал в торгпредстве бухгалтером. После смерти жены его «состоятельные» братья, которые жили в Эстонии, стали звать Никитина к себе. Тамара советовала ему стать невозвращенцем, перебраться к родным. Но бухгалтер был «слишком честным, чтобы послушаться начальства». Решил вернуться в Советскую Россию, и потом в законном порядке оформить выезд. После трех отказов он все-таки решил бежать.

«Кончилось все ужасно, — подытожила Тамара судьбу бухгалтера. — Как я теперь узнала от своих родных, на допросе Никитина следователь угрожал ему револьвером, кричал на него и заставил его подписать заведомо ложные пока-

¹ См. статью Чистякова К. «Следственное дело в отношении Ивана Лукьяновича Солоневича в архиве ФСБ» в материалах 3-й научно-практической конференции. СПб., 24 апреля 2005.

² Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 39.

зания о том, что он, якобы со мной вместе, шпионил в торгпредстве против советской власти. Никитин совсем потерял голову и наговорил такого, что получилось действительно нечто вроде детективного романа. Словом, его закатали на восемь лет в концентрационный лагерь. Мне очень жаль Степана Никитича»¹.

Иван не разделял точку зрения Тамары на «Степушку» (под этим именем Никитин был изображен в книге «Россия в концлагере») и потому не скупился на нелестные для него эпитеты. Причины понятны: на основании показаний «Степушки» Солоневич был обвинен в шпионаже. При этом «в одну нелепую кучу были свалены и Юрины товарищи по футболу, и та английская семья (на самом деле — немецкая, дипломата Вирта. — *Н.Н.*), которая приезжала ко мне в Салтыковку на week end, и несколько знакомых журналистов, и мои поездки по России, и все, что хотите. Здесь не было никакой ни логической, ни хронологической увязки. Каждая «улика» вопиюще противоречила другой, и ничего не стоило доказать всю полную логическую бессмыслицу всего этого «романа»².

На допросах Ивану пришлось упорно отрещиваться от этого «варева, несъедобного даже для неприхотливого желудка ГПУ». Следователь Добротин добивался «содействия» Солоневича по наполнению «романа» правдоподобными «плотью и кровью», чтобы на этом деле сделать карьеру, даже если в нем «увязло бы около десятка решительно ни в чем не повинных людей». В завуалированной форме прозвучала и угроза расстрела «основных организаторов побега». Иван твердо стоял на своем. Он не отказывался от известных следствию фактов, но и не поддавался на шантаж Добротина, на его «клятвенные» заверения смягчить приговор, если Солоневич согласится на «соавторство» в создании следственного «романа».

Свой категорический отказ Иван мотивировал тем, что коллеги Добротина в Москве знали о связях с иностранцами, в том числе с Виртом, и, по-видимому, не оценивали их как шпионские, потому что в противном случае он, Солоневич, сидел бы не в Шпалерке, а на Лубянке. И если в «романе» прозвучит, что знакомые ему граждане X, Y и Z, жители

¹ Солоневич Т.В. Три года в Берлинском торгпредстве. София: Голос России, 1938. С. 35—36.

² Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 40.

Москвы, причастны к шпионажу, то как отреагируют на это московские чекисты? Получается, что они прошляпили врагов, которые сидели у них под самым носом.

И отсюда вывод-предупреждение: не воспримут ли в Москве сфальсифицированное «шпионское дело» Солоневича как попытку ленинградских чекистов соорудить «дело» против коллег на Лубянке? Конечно, воспримут! И проведут дополнительное расследование, чтобы установить правду. В ходе допросов Иван не раз упоминал имена знакомых московских чекистов, словно намекая, кто именно возьмется за проверку «романа».

Аргументы Солоневича были учтены Добротиним. Перспектива «конфликта интересов» с Лубянкой охладила его «романический» пыл.

В Берлине Тамара Солоневич мучилась из-за отсутствия новостей о муже и сыне. Она получила условное письмо «об отъезде в экспедицию». Но после этого — ничего, глухое молчание, как в воду канули. И так — пять месяцев! Ее мучили дурные предчувствия, в кошмарных снах повторялось одно и то же видение: чекисты принуждают ее к сотрудничеству, шантажируя жизнью родных.

Первые достоверные сведения об Иване и Юре Тамара получила благодаря Эпштейну, который узнал об аресте Солоневичей от надежных друзей в Ленинграде. Через приятеля, выехавшего в Берлин в командировку, Зиновий сообщил Тамаре печальную новость. Она запаниковала и послала Зену письмо с плохо завуалированными вопросами о судьбе мужа и сына. Письмо еще больше укрепило подозрения чекистов в том, что Эпштейн помогал Солоневичам в организации побега¹.

Иван так написал об этой эпохе в жизни жены:

«Я позже узнал, какие фантастические, нелепые, иногда и истерические планы рождались в Тамочкиной головке. Были

¹ Такие же встревоженные письма Тамара направила Лукьяну Солоневичу и брату жены Бориса — Льву Пеллингеру. Ирина Пеллиногер с 1933 г. отбывала наказание в БАМ-лагере — ДВК. Тамара помогала детям Бориса и Ирины, посылая для них через «Торгсин» денежные переводы. Получателем переводов была «опекунша» детей — Василиса Григорьевна Кондратьева (1865), которая жила в Лефортове, Госпитальный вал, барак № 9.

планы обмануть большевиков. Были планы их шантажировать угрозой убийства. Были планы — заработать деньги и выкупить нас из большевистского рабства. Но как заработать эти деньги? Тамочка служила преподавательницей французского языка в «Крафт дурх Фрейде», зарабатывала сто-полтораста марок в месяц и голодала, чтобы иметь возможность послать нам через наших петербургских и московских знакомых торгсиновские продовольственные посылки. Все-таки скопила сто марок и поехала в Цопот, чтобы там по самой современной и самой научной системе выиграть в рулетку... ну, хотя бы сто тысяч марок. Научная система стоила Тамочке двух месяцев дополнительной голодовки. Но посылки мы все-таки получили. И именно с этими посылками мы трое — я, Юра и Борис — бежали из концлагеря»¹.

Узнав о сроках, на которые были осуждены самые близкие ей люди, Тамара впала в отчаянье, понимая, что она осуждена на эти же годы концлагеря, которые день за днем ей придется «отбывать» вместе с Юрой, Иваном и Борисом. Какие бы химерические планы она ни строила, реальной возможности помочь им у нее не было...

В концлагере

Ранним утром надзиратель зачитал Ивану Солоневичу выписку из постановления Чрезвычайной судебной тройки ПП ОГПУ ЛВО от 28 ноября 1933 года по делу № 2248. Этим документом Солоневич обвинялся в шпионаже (ст. 58 пункт 6), а также контрреволюционной пропаганде (ст. 58 пункт 10).

Формулировки постановления были категоричны: «Занимался шпионской деятельностью в пользу Германии, являясь антисоветски настроенным, сорганизовал к.-р. группу лиц, поставившую своей целью вооруженный нелегальный переход границы СССР (дважды). Имея непосредственную связь через германского сотрудника посольства Вирт — переотправлял ценности и материалы своей жене в Германию с тем, чтобы при переходе границы приступить, путем использования их в печати, к компрометации Советского Союза». Обвинение

¹ Солоневич Т.В. Три года в Берлинском торгпредстве. С. 255—256.

в нелегальном переходе границы (ст. 59 пункт 10) было добавлено в приговор позднее. Следователь спешил завершить дело, рассчитывая на поощрение к празднику создания ВЧК-ГПУ 20 декабря, и потому составил постановление с явными ошибками и упущениями.

Солоневичам предстояло отбывать наказание в исправительно-трудовом лагере. Они утешались тем, что приговор был сравнительно мягким, все-таки не расстрел. Иван прокомментировал его так: «Путевка на восемь лет каторги, но все-таки не путевка на смерть», Борис вторил ему: «Приговор в *восемь* лет заключения казался всем нам шуткой». В книге «Россия в концлагере» Солоневич признался, что у него не было и нет ясного ответа на вопрос о причинах «относительной мягкости приговора». Некоторые варианты ответа он все-таки предложил. Один из них звучит убедительно: Иван отказался наговаривать на себя и товарищей, и потому следователям не удалось создать эффектного «романа» с разветвленной антисоветской организацией, не исключающей террора в качестве метода борьбы. Следствию пришлось ограничиться «созданием» шпионской группы.

Солоневичи не стали оспаривать «шпионского мотива» в приговорах, понимая, что постановление «тройки» ревизии не подлежит. Смысла затягивать пребывание в ленинградских тюрьмах не было никакого. Они хотели определенности и, как бы смешно это ни звучало, стабильности, пусть в лагерных условиях, но стабильности, чтобы снова взяться за подготовку побега. Многое зависело от того, куда именно их направят. Если на Урал или в Сибирь, то шансов на успех не было почти никаких...

Вскоре Солоневичи «переехали» из Шпалерки в пересыльную тюрьму на Нижегородской улице. Иван, Борис и Юра — снова оказались вместе, и даже в одной камере. В «пересылке» режим содержания был либеральнее, чем в следственной одиночке. Имелась библиотека, была возможность получения передач «с воли», были послабления по проведению «досуга». Надзиратель, отвечавший за «выгул» зеков, разрешил Солоневичам, как известным спортсменам, совершать дополнительные пробежки по периметру просторного тюремного двора после того, когда других заключенных уводили в камеры. Тюремщик не догадывался, что эти тренировки проходили под лозунгом: «Советский Союз — за граница»...

После казавшегося бесконечным пребывания в пересыльной тюрьме «госпожа удача» вновь вернулась к Солоневичам. Борис вспоминал: «Всем нам чудесно повезло, вместо сибирских лагерей наш эшелон был направлен в Карелию, на Свирьстрой, в Подпорожское отделение Беломорско-Балтийского комбината (ББК)». В партии ссыльных, в которую включили Солоневичей, интеллигентов почти не было, преобладали мужики — «кулацкий элемент». Наиболее организованной группой в «теплушке», которую скудно обогревала чугунная печурка, были уголовники. Они, не теряя времени, попытались установить блатной порядок в вагоне, провести «перераспределение» вещей и продуктов в свою пользу. Не зная, что перед ними лучшие самбисты России, урки спровоцировали Солоневичей на драку. Семейная спайка не подвела: уголовники, потерпев унизительное поражение, к Солоневичам стали относиться уважительно.

Расстояние в 250 километров до места назначения поезд преодолевал шесть суток. В морозное утро 17 января 1934 года подневольную рабсилу выгрузили на обдуваемой холодными ветрами станции, которая находилась в «зоне подчинения» Подпорожского отделения ББК. Строительство канала, которое курировало ОГПУ, длилось два года и к моменту прибытия Солоневичей в эти края завершилось. Они были наслышаны об этой «ударной стройке», в которой участвовало не менее 280 тысяч мужчин и женщин, инженеров, техников, рабочих, осужденных «за саботаж и антисоветские настроения».

По мнению Ивана, строительство ББК использовалось советской властью в пропагандистских целях, как успешный пример «перековки» трудом политических врагов и уголовников-рецидивистов. В кампании по распространению этого опыта участвовали видные деятели искусства и литературы во главе с Горьким. Особенно отличился драматург Погодин, написавший пьесу «Аристократы», в которой восторженно оценил вклад ОГПУ в организацию «стройки века», подлинный гуманизм и благородство чекистов. После торжественного пуска канала в эксплуатацию многие руководители-чекисты были награждены орденами, были поощрены некоторые заключенные-передовики — их выпустили на волю по амнистии.

Лагерный пункт Погра относился к владениям ББК. Посреди леса на окруженной колючей проволокой поляне располагались дощатые бараки, по которым и распределили новоприбывших. По описанию Ивана, каждый барак напоминал «гробообразный ящик» 50 метров в длину и шириной 8. Нары были сколочены вдоль стен, имелась одна дверь, два подслеповатых окна, буржуйки для обогрева. В ОГПУ готовились к очередной ударной стройке: возведению гидроэлектростанции на реке Свирь, для этого и «концентрировалась» необходимая рабочая сила в 28—30 тысяч человек.

На первых порах Иван внутренне ощущал себя больше журналистом, чем рядовым зеком, считая, как и его спутники по несчастью, пребывание в лагере очередным приключением, которое надолго не затянется, ведь до финской границы было около 200 километров. Размышления его на этот счет были оптимистичны: «Все, что нас ждет дальше, будет легче того, что осталось позади. Здесь — мы выкрутимся. И так, в сущности, недолго осталось выкручиваться: январь, февраль... в июле мы уже будем где-то в лесу, по дороге к границе»¹. Но жизнь в неволе быстро начала диктовать свои условия. Иван с головой погрузился в лагерный быт, понимая, что без усвоения его специфической «науки выживания», иерархии ценностей, установления связей в местных «властных структурах» будет трудно осуществить поставленную цель — «уход в побег».

«Общие работы» — лесозаготовки — для осуществления побега явно не подходили. Это была каторжная работа на износ, на отдаленных лагерных пунктах, под усиленной охраной. Направление на лесозаготовки грозило тем, что Солоневичей могли разъединить, распределить по разным бригадам. Именно поэтому Иван решил пристроиться на «штабную» лагерную работу в Учетно-распределительной части (УРЧ) Подпорожского отделения. Задача была нелегкая, но после беготни по кабинетам Солоневич, «нажав на все пружины», успешно решил проблему.

В двухэтажном управленческом здании с множеством служебных каморок и чуланов Иван отыскал своего будущего начальника Наседкина, знавшего наизусть внутренние инструк-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 73.

ции, которые предписывали: принимать в часть сотрудников с «контрреволюцией» нельзя! Причины были понятны: в УРЧ занимались статистикой «наличия-отсутствия» заключенных и распределением их на работы, получением и проверкой жалоб, составлением списков на отправку на ударные стройки ГУЛАГа в других регионах страны. Информация, можно сказать, повышенной секретности! Но, как назло, все грамотные, прибывавшие в лагерь, были как раз с «контрреволюцией». Наседкину пришлось в очередной раз нарушить инструкцию. Так в УРЧе появился новый старший юрисконсульт и экономист, получивший в свое распоряжение «тридцать пудов дел» и малоприятную возможность повседневного общения с коллегами, «с тридцатью кувшинными рылами из так называемого советского актива»¹.

Юра тоже «пригрелся» в УРЧ: за пишущей машинкой. На первый взгляд, неплохо устроился Борис — лагерным врачом. У него была относительная свобода передвижения и свое жилье — кабинка возле амбулатории, в которой Солоневичи хранили нехитрые пожитки от посягательств уголовников. В этой кабинке можно было иногда «безнадзорно» встретиться, обсудить текущие дела и согреться «в семейном кругу» чаем, если не было ничего покрепче. Позже, в дни работы над книгой «Россия в концлагере», Иван, вспоминая о «подпорожской эпохе», убежденно говорил: «Если бы мы не попали в УРЧ, то едва ли выбрались из всего этого живьем».

Было бы ошибочным считать УРЧ «тихой заводью», в которой Солоневичи могли готовить очередной побег. Они знали, что в «учетке» их со всех сторон подстерегала опасность. Внутренняя независимость Солоневичей была слишком очевидной, как и бойкость языка, и это многим не нравилось: мол, демонстрируют свой гонор, кичатся интеллигентностью. Главную угрозу, по мнению Ивана, представлял «советский актив», который в условиях лагеря был таким же, как «на воле», строя свое благополучие на доносах и лакействе. Лагерные наблюдения дали Ивану основание сделать вывод о качестве «кадровой основы» советской власти. По его оценке, это «власть, построенная на сволочи», к которой он, опираясь на свой жизненный опыт, относил весь без исключения «актив».

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере, с. 99—100.

Попытался Солоневич ответить и на вопрос: справедливо ли советская власть вознаграждает свой актив за все понесенные жертвы, лишения, унижения и страдания? Его ответ категоричен: не только не вознаграждает, но и самым жестоким образом обманывает — «Оторванный от всякой социальной базы, предавший свою мать ГПУ и свою душу — черту, актив «делает карьеру». Но черт, как это известно было уже по Гоголю, имеет чисто большевицкую привычку платить черепками. Этими черепками оплачивается и актив»¹.

Самым ярким врагом Солоневича в УРЧе стал Стародубцев. Он ведал «разгрузкой» карантина и распределительных пунктов. Стародубцев считался незаменимым специалистом в Подпорожье, начальство его ценило: подведомственная ему рабочая сила почти не простаивала. Провокатор и подлец по натуре, он находил удовольствие в унижении тех, кого выбирал жертвой. Независимый ироничный Иван показался ему подходящим кандидатом на эту роль. Солоневич понимал, что конфликт со Стародубцевым не сулит ему ничего хорошего, но был готов ко всему. Тот опасался тяжелых кулаков «жертвы» и действовал испытанным способом: настрочил в 3-й (чекистский) отдел донос на Солоневича: тот, мол, украл несколько десятков дел на освобождающихся лагерников и сжег их в печке. Приводились имена «свидетелей» этого преступного деяния — активисты, «прикормленные» Стародубцевым. Обвинение было серьезным: саботаж работы УРЧ!

Стародубцев торжествовал. Еще немного, и враг будет повержен. Иван старался найти выход из тупиковой ситуации, понимая, что в данном случае «укоротить» Стародубцева кулаками невозможно. Если применение физической силы грозило Стародубцеву больничной кроватью, то Ивану — неделями карцера. При этом его мнимая «вина» усугублялась: месть за разоблачение! Напрашивался единственный вариант спасения, к которому часто прибегали ссыльные, — добиться поддержки вышестоящего начальника. Лучше всего это удавалось лагерникам, обладавшим «прикладными» талантами. Кто-то из них пел популярные советские песни и музицировал на вечеринках и торжественных собраниях. Кто-то использовал опыт таксидермиста для пополнения «высокопоставлен-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 110.

ных» коллекций птичьего и животного мира Карелии. Один из ссыльных, осужденный за попытку поджога готовившегося к открытию дома-музея Сталина в Вологде, жил припеваючи благодаря тому, что наловчился делать «сувенирные» избушки-календари, которые пользовались большим спросом у лагерных командиров. Именно такая избушка с надписью «На память о ББК, год 1933» была однажды вручена начальнику Ленинградского Управления НКВД Медведю.

Первую попытку «стать полезным» Иван Солоневич принял в отношении начальника УРЧ Богоявленского, старого чекиста, службиста, ходившего всегда в форме. Он славился тем, что принципиально не прощал проступков. Чуть что — отправлял под арест, в шизо, на девятнадцатый квартал, на Лесную речку, то есть места малопривлекательные для здоровья и психики ссыльных. Но даже у него обнаружили уязвимые места. С Богоявленским Иван завязал, по его словам, кое-какие «деловые отношения». Началось все с «заграничной» сигареты, которой Солоневич угостил начальника. Тот заинтересовался: откуда такая роскошь? Иван с ходу нафантазировал: в Москве, в правительственном распределителе № 1 есть друзья. Богоявленский поверил (в УРЧ попадала самая разнообразная публика) и стал выделять из бесформенной массы лагерников этого общительного, деятельного крепыша со связями в столице. Мотивация Богоявленского была понятна: причудливы повороты судьбы. Кто знает, не пригодятся ли в будущем знакомства ссыльного Солоневича?

И все-таки лагерным «Шпигелем» (тем самым «неожиданным спасителем» по семейной терминологии Солоневичей) стал не Богоявленский, а Якименко, начальник учетно-распределительного отдела Медногорского лагеря. По описанию Ивана, это был «человек высокого роста, в щегольской чекистской шинели, с твердым, властным, чисто выбритым лицом, хорошо и вкусно откормленными щеками. В его лице было нечто патрицианское, выражавшееся в нескрываемой брезгливости к окружающему лагерному миру». «Мужицкая натура» Солоневича ни в чем не совпадала с «патрицианской» Якименко. Но Иван утешался тем, что, во-первых, «овчинка выделки стоит», — Якименко поможет поставить Стародубцева на место, и что, во-вторых, такое сближение было интересным с журналистской точки зрения. Когда-нибудь он опишет во всей его красе этого советского «патриция».

Знакомство произошло на глазах актива «учетки». Якименко прибыл в Подпорожье, чтобы провести совещание по поводу «полного провала» в работе УРЧ. Совещание пробуксовывало из-за того, что местное начальство не рисковало выступать с инициативами: себе же потом дорожке обойдется. При полном отсутствии дельных предложений слово взял Иван, выдвинув комплексную программу улучшения ситуации: научная организация труда в УРЧ, использование «скрытых резервов», введение соцсоревнования между различными отделами. Якименко сделал вид, что эти предложения его заинтересовали: не напрасно же он месил грязь, добираясь до Подпорожья.

Солоневич был приглашен «патрицием» для беседы тет-а-тет. Вначале были затронуты производственные темы. Потом незаметно перешли на вопросы спортивно-туристические. Якименко фанатично увлекался туризмом. Особенно хорошо знал Кавказ и потому с жаром рассказывал Ивану о своих горных маршрутах и восхождениях. Не остался в долгу Солоневич, умевший приукрасить живописными деталями свои туристические приключения. После этой беседы по рекомендации Якименко Иван стал привлекаться для лекционно-просветительской работы в лагере, причем по самому широкому кругу вопросов — от специфики жизни кавказских народов до успехов советской автомобилестроительной промышленности.

Предприимчивый Якименко решил использовать бойкое перо Солоневича и для собственных карьерных целей. Механику взаимодействия описал сам Солоневич: «Вечерами вместо того, чтобы коптиться в махорочных туманах УРЧ, я сидел в комнате Якименки, пил чай с печеньем и выслушивал якименковские лекции о лагере. Их теоретическая часть, в сущности, ничем не отличалась от того, что мне в теплушке рассказывал уголовный коновод Михайлов. На основании этих сообщений я писал инструкции. Якименко предполагал издать их для всего ББК и даже предложить ГУЛАГу. Как я узнал впоследствии, так он и поступил. Авторская подпись была, конечно, его. Скромный капитал своей корректности и своего печенья он затратил не зря»¹.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 142.

Не зря затратил свое время и Солоневич: направленная против него провокация Стародубцева с «пропавшими делами» бесславно провалилась.

В двухстах метрах от здания УРЧ находилась постройка, в которой располагалась редакция газеты «Перековка». Иван нередко заглядывал туда, чтобы поговорить с редактором Марковичем на текущие лагерные темы, а заодно просмотреть свежие московские газеты.

Еврей Маркович, спасаясь от погромов, еще до войны 1914 года уехал в Соединенные Штаты, но после победы большевиков вернулся в Россию. Новая власть ему не понравилась. Все было устроено так, что поступки Марковича неизменно противоречили законам Страны Советов. Дать «задний ход» в США он не успел. В конце концов, Маркович оказался в лагере, на достойной, в принципе, работе редактора газеты. По оценке Ивана, «Перековка» была «потрясающе паршивым листком даже по советским меркам!» Свое мнение Солоневич мотивировал следующим образом: «Ее («Перековки») содержание сводилось к двум моментам: энтузиазм и доносы. Энтузиазм испущал сам Маркович, для доносов существовала сеть лагкоров — лагерных корреспондентов, которая вынюхивала всякие позорящие факты насчет недовыработки норм, полового сожительства, контрреволюционных разговоров, выпивок, соблюдения религиозных обрядов, отказов от работы и прочих грехов лагерной жизни».

В редакцию забегали «на огонек» Юра и иногда Борис (его перевели из Подбережья в Погру). Затапливали печку, мечтательно сидели с «козьими ножками», глядя на огонь. Но говорили осторожно, памятуя, что редакция «Перековки» кишит доносчиками-«активистами». Иван вспоминал впоследствии об этих посиделках в «Перековке» с улыбкой: «Мы проводили наши редкие вечера у печки товарища Марковича, то опускаясь в философские глубины бытия, то возвращаясь к прозаическим вопросам о лагере, о еде, о рыбьем жире. В эти времена рыбий жир спасал нас от окончательного истощения... Всякими правдами и неправдами (преимущественно, конечно, неправдами) мы добывали рыбий жир и делали так: в миску крошилось с полфунта хлеба и наливалось с полстакана рыбьего жиру. Это казалось необыкновенно вкусным»¹.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 151.

Маркович не забывал о своем «редакторском интересе» и обращался к братьям с просьбой поддержать газету профессионально сделанными материалами. Он умел найти нужные слова. Памятуя о том, что «Перековку» читает начальство, Иван время от времени писал в газету заметки на спортивно-лагерные темы. Каждая статейка — это шаг по созданию «позитивного» мнения о себе. Иногда снисходил «до уровня» «Перековки» Борис, который озабоченным слогом «освещал» неисчерпаемую проблематику катастрофического состояния лагерной санитарии.

Слухи о массовой переброске заключенных со Свирь-строю на БАМ — Байкало-Амурскую магистраль — встревожили Ивана. Как бы ни восхваляли в «Перековке» «стратегическую важность стройки» и «наилучшие условия труда на сибирских просторах», для Солоневичей это означало крах всех надежд: там граница будет недостижимой, преодолеть глухую забайкальскую тайгу невозможно.

Эвакуационным директором Подпорожья назначили Якименко. Желавших добровольно отправиться на БАМ, по свидетельству Солоневича, не было. Даже активисты искали лазейки, чтобы избежать отправки. В лагпунктах царили страх и уныние. В Карелию были введены дополнительные части ГПУ, которые окружили лагерь плотным кольцом. Несмотря на это, участились случаи импровизированных побегов, которые в большинстве случаев заканчивались захватом беглецов и показательными расправами, чтобы другим неповадно было.

Работы в УРЧ резко прибавилось: ежедневный аврал изматывал сотрудников: они не справлялись с подготовкой эвакуационных материалов. Из Медгоры¹ прислали на помощь группу сотрудников тамошнего УРЧа, но и этого было недостаточно для налаживания дела. Ивана перебросили на самый горячий участок — печатание списков заключенных, отправляемых на БАМ. Эта работа была мучительной и неблагодарной: машинка казанского производства обладала норовистым

¹ Медвежьегорск (или Медвежья Гора), — городок на северном берегу Онежского озера, где находилось управление ББК и Белбалтлага до середины 30-х гг.

нравом, часто, без видимых причин, давала сбой, и потому списки не раз и не два приходилось начинать с нуля.

Угроза отправки Юры на БАМ с каждым днем становилась все более очевидной. У него не было «запретных» для БАМа статей по шпионажу, как у Ивана и Бориса. Как уберечь его? Как вызволить из, казалось бы, неминуемой беды? Иван обратился с призывом о помощи к Якименко, но тот отвечал неопределенно. Всевластие и безнаказанность развивали у лагерного начальства склонность к садизму, пусть даже во внешне невинной, психологической форме. В этом Якименко мало чем отличался от других. Он уже получил от Ивана то, что хотел: проекты инструкций, подписанных его именем, пошли по инстанциям, нужды в Солоневиче больше не было: «мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Иван всерьез взялся за разработку самых отчаянных планов побега из лагеря, вплоть до организации нападения на охрану, захвата винтовок и т.д. Однако шансов на успех этой авантюры не было: ни запасов продовольствия, ни компаса, ни надежной карты, ни времени на подготовку.

Эвакуационные списки печатались в 12 экземплярах. Первые три копии шли в Управление ББК, Управление БАМа и в «контрольные дела» ГУЛАГа. Они-то и подписывались начальством, ответственным за эвакуацию. Остальные использовались на месте, в том числе при организации погрузки «рабочей силы». Среди лагерников было много физически слабых, обреченных на смерть в случае отправки на БАМ в промерзлых, продуваемых всеми ветрами вагонах. Из чувства сострадания отец и сын Солоневичи стали «манипулировать» со списками, «корректировать» их, чтобы задержать отправку этих потенциальных смертников.

В первых трех экземплярах они сохраняли все как есть, а в оставшихся «фамилии заведомо больных людей», «доходят», заменяли на вымышленные: «При том хаосе, который царил на лагерных пунктах, при полной путанице в колоннах и колонных списках, при обалделости и беспробудном пьянстве низовой администрации — никто не разберет: сознательный ли это подлог, случайная ошибка или обычная урчевская путаница»¹. На каждый список, содержавший до 500 человек, приходилось обычно 10—15 «изъятых», спасенных от верной

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 162.

гибели. Наверное, до сегодняшнего дня в архивах ГУЛАГа сохраняются эти самые списки, напечатанные Иваном и Юрием Солоневичами.

С жестокостью при отборе рабочей силы на БАМ столкнулся и Борис. Иван с тревогой ожидал неприятных событий, понимая, что его брат, как врач, не может позволить подобного обращения с людьми: «В Борисе есть еще кое-что, какая-то гайка выскочила, и теперь Борис будет идти напролом. По части же хождения напролом Борис с полным основанием может считать себя мировым специалистом». Так и случилось. Борис проявил принципиальность в ходе очередной «комиссионной работы» и, серьезно разругавшись с Якименко, был «понижен в должности»: ему поручили санитарное оборудование эшелонов.

Именно в эти напряженные дни Иван встретил старого московского знакомого — Зиновия Яковлевича Гендельмана, бывшего инструктора спорта, который в числе других лагерников отправлялся на БАМ. Из-за неправильно понятого курса партии на «политизацию физкультуры» он был арестован в числе 500 инструкторов и направлен «на перековку». Узнав о переживаниях Ивана, многоопытный и многознающий Гендельман посоветовал «решить вопрос» о Юре через председателя БАМовской приемной комиссии чекиста Чекалина, коммуниста с дореволюционным стажем, порядочного человека, который личной карьеры не сделал как раз по причине своей порядочности.

Когда ненавистный Стародубцев попытался в очередной раз включить Юрия в очередной эшелон на БАМ, Иван понял: пора действовать. Поздним вечером он отправился к Чекалину, который в полном одиночестве жил в неказистом деревенском доме за пределами лагеря.

Чекалин встретил неожиданного гостя настороженно, с парабеллумом в руке. Но разговор с чекистом стал развиваться по сценарию, подготовленному Иваном:

«Гражданин начальник, последние эшелоны состояются из людей, которые до БАМа заведомо не доедут... Я хочу предложить вам давать списки больных, которых ББК сажает в вагоны под видом здоровых».

«Вы по каким, собственно, мотивам действуете?»

«По многим мотивам. В частности, и потому, что на БАМ придется, может быть, ехать и моему сыну»¹.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 173.

Предложенная Иваном сделка — информация о махинациях ББК с «доходягами» в обмен на «неприкасаемость» Юрия — возражений у Чекалина не вызвала. Договорились об организации «бесконтактной связи», причем условия предложил Солоневич: списки с отметками о заведомо больных кандидатах на БАМ будут помещаться в уборной УРЧ — «в щели между бревнами, над притолокой двери». Каких-либо сомнений в правомерности сделки Чекалин не испытывал: самое главное — качественно выполнить работу по подбору рабочей силы.

В книге «Россия в концлагере» Солоневич подробно изложил беседы с Чекалиным, «одним из последних могокан идейного большевизма», «твердокаменным партийцем», «стершимся и проржавевшим от крови винтиком». Чекист и сам признавал, что он — «одна из жертв на пути к социализму». Чекалин ушел в революцию в шестнадцать лет, был три раза ранен. Его отец-железнодорожник умер от голода, два брата были убиты на фронтах гражданской войны, не сложилась и его личная жизнь, до семьи ли в огне революций, карательных экспедиций, концлагерной грязи? Жизнь Чекалина Солоневич показал в трагическом аспекте: вначале он боролся за победу мировой революции, а затем, когда с революцией не получилось, за торжество социализма в отдельно взятой стране. Удовлетворен ли он результатом? Однозначного ответа Чекалин не дал, хотя в спорах с Солоневичем упорно отстаивал свои убеждения. Отказ от них равносителен осуждению всей его прошлой жизни.

Поэтому Чекалин, в пересказе Солоневича, «предельно циничен», когда говорит об оправданности «зверств революции»: «Пустое слово. Зверства тогда остаются зверствами, когда их недостаточно. Когда они достигают цели — они становятся святой жертвой. Армия, которая пошла в бой, потеряла десять процентов своего состава и не достигла цели, — она эти десять процентов потеряла зря. Если она потеряла девяносто процентов и выиграла бой — ее потери исторически оправданы. То же и с нами. Мы думаем не о потерях, а о победе. Нам отступить нельзя... Ни перед какими потерями... Если мы только на вершок не дотянем до социализма, тогда все это будет зверством и только. Тогда идея социализма будет дискредитирована навсегда. Нам остановки — не дано...

Еще десять миллионов. Еще двадцать миллионов. Все равно. Назад дороги нет. Нужно идти дальше»¹.

Чекалин признал, что страна живет трудно, что сложившийся образ реальной Советской власти далек от идеала, и обвинил в этом вождя, противореча себе самому. Ведь это он сказал: «Сейчас, при Сталине, — есть будущее». Оказалось, что вера его в вождя и правильность его решений не столь крепка:

«И нам со Сталиным не везет. Дубина, что и говорить... Прет в тупик полным ходом... Германскую революцию проворонили, китайскую революцию проворонили. Мужика ограбили, рабочего оттолкнули, партийный костяк — разгромлен. А теперь — не дай бог — война... Конечно, от нас ни пуха ни пера не останется... Но не много останется и от России вообще. Вот вы о третьей революции говорили. А знаете ли, что конкретно означает третья революция?.. Пойдет мужик колхозы делить — делить их будет, конечно, с оглоблями... Восстанут всякие Петлюры и Махно. Разведутся всякие кислокапустянские республики... Подумать страшно... А вы говорите — третья революция... Эх, взялись за гуж — нужно тянуть, ничего не поделаешь. Конечно, вытянем ли — очень еще неизвестно. Может быть, гуж окажется и действительно не под силу»².

Эмоциональную остроту и откровенность этой ночной беседы Солоневич объяснил тем, что шла она на основе «общероссийской надпартийной платформы», за столом с бутылками. Было и другое, Иван хорошо понимал образ мышления своего собеседника, знал, чем можно задеть его за живое, вызвать на откровенность. Для Чекалина эта беседа была возможностью для умственной разминки, принципиальной дискуссии на идеологические и политические темы, обмена прогнозами о будущем России.

Чекалин, одинокий чекистский волк, доверился «каторжнику и контрреволюционеру», не скрыл своих тревог и опасений. Вполне возможно, что иных собеседников «по душам» у него и не было. Наверное, это побудило Чекалина предложить Ивану поехать на БАМ вместе с ним. Солоневич отказался: предложенная «протекция» — это ненадолго. Как чело-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. с. 193.

² Там же, с. 196—197.

века партийного Чекалина в любой момент могут отправить по мобилизации в другое место, а он, Солоневич, «остается на растерзание тех людей, у кого эта протекция и привилегированность были бельмом на глазу». И как следствие: тамошнее ГПУ найдет подходящий предлог для того, чтобы расправиться с ним, потому что «вчера он подвел ББК, а сегодня он подведет БАМ».

Ход мыслей Солоневича и его аргументация по поводу «нецелесообразности» поездки на БАМ настолько поразили Чекалина, что он тут же спросил: «Вы никогда в ГПУ не работали?»

На что Иван, со всей ответственностью человека, регулярно и не по доброй воле «общавшегося» с чекистами со времен Одессы, не без сарказма ответил: «Нет. ГПУ надо мной работало».

Сотрудничество Солоневича и Чекалина завершилось отъездом последнего на БАМ после того, как чекист окончательно убедился в том, что ББК «подсовывает» ему «бракованных людей», не раз снимавшихся с этапов по состоянию здоровья.

Подпорожское отделение ББК было ликвидировано, и его имущество передано Свирьлагу. Иван и Юрий участвовали в этом процессе «на скромных ампулах «завпишмашечек».

К этому периоду лагерной жизни Солоневичей относятся усилия Бориса по созданию «Санитарного городка» на Погре. Иван, по его признанию, отрицательно отнесся к проекту: четыре месяца до побега, стоит ли ввязываться? Но Борис был непреклонен. Его как врача тревожило состояние дел с продовольственным обеспечением инвалидов и «слабосилки» в северных лагерях. «Пользы» от них было мало, и потому их держали на голодном пайке. Для такого контингента идея «Санитарного городка» могла быть спасительной. Требовалось только «волевое решение»: собрать этих людей в одно место, наладить несложное производство вроде берестяного — коробочки, лукошки, сувенирные лапоточки для продажи. Под этот проект, считал Борис, можно было бы получить продовольственные фонды. Немного терпения, «слабосилка» окрепнет и сможет самостоятельно зарабатывать на пропитание.

Борис подготовил проект и передал его представителю ГУЛАГа в карельских краях — седовласой нервической даме

по фамилии Шац, большевичке старой формации. Описывая ее, Иван не пожалел мрачных красок: «Что-то неопределенное женского пола, в возрасте от тридцати до пятидесяти лет, уродливое, как все семь смертных грехов, вместе взятые, с добавлением восьмого, Священным Писанием не предусмотренного, — чекистского стажа. Она мне напоминает иссохший скелет какой-то злобной зубастой птицы, допотопной птицы, вот вроде археоптерикса... Ее маленькая птичья головка с хищным клювом все время вертится на худой жилистой шее, ощупывая собравшихся колючим, недоверчивым взглядом»¹.

Тревожные предчувствия Ивана подтвердились. Доклад Бориса на очередном заседании ликвидационной комиссии вызвал у Шац острую реакцию неприятия. Под сомнение была поставлена вся его выстраданная концепция. По мнению Шац, «шитый белыми нитками» проект Бориса преследовал одну цель: получить как можно больше дарового советского хлеба «для всех этих бандитов, лодырей, кулаков».

Участники заседания с нею не согласились, что вызвало у Шац истерику. Она обрушилась с личными выпадами и прямыми оскорблениями в адрес присутствующих. Иван Солоневич с такой сочностью и динамикой описал перепалку по поводу «Санитарного городка», — с такой ощутимой образностью показал ее участников, что у читателя невольно возникает мысль о том, что это эпизод киносценария. Поединок старая большевичка проиграла: «Против нее — единый фронт. И революционных парвеню, для которых партийный «аристократизм» товарища Шац, как бельмо в глазу, и заключенных, и, наконец, просто единый мужской фронт против зарвавшейся бабы»².

Проект Бориса на заседании был, в принципе, принят, и это означало, что братья Солоневичи могли попасть в шестерни очередного партийно-чекистского конфликта. Шац сдаваться не собиралась, тут же помчалась в Москву, чтобы сообщить «в инстанции» свою версию «карельского инцидента». Следом за нею в столицу стартовал Якименко. Он на дух не выносил «вымирающую породу» высокомерных ветеранов, которые ис-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 219.

² Там же. С. 223.

черпали свой лимит времени, но по-прежнему претендовали на руководящие роли в партии и государстве. Иван ударно выполнил поручение Якименко: подготовил для него протокол заседания «в расчете на культурный уровень (руководящих. — Н.Н.) читательских масс» из ГУЛАГа. Иван вручал готовый протокол заказчику не без опасений. Не оказаться бы козлом отпущения в стопроцентно чужой драке...

В середине марта отца и сына откомандировали в Медгорское отделение ББК. Борис застрял в Погре из-за своей застарелой болезни — малярии. Прощаясь, Солоневичи договорились о дате побега — утром 28 июля 1934 года: «Где бы мы ни были»...

В книге «Россия в концлагере» Иван назвал городок Медвежья Гора «столицей» не только Беломорско-Балтийского лагеря и комбината, но и всей Карелии. Экономическая жизнь региона была завязана на ББК, и Медвежья Гора была его «наиболее привилегированным пунктом», расположенным на линии Мурманской железной дороги, там, где «железка» идет вдоль северной части Онежского озера.

Местная «элита», к которой относилось высшее начальство лагеря, чекисты и их семьи, жили в прочных бревенчатых домах. В недалеком соседстве от поселка располагалось Центральное управление ББК, его отделы, подотделы и канцелярии. Владения Медгоры были разбросаны на десятки верст в радиусе, включая несколько лагерных пунктов, лесоразработки, мукомольни, мастерские и пристани, оранжерейное хозяйство лагерного совхоза Вичка и даже валютный магазин «Торгсина».

Солоневичей определили в 3-й лагерный пункт, служивший, в основном, для временного «отстоя» и перераспределения «рабочего контингента». «Мы погрузились в лагерные низы, — писал Солоневич, — и почувствовали, что мы здесь находимся совсем среди своих. Мы перекладывали доски и чистили снег на дворах Управления, грузили мешки на мельнице, ломали лед на Онежском озере, пилили и рубили дрова для чекистских квартир, расчищали подъездные пути и пристани, чистили мусорные ямы в управленческом городке»¹.

¹ Там же, с. 279.

По мнению Ивана, положение их в 3-м лагпункте было почти идеальным с учетом неплохого питания за выполненную норму и лояльного отношения начальства к заключенным. Чтобы избежать отправки в «дебри» медгорских владений, Иван провел через Учетно-распределительный отдел хитроумную операцию по изъятию «из нормального оборота бумажного конвейера лагерной канцелярщины» контрольных документов на себя и Юру. Жить вроде бы стало спокойнее, но ненадолго. Их затянувшееся пребывание в лагпункте было замечено, назревала скандальная ситуация с непредсказуемыми последствиями. Пришлось снова в срочном порядке искать выход, «изворачиваться», по терминологии Ивана.

«Трудоустройство» в «Динамо» могло стать спасительным кругом, хотя «пролетарское спортивное общество войск и сотрудников ГПУ» не вызывало у Солоневича положительных эмоций. По его мнению, это был, «в сущности, один из подразделов ГПУ — заведение отвратительное в самой высокой степени — даже и по советским масштабам»¹. Тем не менее, работа в «Динамо» давала некоторые льготы и преимущества, включая относительную свободу передвижения.

После понятных колебаний Иван отправился в отделение общества «Динамо», которое базировалось на стадионе «вольного города» при Медгоре во внешне невзрачных деревянных домах. Однако внутри они были обставлены по солидным московским стандартам, была даже роскошная бильярдная комната, предназначенная для отдыха руководящих динамовцев. В этой бильярдной и произошла встреча Солоневича с начальником учебной части «Динамо» Яковом Самойловичем Медоваром, одесситом, великим комбинатором «на почве спорта», и инструктором Федором Николаевичем Батюшковым, «вычищенным» в свое время за отклонения от партийной линии в спортивных делах.

С точки зрения Ивана, компания подобралась неплохая: у Медовара довольно быстро возникла «материально выгодная» комбинация по использованию литературных способностей Солоневича на спортивной ниве: «Я устраиваюсь в Культурно-воспитательный отдел, вы пишете инструкции и прочие бумаги, зарплату — 150 рублей, — пополам!» Иван тоже

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 311.

выдвинул предложение: «Заключайте соглашение с ГУЛАГом о написании работы «Руководство по физкультурной работе в исправительно-трудовых лагерях ГПУ!»! Я пишу — гоно-рар пополам!».

В свою очередь, Батюшков гарантировал Солоневичу комфортные условия жизни, нажимая на то, что «самое спокойное место в СССР — это медгорское «Динамо», где вместе с Иваном они смогут «во-первых, играть в теннис, во-вторых, купаться, в-третьих, пить водку». Поработав несколько недель в «Динамо», Солоневич сделал вывод, что Медовар и Батюшков не преувеличивали: «Впоследствии я убедился в том, что в «Динамо» ББК ГПУ, среди заваленных трупами болот, двенадцатых кварталов и беспризорных колоний можно было действительно вести курортный образ жизни»¹.

Юра был рад динамовским перспективам отца, тому, что его надежды на очередное «явление Шпигеля» вновь сбылись.

Решающую визу о приеме Солоневича на работу в «Динамо» поставил В. Радецкий, заместитель начальника ББК. Иван сподобился аудиенции у него, в огромном кабинете, увешанном картами и портретами наркомов. В ходе беседы выяснилось, что Солоневич и Радецкий знакомы еще с 1928 года. Радецкий был тогда секретарем Северо-Кавказского крайисполкома, а его собеседник курировал по профсоюзной линии строительство спортивного парка в Ростове и отстаивал «свою концепцию» сооружения, несмотря на давление партийных чинов по поводу планировки, количества игровых площадок и ориентированности парка на «трудящийся элемент».

Иван дал, в общем-то, благожелательный портрет Радецкого: «Чисто выбритое, очень интеллигентное лицо, спокойные и корректные манеры партийного вельможи, разговаривающего с беспартийным спецом: партийные вельможи всегда разговаривают с изысканной корректностью»². Радецкий предложил Ивану папиросу, заметив многозначительно: «Вашу биографию мы знаем с совершенной точностью». Потом чекист перешел к обсуждению конкретных проблем и предложил Солоневичу создать «образцовое динамовское отделение», подготовить команду для участия в осеннем первенстве Се-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 315—316.

² Там же. С. 320.

веро-западной области и динамовском первенстве. Радецкий мечтал о победе ББК над ленинградским отделением, верил в организаторско-тренерский талант Солоневича и санкционировал подбор спортсменов из 300-тысячного «населения» ББК! Было дано высочайшее позволение и на поступление Юры в техникум.

Радецкий распорядился выдать Ивану пропуск на право передвижения по территории Медгорского отделения, и уже на следующий день Иван в тесной конторке ГПУ расписался за пахнущие коленкором и казеиновым клеем «корочки». Стоит ли говорить, что они пригодились для разведки маршрутов в западном направлении. Солоневич убедился в том, что живописный ландшафт в окрестностях Медгоры был крайне тяжелым для пешего передвижения: непроходимые болота, нагромождения ледниковых валунов, глухие медвежьи чащобы. Вывод был пессимистичен и оптимистичен одновременно: «Да, по таким местам бежать — упаси Господи. Но с другой стороны, в такие места нырнуть — и тут уж никто не разыщет»¹.

Иван и Юрий переехали — из третьего в первый лагпункт. Благодаря динамовскому «блату» их поселили в 15-м привилегированном бараке, в котором, в основном, обитали административные служащие и выборное начальство из актива: староста, дневальные, уполномоченный по борьбе с прогулками, тройки по борьбе с побегами, по соцсоревнованию и ударничеству.

Официальный рабочий день для обитателей барака начинался в 9 часов утра и кончался в 11 ночи с трехчасовым перерывом. Эти три часа уходили на получение талонов на обед и на хлеб, на обед и мытье посуды. Для лагерников с «привилегиями» полагался ужин. По вечерам проводились политбеседы и политинформации, на которых чаще всего блистал эрудицией Иван Солоневич.

Свою лагерную жизнь весны 1934 года Иван назвал «беспечальной» и «фантастической». Спортивная работа и подработка в техникуме, где он давал уроки физкультуры и литературы, обеспечивали ему неплохой заработок — около 220—230

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 331.

рублей в месяц. Питались они с Юрой в столовой инженерно-технических работников, куда, по выражению Ивана, попасть было сложнее, чем на воле — в партию.

Лето того же 1934 года Иван охарактеризовал как «поистине неправдоподобное»: «Я не делал почти ничего, Юра не делал решительно ничего, его техникум оказался такой же халтурой, как и «Динамо». Мы играли в теннис, иногда и с Радецким, купались, забирали кипы книг, выходили на берег озера, укладывались на солнышке и читали целыми днями. Это было курортное житье, о каком московский инженер и мечтать не может. Если бы я остался в лагере, то по совокупности тех обстоятельств... я жил бы в условиях такой сытости, комфорта и безопасности и даже... свободы, какие недоступны и крупному московскому инженеру... Если бы не перспектива побега, я спал бы в лагере гораздо спокойнее, чем я спал у себя дома, под Москвой»¹.

Лагерное ГПУ страха у Солоневича не вызывало — вон оно, в облике Радецкого, бежит по корту с ракеткой в руках. При всей внешней расслабленности Иван не забывал о главном: «Наше райское житье в Медгоре... ни в какой степени и ни на одну секунду не ослабляли нашей воли к побегу, как не ослабило ее и постановление от 7 июня 1934 года, устанавливающее смертную казнь за попытку покинуть социалистический рай».

Проект «Санитарного городка» для инвалидов и «слабосилки» застрял в бюрократических лабиринтах ГУЛАГа и был благополучно забыт. Бориса определили врачом в Лодейное Поле, то есть в лагерьный пункт № 1 Свирского лагеря. Солоневичи знали, что в этом лагере отношение к «контрреволюционерам» по традиции было особенно жестоким. Борис, попав туда, обнаружил в жизни Свирьлага другие существенные недостатки с точки зрения врача, отвечающего за здоровье лагерников. После побега в Финляндию Борис написал для РОВСа (среди многих других) справку о Свирьлаге, фрагмент которой (почти без правки) использовал Иван, работая над одноименной главой в книге «Россия в концлагере»:

«Свирьлаг занят почти исключительно заготовкой дров, а отчасти и строевого леса для Ленинграда и, по-видимому,

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 329.

для экспорта. Чтобы от этого леса не шел «слишком дурной запах», лес передавался разного рода декоративным организациям вроде Севзаплеса, Кооплеса и прочих, — и уже от их имени шел в Ленинград... Свирьлаг был нищим лагерем даже в сравнении с ББК. Нормы снабжения были урезаны до последней степени возможности, до пределов клинического голодания всей лагерной массы. Запасы лагпунктовских баз были так ничтожны, что малейшие перебои в доставке продовольствия оставляли лагерное население без хлеба и вызывали зияющие продовольственные прорывы. Этому «лагерному населению» даже каша перепадала редко. Кормили хлебом, прокисшей капустой, протухшей рыбой. Норма хлебного снабжения была на 15 процентов ниже ББКовской. Дохлая рыба время от времени вызывала массовые желудочные заболевания (как их предусмотреть по плану?), продукция лагеря падала почти до нуля»¹...

О Свирьлаге Борис написал для РОВСа еще одну справку — о его руководящем составе. В их число входили начальник лагеря Лapidус, начальник отряда ВОХРа Дмитриев, начальник штаба отряда Кривошеин, начальник Лодейнопольского лагпункта Детков, начальник санитарного отряда доктор Бабилов. На некоторых из этих лиц Борис составил «портреты-характеристики»:

«Детков — бывший рабочий-комсомолец. Был красноармейцем в Соловках в период 26—28 годов. Затем остался на вольнонаемной службе и стал делать карьеру, одновременно повышая свое образование. Старательный служака — не организатор и не политик. По некоторым наблюдениям: не жесток и не самодур. Смелый и решительный, но не умный, без быстрого «соображения». Женат, имеет ребенка, живет рядом с лагпунктом на вольной квартире.

Дмитриев — молодой партиец, примерно 30 лет. После военной службы поступил в военную школу ОГПУ и вышел оттуда командиром войск ОГПУ. Молод, силен, решителен, энергичен, в политике не разбирается, абсолютно дисциплинирован, жесток и беспощаден. Имеется некоторый налет культурности. Готов принимать участие в любых расстрелах. Типичный военный чекист.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 241.

Кривошеин, Владимир Николаевич или Михайлович, лет 50-ти. Бывший офицер, штабс-капитан. На Соловках в 1928 году являлся начальником штаба 4-го полка отдельной дивизии особого назначения имени Дзержинского (ОДОН). Он слабоволен, обременен семьей. Очевидно, его когда-то мобилизовали как военспеца для службы в войсках Осназа и как человека старательного, не способного на политические выступления, — не побоялись пустить даже на Соловки. Можно предположить, что он в душе не красный. Человек культурный, будет рад любому перевороту и, может быть, будет содействовать ему, в особенности, если ему будет обещано прощение. Ни в каких расстрелах и убийствах он не участвовал. В Соловках несколько раз приглашал меня к себе и подкармливал, не боясь неприятностей».

Указал Борис в своем документе и на то, что в Свирьлаге было около 400 членов общества «Динамо». О спортивной жизни лагеря он особенно не распространялся, но, без всякого сомнения, играл в ней немаловажную роль. Описанное им в «приложении» к «России в концлагере» участие в динамовском футбольном матче — явное указание на это...

Борис Солоневич подготовил для РОВСа несколько справок о советских концлагерях. По содержанию некоторых из них видно, что Борис иногда «заглядывал» в рукопись брата, чтобы пополнить фактуру своих справок. Вот что он написал об администрации лагеря ББК:

«На станции Медвежья Гора находится лагерное управление. Начальник ББ-комбината Рапопорт. Его помощник и начальник ББ-лагеря — Успенский, начальник 3 отдела Радецкий, начальник строительного отдела — инженер Вержбицкий, начальник транспортного отдела — Агапов, начальник 1-го Медгорского отделения — Поккали, начальник Пиндужского лагпункта — Матросов, начальник колонии беспризорников (Водораздел) — Видеман. Публика все хорошо откормленная, чистая, одетая в новенькую чекистскую форму. Успенский — молодой, сравнительно, человек лет 35-ти, плотный, с какими-то бесцветно-светлыми глазами, умное властолюбивое лицо. На Соловках его называли «Соловецким Наполеоном». Этого «на мякине не проведешь».

Это, конечно, не плагиат, а отражение вечной спешки, в которой жил Борис, добровольно взваливавший на себя мас-

су дел и обязанностей. Надо было спешить на встречу с представителем РОВСа и не с пустыми руками. Вот и позаимствовал «несколько образов»...

По вечерам в кабинете Батюшкова за пиршественным столом собиралась компания «динамовской аристократии» и чекистов, среди которых особенно выделялся начальник оперативной части Медгорского отделения ОГПУ Подмоклый. Музыкальное сопровождение вечеринок обеспечивал Юра, хорошо игравший на гитаре и обладавший неисчерпаемым репертуаром: песенки Вертинского, берлинские шлягеры и, по специальным заявкам, песенный фольклор уголовного мира. По признанию Ивана Солоневича, эти вечеринки «особо элегантного вида не имели»: он боялся сорваться, потерять выдержку, «переломать кости» кому-либо из этой «всемогущей шайки платных профессиональных убийц».

Юра, неизменно трезвый человек в компании, за время пиров узнал много полезного о системе охраны лагеря, об использовании собак-ищеек, о маршрутах патрулей и о карельских мужиках, которые нередко были опаснее чекистов, потому что за каждого схваченного беглеца получали премиальные.

Месяца за два до намеченной для побега даты неожиданно был переведен в Москву «покровитель» Солоневичей Радецкий. Тут же (с подачи недругов, конечно) в Культурно-воспитательном отделе ББК «возникла» идея об отправке Ивана на Водораздел (250 километров от границы с Финляндией!) для «постановки физкультурной работы» во вновь организуемом лагере. Это никак не совпадало с планами Солоневичей: Иван — на Водоразделе, Борис — в Лодейном Поле, Юра — в Медгоре. При таком «территориальном» разбросе участников подготовить побег было невозможно.

После мучительных размышлений и бессонных ночей у Ивана родился «план великой халтуры», к исполнению которого он тут же приступил, подготовив докладную записку на имя начальника лагеря Успенского с предложением о проведении «вселагерной спартакиады». Была представлена и соответствующая мотивировка «мероприятия»: «Спартакиада должна служить документальным и неоспоримым доказательством правильности воспитательной системы лагерей»,

«должна дать совершенно очевидное доказательство перековки и энтузиазма», «опровергнуть буржуазную клевету о лагере как о месте истребления людей»¹.

Можно представить, какими сомнениями терзался Солоневич, дожидаясь ответа всесильного Успенского. Но тактически и психологически Иван рассчитал точно: умный, властный, беспощадный к чужим жизням партийный администратор, «которого на мякине не проведешь», все-таки «клюнул» на «план великой халтуры». Беседа была деловой и конкретной. Обязательства на себя Солоневич взвалил немалые и весьма соблазнительные для карьеры Успенского: «Провести спартакиаду так, чтобы в ней была масса, были рекорды, чтобы спартакиада была соответствующе рекламирована в московской прессе и сочувствующей иностранной, чтобы она была заснята и на фотопластинки, и на киноленту — словом, чтобы *ubi et ubi* — и отечественной плетве, и заграничным идеалистическим карасям воочию, с документами на страницах журналов и на экранах кино, было показано: вот как советская власть заботится даже о лагерниках, даже о бандитах, контрреволюционерах, вредителях и т.д. Вот как идет «перековка».²

Успенский с решением не тянул: на следующий день Иван был назначен руководителем общелагерной спартакиады и наделен широкими полномочиями. Проведение спартакиады было назначено на 15 августа, и Солоневич очень надеялся, что вместе с Борисом и Юрием встретит эту дату далеко от лагерных бараков, на финской стороне границы.

Тренировка отобранных Солоневичем спортсменов проходила на базе Вичкинского совхоза³. Такое скопление спортивной молодежи, которую поселили в огромном здании совхозной конторы, не могло оставаться без контроля, и начальник 3-й части Подмоклый направил в совхоз «для ее освещения» сексотов с «троцкистским прошлым». Иван догадался о причинах возросшего интереса 3-й части к спартакиаде и предупредил чекиста, что не ручается за возможные негативные по-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 364.

² Там же. С. 369.

³ «Показательное» огородно-парниковое лагерное хозяйство к западу от Медгоры на площади в два гектара. Продукция выращивалась для нужд чекистских столовых.

следствия. Предупреждение запоздало, один из сексотов неожиданно исчез, и потом его тело было обнаружено в реке: несчастный случай, поскользнулся во время рыбалки и был унесен стремительным течением. Подмоклый приступил было к расследованию происшествия, однако после угрозы Солоневича доложить обо всем Успенскому, начальник 3-й части от своего намерения отказался. Аргументы Ивана на него подействовали: предстоящие обыски, допросы и аресты грозили «развалить» спартакиаду.

Под «прикрытием» грядущей общелагерной спартакиады Иван и Юрий создавали «стратегические запасы» продовольствия, медикаментов и необходимого снаряжения. Рюкзаки, плащи, сапоги, компас, фонарики, — это и многое другое добывалось с немалым риском. Была даже дефицитная мазь от комаров, которая, в конечном счете, в дни побега оказалась бесполезной. Комаров она «не беспокоила». От добычи оружия пришлось отказаться. В условиях лагеря «вооружиться» можно было только путем убийства кого-либо из охраны лагеря или чекистского тира, в котором хранились винтовки и револьверы. Пойти на убийство Иван Солоневич, конечно, не мог, «рука не поднималась»...

Успех предприятия во многом зависел от того, чтобы процесс подготовки не был замечен сексотами и членами барачной «тройки» по борьбе с побегами. Правда, подозревать Солоневичей было сложно, они стали «привилегированными заключенными», вхожими в самые важные кабинеты. Ивана часто видели в компании с Успенским и Подмоклым, другими лагерными «иерархами», что превращало его в «неприкасаемого» для всей прочей «вохры». Иван не преувеличивал, когда писал: «В конце июня 1934 года я находился, так сказать, на высотах своего бэбэковского величия, и на этих высотах я сидел прочно. Спартакиада уже была разрекламирована в «Перековке». В Москву уже были посланы статьи для спортивных журналов, для «Известий», для ТАСС и некоторые «указания» для газет братских компартий»¹.

Несмотря на внешнюю тишь да благодать вокруг, «безотчетная нервная тревога» почти не оставляла Ивана. Опасения росли по мере приближения срока побега: не следит

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 420.

ли за ними 3-й отдел? Не готовит ли ловушку? Не работают ли по ним с Юрием специально приставленные сексоты, которых они не смогли разглядеть. Страхи были понятны, ведь из-за одного такого сексота, Бабенко, они крупно погорели. Борис впоследствии написал для «друзей из РОВСа» о размахе стукачества в лагерях:

«Шпионов и сексотов в среде заключенных очень много, тем более что наименее устойчивый элемент из этой среды сам всегда рад выдать какие-нибудь чужие секреты, чтобы на этом деле создать себе карьеру. Обычно сексоты не представляют собою особой тайны от заключенных, тем более что в большинстве случаев в лагере из-за таких типов люди и находятся в заключении и имеют, таким образом, горький опыт. Если сексот очень уж раскрыт, то его переводят в другой пункт. Люди морально неустойчивые и склонные к возможным изменам и предательству в лагере легко выявляются, так как тяжелые условия жизни дают возможность хорошо узнать характер каждого человека».

Именно в эти июньские дни в московских газетах было опубликовано «Постановление Совнаркома СССР» о наказаниях за организацию и участие в побегах за границу. В качестве наказания предусматривалась «высшая мера» — расстрел. Юрий принес отцу «Правду» с текстом закона и сказал насмешливо: «Подумаешь — напугали!» «Постановление» придало еще больше «психологической остроты» предстоящему побегу Солоневичей, но на их планы оно не повлияло.

«С оказией» из Свирского лагеря пришло послание от Бориса. «Некий дядя» разыскал Ивана в полутемном бараке и, не зная, как приступить к делу, завязал разговор ни о чем. Потом они вышли на площадку у барака, и гость просиял: «Ну, теперь я и без документов вижу, что вы брат Бориса Лукьяновича!» Достал из двойной стенки берестяной табакерки записку от брата: «Дата побега остается прежней, никак не раньше и не позже». Иван расспросил гостя, выяснил, что Борис по-прежнему работает начальником санитарной части, то есть, всегда должен быть под рукой: мало ли в какой врачебной помощи возникнет надобность. Жесткое подтверждение времени побега — 12 часов 28 июля, — означало, что у Бориса все готово и что он, при любых условиях, покинет в указанный срок Лодейное Поле, «столицу» Свирского лагеря ОГПУ, и двинет через карельские чащобы в сторону финской границы.

Главный смысл послания был очевиден: «Ни днем раньше, ни днем позже, иные варианты означают неминуемую расправу для «отставшего» или «отставших».

Во всем другом у Бориса был полный порядок: «Сыт, тренирован, посылки получает, настроение оптимистическое и энергичное».

В «синхронном» побеге

Физически Солоневичи хорошо подготовились для побега: усиленные тренировки и спецпитание перед «общелагерной спартакиадой» были очень кстати. В лесной тайник, расположенный к югу от Медвежьей горы, они припрятали несколько пудов провизии и все необходимое для выживания на «лоне дикой природы» в течение двух-трех недель. Кроме того, Иван, используя «полномочия Успенского», оформил две командировки: себе до Мурманска на двухнедельный срок, а Юре — в Повенец и Пиндуши — на пять дней для «оказания методической помощи по обучению плаванию». Иван надеялся, что командировки надежно «прикроют» первые дни их отсутствия.

Накануне ухода из лагеря Иван сохранял предельное хладнокровие, что удивило его самого:

«Я был уверен, что перед этим днем, — днем побега — у меня снова, как это было перед прежними побегами в Москве, нервы дойдут до какого-то нестерпимого зуда, снова будет бессонница, снова будет ни на секунду не ослабевающее ощущение, что я что-то проворонил, что-то недосмотрел, что-то переоценил, что за малейшую ошибку придется, может быть, платить жизнью — и не только моей, но и Юриной... Но ничего не было: ни нервов, ни бессонницы»¹.

Когда сообщение об удачном «синхронном» побеге Солоневичей появится в зарубежной печати, реакция эмигрантских кругов не заставит себя ждать, реакция недоверчивая, противоречивая, часто недоброжелательная. Поэтому есть смысл подробнее осветить «техническую часть» этого, действительно нелегкого, почти невероятного по степени риска, предприятия.

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 476.

Чтобы не вызывать подозрений, Юра покинул лагерь первым — 28 июля в 9 часов утра. При свидетелях «попрощался» с отцом, получил от него «деловые напутствия». По «легенде» он направлялся на рейсовый автобус на Повенец, а на деле должен был избавиться от своего «декоративного дорожного узелка», вытащить из кустов заранее припрятанные удочки (тоже «легенда»), добраться до тайника с продовольствием и там дожидаться отца. Выход Ивана (с дополнительным продовольствием и вещами) был назначен на 12.00, поскольку по его «легенде» он должен был успеть на мурманский поезд, отходивший в 12.40.

Эти три часа разрыва «по графику» ухода дались Ивану невероятным напряжением сил и воли. Понятно, он опасался за сына. Все ли получилось так, как надо. В книге Солоневич подробно описал свои действия накануне ухода. Время казалось тягучим, неподвижным, мертвецки сонным. Он собрал волю в кулак и, присев на край кровати, в своей обычной «скоростной манере» набросал две статейки для медгорской «Перековки» и лагерной радиогазеты (последние журналистские труды в СССР!). После этого отнес их в редакции, и получил аванс (последний советский!) в 35 рублей «под» будущие статьи. Купил на эти деньги два килограмма сахара и три пачки махорки (последние советские покупки!).

В бараке загрузил в рюкзак продукты, взял волейбольную сетку, футбольный мяч, пачку футбольной литературы и два копья (все спортивное — «для маскировки») и вышел из барака. Выйдя за пределы лагеря, Иван бросил прощальный взгляд на освещенные солнцем стены своего недавнего обиталища: «Барак наш торчал каким-то кособоким гробом, с покосившейся заплатанной крышей, с заклеенными бумагой дырами окон, с дневальным, понуро сидевшим у входа в него. Странная вещь, во мне шевелилось какое-то сожаление. В сущности, неплохо жили мы в этом бараке. И в нем было много совсем хороших, близких мне русских людей. И даже нары мои показались мне уютными»¹.

Солоневич прошел через городок, стараясь не попадать на глаза знакомым, миновал вохровскую заставу (знакомые все лица) и направился к железнодорожной насыпи. Несколь-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 479.

ко километров прошагал по шпалам, чтобы сбить со следа овчарок, если погоня все-таки будет. Потом рванул в сторону в лесную чащу, на тропу, ведущую к пятому лагпункту, и, без оглядки, марш-броском под жарким июльским солнцем, с четырехпудовой ношей за спиной устремился к условленному месту встречи с Юрой. И вдруг осложнение — за первым же поворотом, словно из-под земли, возник патруль: двое в гимнастерках, с винтовками за спиной. Солоневич написал об этой встрече как о «моменте пронизывающего ужаса»: «Значит — подстерегли». Для Ивана это экзистенциальная ситуация: от принятого решения зависела вся его дальнейшая жизнь или не-жизнь, потому что «высшая мера» предусмотренная Постановлением, уже дожидалась таких, как он.

Иван преодолел мгновенный приступ паники и, не замедляя шага, пошел навстречу «оперативникам». Выдержка не подвела: оказалось, что перед ним — «простые красноармейские рожи», наивные и улыбочивые парни, ничего настораживающего в них не было. Обменялись несколькими словами, и пошли каждый своим путем. Патрульные знали Солоневича в лицо, и, наверное, не раз встречали его в компании с начальником 3-й части Подмоклым «после динамовских всеобщих бдений».

На подходе к тайнику с «продовольственным складом» Иван услышал мужские голоса, а затем «нечто вроде змеиного шипения»: это подал признаки жизни Юра. Он возбужденно прошептал, что в 20—30 шагах от схрона копошатся странные мужики в пестрых рубахах и что необходимо как можно скорей укладываться и «драпать». Торопливо избавились от спортивного «камуфляжа», зарыв его в мох, распределили по рюкзакам вещи и продовольствие и скрытно, почти по-пластунски, стали удаляться от опасного места. Они понимали, что в первый день побега надо было по максимуму выйти из «зоны притяжения» лагеря, раствориться в зеленом безмолвии леса и зыбучих болот, бежать от всего, что пахнет человеком и человеческим жильем. И они выполнили эту задачу: вначале преодолели горную гряду в пяти верстах от железной дороги, затем перебрались через речку, которая связывала цепь озер и могла быть тем самым «узким местом» на маршруте, где таились чекистские засады. Потом началась тяжкая страда движения на запад, со многими отклонениями

в сторону из-за возникающих препятствий — стремительных речных потоков, болот до горизонта, каменных завалов.

Так начался выстраданный уход Солоневичей из Советской России. Иван и Юрий двинулись в сторону Финляндии из окрестностей станции Кивач Мурманской железной дороги. Шли в направлении села Койкири на реке Суне, откуда до границы было рукой подать. Изо дня в день упорно продвигались на запад через запутанные петли рек, лабиринты озер, ловушки болот. Атлетически сложенные, тренированные мужчины шли с предельным напряжением сил, зная наверняка, что другого случая не представится: смерть преследовала их по пятам! Им пришлось преодолеть не менее восьми переправ — карельский «рельеф местности» не давал скучать, щедро «одаривая» беглецов все новыми и новыми испытаниями на маршруте. В первое время им особенно досаждали комары, от которых больше всего доставалось лицам: они «распухли, как дрожжевое тесто».

Солоневичи поддерживали заданный ритм движения, сложившееся «расписание дня». Просыпались перед рассветом, кипятили чай, шли до 11—12 часов дня. Устраивали привал, варили кашу, потом гасили костер, маскировали головешки и уходили как можно дальше от этого места, находили укромную «лежку» и отдыхали. Вставали в пять часов пополудни, и снова шли до темноты. Ужинали кашей и засыпали как убитые, несмотря на влажный холод приполярной ночи. На следующий день то же самое — упорное продвижение в сторону границы. «Мы действовали по принципу некоего героя Джека Лондона, — вспоминал Иван Солоневич, — что бы там ни случилось, держите прямо на запад».

Проблемы возникали, если они натыкались на человеческое жильё: это всегда опасность! Пограничники, группы содействия пограничникам, собаки, облавы «с привлечением населения». Однажды у безымянной деревни отец и сын нарвались на прохожего, несомненно, облеченного властью: он был при револьвере, из которого, не задумываясь, стал стрелять в их сторону. Чтобы оторваться от погони потребовалось несколько часов отчаянного «драпа» с полной выкладкой: бросить рюкзаки было невозможно — их содержимое — гарантия выживания! Лишь перебравшись на другой берег озера (с вещами на импровизированном плотике), чудом избежав

встречи «лоб в лоб» с пограничным катером, они почувствовали себя в относительной безопасности.

В эти же дни, севернее, параллельным курсом, пробивался к границе Борис. Он должен был преодолеть 250 километров по карельским чащобам от лагеря Лодейное Поле до границы с Финляндией. Но это — теоретически, так сказать, «по прямой линии». Если учесть неизбежные отклонения от маршрута, ему пришлось пройти не менее 300 километров. Прощальным эпизодом лагерной жизни Бориса стало, по его воспоминаниям, участие в футбольном матче. Его послали дежурным врачом на матч динамовских команд Петрозаводска и Лодейного Поля. Один из ключевых игроков «своей» команды оказался «вне игры» по причине пьянства. Борису предложили занять его место, благо, что «петрозаводские» не знали, что он заключенный, а не кадровый сотрудник ГПУ. Борис блестяще сыграл в матче и даже забил победный гол — с пенальти. Потом — импровизированная переправа через реку Свирь на рыбацкой лодке (предлог — срочный вызов к больному!) и бросок под спасительный шатер леса.

Подробности своей одинокой эпопеи в карельских лесах Борис описал в книге «Молодежь и ГПУ» («Русские скауты в пожаре революции»). Заключительная глава книги, опубликованная в качестве приложения к «России в концлагере», стала «отчетом» Бориса о перипетиях его собственного побега. Он назвал эту главу «Побег из «рая». Солоневич был готов к одиночеству, десяткам и сотням километров одиночества: «Теперь, если не будет роковых случайностей, успех моего похода зависит от моей воли, сил и опытности. Мосты к отступлению уже сожжены. Я уже находился в бегах. Сзади меня уже ждала пуля, а впереди, если повезет, свобода».

Неизвестность — главный беспокоящий элемент побега, всех 12 дней изматывающего пути, потому что свой маршрут Борис представлял «только ориентировочно», и на каждом его отрезке, за любым кустом, могли находиться «посты чекистов со сторожевыми собаками».

Белые полосы болотных испарений, засасывающая жижа топей, пронзительные птичьи крики, невидимые дозоры пограничников с овчарками, — все это вызывало у Бориса невольные ассоциации с «Собакой Баскервилей» Конан-Дойла: «Вот-вот сзади раздастся вдруг топот страшных лап, и огнен-

ная пасть дьявольской собаки вынырнет из призрачного мрака». И еще одну цитату из этой повести привел Борис: «Если вам дорога жизнь и рассудок, не ходите один на пустошь, когда наступает мрак и властвуют злые силы». Лучше не скажешь: сразу становится понятным, что чувствовал Солоневич в карельской глуши холодными промозглыми ночами...

Иван считал, что на дорогу уйдет восемь суток, но они шли уже двенадцать! Вновь появились тревожные ощущения. Неужели заблудились? Неужели ходят по кругу? И все-таки на шестнадцатый день пути счастливый для них миг настал: «Границу мы, по-видимому, перешли ясным августовским утром. Довольно высокий хребет обрывался на севере крутым спуском к озеру, по гребню хребта шла довольно основательно протоптанная тропинка. Натолкнувшись на нее, мы быстро свернули в кусты. В конце тропинки Юра успел заметить массивный каменный столб; я этого столба не заметил»¹. Еще одна переправа через речушку, несколько выстрелов издали — им вдогонку, еще одна — на всякий случай — «беговая дистанция».

Часа через три ходьбы Солоневичи окончательно убедились, что они в Финляндии: по обрывкам газет и консервным этикеткам на финском и шведском языках. Это были минуты счастья и торжества: они добились своего! Юра размашисто перекрестился, хотя всегда утверждал, что является атеистом.

Беспокойные мысли о возможности выдачи, «в порядке соседской любезности», советским пограничникам заставили Солоневичей продолжить путь в глубь страны. Вскоре они вышли на лесной хутор. Девочка, игравшая у сарая, вначале с ужасом созерцала «леших», возникших из чащи, затем перемахнула через забор и, подбегая избе, закричала от страха. Небритым и нематым «лешим» было невдомек, что после долгих дней изнурительного пути, в одежде, изорванной сучьями, они выглядели пугающе.

Солоневичи присели на бревно, дожидаясь дальнейшего развития событий. Девочка выглянула из избы и стремглав бросилась в сторону леса. Вскоре она появилась в сопровож-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 495.

денин мужчины, видимо, отца. О нем Солоневич написал так: «Из лесу вышел степенный финский мужичок, в таких немислимо желтых сапогах, из-за каких когда-то в далеком Конотопе покончил дни свои незабвенной памяти Хулио Хуренито, в добротной кожанке и с трубкой во рту. Но меня поразили не сапоги и не кожанка. Меня поразило то отсутствующее в советской России вообще, а в советской деревне в частности и в особенности, исходившее от этого мужичонки впечатление полной и абсолютной уверенности в самом себе, в завтрашнем дне, в неприкосновенности его буржуазной личности и его буржуазного клочка земли»¹.

«Леших» накормили, а потом отец девочки отвел Солоневичей на пограничный пункт, где их «для виду» обыскали, доброжелательно расспросили и угостили кофе. Никаких признаков вражды и подозрительности, и тем более стремления с пристрастием допросить незваных гостей «с той стороны». Это расслабило до предела взвинченные нервы Солоневичей, ожидавших более строгой процедуры «приема».

Вечером на том же пограничном пункте Иван и Юрий уселись на склоне холма, чтобы вслушаться в тишину, насладиться спокойствием пейзажа, расстилавшегося перед ними, ощутить, наконец-то, что они в безопасности, что все погоны безнадежно отстали, и что та блаженная страна, о которой они мечтали, наконец-то стала реальностью. В мыслях они возвращались к тому, что осталось в прошлом, за невидимой пограничной линией между двумя мирами. Иван описал эту насыщенную эмоциями сцену с такой душевной искренностью, что она, несмотря на солидный «метраж» «России в концлагере», надолго остается у читателя в памяти:

«...Дальше к востоку шли бесконечные просторы нашей родины, в которую, Бог знает, удастся ли нам вернуться.

Я достал из кармана коробку папирос, которой нас снабдил начальник заставы. Юра протянул руку: «Дай и мне»...

— С чего ты это?

— Да так...

Я чиркнул спичку. Юра неумело закурил и поморщился. Сидели и молчали. Над небом востока появились первые звезды: они где-то там светились и над Салтыковкой, и над

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 498—499.

Москвой, и над Медвежьей Горой, и над Магнитогорском, только, пожалуй, в Магнитогорске на них и смотреть-то некому — не до того... А на душе было неожиданно и замечательно паршиво»¹.

И следом — внутренний монолог Солоневича, подводящий итог его прежней жизни в России:

«По-видимому, мы оба чувствовали себя какими-то обломками крушения... Пока боролись за жизнь, за свободу, за какое-то человеческое жилье, за право чувствовать себя не удобрением для грядущих озимей социализма, а людьми — я, в частности, по въевшимся в душу журнальным инстинктам, — за право говорить о том, что я видел и чувствовал; пока мы, выражаясь поэтически, напрягали свои бицепсы в борьбе с разъяренными волнами социалистического кабака, — все было как-то просто и прямо... И словно вылившись из шторма, сидели мы на неизвестном нам берегу и смотрели туда, на восток, где в волнах коммунистического террора и социалистического кабака гибнет столько родных нам людей... Много запоздалых мыслей и чувств лезло в голову... Да, проворонили нашу родину. В частности, проворонил и я — что уж тут греха таить. Патриотизм? Любовь к родине? Кто боролся *просто* за это? Боролись: за усадьбу, за программу, за партию, за церковь, за демократию, за самодержавие... Я боролся за семью. Борис боролся за скаутизм. Нужно было, давно нужно было понять, что вне родины — нет ни черта: ни усадьбы, ни семьи, ни скаутизма, ни карьеры, ни демократии, ни самодержавия — ничего нет. Родина, как кантовская категория времени и пространства; вне этих категорий — пустота... И вот — проворонили»².

Покой, сытость, налаженность жизни финнов Иван Солоневич воспринял «как некое национальное оскорбление: почему же у нас так гнусно, так голодно, так жестоко?» И какой контраст с тем, как встречают в СССР беглецов «буржуазного Запада»! Из той же самой Финляндии. А ведь многие перебежчики в Советскую Россию были коммунистами, идейно близкими большевикам людьми!

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 502.

² Там же С. 502—503.

И к этому — невероятное, травмирующее психику доверие пограничников: беглецам накрыли постель рядом с оружейной стойкой! Солоневич не удержался, произнес мысленно оду «дружественным финским винтовкам», не преминув отметить, что всегда ощущал советские винтовки как «оружие насилия». Перепады эмоционального настроения Ивана были настолько конфликтивны и противоречивы, что на мгновение он ощутил неодолимое желание «на корню» покончить со всеми своими проблемами и прошлой «путаной жизнью», выстрелив в висок из парабеллума.

Но нервный срыв быстро прошел. Стоит ли стреляться, когда ты находишься на пороге исполнения мечты?

Тяжкая свобода финской заграницы

Через два дня Ивана и Юру доставили в поселок Илломантси, где располагался штаб пограничного отряда. Начальник был рад событию, внесшему в его жизнь некоторое разнообразие. Он «показал» Солоневичей всем своим знакомым в поселке. Русских везде привечали, щедро кормили, пытались расспрашивать о жизни в Советской России. В штабе отца и сына впервые формально допросили. Русского языка финны не знали, допрос шел на немецком. После этой вполне доброжелательной процедуры — снова обильная еда. Ближе к вечеру Иван по просьбе начальника отряда продемонстрировал жителям поселка свои спортивно-тренерские таланты. Не исключено, что это была неназойливая форма проверки: в лагерном удостоверении Солоневича, изъятом пограничниками, было указано, что он «инструктор физкультуры».

Из Илломантси Солоневичей перевезли на автобусе в городок Йоэнсуу. Ими «занялись» гражданские власти. Поместили в «каталажку домашнего типа» на окраине, объяснив, что это «обязательный для всех перебежчиков карантин».

На следующий день Солоневичей отвезли для допроса в политическую полицию. Судя по всему, процедура была строго регламентирована. Ивана и Юру сфотографировали в фас и профиль, вручили анкеты для заполнения, задали обычные для таких случаев — все-таки нарушители границы! — вопросы. Некоторые из них покоробили Ивана, который в са-

мом начале допроса заявил о том, что является врагом коммунистов и советской власти, по какой причине и бежал в Финляндию. Тем не менее невозмутимый полицейский агент, строго следуя предписанному порядку, «ошарашил» Солоневича вопросом:

«Ви член векапебе?»

И еще в таком же роде:

«Ви член мопр, ви член оптете?» — под последним, по мнению Ивана, подразумевалось, скорее всего, «Общество пролетарского туризма», ОПТЭ»¹.

Во время допроса Иван попросил полицейского агента узнать о судьбе брата Бориса и дать займы денег, чтобы послать весточку Тамаре в Берлин. Ответ не заставили себя ждать: от Тамочки пришла телеграмма с поздравлениями и денежный перевод. Полицейский агент сообщил также, что Борис — в Финляндии! Он перешел границу 12 августа в районе Сердоболя. Какая радость! Какой праздник на душе! «Значит, все курилки живы!»

В тот же день Иван с ведома «карантинных властей» направил Тамаре письмо, в котором обрисовал сложившуюся ситуацию и свои ближайшие планы:

«Родная моя девочка!

Итак, 4 месяца ГПУ, 7 месяцев концлагеря и 16 суток драпежа по нечеловечьим лесам и болотам — все уже позади, и мы в Финляндии... Мы пока взаперти, как говорят, в карантине, до 29 VIII, отъедаемся от лагерной голодовки... Отдыхаем от нервного и физического напряжения последних месяцев. Но будущее — неясно. Мы здесь, в Йоэнсуу, — первый прецедент такого рода, с нами не знают, что делать, и сносятся с Гельсингфорсом... Дальше: это карантинное время я использую для работы над брошюрой о концлагерях в СССР. Думаю издать ее в Гельсингфорсе и думаю, что она будет интересна: свежий материал на свежую тему. Спишись с Ренниковым... и поговори в Берлине насчет издания, условий, гонорара, переводов и т.д., размер 2—3 печ. листа.

Сильно беспокоюсь о Бобе. Он должен был бежать 27/8 — не знаю, как ему это удалось. А неудача — это смерть. Сооб-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 510.

щи о нашем бегстве знакомым, чтобы они нам ничего не писали и не слали, а то вляпаются в неприятность...

Об очень многом хочется написать, но пока еще все так путано. Целую и люблю. Ва.

Только что узнал, что Боб перебрался благополучно и находится в карантине в Urosjarvi».

Денежные переводы Тамары в первые месяцы пребывания Солоневичей в Финляндии были существенной поддержкой. Однажды она прислала костюм, явно не новый. Иван отнесся к посылке с подозрением: вещи Прцевоцни? С приходом в Гельсингфорс, однако, Тамочка не торопилась, ссылаясь на немецкую строгость в отношении «непредвиденных» отлучек с работы.

Свои переживания в связи с поведением жены Иван скрывал, а чтобы забыться, со всей страстью журналиста, истосковавшегося по серьезной работе, стал набрасывать фрагменты для брошюры о концлагерях. Надо привлечь к себе внимание эмиграции, заявить о себе как о бескомпромиссном враге большевиков и с этой начальной ступеньки выстраивать дальнейший курс. Правда, работа над очерком шла медленно: оказывается, после многолетней отвычки писать свободно, без самоцензуры и эзопова языка, было невероятно трудно. Листки с набросками множились, порождали новые сюжеты, эпизоды и коллизии. В памяти всплывали, казалось бы, давно забытые лица, диалоги, споры...

После «карантина» в Йоэнсуу Иван и Юрий Солоневичи были отправлены в Гельсингфорс (Хельсинки). Там члены «веселой компании» вновь оказались вместе.

Борис описал ту памятную встречу:

«Мягкий автомобиль мчит меня по нарядным, чистым улицам города. Да, это тебе не «черный ворон» и ОГПУ. Большое здание. Центральная политическая тюрьма. В комнате ожидания меня просят присесть. Нигде нет решеток, оружия, часовых. Чудеса! Проходит несколько минут, и в дверях показывается низенькая, толстенькая фигура начальника русского отдела политической полиции, а за ним... Боже мой! За ним — массив плеч брата, а еще дальше — смеющееся лицо Юры! Обычно строгое и хмурое лицо нашего политического

патрона сейчас мягко улыбается. Он сочувственно смотрит на наши объятия, и когда наступает секунда перерыва в наших в вопросах и восклицаниях, спокойно говорит:

— О вас получены лучшие отзывы и правильность ваших показаний подтверждена. Господа, вы свободны».

9 сентября 1934 года Солоневичи, переполненные победной эйфорией, въехали в Гельсингфорсе в свою «первую буржуазную квартиру» на Кормунсгаттан, 16, через год после той драматической ночи, когда они были схвачены чекистами в вагоне Мурманской железной дороги. Эйфория Солоневичей, их благодарные слова в адрес Финляндии и финнов были понятны. Им казалось, что «на вольной земле» они были в безопасности: «Нет ни ГПУ, ни лагеря, ни девятнадцатого квартала, нет багровой тени Сталина и позорной необходимости славить гениальность тупиц и гуманность палачей»¹.

Написав эти эмоциональные слова, Иван ошибся только в одном — ГПУ в Финляндии все-таки было. Под крышей полпредства действовала резидентура, а в эмигрантской среде — надежная агентура, которая незамедлительно взяла «под колпак» беглецов из Совдепии. Зам. начальника ИНО НКВД Слуцкий направлял полученную информацию о Солоневичах Ягоде, Агранову², Прокофьеву, Гаю³, Молчанову. В обязательном порядке с нею знакомили руководство Управления НКВД по Ленинградской области.

В финской политической полиции с большим «резервом» отнеслись к удачливости Солоневичей. Финны были высокомого мнения о работе чекистов по обеим сторонам границы. Успешный ее переход членами одной семьи, причем на разных участках, вызвал скептические оценки и комментарии по всей «вертикали» власти. Мнение было почти единодушным: если

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 511.

² Агранов Яков Саулович — комиссар госбезопасности 1-го ранга, зам. наркома внутренних дел СССР. Некоторое время осуществлял «надзор» за интеллигенцией, ходил на писательские мероприятия. Был известен среди литераторов под именем «Янечка». Расстрелян в 1937 г.

³ Гай М.И. — комиссар госбезопасности 2-го ранга, начальник ОО ГУГБ НКВД СССР. Расстрелян в 1938 г.

на НКВД не работает вся «семейка» целиком, то хотя бы один из нее — без всякого сомнения!

Подозрения пали в первую очередь на Бориса. В ходе финских допросов он откровенно рассказал, что работал инструктором в спортивном обществе «Динамо», то есть тесно общался с чекистами. Финнам трудно было поверить, что на подобную работу приняли человека без соответствующих заслуг перед НКВД. Рассказам Бориса о том, что он сражался на стороне белых и вел подпольную антисоветскую работу, опираясь на скаутское движение, не поверили, сочтя эти утверждения «специально подготовленной легендой».

В отношении Ивана финны к общему мнению не пришли. Одни считали его своего рода «отвлекающей фигурой», прикрывающей «брата-чекиста». Другие полагали, что чекистами являются оба брата, причем Иван выполняет в группе роль «комиссара». Наиболее «дальновидные» финские контрразведчики предположили, что в НКВД приступили к реализации очередной операции типа «Трест», и что братья — хорошо подготовленные провокаторы в духе печально прославившегося Оперпута. Эти соображения побудили финскую «охранку» установить за Солоневичами наблюдение. Завуалированный интерес со стороны властей был замечен братьями. Иван не без иронии охарактеризовал его как «трогательно-заботливое крылышко финской полиции».

О своих выводах и подозрениях финны сообщили в доверительном порядке генералу С.Ц. Добровольскому, который в Гельсингфорсе возглавлял РОВС. Была и просьба: организовать дополнительный «присмотр» за братьями.

Новость о прибытии «очередных» беглецов из Советского Союза быстро облетела русскую колонию. По заведенному порядку им помогли деньгами (на минимальные нужды), питанием, снабдили, по словам Ивана, «кое-каким европейским одеянием, но оно было и узко и коротко; наши конечности безнадежно вылезали из рукавов и прочего, и общий наш вид напоминал ближе всего огородные чучела».

О помощи русского эмигрантского комитета в Гельсингфорсе Иван вспоминал с разочарованием: «Нами не заинтересовался никто». В неустроенный и голодный период пребывания в Финляндии Солоневичи обратились в комитет с

ходатайством о получении одноразовых обедов. Этот опыт эмигрантской благотворительности был, по оценке Ивана, самым унижительным в его жизни:

«Здесь, в Гельсингфорсе, это было очень обидно и оскорбительно. Аристократическая мадам, заведовавшая выдачей талонов — а талоны, собственно говоря, отпускались финским правительством, — не нашла ничего лучшего и более умного, как прочесть мне лекцию о пользе и необходимости труда. Я не послал ее к чертовой матери из соображений, о которых не стоит здесь говорить. Но талонный период продолжался всего шесть дней. Потом неожиданно пришли первые гонорары, и мое знакомство с общественным комитетом было закончено уплатой ему долга за 18 съеденных нами обедов»¹.

Вопрос о пище насущной был актуальным. Чтобы восстановить прежний вес, отцу и сыну потребовалось несколько недель. Несмотря на свойственную Ивану браваду здоровьем и силой, он в книге «Россия в концлагере» не без горечи написал:

«Вот я, из крепчайшей мужицко-поповской семьи, где люди умирали «по Мечникову», их клал в гроб «инстинкт естественной смерти»; я в свое время один из сильнейших физически людей России — и вот в 42 года я уже сед. Уже здесь, за границей, мне в первые месяцы после бегства давали 55—60 лет».

По «политической линии» первыми связались с Солоневичами младороссы². По мнению Ивана, «не для информации о России, а для вербовочной кампании в пользу второй советской партии»³.

К этому времени у него сложилось достаточно полное представление о Младоросской партии, ее эклектичной идеологии и программе действий. Иван был уверен в том, что младороссам до власти в России не добраться. Слишком пассивную позицию они занимают в отношении коммунистическо-

¹ Солоневич И.Л. Четыре года. Август 1938 года.

² В 1923 г. в Мюнхене прошел «Всеобщий съезд национально-мыслящей русской молодежи», участники которого образовали Союз «Молодая Россия». В 1925 г. он был переименован в «Союз младороссов», а в 1934 г. — объявлен партией.

³ Солоневич И.Л. Четыре года. Август 1938 года.

го режима, слишком расшаркиваются перед его главарями. По оценке Ивана, лидер младороссов — князь Александр Казем-Бек — еще в самом начале своего «партийного строительства» стал занимать двойственную, заискивающую позицию в отношении коммунистического режима¹. В 1928 году, выступая перед последователями, он, пусть с оговорками и оглядкой, но пропел панегирик тем, кто захватил Кремль, опираясь на интернациональную антирусскую доктрину:

«У нас привыкли осуждать людей, возглавлявших большевизм в России... Ненависть к ним понятна и человечна. Но за уничтожающей критикой, за отрицанием безоговорочным и злобным мало кто сумел найти в себе крупицу объективности, чтобы взвесить ценность и силу этих людей, самих по себе, вне всякой зависимости от их доктрины и руководящей ими идеологии. Никто теперь не вправе отмахиваться, как от ничтожной подробности, от людей, в руках которых сердце нашей необъятной Империи.

Да и поучительна сама судьба этих людей с их первоначальными, почти безнадежными тогда усилиями, затерянными в швейцарских кантонах, в мебелирашках и копоты европейских столиц, с подпольными приготовлениями, с цепкой, одуряющей суетой, с упрямой настойчивостью и с упорной работой, серой и неприглядной. И после подполья — чудовищный размах, родившийся из стужи октября, того памятного октября, когда решающее усилие их совпало с терпеливо выжидавшимся и мастерски использованным психологическим моментом... Оставим в покое большевиков. Мало кто имеет право корить их. Преступление было совершено до них, и всем хорошо известны имена людей, на которых лежит бремя чудовищной ответственности»²...

Возмущали Ивана «реверансы» Казем-Бека в адрес вождя большевиков и его соратников: «Умелая стратегия и тактика Ленина... Люди, оказавшиеся на гребне грозной исполин-

¹ Казем-Бек Александр Львович (15.02.1902—21.02.77) — князь, с 16 лет — участник Гражданской войны. Организатор первых православных и монархических съездов эмиграции в Европе. Свои планы по приходу к власти в Советском Союзе строил на расчетах «эволюции» советской власти и ее своеобразной «конвергенции» с монархией.

² Здесь и далее цит. по: «Первые итоги. Речь вождя Союза младороссов А.Л. Казем-Бека (1928)».

ской волны... Гипноз и обаяние Ильича... Посмертный культ, окружающий его гробницу»... Создавалось впечатление, что Казем-Бек раз и навсегда подпал под влияние Ленина, пропитавшись его диалектикой и вдохновившись масштабностью его политических деяний. Отсюда, по мнению Солоневича, — подчеркнутый вождизм и мессианский подтекст политической программы Казем-Бека, полагавшего, что в новых исторических условиях, отмеченных все более заметной деградацией советской власти, именно его партии суждено прийти на смену ВКП (б).

Младороссы проявили незаурядную политическую смелость, объявив себя «второй советской партией» и выдвинув лозунг «Царь и Советы». Ведь, по их оценке, большевизм — это итог российской истории, и его так легко не переступить. Младороссы выступали за сохранение достижений советской системы в социальной сфере, за планово-рыночное ведение хозяйства — по схеме «снизу вверх» и «сверху вниз». Координировать эти «встречные планы», по замыслу Казем-Бека, должен был «Всеимперский совет народного хозяйства». По заключению Ивана, еще один «реверанс» — на этот раз в сторону «передового опыта советского хозяйствования».

Концепция партии, развиваемая Казем-Бекем, показалась Солоневичу нереализуемой и внутренне противоречивой. Может быть, пока не говорит всего, что задумал. Книжная романтика в германском духе: подобие «рыцарского ордена», основанного на идее духовного братства, соединяющего вождизм и национальную дисциплину с творческой свободой личности. Плюс к этому принципиальный отказ от тоталитарности, безоговорочного подчинения одному лицу. Члены партии — это люди с оптимистическим взглядом в будущее, воины без страха и упрека, готовые к героическому самопожертвованию на долгом пути к возрождению России. И вместе с этим — категорическое отрицание конспиративной и террористической деятельности на территории Советского Союза и за его пределами. Перспектива самопожертвования в Младоросской партии, по оценке Ивана, явно ограничивалась пассивным ожиданием событий. Это, между прочим, признавал сам Казем-Бек: «Нас не ожидает судьба триумфатора в черной рубаше (Муссолини)... Мы не на народной почве... Свою зарубежность мы должны искупить. Искупление и будет серой заботой».

Иван догадывался, что честолюбивый лидер младороссов страстно мечтал о будущем триумфе. Шумные, преисполненные молодого энтузиазма слеты партийцев, проходившие под девизом «Лицом к России», были своеобразной репетицией этого грядущего триумфа. Судя по фотографиям в партийной газете «Бодрость», Казем-Бек любил эти ритуалы: многолюдный бурлящий зал, напряженные минуты ожидания, и вот — мистический момент встречи: энергичный уверенный вождь в синей партийной рубашке на сцене, вскинута правая рука, он приветствует соратников, и зал, синий, как васильковое поле, в едином порыве отвечает возгласами: «Глава! Глава! Глава!»...

Визит младороссов к Солоневичам завершился ничем. Их не заинтересовали амбициозные планы Казем-Бека по перестройке России с позиций ожидания ее «эволюционной трансформации». Не слишком ли долго придется ждать? Иван объяснил причины расхождений с младороссами словами Юрия (в статье «Четыре года»): «В этих программах он вычитал и советскую систему, и советскую рекламу, и партийную милицию, и партийные ячейки. Вывод был весьма свирепым: «Нужно ухлопать, пока не добрались до власти, потом будет труднее». Очевидным было и другое: бежать из СССР и попасть в объятия «второй советской партии» — было бы политическим нонсенсом!

Каждый из Солоневичей имел, как говорят сейчас, свой «проект» на жизнь в эмиграции. Иван собирался издавать газету, поведать Русскому Зарубежью правду о Советском Союзе. Борис мечтал об активном участии в эмигрантской политической жизни и борцовских турнирах (для заработка). Идею налаживания газеты он воспринял с энтузиазмом. Наконец-то их имена зазвучат во всю мощь! Юрий хотел поступить в художественную академию. Отец поддерживал его: «Нашей газете потребуется хороший художник»...

Борис (по собственной инициативе) стал «министром внешних сношений» семьи Солоневичей. Он писал письма, заводил контакты, «зондировал почву». Иван погрузился в работу над «Россией в концлагере», почти не отвлекаясь на побочные дела, считая, что его будущая книга о «лагерной

жизни» в СССР поможет им преодолеть недоверие Русского Зарубежья. Иван вспоминал позднее: «Мы только что попали в Гельсингфорс. У меня в прошлом весьма обстоятельная политическая школа и весьма ясно выраженное желание: раньше посмотреть и только потом ввязываться в какие бы то ни было эмигрантские дела и организации. У Бориса политической школы никакой, ни на копейку, и нрав, исключительный по своей подвижности: куда бы влезть? — неважно зачем. Я сидел и писал, Борис куда-то влазил — не очень ясно знаю, куда именно»¹.

Настороженность, эгоистичность, а порой и недоброжелательность «русской белой колонии» в Финляндии Солоневичи воспринимали без особых переживаний. У них были свои планы, заискивать перед эмиграцией они не собирались. Резидентура НКВД в Гельсингфорсе сообщила в Москву, что в тройке беглецов только Борис «проявляет повышенную инициативность», налаживая «рабочие контакты» и с НСНП², и с РОВСом и с другими организациями, а Иван Солоневич «связей с активной эмиграцией не ищет и не поддерживает».

Информации о «спортсменах» на Лубянку поступало все больше, и потому в середине октября 1934 года в ИНО было заведено дело «по освещению преступной деятельности «спортсменов» за рубежом». Инициатива исходила от начальника ЭКО ГУГБ Миронова и начальника 6-го отдела ЭКО Ильичко. Они направили служебную записку руководителю ИНО Слуцкому, в которой просили активизировать разработку Солоневичей и установить за кордоном бывшую жену Солоневича — Тамару Прцевоцни — с целью налаживания за нею агентурного контроля.

Из ИНО в ГУЛАГ был направлен запрос в отношении «обстоятельств побега» Солоневичей, подписанный начальником 6-го сектора Панкратовым. Другой запрос — в ОО и УСО ГУГБ НКВД — подписал сам Слуцкий: «Просим сообщить о наличии материалов на Бориса Солоневича...»

¹ См. статью Солоневича И.Л. «Пути, ошибки, итоги».

² НСНП (НТСНП). — Национальный (Трудовой) Союз Нового Поколения, — политическая организация праворадикального толка, имевшая наиболее прочные позиции в Югославии, Франции и Польше.

«Управление лагерей и трудпоселений НКВД.
Особоуполномоченный НКВД тов. Фельдман
Зам. нач. ИНО ГУГБ т. Берману

В начале октября 1934 года нами из ИНО ГУГБ было получено сообщение, что в белоэмигрантской газете «Последние Новости» напечатана информация о бегстве за границу из Беломорско-Балтийского лагеря НКВД заключенных Солоневича Ивана Лукьяновича и Солоневича Юрия Ивановича (отца и сына) и из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Бориса Лукьяновича (брата первого).

Произведенной проверкой установлено, что заключенные Солоневич И.Л. (осужденный 28.XI.33 года по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) и Солоневич Ю.И. (осужденный тогда же по ст. 58/10 и 59/10 УК на 3 года) отбывали меру социальной защиты в Белбалтлаге и, работая первый в качестве инструктора физкультуры Культурно-Воспитательного отдела ББЛ, а второй — слушателя курсов дорожного строительства, 17 июля с.г. подали на имя зам. начальника Управления ББЛага НКВД т. Радецкого, ныне работающего в Управлении Пожарной охраны НКВД, рапорт о разрешении им командировки в гор. Кемь для подготовки и проведения спортивных соревнований.

Тов. Радецкий эту командировку разрешил, не поставив об этом в известность аппарат 3-го отдела ББЛага, который вследствие этого не мог обеспечить Солоневичей должным наблюдением на время их командировки.

Солоневичи под видом проведения указанной работы 28 июля с.г. совершили побег и ушли за кордон.

Для сведения ИНО ГУГБ сообщая, что данные о бегстве из Свирских лагерей НКВД заключенного Солоневича Б.Л. также подтвердились. Солоневич Б.Л. (осужденный по ст. 58/6, 10 и 59/10 УК на 8 лет) также в конце июля с.г., несмотря на возражения 3-го отдела, был послан администрацией лагерного пункта в командировку, откуда и совершил побег за кордон.

Нами дано распоряжение о привлечении к судебной ответственности всех виновных в допущении побега и несвоевременного объявлении розыска Солоневичей (за исключением т. Радецкого, ныне работающего в Главном Управлении Пожарной охраны НКВД).

Начальник ГУЛАГ и трудпоселений НКВД *Фельдман*».

О побеге Солоневичей зам. нач. ИНО Борис Берман¹ узнал задолго до поступления первых сводок из резидентур. Родной брат Матвей Берман², который с 1932 года возглавлял Главное управление лагерей НКВД, сообщил о «пропаже» братьев по «ВЧ» и предупредил, что они могут принести «много неприятностей», оказавшись за границей. В том, что они там окажутся, Матвей почти не сомневался: это бывшие скауты, спортсмены, и, без всякого сомнения, к побегу подготовились лучшим образом. Брат просил принять необходимые меры по линии ИНО, чтобы Солоневичи не стали новыми «героями» белой эмиграции: «Придумай что-нибудь, ГУЛАГу лишняя шумиха не нужна». Борис Берман обещал придумать и лично запросил дела, по которым проходили Солоневичи...

Уже в первые недели пребывания в Гельсингфорсе Иван понял, что заработать на жизнь «пером» в Финляндии будет нелегко, вернее — невозможно. Финны не хотели «откровенной» антисоветской работы на своей территории, о чем Иван был предупрежден в мягкой, почти извиняющейся манере.

В октябре Иван Солоневич встретился с Татьяной Васильевной Чернавиной. Она вместе с мужем и сыном-подростком бежала в Финляндию несколькими годами раньше. Солоневичу было интересно обменяться с ней опытом и посоветоваться насчет рукописи. Чернавина к тому времени написала и издала несколько книг, совершила лекционное турне по Европе и могла поделиться впечатлениями, не слишком оптими-

¹ Берман Борис Давыдович (1901—1939). Трудовую деятельность начал в 1912 г. в частных магазинах г. Читы. С 1921 г. в органах госбезопасности — сотрудник Иркутского губотдела ГПУ. С 1923 г. — в центральном аппарате ОГПУ. В 1931 году был направлен в резидентуру ИНО в Берлине. В 1934—1937 гг. являлся зам. начальника ИНО, а в 1937—1938 гг. наркомом внутренних дел БССР и одновременно начальником ОО ГУГБ НКВД. Был репрессирован в 1939 г. Не реабилитирован, поскольку в период работы Бермана в Белоруссии там были осуществлены наиболее масштабные репрессии (до 60 тыс. человек).

² Берман Матвей Давыдович (1898—1939). В органах ВЧК с августа 1918 г. В 1930 г. после работы на периферийных участках был переведен в центральный аппарат ОГПУ и назначен зам. начальника Главного управления лагерей ОГПУ. С 1932 г. — начальник ГУЛАГа, одновременно зам. наркома внутренних дел. Был репрессирован и расстрелян в 1939 г. Реабилитирован в 1957 г.

стическими, о зарубежной жизни. Она дала Ивану ряд полезных советов и предупредила о сложностях, возникающих при «налаживании взаимоотношений» с эмиграцией. Сама Чернавина держалась в стороне от эмигрантской среды, предпочитала издаваться на иностранных языках:

«Вы, Иван Лукьянович, человек талантливый, вы умеете и наблюдать, и писать. Бросьте всякие мечты об эмиграции. Это — болото. Оно вас засосет и загадит. Работайте для иностранцев. Это тоже будет антибольшевистская работа — и более спокойная, и более нужная, чем работа среди эмиграции. Поверьте мне: я объехала почти всю Европу, и я знаю эту публику — безнадежное дело».

Солоневич не прислушался к совету и сделал все возможное, чтобы понять эмиграцию, сработаться с ней и повлиять на нее...

В парижских русских кругах эпопея побега Солоневичей вызвала, в основном, восторженную реакцию. В числе первых, кто проявил инициативу и поздравил их с «обретением свободы», был Александр Иванович Гучков. Через Чернавину он направил Солоневичам письмо¹.

Иван серьезно отнесся к подготовке ответа, понимая, что от его содержания и убедительности, будет многое зависеть. Ответ был направлен в Париж 25 октября:

«Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Татьяна Васильевна Чернавина переслала мне Ваше письмо от 23 сентября, которое через Лондон и Берлин я получил

¹ Поводом к письму Гучкова была небольшая статья Т.В. Чернавиной «Новые беглецы из СССР» в газете «Последние новости» (27.09.34). С этой статьей Гучков ознакомился еще до публикации. Чернавина, в частности, писала: «Все они — «казры», «контра» — только по статьям, которые к ним применило ГПУ. Старшие приняли революцию и работали на нее все то время, которое советская власть оставляла их на свободе; младший (Юрий) вырос в революцию и другого строя не знал. И все эти люди были поставлены в такое положение, что им оставалось одно: идти под обстрел, скрываться в леса, забиваться в кусты, отлеживаться в тростниках, 16 дней вести звериную жизнь, лишь бы ценой потери родины и всего, что у человека есть личного на родине, спасти свое существование на воле. Простая это вещь, воля, а что значит стремиться к ней — острее и больнее всего знают, может быть, именно граждане СССР».

только вчера. Я очень тронут тем, что после стольких лет и событий есть люди, которые не забыли нашу фамилию. Вы, Александр Иванович, вероятно, помните моего отца, Лукьяна Михайловича, издателя «Северо-Западной Жизни», одного из деятелей «столыпинского блока» на Северо-западе в предвоенные годы. Я — его старший сын, бывший сотрудник «Нового Времени» и «Вечерних Огней» (Киев, в эпоху Добровольческой армии). Мой младший брат Борис провел добровольческую эпопею на Кубани, работал там в «Единой Руси» и «Свободной Речи» и, возможно, что Вы его помните по этой работе.

В своей заметке о нас Татьяна Васильевна несколько «смягчила краски» в смысле нашей аполитичности: брат провел много лет в тюрьмах, Соловках и ссылке, да и все мы трое были арестованы и попали в концлагерь за попытку бегства за границу. Следовательно, о «советской лояльности» нечего и говорить. Сейчас мы находимся в Гельсингфорсе с несколько туманными перспективами на будущее...

В настоящее время я заканчиваю серию очерков: попытка бегства, арест ГПУ, концентрационный лагерь и бегство (готово около 7 печатных листов). Мой подход к описанию концлагеря несколько иной, чем у Т.В. Чернавиной. Меня концлагерь интересует не как место моих собственных переживаний — каковы бы они не были, а как отражение советской жизни и советского быта вообще, судьбы крестьянства, интеллигенции, рабочих, их политические настроения (они, впрочем, однотипны: дай Бог войну)... Я еще не знаю, куда именно пошлю эти очерки. Есть несколько предложений от русской и иностранной прессы (швейцарской), и я был бы очень благодарен Вам за совет на эту тему: в существующих группировках эмигрантской общественности и печати мы еще не очень разбираемся. Я знаю языки — французский, немецкий и английский, и на первых двух могу выступать с публичными докладами. С английским — труднее. Кстати, доклад можно было бы иллюстрировать диапозитивами...

Здесь, в Гельсингфорсе, нас держат, так сказать, «в ватке». До сих пор не разрешили ни одного публичного выступления, опасаясь трений с «могущественным соседом на Востоке»... Если бы была хоть какая-нибудь возможность вырваться отсюда из-под трогательно-заботливого крылышка финской полиции, — я мог бы дать картину Советской Рос-

сии так, как она есть, — в целом и в таких масштабах, в каких, я имею основания полагать, никто до сих пор не давал и дать не мог...

Я не очень ясно представляю себе, какое содействие Вы могли бы нам оказать. Наше материальное положение, конечно, отчаянное, но возможность выбраться на свет Божий, на литературную и политическую работу все же важнее всего. Я пока что хлопочу о визах в Германию, где у меня есть кое-какие связи, и этот вопрос должен выясниться в ближайшие дни. Но о положении русской эмиграции в Германии я имею лишь очень туманное представление.

Вместе со мной бежал мой сын Юрий. Сейчас ему 19 лет. Он в совершенстве владеет немецким языком, слабее — английским и французским, работал последний год «на воле» помощником кинорежиссера Роома и хочет специализироваться в этой области, но боюсь, — без всяких объективных возможностей.

С большим нетерпением будем ждать Вашего ответа.

Искренне преданный Вам *Ив. Солоневич*».

Гучков был рад появлению «свежих людей» из Советского Союза и, несмотря на прогрессирующую болезнь, принял самое живое участие в их судьбе. Много усилий он затратил на получение виз для Солоневичей во Францию. Его переписка с властями по этому поводу составила увесистый том.

Зам. уководителя ИНО Слуцкий так оценил сложившуюся ситуацию:

«Судя по письму Ивана, направленному Гучкову, братья не хотят прозябать в Финляндии. Гучков, несомненно, приложит все усилия, чтобы заполучить их в Париж и использовать в своих целях, точно так, как он это проделал со многими. Солоневичи, приехав во Францию и ознакомившись на месте с действительным положением вещей, очень скоро увидят, что РОВС (не значит) ничего, а Гучков — величина, после чего, мягко выражаясь, братья наплюют на РОВС и уйдут из-под его контроля. Это вполне реальная перспектива, и к тому же более неприятная, чем с Чернаввиной, Трениным и другими. Если судить по материалам, прошедшим через нас, Солоневичи будут поумнее их.

Нельзя ли как-нибудь в порядке медового месяца нашей дружбы с французами помешать приезду Солоневичей в Париж?»

Материальное положение Солоневичей налаживалось с большим трудом, и чтобы выжить в холодную зиму 1934—1935 годов, они вынуждены были «пойти в грузчики». Работу им устроил, не без некоторых колебаний, старый эмигрант, капитан 2-го ранга Никонов, который руководил бригадой на причале Гельсингфорского порта. Солоневичи показались Никонову слишком «интеллигентными» для такой работы.

Для погрузо-разгрузочных работ троица экипирована была не лучшим образом: в продуваемых ветром пальто, шляпах, без перчаток, и все трое — в очках. По воспоминаниям Ивана: «Наше появление вызвало молчаливые и недоуменные взгляды: это что еще за цирк?» Тем не менее, финские «коллеги» приняли новичков доброжелательно, снабдили рукавицами и шапками, угостили шоколадом и сигаретами, помогли освоить местную «технику процесса» погрузки и разгрузки. Во время «перекуров» финны с интересом слушали рассказы Ивана и Бориса о жизни в Советском Союзе, о причинах, побудивших их к побегу, и многом другом. «Не знаю, о чем говорили и вспоминали они, — отметил Иван Солоневич в книге «Диктатура слоя». — Но среди этих людей, чужих нам по всем социальным, экономическим и национальным признакам, мы проработали почти всю зиму. Я рассказывал о том, что вот я пишу воспоминания о моей советской жизни и, если они появятся в печати, мы, наконец, бросим работу. Финны сочувственно, но скептически кивали головами. Работать в порту и одновременно писать книгу — было, конечно, очень трудно».

Помогали советы Бориса. Лагерные «университеты» были у него более солидными. Он сумел уцелеть в Соловках, пережил ссылку в Сибирь. И все же Борис безоговорочно уступил «право на книгу» старшему брату, понимая, что предложенная тем «концепция» рукописи, новые страницы которой они почти ежедневно обсуждали, была куда более глубокой и компрометирующей для правителей СССР, чем просто «драматизированный рассказ» очередного свидетеля-страдальца о лагерных муках. Многие сюжеты, которые Иван использовал

в своем труде «Россия в концлагере», возникли во время их бесконечных ночных дискуссий на «лагерные темы».

Иван считал, что должен быть пристрастным в своем повествовании и, вместе с этим, не делать акцента на лагерных ужасах, муках и страданиях. Об этом уже не раз писалось. В предисловии к книге Иван подчеркнул: «Факт моего бегства из СССР в некоторой степени предопределяет тон и моих «свидетельских показаний». Но если читатель примет во внимание то обстоятельство, что и в концлагерь-то я попал именно за попытку бегства из СССР, то этот тон получит несколько иное, не слишком банальное объяснение: не лагерные, а общероссийские переживания толкнули меня за границу»¹.

Общероссийские переживания! Широкий фон повествования, наглядная демонстрация на богатом автобиографическом материале того, что лагерная жизнь являлась концентрированным отражением тех процессов, которые были характерны для Советского Союза.

Борис в это время тоже писал — аналитические справки об СССР для штаб-квартиры РОВСа в Париже. Их содержание он обсуждал с братом, понимая, что читатели в РОВСе будут искать «нестыковки», неточности, умолчания и мало ли что еще, когда книга Ивана будет опубликована. Братья не сомневались, что у РОВСа есть подозрения в их адрес. Поэтому элементарная предосторожность, — не противоречить друг другу! — не помешает.

Над справкой «Концентрационные лагеря ОГПУ и использование их как плацдарма для восстания» Борис работал особенно тщательно. Вступительную часть к этому материалу — «Что такое концлагерь?» — написал по его просьбе Иван. Эта главка, по сути, является квинтэссенцией содержания его книги «Россия в концлагере»:

«В лагере, в сущности, все почти, как на воле. Если расстреливают в лагере, то ведь расстреливают и на воле. Если в лагере мрут с голода, то едва ли больше, чем на воле. Энтузиазм строителей ББК, о котором в прошлом году так много писалось в советской печати, имеет то же происхождение, те же корни и те же формы, что и на воле. Основные социальные группы нынешнего российского населения — крестьян-

¹ Солоневич И.Л. Россия в концлагере. С. 14.

ство, пролетариат и интеллигенция — становятся в лагере на то же место и в такие же условия и взаимоотношения, что и на воле. Разница заключается почти только в том, что вся основная структура советской действительности на воле запутана целой массой всякого рода «идеологических надстроек», декораций и фиговых листков. В лагере же она, структура, выступает в чем мать родила. Лагерь, таким образом, является наглядным, упрощенным, так сказать, разборным пособием для изучения всей внешней кажущейся путаницы советской власти вообще.

Нужно иметь в виду, что концлагерь давно перестал быть местом заключения и истребления нескольких десятков тысяч контрреволюционеров, какими были, а в некоторой степени остаются и теперь, Соловки. Лагерь стал хозяйственным предприятием по эксплуатации даровой рабочей силы и эксплуатации ее в тех местах, куда эта рабочая сила, если бы и пошла добровольно, то разве уже за очень большие деньги. Эти хозяйственные соображения сыграли большую роль в росте «лагерного населения» (официальный термин). Они, во-первых, политику истребления заменили политикой эксплуатации, правда, совершенно беспощадной эксплуатации, но все же не просто истребления. И, во-вторых, они «на базе коллективизации» довели количество «лагерного населения» до неслыханной величины».

Юра жаждал общения со сверстниками и вскоре после приезда в Гельсингфорс вступил в Союз Русской Молодежи. Программные установки Союза («не хотим упадничества и денационализации») полностью одобрил отец. «Мы являемся той, до известной степени парадоксальной молодежью, — говорилось в программе, — которая, выросши за границей, смутно помня Россию, настолько крепко связана с ней какими-то незримыми нитями, настолько полна тем, что теперь принято называть «русскостью», что для нас является органически невозможным раствориться ни в какой иноземной культуре. Нам труднее жить, чем людям, забывшим, что они были русскими, легче быть обывателем, но у нас есть то, чего нет у них. У нас есть вера в Россию, вера в ее грядущее восхождение»¹.

¹ Из обращения «К молодежи». См.: Журнал «Содружество», № 9 (21), сентябрь 1934.

В рамках просветительской деятельности Союза Юра выступил с «персональным» докладом¹. Тему выступления он сформулировал так: «Анализ содержания повести Бабеля «Конармия» в свете реальных событий гражданской войны». Вывод докладчика был таков: «Правда о гражданской войне в современной России никому не нужна. Поэтому автор и его произведение — обречены».

Солоневичи не переставали удивляться «изобилию» советского в Финляндии и терпимости властей к этому. Везде свободно продавались советские книги, газеты, журналы и граммпластинки, ставились спектакли по пьесам советских писателей. В сезоне 1935 года популярностью у эмигрантов пользовалась постановка по пьесе Валентина Катаева «Дорога цветов». В кинотеатрах шли советские фильмы (их периодически повторяли, по просьбам зрителей) — в том числе, «Гроза», «Веселые ребята», «Рейд «Челюскина».

«Такое ощущение, что мы по-прежнему находимся в Советском Союзе, — заявил Юра, вернувшись с «культпохода» членов Союза Русской Молодежи в кинотеатр «Руайль». — Сплошной апофеоз!» И тут же признал, что преувеличивает, прочитав вслух рецензию на этот фильм в журнале «Содружество». Написать *такое* в СССР было бы невозможно: «Если бы не гнусавый голос советского толмача, объясняющего зрителю, что челюскинцы достигли того, что достигли, лишь благодаря «большевицким темпам», «большевицкому руководству», если бы не изредка мелькающая богомерзкая физиономия Куйбышева, председателя комиссии по спасению челюскинцев, — фильм этот оставил бы цельное, радостное впечатление. Жив русский дух, несмотря на все ухищрения кремлевских заправил»².

Чтобы не повторять того, что было уже написано беглецами из Советского Союза ранее, Иван усиленно знакомился с трудами предшественников. Позже он вспоминал:

«Я ухватился за иностранную и эмигрантскую литературу об СССР. В Гельсингфорсе была очень культурная русская

¹ Доклад был прочитан 22 января 1935 г. в Белом зале Клуба общества «Русская колония в Финляндии».

² «Содружество», № 11 (23), ноябрь 1934 г.

колония. В университетской библиотеке можно было достать почти все о России и СССР. И все то, что я прочел, как-то изменило мои литературные планы. Еще сидя в полиции, я начал писать «Россию в концлагере», рассчитывая на брошюру страниц в сто. Вместо нее вышло два тома. Предшествовавшая литература об СССР меня как-то не устраивала. Почти все, что было написано с, так сказать, контрреволюционной стороны, было фактически правильно. Фактически правильными были разоблачения о страшном режиме Соловков, о пытках и казнях, о терроре, о голоде. Все это было верно, но все это было не все: под страшным давлением террористического аппарата советов шла какая-то иная жизнь. Если был террор, то были и поводы для террора: никакое ведь правительство не станет организовывать террор исходя из чисто садистских соображений. Если было «действие» террористического аппарата, то ведь было и какое-то «противодействие» ему, иначе террор, исчерпав и истребив своих «классовых врагов», погас бы просто за отсутствием горючего материала, уперся бы в тупик. Но годы шли, и террор все усиливался и усиливался — процесс, который продолжается и до сих пор. Но если усиливается террор, то это может означать только одно: усиливаются факторы, вынуждающие власть к террору»¹.

В эмигрантской литературе Ивана заинтересовали материалы, в которых рассказывалось о деятельности НКВД за рубежом. Чекисты с размахом работали по антисоветским организациям, особенно тем, которые проводили (или пытались проводить) боевую работу (террор и акции саботажа) на советской территории. Многочисленные публикации, посвященные истории «Треста», «Синдиката», похищения Кутепова, стали для Солоневича тревожным доказательством того, что эмиграция, в первую очередь военная ее часть, уязвимы для провокаций ГПУ-НКВД. Еще со времен Дзержинского Лубянка сумела пронизать эмиграцию агентурой и имела достоверную картину ее внутренних слабостей, противоречий и конфликтов.

Некогда боевые офицеры под влиянием ностальгии, патриотических обращений родственников («надо помочь новой

¹ Солоневич И.Л. Контуры будущего. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М.: 2003. С. 304—305.

России!»), тяжелых условий жизни, моральной деградации и по многим другим причинам шли на сотрудничество с чекистами. Солоневич считал бесполезным и даже вредным для долгосрочных интересов эмиграции организацию публичных кампаний по выявлению провокаторов и агентов ГПУ-НКВД в ее рядах. За месяцы и годы пребывания в Финляндии Иван понял, опираясь на свой небольшой заграничный опыт, что шпиономания, подозрительность, наветы, — это страшные и неизлечимые пороки эмиграции, нередко ставящей клеймо предателя на случайные жертвы оговоров и провокаций.

Показательным для Солоневича было дело Кутепова. Столько публикаций, столько версий, столько имен подозреваемых, бездоказательно названных, и, в итоге, ничего определенного, могущего разрешить тайну похищения, если не считать названия улицы, на которой генерала в последний раз видели живым. Иван внимательно проштудировал статью В. Бурцева «Кутепова убили большевики. К пятилетию со дня похищения», опубликованную в 5-м номере журнала «Иллюстрированная Россия» за 1935 год. «Охотник за провокаторами» был прав, заявив, что выяснение всех обстоятельств этого дела — «общенациональная задача», скорее всего, был он прав и в том, что следы ведут в советское полпредство:

«Мы с уверенностью можем назвать имена некоторых организаторов похищения Кутепова и их укрывателей в Париже с рю де Гренель¹. В организации похищения ближайшее участие принимали большевицкие агенты: в Берлине — д-р Гольштейн, в Париже — Янович и его жена, Гельфант, ныне ответственный член при большевицком посольстве в Италии, Эллер и другие. Можно установить, с кем прямо или косвенно они были в то время связаны в Париже. Известно, что преступники некоторое время, сколько им надо было, продолжали спокойно жить в Париже, а затем уехали в СССР».

По мнению Бурцева, причиной ликвидации Кутепова были его планы по масштабной реорганизации борьбы с большевиками, налаживанию внутриэмигрантского «антибольшевицкого сыска». На эти цели Кутепов, по утверждению Бурцева, «получил крупную сумму» (источник денег назван не был, но вполне очевидно, что от одной или нескольких разведок европейских стран). Все это крайне «встревожило большевиков и их агентов».

¹ Улица, на которой находилось посольство СССР.

В статье прямо указывалось, — и это больше всего поразило Солоневича, — что ликвидация Кутепова — результат «двойной провокации, которой все годы эмиграции были заняты в РОВСе, начиная с Константинополя и Болгарии, — в том числе сам Кутепов». По этой причине Бурцев считал необходимым поднять все аналогичные дела, включая чекистский «Трест» и похищение Савинкова. Больше всего внимания «охотник за провокаторами» рекомендовал уделить деятельности «двойных агентов», которых использовали большевики, проводя операцию в отношении Кутепова. Бурцев назвал два имени: поручика Арапова, евразийца, и полковника Зайцева, который был «правой рукой» Кутепова, тоже евразийцем. Бурцев указал и на существование «спецгруппы» НКВД, прибывшей в Париж: «Кутепов был убит... профессиональными убийцами из специальной организации КРО, действовавшими за границей по поручению большевиков, с ведома их агентов на рю де Гренель».

Из всего прочитанного Иван заключил, что в РОВСе окопались «двойные агенты», идентификацию которых затрудняло то, что руководство Союза использовало их в своих собственных целях. По мнению Солоневича, «двойные агенты» и чекистские провокации в рядах РОВСа были настолько взаимосвязаны, что каких-либо гарантий того, что они не повторятся — не было. Своими выводами Иван поделился с Борисом, и тот, согласившись с тем, что чекисты в Союзе есть, сказал с самонадеянной уверенностью: «На нас они сломают зубы...»

Дело Кутепова интересно тем, что в нем фигурировал генерал Б. Штейфон¹, уличенный впоследствии в распространении

¹ Штейфон Борис Александрович (1881—30.04.1945) — генерал-майор, видный военный теоретик эмиграции. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. После Октябрьской революции возглавлял «Добровольческий центр» в Харькове. Служил в армии Врангеля, частях Кутепова. После эвакуации из Крыма был комендантом лагерей в Галлиполи. В эмиграции жил в Румынии, Болгарии, Югославии, Франции, Германии. Работал в РОВСе в 1921—1926 гг. Во время Второй мировой войны руководил Русским корпусом в Сербии, весь состав которого в 1942 г. принял присягу на верность Гитлеру. Был произведен в генерал-майоры вермахта. Скоропостижно скончался в г. Загребе (Хорватия).

нии слухов о связях Ивана Солоневича с НКВД. Делал ли он это по собственной инициативе, выполнял ли чье-то задание или просто повторял слухи, установить «эмигрантским следователям-любителям» не удалось. Имя Штейфона некоторые эмигрантские авторы иногда упоминают в «сомнительном контексте», словно давая понять, что точной информации о его связях с НКВД нет, но «косвенной» — предостаточно. В этом отношении судьбы Солоневича и Штейфона в чем-то перекликаются...

Иван изучил все доступные материалы, связанные с делом Кутепова, но так и не докопался до его скрытых пружин. Не помог и «советский опыт». Операцию по похищению и «вывозу» Кутепова начали готовить в ОГПУ летом 1929 года. «Добро» на нее дал Сталин. Генерал доставлял много беспокойства: под его началом РОВС активизировал заброску боевиков для проведения террористических актов, причем жертвами неизменно намечались руководители советской власти и ОГПУ. Чекисты боевиков выявляли и нейтрализовывали, но в таком чреватом неожиданностями деле, как борьба с террором, стопроцентной надежды на постоянный успех не было. Вывод Кутепова из игры давал, по меньшей мере, возможность передышки. Операцию в Париже возглавил начальник 1-го отдела ИНО Я. И. Серебрянский, отвечавший за нелегальную разведку и акции «ликвидационного» характера. Вместе с ним в начале марта 1930 года отправился во Францию начальник контрразведывательного отдела ГПУ С.В. Пузицкий.

Чтобы ввести в окружение Кутепова агентов, ОГПУ создало две легендированные группы: «Северокавказскую военную организацию» (СКВО) и «Внутреннюю русскую национальную организацию» (ВРНО). Эмиссары первой из них — СКВО — были представлены в Румынии генералам Б. Штейфону и А. Геруа и произвели положительное впечатление: деловые, решительные офицеры, готовые на самопожертвование ради России и монархии. Сигуранца, не слишком церемонясь с мнением генералов, решила «подключиться» к работе с эмиссарами, румыны тоже хотели иметь своих «глаза и уши» на советской территории. Такой поворот событий вынудил ОГПУ скорректировать цель операции, «ориентировать» СКВО на балканский регион, на внедрение агентуры в эмигрантские круги в Румынии, Болгарии и Югославии.

Более перспективно, по оценкам Лубянки, развивалась операция по внедрению в штаб-квартиру РОВСа «эmissаров» ВРНО. В начале января 1930 года в Берлин прибыли представители организации — полковники Попов и де Роберти. Последний в 1918 году был начальником штаба Кутепова в Новороссийске, и генерал всегда вспоминал о нем как надежном и честном офицере. Тем не менее «Внутренние националисты» Кутепову доверия не внушали: слишком отдавало чекистским «Трестом»! Официальным представителем ВРНО в Париже был генерал П.П. Дьяконов, которого Кутепов подозревал в предательстве еще со времен Кронштадтского восстания, считая, что именно он передал большевикам материалы секретной переписки лондонского центра заговорщиков с восставшими. Однако приглашение на встречу с эмиссарами ВРНО к Кутепову поступило не от Дьяконова, а от Штейфона, и это несколько успокоило генерала. Для проверки ситуации «на месте» в Берлин выехал начальник контрразведки РОВСа полковник А. Зайцев, который ничегостораживающего в поведении эмиссаров не заметил.

В середине января 1930 года в германской столице Кутепов встретился с Поповым и де Роберти. Первоначально все проходило по плану, намеченному в Москве. Зная, что Кутепов с недоверием относится к тем, кто выступает против террора как средства борьбы с советской властью, эмиссары, следуя инструкциям Лубянки, высказались за «активную стратегию» борьбы, направление в Россию максимального количества боевых групп для участия в восстаниях, «запланированных» их организацией на весну 1930 года. Предложение для Кутепова было столь же заманчивым, как и неожиданным.

На следующий день, во время встречи, проходившей в ресторане, произошло неожиданное: де Роберти, воспользовавшись отлучкой напарника, признался бывшему начальнику, что они с Поповым работают «под контролем» ОГПУ и что их организация — фикция, чекистская приманка. Де Роберти заявил, что цель всего этого «маскарада» — подготовка похищения его, Кутепова. Генерал, сердце которого в последние два-три года заметно пошаливало, сумел справиться с нервами и ничем не выдал своего волнения, когда за стол вернулся Попов. Прощаясь, договорились о согласовании дальнейших действий через Дьяконова.

На обратном пути во Францию Кутепов с подчеркнутым хладнокровием рассказал о том, что случилось, полковнику А. Зайцеву, а в Париже — князю С. Трубецкому и порученцу М. Критскому. Дьяконова в это время в Париже не было, он по собственной инициативе днем раньше выехал в Берлин, чтобы обсудить условия связи с Поповым. Именно там из сообщений прессы Дьяконов и «эmissары» ВРНО узнали об исчезновении Кутепова. Де Роберти был уверен, что генерал после его откровений укрылся на конспиративной квартире, чтобы переждать опасное время. Дьяконов и Попов были в растерянности: случилось что-то непредвиденное, причем сразу же после пребывания Кутепова в Берлине. Нет ли здесь какой-либо связи?

В парижской резидентуре таких сомнений не было. Там уже знали, что утечка произошла в Берлине. Откровения Кутепова о разговоре «тет-а-тет» с де Роберти ускорили роковой для генерала исход. После обсуждения сложившейся ситуации на явочной квартире Серебрянский, Пузицкий и резидент Кузьмин приняли решение: надо срочно действовать! Кутепова все еще можно застать врасплох.

Чекисты узнали, что Кутепов собирается побывать на панихиде по умершему генералу Каульбарсу в Галлиполийской церкви, которая находилась в 20—25 минутах ходьбы от его дома. Чтобы облегчить задачу по захвату, через нелегального сотрудника «группы Яши» Николая Фихнера генералу была вручена записка о необходимости срочной встречи. Условия ее были «подогнаны» под вероятный маршрут Кутепова к Галлиполийской церкви и времени проведения панихиды. Когда речь шла о делах оперативных, генерал по конспиративным соображениям охрану с собой не брал. Это тоже было принято в расчет.

Генерал был похищен на улице Удино 26 января, в воскресенье, около 11 часов дня. На назначенную ему встречу никто не пришел, и Кутепов после десятиминутного ожидания направился в сторону церкви. Неожиданно его остановили два «французских полицейских» под предлогом проверки документов. Обнаружив какие-то «несоответствия», ажаны предложили генералу отправиться в участок, и он после короткой перепалки и раздраженных реплик о том, что не является бродягой, сел в автомашину серо-зеленого цвета. Кутепов

понял, что попал в ловушку, только после того, как рядом с ним заговорили по-русски. Он пытался вырваться наружу, но «полицейские», сидевшие рядом, были начеку. Кутепова схватили за руки и сделали ему укол «усиленной дозы» морфия. Генерал сопротивлялся еще несколько секунд, потом резко обмяк, произнес что-то нечленораздельное и потерял сознание. По одной из имеющихся версий, он умер в автомашине на пути к конспиративной квартире, где его собирались на время укрыть.

Похитители отвезли тело Кутепова в предместье Парижа в дачный домик одного из участников операции. Ночью при тусклом свете фонарей вырыли глубокую яму, которая стала последним прибежищем белого генерала...

Начальник контрразведки РОВСа полковник Зайцев поднял на ноги всех активных сотрудников Союза. Был прочесан Париж и пригороды, велось усиленное наблюдение за советскими учреждениями и их сотрудниками, но все было безрезультатно. Французская полиция подключила к поискам свою агентуру, в первую очередь в эмигрантских кругах (отрабатывалась версия личной мести генералу), опросила руководителей РОВСа, обследовала порты на атлантическом побережье: предполагалось, что Кутепова вывезли на советском пароходе. Генерал как в воду канул!

В то время в Париже по личным делам находился Штейфон. По странному стечению обстоятельств, как раз 26 января, во второй половине дня, он посетил квартиру Кутепова, став очевидцем развития событий после исчезновения генерала. По некоторым свидетельствам, Штейфон делал все возможное, чтобы жена Кутепова не торопилась с розысками, мотивируя это тем, что «генерал задерживается по служебным делам». В письме другу Геруа, направленном в Бухарест 27 числа, Штейфон, не слишком вдаваясь в подробности, сообщил: «Вчера неожиданно при невыясненных обстоятельствах исчез А.П. Кутепов. Он вышел утром в церковь, никуда не предполагая заходить, никому не назначил свидания и условился с женой, что после обеда в час дня они всей семьей отправятся в город»¹.

¹ Письмо цит. по статье В. Старосадского «Карающий меч разведки» // Новости разведки и контрразведки, 18.11.05.

Слух о «пропаже Кутепова» мгновенно распространился среди эмиграции. Детали происшествия передавали из уст в уста, и вскоре «общая схема» похищения стала известной всем. Один из «летописцев» «русского Парижа» изложил ее таким образом:

«Среди бела дня, 26 января 1930 г., на улице Удино, где находилось французское Военное Министерство, к Кутепову подошел полицейский в форме и очень вежливо, отдав честь, попросил генерала на минутку в комиссариат. Тут же было взято такси. Генерал сел. Ему был наброшен этим полицейским, севшим вместе с ним, платок с хлороформом. Генерал пытался сопротивляться, и потом замер. Такси помчалось. Выехало из Парижа, и след его впоследствии был прослежен до моря, где генерал, живой или мертвый, был посажен на советский пароход, который и отчалил. И концы в воду»¹.

По обычной для эмиграции схеме в ее рядах началась истерия, связанная с поисками «агентов ГПУ», обвинениями, контробвинениями, анонимными доносами, склоками и громкими заявлениями типа «я совершенно точно знаю, кто это сделал». Редактор газеты «Возрождение» Семенов включился в кампанию «разоблачений» и обвинил генерала П. Дьяконова в предательской работе на ГПУ. Дьяконов подал на Семенова в суд и выиграл дело, доказав, что он не был знаком с Кутеповым, а в день похищения находился в Берлине. Семенову пришлось приносить извинения. Впрочем, не смирившись с поражением, он завел специальное досье, в которое стал собирать сведения на «потенциальных» агентов-provокаторов ГПУ-НКВД. В этом «досье» братья Солоневичи до взрыва в Софии занимали не последнее место.

В РОВСе предприняли меры для расследования обстоятельств похищения, но они носили поверхностный, откровенно любительский характер, хотя во главе внутреннего следствия стояли преемник Кутепова генерал Е.К. Миллер и его помощник генерал Шатилов. Создавалось впечатление, что они не хотелишний раз волновать русскую эмиграцию, и тем более — делать категорические выводы...

¹ Озерецковский Г. Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С. 110.

О деле Кутепова и «двойных агентах» Иван Солоневич не раз вспомнит, когда по просьбе одного из руководителей РОВСа опубликует статью в «защиту чести» генерала Н. Скоблина, причастного к другому скандальному похищению — генерала Миллера. На фоне общеэмигрантского осуждения предательской роли Скоблина позиция Солоневича выглядела подозрительно диссонирующей. Создавалось впечатление, что он «прикрывает» генерала, которого эмиграция обвинила в сотрудничестве с НКВД. Иван надеялся, что в РОВСе поймут сложность ситуации, в которой он оказался, и выступят с соответствующим разъяснением. Но этого не произошло.

«Под колпаком» НКВД и РОВСа

Пока недремлющая система НКВД набирала обороты — переписка, согласования, организация слежки и т.д., — Солоневичи осваивались в Гельсингфорсе, привыкая к «свободе и демократии», изучая условия жизни эмигрантской среды и обрстая в ней связями.

Руководящей фигурой русской колонии в Финляндии был генерал Северин Цезаревич Добровольский, 54 лет, возглавлявший финский отдел РОВСа.

В годы Гражданской войны он был военным прокурором Северной области, где сблизился с Е.К. Миллером, командовавшим тогда белой армией. Миллер высоко ценил организаторские способности Добровольского как руководителя РОВСа, всецело доверял ему, часто советовался с ним по деликатным проблемам Союза. Именно через Добровольского 2-й отдел Генштаба Финляндии сообщил РОВСу о подозрениях в адрес Скоблина. Как и Миллер, Добровольский им не поверил¹.

¹ В частности, в 20-х числах января 1934 года Добровольский принимал Скоблина у себя в Выборге. Генерал прибыл туда вместе с женой, певицей Плевицкой, совершавшей гастроль по Финляндии. Плевицкая дала концерт в пользу русских военных инвалидов мировой войны, и Добровольский от имени поклонников ее таланта вручил ей роскошный букет красных роз.

Жил генерал в Выборге, в Гельсингфорсе бывал наездами. Добровольский считал своим долгом проведение политико-пропагандистской работы среди эмигрантов, и потому едва ли не ежемесячно выступал с лекциями на актуальные темы международной жизни. Генерал увлекался фашистской идеологией, и в силу этого при любой возможности приглашал эмигрантскую молодежь на лекции по «актуальным проблемам» фашизма и национал-социализма.

Иван вместе с Юрой побывал на двух лекциях, организованных Добровольским в Гельсингфорсе. Одна прошла под названием «Восхищение и возмущение режимом наци», другая — «Фашизация России». Докладчиком по последней теме был некий Лившиц, который, опираясь на цитаты из Сталина и других советских вождей, доказал, что надежды некоторых политических эмигрантских группировок на «эволюцию» коммунистической партии в сторону фашизма не имеют оснований. Такой эволюции нет, нет и признаков, что она может произойти в будущем...

Кроме прочего, Добровольский был страстным театралом, посещал премьеры любительских групп, писал статьи на темы сценического искусства, выступал с докладами об истории русского театра¹.

К появлению «группы Солоневича» в Финляндии Добровольский отнесся настороженно. Его подозрения возросли после встречи с подполковником Мальбергом из 2-го отдела Генштаба, который назвал «легенду» братьев очень сомнительной. По этой причине Добровольский воздерживался от знакомства с братьями, регулярно осведомляясь через сотрудников обо всех аспектах их жизни. Солоневичи заметили подчеркнутое «дистанцирование» начальника РОВСа, но истолковали его как чрезмерную осторожность. В принципе, Добровольского они оправдывали: мало ли кто бежит из Советского Союза. Пусть присматривается...

Все свободное время Иван посвящал книге, «нашей книге», как он говорил Борису и Юре, или пропадал в Русской

¹ В апреле 1945 г. С. Ц. Добровольский был выдан властями Финляндии Советскому Союзу. Был приговорен судом к высшей мере. По имеющимся данным, он умер в тюрьме на Лубянке в 1947 г.

библиотеке, жадно поглощая эмигрантские газеты и журналы за послереволюционные годы. Борис активно общался с руководителями местного отделения «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП)¹, стал сотрудничать с газетой «За Родину». Он списался с Прагой и получил от руководителя организации «Сокол» разрешение на создание ее филиала в Финляндии. Местные скауты быстро попали под влияние Бориса, очарованные его энергией и общительностью. С поисками выхода на РОВС он не спешил, понимая, что «отстраненность» Добровольского — очевидный признак «нежелания» общаться с ними...

Ждать представителя РОВСа, однако, пришлось недолго. Вскоре на Бориса вышел Владимир Бастамов, который в прошлом имел отношение к кутеповской организации боевиков. После ее разгона финскими властями лишь незначительная часть офицеров, в числе которых оказался и Бастамов, сохранила связи с парижской штаб-квартирой, в «нелегальном порядке» выполняя ее задания. Бастамов и его соратники вели проверку беженцев из СССР, во-первых, с точки зрения «пригодности» по линии РОВСа, во-вторых, на предмет тайных связей с НКВД. В стремлении Бастамова «разоблачать чекистов» было нечто болезненное, даже параноидальное. В свое время он «попал на крючок» первого чекистского «Треста» и потому с подозрением относился ко всем, кто прибывал «из-за чертополоха». Бастамов считал, что НКВД попытается повторить успешный опыт с «Трестом», и мечтал взять реванш за прошлое, — «постыдное», с его точки зрения, — поражение в поединке с ВЧК².

Бастамов ходил за Солоневичами буквально по пятам. Демонстрируя внешнюю лояльность к братьям, он проверял каждое их слово, каждый контакт, каждый тезис из подготовленных ими для штаб-квартиры РОВСА материалов. Чтобы

¹ Членов «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП) нередко называли «новопоколенцами».

² Бастамов В.В. был в апреле 1945 г. выдан финнами советским властям. За «многолетнюю антисоветскую деятельность» был осужден на 10 лет.

продемонстрировать свою «полезность», помог братьям наладить переписку с парижским Центром.

В Париж руководителю «внутренней линии»¹ РОВСа генералу Николаю Скоблину (в переписке организации — «Главный сыщик») Бастамов сообщал: «В двадцатых числах августа в Гельсингфорсе появилась группа беженцев, состоящая из синхронно бежавших из разных концлагерей — Ивана Лукьяновича Солоневича с сыном Юрием (лагерь «Медвежья Гора») и Бориса Лукьяновича Солоневича (лагерь «Лодейное Поле»). Борис более активен и желает играть видную роль в жизни эмиграции. По рекомендации барона Керн-Штернберга, нашего «российского консула», они поселились у капитана первого ранга Павла Викторовича Вилькена², ведущей фигуры младоросского движения. В течение первой недели мы присматривались к Солоневичам издалека. Выяснилось, что младороссы стараются не допускать к ним лиц из других группировок. Вскоре стало известно, что Борис ищет возможности сблизиться с активными элементами эмиграции, главным образом представителями РОВСа. Ввиду неблагоприятных отзывов местных властей, в частности, военных авторитетов, а главное, — восстанавливая в памяти несчастье с А.П. Кутеповым, — мы решили изучить их досконально, не допуская к нашим официальным представителям. Поэтому мы выдали себя за лиц, связанных с Центром.

¹ «Внутренняя линия» занималась ведением «активной работы»: от засылки своих людей в Советский Союз с различными заданиями (сбор информации, создание «опорных пунктов» и т.п.) до подготовки и осуществления террористических актов. В задачи «внутренней линии» входило поддержание связей с полицейско-разведывательными службами «стран пребывания», а также ведение «контрразведывательной работы» в рядах белой эмиграции.

² Вилькен П.В. (1879—1939) — капитан 1-го ранга. Окончил Морской кадетский корпус. Участник Русско-японской войны, обороны Порт-Артура. Командовал линкором «Севастополь» на Балтийском море в годы Первой мировой войны. Сражался против большевиков в Северо-Западной армии Н. Юденича. Эмигрировал в Финляндию. С 1931 г. являлся председателем Группы русских морских офицеров в этой стране. Вспоминая о нем, Иван писал: «Вилькен был одним из самых порядочных и милых людей, каких я встречал в эмиграции».

От Бориса была получена информация, прилагаемая под номерами 1—4. В связи с тем, что она не представляет особой важности, мы поставили перед ним вопрос о явках в СССР, разъяснив, что они будут использованы Центром».

Бастамов не нашел ничего «принципиально важного» в информационно-аналитических материалах Бориса, но генерал Миллер отозвался о них с похвалой. Еще бы, даже названия материалов звучали солидно — «О советском шпионаже за границей», «О стрелковой подготовке в СССР», «О политических настроениях комсостава РККА», «Концентрационные лагеря ОГПУ и использование их как плацдарма для восстания». По мнению генерала, передача этих сведений во многом опровергала слухи о «провокационных задачах Солоневичей». Нужно было сделать все возможное, полагал Миллер, чтобы привлечь привлечь братьев к делам РОВСа. Без свежих людей «оттуда» сложно активизировать террористическую работу, имея в наличии всего лишь две действующие (с перебоями!) линии по переброске боевиков — южную и северную. Миллер очень надеялся, что с помощью Солоневичей «северная линия» получит подкрепление толковыми людьми и явками.

Радость генерала была вполне понятной. За все время работы против Советского Союза Миллер не получил ничего стоящего, несмотря на все затраченные деньги из французских и других источников. Этот «дар небес» столь сильно подействовал на дряхлеющего старика, что он, совершенно не зная Бастамова, без привычной волокиты подготовил письмо на его имя для показа Борису Солоневичу и приказал генералу Скоблину подключить Бориса к работе по северной линии¹.

¹ Для страховки генерал Миллер проверил «подлинность» Бориса Солоневича через «шефа» скаутов О.И. Пантюхова, проживавшего в то время в США, и журналиста Репнинского. Ответы от них пришли положительные. В частности, Репнинский написал, что познакомился с Борисом еще до Первой мировой войны. Последний раз видел его в Константинополе в середине сентября 1920 г., после чего Борис выехал в Крым, чтобы вывезти семью брата в связи с предстоящей эвакуацией Белой армии. По мнению Репнинского, Борис — прекрасный скаутмейстер, большой патриот. По натуре прямолинеен, с энтузиазмом относится к любому делу, сторонник сильной власти, умеет подчиняться и командовать.

В своих отчетах в Париж Бастамов сетовал на «изворотливость и хитрость» Бориса, который, как казалось «опекуну», вел собственную, не слишком понятную по своим конечным целям «игру». Передавая материалы для РОВСа, Борис упорно настаивал на письменном подтверждении парижского Центра о том, что Бастамов — действительно официальный представитель, а подготовленные документы поступают по назначению — в штаб-квартиру РОВСа. Чтобы успокоить Бориса, Бастамов просил Скоблина подготовить такое письмо от имени генерала Миллера, отметив: «Будьте спокойны, несмотря на пронырливость и верткость Бориса, на руки ему ничего не дадим».

Инструкции Скоблина не заставили себя ждать:

«Войдите в тесную связь с Солоневичем и постарайтесь получить от него все то, что он должен передать нам: информацию совнастроений, о Красной Армии, о политическом положении в СССР, а главное — передать нам свои явки, особенно в кругах Красной Армии, со своими паролями. Прошу Вас держать связь все время со мной, по моему старому адресу, так как этот адрес проверен.

Можно ли выдержки из прежних документов поместить в нашем «Галлиполийском вестнике», особенно о стрелковой подготовке в СССР и политических настроениях комсостава РККА?

При сем прилагаю письмо Е.К.М(иллера), которое Вы должны показать Солоневичу, попросить его расписаться на нем в том, что с содержанием он ознакомился. Письмо следует вернуть для передачи Е.К.М.

Прошу Вас отнестись с исключительной осторожностью к возлагаемому на Вас поручению, дабы НИКТО не знал о нашей связи с Вами. Я твердо уверен, что Вы полностью оправдываете мою рекомендацию о Вас в глазах Е.К.М.

Характер настоящей работы требует от лица, ведущего ее, ничем нигде не выделяться, ничего и нигде не говорить лишнего, сохранять со всеми самые наилучшие отношения (даже поступаясь своим самолюбием), служить примером для всех и повиноваться своим начальникам. Выполнение этих пунктов обеспечит ценность Вашей работы на пользу Родине.

Ожидаю от Вас самого подробного доклада с Вашими соображениями.

Жму Вашу руку. *Н. Скоблин*».

Письмо Миллера на имя Бастамова (а не Бориса!) было составлено в предельно «нейтральном стиле» и разочаровало Бориса (а Ивана еще больше) как формой, так и содержанием:

«Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Не откажите уведомить г-на Б. Солоневича, что я его письмо получил. Проект его ныне рассматривается.

О дальнейшем Вас уведомлю.

Предложите Борису Лукьяновичу держать связь с Вами впредь по всем вопросам.

Уважающий Вас *Е.К. Миллер*.

Париж, 29, рю де Колизе, 23 ноября 1934 г.»

Материалы Бориса Миллер распределил «поштучно»: французам по военной линии, Зайцеву из внутренней контрразведки, и Трубецкому, которому аналитические справки Солоневича тоже понравились: фальсификации в них он не усмотрел. Трубецкой предложил опубликовать выдержки из них в «Галлиполийском вестнике», издающемся в Болгарии.

Справку «О политических настроениях комсостава РККА» Миллер оставил у себя, чтобы выбрать из нее основные тезисы и переправить маршалу Петэну и генералу Нисселю. С маршалом у Миллера сложились особенно хорошие отношения. Лично они встречались редко, но дружественными письмами обменивались регулярно. Миллер считал, что послать эту информацию необходимо: французы должны знать, что РОВС ведет настойчивую работу в СССР, имеет там солидные позиции и получает серьезные документы. Авторство материалов французам раскрыто не будет с учетом планов по дальнейшему использованию Солоневичей.

Аналитический материал Бориса о «настроениях комсостава» вдохновил Миллера на подготовку «Обращения к Красной армии». В нем генерал сделал акцент на том, что «белые» не рассматривают красных офицеров как врагов, а наоборот, рассчитывают на них как будущих союзников в борьбе с большевиками: «В Красной армии не должны думать, что «белые» намерены ее уничтожить».

В конце 1934 года Бастамов направил с курьером в Париж новые материалы, подготовленные Борисом. Среди них — перечень лиц, которые могли подтвердить точность сообщаем-

мых им о себе сведений и о его причастности и верности Белому делу:

«Генерал Шатилов П.Н. (вместе с генералом Смольяниновым) в 1920 году в Севастополе вел со мной переговоры по скаутским делам; генерал Драгомиров А.М. знал меня как спортсмена, президента спортклуба «Унион» в Екатеринодаре в 1919 году; генерал Кольман — начальник британской военной миссии — несколько раз давал мне интервью; меня хорошо знали сотрудники газеты «Новое время» Б.А. Суворин и Гавриил Буханцев, редактор газеты «Единая Русь» полковник Кашкаров В.А.; офицер Фридрих Клюдт, окончивший Алексеевское военное училище; спортсмены — участники Добрармии Иван Попов и Николай Короленко».

В примечании к этому перечню Борис подчеркнул: «Пишу Вам обо всем подробно и откровенно, ибо считаю себя участником гражданской войны, морально подчиненным РОВСу. Я собираюсь принять деятельное участие в общественно-политической работе эмиграции».

С этим же курьером Бастамов направил генералу Скоблину информацию о том, что Солоневичи усиленно работают над очерками из советской жизни, «интересно и беспощадно» показывающими ее с повседневной бытовой стороны. Подчеркнув, что диапазон наблюдений Солоневичей и острота изложения материала заслуживают внимания РОВСа, Бастамов рекомендовал использовать их труды в газете «Возрождение», поскольку братья, не встретив понимания, могут обратиться в «Последние новости». «Помощь Солоневичам в этом деле, — писал он, — поможет налаживанию контакта с ними, поможет им заработать известный гонорар. Если же они окажутся людьми недостойными нашего внимания, то все равно надо держать их подальше от «Последних новостей».

Опасения Бастамова были понятны. Газета «Последние новости» выходила под редакцией П. Милюкова¹, который в

¹ Милюков Павел Николаевич (1859—1943), из дворян. Автор многотомных «Очерков по истории русской культуры» и др. исследований. Один из лидеров демократического крыла российского либерализма, создатель кадетской партии в 1905 г. Депутат III и IV Дум. Участник интриг против Николая II. С марта 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции уехал на юг, участ-

«либеральном ключе» отражал события международной жизни, в том числе касающиеся Советского Союза. При всей критичности выступлений, обличении большевистских эксцессов, Милюков, как правило, не умалчивал о позитивных моментах во внутренней и внешней политике советской власти. В отличие от многих других эмигрантских изданий «Последние новости» освещали, в частности, шаги советского руководства по предотвращению войны, улучшению условий жизни граждан, развитию науки и культуры. Милюков был чем-то вроде жупела для консервативной части эмиграции, одним из «главных виновников» гибели империи и торжества «антинациональных сил». Его газету правые часто называли жидомасонской и просоветской, враждебной делу реставрации монархии в России. Несмотря на очевидный либерализм и тематическую «всеядность» «Последних Новостей», эмигранты оказывали этой газете явное предпочтение. Тиражи газеты достигали 20—25 тысяч экземпляров. Это обеспечивало финансовую независимость издания, давая Милюкову возможность хорошо оплачивать авторов.

По своей инициативе Борис в октябре-ноябре 1934 года подготовил, консультируясь с братом и с Юрием, проект «военно-спортивного комплекса» для эмигрантской молодежи. Были подробно расписаны требования, нормативы. Солоневичи считали, что нет никакого смысла отвергать положительный опыт советской власти в спортивно-патриотической области, приводя в пример успехи всесоюзного комплекса ГТО.

Документ под названием «Значок «Готов за Россию» был отправлен на «экспертное рассмотрение» «первому скауту России» О.И. Пантюхову. В сопроводительном письме Борис так разъяснял неотложную необходимость принятия «комплекса»:

«По своей идее, — писал он, — получение значка должно стать одной из ступенек подготовки нашей молодежи к служению России. Подготовка и сдача испытаний на значок по-

вовал в антибольшевистском движении. С ноября 1918 г. жил на Западе. В 1921—1940 гг. — редактор газеты «Последние новости» (Париж), наиболее популярного органа русской эмиграции. После нападения Германии на СССР заявил о солидарности со своей родиной.

может предотвратить ее денационализацию, будет способствовать объединению молодежи около общих практических задач. Вопрос о формах служения России остается дискуссионным, но при всей трудности договориться об общей платформе, нужно искать такие пункты подготовки молодежи, которые не были бы зависимы от ограничительных рамок различных политических течений в эмиграции.

Спорные вопросы политграмоты смягчают свою дискуссионную остроту тем, что положение о значке предоставляет право каждой организации освещать политические вопросы со своей точки зрения. Если вопрос военной подготовки молодежи в условиях некоторых государств является тактически нежелательным, вполне возможно часть пунктов военной программы переключить в отдел физкультуры, а теорию и стрелковую часть перевести в область индивидуальной подготовки каждого сдающего.

Чем больше организаций согласится на введение в план своей работы подготовки к сдаче испытаний на значок, тем выше будет его авторитет. Практические пункты программы проверены на большом практическом опыте. Он был приобретен мною за последние 20 лет в России. Пункты подобраны с таким расчетом, чтобы технически не представить особых затруднений ни в подготовке, ни в испытаниях. Издание небольшой брошюры об организации, методике, технике и деталях сдачи испытаний на значок могло бы заметно облегчить его проникновение во все уголки мира, где имеется национально-мыслящая русская молодежь.

Если этот проект не будет похоронен под тяжестью негативной дискуссионной критики, а принят как основа для разворачивания немедленно практической работы, я уверен, что русская молодежь с большой отзывчивостью отнесется к идее значка и как форме объединения, и как форме подготовки себя к великой цели — служению Родине.

К сему — доктор *Борис Солоневич*».

В положении о значке было отмечено, что внешне он состоит из традиционных символов — меча и двуглавого орла (стандартного образца). По мнению автора проекта «Готов за Россию», учет выданных значков должен был осуществляться редакцией газеты «Возрождение».

Тщательно изучив проект, Пантюхов в конце декабря 1934 года переслал его генералу Миллеру с положительным отзывом. Генералу предложение Бориса Солоневича о «комплексе ГТО» тоже понравилось. Материал Бориса с резолюцией Миллера — «Заслуживает внимания для изучения и проведения в жизнь» — был передан канцелярией РОВСа авторитетным фигурам Союза — Кедрову, Эрдели, Кусонскому, Стогову. Они должны были подготовить план по практической реализации проекта.

Вопрос о значке вновь «всплыл» в штаб-квартире РОВСа только через полгода! К неудовольствию Миллера, выяснилось, что Эрдели поручения фактически не выполнил, ограничившись раздачей экземпляров проекта Кедрову, Фоку и еще кому-то. Миллер был возмущен отношением к делу этих лиц, которые занимали большие должности в Союзе.

Через четыре года после инициативы Бориса «Готов за Россию» Иван Солоневич с возмущением писал: «Ни одна организация этого проекта не поддержала. После целого ряда издевательских откликов («подумаешь, какие умники выискались») только софийские галлиполийцы попытались что-то провести... «Сокол» увильнул. Я и писал, и разговаривал с Р. Дрейлингом¹. Писал уже и из Берлина: «Возьмите это дело на себя. Я организую пропаганду и дам деньги. Вам, именно вам, организации национально-спортивной, и все карты в руки». Брат Дрейлинг ответил мне замечательно милым письмом, выразил свою глубокую благодарность за мое желание финансировать «Сокол» — такого желания я вовсе не выражал, а о значке не написал ни одного слова, так, как будто бы не о нем вовсе и речь шла»².

«Сокол» упомянут Иваном не напрасно. По его мнению, положительный исторический опыт этой организации устарел

¹ *Дрейлинг* Роман Константинович — полковник, участник Гражданской войны. Военный теоретик, автор книг по военной психологии, руководитель «сокольской» организации в Югославии. Некоторое время увлекался идеями евразийства. В 1945 г. был арестован в Белграде, доставлен в СССР и осужден на 10 лет, как отмечено в некоторых эмигрантских публикациях, «за работу в «сокольстве». По некоторым данным, умер в заключении.

² *Солоневич И.Л.* Пути, ошибки и итоги // «Наша газета», № 35—38, 1939.

и соотносится со спортивно-национальным проектом Бориса как «кремневка с пулеметом». При этом Иван не пытается представить своего брата как первооткрывателя: «По таким же принципам работают и германские, и итальянские, и советские, и всякие другие молодежные организации. Это просто современная техника массовой политически-спортивной организации среди молодежи... И в Германии, и в Италии, и в Америке, и в СССР такого рода испытания и значки охватывают десятки миллионов. У нас (в эмиграции) можно было бы охватить десятки тысяч и, помимо всех других соображений, как-то подтолкнуть борьбу с денационализацией молодежи. Юноши и девушки, которые по школьным или профессиональным условиям совершенно оторвались от русских интересов, все-таки в какой-то степени были бы подцеплены такого рода значком».

Не получилось. В РОВСе, несмотря на поддержку Миллера, охотников «проталкивать» проект Солоневичей не нашлось. «Дело было сорвано начисто» — такую итоговую линию подвел Иван под историей значка «Готов за Россию».

В начале января 1935 года Бастамов сообщил в штаб РОВСа, что Борис «оказался чрезвычайно несговорчивым: даже послание генерала Миллера не оказало на него никакого действия. Солоневич был разочарован тем, что письмо не было вручено ему на руки». Он же со всей своей «прямолинейностью» заявил Бастамову, что веры в возможности РОВСа у него нет, так как он «не видит конкретных результатов работы организации». В отношении явок Борис заявил Бастамову, что твердо не знает, сможет ли дать требуемое, поскольку «это тяжелая ответственность за жизнь друзей». Он вновь потребовал гарантий от лиц, являющихся для него авторитетами: генерала Шатилова, генерала Драгомирова, и, в особенности, полковника Пантюхова.

Чтобы вконец не испортить отношений с Бастамовым, Борис составил для него список с именами пятнадцати бывших сослуживцев по Черноморскому флоту. При этом он заявил, что полностью за надежность этих людей не ручается, но считает их «перспективными при умелой обработке». В числе московских связей, которых при необходимости можно использовать, Борис назвал (для количества) чиновника из германского посольства Вирта и литовского посла Балтрушайтиса.

Из «тактических соображений» Борис также сообщил Бастамову «надежный адрес» в Москве для использования в качестве явки. Докладывая об этом Миллеру, генерал Скоблин заметил, что «полностью принять адрес за явку нельзя, хотя, при некоторых обстоятельствах, использовать его можно». При этом Скоблин поспешил заверить Миллера, что «верные явки» и на Ленинград и на Москву» у него есть, явно давая понять генералу, что адрес Солоневича может подождать до лучших времен.

Борис с его советским опытом лавирования и выживания оказался Бастамову не по зубам, хотя тот в своих письмах в Париж давал понять, что «если Солоневич будет и дальше увертываться, то будет просто зажат с помощью местных авторитетов». Отношения Бастамова с Борисом осложнились еще больше, когда последний узнал, что подлинным представителем РОВСа в Финляндии был генерал Владимир Алексеевич Альфтан, который по официальной должности являлся уполномоченным по делам русских инвалидов в стране. Он пригласил к себе Бориса и без долгих преамбул спросил: переписывается ли он со штаб-квартирой РОВСа в Париже? Солоневич ответил утвердительно, назвав в качестве посредника Бастамова. Альфтан в тот же день разыскал Бастамова и попытался выяснить правду. Следуя инструкциям Скоблина, Бастамов категорически отрицал, что является таким посредником.

Скоблин сообщил об инциденте генералу Миллеру, заметив, что Бастамов солгал, но, мол, иначе поступить не мог: нарушение принципа иерархии в РОВСе в этом случае было серьезным. Скоблин просил генерала поддержать «версию» Бастамова. После долгого обсуждения решили, что Миллер лично напишет Альфтану и подтвердит, что Центр ни прямо, ни косвенно с Солоневичами не связан. Миллер как бы оставил за скобками, что одно письмо Борису все-таки было. Солоневич в руки его не получил, но все-таки...

Информируя генерала Скоблина обо всех подозрительных на «советское проникновение» фактах в Финляндии, Бастамов и в самом кошмарном сне не мог себе представить, что его начальник по «внутренней линии» является агентом ИНО НКВД

с 1930 года. Свои донесения Скоблин подписывал псевдонимом «Фермер». После череды измен в советских учреждениях во Франции в целях безопасности он получил другой псевдоним — «№13»¹.

Скоблин хорошо знал «финский театр действий», потому что по распоряжению Миллера в 1933 году ведал в Гельсингфорсе «секретной работой» РОВСа на Россию. Постоянные неудачи с заброской боевиков вызвали подозрения у финнов, и они отказались вести дела со Скоблиным, конфиденциально сообщив Миллеру, что считают его эмиссара — агентом НКВД. Миллер с возмущением отверг «эти наветы», истолковал их как очередную попытку очернить и оклеветать боевого генерала. По распоряжению Миллера Скоблин был назначен начальником «внутренней линии», что, кстати, и было главной разведывательной задачей, поставленной Лубянской перед «№13». В 1931—1935 годах по его сообщениям на территории СССР было арестовано не менее 20 диверсантов РОВСа, взяты под контроль десятки явочных квартир. Имена и фотографии боевиков РОВСа еще на стадии их подготовки передавались Скоблиным в ИНО НКВД.

Именно от генерала Скоблина на Лубянку поступала наиболее полная информация о Солоневичах. Конкретное задание по ним он получил из резидентуры НКВД в Париже: «Самым плотным образом» взяться за их изучение, контролировать их попытки проникнуть в РОВС, обратить особое внимание на их знакомства, причины, по которым они сходятся с эмигрантами. Всячески препятствовать их переезду в Париж». Ивану Солоневичу еще предстояло исписать горы бумаги, чтобы завершить работу над «Россией в концлагере», но о «направленности и содержании» этой работы уже знали в Москве.

Сведения о враждебных высказываниях и планах Солоневичей были восприняты в Москве с полной серьезностью:

¹ Агент «№ 13» получал от ИНО по двести долларов ежемесячно «на оперативную деятельность». На фоне характерного для эмигрантов безденежья семья Скоблиных заметно преуспевала, имея, на зависть многим, даже собственную автомашину. Подозрений это не вызывало, потому что это благополучие относили на счет гонораров жены генерала, известной певицы Плевацкой.

братья намерены бороться с Советской властью всеми доступными способами. По оценкам руководства ИНО, успешное вхождение Солоневичей в политически активную эмигрантскую среду означало бы заметное усиление ее организационных и практических возможностей. Солоневичи досконально знали советские реалии, пострадали от советской власти и, в силу своей ненависти к режиму, могли оказывать помощь РОВСу не только в подготовке боевиков, но и — при определенных условиях — в «возглавлении» террористической работы. Отсюда очевидный вывод: предпринять действенные меры к компрометации братьев, вбить клин между ними и политической верхушкой Русского Зарубежья.

В октябре 1934 года из Москвы в резидентуру НКВД в Гельсингфорсе была направлена ориентировка по Солоневичам. На основании данных, полученных от «№13», Иван только упоминался в ориентировке. Главное внимание было уделено брату: «Борис Солоневич, несомненно, является опасным и деятельным человеком. В Париж — РОВСу — сообщил о себе почти все, что известно нам. Умолчал лишь о том, что продолжительное время работал в «Динамо» и что его знают многие наши товарищи (в ОГПУ). От нас же, как выяснилось, он скрыл на следствии то, что служил добровольцем в офицерских частях белой армии и работал в ОСВАГе. Обратите внимание, что Борис обещал дать (видимо, Ларионову¹) явку в Союз. Надо ее узнать».

Одновременно в центральном аппарате НКВД обсуждались варианты компрометации «спортсменов», а тем самым их нейтрализации. Особое рвение проявлял заместитель начальника ИНО Борис Берман. Он был хорошо осведомлен об обстоятельствах побега Солоневичей, их деятельности в Финляндии, и понимал, что необходимо «обезвредить» братьев до того, как они начнут публиковать свои «мемуары» «об империи ГУЛАГ». Брат Матвей, всемогущий властитель этой импе-

¹ Ларионов Виктор Александрович (1897—1984). В 1916 г. окончил 13-ю Санкт-Петербургскую гимназию. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. (в Юнкерской бригаде). Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Дослужился до звания капитана. В эмиграции входил в организацию Кутепова. В июне 1927 г. был организатором и исполнителем взрыва в Ленинградском Центральном партклубе.

рии, настойчиво требовал — по официальным каналам и неофициально — «поставить точку» на потенциально опасной для «авторитета СССР» деятельности Солоневичей.

Под руководством Бориса Бермана сотрудники 6-го сектора ИНО разработали операцию по компрометации «спортсменов» через «утечку секретных сведений» об «агентурной группе «Варяги» в резидентуре в Париже. Сфальсифицированный документ об этой «группе» был составлен как обычная рабочая ориентировка для «недавно прибывшего во Францию сотрудника», которому надлежало принять на связь нескольких агентов. В документе упоминались некоторые из них: по РОВСу — «Ахтырец», «Донец» и «Гусар»; по «новопоколенцам» — «Победоносцев»; по младороссам — «Футболист»; по Братству Русской Правды¹ — «Верный». Разумеется, реальных агентов с такими псевдонимами в сети НКВД не было: они были нужны для «достоверного фона».

Солоневичи проходили по этому фальшивому документу как «агенты НКВД», выполняющие задание по внедрению в ряды «активистов» РОВСа, установлению «контроля» над эмигрантскими молодежными организациями. В своей работе они должны были «опираться» на какой-либо крупный печатный орган эмиграции (предпочтительно — «Возрождение»), имея «разрешение» ИНО на выступление в эмигрантской прессе с разоблачениями и передачу внешне достоверной информации о положении в СССР и Красной армии, как белым, так и иностранным кругам.

По «активке» ИНО, Иван имел псевдоним «Рюрик» и был «завербован» в 1930 году. Борис — «Трувор» — стал «работать» на органы в 1928 году в период его службы в Томском отделении «Динамо» при Томском отделе ОГПУ². Юрий обо-

¹ Братство Русской Правды (БРП) — антибольшевистская организация (1921—1933 гг.), созданная радикально настроенными эмигрантами (литератором С.А. Соколовым-Кречетовым, генералом П.Н. Красновым и др.). БРП ориентировалось на проведение пропагандистской и террористической работы на территории Советской России. Уже на начальном этапе деятельности было поставлено под контроль ОГПУ, что привело к захвату и ликвидации многих боевиков.

² В отношении «Трувора» в «ориентировке» дополнительно сообщалось: «Ему 36 лет, инструктор спорта, тяжелоатлет. В прошлом руководил скаутскими организациями на юге, привлекался за это к ответственно-

значался как «Святогор». В документе подчеркивалось, что к работе НКВД он отношения не имеет и переброшен за кордон «втемную», «для создания известного впечатления». В ориентировке ИНО было отмечено, что для подкрепления легенды «Варягов» они были помещены в лагерь на подготовительной стадии операции в целях зашифровки¹.

Проект документа показался начальству в ИНО «слишком прозрачным и чреватых последствиями» для реально действующих агентов в Париже. Эта информация могла всполошить «внутреннюю линию» и привести к «чистке рядов» РОВСа с непредсказуемыми последствиями. Резолюция: «Замысел интересен, но от использования документа надо пока воздержаться».

К операции по компрометации Солоневичей подключили Управление НКВД по Ленинградской области, которое, среди прочих задач, вело разведывательную работу в странах-лимитрофах и Финляндии. Один из опытных сотрудников Управления совершал ежемесячные поездки в Гельсингфорс для проведения встреч с агентурой. Агентурный народ был разномастный: кто работал «за идею», кто за деньги, а кто и двурушничал. К числу явных «двурушников» относился агент «Ф-62» из русских эмигрантов: о своих контактах с работниками ИНО он сообщал в тайную полицию. Его-то и решили «подключить» к операции, заведомо зная, что компромат на братьев будет доложен «куда надо».

сти. Служил в Черноморском флоте и в штабе морских сил Республики инструктором по физической подготовке. За время сотрудничества с нами показал себя как опытный, способный, инициативный агент с большим кругозором. Ему поручалась разработка крупных дел, которые он проводил блестяще. В частности, он привлекался в Орле по делу Протасова и его группы. Они были обвинены в шпионаже и в прежней работе в органах белой контрразведки. По этому делу «Трувор» в интересах следственной разработки некоторое время находился под стражей вместе с Протасовым».

¹ В документе ИНО отмечено также: «Здесь (в СССР) в качестве некоторой гарантии оставлены отец «Варягов» и семья «Трувора», состоящая из жены и двух детей, которых в целях дальнейшего легендирования, очевидно, переведем в отдаленную местность в качестве «репрессированных» за бегство «Варягов» из Союза».

Встреча с «Ф-62» прошла в начале января 1935 года в одном из парков Гельсингфорса.

Из отчета оперативного работника «Луки»:

«Агент пришел в веселом, даже приподнятом настроении. Был контактен, разговорчив. Объяснил, что считал несвоевременным беспокоить нас. По его мнению, мы — в ГПУ — были заняты событиями, связанными с убийством товарища Кирова.

На вопрос о Солоневичах сообщил, что не знаком с ними лично, но имеет о них разрозненную информацию со слов эмигрантов. Пока что они обвыкаются в новой для них среде. Это люди с характером, но от помощи не отказываются. Любопытный факт. После одного из докладов к Ивану Солоневичу подошла дама и сочувственно спросила, не холодно ли ему так, в неважном полушубке, подпоясанном ремнем? На это он деловито ответил: «Ничего, скоро разбогатеем». «Ф-62» считает, что «разбогатеть» Солоневичи надеются изданием своих трудов о Советской России.

Далее я перешел к главной теме беседы, сообщив агенту, что *шеф* не вышел на ранее назначенную встречу из-за срочно выпавшей работы, и что «Ф-62» отчасти прав в своих догадках. Поэтому я уполномочен передать то, что собирался сообщить *шеф*: в новых условиях руководство ОГПУ решило связать «Ф-62» с частью нашей проверенной заграничной агентуры. Я назвал имена Бориса и Ивана, и объяснил, что текущая антисоветская деятельность братьев среди белой колонии необходима для создания им авторитета. Здесь же я отметил, что это — лишь промежуточный этап их задания. Мы намерены (срок пока не определен) перебросить Солоневичей, в первую очередь Бориса, в Париж. Я особо подчеркнул, что туда же для связи с ним будет переброшен и «Ф-62».

Я просил агента пока воздержаться от выхода на Солоневичей. Это, мол, необходимо, чтобы усыпить подозрение на их счет в некоторых кругах белой эмиграции. К сожалению, добавил я, имеются конкретные моменты, которые не были учтены товарищами, слишком спешившими с переброской. Я назвал их: «Первое. Успешный побег троих Солоневичей из разных лагерей в одно и то же время. Фантастическое везение, трудно в это поверить. Второе. То, что Борис являлся сотрудником «Динамо», то есть фактически был служащим

ОГПУ. Третье. Их семьи в Советской России не репрессированы, хотя закон о наказании родственников за побег был принят до их вывода за кордон».

«Ф-62» было рекомендовано отслеживать обстановку вокруг братьев. Мол, как только все нормализуется, и разговоры о них затихнут, начнется операция по переброске в Париж. Агент выслушал историю о Солоневичах с огромным интересом, заметив однажды: «Все-таки у Бунакова¹ известный нюх есть, не зря он намекал о своих подозрениях в отношении братьев».

На следующую встречу с «Лукой» «Ф-62» принес письменное сообщение о слухах, которые циркулировали о Солоневичах в среде эмиграции. Судя по всему, агентура финской полиции стала распускать эти слухи в «профилактических целях», чтобы максимально изолировать Солоневичей от русской колонии как явных агентов НКВД.

Борис Берман, державший дело «Спортсмены» под личным контролем, поспешил сообщить брату о первом крупном успехе: «Дело сделано. Теперь эмиграция не успокоится».

В конце января 1935 года в резидентуру НКВД в Гельсингфорсе поступило сообщение одного из агентов о прошедшем в Академическом объединении публичном диспуте на тему «Проблема борьбы за национальную Россию»:

«С основным докладом выступил бывший прокурор города Риги В.Н. Крестьянинов, который был главой партии младороссов-кирилловцев в Финляндии. Докладчик обрисовал положение русской эмиграции, отношение к ней европейских стран в связи с признанием де-юре Советской власти, указал, что (освободительный) поход стал после этого невозможен. В заключение доклада Крестьянинов подчеркнул, что в случае войны Советского Союза с каким-либо внешним агрессором любое сотрудничество эмиграции с интервентами надлежит считать преступлением перед родиной.

Оппонентом выступил доктор Иван Солоневич, который по поводу сотрудничества с интервентами указал, что тако-

¹ Бунаков Н.Н. — полковник, член организации Кутепова, сотрудник резидентуры английской разведки в Финляндии в 20—30 гг. Проходил по материалам операции «Трест», в том числе как близкая связь английского разведчика Сиднея Рейли.

го вопроса — преступление это или нет — для России не существует. В повестке дня только одна задача: любой ценой и немедленно вырваться из-под ига большевиков, а как это произойдет — путем интервенции или без нее — все равно. Делать же подсчеты — во что обойдется избавление от большевизма — пустое занятие.

Позиция Солоневича получил одобрение слушателей, особенно молодой ее части (всего присутствовало около 60 человек)».

По оценке агента, ожесточенность и непримиримость Ивана Солоневича объяснялись «тяжелыми личными переживаниями в СССР, его неспособностью к коллективному образу жизни, объединенному общей светлой идеей».

С 20 января 1935 года в газете Милюкова «Последние новости» в Париже стали печататься очерки Ивана под общим названием «Россия в концлагере». Получив номер газеты с первой публикацией, Солоневичи, приодевшись, насколько это было возможно, отправились в ресторан «Микадо», где, под аккомпанемент ансамбля балалаек, отпраздновали эпохальное для них событие. Общее мнение было оптимистичным: теперь будет легче!

Для эмигрантских читателей откровения беглецов из Советского Союза были делом привычным, но статьи Солоневича не прошли незамеченными. Дважды в неделю они появлялись на страницах этой либеральной газеты, вызывая ажиотаж читающей публики. Всего было опубликовано 117 очерков, которые материализовались как в гонорары, так и во всеэмигрантскую популярность автора. После первых публикаций имя Ивана Солоневича вошло в обиход постоянно цитируемых, упоминаемых, одобряемых и восхваляемых писателей. «А Герцен-то появился у них!» — воскликнул один из ценителей творчества Солоневича. «У них» — означало: у правого фланга эмиграции¹. Мало кто на первых порах эмигрантской литературной деятельности Солоневича осмеливался подвергать критике самобытного народного публициста, не скрывавшего своих мужицких корней, пристрастий и образа мышления.

¹ Яновский В.С. Поля Енисейские: Книга памяти. СПб.: 1993. С. 78.

Бастамов направил огорченное письмо Скоблину, посетовав на «недееспособность» РОВСа в Париже, который не сумел «пристроить» очерки Ивана в газету «Возрождение». По мнению Бастамова, в этом деле проиграли и РОВС, и — особенно — газета, потерявшая беспроектный шанс улучшить свое финансовое положение. «Ю. Семенов часто жалуется на масонские и еврейские элементы, которые тайно субсидируют конкурирующие «Последние новости», — отметил Бастамов, — но как редактор он не проявил дальновидности, отмахнувшись от мемуаров Солоневича».

После публикации первых очерков «России в концлагере» Иван стал получать письма, в которых некоторые «бдительные читатели» ставили под сомнение кое-какие факты из описанного им концлагерного быта.

На эти письма он ответил позже, когда готовил первое книжное издание «России в концлагере» на русском языке в Софии:

«Во всей этой эпопее нет ни одного выдуманного лица и ни одного выдуманного положения, фамилии действующих лиц, за особо оговоренными, — настоящие фамилии. Из моих лагерных встреч я вынужден был выкинуть некоторые весьма небезынтересные эпизоды, как, например, всю свирьлаговскую интеллигенцию, чтобы никого не подвести; по следам моего пребывания в лагере ГПУ не так уж трудно было бы установить, кто скрывается за любой вымышленной фамилией. Материал, данный в этих очерках, рассчитан в частности и на то, чтобы никого из людей, оставшихся в лагере, не подвести».

Об угрозе, которую представляют Солоневичи, несколько раз предупреждал советскую резидентуру в Гельсингфорсе агент Лидер:

«Несомненное и чрезвычайно вредное влияние имеют воспоминания «невозвращенцев» и беглецов из СССР: Чернавиных, Тренина, Солоневичей и других. Мне приходилось видеть людей уже сдвинувшихся с обычных эмигрантских позиций неприятия дел в СССР и обратившихся лицом к своей родине, которых «воспоминания» этих беглецов сильно поколебали.

Редакции эмигрантских газет учитывают это. Они уделяют много внимания этим «мемуарам» и стараются, чтобы

они появлялись в печати регулярно. Интересно отметить, что записки Чернавиных (особенно ее) имели очень большой резонанс. Воспоминания Тренина прошли менее громко. Писания Ивана Солоневича вызывают большой интерес, и если они не приобретут влияния, подобного тому, который оказали на эмиграцию Чернавины, то, во всяком случае, сыграют довольно значительную роль в деле замутнения мозгов эмигрантской массы, станут новым оружием в арсенале антисоветской пропаганды»¹.

Лидер сообщил также, что Солоневич рассчитывает на успех своего труда «Россия в концлагере»: это «создаст рекламу» автору, и выдвинет его на «авторитетную политическую позицию» в эмигрантских кругах.

Агент не преувеличивал. Он пользовался доверием Солоневичей, и они не таили от него своих планов. Еще бы — Степан Петриченко был для них одной из самых авторитетных фигур эмиграции: ведь это он возглавил Кронштадтское восстание в 1921-м! После его провала Петриченко бежал в Финляндию, где белогвардейские организации пытались его привлечь к диверсионно-террористической работе. Степан «отбивался» как мог от этих предложений, потому что после долгих размышлений пришел к выводу, что он исчерпал свой «лимит» на бунтарство и что новые конфликты с большевиками могут окончиться для него плачевно.

Петриченко мучила ностальгия по родным пейзажам, тянуло в Питер. В 1927 году он пришел в советское посольство в Риге, чтобы «покаяться» в контрреволюционных грехах, попросить прощения и получить разрешение на возвращение в Россию. О его просьбе председатель ОГПУ Ягода доложил Сталину, и тот, усмехнувшись («еще один раскаявшийся!»), наложил на «сопроводилровке» к заявлению Петриченко санкцию: «Положительно рассмотреть с условием, чтобы Петриченко заслужил право на прощение». Так, с «подачи» самого Сталина «главарь кронштадтского мятежа», доставивший столько тревожных дней и ночей большевистскому руководству, стал агентом «Лидер»².

¹ Сообщение Лидера от 4.03.35.

² В статье о С. Петриченко, опубликованной в газете «Новости разведки и контрразведки», № 11—12 (204) за 2005 г., есть сведения о его дальнейшей судьбе. Лидер честно работал на советскую разведку, инфор-

Информация агента Чернова (04.03.1935):

«Некоторая часть эмиграции в восторге от братьев Солоневич: умные, деятельные, энергичные люди, место которых, безусловно, в Париже, центре белой эмиграции. В Финляндии из-за отсутствия у местных белых широкого поля деятельности и малочисленности активных кадров Солоневичи проявить себя в полную силу не могут. Во Франции они сумеют внести свежую струю в ряды мертвееущей эмиграции, способствуя борьбе с большевизмом и укреплению фронта русских фашистов.

Ожидается приезд в Гельсингфорс генерала Добровольского (он сейчас в Выборге). Он собирается выступить 11 апреля 1935 года в помещении Академического объединения, находящегося при Русском клубе по Миконкату. Добровольский прочтет доклад, целью которого будет популяризация в колонии идей фашизма. На следующий день он проведет специальный вечер с молодежью. Солоневичи будут представлены генералу на первом мероприятии.

Постскриптум. Солоневичей посетили Степан Петриченко и Романов, формальный редактор и издатель белогвардейского журнала «Клич». Фактическим его издателем является РОВС, а редактором — генерал Добровольский. Братья были рады гостям, охотно дискутировали с ними. В ходе беседы Солоневичи заявили, что выступают за террор против вождей компартии. Поэтому, мол, необходимо создание соответствующей организации, которая занялась бы подготовкой таких акций. Братья выразили свои симпатии журналу «Клич», но критиковали отдельные его недостатки (основной — «незнание действительности в России, подлинных настроений народа»).

Информация о «террористических высказываниях» братьев была доложена Ягоде, Агранову, Прокофьеву, Гаю, а также Яковлеву, начальнику 6-го сектора ИНО. Через год Яковлев будет направлен резидентом НКВД в Софию и станет главным преследователем Солоневичей.

мируа ее о деятельности эмигрантских организаций, финских спецслужбах, немецко-финском военном сотрудничестве. Во время Второй мировой войны был интернирован финскими властями, после ее окончания — выдан Советскому Союзу. В 1945 г. Особым совещанием был осужден на 10 лет лишения свободы «за антисоветскую деятельность». Умер в Соликамском лагере в 1947 г.

На фоне странных «телодвижений» РОВСа в Гельсингфорсе оптимизмом и новыми надеждами повеяло от письма, пришедшего на имя Бориса из Болгарии:

6 февраля 1935 года
Оборище, 17, София

Дорогой Бобка!

Из газет узнал, что ты с братом и племянником благополучно удрал из Совдепии. Надеюсь, конечно, что ты меня не забыл. На случай, если ты меня не помнишь, воспроизвожу в твоей памяти некоторые подробности нашей жизни. Я учился вместе с тобой в Вильненской 2-й гимназии. Одно время ты жил под нами, на Большой Погулянке, 18, против глазной лечебницы Водзянского.

Затем вы перебрались на Зверинец, куда я приходил бегать на лыжах и играть в футбол. Наверное, ты помнишь и моих старших братьев Всеволода и Олега. Последний раз мы встретились с тобой мельком зимой 1918 года в Екатеринодаре и, кажется, если мне не изменяет память, я был у тебя на квартире.

Думаю, что этих подробностей довольно, чтобы ты поверил, что я тот Клавдий Фосс, который с тобой учился. Буду очень рад, если ты мне что-либо напишешь. Буду также крайне признателен, если ты отнесешься с полным доверием к подателю сего письма и не откажешь ему в твоём ценном и столь нужном нам содействии. О себе напишу дополнительно, когда получу от тебя ответ.

Жду твоих писем и крепко тебя обнимаю,

твой Клавдий Фосс».

Содержание ответа Фоссу Борис обсудил с Иваном, и тот прозорливо заметил:

«Вряд ли он тебе написал, если бы не рассчитывал на твое «содействие» в каких-то важных вещах. Поэтому не отказывай человеку, узнай, что ему конкретно нужно. Париж пока остается для нас таким же недостижимым, как и в первые дни в Гельсингфорсе, может, больше повезет с Софией?» Борис последовал совету брата, ответил подробно:

«Дорогой Клавдий!

Был очень обрадован твоему письму, спасибо за память — ведь столько лет прошло и каких лет!

За эти годы я пережил форменный «мир приключений» и рад, что этот роман закончился сравнительно благополучно. Только Соловки ударили меня по глазам: оставили 1,5 процентов нормального зрения. Сейчас пишу в «Клич» о скаутах и молодежи Сов. России, так как врачебное дело из-за незнания финского языка для меня недостижимо. Собираюсь претендовать на звание «чемпиона мира и его окрестностей», — «заделаться», как говорят в СССР, — профессиональным борцом. Чем черт не шутит, когда Бог спит. Во мне 93 килограмма чистого веса и другие таланты. По линии содействия нашему общему делу я безоговорочно сразу же дал все сведения, которые мог. Пока еще не даю имен и адресов моих друзей, ибо для меня непонятна форма использования этих сведений, а моральных и официальных полномочий рисковать чужими жизнями я не имею.

С большим интересом работаю у скаутов с молодежью. Втянулся в политику, уже не раз ругался на докладах с младороссами. Живу благодушно, отдыхаю, набираюсь перспектив и пороху.

Меня интересуют два вопроса, на которые буду ждать твоего ответа:

Странная политика ген. Деникина, в чем тут дело? Отчего у него такое отрицательное отношение к возможному нашему (эмиграции) участию в войне против СССР? Почему против него никто не выступает прямо и резко?

Отчего РОВС не ответил ничего по существу на мой проект значка «Готов за Россию»? Прочти его, я послал его лично ген. М(иллеру).

Очень рад буду твоим письмам, искренне жму твою руку.

Борис.

27.04.35».

От посланца Фосса, привезшего письмо, Солоневичи узнали, что школьный приятель Бориса теперь занимает видный пост в 3-м отделе РОВСа в Софии, и решили, что с его помощью, может быть, удастся выбраться, наконец, на «европейский простор». С самого начала в этой переписке наметилась тенденция взаимного прощупывания, выяснения степени информированности друг друга, «полезности» в будущих предприятиях — политических, пропагандистских, «боевых» и издательских.

Впрочем, на вопрос о Деникине Фосс ответил прямо:

«Деникина съели его либерализм и честолюбие. Прибавь сюда и свойственную ему мягкотелость, которая нас погубила, и отсутствие широкого ума — и картина должна быть тебе ясна. Не думаю, что здесь могли сыграть роль иудейские деньги. Его линия поведения для нас совершенно непонятна. РОВС не дает отпора Деникину, ибо щадит имя бывшего главнокомандующего. Нет смысла выступать против него еще и нам, бывшим его соратникам. Каждое его слово есть самооплевывание, ибо он бичует отчасти созданное им и солидаризируется с разрушителями этого созданного. Против него мы еще и потому не выступаем, чтобы не дать повода нашим врагам *колоть* нас и по этому направлению. Косвенно же ведем с ним борьбу, осуждая взгляды подобного характера».

В ответном письме Борис поблагодарил друга детства за честное объяснение и, на время отставив политику, «прощупал» его возможности по организации ему борцовского ангажемента.

«Я сохранил свои атлетические таланты, вешу 93 кило и все остальное имею в «подходящем количестве», — писал он Фоссу. — Если узнаешь, что где-либо в славянских странах идут чемпионаты французской борьбы, — сообщи, если сможешь, с адресами антрепренеров. В Ригу я не смог выехать из-за повреждения плеча, а Германия никак не дает визы, несмотря на то, что меня туда приглашали для определения квалификации. Если не удастся поехать по белу свету протирать лопатками цирковые ковры, придется, может быть, заняться массажем, ибо врачебная практика невозможна из-за финского языка и его шестнадцати падежей, каковых я, конечно, не знаю. Положение, в общем, шибко неясное... Но бывало и похуже, и немало раз».

Надо отметить, что в Гельсингфорсе мощная мускулатура пригодилась Борису не только для работы грузчиком. Одно время он подрабатывал, позируя финским мэтрам скульптуры в Академии искусств «Atheneum», в которой начал заниматься Юрий, мечтавший стать профессиональным художником.

Фосс навел справки о борцовских ристалищах в Болгарии, сообщил в Гельсингфорс фамилии и адреса антрепренеров и известных болгарских борцов, понимая, что помощь Борису повышает его шансы на получение важных для РОВСа

сведений о Совдепии. Однако с «борцовой перспективой» у Бориса получилось не очень: все названные Фоссом антрепренеры были не у дел, а ведущие борцы находились в разъезде, кто в США, кто в Южной Америке.

Следуя примеру Ивана, Борис взялся за литературную работу. Выигрышную тему советских концлагерей он уступил брату, хотя его «стаж» за колючей проволокой был неизмеримо большим, чем у Ивана. Поэтому Борис сосредоточился на серии очерков о трагической судьбе скаутов в Советской России. Он решил показать в драматизированной форме всю остроту противостояния между «здоровыми силами молодежи» в России и «безжалостными чекистами». Первоначально рукопись имела название «Русские скауты в пожаре революции», затем — «ГПУ и советская молодежь».

В июле-августе 1935 года Борис регулярно сообщал Фоссу о ходе работы над очерками, рассказывающими об «эпопее жизни и разгрома скаутских организаций в Советской России». «Если книгу издадут, — предрекал Борис, — она будет иметь громадное значение как внешне аполитичное, но, по существу, антисоветское (авантюрное) чтение для иностранной молодежи. Книга ставит целью показать, почему честному юноше-скауту нет места в стране «строящегося социализма».

Через полковника Пантюхова Борис намеревался получить предисловие «нашего главка, патриарха скаутизма» генерала Баден-Пауля. «Боюсь только, — писал Солоневич, — что Пантюхов, несколько медлительный старик, не поймет политического значения этой книги и не поддержит ее с должным напором. Есть ли рычаг (воздействия. — Н.Н.) на него? Он, кстати, до сих пор ничем не помог мне, хотя я был его помощником и достаточно много сделал для русского скаутизма».

К разочарованию Бориса, Фосс не имел связей в издательской сфере. Его рекомендации были расплывчаты и не давали братьям уверенности в возможности успешного обращения к названным им издательствам — «Мирополис» и «Стрела» в Берлине, «Мир» в Риге и т.д. «Если тебя это не удовлетворит, — писал Фосс, — постараюсь отыскать в Варшаве своего приятеля по Вильненской гимназии, который имеет издательство. В Софии попытайся обратиться к Николаю Николаевичу Алексею, между прочим, большому жуку»...

Ни к «жуку», ни к другим «рекомендациям» Борис обратиться не рискнул, опасаясь за судьбу рукописи. Его вера во всемогущество РОВСа получила еще одну, пусть и мало-заметную трещину.

В начале мая 1935 года в Гельсингфорс приехала «в гости» (только в гости!) Тамара. К этому времени Солоневичи, чтобы чувствовать себя свободнее, переехали за город и жили в вилле «Кульстрем» в районе Альберч по Абовской дороге. После двухлетней разлуки «экс-супругам» было что обсудить. О содержании их долгих бесед наедине можно только догадываться. Тамара не скрыла от Ивана, что ее «фиктивный» брак с Прцевоцни стал фактическим.

В Гельсингфорсе Тамара пробыла недолго. В Берлине у нее была постоянная работа, надежный заработок, пренебрегать которыми с учетом неопределенного положения «беглецов» было нельзя.

По мнению одного из биографов Солоневича, в основе семейных проблем Ивана было его недостаточное мужское внимание к Тамаре: «Как ни обожал он... Тамочку, даже ей ни разу не преподнес цветов. Отсутствие у него всякой романтичности, быть может, предопределило его супружескую драму: периодические отлучки этой некрасивой, но обаятельной женщины к млеющему совратителю Бруно... На обороте одной своей улыбочивой фотографии Тамочка написала мужу по-английски: «Я не буду торговаться с тобой, зная, сколь напрасны были усилия втиснуть меня — скептика, бродягу, непокорную и неверную — в роль безупречной возлюбленной»¹.

Агент «Чернов» сообщал:

«Прцевоцни два или три раза приезжала в Гельсингфорс, но не соглашалась остаться там. Иван за рюмкой водки сетовал, что Тамара окончательно бросила его, и поэтому он переживает душевную драму. Он рвался за границу для налаживания совместной жизни, а она ложный брак сделала настоящим».

Иван не удержался, намекнул о своих переживаниях в письме, которое направил в августе 1935 года в Москву, для

¹ Казанцев Н. Жены Солоневичей. Цит. по: «Наша страна», № 2734 от 26.04.03.

передачи Зиновию Эпштейну. Посредница, Ирина Д., ответила ему через месяц, обращаясь к Ивану как к «Генриху»:

«Дорогой Генрих! Ваше письмо (второе) я получила с большим опозданием, т.к. на это время уезжала на гастроли в Харьков. Признаться, Ваше сообщение о Тамаре Владимировне меня сильно поразило. Вот уж никак не ожидала такого афронта с ее стороны, да еще при таких обстоятельствах. Мне даже стыдно стало за мою бестактность при обращении по двум адресам (в Гельсингфорс, и в Берлин. — *Н.Н.*)».

По поводу поручений «Ивана-Генриха» Ирина сообщала:

«Мне очень жаль, что мы с Зеном так далеко от Вас, а в письмах, ведь я это понимаю, трудно сказать все. Вашу просьбу об адресе старика пока выполнить не могу. Если узнаю точный адрес (кстати, детишки совсем перекочевали к нему в Тверь), сообщу отдельно. Во всяком случае, я не уверена в том, что присылка денег придется дедушке по душе.

Известия от тезки доходят очень скудно. Думаю, что виною этому не почта, а ее собственное настроение в духе известного романа Чернышевского. Она сильно нервничает, видимо, потому, что не имеет весточки от мужа. Адрес ее я знаю, не сообщая его Вам, чтобы не причинять ей лишнего беспокойства, тем более что почтовые марки она не коллекционирует.

Рада за Вас, что собираетесь вновь в странствия, хотя то, что Вы едете, по Вашим словам, с неохотой, звучит для нас с Зеном, действительно, парадоксом. Пишите, что подельывает Юрочка, где учиться? Пишите по старому адресу, буду рада получить от Вас весточку. Зен не пишет от природной лени, но просит передать горячий привет коллегам по перу».

Вряд ли куратор дела «Спортсмены» в НКВД затруднился с расшифровкой иносказаний: «дедушка» — отец Ирины Пеллингер; «тезка» — жена Бориса; упоминание о том, что она «не коллекционирует почтовые марки» — совет не писать из-за границы на лагерь, в котором она содержится; «странствия» — ожидаемый переезд Солоневичей в одну из европейских стран; «природная лень» Зена — скорее всего, проблемы с «органами».

Следствием душевных переживаний Ивана стало возникновение романа между ним и 35-летней Людмилой Н., его восторженной поклонницей, не пропустившей ни одной его лекции в Гельсингфорсе и Выборге. Познакомились они

еще в феврале на выставке «Общества Русских художников в Финляндии» в Taidehalli, куда Ивана едва ли не силой затащил брат. Его повышенный интерес к изобразительному искусству объяснялся тем, что среди участников выставки была Ольга Курпатова-Хольстон, интерес Бориса к которой в последнее время стал явно преобладать над всеми другими его делами. Была даже отложена рукопись о героизме скаутов в советское время. В выставочном зале у графических работ, автором которых была Ольга, Иван и познакомился с ее подругой Людмилой.

Некоторое представление о характере их отношений дает письмо, которое Людмила отправила Ивану через полтора месяца после отъезда Солоневичей в Болгарию:

«Милый Ванюша, чем объяснить твоё упорное молчание? Я отправила одно письмо 5-го июня, другое — 17-го июня. От тебя же имела последнюю весточку 26 мая. Я, может быть, подло думаю, но уверена, что мои письма пришли, но не попали в твои руки. Это еще подлее! Тебя слишком оберегают и слишком взяли под надзор. Прошу тебя проверить относительно моих писем¹.

Неужели у тебя нет своего чувства долга? Не думаю, что не было времени написать пару слов. Если ушло все, если чувство было только временное, ведь мы же ни в чем не клялись. Так почему нет мужества честно и правдиво об этом сказать, а не заставлять меня, дурашку, бегать на почту и что-то ждать и на что-то надеяться?

Напиши обо всем, не жалея меня. Для меня чувство жалости слишком мелкое и унижительное. Себя же я подготовила к весьма грустному концу. Скажу одно, жаль... Но то, что было, было хорошо — не жалею»...

Аналогичную драму, но только в отношении Бориса, переживала в Гельсингфорсе Ольга Курпатова-Хольстон. Ей не оставалось ничего иного, как «жаловаться» старшему брату²:

«Я только по марке и по почтовому штемпелю догадалась, что вы прибыли на место назначения, и еще по тому, что в письмо был вложен трамвайный билет. После «того» первого письма я отправила ему еще 6 писем, которые, по моему

¹ Здесь, скорее всего, Людмила Н. намекает на Тамару Солоневич.

² Письмо из Гельсингфорса в Софию датировано 21.05.36.

мнению, могли бы тронуть и камни... Но ответа до сих пор не получила. Не то чтобы рассчитывала, что он «по-мужски» окажется сильным и поддержит меня, хотя бы словом, а на великодушие что ли, человеческую теплоту. А я сама привыкла всю жизнь рассчитывать только на себя.

Ах, дядя Ваня, можете ли Вы представить, что я перетерпела, как волновалась за всех вас, пока вы ехали, считала дни, беспокоилась? Конечно, Борис давно отучил меня «интересоваться» вашей жизнью, хотя праздным любопытством я отроду не страдала. Он не выносит никаких вопросов: «Я не привык давать кому-либо отчет...» Но не вправе ли все-таки я ожидать хотя бы самых элементарных сведений о вас, вроде: живы, здоровы, доехали, ни себя ни багажа в дороге не потеряли и т.д.

Ведь знает же он, как и Вы, что за 7 месяцев почти ежедневного общения с вами я, может быть, помимо вашего желания и вопреки моей воле, привыкла, привязалась, приросла к вам, и оставить меня так, в полной неизвестности, — жестоко».

В этом же письме Ольга упоминает о своей подруге Людмиле Н., давая понять Ивану, что она переживает такие же чувства:

«Третьего дня мы ходили с Милочкой на пляж и, проходя мимо одного, известного вам места, вспомнили, как мы пришли сюда за два дня до вашего отъезда греться на солнышке. Было, кажется, условленно, что и вы оба туда придете. Мы вас не застали... Вдруг прибежал Борис, стащил рубашку, плюхнулся и заявил: «В субботу мы уезжаем пароходом в Болгарию». Точка. Мы обе промолчали: что тут было сказать? Но три недели спустя, вспомнив, мы заплакали...

Напишите мне, дорогой, дядя Ваня, о вашей жизни (чуть было не написала «друг», да вовремя вспомнила, как вы от моей дружбы всеми вашими четырьмя медвежьими лапами отпихивались). Ах, как болит у меня сердце за вас, *шершавых!*»

Находясь в Гельсингфорсе, Борис с помощью Ольги Хольстон наладил переписку с Валентиной В., своей знакомой в Курске. Главная просьба: навести справки о жене и детях. Валентина сделала все, что могла, переслав, в частности, его записку Ирине Пеллингер на адрес лагерной санчасти. Несколь-

ко раз посетила она брата Ирины — «дядю Леву» Пеллингера, хотя тот прямо сказал, что подобного рода визиты ему не нравятся. Понятное дело, он боялся.

В середине ноября 1935 года Валентина отправила в Гельсингфорс на имя одной из подруг Ольги — Эльзы Вилькен (Каупиаскату, 11/1) — бандероль со справочником по медицине¹. Чекисты решили, что справочник может быть использован для установления между Борисом и В.В. «кодированной связи», и бандероль пропустили.

Для выяснения характера отношений Валентины В. с Борисом в Курск был командирован Бирштейн, сотрудник для особых поручений при начальнике ЭКО ГУГБ. Он поселился у агента Вольта, соседа Валентины по коммунальной квартире, выдав себя за инженера, приехавшего в служебную командировку. Когда женщина ушла на работу, ее комнату обыскали и обнаружили письма из Финляндии. В них Борис предлагал различные варианты налаживания связи со своей женой.

В одном из конвертов Бирштейн нашел «заграничную» фотографию Бориса и черновик ответа Валентины с комментарием на нее: «Скажу по совести, ни галстук, ни смокинг тебе не идут. Носи лучше рубашки с отложным воротничком, в них ты прежний и очень неплохой Волк, а в этом костюме ты похож... (скажу потом когда-нибудь тебе на ухо). Жду от тебя более приличного физкультурного фото. Тебе посылаю мой «официальный» снимок, сфотографироваться по-домашнему пока нет ни возможности, ни желания».

В последних своих посланиях Борис просил Валентину приехать в Москву в назначенное время, чтобы он мог позвонить ей на телефонную станцию из Гельсингфорса. В. дважды ездила в Москву, но ее попытки дождаться звонка от Бориса закончились ничем. Он опоздал на эти, им же самим назначенные сеансы связи.

С помощью друзей в России Борис все-таки выяснил, что Ирину, осужденную за попытку побега, после всех судебных мытарств направили в город Светлый в Дальневосточный лагерь ОГПУ. Первой заботой братьев было стремление оказать

¹ После переезда Солоневичей в Софию Валентина В. писала в Гельсингфорс на адрес Ольги Хольстон, Рунебергсгат 51В, 21.

ей и другим родственникам материальную помощь. Надежды в этом плане пробудил эмигрант Верганский. Он предложил такую схему: мать Верганского, живущая в Москве, будет передавать родственникам Солоневичей в столице или пересылать им в провинцию обусловленную сумму в рублях. После получения Валентиной подтверждающих расписок или почтовых квитанций братья будут выплачивать в Софии «организатору» сделки по 12 левов за каждый советский рубль. Этот же способ предприимчивый Верганский предложил другим эмигрантам в Болгарии, но его попытки заработать провалились: «деловые» письма Верганского перехватывались в «черных кабинетах» СССР.

В июле 1935 года в дело «Спортсмены» попала очередная открытка Бориса:

«Ириночка, любимая моя! Когда я получу от тебя хотя бы несколько строчек? Хоть бы ты приехала в большой город, хоть по телефону повидались бы пока что! Крепко верю, что ты не забыла меня, и расстояния, годы и преграды не мешают нам опять быть вместе. Ласково, нежно и крепко целую тебя, Снегурочка, Лада. Всегда любящий и ждущий тебя Кай».

Борис не оставлял попыток наладить переписку с женой и после переезда в Софию. Он надеялся на помощь РОВСа, но она оказалась неэффективной. Открытки, переданные Фосу для отправки его людьми «за чертополохом», до Ирины тоже не дошли:

«Милая Снегурочка, получила ли ты мои письма? Неужели ты не можешь откликнуться? Я только изредка узнаю, что ты жива и здорова, но мне так хочется знать, чем ты живешь, и что думаешь делать дальше? Пожалуйста, найди время и возможность ответить мне через Толю, Валю или Фр.Ив. Очень буду ждать твоих строчек. Крепко целую и люблю, всегда твой Кай»¹.

Все было напрасно. Борис упорно писал «в никуда». В книге «ГПУ и молодежь» есть щемящие и провидческие строки об Ирине: «Острая боль пронизывает мое сердце при мысли о том, что где-то далеко, в 12000 километрах отсюда, в глу-

¹ Открытки, разумеется, были советского образца, отправлялись из Москвы по адресу: г. Свободный, ДВК, Санотдел БАМ, з/к доктору Ирине Пеллингер.

бине Сибири, моя Снегурочка-Лада коротает свои одинокие дни в суровом советском концентрационном лагере. Водоворот мировой бури разметал нас в стороны, и Бог знает, когда мне опять доведется увидеть «роковые белые носочки», длинные русые косы и ясные глаза своего друга — жены... И доведется ли увидеть вообще?».

Предчувствия его не обманули. В мае 1938 года Ирина Пеллигер была осуждена «за контрреволюционную деятельность», а 17 сентября расстреляна.

Иван не раз писал в Россию на «надежные», с его точки зрения, адреса, чтобы узнать, прежде всего, о судьбе отца.

Много позднее он узнает, что его отец, а также Евгений и Зинаида были арестованы весной 1935 года как родственники «врагов народа». Полгода их держали в тюрьме в Симферополе, затем по решению «тройки» отправили в ссылку в Красноярский край. Старшую сестру Софью арестовали позже. Зимой 1937 года Лукьяна Михайловича и Евгения вновь арестовали по месту ссылки. Вскоре после этого Лукьян умер в тюрьме города Енисейска. Похожей, наверное, была участь Евгения. Об их судьбе сообщила в редакцию газеты «Наша страна» Зинаида Солоневич¹.

На Лубянке, как видим, были в курсе попыток Солоневичей связаться с близкими. Телефонные звонки на «нейтральных людей», письма с иносказаниями, телеграммы, — все они фиксировались 3-м отделом всемогущего аппарата ГУГБ НКВД. Параллельно чекисты изучали материалы прежних разработок, выискивая в них родственные и прочие связи «спортсменов».

В Крыму была установлена родная сестра братьев (по первому браку Лукьяна Михайловича) — Любовь. Там же были «выявлены»: приятель Бориса — капитан парохода «Кубань» Черноморского торгового флота В., 35 лет, и хороший знакомый Ивана по Одессе — граф Сергей Леонидович Капнист. В Ленинграде нашли Анастасию Н., 30 лет, которая в прошлом была участницей скаутского движения, и одно время была близка Ивану. По оценке чекистов, политической основы в отношениях Солоневича с нею «не просматривалось».

¹ «Наша страна», № 2320, 28.11.95.

Через десять месяцев после получения первого письма от Гучкова Солоневичи по-прежнему прозябали в Гельсингфорсе, а планы по совместному «разоблачению коммунизма» так и оставались планами. Тем не менее Иван все еще надеялся на его помощь:

«Гельсингфорс, 24 августа 1935 года

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

А.И. Ксюнин сообщил мне о Вашем проекте лондонского «показательного процесса» и прислал текст анкеты для лиц, желающих выступить на нем свидетелями. К этому проекту я не могу отнестись иначе, как с энтузиазмом, и не только в силу личного моего участия, но и как первой за очень многие годы широкой политической акции со стороны противобольшеvistских сил. Силы эти распылены и пассивны, я же знаю очень хорошо постановку заграничной работы большевиков (работал переводчиком с делегациями и интуристами), и совершенно уверен в том, что кремлевский зверь только выжидает подходящего времени для очередного прыжка в сторону мировой революции. Я иногда представляю себе кукольно-чистенькую и спокойную Финляндию, наводненную толпами т. Ворошилова и т. Ягоды, — и тогда пробирает жуть.

Наши анкеты я прилагаю при этом письме. Кроме нас здесь в Гельсингфорсе и вообще в Финляндии есть разные беженцы более или менее недавнего времени. Два матроса, крестьянский парень, бывший советский студент, красноармеец, два якута и т.д. Часть из них опустилась на дно... Но здесь можно подобрать человек пять людей вполне надежных во всех смыслах. Я знаком с техникой большеvistских дел, и для меня нет никакого сомнения в том, что и до и во время процесса скамья обвиняемых постарается одних перекупить, других дискредитировать, третьих, может быть, просто спотить. Малейший же прорыв на свидетельском фронте сильно ослабит все впечатление от процесса. Если я получу от Вас санкцию, я потихоньку займусь подбором этих людей...

У нас есть десятка три фотографий из жизни рабочих и крестьянских низов, и эти фотографии могли бы быть использованы для иллюстрации моей основной мысли: в лагере, по существу, нет ничего особенного, это только более законченная модель советского рая. «Пропаганда ужасов» и

лагерей ГПУ должны быть использованы как повод для показа того, что делается в России вообще, а я, объехав губерний тридцать, могу Вас уверить (конечно, никак не стараясь пропагандировать Вас), что в среднем в деревне хуже, чем в лагере. Меня за мои очерки и так упрекают в «чрезмерном сгущении красок». Если бы я описывал все, как есть, просто не поверили бы.

От Лиги Хоурда мы получили опросной лист об условиях быта заключенных и ответили на него. Из Англии я также получил анкеты для процесса от лиц, приписывающих себе инициативу (его проведения). Я запросил по этому поводу Т. Чернавину и на эти анкеты пока не ответил: советская жизнь и привычка к конспирации меня приучили.

Вопрос о моих лекциях в Европе стоит, конечно, особняком от предполагаемого процесса. Я получил из Парижа два не очень лестных предложения и на довольно тяжелых для меня материальных условиях, и был бы весьма признателен, если бы Вы легализовали для меня поездку или, хотя бы, помогли ее организовать»...

Резидент «Олег» в Париже имел своего человека в окружении Гучкова (его дочь) и потому держал деятельность экс-министра под неусыпным контролем. «Олег» сообщал в Москву:

«Гучков, как я вам раньше писал, находится в безнадежном положении. Помимо рака у него обнаружена водянка. На днях из него выкачали 9 литров воды. Сейчас все его заботы направлены по двум руслам: первое — заработать деньги (он носится с различными коммерческими предприятиями), второе — добыть визы Солоневичам. Последнее, несмотря на обращение Гучкова к французским единомышленникам, пока не увенчивается успехом. По слухам, выдачу виз тормозит Сюртэ».

Так оно и было. Гучков действовал «в пользу» Солоневичей через Маклакова¹, которому «патриарх» эмиграции объяс-

¹ Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957), из дворян. Учился и преподавал в Московском университете (историк). Один из лучших адвокатов России. Осенью 1905 г. — один из основателей кадетской партии, член ее ЦК. Член II—IV Госдум. Член масонской ложи «Свободная Россия». В 1917 г. — посол Российской Республики во Франции. В годы

нял сложившуюся ситуацию следующим образом: «Разумеется, менее всего братья рассчитывают на Францию — имеются некоторые виды для них в Чехословакии или Югославии. Но для того, чтобы им ориентироваться в европейских условиях, они хотели бы приехать в Париж на некоторое время. Они снабжены нансеновскими паспортами и сейчас возбудили ходатайство перед французским консулом в Гельсингфорсе о получении визы на три месяца».

Маклаков обошел все французские коридоры власти, но галльская бюрократия была непробиваема: «Сегодня получил уведомление, что дело Солоневичей было послано на заключение МВД, что является обязательной процедурой для всех, кто еще ни разу не был во Франции. Сегодня же через Муте¹ пишу в Сюртэ, чтобы они ускорили разрешение. К сожалению, это все, что я могу сделать. Для вящего успокоения нужно было бы вмешательство парламентариев. Муте — один из них, надорвавший себя тем, что просит (за русских эмигрантов) слишком много и часто»².

«Из-за кулис» за событиями, связанными с организацией приезда Солоневичей во Францию, пристально следили генерал Скоблин и предприниматель Третьяков. Последний из своей квартиры над кабинетом генерала Миллера по поручению НКВД осуществлял повседневный «слуховой контроль» за частными и служебными беседами начальника РОВСа и его подчиненных³. «№13», в свою очередь, пытался «придер-

Гражданской войны занимался материальным обеспечением Белых армий. После признания Францией СССР в 1924 г. возглавлял офис по делам русских беженцев при МИД Франции. В годы Второй мировой войны стоял на антифашистских позициях. В 1943 г. был на несколько месяцев арестован гестапо.

¹ Муте Мариус — сенатор, член умеренного крыла Социалистической партии. В правительственных кругах Франции его называли «другом русских эмигрантов». Возможно, соответствующее влияние оказывала на него русская жена.

² Из ответного письма Маклакова Гучкову, приблизительно декабрь 1935 г.

³ В некоторых публикациях в отношении «прослушки Миллера» указывается, что «пункт контроля» находился в советском посольстве, куда была якобы протянута «отдельная телефонная линия». На самом деле ап-

жать» некоторые письма братьев, чтобы затруднить их переговоры с РОВСом по поводу приезда.

Все это было слишком рискованно. Капитан Фосс писал Скоблину по поводу одного из таких писем:

«Очень рад, что дело с концертом у Вас, в конце концов, уладилось и жалею, что ни в чем не смог быть Вам полезен.

Буду Вам очень признателен, если Вы не откажете, как я уже Вас просил в одном из предыдущих писем, оставшихся без ответа, передать мне все данные Вам названия неизданных произведений. Они числятся под номерами 208/1, 2, 5, 6, 139/1, 2, 7, 4, 185/8, 2. Вопрос этот для меня весьма существен и поэтому покорнейше прошу не отказать сообщить мне Ваше мнение на этот счет. Ваш покорный слуга, искренне преданный Вам К. Фосс»¹.

Цифры в письме — зашифрованное имя Бориса Соловевича.

Скоблин ответил Фоссу через неделю:

«Дорогой друг! К моему глубокому сожалению получилась какая-то непонятная конкуренция, которая задержала наше турне. Все, что так было подготовлено с большим упорством, а главное — получение необходимых акцептов, — сошло на нет. Мой шеф уже, по-видимому, поставил об этом в известность Ельбова. Нами предприняты меры, дабы выяснить все происшедшее. Отмена произошла в самую последнюю минуту, когда готовился к отправке первый участник концерта. Прошу Вас вернуть мне те бланки, которые я Вам дал здесь. Один бланк я получил от Денисова.

Жму Вашу руку, П. Лукашев».

Текст ответа тоже зашифрован. Для этого использовалась специальная таблица «дубликатов» ключевых слов и имен. Таблицы имелись в «секретной части» всех отделов «внут-

паратура находилась в специальном помещении на квартире Третьякова. Аппаратуру и проводку с микрофонами («петьками» на языке технических специалистов НКВД) обнаружили немцы, когда вели расследование по факту сотрудничества Третьякова с советской разведкой.

¹ Письмо отправлено из Софии в Париж 7.09.35.

ренной линии». В письме Скоблин использовал следующие «дубликаты»: «конкуренция» — провокация; «концерт» — заброска; «турне» — отправка разведчиков; «акцепты» — паспорта; «шеф» — Миллер; «Ельбов» — Абрамов; «бланк» — фотокарточки; «Денисов» — Ладыженский; «П. Лукашев» — Скоблин.

О проблемах с «концертом» все разъяснено подробно, и ни слова в ответ — на вопрос о письме Солоневича!

На Лубянке в отношении Солоневичей имелось твердое мнение: во Франции им явно не место, они взбаламутят своей энергией эмиграцию, будут способствовать росту антисоветизма, что крайне нежелательно на фоне наметившихся признаков советско-французского сближения. Если же они сумеют «прорваться» в Париж, то стоит ли отдавать их под контроль «новопоколенцев», показывая тем самым, что РОВС весьма ограничен в силах и средствах?

Эти, подготовленные резидентом ИНО в Париже, тезисы Скоблин использовал в беседе с Миллером 18 сентября. Скоблин сказал, что «передавать Солоневичей в НСНП нельзя. Зачем помогать «новопоколенцам», которые во всем пакостят РОВСу? Он выразил сомнение в том, что братья станут работать по чьей-либо указке: «По всему видно, что эти люди намерены сохранить за собой полную свободу действий». Скоблин также заметил, что Гучков вряд ли успеет довести дело с визами до конца. Болезнь его прогрессирует, он лежит в госпитале «Бусико», постоянно и безрезультативно напоминая Маклакову о Солоневичах. О визах Гучков говорил сенаторам Гутро и Шарлю Дюмону, которые навестили его в госпитале. Французы кивали головами, обещали, но, выйдя на улицу, обо всем моментально забывали. «Боюсь, что Солоневичи останутся с длинным, как у Буратино, носом», — пошутил Скоблин.

Миллер на шутку не отозвался, достал из ящика стола письмо генерала Абрамова из Софии:

— Федор Федорович мне сообщил, что на вас жалуется капитан Фосс. Какие-то письма Солоневичей, адресованные ему, застряли у вас. Это так?

— Совершенно верно, — недовольно буркнул Скоблин.

— Капитан три раза просил вас переправить ему эти письма, а вы не удостоили его ответом. В чем дело?

— Ответ ему послан. Фосс тоже не ангел. В какой уже раз пишу ему по поводу присылки карточек на людей, готовящихся к отправке в Совдепию, а он молчит. А ведь это куда более важное дело, чем лекции Солоневичей. Разница между Фоссом и мной в одном: он строчит кляузы, а я молча терплю...

Письма Бориса Скоблин отправил в Софию. Инцидент был исчерпан. Коллеги по «внутренней линии» примирились.

Третьяков тоже посетил Миллера в сентябре и от имени Гучкова просил помочь оплатить проезд Ивана Солоневича в Париж. Миллер согласился выделить на это 300 франков. С такой же просьбой приходили к нему руководители «новопоколенцев» В. Поремский и С. Рождественский. Они заявили, что намерены взять Солоневичей под свое «покровительство» и провезти их для чтения лекциями по всей провинции.

Миллер одобрил эту идею, но заметил, что Иван Солоневич должен приехать во Францию один. По мнению генерала, Солоневичи «в полном составе» осложнят организацию лекций, ибо все будут в унисон повторять одно и то же. Миллер так и сказал: «Если Гучков намерен выписать всех троих, то я не буду принимать участия в оплате их приезда».

Во время вечерних прогулок Третьяков оставлял в тайниках записи бесед в кабинете Миллера. Имена Ивана и Бориса появлялись в них ежедневно.

Запись от 13 сентября:

«Пришел (генерал) Кусонский. Говорит с Миллером о желаниИ Гучкова выписать из Финляндии Солоневичей. Миллер не хотел бы давать на этот вояж денег. Выписать людей нетрудно, но кто гарантирует, что они будут себя вести в Париже прилично. Ведь Гучков хочет выписать всех троих, один окажется приличным человеком, а двое — прохвостами. В сущности, Миллер склонен финансировать приезд Солоневичей только при одном условии: они должны дать подписку, что по приезде в Париж поступят в полное распоряжение Национального союза нового поколения (НСНП), и все свои выступления будут делать с согласия организации. Кусонский с мнением начальства полностью согласился».

Запись от 14 сентября:

«Поремский и Рождественский пришли к Миллеру для обсуждения вопроса о возможности переезда Солоневичей

в Париж. Поремский вел переговоры с Гучковым, тот даст на это некоторую сумму денег. Вероятно, даст Торгпром (Третьяков). Есть, кроме того, надежда кое-что сорвать с герцогини Атольской на это дело. Гучков считает, что приезд Солоневичей можно считать свершившимся фактом. Неясно, правда, кто же будет руководить деятельностью визитеров. Гучков предлагает Поремскому заняться этим во французской провинции, так как Париж можно обслужить и без услуг НСПН. Для Миллера весь вопрос заключается именно в том, кто будет руководить ими во Франции. Для генерала вопрос весьма прост: если Солоневичи попадут в руки НСПН и заранее согласятся свои выступления проводить под эгидой этой организации, тогда Миллер готов им помочь. В противном случае он воздержится от всякой помощи. В самом деле, давать деньги человеку (т.е. Ивану), который по приезду в Париж попадет в руки Миллюкова и начнет громить Торгпром и РОВС, — более чем неосмотрительно. Поремский вполне согласен с Миллером. В таком же духе он будет разговаривать с Гучковым. Ивану Солоневичу будут поставлены определенные жесткие условия. Он заранее должен их принять, и уже после этого можно будет говорить о его приезде во Францию. Миллер переговорит на эту тему с Третьяковым».

Д. Левицкий (из руководства РОВСа) в беседах с Миллером тоже затронул тему Солоневичей, причем в довольно циничной форме: «Братьев надо использовать лишь коммерчески. Имей я деньги, «выписал» бы их из Финляндии на правах импресарио и хорошо бы на них заработал».

Генерал Миллер такой «коммерции» и такого «заработка» не одобрил. По его мнению, подобный подход к эмигрантам, пусть и недавним, неприемлем и морально, и этически.

За месяцы жизни в финской столице Солоневичи утвердились в своем первом впечатлении: эмиграция погружена в апатию и внутренние склоки. И «на верхах» и в «низах» доминирует ощущение безнадежности, большинство занято выживанием и маниловскими мечтами о том, как однажды, благодаря вмешательству некоей несокрушимой «внешней силы», двери в Россию будут распахнуты настежь. И тогда они, не шевельнув пальцем, смогут вернуться домой, чтобы восстановить свои права на все утраченное в 1917 году — имущество, сословные привилегии, чины и должности.

Убедились Солоневичи и в том, что выбраться из сонной Финляндии «куда-нибудь поближе к центрам антибольшевистской борьбы» крайне трудно. Западноевропейские страны давали визы русским эмигрантам крайне неохотно, избегая ссор с Советским Союзом. Лидеры эмиграции хорошо знали, что Солоневичи не собирались сидеть сложа руки, — они намеревались рассказать правду о своем советском опыте, приободрить соотечественников и разбудить пассивную эмигрантскую массу для более активной политической жизни. А все это было чревато последствиями. Статус кво, достигнутый в отношениях с властями стран пребывания, в результате острых заявлений Солоневичей мог быть нарушен с негативными последствиями для всех без исключения эмигрантов...

После отказов Франции, Германии и Бельгии принять их, у Солоневичей оставалась только одна возможность для «проникновения» в Европу. Болгарский отдел РОВСа в лице Фосса усиленно зазывал их, обещая помощь в организации проезда, устройства на месте, издании газеты. Фосс надеялся, что «в обмен» на помощь Солоневичи дадут надежные явки в СССР, сообщат о лицах, на которых можно будет опереться для проникновения в «стратегически важные» советские учреждения.

В начале ноября 1935 года Фосс написал Скоблину:

«Думаю, что с визами для Ивана и других Солоневичей в Париж ничего не получится. Делу этому сильно «помогли» «новопоколенцы», которые в целях саморекламы раструбили об их приезде и дали возможность *нашим врагам* заблаговременно принять соответствующие меры».

Что ж, «№13» хорошо знал, что в данном случае капитан Фосс был полностью прав.

В 1935 году в Финляндию был направлен новый резидент. В задании на командировку ему среди прочих задач предписывалась разработка враждебных слоев эмиграции. Семья Солоневичей была обозначена как «крайне опасная антисоветская группа, подлежащая усиленному контролю».

Агентура ИНО в Гельсингфорсе успешно обеспечивала этот контроль, попутно выявив, что финские власти зани-

мались тем же самым: следили за каждым шагом «семейки». Второй отдел Генштаба завел на них «наблюдательное дело», и сводки «о поведении и характере контактов» Солоневичей докладывались начальнику отдела полковнику Свенсону или его заместителю подполковнику Мальмбергу. Финские контрразведчики тесно общались с генералом Добровольским, который в годы Гражданской войны на севере России не раз доказывал бескомпромиссную враждебность к большевикам и лояльное отношение к Финляндии. Полученные на Солоневичей «компрометирующие материалы» финская контрразведка и полиция передавали Добровольскому.

Солоневичи были представлены генералу 11 апреля 1935 года после одной из его лекций в Русском клубе. Он был предельно осторожен в словах, явно сохраняя дистанцию. Братья ничего другого не ожидали: «Генерал не раз «обжигался на молоке» чекистских провокаций, и потому дует на воду, чтобы не влезть в какой-нибудь «новый Трест».

«Обеспечивая» Солоневичей постоянным наблюдением (даже Юра не избежал этой участи) Добровольский получил от финнов очередной «сигнал» о возможном предательстве в РОВСе, причем на самом высоком уровне.

В конце августа 1935 года специальным курьером Добровольский отправил Миллеру тревожную депешу:

«Сегодня около полудня меня посетил местный представитель дружественной фирмы, просивший немедленно известить Вас или Петра Петровича об их решении прекратить все связи с нами. Документ, который он мне показал в доверительном порядке, указывает, что летом прошлого года местный представитель наших конкурентов был в курсе отправки двух образцов товаров. Он получил задание выявить их и наблюдать за их дальнейшими действиями. Затем, то же лицо было уведомлено о возможности отправки сюда следующей осенью новых товаров. Равным образом он получил задание еще пристальнее наблюдать за этой новой отправкой. Нужно отметить, что именно из Вашей страны был дан сигнал о том, что новые товары должны прибыть на мой адрес. Со всем не желая плохо думать о нашей фирме, и в частности о Петре Петровиче, который произвел здесь самое лучшее впечатление, наши друзья категорически отказались от работы с нами. Они просили меня самым серьезным образом привлечь Ваше внимание к тому, что наши конкуренты рас-

полагают у Вас возможностями внимательно следить за нашей торговлей».

«Дружественная фирма» — это Второй отдел генштаба, «Петр Петрович» — генерал Скоблин, «конкуренты» — советская разведка, «товар» — боевики, «наша фирма» — «внутренняя линия» РОВСа.

Осенью 1935 года и летом следующего Скоблин посетил Финляндию, чтобы разрешить «недоразумение» с «дружественной фирмой». Финны, накопившие к тому времени большой опыт противодействия советской разведке, знали о подозрениях, которые время от времени возникали в РОВСе в отношении «Петра Петровича», и не могли не отметить, что все его прежние попытки по отправке боевиков в Советскую Россию завершались провалом. Миссия Скоблина успеха не принесла.

Подметные письма в гестапо

Попытки братьев «пробиться» в Германию, Францию, Англию или, на худой конец, в Югославию пробуксовывали. О визах во Францию хлопотали Маклаков и Гучков — безуспешно; в Германию — антикоммунистическая Лига Обера и филиал РОВСа в Берлине — тоже без просветов.

«Насчет визы в Германию мне было обещано содействие по всем линиям РОВСа, — с недоумением писал Борис Фосу, — вплоть до использования авторитета фон Лампе¹. И до

¹ Лампе Алексей Александрович фон (1885—1967) — генерал-майор. Окончил Николаевскую военную академию (1913). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Летом — осенью 1918 г. возглавлял (вместе с полковником Б.А. Штейфоном) подпольный центр в Харькове, который обеспечивал переброску офицеров в Добровольческую армию. В Добрармии с конца 1918 г. С 1920 г. по поручению генерала Врангеля выполнял обязанности военного агента в Константинополе, Копенгагене и др. местах. С 1923 г. находился в Германии, с 1924 г. возглавил 2-й региональный отдел РОВСа — Германия, Австрия, Венгрия, прибалтийские страны. После роспуска в Третьем рейхе русских организаций временно арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал в Париж, вошел в руководство РОВСа. С февраля 1957 г. и до самой смерти возглавлял Союз.

сих пор ничего! Либо авторитета нет, либо — реального желания помочь». Германия особенно привлекала Бориса: ассоциация профессиональных борцов пригласила его на квалификационные испытания, чтобы включить его в один «из кочующих по стране чемпионатов»¹.

Сложности с получением визы побудили Бориса обратиться с письмом о помощи к самому Альфреду Розенбергу, нацистскому эксперту по «восточным делам». Борис подробно изложил обстоятельства своей жизни в Советской России и побега из нее. Он высказал недоумение в том, что ему отказывают в праве на въезд в Германию, хотя он представил все необходимые документы, включая официальное приглашение Берлинской организации профессиональных борцов.

«Несмотря на то, что у меня есть приглашение, нансеновский паспорт и обратная виза в Финляндию, — писал Солоневич, — германское консульство в Гельсингфорсе без разъяснения причин отказало мне. После долгих ходатайств со стороны Нансеновского ведомства в середине мая с.г. поступил второй отказ, причем господин Брандт, секретарь консульства, сказал мне, что главными причинами являются материальные соображения».

Самые сильные аргументы Борис приберег для концовки письма:

«Я думаю, что ведомства германского правительства, которые отказали мне в разрешении на въезд, не учли, очевидно, политической стороны моего побега из СССР. Я бежал не для того, чтобы спасти жизнь, а для того, чтобы рассказать всему культурному миру о жизни в Советской стране. Мои статьи, а также моего брата, печатаются в парижской эмигрантской прессе, «Морнинг-пост», «Нейе Бернер Цейтунг», «Гельзинген Саномат» и других. Отдел иностранной печати при Министерстве иностранных дел ознакомился с нашими материалами. Он считает их достойными внимания. В настоящее время я заканчиваю книгу о преследовании скаутов в

¹ Германское консульство в Гельсингфорсе дважды отказывало Солоневичам в визе, мотивируя это безработицей в Германии и «ограничениями на прием иностранцев». Консул пытался убедить Солоневичей, что политические мотивы не играют никакой роли, «ибо с этой стороны отзывы о вас вполне благоприятны».

Советском Союзе и надеюсь в будущем стать полезным антибольшевистскому движению. Отказ в разрешении на въезд в Германию, которая является мировым центром по борьбе с коммунизмом, — меня сильно удивил. Понимая, что низшие инстанции германского правительства могли не учесть вышеуказанных условий, я прошу Вас помочь мне в пересмотре этого вопроса»¹.

В Москве «пересмотра», разумеется, не хотели. Поэтому в конце августа того же года резидент НКВД в Риге после продолжительной проверки (нет ли «хвоста?») бросил в почтовый ящик на окраинной улочке письмо следующего содержания:

«Глубокоуважаемый господин Генеральный консул!

Несмотря на то, что мне тяжело разоблачать мужчину, которого я люблю, вынуждена сделать это, так как считаю интересы новой Германии превыше всего. Речь идет о деятельности русского доктора Бориса Солоневича, проживающего сейчас по адресу Каупиаскату, 11/1, Гельсингфорс. Этот авантюрист и шпион, находясь в тайной связи с Советами и работая по их заданию, предпринимал ранее шаги к поездке в Ригу. Здесь, однако, полиция была осведомлена о его шпионской работе и отказала во въездной визе. По указанию русских он намерен перебраться в Германию. Солоневич уже связался с советской разведкой в Берлине, и одна из темных личностей намерена послать ему визу из германской столицы.

Этот «доктор» Солоневич (который таковым никогда не был), являющийся, собственно, борцом по профессии, обладает колоссальной силой и поэтому представляет опасность. Он имел беседу относительно визы и с неким господином Брандтом. К счастью, тот был достаточно осторожным, чтобы помогать ему. Этот доктор Солоневич, который в компании со своим братом и его сыном «сбежал» из России, явля-

¹ Письмо Б. Солоневича было отправлено в Берлин 25.05.1935. Через полтора месяца с его копией ознакомилась «головка» НКВД — Ягода, Агранов, Прокофьев, Миронов, Маковский. В примечании к документу было указано, что Солоневич направил письмо аналогичного содержания на имя рейхспортфюрера. Копии писем Солоневича передал советскому резиденту в Берлине агент «А/201», сотрудник гестапо Брайтенбах — один из самых ценных агентов советской разведки в Германии, который курировал в гестапо «советскую линию».

ется очень опасным человеком, в особенности для Германии, где он имеет еще и жену, проживающую в Берлине и поддерживающую темные отношения с русскими и евреями!

Да будет спасена наша новая Германия от таких людей!
С немецким приветом Эльза».

Еще одно письмо — на этот раз без подписи — было направлено из Гельсингфорса в Берлин в адрес гестапо — Государственной тайной полиции — на Принц-Альбрехтштрассе.

«Некий доктор Борис Солоневич, владелец нансеновского паспорта № 8/3381 или 8133, который живет в Гельсингфорсе, намеревается в ближайшее время поехать в Берлин. Он принадлежал в Советской России к известной организации «Динамо», являющейся филиалом ГПУ. Свою нелегальную работу в Германии он готовил в течение долгого времени. В этом деле ему помогала жена, проживающая в Берлине. Она работала в русском торгпредстве и выполняла обязанности курьера для центра шпионажа.

Некоторое время тому назад она ездила в Финляндию и дала Солоневичу информацию о положении в Германии. Он выработал план, направленный против нашего вождя господина Альфреда Розенберга и спортивного вождя господина фон Остена. Чтобы осуществить его, Солоневич написал письмо господину А. Розенбергу, надеясь этим добиться у него аудиенции. Так как Солоневич бывший борец и обладает большой силой, то при встрече с ним необходимо принять особые меры предосторожности.

Солоневича в преступных планах поддерживает один русский генерал, связанный с Францией¹. В последнее время Солоневич выдает себя за врача и как таковой собирается открыть салон для массажа.

Этот случай надо очень тщательно проверить. Эта пара поддерживает сношения с некоторыми вождями СА, которые, не имея понятия об их преступной деятельности, являются в ней помощниками. Хайль Гитлер!»

В конце августа 1935 года анонимное письмо получил Генеральный консул Германии в Гельсингфорсе. В письме «намекалось», что Тамара Прцевоцни со своим немецким мужем занимается «шпионской работой» в пользу Сталина.

¹ А. А. фон Лампе.

В гестапо не оставили без внимания «подметные письма» с нарочито запутанным содержанием. Завели дело, и на все пограничные пункты рейха направили «контрольку» на фамилию Solonewitsch, в которой, в частности, было указано, что этот человек подозревается в подготовке покушений на «ведущих членов НСДАП». Гестаповцы приступили к поискам «жены» Бориса и вскоре выяснили, что «ревнивая» Эльза приписала «возлюбленному» жену его брата Ивана. Впрочем, это не меняло дела. Тамара «по всем параметрам» была подозрительной дамой, потому что «при странных обстоятельствах» (уловки НКВД?) стала женой немца-коммуниста, а в прошлом работала в советском торгпредстве, которое использовалось для прикрытия разведчиков из Москвы.

В сентябре Центр запросил резидента «Рудольфа» в Берлине о результатах акции, отметив, что «по некоторым данным, Тамара Прцевоцни была арестована по своему местожительству на Альбрехтштрассе, 22». В запросе подчеркивалось: «Этому делу уделяется исключительное внимание, а посему дайте задание «А/201», чтобы он, соблюдая сугубую осторожность, попытался установить результат мероприятия».

Но даже «А/201», Брайтенбах, смог получить достоверную информацию о «последствиях» компрометирующего мероприятия с задержкой: в гестапо ввели строгие правила внутренней безопасности. Вторгаться в «чужую компетенцию» для «А/201» было чревато. Наконец, удалось выяснить, что письма в гестапо поступили и вызвали ожидаемую на Лубянке реакцию: Тамару пригласили на Принц-Альбрехтштрассе «на собеседование». Она рассказала все, что знала, о семействе Солоневичей, концлагере и побеге. Твердо подтвердила, что они — антикоммунисты. О своем браке с Прцевоцни сказала — «по любви!». Что еще она могла сказать? Гестаповец все записал, потом молча перечитал записанное и, сделав отметку в пропуске Тамары, отпустил ее восвояси. Больше гестапо Тамару не беспокоило, но запрещающая «контролька» на въезд братьев Солоневичей в Германию так и не была отозвана. Усилия генерала А.А. фон Лампе «пробить» визу братьям заканчивались одним и тем же: жестким «Nein!».

Резидент «Рудольф» направил 13 октября 1935 года из Берлина зашифрованную телеграмму в ИНО, в которой сооб-

шил о беседе с секретарем полпредства Евгением Г. Поначалу разговор носил «бытовой характер», потом дипломат упомянул о Прцевоцни, преподавателе немецкого языка в полпредстве и его жене — Тамаре Солоневич. Фамилия Солоневич насторожила «Рудольфа». Он спросил, не бывшая ли это жена известного спортивного деятеля? Г. подтвердил это, отметив, в частности, что «известный многим в Москве Иван Солоневич, — всегда был скрытым контрреволюционером. Когда проходила чистка ныне исключенного из партии Евгения Братина (в «Известиях»), он (Г.) сообщил, — кому следует, — о прежних связях Братина с Солоневичем, который вместе с братом был арестован и заключен в концлагерь, а потом вместе с ним бежал за границу (Г. прочел об этом в польских газетах)».

После беседы «Рудольф» распорядился незамедлительно отстранить Прцевоцни от преподавательской работы. Еще бы: у потенциального врага брали уроки языка практически все сотрудники резидентуры! В Москве, на Лубянке, схватились за голову, вот, действительно, правая рука не знает, что делает левая. Никто не удосужился по-настоящему установить, кто такой Прцевоцни, не имеет ли второго дна?

Курс на Болгарию

Стремление Фосса использовать Солоневичей для получения информации о Советском Союзе и не слишком торопиться с помощью у Бориса вызывало раздражение. Со свойственной ему прямоотой он расставил акценты в письме от 17 октября 1935 года:

«Я человек дисциплинированный, встал в ряды РОВСа сразу же после приезда. Должен прямо сказать, что без директивы людей, которых я знаю и которым подчинен, твои просьбы по линии политических высказываний выполнить не могу. Ты как-то не представляешь себе, что ты для меня только товарищ по гимназии, а кто ты теперь и какое отношение имеешь к РОВСу, — я ведь совсем не знаю. Местный представитель РОВСа тебя тоже не знает. А ты просишь критики, соображений, статей и пр. и пр.

Надеюсь, что ты все поймешь и не обидишься. Если я много и долго проверял подлинность местного представителя

РОВСа, то тем более это мне нужно в отношении тебя. Я очень благодарен за присылку всяких материалов и ценю это доверие, но это не значит, что этим вопрос исчерпан. Продвигай его посерьезней, если хочешь вместе поработать над чем-нибудь. Материалов и точек зрения у меня найдется много, но я должен знать, КОМУ я их даю, и доходит ли это до Центра?»

Фосс признал весомость аргументов Бориса:

«Твое письмо получил и несколько ему не удивился, а тем более не обиделся. Дело в том, что мне казалось, что для тебя должно быть достаточным то, что *как* и *через кого* ты получил мое первое письмо. А затем в моих посланиях всегда сквозило то, откуда я и каких убеждений. О себе же не говорил по той простой причине, что этого не люблю, но раз ты требуешь — изволь.

Ты, наверное, знаешь, что в РОВСе есть отделы по странам. У нас в Болгарии — 3-й отдел. Начальником его является генерал Федор Федорович Абрамов, у которого твой покорный слуга состоит адъютантом уже двенадцать лет. От тебя прошу справок и материалов не из простого любопытства, а исключительно потому, что это нужно для работы. Для большей уверенности добудь русский военный календарь-памятку за 1929 год, где на 121-й странице найдешь мою фамилию. Кроме того, если ты знаком с редактором «Клича», попроси его навести обо мне справки в Болгарии у генерала Зинкевича¹, с которым он состоит в переписке. Когда во всем убедишься, — отвечай мне на все мои вопросы, ибо это мне очень важно».

Редактор газеты «Клич» Романов подлинность «принадлежности» Фосса подтвердил. Но одновременно в 3-й отдел РОВСа Софии пришло указание парижского Центра: «Занимайтесь работой в своем округе. Все секретные материалы, которые поступают от Солоневичей, Фосс может получить через Париж, если это будет сочтено необходимым».

¹ Зинкевич Михаил Михайлович (1883—1944) — генерал-майор, участник Русско-японской и Первой мировой войны. В Добровольческой армии с 1918 г. После 1922 г. — командир Алексеевского пехотного полка на руднике Перник в Болгарии. Один из руководителей 3-го отдела РОВС. Во время Второй мировой войны — командир батальона в 5-м полку Русского охранного корпуса в Югославии. Скончался от ран, полученных в бою с партизанами Тито.

Клавдий несколько ослабил хватку, но надежды на получение от Бориса «явок» в России на «южном направлении», не потерял. Волей-неволей Фосс стал ходатаем по делам Солоневичей в Болгарии. Было очевидно: если братьям не помочь с переездом, ждать от них нечего.

Фосс продолжал прощупывать Бориса «на предмет» использования его по линии РОВСа, вплоть до нелегальной забороски на территорию Советов. Ведь «за чертополох» предпочтительнее посылать людей, адаптированных к тамошней жизни. Многочисленные провалы боевиков, которым удалось пересечь советскую границу, — убедительное тому подтверждение. По мнению Фосса, работа с Борисом в этом направлении «имеет перспективу», он — убежденный враг Советской власти, по-настоящему — до экстремизма — непримирим, настроен на террор. Возможно, это реакция на пережитое, невероятные лишения в Соловках, боль за оставленных в России отца, жену и детей...

Такие выводы Фосс делал на основании писем Бориса:

«На интересующий тебя вопрос скажу без углубления в доказательства: советско-партийный аппарат очень крепок. Восемнадцать лет идет непрерывная внутренняя борьба против власти с неизменным преимуществом на ее стороне. Без внешнего толчка — войны, крупного террористического акта, какого-либо удачно сложившегося восстания, поддержанного извне, — вряд ли есть шансы на свержение этой власти. Отсюда колоссальный размах пораженческих настроений в стране, ибо эта власть никак не может рассматриваться как русская. И кто бы ни пришел ей на смену, будет встречен радостно, ибо это, несомненно, обозначит перелом в сторону нормализации жизни. А ждать, что «Бог даст, все образуется само собой», и без внешней помощи удастся переболеть и ожить, — устали! В эволюцию этой власти давно уже никто не верит, кроме, кажется, младороссов. Но эта вера оплачивается»¹...

Фосс попытался выяснить отношение Бориса Солоневича к фашизму. Вызывая его на откровенность, Фосс писал:

«Большевики считают сейчас главным врагом фашизм, но, конечно, не в тех уродливо-подражательских формах, что он принял в русской эмиграции. Учитывая эти страхи боль-

¹ Из письма Б. Солоневича — К. Фоссу, 2.09.1935.

шевилов, мне кажется, что нам следовало бы хорошенько изучить теорию фашизма и гитлеризма, взять из нее все полезное и пересадить на нашу русскую почву. Какого ты мнения на этот счет?»¹

Борис, словно предвидя этот вопрос, написал Фоссу о своей позиции в отношении «моды на фашизм» с опережением:

«Из русских фашистских журналов я читал только «Клич» и «Фашист». Последний (Вонсяцкого) производит совсем несерьезное, если не сказать больше, впечатление. Советский читатель скажет: «Вот халтура!» «Клич» много серьезней, но его программа (или программа его «фашизма») чрезвычайно расплывчата и, разумеется, очень мало применима для современной России. Создавать политические теории абстрактно — неблагоприятная задача. Без проекции на новую жизнь в России — они обречены на судьбу бумажек»².

Фосс считал вероятной поездку Солоневичей во Францию для чтения лекций, и, стараясь предотвратить негативное (с точки зрения РОВСа) влияние тамошней эмиграции на братьев, проводил превентивную «воспитательную» работу с Борисом:

«Имей в виду, что в Париже ты попадешь в самое болото эмигрантской жизни, наслушаешься и насмотришься многого. Наверное, особенно плохо тебе будут говорить о РОВСе. Не верь этому. В Союзе, как и повсюду, есть много недостатков и отрицательных сторон. Мы их чувствуем и с ними боремся. Поверь мне, что в РОВСе есть много живых сил, которые ведут настойчивую работу на главных направлениях. Даю тебе адрес своего командира (генерала Туркула. — Н.Н.). Он тоже не чужд критики, но это энергичный человек, который знает наши задачи и делает все возможное. Ему надо помочь»³.

В письме Туркулу⁴ Фосс разъяснил ситуацию, складывающуюся вокруг предполагаемой поездки Бориса во Францию:

¹ Из письма К. Фосса — Б. Солоневичу, 1.10.1935.

² Из письма Б. Солоневича — К. Фоссу, 2.09.1935.

³ Письмо Фосса — Б. Солоневичу, 28.11.1935.

⁴ Туркул Антон Васильевич (1892—1957), родился в Тирасполе, русский, из семьи служащих, окончил реальное училище. В начале Первой мировой войны после ускоренного курса юнкерского училища был зачислен в звании прапорщика в 75-й пехотный Севастопольский полк.

«Надо иметь в виду, что к его приезду в Париж туда же собираются на какой-то съезд НТСНП Георгиевский¹ и Байдалаков², которые приложат все усилия, чтобы отбить у нас Солоневича. Это может им легко удастся, потому что Борис сопоставит их руководство с нашим. Сравнение будет не в нашу пользу, если он сразу не попадет к вам, и вы ему не покажете, что у нас не все обстоит так плохо. Очень прошу Вас убедить Е.К. Миллера обязать Солоневича выступать только от нашего имени»³.

Несмотря на сотрудничество РОВСа с «новопоколенцами» и взаимную политическую симпатию, определенная ревность друг к другу у них сохранялась. Энергичные руководители НТСНП представляли молодую поросль эмиграции, были преисполнены новых идей, энтузиазма, уверенности в конечном успехе своей исторической миссии в России. Михаил Георгиевский был избран генеральным секретарем на 2-м съезде партии в декабре 1931 года. Он являлся прирожденным лидером, сочетавшим способности идеолога и гибкий ум практика, готовность к рискованным шагам для достижения партийных целей. Он был выходцем из крестьянской семьи, но благодаря своей настойчивости и природным талантам получил высшее образование, преподавал в Петербургском университете и владел несколькими иностранными и древними языками. К Октябрьской революции отнесся враждебно, и потому отправился на юг и принял участие в южнорусском правительстве генерала А.И. Деникина.

После поражения белых армий Георгиевский оказался в эмиграции. В Югославии устроился преподавателем иностран-

В годы Гражданской войны сражался в отряде М.Г. Дроздовского, потом в Дроздовской дивизии. Приказом П.Н. Врангеля был произведен в генерал-майоры. Обеспечил успешную эвакуацию армии и беженцев из Крыма в ноябре 1920 г. В эмиграции занимался активной военной и политической деятельностью. Автор воспоминаний о Гражданской войне — «Дроздовцы в огне» (1948 г.). Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

¹ *Георгиевский* Михаил Александрович (1888—1950) — генеральный секретарь НТСНП.

² *Байдалаков* Виктор Михайлович (1900—1967) — председатель совета НТСНП с 1931 г.

³ Письмо Фосса — Туркулу, 27.12.1935.

ных языков в гимназии городка Земуне, посвящая все свободное время политической деятельности в Национально-Трудовом Союзе Нового Поколения (НТСНП). Георгиевский вел активную работу по налаживанию полезных связей с «влиятельными силами», в том числе с разведывательными службами стран Европы и Японии. От японцев, военных атташе в Берлине и Варшаве — Кавабэ и Савады, — «новопоколенцы» получали финансовые средства на антисоветскую деятельность. С помощью японцев в пригороде Берлина Фалькензее ими была создана подпольная типография, занимавшаяся изготовлением печатной продукции подрывного характера, которая по разным каналам забрасывалась в Советский Союз.

Среди лидеров эмиграции Георгиевский одним из первых понял опасность, которую представлял для России Гитлер, последовательно осуществлявший свою программу установления «нового порядка» в Европе. В беседах с друзьями Георгиевский не раз повторял: «Нам не нужны немцы побеждающие». Отсюда — предложенная им формула «третьей силы», ставки только на русские возможности при самых неблагоприятных исторических обстоятельствах. К ним относилась и смертельная схватка двух тоталитарных систем — нацистской и советской. Идея «солидаризма» (как противовеса марксизму) также была разработана Георгиевским. Именно в этом духе воспитывались кадры НТСНП, «новопоколенцы» стали постепенно называть себя «солидаристами»¹.

Не напрасно Фосс опасался того, что Георгиевский и Байдалаков очаруют Солоневичей: они были политиками современного типа, не скрывали своего радикализма и были готовы к применению своих теорий на практике.

Конкретное предложение о переезде Солоневичей в Болгарию Фосс сделал в письме от 21 сентября:

«Визу тебе и твоим в Софию я устрою. Для этого пришли мне ваши фамилии, имена, отчества, даты рождения, профессии, все паспортные данные, кем выданы документы. Имей в виду, что с интеллигентным трудом дело у нас обстоит из рук

¹ Профессор М. Георгиевский, лидер НТС, в октябре 1944 г. был схвачен партизанами Тито, передан группе СМЕРШ и вывезен в СССР. Был приговорен к смертной казни в Москве 25 июля 1950 г.

вон плохо. С лекциями тоже не дадут особенно развернуться, ибо имеется (советское. — Н.Н.) полпредство и (власти) не хотят неприятностей. Жизнь дешева. Ты все это взвесь, обсуди и реши».

Проблему виз для Солоневичей пытались разрешить другие европейские «структуры» РОВСа. Были и такие, что решили ничего не делать. Генерал Гартман из Брюсселя известил В. Альфтана о причинах, по которым не будет заниматься делами братьев: «Бельгия признала советскую власть.хлопотать за «субъектов», которые везде, где можно, громогласно ругают эту власть — опасно! За такое ходатайство можно заплатить высылкой».

Миллер возмутился: «Разве допустим такой подход к важному делу со стороны видного представителя белой русской эмиграции?! Это мотивы мелкого эгоистичного характера! Если все так будут рассуждать, то грош нам цена!» На призыв Миллера пересмотреть это решение Гартман не ответил. Но послал на имя Бориса письмо, в котором объяснил сложившуюся «неблагоприятную» ситуацию. Борис поспешил разъяснить, что они могут обойтись без докладов в Бельгии и что для них важно попасть в Европу, «а там видно будет». Гартман вновь «дипломатично» промолчал.

Для братьев стало очевидным, что возможности РОВСа ограничены и что нынешний уровень влияния организации на европейские власти — ничтожен... Борис стал просить помощи у «новопоколенцев».

В августе 1935 года Центр написал резиденту «Максиму»¹ в Софию о том, что «существует угроза» того, что Солоневичи

¹ Резидент «Максим» — Василий Терентьевич Яковлев родился 15 марта 1899 г. в с. Антипово Юхновского р-на Смоленской области в семье железнодорожника. Окончил ж.-д. училище, школу телеграфистов. В 1919 г. добровольно вступил в Красную Армию, участвовал в боях на Западном фронте. Поступил на работу в органы ВЧК в 1921 г. Участвовал в борьбе с бандитизмом в ряде губерний. В 1923 г. был переведен в Москву в центральный аппарат. В ИНО ОГПУ — с 1931 г. В 1935 г. был направлен резидентом в Болгарию. Яковлева отозвали в Москву в 1938 г. в связи с «чисткой органов» от «ежовцев». По личному указанию Берии был переведен на рядовую оперативную работу. После успешной работы в Латвии,

чи добьются визы в Германию, где из-за жесткого контрразведывательного режима, введенного Гитлером, контроль над ними будет затруднен. Москва дала указание предпринять через агентурные возможности необходимые шаги по «облегчению» переезда Солоневичей из Гельсингфорса в Софию. Там, по мнению Центра, они будут находиться под надежным наблюдением.

Такие «возможности» в правительственных кругах Болгарии у резидента «Максима» были, и он постепенно начал приводить их в движение.

В конце лета 1935 года на Лубянке решили командировать Скоблина в Гельсингфорс, чтобы он «снял» информацию о планах и намерениях братьев. По данным ИНО, Солоневичи намеревались создать «закрытый» канал связи с генералом Миллером, а это в расчеты чекистов не входило.

Перед отъездом в Финляндию Скоблин обсудил с Миллером перспективы лекционной работы Солоневичей во Франции. Накануне Скоблин был у Гучкова, который с жаром заверял, что власти «вот-вот» дадут братьям визы. Солоневичи воспрянули духом. Они активно переписываются об условиях поездки с Георгиевским и Байдалаковым, руководителями НТСНП. Миллер воспринял известие «без ревности». По его мнению, в принципе, «не так важно, кто будет их импресарио. Мол, самое главное, чтобы русская эмиграция и европейцы смогли узнать из первых рук о нынешних делах в России. В крайнем случае, работу с братьями можно вести совместно с НТСНП».

Скоблин возмутился. Сославшись на Гучкова, сказал, что Солоневичи не хотят иметь дела с «новопоколенцами» — эта «марка» им не нравится, — но из-за отсутствия более подхо-

Финляндии, Германии и Австрии Яковлеву удалось реабилитировать себя. В годы Великой Отечественной войны работал начальником 2-го отдела 1-го управления НКВД-МГБ. В 1946—1947 гг. находился в Берлине в качестве заместителя представителя МГБ. Вернувшись в Москву, был зачислен в штат Комитета информации на должность зам. начальника управления. С мая 1947 по сентябрь 1949 г. руководил резидентурой в Австрии. В 1949 г. ушел в отставку и через год скончался от инфаркта. Жизнь его была отмечена несчастьями: старший сын погиб на войне, второй покончил самоубийством, третий был болен полиомиелитом.

дящего варианта, они «вынуждены идти на сотрудничество с НТСНП. Скоблин настаивал на том, что РОВС может многое выиграть от устройства лекций: это заткнет рот тем крикунам, которые заявляют, что организация ничего не делает. РОВС обязан отстаивать лидирующее место в эмиграции, работать со всеми, кто будет способствовать увеличению его престижа. При этом Скоблин сослался на мнение многих старших начальников, в том числе генерала Туркула.

Эти аргументы убедили Миллера. Он попросил Скоблина известить Солоневичей о том, что РОВС заинтересован в их лекциях. Были выделены средства на оплату их проезда. О возможности «дуэта» РОВСа с НТСНП в организации лекционного турне во Франции Миллер и Скоблин решили в письме не упоминать. Но их ожидала очередная неудача. Несмотря на обещания французских «контактов» в правительстве и спецслужбах, визы для братьев генералу Миллеру «пробить» не удалось¹.

В Германии «пробиванием» виз по-прежнему (и без успеха) занимался генерал фон Лампе. Он сообщал Абрамову в Софию 25 сентября:

«Многоуважаемый Федор Федорович!

Вопрос о визе Солоневичу, про которую Вы мне писали с указанием, что он имеет нансеновский паспорт, разрешился как-то очень непонятно: нам ответили, что вопрос о позволении советскому подданному Солоневичу выехать в Германию уже раз возбуждался в Берлине, и ему было отказано. Учреждение, которое нам отвечало, не приняло окончательного решения, однако указало, что такое может принять германское представительство по месту проживания Солоневича. Надо сказать, что подобный ответ нам пришлось получить едва ли не впервые».

Лампе воспользовался оказией и пожаловался Абрамову на обстановку в эмигрантской среде:

¹ Уведомление в отказе от выдачи виз семье Солоневичей ген. Миллер получил из МИД Франции в первых числах апреля 1936 г. Кусонский П.А. «утешил» Миллера, заметив, что «ничего удивительного в этом отказе нет: французы вообще перестали пускать русских на свою территорию из-за саботажа местной компартии».

«У нас в Берлине русская эмиграция продолжает то же самое, что было в Париже: идет травля «верхов» всеми силами и всеми способами, включая, конечно, клевету и доносы. До сих пор это делали проходимцы, теперь их, по-видимому, возглавил генерал Сахаров, бывший главнокомандующий у Колчака. Тупое самолюбие этого человека толкает его на все, что угодно! Картина довольно позорная, но... чем он хуже генерала Махрова? Его первые шаги на поприще «борьбы» дают основания думать, что и в 1933 году он был не чужд «работе» против меня лично. В то время эти слухи и намеки я отводил, не допуская мысли, что он может так морально опуститься! Надеюсь, что у Вас таких «радостей» нет!

И о Вашей просьбе. Я сам не филателист, но эту «страсть» понять могу и потому посылаю марки для Вашего сына (Николая Абрамова)».

В конце 1935 года болгарское отделение РОВСа заметно активизировалось «в пользу» Солоневичей. Сам генерал Абрамов, по указанию парижского Центра, готов был оказать им содействие. Генерал Миллер, по рекомендации Скоблина, также выступил за «болгарский вариант» жизнеустройства Солоневичей.

В декабре 1935 года Солоневичи сделали окончательный (вынужденный!) выбор. Повсюду, кроме Болгарии, им неизменно отказывали в визах. «Активки» НКВД в данном случае сыграли решающую роль. Сказывалось и нежелание «региональных» руководителей РОВСа иметь у себя под боком «беспокойных и подозрительных» братьев, рискуя более или менее отлаженными отношениями с местными властями. Не хотели они и повышенного внимания НКВД.

Борис считал, что шансы на «прорыв» в Западную Европу у них есть, но решил оставить «доработку вопроса» на потом, а пока воспользоваться предложением Фосса. После «согласования» ответа с братом, Борис написал:

«Насчет Болгарии — с удовольствием принимаю твоё предложение. Бог даст, хуже, чем здесь, не будет, а лучше — может быть. Здесь голодать не приходится, но во всем остальном сквозит «соседство» некоей дружественной державы».

Руководство РОВСа выделило 500 франков из скудного «Фонда спасения Родины» на оплату проезда Солоневичей в Софию.

Возня штаб-квартиры РОВСа с Солоневичами генералу Добровольскому откровенно не нравилась. Он испытывал к братьям все большее предубеждение. «Это большие коммерсанты, — писал он Миллеру, — хитры, изворотливы и неискренни. Даже в газете «Клич» хотят сотрудничать только за плату».

«Это подозрительные люди, — внушал Добровольский подчиненным в РОВСе, — вполне допускаю, что они являются провокаторами. Обыкновенно наличие провокации выясняется в разговорах о Совдепии. У меня на этот счет имеется большой опыт. В беседе с Солоневичами я затронул вопрос об антисемитизме и церкви. По их словам, никакого антисемитизма в нынешней России не чувствуется, а церковными бреднями, это же надо — бреднями! — никто там не интересуется. У меня совсем иная информация по этому поводу из самых разных источников. И антисемитизм развивается и религиозный вопрос процветает!»

Полицейский начальник Финляндии Салокорпи поддакивал генералу: «Невооруженным глазом заметно, что Солоневичи профессионально натравливают одну часть эмиграции на другую, порождая смуту в ее рядах».

Узнав о планах переезда Солоневичей в Болгарию, Добровольский направил в Софию письмо генералу Зинкевичу, призывая его к осторожности при общении с братьями. Подобные послания были разосланы в другие отделы РОВСа. Особенно Добровольского беспокоила связь Бориса с Фоссом. В Софии с помощью Фосса он может «втереться» в активную работу «внутренней линии» и организовать такой грандиозный провал, после которого доверие европейских стран к РОВСу будет окончательно подорвано¹.

Бастамов опасений Добровольского не разделял. Солоневичей он изучил хорошо. Несмотря на внешнюю похожесть, характер и поведение каждого из братьев сильно отличались. Борис — это болтун, вечно сующий свой нос, куда не следует.

¹ Это недоброжелательство было взаимным. Солоневичи считали, что генерал Добровольский слишком «тесно сблизился с немецкими фашистами (в том числе через Русанова), забыв, что такая политическая ориентация не соответствует интересам русского народа». Из сводки НКВД от 23 марта 1936 г.

Одно время он поддерживал связь только с ним, Бастамовым, но постепенно стал «отклоняться», нащупывать новые, более выгодные, с его точки зрения, контакты. А вот Иван — человек серьезный, с ним Бастамов установил прочные отношения и неоднократно вел откровенные беседы. Иван высказывался в пользу решительных действий в Советском Союзе, главным образом за террор. Объектами «акций» он предлагал Сталина или Ягоду. По его мнению, теракты такого масштаба дали бы самый неожиданный эффект, тем более, что совершить их, по словам Ивана, не представляло сложности. Например, в театре, проникнув туда под видом журналиста на какое-нибудь из проходящих там заседаний или премьер.

Бастамов сообщал в Париж, что Борис сам готов пойти в Россию для проведения такого «акта», но лишь тогда, когда узнает, на какую «реально» организацию работает, и когда определит, заслуживает ли она доверия¹.

С очередным письмом генерала Добровольского, датированным 23 марта 1936 года, Миллер ознакомил Скоблина, а тот передал его содержание в советскую резидентуру в «обезличенной» манере:

«В последнее время Добровольскому приходится много заниматься личными делами, изворачиваться в материальном смысле. Генерал замечает, что приближаются важные политические события, к которым эмиграции надобно готовиться, дабы не быть захваченными врасплох (это повторяется изо дня в день — такой призыв к бдительности). Лозунги, присланные из Парижа, он забраковал. По его мнению, надо дать что-то новое, соответствующее теперешнему моменту. По данным Д. в СССР сейчас в моде фашистские лозунги. Старший Солоневич обещал составить необходимые призывы.

Д. продолжает считать Солоневичей подозрительными. Их следует опасаться. Они уже утратили свой советский облик и

¹ Судя по всему, Иван и Борис Солоневичи столь «радикальными» заявлениями старались заинтересовать своих собеседников из РОВСа. Реального стремления к совершению «ходок» в СССР с целью осуществления террористических акций они не испытывали. К тому же, к этому времени братья поняли, что РОВС был насквозь пронизан агентурой НКВД.

могут примениться к любому эмигрантскому течению. Д. полагает, что Солоневичи сильно обработаны Милюковым. Это большие материалисты, готовые помочь РОВСу, но только — за деньги. Старший Солоневич говорит, что в СССР нет антисемитизма, что является грубой ложью. Когда придет Скоблин, ему надо быть с ними очень осторожным, и, во всяком случае, — *не посвящать в коммерческие дела*».

В начале 1936 года один из политических документов, подготовленных Борисом, был рассмотрен на заседании руководства РОВСа в Париже («звездной палаты» в переписке НКВД). Участвовали в нем Миллер, Трубецкой, Кусонский, Витковский, Кедров, Стогов.

Предварительно собрание рассмотрело программные положения для работы внутри России, которые прислали генералы Абрамов и Зинкевич из 3-го болгарского отдела. Положения были сформулированы так:

— будущая Россия должна быть федеративным государством;

— земля — в собственность крестьян, долой коллективизацию в деревне;

— свобода труда;

— частная собственность и свобода торговли, денационализация промышленности, кроме тяжелой индустрии;

— широкая автономия;

— облегчение податного бремени.

А вот альтернативные лозунги, подготовленные Борисом:

— долой большевистских главарей, их надо вырезать поголовно;

— землю в собственность крестьянам;

— увеличение заработка рабочих до европейской нормы;

— денационализация промышленности, кроме тяжелой;

— долой социализм!

— национальная власть с фашистским оттенком.

Миллеру понравились лозунги Солоневича, тем более что по духу они были очень близки старой программе РОВСа. Больше всего одобрений получил лозунг Солоневича «Поголовно вырезать большевиков».

В прениях пришли к мнению, что обнародование программы, предложенной Абрамовым и Зинкевичем, — шаг «на

текущий момент» несвоевременный, тем более что она сильно отдает «болгарским провинциализмом».

Собрание решило направить генералу Абрамову «мотивированное письмо», в котором объяснялась бы «политическая несвоевременность» принятия его программных лозунгов. Борису сочли за лучшее не отвечать. Вручать ему письменные доказательства «близости» к РОВСу было рискованно. Гарантий, что они не будут использованы в «разоблачениях» советской печати, не было никаких. Кто знает, может, и прав Добровольский, не доверяя Солоневичам...

В Гельсингфорсе Скоблин, выполняя задание Москвы, встретился с Солоневичами. В беседе он был любезен, обещал (от имени Миллера) поддержку проектам братьев, но предпочитал слушать, а не говорить. «Будь с Солоневичами максимально осторожен, — такие инструкции были получены «№13» от резидента НКВД в Париже. — Это стреляные воробьи, одно лишнее слово — и ты под подозрением. Они собственной тени боятся, ходят по Гельсингфорсу с опаской. Боятся, что похитим, благо — граница близко». Выполнил Скоблин и другой «наказ», по линии РОВСа: «Не посвящать братьев в коммерческие дела»...

Накануне отъезда из Финляндии (в марте-апреле 1936 г.) Иван организовал цикл лекций о жизни в Советском Союзе, которые братья проводили в острой, дискуссионной манере, побуждающей публику живо реагировать на затрагиваемые темы. Многие сюжеты будущих публицистических работ Ивана и Бориса были «обкатаны» на эмигрантской аудитории в Гельсингфорсе. О разнообразии затронутых тем говорит программа выступлений братьев: Советский быт; «Эволюция» советской власти; Военизация страны; ОГПУ; Чем держится советская власть; День врача в советском концлагере; Стахановщина; Советские железные дороги; Наш побег; Беспризорники; Советская семья и женщина; История непокорной молодежи; На советских стройках; Красная армия; Судьбы русской интеллигенции в СССР и т.п.

На лекциях обычно присутствовало 150—180 слушателей, что для Гельсингфорса было высоким показателем посещаемости подобных мероприятий. Публику, прежде все-

го, привлекало имя входящего в моду нового эмигрантского публициста Ивана Солоневича, автора статей в «Последних новостях», «Современных записках», «Иллюстрированной России». По общему мнению, бежавшие ранее из СССР Немцов, Т. и В. Чернавины в своих докладах не смогли дать столь полных и критических обзоров советской действительности. К тому же, выступления Солоневичей были проникнуты сильным зарядом оптимизма: падение большевистского режима — вопрос времени, следовательно, надежда на возвращение на родину не является химерой.

Лекционный курс был прерван только раз, 23 марта: Солоневичи уступили трибуну С.М. Петриченко, который выступил с докладом «Кронштадтское восстание и Балтийский флот» по случаю 15-летия этого исторического события. Агент Лидер воспользовался случаем, чтобы расспросить Ивана о планах на будущее. Слухи об отъезде Солоневичей давно распространялись по Гельсингфорсу. «Мы так часто уезжали отсюда, — посетовал Иван, — что говорить о каких-то датах и сроках нет смысла. Ясно одно, как только вырвемся и устроимся на новом месте, возьмемся за издание газеты».

Докладывая советскому разведчику об этом разговоре, Лидер отметил, что эти слова Солоневич произнес с «явным воодушевлением».

Солоневичи покидали Гельсингфорс без сожалений. Первый опыт знакомства с русским эмигрантским бытом показал им, что слово «болото», которое они впервые услышали от Чернавиной, соответствует действительности. Иван Солоневич не удержался от язвительных оценок, вспоминая в статье «Четыре года» о житье-бытье в Финляндии:

«Тот же Гельсингфорс — город «нарочито невеличкий». Русская колония и того меньше. Процентом 20 ее состоит из председателей, процентом 40 — из товарищей председателей, секретарей, казначеев и прочих почетных лиц. Даже театральные кружки — и тех имеется два. Какие бездны политической мудрости разверзлись перед изумленными очами подсоветских простаков! Какие Меттернихи, Талейраны и даже Бисмарки в юбках и без юбок объявились в трех десятках организаций, населяющих русский Гельсингфорс! Какие тонко рассчитанные и дальновидные политические комбинации пускались в ход для

того, чтобы на посту первого секретаря второго русского драматического Гельсингфорского кружка оказался бы господин Х. вместо г-жи У. или наоборот! Бездна ума!»¹

По мнению Ивана, в Гельсингфорсе делалось все, что может прийти в голову, кроме одного — конкретной антисоветской работы:

«Устраиваются и банкеты, и балы, и выставки. Заседают комитеты, управления и секретариаты. Устраиваются дни русской культуры. Говорится об очень многих хороших вещах. А рядом — русские дети не только денационализируются, но и большевизируются. Собирают деньги на памятник Леониду Андрееву, а денег на спортивную площадку для русской молодежи так и не нашлось. Произносятся миллионы высокаторжественных и высокопарных фраз, а за этими фразами нет решительно никакого желания шевельнуть хоть пальцем для какого-то реального дела, не связанного с наличием председательского или, по меньшей мере, секретарского поста. Да и эти посты ни с каким делом не связаны. Болото? Да, болото»².

Отъезд Солоневичей в руководящих кругах русской эмиграции в Финляндии был воспринят с облегчением: уехали, и слава богу! Слишком неуживчивы, беспокойны и непредсказуемы. И слишком много о себе понимают!

С облегчением вздохнули и младороссы: их интерес к Солоневичам сделал партию объектом постоянных критических выпадов и обвинений в «двурушнической» работе на Советский Союз. К обвинениям не привыкать, но Солоневичи своими выступлениями и публикациями разрушали стройную концепцию главы партии Казем-Бека о постепенной эволюции советской власти. Не выполняют ли они заданий Москвы?

Наконец-то своя газета!

Усилия Фосса по получению виз для Солоневичей увенчались успехом. МИД Болгарии направил соответствующее разрешение консулу в Финляндии. В тот же вечер агент Ворон со-

¹ Солоневич И.Л. Четыре года. Август 1938 года. С. 6—7.

² Там же. С. 7.

общил на очередной явке резиденту Максиму об этом событии, отметив, что Фосс дал ему поручение подыскать квартиру для Солоневичей. Максим полистал свою записную книжку и «подсказал» агенту несколько «подходящих адресов».

Несмотря на молодость, Ворон числился среди лучших агентов резидентуры НКВД в Болгарии¹. Появился он в Софии в ноябре 1931 года в результате комбинации, ювелирно проведенной чекистами.

Ворон — Николай Абрамов. Его отец — казачий генерал Федор Федорович Абрамов — покинул Россию в 1920 году, «на время» оставив сына с родственниками. По мере взросления Николай все больше проникался «советским духом» и даже вступил в комсомол. Отец, который обосновался после Гражданской войны в Болгарии, предпринимал шаги для «вызволения» сына из Совдепии, но без успеха. Тому нравилось быть «в буче, боевой, кипучей». Николай отслужил в Черноморском флоте, стал работать водолазом в Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ. В 1930 году чекисты обратились к Николаю за помощью: перед ними стояла задача по проникновению в 3-й (балканский) отдел РОВСа, который возглавлял отец Николая. Лубянке нелегко далось это решение: использовать сына против отца! — по всем понятиям — это проигрышная схема.

Агент Ворон совершил побег с торгового судна ленинградской приписки в Гамбурге, пробрался в Берлин, где был арестован за «нелегальное проникновение» в страну. Генерал фон Лампе, возглавлявший германский отдел РОВСа, вызволил его из беды и незамедлительно отправил к отцу в Софию. Так началась разведывательная карьера Ворона. Для прикрытия этой работы он открыл в болгарской столице магазин филателии и нумизматики, который стал приносить неплохой доход. Успешно шло выполнение задания по «освещению» РОВСа. Авторитет отца помог Николаю приобщиться к штабной работе отдела, получить доступ к его секретной переписке. Полезную для НКВД информацию он получал о

¹ Подробно о нем см.: *Владимир Антонов, Владимир Карпов. Тайные информаторы Кремля. С них начиналась разведка.* М.: Олма-пресс, 2003. с. 119—133.

боевой группе РОВСа, ее работе по подготовке боевиков для заброски в Советскую Россию.

Член Союза, капитан В.Н. Бутков вспоминал, что молодой Абрамов «много помогал улучшению методики преподавания на военно-училищных и унтер-офицерских курсах. По его наглядным пособиям курсанты обучались разборке и сборке трехлинейной винтовки, револьвера «наган», пулеметов и других видов оружия. Работали эти схемы так: когда прикладывали электрические контакты к кружкам с указанием частей стрелкового оружия, на картонной лицевой стороне зажигалась лампочка. Если зажигался зеленый свет — ответ правильный, если красный — ошибка. Кроме того, Николай Абрамов знал джиу-джитсу и бокс, которые преподавал на уроках военной гимнастики». По мнению Буткова, слушатели курсов его очень любили и дружили с ним¹.

С точки зрения кураторов из НКВД, Ворон удачно женился: Наталья разделяла его идейные убеждения, внутренне презирала «крысиную» антисоветскую возню белой эмиграции. И жена, и теща, — Александра Семеновна Кончинова, — стали помощниками Николая в разведывательной работе. Теща была преуспевающим зубным врачом, что ей позволяло в «интимной обстановке» клиники получать полезную информацию не только от пациентов-эмигрантов, но и тех, кто относился к «сливкам» болгарского общества. Первое время Ворон передавал полученные им сведения связникам, а с 1935 года, когда в болгарской столице появилось советское полпредство, стал вручать их непосредственно резиденту Максиму. Благодаря усилиям Ворона был, в частности, раскрыт план покушения на посла Раскольниковова, который в переписке ИНО проходил под условным именем «Костя».

Полпредство поторопилось выступить с нотой протеста в отношении зловещего замысла экстремистов из «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП). Теракт был сорван, но Николай Абрамов попал под перекрестное подозрение НТСНП (по кодированной переписке чекистов — «игроков»), РОВСа и политической полиции Болгарии. С начала

¹ Сайт РОВСа, публикация: *Капитан Бутков В.Н.* Исторические записки и воспоминания члена Русского Обще-Воинского Союза.

1937 года по указанию генерала Скоблина за Вороном была установлена слежка силами «внутренней линии» РОВСа¹.

Солоневичи прибыли в Болгарию 8 мая 1936 года. В Софии их встречали Клавдий Фосс и Николай Абрамов. РОВС выполнил свое обещание, оплатив их переезд. Для «внутренней линии» РОВСа в Болгарии братья были ценным приобретением — нестандартные идеи развертывания борьбы с большевизмом, свежий взгляд на жизнь «за чертополохом», плюс к этому надежда на получение «полезных адресов» в России. Фосс знал, что его коллеги в Гельсингфорсе не добились от Солоневичей явок в Совдепии, но был уверен, что в благодарность «за избавление от Финляндии» братья все-таки «раскошелятся».

На следующий день Солоневичей принял в своем кабинете (в штаб-квартире Болгарского отделения РОВСа на улице Оборище, 17) генерал Ф.Ф. Абрамов. Он советовал братьям устраиваться в стране надолго, пожелал «успешно влиться» в местную эмигрантскую среду и с первых же дней пребывания в стране попытаться завоевать доверие болгарских властей. Для этого генерал рекомендовал им выступить в Военном министерстве с докладами о состоянии и боеспособности Красной армии. В полиции, по мнению Абрамова, следовало бы организовать лекцию «разоблачительного характера» о жизни в Советском Союзе. От публичных докладов генерал просил воздержаться: мол, непременно последуют протесты и прочие «пакости» со стороны полпреда Ф.Ф. Раскольниковца, начнутся разбирательства, снова болгары начнут требовать от руководителей эмиграции не «ссорить» их с Москвой.

По инициативе Фосса Солоневичи познакомились с его соратником по «внутренней линии» А.А. Браунером, капитаном Дроздовского полка в годы гражданской войны. Фосс и

¹ Агенты НКВД настолько «тесно» работали по эмиграции, что нередко сообщали информацию друг на друга. Агент Ворон так писал об агенте «№ 13»: «Я окончательно установил причастность генерала Скоблина к компании Фосса. Объезжая с Плевацкой разные страны, Скоблин посещает своих людей. Им недавно получено письмо в отношении Бориса Солоневича из Финляндии, возможности его вербовки в качестве боевика для заброски в СССР».

Браунер были, пожалуй, самыми влиятельными людьми из русской колонии в стране. Фосс поддерживал рабочий контакт с разведывательным отделом Генерального штаба Болгарии, Браунер — работал начальником русского отдела тайной полиции. В политическом отношении он был близок «новопоколенцам», сотрудничал в их газете «За Россию», публикуя «разоблачительные» статьи о советском образе жизни. Факты он черпал из советских периодических изданий, подписка на которые оформлялась на родственников активистов РОВСа.

В числе первых, кто пришел знакомиться к Солоневичам в гостиницу, был отец Георгий Шавельский¹. Он преподавал в Софийской духовной семинарии. Его книги о пастырском служении имели несомненное влияние на юношество и кандидатов в священники. Отец Шавельский пользовался авторитетом в болгарских церковных кругах. Местный Синод часто обращался к нему за помощью в спорных делах, иногда в качестве третейского судьи, когда возникали разногласия между митрополитами. Для Ивана отец Шавельский стал полезным источником сведений о положении дел в русской зарубежной церкви и вообще в эмиграции. Шавельский охотно принимал приглашения на трапезы в тесной компании Солоневичей, и в качестве рассказчика был достойным партнером Ивана: его застольные воспоминания о дореволюционной России нередко вызывали слезы у присутствующих.

В 1915—1917 годы, будучи протопресвитером военного и морского духовенства, Шавельский имел возможность встречаться с Николаем II в Ставке. К царю и царице он относился, как сейчас говорят, «неоднозначно», и в своих воспоминаниях часто опирался на оценки и мнения других. Особенно это было заметно, когда Шавельский рассказывал о нездорово-

¹ Шавельский Георгий Иванович (1871—1951), род. в с. Дубокрай Витебской губернии, в семье дьячка. В 1902 г. окончил С.-Петербургскую духовную академию. В годы Русско-японской войны — полковой священник, затем — главный священник Маньчжурской армии. С 1911 г. — протопресвитер военного и морского духовенства России. С начала Первой мировой войны — при штабе верховного главнокомандующего русской армии. С декабря 1918 г. — протопресвитер Добровольческой армии, с января 1919 г. — ВС Юга России. Эмигрировал в Болгарию. Преподавал в Софийском университете, был директором русской гимназии в Софии.

вом моральном климате в царской семье по вине «грязного мужика» Распутина.

Клеветнические выпады в адрес царицы Иван всегда оспаривал. Не сделал послаблений и для Шавельского, назвав его однажды «лжесвидетелем». Тот сдержанно возразил, но по существу обвинения спорить не стал, памятуя о приближенности и вторичности своих воспоминаний в той части, которая касалась жизни царской семьи.

Максим планировал поселить «спортсменов» на подконтрольной резидентуре квартире. С этой целью «Ворон» пригласил Солоневичей на экскурсию по болгарской столице. Город им понравился, может быть потому, что многие улицы носили русские имена: генералов Тотлебена, Гурко, Черняева, Скобелева и других. Не были забыты писатели — Достоевский, Аксаков, Толстой. Московская улица порадовала их вывесками русских трактиров и запахом ржаного хлеба из пекарен. Постояли экскурсанты у «Русского памятника», установленного в честь офицеров и солдат, защищавших Православие и Славянство на болгарской земле, и у памятника Царю-Освободителю. Потом долго созерцали величественный Собор Святого благоверного великого князя Александра Невского, который был воздвигнут в память побед русского оружия на Балканах.

Во время прогулки Николай показал Солоневичам несколько приличных, по эмигрантским понятиям, адресов. Несмотря на усилия Ворона, братья к его квартирным предложениям отнеслись без энтузиазма и предпочли обосноваться на вилле «Спокойствие», принадлежавшей болгарину Доревскому. Она находилась в дачной местности «Овча Купель» в пяти километрах от Софии, на улице Кирилла и Мефодия, 12. На эту виллу Солоневичи наткнулись случайно во время прогулки по окрестностям столицы. Не торгуясь, договорились с хозяином об аренде второго этажа.

Ивану Николай Абрамов понравился: он говорил о своем советском прошлом без критического надрыва, признавал, что научился в Советском Союзе многим полезным вещам, в том числе искусству выживания в «трудных бытовых условиях, а иногда голода». Особенно тронули Солоневича эмоциональные слова Абрамова о том, что он не намерен отсиживаться

за спиной отца: рано или поздно вернется в СССР, чтобы работать во имя восстановления национальной России!

В августе 1938 года, работая в Берлине над статьей «Четыре года», Иван вспоминал о «настоящем патриоте», симпатичном и энергичном Коле Абрамове, который знакомил Солоневичей с русскими уголками болгарской столицы в первые дни их пребывания в Софии. Для Ивана Солоневича он был одним из образцовых молодых русских, которые будут определять будущее России:

«Я очень внимательно всматривался в те немногие стальные ростки нашей молодежи, которые пробрались сюда из Советской России, — мой сын, Андрюша Чернавин, Коля Абрамов — сын генерала Ф.Ф. Абрамова, и некоторые другие. Есть немецкий школьный анекдот: преподаватель говорит о словах Наполеона, обращенных к его египетской армии: «Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид». Из класса, из тех мест, которые по-русски называются «камчаткой», раздаётся пренебрежительная реплика: «Ну, немцев на пирамиду не поймашь»... Так вот, и эту молодежь тоже не поймашь ни на пирамиды, ни нашивки. Даже Коля Абрамов к генеральскому титулу своего отца относится весьма скептически. Андрюша с этими титулами, вероятно, и вовсе не сталкивался. Для Юры они не значат ровно ничего. Нужно считаться с фактами. Этих ребят в Советской России миллионов тридцать. Они, эти ребята, будут спрашивать в упор. Они будут очень суровыми экзаменаторами»¹.

Впрочем, «стальные ростки» не нашли между собой общего языка. Николай Абрамов попытался сдружиться с Юрием. Тот не выразил желаний к «товарищескому» сближению, заявив отцу, что «советский душок из Николая не выветрился». Ворон в долгу не остался. В агентурном отчете о встрече с младшим Солоневичем он был весьма категоричен в его оценке: «Юра производит на меня очень нехорошее впечатление, слишком похож на «хулигана-болтуна»...

На Лубянке считали, что резидент Максим «удовлетворительно» справился с «освещением» Солоневичей на первом этапе их обустройства в Болгарии. Впрочем, если бы в Софии что-то «зевнули», то в других центрах Русского Зару-

¹ Солоневич И.Л. Четыре года. Август 1938 года. С. 13.

бежъя могла подстраховать «стратегически расставленная» советская агентура, контролировавшая все и вся. Солоневичи жили торопливо, без оглядки, добиваясь осуществления главного для них дела (поставить свою газету!), демонстративно пренебрегая вопросами конспирации. Это настораживало Фосса и его «линию»: «Они так уверены в своей безопасности, что создается впечатление о наличии у них в Совдепии каких-то гарантий».

По болгарским законам лицензии на новые печатные органы выдавало министерство внутренних дел. Фосс и Браунер обещали Солоневичу ускорить процедуру получения разрешения и нажать для этого на все «кнопки влияния». Стараться стоило: РОВС без больших усилий мог обзавестись еще одной газетой для ведения антибольшевистской работы. Однако ведущие сотрудники «внутренней линии» в Софии переоценили свои силы: отказ следовал за отказом. Болгарские власти считали, что в стране и без того «переизбыток» русских эмигрантских изданий.

Поэтому Фосс предложил Солоневичу два варианта выхода из ситуации: выпускать его газету «приложением» к органу НТСНП «Голос труда» или использовать «Галлиполийский вестник», на что имелось согласие его издателя — генерала Зинкевича. Иван отказался и от того, и от другого. Он хотел полной самостоятельности, собственной — полностью независимой — газеты. Делать ее он собирался, в основном, «семейными силами», повторяя опыт отца с «Северо-Западной Жизнью».

Еще до прояснения вопроса со своей газетой Солоневич знал, в какой типографии будет ее печатать. Помог ему в этом деле Борис Калинин. Иван познакомился и сдружился с ним в Петербургском университете на рубеже 1912—1913 годов. Этой дружбой Калинин дорожил: Иван был известен как спортсмен и знаток спорта, был популярным человеком с несомненным будущим. В 1919 году Солоневичи вместе с семьей Калининных переехали в Киев. И вот — новая встреча — в Болгарии!

Именно к Калининкову направил свои стопы Иван. Старый друг, в общем-то, неплохо устроился. Он владел книжарницей — книжно-писчебумажным магазином «Зарница» на

углу улиц Раковска и Гурко, куда эмигранты забегали поговорить, посплетничать, обменяться новостями, из-за чего «Зарницу» называли в быту «центробрехом». Отчасти и сам хозяин книжарницы способствовал этому: его иронические реплики и меткие характеристики отдельных персонажей из эмиграции передавались из уст в уста.

Калинников уже прослышал о приезде друга в Софию. После объятий и радостных восклицаний первое, о чем спросил его Иван, — о типографии. Не мог бы Борис рекомендовать какую-либо из них, подходящую по местонахождению и тарифам, чтобы печатать газету на русском языке. Калинников словно ожидал этого вопроса. Он подошел к телефону, набрал номер и произнес вполголоса несколько слов. Вскоре, как по мановению волшебной палочки, на пороге «Зарницы» появился Всеволод Константинович Левашов, работавший метранпажем в типографии «Древне Болгария». Выяснилось, что он налаживал самостоятельное дело, взяв в аренду дышавшую на ладан типографию «Рахвира», которая располагалась на улице Цеслау (Веселец), 8. Что ж, повезло! Первого клиента искать не пришлось, пришел сам...

После короткого разговора Иван и Всеволод ударили по рукам. Решено: газета будет печататься в «Рахвире»!

Левашов понравился Солоневичу: в нем чувствовалась серьезность, ответственность, внутренняя основательность. Биография его по тем временам была стандартной: белый офицер, участник гражданской войны¹. В Ленинграде во время «чисток» после убийства Кирова были репрессированы его родные. Куда-то в Сибирь были высланы мать и брат. Судьба их была покрыта мраком. Для Левашова эта неизвестность была источником глубоких душевных мук и страданий!

В первые дни знакомства Солоневич не мог предвидеть, что эта встреча свяжет его с Всеволодом на всю жизнь. По

¹ Левашов В.К. — родился в Санкт-Петербурге в семье офицера 12 ноября 1901 г. Учился в Первом кадетском корпусе. В 17-летнем возрасте вступил в Добровольческую армию, участвовал в боях против большевиков в рядах лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. После эвакуации из Крыма в Галлиполи окончил юнкерское училище и получил погоны подпоручика. Затем переехал в Софию. Работал дровосеком, на макаронной фабрике, потом — в типографии.

натуре эти двое были диаметрально разными людьми. Но, как говорится, противоположности сходятся. Как писала впоследствии Т. Дубровская (жена Левашова), «благодаря высоким умственным качествам обоих, различие их характеров отходило на десятый план. Их объединяла горячая любовь к родине и одинаково жертвенное служение ей»¹. Левашов стал надежным помощником Солоневича. Вспоминая о постановке газеты в Софии, Иван писал: «Только один человек, Всеволод Константинович Левашов, был совершенно уверен в успехе — гораздо больше, чем был уверен я сам. Он организовал типографскую часть, добыл кое-какие кредиты на бумагу, устроил дело с разрешением и вообще связал свою судьбу с судьбой нашего общего дела... без него газета не смогла бы начаться и не смогла бы существовать»².

С легкой руки Левашова Ивану удалось получить в полное распоряжение орган Русского Обще-Трудового Союза в Болгарии — «Голос Труда», который издавался с 1932 года и, подобно «Рахвире», влачил жалкое существование, принося хозяину — поручику Николаю Ивановичу Плавинскому, представителю РТДХ в Болгарии, — одни убытки.

Едва приехав в Болгарию, Иван Солоневич договорился с «новопоколенцами» об издании на их средства книги «Россия в концлагере». Солоневичи приехали в Софию без копейки, и потому пришлось согласиться на выход книги под «эгидой» НТСНП, что наполовину урезало предполагаемый доход от нее. Первый тираж в 2000 экземпляров разошелся быстро, был выпущен второй — таким же тиражом. Третье издание, — 3000 экземпляров, — печаталось на средства автора.

Чтобы обеспечить переиздания и тем самым заработать денег на газету, Солоневичи «широким веером» разослали экземпляры книги в европейские страны. Среди адресатов были: в Лондоне профессор Исерлис, имевший хорошие связи в издательствах Англии и США, Клей, экономический советник Английского банка, профессор Кеснер в Лиге Наций.

¹ Дубровская Т.В. Тайна Всеволода Константиновича. См.: «Наша страна», 16.11.76.

² Солоневич И.Л. Пути, ошибки и итоги // «Наша газета», № 35—38, 1939 г.

Несмотря на нескончаемые хлопоты по подготовке первого номера газеты, Солоневичи жертвовали часть своего драгоценного времени на лекционную деятельность. Так, 23 мая в помещении Софийского сводного университета состоялось закрытое выступление братьев на тему о советском быте. В зале присутствовало не менее 500 человек. Среди них — бывший премьер-министр генерал Златев, начальник болгарской разведки подполковник Маринов, видный деятель болгарской националистической организации «Родна защита» Русевич-Бориков. «Спонсором» мероприятия был «Союз русских писателей».

Борис выступил с лекцией о подпольной работе скаутов в Советском Союзе. Первыми его слушателями в Софии стали ученики русской гимназии. Фосс был недоволен этой «импровизацией» Бориса, считая, что тот должен был сосредоточиться на работе с подконтрольной РОВСу Национальной организацией русских разведчиков (НОРР), которой руководил полковник Федоренко.

Следуя совету генерала Абрамова, братья стремились к приобретению позиций в Болгарии: искали выходы на дворцовые и правительственные круги, обращались к военному министру, пытались организовать через него издание своих книг. Главным ходатаем по делам братьев был генерал запаса Додов. В софийском отделе РОВСа эта активность Солоневичей казалась чрезмерной, с претензиями «не по рангу», и по этой причине — подозрительной. Эпитет «подозрительный» все чаще «прилагался» к братьям, хотя объективных причин для этого не было. Разве не сам генерал Абрамов советовал им «завоевывать доверие болгарских властей»?

Первый номер газеты Иван Солоневич готовил особенно тщательно. Обсуждал его содержание с людьми, которым доверял, понимая, что если «первый блин выйдет комом», то престиж издания будет подорван с самого начала. Валерий Михайлович Левитский, назначенный Иваном представителем во Франции, прислал свои рекомендации¹. По его мне-

¹ Письмо В. Левитского — И. Солоневичу от 21.05.1936. Он сообщал также о подготовительной работе по распространению газеты, о размещении рекламы в таких изданиях, как «Возрождение», «Последние ново-

нию, первый номер «должен быть исключительно интересным и тщательно подобранным. Самое трудное: сделать его популярным и живым, ведь публика в массе своей весьма примитивна».

Для того чтобы ввести Ивана в курс текущих эмигрантских дискуссий, Левитский направил ему свою свеженаписанную статью о пораженчестве, отметив, что «сейчас — это самый модный вопрос в Париже». Обстановку в эмигрантской среде он описал как крайне сложную, во многом из-за активности Советов:

«Здесь страшный напор Москвы. Основная линия нападения — дело Александрова, вообще германофильство и фашизм всех белых, их якобы очевидная готовность бороться вместе с немцами против СССР, союзника Франции и т.д. Будьте особенно осторожны со всеми вопросами международной политики. Но, конечно, сохраняйте резкость и твердость в защите интересов национальной эмиграции и целей антикоммунистической борьбы. Внутри эмиграции — безработица, усиленная пропаганда на тему, что «при народном фронте» рядовым честным русским труженикам будет лучше. А если (народный фронт) схватит за горло политиканов-болтунов, то и черт с ними, генералы пишут никому не нужные бумаги, а организации вообще ничего не стоят».

По просьбе Солоневича, Левитский прислал тезисы к программной редакционной статье первого номера:

«Среди эмиграции усиливаются настроения, близкие к злобному отчаянью. Но к таким настроениям основания нет: современная международная обстановка меняется с поразительной быстротой. Национальная эмиграция должна быть готова к принятию быстрых и ответственных решений.

Эмиграция не знает подлинной антикоммунистической России, она часто судит о родине сквозь «сталинские очки»,

сти», «Русский инвалид», «Часовой». Левитский рекомендовал Солоневичу «политическую осторожность» в выборе представителя газеты в Германии, посоветовав согласовать этот вопрос с генералом фон Лампе. Как журналист Левитский ориентировался на РОВС, был признанным знатоком «советских проблем». Был автором многочисленных брошюр, среди них — «Коммунистическая пропаганда и борьба с ней» (1931), «Красная власть и белая» (1935), «Планы разложения эмиграции» (1936).

ловко подsunутые ей агентами красных. «Голос России» зовет всех людей за рубежом помочь ей говорить правду, всю правду и только правду о положении нашей Родной Земли. Страшная русская правда — это могучее средство против мелких разногласий и яд для соглашателей, для подлипал.

Каждый враг коммунизма может быть нашим союзником, но никогда пути национальной эмиграции не смогут слиться с воровскими тропами 3-го Интернационала. Объявление Сталина защитником русской земли — позор и самопредательство. Вчерашние дезертиры и пораженцы учат сейчас «патриотизму». Россия, «кто смеет учить меня любви к ней» (Бунин).

Русские люди: читайте газету «Голос России», помогайте ей, пишите. У нас нет средств на рекламу, нет покровителей, «нет финансовых баз». «Голос России» будет существовать, если вы поможете словом и делом. Правда о России нужна эмиграции как воздух, как хлеб. «Голос России» независим от всяких групп, явных и тайных».

Первый номер еженедельной общественно-национальной газеты «Голос России» вышел в свет 18 июня 1936 года. Объявление от редакции гласило:

«С этого номера газета «Голос труда» переименовывается в «ГОЛОС РОССИИ». Редакцией приглашен в качестве ближайшего руководящего сотрудника Иван Лукьянович Солоневич, который принял на себя редактирование целого ряда отделов газеты. В газете будут принимать участие: Б.Л. Солоневич, В.В. Шульгин, В. Ларионов, В.М. Левитский, А.И. Ксюнин, С.Л. Войцеховский и др. Издательство газеты взял на себя И.Л. Солоневич».

Так началась двухлетняя эпопея «Голоса России»...

Прежний хозяин газеты Плавинский продолжал подписывать ее как редактор, фактически исполняя обязанности корректора, за что получал 2000 левов. Эта зарплата его вполне устраивала. Нужно отметить, что Плавинский был негласным помощником Фосса по информационной части. «Внутренняя линия» РОВСа поручила Плавинскому вести наблюдение за газетно-издательской деятельностью Солоневичей, ее соответствием интересам Союза. Впрочем, собирать «компромат» на братьев он не спешил, хотя заверял Фосса, что закро-

ет газету, если заметит в поведении братьев что-либо настояжывающее. О тайных взаимоотношениях Фосса и Плавинского Солоневич не догадывался, но «редактора-корректора» единомышленником не считал, и потому держал от себя на дистанции.

Наибольшей симпатией Ивана в «Голосе России» пользовался курьер Анатолий Максимов. Юный «Толян» неутомимо и ответственно выполнял поручения Ивана. Солоневич, вспоминая свое собственное «редакционное» детство, щедро оплачивал его труд, не забывая дополнительно вручать два три лева на покупку конфет. «Толяна» издатель «Голоса России» именовал то «самым непосредственным сотрудником», то «начальником путей сообщения».

В редакционной статье «Происхождение и цель «Голоса России» Иван Солоневич использовал тезисы Левитского, существенно развив и переработав их, в том числе о «финансовых базах» и читательской поддержке. «Сейчас по эмигрантскому миру ходит весьма большое количество весьма темных денег, — писал он, — и рейхсмарок, и совзнаков, и иен, и франков, и чего хотите. Поэтому — первое и самое важное, что читатель должен знать о газете, это: а на какие деньги она существует. Многие из ныне здравствующих изданий прекратили бы бытие свое, если бы читатели этим вопросом заинтересовались всерьез».

Солоневич прямо заявил, что никогда и ни при каких условиях не будет опираться на материальную поддержку «со стороны», брать деньги от каких-либо «организаций», подчиняясь их партийному заказу или программным установкам. Иван счел своим долгом сообщить об источнике финансирования первых номеров «Голоса России»:

«Деньги на газету — исключительно наши личные деньги, преимущественно от гонораров иностранной печати, от чешского издания моей книги и от шведского издания книги брата, от лекций и, наконец, от гонораров брата, полученных им на поприще профессиональной борьбы... Денег этих немного»...

«Газета будет жить, если она нужна *читателю*, и не будет жить, если читателю она окажется ненужной», — такова позиция Ивана. И это дает ему основание обратиться к по-

тенциальным читателям «Голоса России» с просьбой о помощи и материальной поддержке, — для него это, прежде всего, проведение массовой подписки на «Голос России». Солоневич без обиняков говорит, что «и для газеты и для читателя выгоднее подписка на возможно более долгий срок: скажем, на 10 номеров. Выход пяти номеров мы гарантируем. Но остальных пяти читатель рискует не получить. Тогда пять его франков пропадут. Переведем эти пять франков на честную мужскую валюту по парижскому курсу: это стоимость трех рюмок водки. Не такой уж великий риск. Ежели у читателей хватит духу отказаться еще и от четвертой или пятой и прислать несколько лишних франков, думаю, что они помогут неплохому русскому делу»¹.

В программной статье Солоневич писал:

«В эмиграции есть масса людей, которым до смерти надоело партийное сквернословие, но которые любят Россию живой любовью, не ставят никакой партии выше родины и никаких вождей в гении не зачислят. К ним-то и будет обращаться газета. Она не собирается организовывать никаких новых партий. Ее издатели не собираются лезть ни в какие вожди. Единственная цель газеты — это хоть как-нибудь сгладить ненужные и часто бессмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции. Именно в национальном. Те люди и те течения, которые активно делали революцию и которые до сего времени не нашли вне себя повода, а внутри себя мужества в этом честно раскаяться, — нам не по пути и разговаривать с ними не о чем».

Что имел в виду Солоневич под тезисом о «национальном лагере»? «Чистокровных» русских? Отнюдь нет. По его мнению, «еврей доктор Пасманик, который сразу пошел к Добровольческой Армии, с точки зрения редакции является единомышленником. П.Н. Милюков, человек безукоризненно русский, в патриотизме которого сомневаться было бы просто нелепостью, — не «национальный лагерь». И не потому, что в свое время он бросил свою знаменитую фразу «глупость или измена», а только потому, что он ни в этой глупости, ни в этой (конечно, невольной) измене не нашел времени покаяться».

¹ Солоневич И. Вся власть — русским мозгам! Сб. статей. СПб.: 2003. С. 6—7.

Выход новой русской газеты в Софии, по оценке Солоневича, обеспечил ей заметное преимущество перед другими изданиями Русского Зарубежья: «Здесь, оценивая международные перспективы России и международные опасности, грозящие нашей стране, мы можем допустить роскошь полной независимости. Рижская «Сегодня» принуждена восхвалять Ульманиса, варшавский «Меч» — наследников Пилсудского, берлинское «Новое Слово» — Гитлера... На чьем возу едешь, тому и песенку пой. Мы же стараемся петь только русскую песенку и только для России».

Независимый, подчеркнуто авторитарный характер первых номеров газеты пришелся по нраву рядовым читателям, хотя «эмигрантские вожди» восприняли появление «Голоса России» с заметным недоверием. Солоневич явно не собирался делать «ручную, почтительную и елейную» газету. Наличие «прямого канала связи» читающей публики с газетой — «Трибуны читателя» — придало ей еще больше популярности. Солоневич, с его борцовско-боксерским опытом, умел хорошо «держат удар» враждебной критики, «играющей не по правилам и бьющей ниже пояса». Он писал: «Мы достаточно сильны нашей правдой, чтобы смотреть в глаза всякой критике». Он страстно полемизировал со своими оппонентами, не задумываясь «предавал гласности» самые недружественные письма, в том числе с грубыми личными нападками. Из подобных поединков Солоневич выходил с честью, полемического мастерства ему было не занимать.

Чтобы привлечь подписчиков, Иван использовал различные методы, в том числе бесплатное распространение:

«Если Вы еще не читали «Голоса России» — выпишите открыткой пробный номер. Это Вам ничего не будет стоить и ни к чему не обязывает. Чрезвычайно мало вероятно, чтобы после первого номера Вы от этой газеты отказались. Еще одно замечание: «Голос России» газета правая и, безусловно, «контрреволюционная». Людям, обладающим революционными симпатиями, выписывать ее не стоит».

В рекламных вкладышах Солоневич настойчиво просвещал эмигрантов о направленности и задачах своего издания:

«Голос России» — газета несколько необычного для эмиграции типа. Она говорит *только о России* и больше решитель-

но ни о чем. Она исходит из того предположения, что сотням тысяч, а может быть и миллионам рассеянных по белу свету русских «штабс-капитанов» придется вернуться на свою родину и снова взвалить на свои плечи очень тяжелую роль культурного отбора русского народа. Поэтому нашим штабс-капитанам и штабс-капитаншам необходимо с возможной точностью знать все то, что произошло и происходит за кровавым советским рубежом.

«Голос России» стоит на точке зрения абсолютной непримиримости к большевизму. Он не связан ни с какой из существующих в зарубежье организаций и партий. Это дает возможность говорить правду так, как понимаем ее мы, так недавно еще бывшими подсоветскими».

Иван обещал Фоссу, что будет советоваться с РОВСом в отношении содержания и курса газеты, и обещания не выполнил. Солоневичи делали всю работу по газете «в своем кругу», не позволяя каких-либо подсказок и рекомендаций со стороны о том, как вести газету, какие темы поднимать и какие игнорировать. Первое время газета ориентировалась на эмигрантского читателя вообще, затем ее главным «адресатом» постепенно стали «штабс-капитаны», «рядовая эмигрантская масса».

На главного адресата среди потенциальных читателей газеты впервые, по утверждению Ивана Солоневича, указал Юрий. Во время очередной «семейной дискуссии», он, в пылу полемики, заявил, что есть «масса людей, сидящих по углам», людей, которым до смерти надоела постоянная межпартийная перебранка, претензии политических лидеров на титул вождя и прочие эмигрантские конфликты и «бури в стакане воды». К ним-то, к этим людям, на которых активные политики перестали обращать внимание, и нужно обращаться».

Ориентация газеты именно на эту аудиторию нравилась далеко не всем. На «заре» существования газеты эмигрантский авторитет профессор П.Б. Струве пришел к мнению, что Солоневичи слишком заняты «саморекламой» среди рядовой массы Русского Зарубежья, «много врут», «выпячивают себя», и потому «ответственная» эмиграция может больше не заниматься братьями. Они сумеют выжить при любых обстоятельствах.

За первые месяцы существования авторитет газеты укрепился, вырос и тираж ее — с 2000 до 10 000 экземпляров. Иван Солоневич ревниво оберегал «суверенность и независимость» своего детища. Так, на предложение К.В. Родзаевского¹, вождя Всероссийской фашистской партии (ВФП), действовавшей, в основном, в эмигрантских кругах в Маньчжурии о создании «единого фронта» русских газет за рубежом, Иван ответил мягким, но однозначным отказом: «Мы среди эмигрантской печати занимаем несколько особое положение: мы не связаны ни с какой организацией, и газета, по существу, носит характер «дневника писателя»². Здесь любопытна «жанровая» характеристика «Голоса России». В какой-то мере, это отсылка к «дневнику писателя», который регулярно вел в газете-журнале «Гражданин» Ф. Достоевский, отзываясь на острые проблемы современной ему жизни.

Отрицательный ответ Родзаевскому Солоневич дал и по другой причине. Он не был уверен в том, что лидер ВФП способен к какому-либо последовательному сотрудничеству в рамках фронтов, движений и объединений. Слухи о его амбициозности, навязывании партнерам своей «политической воли» имели серьезную почву. Из публикаций в эмигрантской печати Иван знал о том, чем завершились усилия Родзаевского по объединению русских фашистских организаций за рубежом. Он выдвинул эту идею в конце 1933 года и был поддержан А.А. Вонсяцким, русским эмигрантом «с американским паспортом», который возглавлял Всероссийскую фа-

¹ Родзаевский Константин Владимирович (1907—30.08.1946) — генеральный секретарь Всероссийской фашистской партии (ВФП), в создании которой (1931 г.) принимал прямое участие. Партия претендовала на роль ведущей политической силы Русского Зарубежья, призывала эмиграцию к ведению национально-революционной работы в СССР. Программы действий включала: осуществление национальной революции в Советском Союзе; свержение советской власти; установление фашистской диктатуры. Активисты ВФП пытались проводить террористическую работу в СССР, но серьезного характера она не носила. Нередко за успешные акции «саботажа и диверсий» выдавались аварии и иные происшествия на промышленных предприятиях, железных дорогах и других объектах в СССР.

² И. Солоневич — К. Родзаевскому, 10.10.1937.

шистскую организацию в США¹. Они встретились в конце февраля — начале марта 1934 года в Японии и пришли к соглашению о создании объединенной фашистской партии со штаб-квартирой в Харбине. Были распределены руководящие посты: Вонсяцкий — председатель, Родзаевский — генеральный секретарь ЦИК партии.

В апреле на очередном съезде было торжественно объявлено о создании Всероссийской фашистской партии. Однако, идиллия «совместной борьбы» продолжалась только до конца года. Камнем преткновения стало «чрезмерное юдофобство» Родзаевского и его соратников. Для Вонсяцкого «акцентирование» этого вопроса в условиях Соединенных Штатов не сулило ничего хорошего: проблем с властями и конфликтов с влиятельной еврейской колонией он не хотел. Родзаевский, игнорируя точку зрения Вонсяцкого, продолжал нажимать на него в вопросах принципиальности, последовательности и боевитости в реализации программы ВФП. В итоге, Вонсяцкий пришел к мнению, что Родзаевский сознательно раздувает «еврейский вопрос», чтобы поставить его в невыгодное положение и тем самым укрепить свое лидерство в партии. В декабре 1934 года отношения между ними были полностью и окончательно прерваны.

Чтобы избежать неприятностей подобного рода, Солоневич решил воздержаться от сближения с Родзаевским. Идея создания «единого фронта» эмигрантских газет была явной химерой.

Иван твердо выдерживал курс на сохранение «семейно-авторского контроля» над «Голосом России». Газета все больше оправдывала себя в финансовом плане. Строгий режим экономии ушел в прошлое, сотрудники — от Левашова до Толяна, «начальника путей сообщения», — без задержек получали зарплату и «премиальные» к праздникам.

¹ Вонсяцкий Анастасий Андреевич (1898—1965), род. в Варшаве. Отец — жандармский полковник, был убит революционерами-террористами (1910). Учился в Николаевском кавалерийском училище. После Октябрьской революции воевал в Добровольческой армии. С марта 1920 г. в эмиграции. Работал чернорабочим во Франции. В 1921 г. переехал в США, где женился на миллионерше Мэрион Стефенс, которая была старше его на двадцать с лишним лет.

Радостным и долгожданным событием для Ивана стал приезд в Софию Тамочки в начале лета 1936 года. Она пришла в гости, опять только в гости, но, поддавшись на его уговоры, все-таки решила остаться. Отправила в «Крафт дурх Фрейде» письмо об уходе с работы и еще одно письмо на свой прежний берлинский адрес, содержание которого осталось для Ивана неизвестным.

Прошлое, с обоюдного молчаливого согласия, было оставлено «за скобками». Время — великий врачеватель. Вся «веселая семейка» снова была вместе, так, как мечталось в Салтыковке четыре года назад. Тема «берлинского мужа» возникла только один раз. В мае 1937 года Тамара «по секрету» от русской колонии (но не резидентуры НКВД) съездила в Берлин, чтобы оформить развод с Прцевоцни.

Приезд Тамары побудил Ивана ускорить поиски нового жилья. Преуспевающий издатель газеты мог себе позволить более комфортную квартиру, где всем, включая Бориса, было бы просторно и удобно. Брат не должен чувствовать себя лишним.

Они обошли несколько квартир в центре Софии, пока Тамара не сделала окончательный выбор. Иван был доволен переменами в своей жизни. После гельсингфорской борьбы за существование, унижительной благотворительности эмигрантских дам и того, что ему казалось тогда непоправимой личной катастрофой, он добился всего, чего хотел.

Вскоре Тамара стала полноправным членом редакции. Для начала Иван поручил ей ведение финансовых дел, которые отнимали у него много времени. Соблюдение финансовой дисциплины было не самой сильной стороной представителей газеты. Тамара сумела навести порядок: денег в кассе прибавилось. У нее вновь пробудился интерес к литературной работе. В редакции творили все. Иван не отходил от стола. Много писал Борис — импульсивно, жестко, без оглядки на авторитеты. Не отставал от «ведущих сотрудников» Юрий: его «Повесть о 22-х несчастьях» с жадным любопытством читала эмигрантская молодежь. Еще бы — свидетельство из первых рук — как живут сверстники в далекой Совдепии? Тамара взялась за мемуары из советского прошлого. Она так увлеклась, что, начав с нуля (без записных книжек и архивов), завершила за несколько недель «Записки советской переводчицы».

Разумеется, газета не могла существовать без авторов «со стороны». Наиболее авторитетным пером «Голоса России» был монархист В.В. Шульгин. Иван напечатал серию его статей, в том числе «Государство рабочих и крестьян», «Помещики и капиталисты», «Советы Трудящихся (ст. 3-я Сталинской конституции)». Шульгин обещал материалы на другие не менее актуальные темы — о еврействе, гитлеризме, младороссах... В письмах к нему Солоневич сетовал на недоброжелательное отношение части эмигрантов к его публицистической работе. Шульгин поделился собственным опытом:

«Многие (из них) неспособны к сантиментам, зато любят лягать по криво понятому лозунгу Ницше — «падающего подтолкни». Среди нас — русских — всегда было невероятно много злости одного к другому. Памятуя это, я сам стараюсь не обращать никакого внимания на всю эту кампанию, которая ведется, — стоит мне только пошевелиться. Будут рвать и Вас, и, тем более что полупомешанный от злости элемент очень легко подчиняется (бессознательно) внушениям тех, кому Вы объявили войну»¹.

К корреспондентам газеты Иван относил Бориса Суворина. В одном из писем (сентябрь 1936 года) Солоневич отметил, что «Суворин уже появился на страницах «Голоса России»: «Живет в Париже и сильно бедствует, единственный, так сказать, платный сотрудник: надо помочь старику».

Свои услуги предлагали Солоневичу бедствующие журналисты-эмигранты. Иосиф Иосифович Колышко был до революции скандально известным фельетонистом. Он писал под псевдонимом «Баян» в либеральной газете «Русское Слово». Писал и в другие газеты, под другими псевдонимами, и нередко «полемизировал» сам с собой, используя различные «маски». Находясь в апогее славы, он соперничал с королем фельетона Дорошевичем, получая максимальные по тем временам гонорары.

Славился «Баян» любовными похождениями, причем одно из них могло завершиться смертным приговором. В годы Первой мировой войны Колышко влюбился в немку, для встреч с которой тайно ездил в Стокгольм, давая себе отчет, что подобная связь в военную пору чревата обвинением в шпионаже.

¹ В. Шульгин — И. Солоневичу, 8.08.1936.

Немка, действительно, была креатурой «ведомства» Вильгельма Николаи, главы германской разведки. Популярный журналист заинтересовал немцев неспроста. Они решили привлечь Колышко для организации издания газеты, которая должна была проводить в России идею сепаратного мира.

Колышко, авантюрист по натуре, решил заработать на немцах, но проявил неосторожность и попал в поле зрения русской агентуры в Швеции. От расстрела его спасла Октябрьская революция. У новой власти претензий к Колышко не было, и он оказался на свободе. С большевиками фельетонист, однако, не «сработался». Он уехал в эмиграцию, сумев вывезти солидный капитал, с которым можно было начать новую жизнь. Но деньги были растрочены на несерьезные коммерческие аферы, и, в итоге, Колышко оказался у разбитого корыта, на содержании женщины, последней поклонницы его таланта¹.

За несколько недель до смерти Колышко направил Ивану Солоневичу письмо с предложением услуг². Этот документ целесообразно привести целиком, потому что он отражает первую реакцию Русского Зарубежья на начало публицистической деятельности Ивана и Бориса Солоневичей, дает профессиональную оценку содержанию «Голоса России»:

«Глубокоуважаемые господа Солоневичи, жил я с Вами в концлагерях, живу с Вами и сейчас в Вашем подвиге не менее тяжком, чем бегство. И вместе с Вами перенес тяжелую обиду губителя нашей Родины, подлеца из подлецов, политического Смердякова и литературного хама — Милюкова (меня он оклеветал и омерзил раньше, чем Вас, ибо я раскрыл его суть и с ним боролся еще в Царской России, обок с Дорошевичем).

Ваш корреспондент — один из старейших публицистов и драматургов, ближайший сотрудник «Русского Слова» (Баян), «Нового Времени», «Петербургских Ведомостей», «Белорусских ведомостей», «Гражданина» — под другими псевдонимами, автор пьесы «Большой Человек», ближайший сотрудник Витте по его реформе 17-го октября и пр. и пр., как пишут про знатных особ. Сейчас эта «особа» старая рухлядь,

¹ Подробнее о нем см.: *Крымов В. Портреты необычных людей.* Париж, 1971. С. 151—157.

² И. Колышко — И. Солоневичу, 11.08.1936 г.

облаянная, больная, нищая, доживающая свои дни на Лазуревом берегу — подлейшем из уголков, подлой, хотя и прекрасной Франции.

Плоть моя гаснет, но дух еще жив и, уверяют, не притупилось еще перо (не мне судить). Я много пишу (для корзины), ибо — не могу молчать. Мой шкаф полон статей и мемуаров, о которых многие отзываются ласково (например, Бунин), но которые, очевидно, никому сейчас не нужны (впрочем, их охотно печатают в Америке и Азии, само собой разумеется, не платя). Моя главная (и единственная почти) тема — большевики. И если Вы исчерпали их плоть, то я думаю, что исчерпал их дух. И они меня знают, убили двух моих сыновей. Если бы случилось чудо, и мне Бог послал бы средства для издания всего того, что написано о большевиках за эти 15 лет, думаю, более сильного обличения, ИДЕЙНОГО, их дел — не было бы.

Но чудес уже нет, чудо уже то, что Вы и я живы, копошимся. Что-то изрекаем вне (сферы) достижения сталиных и милюковых. Кто-то прислал мне Вашу газету, и я с радостью ее прочел. Очевидно, это не газета, как я понимаю газету (после 40 лет газетного сотрудничества), а вопль души, крик сердца. Здоровая затрещина сталиным и милюковым — затрещина достаточной физической силы и моральной чистоты господ Солоневичей. В России (были) «господа Головлевы», но были и господа Солоневичи. Это был мой тип, и крупницы его я находил во Владе Дорошевиче, что меня с ним и связало. Будучи сам хворым, я всегда любил здоровых. В Ваших очерках меня больше всего привлекала ваша здравость (антиневрастения), ибо сам я — неврастеник...

Прочтя Вашу газету, я порылся в шкафу и нашел одну из бесчисленных статей на Вашу тему и шлю ее Вам. Делайте с ней, что хотите. Я лишь как Добчинский норовлю запечатлеть, что первыми изрекли «А» не Вы, господа Солоневичи, а хворый, старый, облаянный Рославлев — Баян — Серенький и проч.

Вот и все. Бывайте здоровы и жарьте. Как все бывшие люди я люблю мечтать и вспоминать. Вспоминаю о гонорах у Суворина и Сытина (до 4 тысяч золотых рублей в месяц), о пышном особняке в Питере, о вечерах у Витте и прочем. А мечтаю я (о том), что господа Солоневичи печатают

свою газету не в переулке Софии, а на большаке Ниццы, что к физической силе Солоневичей приложит остатки своей литературной силы Рославлев — Баян, а какая-то фея посыплет на них хоть и подлыми, но полноценными франками, и весть о делах и словах Солоневичей и Колышко пройдет по всей иудо-массонской Европе и Америке, и не зарастет к ним народная тропа.

На сих мечтаниях позвольте пожать 3 пары здоровых и честных рук и остаться Вашим читателем. Иосиф Иосифович Колышко».

Несмотря на косые взгляды завистников («не успел приехать, а уже гребет деньги!»), анонимные телефонные звонки и подметные письма с угрозами (работа чекистов?), Иван Солоневич выдерживал политическую «линию» газеты, заявленную в редакционной статье первого номера. Поток писем, которые приходили из самых далеких мест русского рассеяния, вдохновлял его, подтверждал, что ориентация на рядового читателя, а не «командиров» и «осколки прошлого», себя оправдывает.

В период становления газеты Солоневич довольно часто сам отвечал на письма читателей, предлагая «наиболее толковым» из них стать распространителями «Голоса России». Александр Валерианович Зайцев согласился выполнять эту работу в Китае. Солоневич писал ему:

«И радостно и лестно знать, что работаешь не впустую и что на всех пяти шестых земной суши раскидано так много хороших настоящих русских людей, которые, думаю, себя еще покажут. Думаю также, что время для этого «показа» приближается: кремлевская сволочь собирается, кажется, окончательно перегрызть глотки друг другу. Что же касается эмиграции, то, что я писал, относилось, собственно, не к русским людям вообще, а к их партийному «возглавлению». Средняя же эмиграция, по-моему, никакого равнодушия к России не проявляет. Наоборот, те тысячи подписчиков, которых мы уже имеем, и те десятки писем, которые получают каждый день, — показывают, что порох в пороховницах еще есть... Мы же изворачиваемся, как можем, и, как будто, неплохо изворачиваемся»¹.

¹ От И. Солоневича — А. Зайцеву, из Белграда в Тянь-Тзин, 10.09.1936 г.

Газета помогла Ивану Солоневичу отыскать некоторых друзей детства и юности, наладить переписку с ними. Больше всего он был рад весточке от Д.М. Михайлова, который помогал Зайцеву распространять «Голос России» в Тянь-Тзине. Солоневич незамедлительно ответил ему:

«Мое (первое) письмо, по-видимому, до тебя не дошло. Я там очень сильно ругался за то, что у тебя хватило духу еще напоминать о себе: помню ли я, дескать, такого-то Михайлова? Не только я помню, но даже и Юра решительно все о тебе знает, и когда мы получили твое письмо, то Юра сплясал индийский танец от радости. Я был совершенно уверен, что ты совсем пропал-погиб на войне. Все мы сейчас в Софии — я, Борис, Юра и жена. Вадя погиб в армии Врангеля. Отец остался в России, и о нем я давно не имею решительно никаких сведений. Мы все каторжно работаем над газетой, но спорта не забрасываем. Как-нибудь снимемся, и я пошлю тебе наши спортивные фотографии. Борис выступает на поприще профессиональной борьбы, вес у него 92 кг, и тренирован он зверски. Я сильно поддался, но пудов пять с половиной, а то и все шесть, еще толкну. Юра тоже крепкий парень, спец по плаванию и лыжам. Так что, все мы находимся в бодром виде, спортивный дух из нас не выветрился...

Теперь насчет «Голоса России». Я знаю, что ты никогда не был газетным представителем, но моя газета базируется на просто русских людях, а не жидовских агентствах, которые и сейчас пытаются ее задушить. Не задушат! А самое «представительство» очень простое: нужно ознакомить с газетой возможно больше русской публики, собрать с них подписную плату из расчета 1 франк за номер (через банк или вложить в заказное письмо) — за 10—20 номеров вперед и эти деньги высылать мне. Вот и все. Хорошо бы поместить объявление о газете в тех местах, где околачиваются русские эмигранты. Я думаю, что в Тянь-Тзине можно набрать сотню подписчиков. Мы регулярно шлем на твой адрес 20 экземпляров, выслали уже 11 номеров. Постарайся собрать и за эти номера, у нас с деньгами пока еще туго.

Борис ездит по Болгарии с борьбой и выколачивает монету для газеты. Кажется, есть перспективы, что ему удастся перебраться во Францию. Все мы здесь записались в русский «Сокол», но пока еще не работаем там, т.к. на лето он

прекращает работу. Книгу («Россия в концлагере». — Н.Н.) я тебе тоже вышлю в 2 экземплярах. Ты ее продай, когда прочтешь. Но с ней получилось кисло: выпустил слишком мало и теперь не хватает. Все мы коллективно целуем тебя и ждем лапу. Напиши, как устроилось у тебя со службой, — хотя наш брат спортсмен не пропадет. Твой Ваня Солоневич».

Переписка с читателями газеты помогала Солоневичу лучше ориентироваться в настроениях русских эмигрантов, оценивать степень влияния «Голоса России» на Русское Зарубежье, выявлять те проблемные вопросы, которые чаще всего обсуждались в эмигрантской среде. Укрепление власти Гитлера в Германии и распространение «моды» на национал-социализм в Европе побуждали эмигрантов все озабоченнее обсуждать тему «оправданности» сотрудничества с гитлеровским режимом, использования его для борьбы с большевиками. Характерным в этом плане было письмо М.А. Бакунина, пришедшее в редакцию из Брюсселя:

«Голос России», по-видимому, имеет также своей целью организацию «сговора» между оборонцами и пораженцами. В 6-ом номере газеты в статье «Так что же делать», Вы спрашиваете, — «Имеем ли мы моральное право стать в ряды Красной армии?» — и отвечаете, что для большинства эмиграции этот вопрос решается отрицательно. Тут нужно было добавить: нравственно ли вступление в Германскую армию, которая будет вести войну с СССР, Чехией, Сербией и другими странами, и ответить на вопрос так же отрицательно. Этим Вы облегчили бы сговор между людьми ценными для Национальной России, бывшими участниками Великой войны и добровольцами. На этой почве можно было бы сговориться с Деникиным, Лукомским и рядом других. Надо сознаться, что в РОВСе единодушия по этому вопросу нет. И РОВС и генерал Миллер уклоняются от определенного ответа. Никогда официально не было подтверждено сочувствие немецким воинственным планам, что позволяет многим оставаться в РОВСе. Если бы немецкая ориентация оказалась официально принятой, то раскол в РОВСе был бы неизбежен. Он однажды и произошел из-за явно немецкой ориентации генерала Шатилова.

Требование раз и навсегда забраковать немецкие планы не есть блажь, оно основано на убеждении, что немец-

кие стремления как теперь, так и в будущем, независимо от правительств, — направлены к уничтожению Национальной России. Кроме Красной и Немецкой армий в грядущую войну будут втянуты и славянские армии: Чешская, Сербская, Румынская, возможно, и Болгарская. Допускается организация в славянских армиях (русских) отрядов на манер легионов Пилсудского. Эти отряды выполнили бы, несомненно, русскую традиционную задачу: защиты славянской независимости. Борис Лукьянович, говоря о том, что собственно ему дорого в его представлениях о России — территория или население, — определенно отвечает, что ему дорого только население. У бывших участников Великой и Гражданской войн несколько иное решение этого же вопроса: территория, население и доминирующий над ним образ исторической Национальной России.

Газета Ваша здесь воспринята хорошо и оборонцами и пораженцами. Всколыхнулось эмигрантское болото. Если пожелаете использовать что-либо из этого письма (без моей подписи), то, прошу Вас, без имен генералов Миллера, Шатилова, Деникина и Лукомского»¹.

На первом этапе издания «Голоса России» Иван Солоневич добился того, чего хотел: и в главных центрах, и в «глухих углах» Русского Зарубежья с жадностью прочитали, обсудили и по достоинству оценили их «коллективный семейный рапорт» о том, что на самом деле происходит в Советской России. Рапорту и аналитическим обзорам советской жизни поверили, что способствовало росту уважения к «коллективному» имени Солоневичей. По словам Бориса, «русские люди увидели и, так сказать, проверили «чувство локтя» с теми, кто вырвался «с того света», и этот личный контакт закрепил, казалось, навсегда, сердечную и политическую связь эмиграции с Солоневичами».

В конце июля 1936 года Иван обратился к начальнику Отдела пропаганды РНСД² барону Александру Меллер-За-

¹ От М.А. Бакунина — И. Солоневичу, 10.08.1936.

² РНСД — «Российское национальное и социальное движение», созданное в 1935 г. полковником Н. Скалоном. В программе РНСД так оп-

комельскому (Мельскому)¹ с идеей сотрудничества в распространении газеты «Голос России» и изданий РНСД. Но самым главным в письме было предложение о создании «Антибольшевистской коалиции».

Имя Мельского было «на слуху» в эмиграции, книги его, посвященные главным образом «еврейскому вопросу», имели широкое хождение. Особо популярными были его труды «Евангелист ненависти. Жизнь Карла Маркса» и «Политическая критика марксизма». Пользовались успехом лекции Мельского: «Православие и политика», «Масонство в свете испанских событий», «Эмиграция в Германии и Европе в борьбе с темными силами».

Перу Мельского принадлежали многие ключевые тезисы идеологии русских национал-социалистов. Он писал, в частности:

«Мы одинаково отрицаем как основанный на борьбе классов марксо-коммунизм, так и построенный на эксплуататорских началах хищнический капитализм. Для нас Маркс и Ротшильд являются полюсами одного и того же бездушного миромышления, вышедшего из недр извечно поклоняющегося идолу материальной потребности иудейского духа... Как национал-социалисты, мы мыслим духовное и государственно-политическое возрождение России лишь на почве симфонического сотрудничества всех классов и слоев народа на

ределена суть движения: «Российский национал-социализм есть прежде всего стихийный национализм, требующий подчинения интересам нации как высшей ценности и государства, охраняющего его как форма, всех личных, классовых, сословных или профессиональных интересов. Российский национализм есть национализм действия, есть «воинствующий» национализм». Отделения РНСД действовали во многих городах Германии и в ряде стран Европы.

¹ Меллер-Закомельский Александр Владимирович (1889—1977), родился в обрусевшей немецкой дворянской семье. В эмиграции жил во Франции, потом в Германии. Некоторое время был активным членом «Братства Русской Правды», затем (в 1933 г.) вступил в возглавляемое А.П. Светозаровым Российское Освободительное Национальное Движение (РОНД). Во время Второй мировой войны готовил «просветительские» материалы по «еврейскому вопросу», которые распространялись в школах «пропагандистов РОА» и лагерях военнопленных. После войны Меллер-Закомельский укрылся в Испании.

подлинных основах вечной христианской правды... Мы проникнуты убеждением, что культурно-государственное возрождение России возможно лишь как результат тесного и дружного сотрудничества отдельных этнических элементов, входящих в состав Российского Государства, свободного самораскрытия отдельных народных культур, объединенных в рамках единого государства по принципу соборности. Исключение представляют собою евреи... Еврейство, являющееся издревле ферментом национального разложения в странах, его приютивших, сыграло и в разложении русской государственности передовую и зловредную роль»¹.

В ответном послании Солоневичу барон дал согласие на распространение «Голоса России» по всем отделам его партии, не преминув подчеркнуть, что газета, издаваемая в Софии, «ему весьма нравится». Мельский знал о том, что в эмигрантских кругах распространялись сплетни о «подозрительном поведении» Солоневичей, их возможной работе на НКВД. Однако содержание «Голоса России» было, по его словам, «слишком искренним, слишком честным, слишком разоблачительным для Советов, чтобы быть чекистской игрой».

Мельский объяснил Солоневичу, что РНСД ни в коем случае не следует считать «русским филиалом» немецкой национал-социалистической партии: «Это большая ошибка, так как немцы ни в какие дела организации не вмешиваются и ни копейкой денег не помогают. Положительное отношение РНСД к Гитлеру объясняется только тем, что этот политик активно борется с большевизмом». Барон дал согласие на установление «плодотворного сотрудничества» с Солоневичем. Вместе с тем, он выразил сомнение в осуществимости проекта «Антибольшевистской коалиции», который предложил издатель «Голоса России»: «Время для таких коалиций не наступило».

Идея Ивана о создании реально действующей организации в 10—20 тысяч человек, которая в переломный момент российской истории знала бы, что надлежит делать, вернувшись в Россию, живо обсуждалась в эмиграции. Постоянный читатель газеты «Голос России» К. Кочетков, бывший капитан корниловского артдивизиона, написал Солоневичу:

¹ «Голос РОНДа», № 1, 1933 г.

«Для того чтобы знать, нужно что-то желать. Ведь нельзя же на одном негативном признаке «долой коммунистов!» что-либо сделать. Мы — беспечные штабс-капитаны, — о коих вы так хорошо пишете, убеждены, что Добровольческая армия была разбита именно потому, что не знала, чего именно мы хотели. Вот почему я совершенно убежден, что рано или поздно и Вам придется сказать: ради чего вы зовете нас? Я вам искренне желаю успеха и потому усиленно предостерегаю от связи с «зубрами». Господа Суворин, Шульгин и прочие, — очень порядочные и прекрасные люди, но для нас — масс эмиграции — это отыгранные пешки истории, которых она выбросила за борт. Для нас они стали одиозны, как и Миллюков. Недаром и здесь в эмиграции разваливались их предприятия, как погибла их Старая Россия».

Капитан Кочетков сообщил о зреющих конфликтах в среде русской эмиграции в Париже. Там состоялось собрание «Национального союза комбатантов» (НСК), организованное генералом Туркулом. На этом собрании Туркул заявил, что с гибелью Кутепова ушел последний национальный вождь и что комбатантам пора самим браться за освобождение России. Миллеру не понравилась идея, и он предложил Туркулу распустить НСК или оставить ряды РОВСа. Генерал предпочел второе. Капитан Кочетков («туркуловец») спросил по этому поводу Солоневича: «А вы с кем? Неужели с генералом Миллером, допустившим полный развал РОВСа из-за своего неумелого и беспомощного возглавления?»¹

Письмо Кочеткова было одним из многих, побуждавших Ивана задумываться о корректировке курса «Голоса России» в изменяющихся международных условиях. Нельзя было игнорировать и процессы размежевания в эмигрантской среде. Первый этап газеты можно считать исчерпанным: их, Солоневичей, рапорт для эмиграции о подсоветской России, в основном, завершен. Но сколько можно жить разоблачениями большевистской диктатуры и злодеяний Сталина? Стократно прав капитан Кочетков, задавая свой вопрос: «Ради чего вы зовете нас?» Нужда в программных установках для «штабс-ка-

¹ По-видимому, К. Кочетков сделал этот вывод из-за близости официального представителя газеты «Голос России» Левитского к генералу Миллеру.

питанского движения» становилась все более очевидной. Кочетков, этот типичный представитель основной массы русской эмиграции, хотел действовать «во имя» значимых, вдохновляющих идеалов на благо Национальной России, но без надевшего набора эмигрантских вождей, партий и окаменевших политических формулировок, которые столько раз обманывали самые лучшие надежды «среднего эмигранта».

Читая почту, Иван не мог не заметить, что все больше людей в Русском Зарубежье стало обращать взоры на него, видя в нем потенциального лидера, способного разорвать порочный круг обыденного, недееспособного, обреченного на историческое прозябание. И эту дилемму надлежало решить как можно скорее. Разве не он заявил в первом номере «Голоса России» — «я не рвусь в вожди»? Однако любой программный призыв, с которым он обратится к этим массам, будет означать, — желает он этого или нет, — поворот к политической карьере, вторжение в тесный мирок эмигрантских лидеров, неизбежную конкуренцию и беспощадную борьбу с ними. Готов ли он к этому? Разве ему мало трибуны «Голоса России»?

Тем не менее, поддерживая диалог с читателями, Иван настойчиво работал над конкретизацией идеологии «штабскапитанского движения». С самого начала он считал, что оно может опираться только на национально-русское мировоззрение:

«Движение имперское, национальное, православное и глубочайшим образом народно-демократическое. Движение монархическое, ибо в монархии мы видим скрещение и закрепление Империи, Нации, Православия и народных интересов. Движение антисемитское по существу, а не по истерике, ибо еврейство было и будет врагом и Империи, и Нации, и Православия, и народа. Движение органическое, ибо мы ищем в нашей истории наших корней и ни за какими европейскими шпартгалками не гонимся. Движение массовое, ибо оно и сейчас обращается не к старым верхам, а к новым массам, и еще потому, что оно обратится со своим словом к полтора-раста миллионам русского народа. Наш расчет на эти полтора-раста миллионов»¹.

¹ Солоневич И.Л. Пути, ошибки и итоги // «Наша газета», № 35—38, июнь — июль 1939 г.

Первыми организационными ячейками «штабс-капитанского движения» стали кружки друзей «Голоса России», возникшие в ответ на призыв Солоневича о солидарности с газетой. Мощным импульсом послужили также опубликованные в ней 15 декабря 1936 года положения спортивного комплекса «За Россию», которые были составлены Борисом, Иваном и Юрием в их бытность в Гельсингфорсе. Комплекс фактически стал программой военно-спортивной и политической унификации «штабс-капитанского» движения, подготовки его к «часу Икс» возвращения в Россию. Иван был уверен, что его последователи вернутся туда не на рядовые роли:

«Штабс-капитанская масса нужна будет России как правящий слой. Если это выражение вам не нравится — возьмите более скромное: как административный аппарат... Но при всякой мыслимой комбинации обстоятельств, штабс-капитанская масса станет *служилым слоем будущей России*»¹.

«Штабс-капитанские» организации создавались в разных странах и под различными названиями: «Русское общество спортсменов», «Общество друзей «Голоса России», «Общество изучения России», «Российская национальная группа» и т.д. Солоневич писал по этому поводу, что формирование «штабс-капитанских» ячеек шло по инициативе рядовых членов эмиграции:

«Безо всякого нашего участия появились кружки «Голоса России» — в Брюсселе и Тянь-Тзине, в Лионе и в Холливуде, в Лозанне и в Харбине. Я этим кружкам не написал ни одного письма и не дал ни одной инструкции. Это, как говорят в советской России, — самотек. Это выражение назревшей и наболевшей необходимости, это — результат тупика, в который попало русское зарубежье — элита и цвет русского народа»².

Но были и предостерегающие голоса в отношении «качественного состава» этих кружков и ячеек и их политического использования. По свидетельству Бориса Солоневича, генерал Абрамов, выражая позицию РОВСа, оценил «движение», инициированное Иваном, следующим образом:

¹ Солоневич И.Л. Служилый слой // «Наша газета», 9.11.1938.

² Солоневич И.Л. Положение дел // «Голос России», 29.03.1938.

«Вы ошибаетесь, братья Солоневичи, делая ставку на своих «штабс-капитанов». И эта ошибка может перерасти во вред русскому делу... Вы в эмиграции недавно, а мы варимся здесь уже много лет. В нашей среде есть всякие люди: и кадровые офицеры, и случайные солдаты времен гражданской войны и штатские. Но верьте мне, — только те ценны для русского дела, кто не спрятался в углы, а стал в какой-то русский строй. Вовсе не обязательно в строй РОВС. Пусть выбрал бы любую русскую организацию: Сокол, нацмальчиков, Красный Крест, группы работы с молодежью, школу или даже театр. Но в каком-то русском строю он быть *обязан*.

И если эмигрант за эти 15—17 лет не нашел или не захотел найти себе места в строю — грош ему цена... Это — дезертиры или полудезертиры русского дела. Не переоценивайте их ценности. Но люди, находящиеся рядом с вами, будут вам совсем иначе объяснять свой отход от активной русской работы: неудовлетворенностью настоящим, недовольством руководства, ошибками вождей и пр. Может быть, это будет получаться даже правдоподобно... Но присматривайтесь к этим людям, ибо ваша политическая ставка на них может быть не только ошибочна, но и вредна! Своим авторитетом «людей оттуда» вы должны в первую очередь поддержать нас, русских людей, стоящих в строю»¹.

Всего к январю-февралю 1940 года действовало не менее 70 ячеек движения, которые по инициативе Ивана получили название «берлог». Солоневич не раз подчеркивал, что не претендует на роль партийного лидера, автора политических программ, которые в таком изобилии распространяются в Русском Зарубежье. Тем не менее развитие кризисной ситуации в Европе и в мире заставило его отказаться от первоначально выбранной позиции критического наблюдателя и комментатора событий. Чувство ответственности за судьбы «штабс-капитанов», стремление, как говорят сейчас, занять «свою нишу» в борьбе с коммунистическим режимом в России, пугающая недееспособность подавляющего большинства эмигрантских организаций, — все это побуждало Солоневича к оформлению «штабс-капитанского» движения в самостоятельную политическую организацию.

¹ Солоневич Б.Л. Не могу молчать! // «Наша газета», эмиграция, РОВС, И.Л. Солоневич. Париж, 1939. С. 9.

Именно в этот период Иван приступил к разработке устава единой «штабс-капитанской» организации, а также доктринального труда «Идея Белой империи», которая стала известна под названием «Белая Империя»...

Ворон сообщал резиденту «Максиму» об усилиях Солоневичей по превращению «Голоса России» в ведущий орган эмиграции. На Лубянке к появлению новой эмигрантской газеты отнеслись с профессиональным интересом. Помощник начальника ЭКО ГУГБ майор госбезопасности Фельдман в июле 1936 года направил на имя начальника ИНО Слуцкого служебную записку: «Отдел просит присылать газету «Голос России», издаваемую Солоневичем в Болгарии, в связи с наличием в их мемуарах указаний на ряд советских связей».

Надо сказать, что внимательной читке подвергались все произведения Ивана и его «семейной редакции». С особой тщательностью были проработаны главы «России в концлагере». НКВД работало дотошно, и литературно-беллетристические ухищрения Солоневича по сокрытию прототипов не всегда достигали цели.

Братья в перекрестье провокаций

В первые недели пребывания в Софии братья, погруженные в многочисленные дела и заботы, не замечали вокруг себя ничего подозрительного: ни косых взглядов, ни настороженности «отдельно взятых» эмигрантов. Чтобы «отвязаться» от Фосса, Борис вручил ему список со сведениями на некоторых друзей и знакомых в Советском Союзе, среди которых, в частности, значились:

«Николай Злочевский — бывший участник белого движения, в 27—28 годах был арестован, при обыске у него нашли офицерские погоны, наган и другие компрометирующие вещи. В момент ареста он работал на кожевенном заводе. З. плохо разбирается в политике, но является очень решительным, волевым и жестким человеком. В 22—23 годах он служил в АРА, американской организации продовольственной помощи. К З. нужно подходить осторожно, человек он пуганный.

Может быть полезен нашему делу по своим личным качествам. В прошлом З. был известным футболистом, поэтому не исключено, что он до сих пор играет в одной из команд Одессы. Контакт с ним можно установить на почве выпивки.

Николай Александрович Букреев — бывший скаутмейстер, из белых, дипломат и политик. В 1923 году судился за взяточничество. На суде заявил, что он воровал и брал взятки, чтобы помочь голодающим и больным. Был приговорен к расстрелу, но, по требованию рабочих слободки Романовка (Одесса), где Б. пользовался большим авторитетом, смертная казнь была заменена ему 10 годами. Б. был капитаном местной футбольной команды. После 3 лет тюремного заключения выпущен и вновь поселился в Романовке. Очень осторожен, гостям из-за кордона сразу рассчитывать на его «сердечный» прием нельзя.

Сергей Леонидович Капнист — граф, один из бывших директоров Русско-французского банка. На советской службе не состоит. Зарабатывает на жизнь частным рисованием плакатов и диаграмм. В 1933 году был арестован ОГПУ. После 6-месячного заключения его освободили по причине заболевания туберкулезом. Капнист жил в Одессе на ул. Маразлиевской. При встрече с ним *ваш человек* должен сослаться на И. Солоневича, упомянув о том, как Капнист вместе с И.С. и Сергеем Львовичем Войцеховским собирали почтовые марки, как Капнист читал Ивану свой философский труд и демонстрировал иллюстрированное от руки издание «Луки Мудищева».

Несмотря на все проявления доброй воли со стороны Солоневичей, их «медовый месяц» с болгарским отделом РОВСа продолжался недолго. Генерал Добровольский продолжал слать из Гельсингфорса предупреждения, неустанно призывая: «Будьте с братьями осторожней, они не те, за кого себя выдают».

Для «внутренней линии» РОВСа выявление тайных связей Солоневичей с НКВД стало своего рода наваждением. Для начала стали перлюстрировать почтовую корреспонденцию братьев. Контролю подвергались даже письма, приходившие из газет Швеции, Дании, Соединенных Штатов и других стран с просьбами о предоставлении статей для публикации. Часть корреспонденции Солоневичей поступала на Центральную почту «до востребования», часть — на адрес штаб-квартиры

РОВСа в Софии, — Оборище, 17. На почте письма вскрывали и копировали люди Браунера, в РОВСе эта задача была поручена Ворону. К нему же, для приобщения к «наблюдательному делу», попадали материалы перлюстрации от Браунера.

В этом деле фиксировались все подозрительные аспекты поведения Солоневичей. Составлялись также «контрольные карточки» на лиц, с которыми они переписывались. Среди корреспондентов были чех А. Рудольф, бывший референт комиссии внешних сношений в Праге (знакомый Тамары Солоневич); журналист Ксюнин; Ольга Курпатова-Хольстон, подруга Бориса по Гельсингфорсу; Войцеховский из Варшавы и многие другие.

Насторожил «внутреннюю линию» РОВСа и переезд в Софию Тамары. Фосс предположил, что она привезла братьям «директивы НКВД». Подозрения были подкреплены тем, что во время прогулки по Софии Солоневичи фотографировались неподалеку от полпредства: вначале на фоне царского дворца Бориса Третьего, потом — на ступенях собора Александра Невского. Браунер высказал мнение, что таким образом «семейка» подавала некие условные сигналы. В мании подозрительности он ни в чем не уступал Фоссу. Все, что делали или только собирались делать Иван и Борис, вызывало у Браунера смутную тревогу. По малейшему поводу он писал на Солоневичей «донесения», адресуя их на имя начальника военной контрразведки. Вот типичный документ подобного рода:

«Имеются сведения, что некоторые общественные деятели собираются обратиться к генералу Лукову с просьбой о субсидировании и моральной поддержке издания на болгарском языке книги Ивана Солоневича, бежавшего из СССР. Рекомендуются воздержаться от подобного рода поддержки во избежание компрометации имени господина Военного Министра, т.к. Иван Солоневич и его брат Борис являются лицами сомнительными в смысле большевизма. Имеются также предварительные данные о том, что они собираются направить Его Величеству доклад с предложением организовать антибольшевистскую работу в области пропаганды».

Вскоре после переезда Солоневичей в Болгарию по настоянию Бермана в Одесском ОГПУ приступили к проработке операции по захвату и вывозу «кого-либо» из Солоневичей.

Капитаном торгового парохода «Керчь» был агент Бажов, в прошлом — помощник Бориса в одесской скаутской организации в 1920 году. Выполняя задание органов, Бажов в начале лета 1936 года во время очередного рейса отправил из румынского порта Констанца письмо на редакцию «Голоса России». Борис тут же написал ответ на обусловленный адрес в Антверпене. Он задал вопросы о «ситуации» некоторых общих знакомых по Одессе, просил бывшего соратника-скаута разыскать проживающего в Ялте отца, расспросить его о жите-бытье и помочь в налаживании переписки с ним.

Осенью 1936 года в Софию пришло еще одно письмо от Бажова. На этот раз ему ответила Тамара, пояснив, что братья этого сделать не могут, так как «уехали в Европу».

Иван и Борис в октябре выехали на две недели в Югославию для чтения лекций, а Юрий отправился в Вену, чтобы приступить к учебе в Художественной академии, той самой, которая в свое время дважды отвергла Гитлера. Очередные номера газеты в отсутствие мужчин готовили к выпуску Тамара и Ольга Курпатова-Хольстон¹, приехавшая из Финляндии «в гости» к Борису. Им помогал секретарь редакции Николай Михайлов².

Тамара поинтересовалась у Бажова, можно ли через него организовать переброску «Голоса России» в СССР, и предложила сделать переписку более регулярной. Еще она попросила навести справки о судьбе сестры братьев — Любви Лукьяновны Солоневич.

Письмо Тамары давало чекистам хорошие «зацепки» для продолжения «оперативной игры». Солоневичей можно было заинтересовать перспективой поисков родных, налаживанию связи с Любой, которая жила в Ялте и по учетам адресного стола работала «художницей-оформительницей». Тем не менее на Лубянке приняли решение о приостановлении одесской операции. Резидент Максим в Софии успешно вел игру против Солоневичей, и в Москве не хотели рисковать, вво-

¹ Фосс и другие члены «внутренней линии» относились к ней с подозрением, считая ее сотрудником «Треста Солоневичей».

² Николай Михайлов — 29 лет, родом из Калуги, сын белого офицера.

дя в дело «Спортсмены» новую агентуру. Бажов исчез так же внезапно, как и появился. Писем от него Солоневичи больше не получали...

В начале июня 1936 года в ИНО НКВД решили провести завершающую оперативную комбинацию по компрометации Солоневичей. У «головки» РОВСа необходимо было создать впечатление, что Борис связан с чекистами и регулярно получает от них инструкции. В советских журналах, которые братья выписывали на Софию через Гельсингфорс, специалисты НКВД в Москве сделали «наколки» в духе того «книжного шифра», к которому прибег Борис в свое время в Одессе, сообщая о своем аресте чекистами.

Резидент Максим запланировал также инсценировку «конспиративной» встречи сотрудника полпредства с Борисом. Для этой роли был подготовлен курьер охраны М., хорошо известный эмигрантам. Резидент дал ему «боевое задание»: приблизиться к «объекту» (М. и Борис знакомы не были) и обменяться с ним несколькими «импровизированными» словами. После этого имитировать «вручение» пакета Солоневичу и «с предосторожностями» вернуться в полпредство. Самым сложным для Максима в этой комбинации было сведение в «одной точке» курьера М. и Бориса под контролем «наружки» РОВСа.

Генерал Абрамов тянул с разрешением на установление наружного наблюдения за Борисом, ссылаясь на финансовые трудности 3-го Отдела. Дело в том, что привлекаемые к слежке офицеры должны были оставить на время работу. У всех были семьи, и неоплачиваемый отпуск отразился бы на их благополучии. По меньшей мере, надо было возместить офицерам их обычную зарплату. Под впечатлением тревожных писем из Гельсингфорса и Парижа Абрамов все-таки сдался и, скрепя сердце, согласился выделить средства на содержание офицеров. Фосс был доволен.

Не менее доволен был Максим, который сообщил в Москву:

«С 10 июля за Борисом установлено РОВСовское наблюдение. Наша комбинация против него будет проведена 14—15 числа. Для подкрепления мероприятия можно было бы подбросить в квартиру Солоневичей письмо со скрытым текстом.

К примеру, с оценкой секретности полученного от них сообщения, с извещением о направлении денег или изложением конкретного задания, скажем, по получению информации о военных заказах в Варне. При обыске у братьев шифровки, несомненно, найдут и примут меры к разгадке. По признакам «книжного характера» шифра все книги братьев изымут и обнаружат среди них «декодификатор». Ваше мнение по этому предложению просим сообщить телеграфом».

Все сводки по слежке за Борисом докладывались генералу Абрамову:

«Наблюдение за Б.С., 12.07.36.

Доношу, что 11 числа с.г. вышли из дома И. и Б. На трамвае доехали до Св. Недели. Оттуда пешком прошли до Центральной почты. Как выяснилось, они были вызваны каким-то чиновником в связи с задолженностью по оплате за почтовый ящик. При выходе из здания И. и Б. расстались.

Б. пошел в «Зарницы». Там он находился с 10.40 до 10.50. Потом пошел на ул. Солунь, № 9. Оттуда вышел с генералом Зинкевичем. Прошли вместе до городского садика, где находились около 10 минут. Первым оттуда вышел Зинкевич и направился в сторону почты. Через некоторое время появился Б. и вошел в здание Чековой службы. После этого он зашел в Кудминскую школу, а еще позже — на Оборище, 17. Затем трамваем № 3 проехал до мечети, зашел в безистен «Бали» около кинотеатра «Капитоль». Немного погодя из «Бали» вышел Шатерник. Следом появился Б., сел на трамвай № 6. Проехал до станции. Там встретился с каким-то болгаринном лет 30-ти: чуть выше среднего роста, блондином с вьющимися волосами, в сером костюме и в светло-серых ботинках. Вместе они обедали в станционном буфете.

В 14 часов Б. и болгарин сели в поезд и поехали в г. Перник. Приехали туда в 15 часов. Прошли до улицы Кресна и вошли в дом с вывеской доктора Доброхотова (старосты «Сокола») и зубного врача Радки Данчева. Там находились до 15.30. Затем Б. и болгарин пересекли детский парк. Болгарин показал Б. дорогу в Хумин Дол и вернулся в город. Б. отправился в Хумин Дол, разыскал там казарму № 435, где и пребывал с 15.55 до 16.25. Вышел он оттуда с братом-просветителем пернишского «Сокола» — Лавришиным. Пошли опять в город к

Доброхотову на улице Кресна. До 17.10 были у него дома, а после 18.30 сидели в ресторане.

К 19.20 Б. и доктор Доброхотов с супругой пришли на Хумин Дол, где в собрании наспех объявили доклад Б. на тему «Положение в СССР». Начался он в 20.00 закончился в 23.00. Присутствовало сорок человек.

После доклада в город отправились Б., доктор Доброхотов с супругой, фотограф Балтаджиев, какая-то дама и два неизвестных господина (было темно). В 23.30 Б. был нами потерян.

По сведениям, полученным от Лавришина в церкви (панихида по генералу Врангелю), борьба, назначенная на другой день, не состоялась (заболел противник), и Б. вернулся в Софию (в воскресенье в 6.30).

В этот раз ничего компрометирующего «наружка» РОВСа не засекала, но 13-го числа цель была достигнута.

В отчете офицеры из «наружки» так описали состоявшуюся встречу Бориса с представителем советского посольства:

«Борис соскочил на ходу с трамвая и пошел быстрыми шагами к трамвайной будке с часами на крыше. Он остановился рядом и, повернувшись лицом в сторону улицы Ц. Иоанна, стал рыться в своем портфеле. В это время был замечен посольский служащий Алексей Кузьмин. Не доходя 5—6 шагов до Бориса, он вынул из кармана белый платок, вытер им лицо. Солоневич приветствовал его поднятием руки. Они поздоровались и, близко подойдя друг к другу, стали разговаривать. В это время Х. подбежал как можно ближе к ним и сфотографировал тот момент, когда они начали расходиться.

Вследствие того, что Борис и Кузьмин стояли к нам спиной, установить, передавалось что-то во время встречи или нет, не удалось. Встреча продолжалась не менее 2 минут. Расстались они в 9 часов 41 минуту. Борис пошел вниз по Дондукову по правой стороне, Кузьмин перешел к рекламе кино, остановился на мгновение и пошел дальше по левой стороне. В пролете по Торговой улице он два раза пересек улицу, вероятно, для проверки, поднялся по мосту, задержался на секунду у магазина, пересек Московскую улицу около военного музея и вошел в калитку полпредства, открыв ее своим ключом».

К радости Фосса и Браунера — наконец-то! — была выявлена и сфотографирована встреча «связника» чекистов с Борисом. «Связника» проследили до полпредства, его советская принадлежность не вызывала никакого сомнения. И так, подозрения оправдались: Солоневичи — враги! А с врагами разговор простой — ликвидация!

Генерал Абрамов сообщил Миллеру о встрече Бориса с человеком из советского посольства. Миллер тут же направил предупреждающее письмо Скоблину, который находился в служебной поездке по странам Европы. Тревожный характер вестей из Софии генерал несколько смягчил:

«Федор Федорович мне передал, что слухи о братьях стали ползти и у них. Он полагает, во всяком случае, что ежели они дали какие-либо адреса, то ими пользоваться не следовало бы. Насколько я помню, Сергей Николаевич Северский не предполагал давать им ход, но если этот вопрос был оставлен открытым в разговорах с ним, то лучше его предупредить.

Хотя для меня все это мало вероятно, если судить по направлению газеты и по тому, что им не дают к нам визы. Но береженого — Бог бережет. Что же касается газеты, то я очень ею доволен и считаю, что ее распространение в эмиграции заслуживает самого энергичного поощрения: много материала для понимания жизни, как она сложилась в СССР, а потому и для разговоров с иностранцами, для антисоветской пропаганды, к которой я не устану призывать нашу эмиграцию, желающую активности».

Резидент Максим воспринял возникшую ситуацию спокойно. Всякое случается в разведке! Кузьмин, сам того не подозревая, удачно подменил М. в комбинации по Борису.

Максим передал 26 августа в Москву:

«Вопрос о ликвидации братьев не снимается. Фосс досадует, что он затянулся и старается скорее осуществить его. По указанию полиции от РОВСа приставлены к Солоневичам в качестве негласной «охраны» три человека, на которых возложена задача ликвидации. Фосс дал этим людям указание ликвидировать в первую очередь Бориса, а затем остальных. Решение это твердое. Хотят сделать так, чтобы не осталось никаких следов».

Резидент отметил также, что РОВС установил за Кузьминым недельную слежку, конечно, без результата. За Борисом наблюдение было прекращено: кто-то из «тройки Солоневичей» обнаружил наличие преследователей. Борис навестил Фосса и сообщил ему, что за семьей идет слежка. Фосс избразил недоумение, а Солоневич заявил, «что чувствует нависшую над ним опасность, и предупредил: пусть те, кто замышляет недоброе, подумают о последствиях. Затянуть его куда-нибудь на расправу не удастся. Если же с ним что-то случится, найдутся люди, которые за него отомстят».

Максим подчеркнул, что это заявление Бориса не повлияло на планы Фосса и полиции, которые сделают все возможное, чтобы Солоневичам не удалось удрать из Болгарии.

В сентябре 1936 года в Софии побывал генерал Скоблин. Позже, докладывая об итогах поездки руководству РОВСа в Париже, он сделал упор на «провокационной сущности Солоневичей». При этом Скоблин ссылаясь на «надежные данные» капитана Фосса, у которого «связь братьев с НКВД не вызывает никаких сомнений». В качестве еще одного доказательства он напомнил, что Солоневичи предложили свои услуги по организации террористических акций не только в СССР, но и в Европе, указав на Блюма¹ как на наиболее подходящую «цель»! Для Советов, подчеркивал Скоблин, Солоневичи «проповедуют самый жесточайший террор», и при этом к одному из братьев приезжает в Софию жена, которая работает в Советском торгпредстве в Берлине, а жена другого брата, по его словам, в это же время сидит в концентрационном лагере. Как это совместить?! Ведь это явное вранье!

Скоблин призвал к соблюдению «величайшей осторожности» во всех делах с братьями. Трубецкой, начальник канцелярии РОВСа, высказал сомнение в «провокаторстве» Солоневичей: слишком много вреда они принесли большевикам, чтобы находиться у них на службе. Миллер с ним согласился, вновь напомнив, что большевики делали все возможное, что-

¹ Блюм Леон (1872—1950) — французский политик, один из организаторов антифашистского Народного фронта, одержавшего победу на всеобщих выборах. Премьер-министр в 1936—1937 гг. Ушел в отставку из-за противоречий внутри коалиции по вопросу поддержки испанских республиканцев в гражданской войне в Испании.

бы не допустить приезда братьев в Париж. Скоблин остался при своем мнении и предупредил собеседников, что Солоневичи при всех их пробивных талантах и юркости способны докопаться до самых сокровенных секретов РОВСа. С этим Миллер спорить не стал.

На Лубянке с удовлетворением «подытожили» выводы «внутренней линии» РОВСа о братьях:

«Солоневичи являются большевистскими агентами большого калибра. Руководство в семье осуществляет Борис, играющий при ней роль комиссара. В задачу группы входит провокационная работа в Болгарии, Югославии и Франции. Солоневичи очень ловко подбираются к работе активного отдела РОВСа. Они сообщили имена многих лиц на территории СССР, рекомендуя их с лучшей стороны. Однако предложили выяснить места их проживания через адресные столы.

В отношении большевиков братья советуют применять только террор. Всякую другую работу считают нереальной. Они предложили совершить террористический акт в Москве против Шверника, и рекомендовали привлечь к этому своего лучшего друга, бывшего офицера Александра Корнилова. По словам братьев, он согласится на проведение этого теракта. Солоневичи предложили также совершить террористический акт в отношении премьера французского правительства Блюма.

Капитан Фосс видит в этом хитроумную уловку. Видимо, ГПУ переменило тактику своей работы и пошло по линии создания новой легенды, «нового Треста». Если раньше все прибывавшие из Советского Союза провокаторы под разными предлогами отклоняли террор, то сейчас все беглецы следуют иной тактике — выступают только за него. Подозрительным признаком Фосс считает также поведение Бориса. Как он может активно выступать против большевиков, если его жена и двое детей находятся в концлагере»¹.

Солоневичи не подозревали, какая опасность нависла над ними. Боевики РОВСа Александров, Марков и Тренько, получив «неопровержимые доказательства работы братьев на че-

¹ Документ был доложен 10.10.1936 Ежову, Агранову, Берману, Гаю, Миронову.

кистов», несколько раз пытались ликвидировать Бориса, считая его ключевой фигурой в очередном «Тресте».

Для Фосса задача устранения Солоневича стала делом чести: он способствовал их приезду в Болгарию, внедрению в среду эмигрантов. Генерал Абрамов проявлял нерешительность, прикидывал степень негативной реакции болгарских властей на теракт. Благоразумие возобладало. Генерал распорядился прекратить подготовку физической ликвидации Солоневичей, считая, что «чисто» провести операцию не удастся. Полиция обнаружит, куда ведут следы, с помощью того же Браунера. После этого РОВСу в Болгарии не поздоровится. Разгонят без всякого!

Однако боевики приказ Абрамова проигнорировали и с согласия Фосса продолжили подготовку к акции. В начале октября Марков и Тренько, вооружившись револьверами, отправились в Овча Купель к дому Солоневичей, чтобы покончить с ними. Они не знали, что несколько дней назад неподалеку от виллы «Спокойствие» произошел вооруженный грабеж, в результате которого погиб случайный прохожий и был ранен полицейский. Уголовная полиция стала присматривать за этим районом, ежевечерне направляя сотрудников на патрулирование. Конечно, боевики РОВСа показали полицейским агентам подозрительными. Их задержали и обыскали. Обнаружили револьверы, а у Маркина удостоверение, в котором подтверждалось, что он негласный сотрудник Браунера. Боевиков передали в департамент политической полиции, откуда после продолжительного допроса освободили.

Генерал Абрамов был в ярости, когда узнал о самоуправстве и, что еще хуже, провале:

«Если не можете организовать дело как следует, то прекратите танцы вокруг Солоневичей. Они выкрутятся, а РОВС в Болгарии вы погубите».

Расправу с братьями «внутренняя линия» отложила «до лучших времен», хотя у Фосса и Браунера возникали самые чудовищные планы расправы с Солоневичами. Например, похищение и «исчезновение» их в топке специальной печи, находившейся в подвалах Управления полиции. Той самой печи, в которой жгли тела «красных» в напряженные дни «зачистки Болгарии от коммунистов» после провалившегося Сентябрьского восстания 1923 года. Головка РОВСа заметно дис-

танцировалось от братьев. Солоневичи почувствовали это, и без особых сожалений стали углублять отношения с «новопоколенцами» («игроками» в переписке НКВД).

ИНО подготовило для руководства НКВД очередную сводку о «ситуации» вокруг братьев, подписанную Шпигельгласом¹ и Клесметом²:

«В кругах РОВС и болгарской полиции растет недоверие к Солоневичам. Этим кругам известно о «беспорной работе» братьев с большевиками. Подтверждается это якобы такими фактами:

Солоневичи получают значительные деньги из неизвестного источника. Они переехали из пригорода в центральную часть Софии, арендовали большую и дорогую квартиру. Стали регулярно выпускать газету в увеличенном размере, несмотря на слабое поступление денег за нее. Советское полпредство упорно молчит по поводу «Голоса России», одновременно протестуя против издания эмигрантских газет «За Россию», «Русь» и других. Приезд Ольги Хольстон из Гельсингфорса к Борису расценивается в РОВС и полиции как стремление братьев к расширению поля деятельности.

Несмотря на все подозрения, полиция и РОВС конкретных мер к изоляции или ликвидации Солоневичей не предпринимают. Несколько дней назад Браунер пригласил Ивана Солоневича отдохнуть за город в надежде что-нибудь выведать у него. В результате оба напились и с большим трудом вернулись домой».

О колебаниях в стане РОВСа по поводу физической расправы с братьями Максим информировал Москву в ноябре 1936 года:

«Фосс с запрещением Абрамова не согласен и продолжает подготовку ликвидации. Александров заявил, что будет лично искать удобного случая, чтобы «закончить дело». «Ворон» старается подыгрывать Фоссу, одновременно упрекая его в нерешительности.

¹ *Сергей Шпигельглас* — майор, зам. начальника 7-го отд. ГУГБ.

² *Герман Клесмет* — капитан, начальник VI сектора 7-го отдела ГУГБ.

Борис и Иван 10 октября уехали в «Филадельфию» (т.е. Югославию. — Н.Н.) для чтения докладов. Абрамов и, отчасти, Браунер полагали, что мешать не надо, чтобы не давать братьям повода для неприязненного отношения к РОВСу. Визы из Югославии им были присланы при прямом содействии В.М. Байдалакова.

Направленная Вами простой бандеролью книга с «наколками» в руки Фосса не попала, вероятно, проскочила перлюстрацию. Придется выслать еще одну. Чтобы заинтересовать полицию и побудить ее к решительным действиям, желательно наколоть фразы, из которых было бы видно, что братья занимаются не только эмиграцией, но и чисто болгарскими вопросами — собирают политическую и военную информацию».

Перед поездкой в Югославию Борис направил «новопоколеницам» в Париж письмо с просьбой помочь в получении трехмесячных виз для себя и брата — для чтения лекций и оформления борцовского ангажемента. «В августе 1935 года я с братом хлопотал об этом, — сетовал Борис, — но, несмотря на поддержку влиятельных людей, нам отказали. Весьма вероятно, что какое-то «досье» содержит о нас политически неблагоприятные отзывы». Пытаясь заинтересовать парижское руководство НТСНП, Борис представил свои физические кондиции с наилучшей стороны:

«Прилагаю пару фотографий — не для публики, а для понимающих людей. Если нужно, могу прислать рекламные фотографии. Сейчас во мне 92 кило при сухой мускулатуре и хорошем рельефе. Моя трехмесячная практика в кэч еще, правда, не дала мне хорошего с ним знакомства, но, во всяком случае, тренировки с Даном Коловым, Гарри Стоевым, Броновичем, Дмитрием Стойчевым были полезными. Видел работу Пасмана. Разумеется, у него лучшая работа из всех, кого я видел (из кэчменов). У него редкое сочетание стиля французской (борьбы) и кэча, как раз то, что уже выработалось у меня, причем если суплессы Пасмана, может быть, более гибкие, то мои — более стремительные. Два дня тому назад я боролся со Стойчевым в Варне (ничья). И при его весе в 106 кило я провел 21 суплесс (конечно, разных стилей).

По старому опыту я знаю, что публика относится ко мне очень тепло, и в отношении популярности бояться не прихо-

дится. Моменты более широкого рекламного характера со-
общу по первому требованию (врач, журналист, заместитель
Старшего Скаута России, — если нужно, то и Соловки, побег
и все прочее, что может овеять мое имя ореолом романтики
и создать «характерность»).

Лекционное турне братьев по Югославии прошло успеш-
но, чему в немалой степени помогли местные «новопоколен-
цы». В целях экономии братья остановились в доме Николая
Григорьевича Иванова, бывшего соученика Бориса по Вилен-
ской гимназии и его товарища по «Русскому Соколу». О том,
что Солоневичи живут в «соседней» Болгарии, Иванов узнал
из «Голоса России» и тут же послал Борису письмо:

«К большой моей радости я узнал из случайно попавше-
го мне второго номера газеты, что известные всему свету Со-
лоневици не однофамильцы! Рад возможности приветство-
вать тебя и твоего брата Ивана Лукьяновича и выразить Вам
искреннее удовольствие в том, что Вас Бог сохранил и при-
вел сюда, и мой восторг перед Вашими неожиданными спо-
собностями, энергией и неустрашимостью в борьбе за нашу
русскую правду и Родину. Если глянешь на помещенную в га-
зете фотографию группы Виваго (рядом с Людой Корховой),
то увидишь над твоей головой в верхнем ряду справа Нико-
лая Иванова, пишущего эти строки».

Николай уже более десяти лет жил в Белграде, принял
югославское подданство, был владельцем мыловаренного за-
вода и в сравнении со многими другими эмигрантами мог
считать себя человеком с удачно сложившейся судьбой. С ним
братья говорили обо всем, но в первую очередь — об умона-
строении русских эмигрантов в Югославии. Иванов рассказал,
что многие уверены в дальнейшем углублении кризиса в Ев-
ропе, приближении войны и участия в ней Советского Союза.
Непростая ситуация в Русском Зарубежье, в котором все бо-
лее ожесточенно соперничали различные политические груп-
пировки, была зеркально отражена в Югославии. С середины
30-х годов русская колония разделилась на «пораженцев» и
«оборонцев», и дискуссия между представителями этих тен-
денций не прекращалась ни на день.

При внешней простоте проблемы: на чьей стороне высту-
пать в ходе грядущей войны — Советского Союза или его по-

тенциального врага (под которым, прежде всего, подразумевалась Германия) — аргументы «оппонирующих» сторон, — этические, моральные, исторические, и патриотические — были настолько несовместимы, что эмигрантские раздоры по этому поводу приобрели откровенно враждебный характер. Иван с особым недоверием следил за деятельностью «Союза оборонцев», однозначно заявляющего, что против Родины воевать нельзя. Иван считал, что «Союз оборонцев» финансируется НКВД, и потому при каждом удобном случае полемизировал с «Голосом Отечества», печатным органом «оборонцев». Себя Солоневич относил к «пораженцам», считающим, что перво-степенная задача — это разгром большевистской власти, разгром любой ценой и любыми средствами: поражение Советов должно стать победой всех антикоммунистических сил.

В Белграде Иван и Борис ежедневно встречались с руководителями «новопоколенцев», которые в доверительном порядке довели до их сведения информацию о «внутренней линии» РОВСа, характере ее деятельности и тех подозрениях, которые имелись в отношении ее «засоренности» чекистской агентурой. По свидетельству Б. Прянишникова, являвшегося активным «новопоколенцем», Иван Солоневич «отнесся равнодушно» к этому сообщению¹. Объяснялось это просто: о «внутренней линии» он был порядком наслышан, считал результаты ее работы провальными и бесперспективными как раз в силу «проникновения» агентов НКВД.

В редакцию «Голоса России» поступали письма, авторы которых спрашивали Ивана Солоневича о причинах его «умалчивания», «нежелания» затрагивать еврейский вопрос, обсуждать его в рамках «их ответственности за гибель России». Подобные вопросы неизменно звучали во время лекционного турне Солоневичей в Югославии.

В странах русского рассеяния «еврейский вопрос» актуальности не терял. С открытым письмом по этому поводу к Ивану обратился читатель «Голоса России» Павел Спиридонов:

«В Вашей ругани антисемитов уже видна косвенная защита еврейства. Ваш же доклад 20 октября в Русском доме в

¹ Прянишников Б. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против Белой эмиграции. М.: 2004. С. 497.

Белграде окончательно вскрывает Вашу позицию. Ваше выступление было не докладом по освещению еврейского вопроса, а защитительной речью. Но Вы недооценили эмиграцию. Вы рассчитывали, как сами говорили, на наш эмоциональный антисемитизм. Это в России, под постоянным и непосредственным ощущением еврейского гнета разрастается и ширится эмоциональный антисемитизм. Здесь же, вдали от этого еврейского террора, мы имели возможность стать на иную базу. Как определила «Еврейская трибуна», мы используем основу научного антисемитизма. И вот на основании наших знаний мы требуем от Вас ответа: на каком основании и как смели Вы защищать перед нами народ, который задумал и провел всю нашу революцию и который продолжает по сей час свою преступную работу? Вы утверждаете, что еврейство только использовало революцию. Но даже если это так, русскому было бы естественнее и достойнее обвинять их и за случайное участие, нежели защищать».

Спиридонов отметил, что «Солоневич хорошо натаскан на обработке масс», ведь публика почти единодушно хлопала, когда он заявил, что не евреи, а русская интеллигенция привела к революции. «Вот это игра! Вы показали себя достойным Ваших учителей. Не даром Вы хвастались, что, дескать, «мы, подсоветские, любого жида обставим».

Свое «разоблачительное» послание Спиридонов завершил так:

«Не разрешив еврейского вопроса, Вы никогда не разрешите национального, то есть не обеспечите суверенитета русской нации. Мы имеем тому пример в Германии»¹.

На подобные обращения Солоневич отвечал не раз. В одном из своих личных писем он объяснял свою позицию следующим образом:

¹ Анонимные письма с разоблачением «провокаторства» Солоневичей довольно часто приходили в советские учреждения за рубежом во второй половине 30-х гг. Вот образец одного из них с подписью «Земляк»: «Послушайте, холуи, уберите вашего «товарища Солоневича» из Софии (Болгария). Уж больно глуп. То, что может пудрить мозги зажатому вами народу, потерявшему творческую способность мыслить, то не может произвести впечатление на последнего эмигранта. В старые годы у вас был «талант» провокации, а теперь — болван болваном».

«Что касается антисемитизма, то я намеренно поставил вопрос так, как он поставлен в моих статьях: нельзя все сваливать на жидов. И нельзя пускать по эмиграции фальшивые списки, «сионские протоколы» и прочие филькины грамоты. А сами-то мы где? А почему тот же РОВС разлезается? А почему создалось такое положение, что вот, например, в здешнем софийском интернате пришлось рассовывать по разным комнатам скаутов, витязей и разведчиков: они, видите ли, не желают дышать одним воздухом друг с другом. И что с того, что Иванов Седьмой — жидоед, жидам на это наплевать. А вот тот факт, что на практике этот жидоед не ест жидов, а разъедает русские организации — имеет весьма большое практическое значение»¹.

Распространенную в эмиграции идею «жидомасонского заговора» против России Солоневич считал вредной и тенденциозной. По его мнению, тезис о том, что евреи подготовили Октябрьскую революцию, был глупым и ошибочным. Они получили полное равенство и все необходимые свободы после Февральской революции 1917 года. Чего же больше желать? Коммунистический режим — это продукт «заговора большевиков», гипертрофированной жажды власти Ленина и его «подручных», а не целенаправленной деятельности так называемых «жидомасонов», от которой якобы идут почти все исторические беды и катастрофы в России. Даже американский исследователь У. Лакер отметил, что «Солоневич высмеивал и другие аргументы идеологов-антисемитов, но без заметного успеха. Преступления евреев были важной частью идеологии правой, и Солоневичу ставили в вину, что он плохо знает классику антисемитской литературы»².

Обвинение это Солоневич отвергал, демонстрируя в своих трудах глубокое знание еврейского вопроса в России. Позиция Ивана была неизменной: этот вопрос не самый важный в списке задач по переустройству России, которые надлежит решать русской эмиграции после возвращения на родину.

¹ Из письма к А.Ф. Соловьеву в Китай, 15.03.1937. Письмо было перехвачено 10-м отделением ГУГБ НКВД, и копия его направлена «для ознакомления» Ежову, Агранову, Миронову и Слуцкому.

² Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: 1994. С. 243.

О реакции «белоэмигрантов» на «проповеди» Солоневичей в НКВД нередко узнавали из перехваченных писем. Каждое из них, как в капле воды, отражало разноразличными взглядами и надеждами эмиграции.

О росте интереса эмигрантской массы к Солоневичам в тот период свидетельствует переписка бывших дипломатов Е.В. Саблина и В.А. Маклакова. Саблин с подчеркнутым неодобрением писал:

«За последнее время у нас здесь (в Лондоне) стали очень увлекаться братьями Солоневичами, и многие умы как-то притупились. В особенности превозносят Солоневичей, конечно, правые круги».

Маклаков не соглашался, пытался объяснить феномен Солоневичей объективными причинами:

«Вот вы мельком отрицательно отозвались об (Иване) Солоневиче. Я очень жалею, что Солоневич грозит свалиться к уродам непримиренчества. Однако Вы и лично в нем, и в судьбе его писаний можете видеть, насколько эти настроения живы. А тогда Вы поймете, что даже простая терминология, которая для простоты говорит о русских людях, русской армии, интересах России и т.д., когда речь идет о советских главарях, подчеркиваю, *главарях*, а не рядовой публике, что эта терминология может больно их задеть и что они в ней видят то, чего на самом деле видеть нельзя».

По мнению Маклакова, феномен Солоневичей вызван тем, что они твердо стоят на распространенной в кругах эмиграции (особенно среди военных) позиции неприятия соглашения с большевиками. Братья отражают эти настроения, напоминают о том, какой вред нанесли большевики России, и о том, что примирение с ними как победителями станет, фактически, осуждением всех тех, кто с ними боролся. Маклаков склонялся к мнению, что с этим взглядом надо считаться: в эмиграции есть два фланга и два мировоззрения. Оба имеют право на существование.

Мнения Саблина и Маклакова о Солоневичах отражало различие подходов к братьям наиболее подготовленным политически и интеллектуально представителям эмиграции. Своё отношение к Солоневичам выражали и рядовые эмигранты. Вот типичная точка зрения, высказанная бывшим «нижним чином» белой армии:

«Здесь (в Югославии) недавно были братья Солоневичи, издающие «Голос России». В своих лекциях описывали жизнь русских за чертополохом, свидетелями которой они были до 34 года, когда бежали. Впечатление у меня от всего ими рассказанного таково: там все ненавидят властвующих партийцев и убеждать уничтожить их — нет необходимости. Народу нужен только случай захватить оружие. О дальнейшем самоуправлении даже и не думают, партийные дрязги им незнакомы. Они благоговейно перед смертью императора Николая II и его семьи, которые отказались от заграницы и хотели разделить русскую судьбу. Белое движение в памяти народа свято, и порыв освободить Россию в нем не угасает, нужна лишь маленькая шаткость власти.

Желаю бодрости духа, чтобы и дальше переносить изгнание. Солоневичи нас вдохновили. Может быть, и в самом деле ждать осталось недолго. Мировые события складываются так, что коммунисты серьезно забили тревогу. Их активизм в Испании — предсмертная агония. Каков будет их конец, трудно предугадать, но то, что он близится, — несомненно. И мы, Сибиряки-Александровцы в Крагуевце, кричим вам, однокашникам, близко стоящим к русской границе на Дальнем Востоке, — «слушай!», и надеемся, что следующее эхо будет раздаваться с русских земель»¹.

Нужно отметить, что события гражданской войны в Испании живо комментировались белыми эмигрантами. Иберийский полуостров был тем местом, где с «красными» боролись не на словах, а с оружием в руках. Для белой эмиграции военные успехи Франко были вдохновляющим подтверждением того, что и для нее не все потеряно: белый реванш в России еще грядет! Но пока надо помочь Франко. В перехваченных НКВД письмах эти настроения доминировали. Эмигранты из военной среды были готовы влиться в ряды франкистов в любом звании только для того, чтобы вновь скрепить оружие с красными:

«Дела испанские и СССР, хотя и волнуют нас, но положения нашего не меняют. Наводили справки у Франко: «Ну-

¹ Приблизительная дата отправления — ноябрь 1936 г. На разметке ознакомления: Ежов, Слуцкий, Паукер, Шпигельглас, Партин.

ждается ли он в нас?» Ответил: «Не очень». Однако принимать готов, но только на положении рядовых, независимо от чина и возрастом около 40, не старше. А от генералов совсем отказался. Шинкорский поехал было и вернулся ни с чем. Узнали, что он генерал. Ну, а если наберется тысяча штыков, то тогда можно будет разговаривать об отдельном батальоне при иностранном легионе. Вот в эту тысячу мне и не верится, ибо до границы надо ехать на собственный счет»¹.

Иван следил за развитием событий в Испании, с жаром обсуждал ситуацию на фронтах и под Мадридом, восхищенно отзывался о военно-политическом и стратегическом таланте генерала Франко. При этом не без сожаления подчеркивал, что гражданская война в России не выдвинула Белого вождя подобного масштаба. В июле 1939 года Солоневич в своей статье «За тенью Распутина» воспроизвел фрагмент из очерка А. Керсновского о событиях в Испании, явно разделяя оценки автора:

«Франко твердо знал азбуку государственного деятеля — те истины, о которых ген. Деникин и не догадывался. А именно: тыл опора фронта, второй шаг делается только после первого, — и соловья баснями не кормят. Это, как раз, три аксиомы гражданской войны. Он стал действовать так, чтобы победить. Никаких «особых совещаний» — а настоящее правительство. Никаких «уполномоченных» — а настоящие министры. Никаких посулов какого-то «учредительного собрания» в неопределенном будущем, — а сейчас же насущные мероприятия, реформы и законодательство. Порядок, толковость, организованность сопровождали армии ген. Франко с первого дня по последний. Ничего общего с вакханалией белого тыла нашей Гражданской войны. И результаты разные. У Франко — «победный парад» в Мадриде. У Деникина — сложенные в штабеля трупы в Новороссийске. Вот что значит быть лишенным всякого намека на организаторские способности!»²

¹ Письмо направлено из Софии в Нанкин (Китай) 26.02.1937. С содержанием его ознакомились Агранов, Шпигельглас и Миронов.

² Солоневич И. За тенью Распутина // «Наша газета», 31.07.39. (Очерк А. Керсновского в газете «Царский вестник», № 662).

В Югославии Солоневичи еще раз убедились в том, что недоверие к ним широко распространено в эмигрантской среде. Доходило до полного абсурда! Так, в Белграде у Бориса «на трактирной почве» случился довольно острый разговор с группой белых офицеров, которые заявили ему, что им «точно известно», что капитан Фосс — провокатор, а он, Солоневич, является для него «связующим звеном с НКВД»!

Вернувшись в Софию, Борис тут же отправился к Браунеру и сообщил ему об этих «разоблачениях»: мол, Фосс имеет двойное дно! Браунер, разумеется, поставил Фосса в известность о «странных откровениях» Солоневича. Клавдий Фосс возмутился, усмотрев в этих «наговорах» признаки подготовки против него «одной из типичных провокаций в духе НКВД».

Еще больше встревожился Фосс, когда на следующий день Борис отыскал его и, как ни в чем не бывало, начал рассказывать ему о том, что организация «новопоколенцев» состоит из очень активной и способной молодежи, которую можно легко подчинить РОВСу для более эффективного использования. Но для этого, мол, из их организации надо «устранить» руководителя Георгиевского. Борис «признал», что это нелегкая задача и что выход только в «уничтожении» Георгиевского. Фосс онемел, услышав это, и поспешил ответить, что «новопоколенцы» интереса для РОВСа не представляют, и что он не намерен поддерживать разговор на столь провокационную тему. После этого «захода» Бориса Фосс окончательно убедился, что против него готовят провокацию, и, чтобы предупредить события, в тот же день изложил в письменном виде подробности разговора с Солоневичем и лично отвез это «заявление-донос» в полицию.

«Розыгрыши» Бориса Иван осудил. Они создавали излишнюю полицейскую суету вокруг них, могли спровоцировать затяжное разбирательство и тем самым помешать их налаженной газетной работе. Борис с ним не согласился: после всех известных им случаев со слежкой, вскрытием писем, распространением слухов и наветов, почему бы не отплатить «другу детства» той же монетой?

Выходки Бориса, конечно, не способствовали поиску взаимопонимания с РОВСом. Преодолеть недоверие болгарского отдела Союза братьям не удалось. Отношения поддержива-

лись, но без прежней доверительности. Не помогали и угощения генералов в лучших софийских ресторанах.

Однажды Борис предложил Русской гимназии в Софии ввести в качестве обязательного учебного предмета «Белую политграмоту», составленную им. Одновременно он начал обработку педагогов в отношении принятия его, Бориса, на роль преподавателя политграмоты. Столь «дерзкое» предложение Солоневича насторожило администрацию гимназии, а родительский комитет тем более. Священнику Шавельскому, который не раз «угощался» за счет Солоневичей и в быту ладил с ними, идея «Белой политграмоты» не понравилась. Он стал повсюду агитировать против допуска Бориса в гимназию, доказывая, что доверять ему детей нельзя.

Наиболее последовательными в «ведении боевых действий» против братьев были младороссы. Орган Младоросской партии «Бодрость» едва ли не в каждом номере и под любым предлогом обрушивался на «provокаторов Солоневичей». На Лубянке обратили на это внимание. В декабре 1936 года резидентура НКВД в Праге получила указание «всячески способствовать инициативе младороссов по дискредитации Солоневичей». Для придания этим усилиям еще большего размаха предписывалось «задействовать возможности» агента «А/1» (который, если судить по его порядковому номеру, имел солидный опыт работы на ИНО). К работе по дискредитации Солоневичей Москва рекомендовала через агента «А/1» подключить Бориса Чернавина (однофамильца В. Чернавина, бежавшего с женой и сыном из СССР в 1932 году).

Вскоре в Праге вышла в свет брошюра «В союзе с Троцким. Правда о бр. Солоневичах». Ее автор Чернавин, сам того не подозревая, выполнил «задание» ИНО. Брошюра была напечатана тиражом в 1000 экземпляров издательским отделом пропаганды Младоросской партии в Чехословакии (этим подчеркивался «партийный характер» акции). Формально брошюра стала своего рода ответом на 31-й номер «Голоса России», в которой появилась очередная «антимладоросская» статья Бориса.

В «запевке» брошюры Чернавин поставил под сомнение моральную состоятельность Солоневичей, а следовательно, их право учить эмиграцию уму-разуму:

«С изумительной по своей неразборчивости в средствах, наглостью, грубо и примитивно г-да Солоневичи поучают эмиграцию «любви» к Родине. Вчитываясь в эти поучения, трудно удержаться от двух чувств: отвращения и презрения. Отвращение испытываешь всякий раз, когда читаешь сумбурные призывы к ненависти, к мести, к крови, «активизму», террору. Здесь, конечно, как говорят, дело вкуса. У примитивных людей — примитивные вкусы... Эти свои дурные вкусы бр. Солоневичи приписывают всем русским (оставшимся, мол, таковыми) в России».

По мнению Чернавина, братьями, прежде всего, движут корыстные интересы: «Ни идеологии, ни программы у Солоневичей нет. Впрочем, это не совсем верно. У Солоневичей нет политической программы, но есть программа газетно-коммерческая: писать то, что нравится улице, не стесняясь ни принципиальностью, ни моралью. Этой газетно-коммерческой программой определяется весь характер журналистской деятельности братьев... Пыл Солоневичей угаснет с уменьшением поступлений в их кассу. А это уменьшение наступит, когда пройдет мода на Солоневичей, когда станет ясным для их сегодняшних последователей, что активизм Солоневичей построен на блефе, что их сила — в демагогической игре на обывательских настроениях измученной эмиграции, что их суждения о России аморальны в своей злобности и ненависти».

Автор брошюры напомнил, что братья выступают за проведение силовых акций в России и что до них за многими попытками «взбудоражить» эмиграцию воинственными призывами часто таились провокационные замыслы, приводившие к жертвам: «Здесь достаточно хотя бы припомнить трагический конец ген. Кутепова. Припомнить, что активизм Братства Русской Правды захлебнулся в провокации своего же центра».

По этой причине Младоросская партия не разделяет принципов, которыми руководствовались погибшие в Советской России боевики, но уважает и чтит их, потому что они действовали честно и последовательно, в соответствии со своими представлениями о патриотическом долге. «За чем же дело? — обращался Чернавин к Солоневичам. — Почему Вы не осуществляете ни террора, ни восстаний, ни вредительства? Почему же Вы бежали из России? Ведь не в Софии же сидя Вы будете осуществлять и террор и восстания и вредительство?»

Подобный тип «террористов» Чернавин назвал «тонкокишечниками»: «Они любили пускать слезу, но избегали дела. Много их и в Берлине и в Париже и у нас в Праге. Был и в Болгарии один из них. Звали его Браунер. Но в последнее время он как будто притих. Достойного преемника нашел он в темпераментном Борисе Солоневиче. Его террор напоминает избитый анекдот, в котором расхрабренный Циперович кричит: «Держите меня — я его вдарю!» И вот держат Солоневича младороссы, а ему так хотелось бы «вдарить» Сталина».

По оценке Чернавина, в выступлениях братьев отчетливо просматриваются троцкистские тенденции:

«По Солоневичам, чем хуже в России, тем лучше, старая песенка... Но это — аналогично Троцкому... Все это можно читать, можно слышать от Троцкого и его матерых сподвижников. Но разница есть. Троцкий морально, при всей своей аморальности, выше Солоневича. Троцкий интернационалист и ему, согласно его мировоззрению, наплевать на Россию, на ее народы. Солоневич же, защищая троцкистские взгляды, цинично прикрывается плащом национализма. Троцкий — враг России. Солоневич — предатель России».

Своей труд Чернавин завершил двумя ключевыми тезисами: первый — все писания братьев «психологически и тактически близки к мыслям отъявленных врагов России — интернациональных марксистов, именуемых сейчас троцкистами»; второй — «Только Троцкий и Солоневичи истерично не хотят национального оздоровления России. Только они хотели бы страстно видеть Россию сегодняшнего дня обессиленной, доступной иностранной интервенции. Вот почему умствования Солоневичей мы называем провокацией: это есть попытка провести троцкизм под национальным флагом. Попытка создать национал-троцкизм».

Брошюра, обвиняющая Солоневичей в идеологической близости к Троцкому, злейшему врагу Сталина, должна была бы насторожить их. Ведь шел 1937 год, в Советском Союзе «каленным железом» выжигали троцкизм и троцкистов. Брошюру можно было истолковать как последнее предупреждение. Но братья «сигнала» не поняли, истолковав обвинение в троцкизме как один из «эксцессов» политической борьбы в эмигрантских кругах. А ведь это было прямое предупреждение «из-за чертополоха».

Публикация Чернавина раз и навсегда определила позицию младороссов в отношении Солоневичей. Казем-Бек поручил отделениям партии собирать компрометирующие материалы на братьев. Следующая «разоблачительная брошюра» будет опубликована в 1939 году, за месяц до нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны...

С откровенным недоверием относилась к Солоневичам Всероссийская фашистская партия Родзаевского, членом которой в Болгарии было раз-два и обчелся. Делами ВФП в Софии заправлял Л. Кандауров. На основании его отчетов Б. Тедли, эмиссар Родзаевского в Европе, направил в Харбин, где находилась штаб-квартира партии, несколько сообщений об Иване Солоневиче. Из них следовало, что издатель «Голоса России» — несомненный агент ГПУ, который к фашизму относится критически и потому намерен выступать против фашистов с разоблачениями. В качестве серьезного компрометирующего момента сообщалось, что Солоневич считает бесполезной антисемитскую работу. К информации Кандаурова Тедли советовал отнестись взвешенно (любит преувеличивать!), рекомендуя, тем не менее, харбинскому органу фашистов газете «Наш путь» «не делать рекламу Солоневичу». Если же потребность в его статьях все-таки возникнет, то организационную работу по этому поводу «проводить с предварительного согласия европейского отдела ВФП».

В Рождественские дни уходящего 1936 года Иван Солоневич был доволен: у него есть свое любимое дело, о котором не приходилось даже мечтать в Советской России, надежная крыша над головой, удалось, наконец, восстановить семью. Тамара делает все возможное, чтобы наладить их совместную жизнь, стала незаменимой сотрудницей в редакции, вызывая этим, кажется, скрытую ревность Бориса. Впрочем, все преходящие нюансы отношений отходили в сторону, когда на каникулы приезжал Юра. Он с гордостью демонстрировал родителям свои рисунки и акварели, блокноты с зарисовками, сделанными на улицах Вены. Успехи его были несомненны.

Не изменяло ему и чувство юмора. Анекдоты, которые Юра привозил из Вены, пересказывали в Софии и русские и болгары. Они помогали понимать суть текущих событий, с иронией относиться к «вождями современности», имена ко-

торых произносились с патетическим придыханием. Успехом пользовался анекдот о «плавании в стиле «блюм». У самолета заглох мотор, и он рухнул в озеро. Летевшие в нем пассажиры — немец, итальянец и француз — свалились в воду. Немец рванул к берегу саженками: «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!» и успешно выплыл. Итальянец замахал руками по-собачьи: «Дуче! Дуче! Дуче!» и тоже добрался до берега. А француз сделал «Блюм!» и, пуская пузыри, пошел камнем ко дну»...

Отчет Максима о ходе разработки «спортсменов» от 30 декабря 1936 года:

«Книги и журнал на просмотр в РОВС не попали. «Ворон» не может сказать с точностью, прошли они к адресату или не поступали вовсе. Причина в том, что для регулярной перлюстрации корреспонденции какого-либо объекта по местным законам требуется разрешение прокурора. Начальник Браунера разрешения просить не стал, мотивируя это тем, что «проступки» «спортсменов» не затрагивают болгарские интересы, касаясь лишь русской эмиграции.

Политическая полиция иногда обходится без санкции прокурора. Перлюстрация «организуется» через личные контакты начальника отдела *державной сигурности* (государственной безопасности). Раньше Браунер пользовался этим способом. Письма, книги и прочее, адресованное на «спортсменов», Браунер получал через своего начальника. Однако в *сигурности* произошли кадровые перемены. Едва не вылетел с работы сам Браунер. Теперь он старается не рисковать, дорожа местом. Свое бездействие в отношении братьев оправдывает тем, что «спортсмены» стали осторожнее, поймать их на чем-либо сложно.

Надо иметь в виду, что охранку интересуется только почта, идущая непосредственно из Союза. Переписка братьев ведется через Финляндию, где их тамошние друзья помещают корреспонденцию, адресованную им, в новую упаковку. Поэтому почта «спортсменов» часто «проскакивала» без надлежащей ревизии. Часть переписки ранее поступала в адрес РОВСа, на Оборище, и до вручения адресатам обрабатывалась людьми «внутренней линии». Сейчас почта братьев на Оборище не приходит.

Фосс разругался с Браунером из-за его бездеятельности в отношении братьев. Натянутые отношения длились более

месяца. Фосс пригрозил Браунеру удалением из полиции. Но и сам Фосс заметно охладел к делу «спортсменов». Установив факт их «сотрудничества» с нами и не имея возможности проинформировать с ними «расчет», «внутренняя линия» решила, не прерывая окончательно связи с ними, держать их на расстоянии. Нужно иметь также в виду запрещение Абрамова в отношении подготовки ликвидации братьев. «Спортсмены» посещают «Банк» (РОВС на Оборище) редко. Фосс принимает их холодно, говорит коротко, стараясь поскорее выпроводить.

Братья продолжают возиться с газетой, делают доклады на собраниях «игроков», устраивают «приемы» у себя на квартире. Часть активной эмиграции настроена против них, считая провокаторами. Каждое их действие истолковывают в нашу пользу (ИНО НКВД). Много говорят об их роскошной квартире, находящейся на главной улице Софии, на которой русские эмигранты не живут из-за дороговизны.

Местные власти обратят внимание на Солоневичей, если увязать их компрометацию с болгарскими делами. Это даст повод просить разрешение прокурора на более энергичные действия в отношении братьев. Если не будет установлен регулярный просмотр переписки, придется организовать что-нибудь на месте. Скажем, подбросить Фоссу или Браунеру «черновые записи» Бориса, из которых можно будет усмотреть его работу на нас. Здесь придется прибегнуть к помощи спецотдела для отработки его почерка».

В последних числах декабря 1936 года начальник столичного почтамта пригласил Ивана для «контрольного вскрытия» нескольких адресованных ему писем. Перед процедурой вскрытия начальник с явной недоброжелательностью сказал: «У нас есть подозрение, что в них есть вложения валюты». На этот раз издателю «Голоса России» повезло, только в одном из конвертов оказались франки, да и то на небольшую сумму. Однако протокол был составлен, а Солоневич строго предупрежден: если деньги будут пересылаться подобным образом, то его привлекут к ответственности «за финансовую контрабанду». Эта история с «контрольным вскрытием» произвела на Солоневичей неприятное впечатление. Они решили, что кто-то близкий к семье из-за элементарной зависти написал на них донос...

«Не пора ли обезвредить, тов. Клесмет?»

К началу 1937 года внимание НКВД окончательно переместилось с Бориса на Ивана. Негативный для СССР резонанс его публицистической работы агентура НКВД фиксировала во всех странах русского рассеяния. На Лубянке все чаще прикидывали варианты радикальной «нейтрализации» издателя «Голоса России». В первой половине января резидент Максим получил новые, предельно лаконичные указания по «спортсменам»:

«Продолжайте их освещать. Вопрос обсуждается сейчас руководством под углом «ликвидации этого дела».

С копиями писем Солоневича знакомились все руководство НКВД — Ежов, Агранов, Слуцкий, Миронов. Одно из писем — Е.П. Березовскому в Харбин (19.01.1937) — привлекло особое внимание: братья действовали с размахом — от Софии до Токио! Иван благодарил своего помощника за усилия по изданию «России в концлагере» в Японии:

«Теперь мы читаем ежедневно, что Ниппон хочет вести серьезную борьбу с Коминтерном, а издание таких книг, как моя и брата, может много помочь для просвещения мозгов левизанствующих японцев... Пока книга появилась только на чешском языке. На французский — переводится. Думаю, что раньше всего выйдет немецкое издание — приблизительно в мае... В Америке и Англии книга выйдет, вероятно, не раньше лета. Книга брата «Молодежь и ГПУ» будет опубликована на русском языке только в марте. Просим Вас развить на нее подписку, шлем рекламу. Не поговорите ли Вы в китайском посольстве о переводе ее на китайский? Мы Вам с удовольствием дадим известный процент за комиссию»...

В письме Солоневич жаловался на плохую «проходимость» писем и посылок на Дальний Восток через Сибирь, их частую пропажу: «Очевидно, товарищи бодрствуют»¹.

¹ Жалобы на перлюстрацию, а временами на изъятие материалов, направляемых из Софии, часто звучали в письмах И. Солоневича. В июне 1937 г. он написал тому же Березовскому: «Ваши два письма нас очень поразили: вот видите, к чему приводит пересылка не через Суэц. Это, по-видимому, гадят большевики. Я начинаю здесь по этому поводу дело, хорошо,

На копии письма — красовалась размашистая резолюция Шпигельгласа:

«Тов. Клесмету. Не пора ли обезвредить?

24.01.37».

Судя по всему, именно с этой резолюции началась техническая проработка покушения. Конструирование адской машины Клесмет поручил украинским коллегам, поскольку в Киеве действовала специальная лаборатория НКВД, которая занималась экспериментами с новейшими взрывчатыми веществами. Начальник лаборатории согласовал с Москвой «характеристики» устройства. Было решено, что бомба будет вмонтирована в муляж двухтомника издательства «ACADEMIA» в подарочном варианте, то есть в крепком картонном футляре, тисненном золотом. При вскрытии пакета специальное устройство, реагирующее на свет, активизирует взрыватель. Разработчики теракта рассчитывали на библиофильские интересы Ивана, на то, что он сам вскроет посылку.

Изготовление бомбы заняло около десяти месяцев. Трудно судить, почему так затянули с исполнением резолюции Шпигельгласа. Не исключено, что массовые чистки в органах затронули и лабораторию, потребовалось время для нормализации ее работы.

В первые месяцы 1937 года полпред Раскольников стал регулярно просматривать «Голос России», готовя аргументацию для ноты протеста по поводу «провокационной работы братьев Солоневич, направленной на подрыв отношений Советского Союза с дружественной Болгарией». По оценке Раскольникова, ни одна другая газета эмиграции не нанесла столь большого ущерба авторитету СССР, как «Голос России».

«Внутренняя линия» РОВСа истолковывала медлительность полпреда в отношении газеты Солоневичей как признак советского «потакания» глубоко замаскированным агентам НКВД: дескать, Раскольников не раз выступал с протес-

что вы прислали номера бандеролей. Думаю, что теперь все буду слать через Суэц, т.к. большевики настолько нахальны, что даже заказную корреспонденцию вынимают. Согласитесь, что дальше идти некуда. В следующем номере газеты (50) мы поместим об этих их действиях заметку».

тами в отношении других эмигрантских изданий, а по поводу «Голоса России» — молчок!

Наконец, Раскольников посетил министерство иностранных дел и сделал устное «представление» по поводу враждебной деятельности Солоневичей в Болгарии. Полпред предупредил, что дальнейшие провокации «Голоса России» могут негативно сказаться на будущем советско-болгарских отношений. В МИДе обещали выяснить «ситуацию с газетой» и принять надлежащие меры. Браунер узнал о демарше, но Ивана об опасности, нависшей над «Голосом России», не предупредил.

Вскоре после визита Раскольникова в МИД братьев пригласили в здание политической полиции, где вручили им подробные вопросники «для уточнения некоторых неясностей в биографиях». Солоневичи не сомневались, что вопросы были составлены Фоссом, но скандала устраивать не стали, понимая, что на фоне неблагоприятных слухов о них болгарская охранка не может оставаться пассивной. В полиции не догадывались, что черновые варианты вопросника были подготовлены Николаем Абрамовым на основании «шпаргалки», полученной от резидента Максима. Фосс, облегчая себе работу, просто извлек вопросник из «наблюдательного дела» на Оборище, 17.

Список «полицейских» вопросов, присланный Максимом в Москву, не без профессионального интереса проанализировали замначальника ИНО майор Берман и начальник VI сектора капитан Партин¹. На что клюнули болгары? На чем заострили внимание? Что выбросили, признав несущественным? Оказалось, что они использовали «заготовку» Лубянки почти без изменений.

Вот часть вопросов болгарской полиции для Ивана:

«Много неясностей в отношении перемен в вашем служебном положении. Составьте хронологию.

¹ *Партин* Шолом Моисеевич (1900—10.03.1938.) — участник Гражданской войны, после демобилизации из Красной Армии был принят на работу в КРО ГПУ. В центральном аппарате ИНО ГПУ с 1928 г. Некоторое время (по линии ИНО) работал в НКВД зам. заведующего по визовым делам и дипкурьерской службе. В 1938 г. был арестован и приговорен к смертной казни за «участие в контрреволюционной террористической деятельности». Реабилитирован в 1957 г.

В прежней биографии вы указали, что были арестованы 11 раз. Когда и где произошли указанные аресты (назовите точные даты)?

Страдала ли при этом ваша семья? Как при этих обстоятельствах вам удалось устроить жену на загранслужбу в торгпредство, да еще добиться выезда сына в Берлин?

С какого времени вы руководили спортивной и туристической работой в профсоюзе? Как вы смогли туда попасть, если находились под оком ГПУ?

Как, несмотря на контроль ГПУ, вам удавалось разъезжать по Советскому Союзу?

Вы сообщили, что в 1932 году развелись с женой, и она вышла замуж за немецкого подданного Бруно Пшевозного, чтобы легально выехать за границу. В другой раз вы сообщили, что вам «удалось полуполюгально переправить жену за границу». Что из этого соответствует действительности?

Как-то вы заявили, что один из ваших побегов не осуществился из-за ареста Бориса. Если бы вы решились на побег, это означало бы для него смертную казнь. Почему никто из вас не озаботился тем, что ваш второй побег угрожал смертной казнью жене Бориса, находящейся в ссылке?

Ваш сын Юрий работал в Москве помощником кинорежиссера М. Роома. После первого неудачного побега в 1932 году он продолжил работу, хотя ему еще не исполнилось 17 лет. Как это было возможно?».

Анкета, предназначенная для Бориса, содержал втрое больше вопросов. «Доктор Боб» был настолько неточен и небрежен в книгах, статьях и интервью, рассказывая о перипетиях своей советской жизни, что вольные или невольные противоречия бросались в глаза даже не слишком внимательному читателю. Теперь Борису аукнулась его склонность к «красивой фразе» и «эффектным ситуациям» автобиографического характера:

«Дайте более точное описание вашего пребывания в «Офицерской роте Спасения Кубани». Восстановите даты участия в операциях против большевиков. Укажите фамилии лиц начальствующего состава роты.

Как вы эвакуировались в Крым? Как случилось, что после боевых действий на Кубани вы попали в тыловое учреждение? Почему не эвакуировались из Крыма с Белой армией?

Чем объясняется неувязка в датах? Вы сообщали, что в 21—23 годах работали в Одессе в «АРА», что, примерно в это же время были осуждены за скаутскую работу на 2 года тюрьмы и что в 1923 году стали инструктором физкультуры на Черноморском флоте. Уточните даты: приезд в Одессу, поступление в «АРА», арест ВЧК, время пребывания в тюрьме, дата выхода из нее.

Каким образом вы, будучи осужденным ВЧК за контрреволюционную деятельность, попали на Черноморский флот (от Одессы до Севастополя не так уж далеко, чтобы замести следы)? Как вы получили пост инспектора по физической подготовке ВМФ в Москве (должность, которая, по вашим словам, соответствовала генеральской)? Проходили ли вы при этом тщательную проверку личности?...

Вопросов было много: «Как получили профессию врача всего лишь за два года учебы в Московском университете? Почему были дважды осуждены за одно и то же «преступление» — скаутскую работу? Каким путем после высылки в Орел удалось получить должность фотокорреспондента?». И так далее и тому подобное...

Иван решил воздержаться от «бодания» с болгарскими властями по поводу этой подчеркнутой демонстрации недоверия. Если конфликт будет разрастаться, скандалом воспользуются полпредство и просоветская агентура в болгарском правительстве. В такой переделке «Голос России» вряд ли уцелеет. Иван подготовил ответы в тот же день, но с их вручением не торопился. Ждал, когда Борис подготовит свои.

Брат сочинял ответы несколько дней. На телефонные — напоминающие — звонки из полицейского управления он реагировал хладнокровно: ссылался на занятость, обещал ускорить работу, говорил, что не имеет под рукой архивов, короче, валял дурака. Ответы Борис, наконец, кое-как подготовил, и, приобщив к ним бумаги Ивана, отвез все это в полицию. О какой-либо полицейской реакции на содержание своих ответов Солоневичи так никогда и не узнали...

В апреле на одном из приемов Раскольников получил важную информацию о планах подрывной работы Солоневичей от чехословацкого посланника Макса. В тот же вечер полпред

направил в Москву срочную телеграмму с изложением этой беседы. Иначе и быть не могло, ведь посланник утверждал, что Солоневичи готовят прямые враждебные акции против Советского Союза. По его данным, братья, еще находясь в Финляндии, связались с немецкой разведкой через профессора Ивана Ильина, который жил в Берлине. В результате, Солоневичи договорились с немцами о сотрудничестве «на общей почве антисоветизма»: братья получили от них в свое распоряжение три быстроходных катера, которые будут использоваться для переброски боевиков и подрывной литературы на черноморское побережье СССР. Макс также назвал Раскольникову имена «подручных» Солоневичей в граничащих с СССР странах: Войцеховский в Польше, Зарин в Эстонии, Маевский в Румынии.

Реакция ИНО на телеграмму Расколькова последовала незамедлительно. «Что вам известно о связях «спортсменов» с германской разведкой, о которых в свое ведомство сообщил «Костя»? (то есть Раскольников), — такой внешне нейтральный по тону запрос получил резидент Яковлев. Между строк, однако, читалось совершенно другое: «Почему о столь важной информации сообщило полпредство, а не резидентура?» Яковлев тут же направился к Раскольникову, чтобы выяснить обстоятельства получения сведений о связях Солоневичей с немцами. Полпред заметил раздражение резидента, но ничем не выдал этого. Он подробно рассказал о беседе с Максом. Яковлев с еле скрываемым недовольством заявил Раскольникову, что направление в Москву такого рода «сведений» лучше всего предварительно согласовывать с представителем разведки, и вышел из кабинета посла, громко хлопнув дверью.

В Центр срочно была отправлена шифровка о том, что «правдоподобность данных «Кости» о сотрудничестве Солоневичей с немцами весьма сомнительна. Сведений, подтверждающих их работу на германскую разведку, — нет. Когда в Софию приехала Тамара, местная полиция справлялась о ней и Солоневичах в гестапо, которое сообщило, что имеет на их счет подозрения как о большевистских агентах. Вообще, работа немцев среди белых в Болгарии до последнего времени совершенно не чувствовалась. Единственный признак немец-

кого интереса к Солоневичам продемонстрировал Гибшман, глава Союза русских немцев в Болгарии. В германской миссии в Софии у Гибшмана спрашивали о том, на какую западную страну «ориентируются» братья. Ответа он дать не смог и потому предпринимает шаги для выяснения этого вопроса через «фольксдойче», выходцев из Германии.

Разведывательная работа немцев в Болгарии заметно активизировалась с весны 1937 года, когда в Софию прибыл военный атташе рейха полковник Ганс Брукман. Он взялся за создание сети военных резидентур в стране. Постепенно в Болгарии возникли десятки новых разведывательных ячеек под неброскими вывесками — фирмы, корреспондентские пункты, бюро, торговые отделы, которые прикрывали как профессиональных разведчиков, так и агентуру¹. Создавая резидентуры, нацистские разведчики ориентировались на «фольксдейче». Русской эмиграции немцы не доверяли.

Максим камня на камне не оставил от донесения Раскольникова в Наркоминдел о связях Солоневичей с немецкой разведкой:

«Получение братьями трех моторных лодок из Германии, пригодных для морского плавания, — несерьезная информация. Появление даже одной такой лодки в Варне или Бургасе привлекло бы внимание заинтересованных кругов, в частности РОВСа, украинцев и прочих. Не думаю, что немцы преподнесли Солоневичам три лодки, не выяснив предварительно, есть ли у них за спиной какая-либо организация, есть ли у них люди, вообще — какие возможности. Для немцев, пожалуй, выгоднее было бы дать лодки таким организациям, как РОВС, украинским националистам, «игрокам».

После подобных инцидентов отношения между резидентом и полпредом окончательно испортились. Кроме того, Раскольникову стало известно о словах, произнесенных Яковлевым в кругу сотрудников: «Почти все полпреды оказались шпионами». Эта откровенно враждебная «формулировка» не могла не насторожить посла.

¹ См. книгу Недю Недева «Тайная война, или Летопись жизни доктора А. Пеева и генерала Н. Никифорова». София: 1988. с. 44.

Жена Раскольниковова — Муза Канивез — написала в мемуарах, что они с мужем всегда помнили: в посольстве есть еще один хозяин — «скромный секретарь консульства» Яковлев!¹ «С внешностью бухгалтера, крупным носом, мясистыми губами, волосы зачесаны назад» — таким вспоминала Канивез резидента. Он цепко контролировал внутренние посольские дела, и, по мнению Канивез, первой помощницей в этом была его жена. Она вызывала у Музы особую антипатию: «Худая брюнетка с какими-то «колючими» глазами... в эту зиму 1936/37 года она делала явные усилия, чтобы приблизиться ко мне».

Раскольниковы подозревали всех. Они же считали, что в их личных помещениях, — от столовой до спальни, — была установлена аппаратура для прослушивания. По этой причине для «разговоров» наедине Раскольниковы освоили язык жестов и знаков.

Резидент НКВД был обязан заниматься вопросами повышения бдительности в коллективе полпредства. Выступая на собраниях, Яковлев неизменно повторял: «Все должны разоблачать врагов народа». И некоторые особенно старались. Консул Ткачев («гнусное ничтожество», по мнению Музы), обвинил в акте вредительства шофера Раскольниковова, и тот был отозван. Чекисты, — в лице Яковлева и его помощника Павлова, — «подкопались» под военного атташе В.Т. Сухорукова, и тот провел потом в лагерях несколько лет². Кстати, именно этот Павлов был упомянут Иваном Солоневичем в статье «Зловещая тень»³ как «ежовский активист» и вероятный организатор террористического взрыва в редакции «Голоса России».

¹ Канивез М. Моя жизнь с Раскольниковым // Детектив и политика: Сб. Выпуск третий. М., 1989. С. 215, 223.

² В своем «Открытом письме Сталину» от 19 августа 1939 г. Ф. Раскольников написал: «Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии... «внутренняя линия» РОВСа в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полпредства в Болгарии от шофера М.И. Казакова до военного атташе В.Г. Сухорукова».

³ «Наша страна», № 44, 13.05.1950.

Будни «процветающего» издателя «Голоса России»

Круг постоянных корреспондентов «Голоса России» расширялся. Из Ирана пришло письмо, на конверте которого было незнакомое Ивану имя — Михаил Гротт. Он прислал статью, в которой произнес панегирик патриотизму Солоневича и националистическому духу издаваемой им газеты. И в конце — приписка: «Если это письмо вы решите напечатать, то убедительно прошу не указывать места, откуда оно послано. Псевдоним мой — М. Гротт — прошу сохранить»¹.

О себе он сообщил следующее: «Моя настоящая фамилия — Михаил Михайлович Спасовский. Живу я в Персии (ныне Иран) с марта 1926 года. Эмигрант. Со мною мать, жена, сын и дочь. Родился я в Санкт-Петербурге в марте 1890 года. За плечами имею юридический факультет Санкт-Петербургского университета и архитектурный факультет СПб-ой академии художеств. В Персии состою архитектором высочайшего двора и сейчас занят капитальной перестройкой для его величества Реза Шаха Пехлеви знаменитого Софиабадского дворца (эпохи Сефевидов, XVI век), расположенного в Мазандеране, около города Ашрефа, на берегу Каспийского моря. Из этого дворца Стенька Разин по преданию выкрал персидскую княжну».

Иван не сразу ответил Спасовскому: конверт с его обратным адресом затерялся. Тамара вложила ответ мужа в письмо распространителю «Голоса России» в Иране — бывшему полковнику Николаю Супротивному, который жил в Тегеране и был одним из руководителей тамошней организации фашистов. Супротивный ждать не заставил: «Что касается Спасовского, с которым я лично знаком (он берет у меня газеты), то письмо я ему передам. Адрес его простой: «Тегеран, архитектору М.С.». Его на почте хорошо знают, а квартира его находится напротив английской миссии. Он часто бывает в отъезде по делам в Мазандеране»².

¹ Письмо датировано 22.03.1937.

² Письмо датировано 29.08.1937. Н. Супротивный, считая, видимо, что в «черном кабинете» в Тегеране его письмо будет перлюстрировано,

Солоневич помнил Спасовского по периоду работы в «Новом Времени» и по литературно-художественным вечерам журнала «Вешние Воды». На них часто бывали А.М. Ренников, М.О. Меньшиков, В.В. Розанов, А.А. Бурнакин, В.В. Андреев, организатор Великорусских оркестров.

Воспоминания «о прекрасном прошлом» способствовали «эпистолярному» сближению Солоневича и Спасовского, который строил планы по переезду в Европу, «ближе к эпицентру событий, чтобы заняться общественно-политической и литературной деятельностью». Спасовский писал в этой связи:

«У меня были намечены Югославия, Болгария и Германия. Первые две страны отпадают из-за неблагоприятных условий для такого рода активности. Остается Германия, где фашистской работе не чинится препятствий. Приходится еще думать о средствах к существованию. В Персии меня питает строительная практика, каковой я лишусь в Европе. Если мне придется бегать ради заработка по строительным и техническим конторам, сделаться чертежником или торчать в виде десятника из-за каких-то грошей на чужих строительных работах, то лучше остаться в Персии. Положение русских эмигрантов здесь за последнее время опять сильно ухудшилось, большевики давят, и вот русских эмигрантов высылают из Тегерана по разным углам глухой и ужасной персидской провинции. Я дважды писал А.А. Вонсяцкому (в США) о моем желании покинуть Персию, и он всякий раз *настоятельно* рекомендовал мне сидеть в Тегеране. Очевидно, я ему совершенно не нужен в качестве общественно-политического деятеля, а нужен только для его «Фашиста» в качестве публициста»...

Надо пояснить, что Спасовский в 30-х годах прошлого века претендовал на роль идеолога Русского фашистского движения, перевел на русский язык «Mein Kampf» Гитлера. Он искал в рядах эмиграции авторитетных людей, способ-

включил в него «похвальное слово шаху»: «Мудрый правитель Ирана действительно сдержал свое слово, данное русским эмигрантам: «Это мои гости!» Нигде в Европе и других странах так хорошо не относятся к русским, как у нас в Иране. Нас не притесняют! Дай, Господь, нашему Шаху доброго здоровья! Он только и держит порядок и законность в стране».

ных возглавить движение. Солоневич казался ему одним из них. На зондирующее письмо Спасовского Солоневич ответил 23 ноября 1937 года сдержанным посланием, в котором изложил свою позицию в отношении объединения фашистских группировок.

Спасовский так подытожил предложения Солоневича:

«Во-первых, «в качестве председателя русской фашистской партии А. Вонсяцкий гораздо больше выиграл бы, чем в качестве «национального вождя». Во-вторых, при достижении пусть даже не примирения, а хотя бы молчаливого нейтралитета между Родзаевским и Вонсяцким, можно было бы взяться за объединение фашистских организаций применительно к русским условиям (они резко отличаются от итальянских и германских) и наладить выпуск агитационной фашистской литературы, может быть, даже какого-то органа. В-третьих, «нужна опора на РОВС, этот стержень русской эмиграции». В-четвертых, оставить открытым вопрос династического порядка, «иначе к существующим в эмиграции распрямам прибавится еще и борьба различных претендентов на престол».

Спасовский обещал сообщить основные положения из письма Солоневича Вонсяцкому в его штаб-квартиру в городе Томпсон (США), но в «смягченном виде, учитывая его довольно сильно развитое самолюбие». По мнению Спасовского, в вопросе о вождизме «А.А. никак не согласится «понижить» себя до председателя партии.

Нужно заметить, что Спасовский понимал, что вопрос о лидерстве встанет с особенной остротой, когда все фашистско-монархические организации «вольются в русло общего национального движения». Он задавался вопросом: какой механизм согласования действий будет избран? Ведь именно это будет волновать Вонсяцкого, Родзаевского, Мельского, и других лидеров, если они захотят примкнуть к объединенному движению. И так отвечал на него:

«Прежде всего, хочется сказать, что это общее движение будет возглавлять наш Национальный Всероссийский вождь — будущий русский царь. Но такая решительная постановка ответа может внести некоторое смущение в наши ряды. Тогда рисуется подобие Директории из представителей династии, духовенства и этих русских фашистских организаций. Заранее можно сказать, что представители династии

и духовенства не согласятся (по крайней мере — открыто) принимать участие в заведомо политическом, да еще боевом движении.

Остается только одно: так организовать наше фашистское движение, чтобы оно шло и развивалось без руководящего начала в обычном понимании этого слова. Группа лиц (чем меньше будет этих лиц, тем лучше) взвалит на свои плечи всю черновую работу по объединению, организует разработку идеологии русского фашизма, наладит выпуск агитационной литературы и центрального органа. Эта группа не будет иметь ни председателя, ни даже секретарей, она — рабочая сила и только. Ее обязанности: всеми мерами и способами увязывать русские фашистские силы и содействовать дальнейшему росту движения».

Каковы же права этой «группы» в интерпретации Спасовского? Он предложил нечто схоластическое и откровенно недостижимое в условиях борьбы амбиций в русской эмиграции:

«Ее права (группы) базируются на тех специальных полномочиях, коими они одновременно наделяются русскими фашистскими организациями в плане согласования их деятельности и развертывания таковой. Каждая организация сохраняет свою «полноту самостоятельности», но эта «полнота самостоятельности» в какой-то степени самоограничивается в пользу согласованности общего дела... Вонсяцкий, Родзаевский и Мельский должны понять и поймут, конечно, что этот путь, путь сговора, является единственным, который может привести русскую эмиграцию к широким и положительным результатам в нашей общей борьбе за новую Россию».

По мнению Спасовского, указанная «группа фашистских координаторов» должна «работать в *корпоре*, где-то в одной точке, может быть, даже живя, если не в одной квартире, то в одном доме. Так как эта группа не есть филантропическое учреждение, а всего лишь рабочая сила, то, естественно, она будет нуждаться в притоке каких-то денежных средств. Эти средства должны дать заинтересованные организации».

Был припасен у Спасовского второй вариант объединения, «более простой и грубый, — по его словам, — но зато значительно более короткий и, возможно, более эффективный». Этот вариант Спасовскому нравился больше, чем первый, и

сводился к следующему: Иван Солоневич и Вонсяцкий сами «договорятся» обо всем и без проволочек приступят к осуществлению объединительной программы. «А потом остальные примыкают, — писал Спасовский, — и это дело разворачивается по правилам снежного кома. Ведь важно начать, — начать сразу и широко и смело. Все зависит от даровитости инициаторов и от того, насколько их инициатива окажется творческой».

О капризах, эксцентричности и непостоянстве Вонсяцкого Иван был наслышан. Неужели Спасовский думает, что фашистский лидер из американского городка Томпсон может стать привлекательной «объединительной фигурой для эмиграции?» Не так давно Солоневич ознакомился с письмом бывшего сотрудника Вонсяцкого¹. Автор письма хорошо изучил своего недавнего партийного босса и, какими бы ни были причины, побудившие его к разрыву с Вонсяцким, «вождь русских фашистов» симпатий не вызывал: амбициозность, высокомерие, идейная поверхностность, и, при всем при этом, — гипертрофированное стремление к саморекламе:

«От соратников Вонсяцкий прежде всего требует преклонения перед своей личностью, составления ему хвалебных адресов, телеграмм, посланий и т.д. Все это ему надо, чтобы о нем говорили и писали. В этом отношении он, буквально, маньяк. В американских газетах он помещает интервью, которые стоят ему огромных денег и в которых он говорит такие вещи, что мы можем думать, что это какой-то бред пьяного субъекта: миллионная армия соратников, крепость в Томпсоне, стража, маневры его армии и т.д. и т.п. Ведь у него сейчас едва ли найдется 200 членов во всем мире, и это ему обходится в десятки тысяч долларов (а может, и сотни) каждый год».

О финансовом самодурстве Вонсяцкого, женатого на американской миллионерше, автор письма сообщал с особенным возмущением:

«Даров отдавал на фашистскую работу все свои силы и средства, а когда попал в материальную беду, Вонсяцкий обвинил его в вымогательстве. Это гнусная ложь. Сектор (пар-

¹ Приблизительная дата отправки в Софию из Нью-Йорка — начало июля 1937 г. Подписано — А. Пышнов (П. Паль).

тийный) просил 300 долларов, чтобы спасти фашистский клуб, основанный Даровым, но им не было дано ни гроша, и все пошло с молотка. Другой идейный боец в Болгарии — Бутов — умер в полной нищете, т.к. не было средств на лечение, и Вонсяцкий не дал ему ничего. В Югославии из денег, выделенных Вонсяцким, не хватило на издание газеты очень небольшой суммы, и руководитель сектора был зачислен в категорию мерзавцев. В действительности, причиной было то, что газета недостаточно громко кричала «слава Вонсяцкому!».

У Солоневича не вызвало энтузиазма предложение Спасовского об объединении с Вонсяцким. От таких союзников следует держаться как можно дальше. Неспособность Вонсяцкого к долговременным политическим альянсам общеизвестна. Он, Солоневич, смотрелся бы очень комично рядом с вождем из Томпсона, с его опереточной воинственностью «а ля Муссолини», голливудским позерством и капризными манерами «баловня судьбы», — отражающими унижительную ситуацию «законного жиголо» при богатой американке. Оптимистическое предсказание Спасовского о том, что к такому союзу «по правилам снежного кома» примкнут другие политические силы, не выдерживает никакой критики. Реакция будет другой: над ним эмиграция просто посмеется: заключать союз с таким эгоцентриком, как Вонсяцкий, значит ничего не понимать в политике.

Была одна тема в переписке с «личным архитектором шаха», которая заинтересовала Солоневича. Спасовский сообщил, что у него хранятся подлинные рукописи Розанова (еще со времен издания «Вешних вод»), и предложил — «для начала» — совместно издать хотя бы одну из них. Иван тут же дал согласие, и вскоре Спасовский, явно стараясь заинтересовать Солоневича, написал (не слишком конкретизируя содержание имеющегося у него архива):

«Теперь о письмах и рукописях В. Розанова. Если в Софии издать их будет вдвое дешевле, чем в Берлине, то тогда я буду просить Вас помочь мне в этом деле. Как только я приведу рукопись в порядок, так сейчас же пришлю ее Вам и Вы сообщите мне стоимость ее печатания. Мне очень хотелось бы поместить портрет Василия Васильевича с его надписью, который у меня имеется, и два-три фотографических снимка

с некоторых мест оригинала. Ведь розановские рукописи особенные... Кроме писем и статей у меня хранится еще начало его изумительной монографии «Об античных монетах. Как и почему пришло на ум собирать древние монеты», — десять больших страниц убористого текста. Но об этом — после»...

В конце письма Спасовский довольно прозрачно намекнул: «Может быть, судьба приведет нас работать совместно и поможет нам воскресить, хотя бы в миниатюре, лучшие *ново-временские традиции?*»

Этот намек остался безответным: Солоневич не хотел делить «Голос России» ни с кем. Еще меньше он думал о традициях «Нового Времени». Былого не вернуть...

Чтобы добиться взаимопонимания с болгарским правительством, укрепить положение газеты и нейтрализовать недоверие эмиграции, Солоневичи направили 22 июня 1937 года докладную записку на имя премьер-министра. В ней братья предлагали помощь «родственной славянской стране Болгарии» в организации «противо-большевистской работы в сфере пропаганды». В документе было особо подчеркнуто: «Хотим сделать это безвозмездно. Материальная сторона нас не интересует».

В записке, в частности, подчеркивалось:

«По всему миру ведется напряженная борьба между разрушительными идеями коммунизма и здоровой государственностью. Мы, недавние беглецы из СССР, внимательно следим за формами этой борьбы и не можем не заметить весьма слабое ведение антикоммунистической пропаганды во всем мире. Из Москвы идут сейчас громадные средства на поддержание большевистской пропаганды среди населения Европы, души молодежи и народных масс развращаются хитроумными способами, выработанными советской практикой.

Прекрасно организованная деятельность (болгарской) политической полиции весьма затрудняет большевистскую пропаганду, но все же раскрытие коммунистических организаций и типографий свидетельствует о необходимости усиления борьбы на этом направлении.

Нужда в строгих репрессивных мерах очевидна, но одновременно с этим важно обратить большее внимание на идеологическую сторону. В этих целях может быть создан специ-

альный печатный орган, использоваться письменные и устные показания возвращающихся из СССР болгар, употребляться методы наглядной агитации, перерабатываться для болгарских условий материалы таких организаций, как «Антикоминтерн», «Силлак», «Лига Обера»...

Ответа на это обращение Солоневичи не дождались. Браунер рекомендовал болгарским властям не оставлять «письменных свидетельств» о контактах правительства с «сомнительными элементами из Совдепии».

В июне Иван завершил работу над повестью «Памир». Она была включена в книгу с одноименным названием, в которую вошли другие его работы: «Открыватели новых земель», «Роман во Дворце труда», «В деревне». В этих произведениях, документальный характер которых писатель постоянно подчеркивал, были показаны в концентрированном виде негативные стороны советского бытия. Общая идея всех повестей более чем очевидна: «Люди из различных социальных слоев населения, никогда не думавшие о политике, чувствуют фальшь, жестокость, антигуманность повседневной советской жизни, и потому становятся на путь борьбы с ненавистным режимом». Многими темами, образами и выводами сборник повестей «Памир» перекликается с «Россией в концлагере».

В то время Солоневич вынашивал планы создания «Подлинной биографии Сталина», делился мыслями об этом с Тamarой и Борисом. При всей заманчивости от этой идеи пришлось отказаться. Публикация такой книги неизбежно привела бы к демаршу советского полпредства, последствия которого были предсказуемы: закрытие газеты, высылка, новые скитания. В Европе им вряд ли удастся зацепиться. Переселение на периферию русского рассеяния привело бы к маргинализации издательско-политической работы, ослаблению связей с подписчиками и «штабс-капитанами».

Тема Сталина постоянно затрагивалась в творчестве Ивана Солоневича и членов его команды, присутствовала на страницах «Голоса России», поднималась в ходе лекционных турне. Делалось это дозированно, в общем контексте их разоблачительно-публицистической деятельности. Иван шутил, что даже «гомеопатические средства» временами помогают излечиться от серьезных недугов.

Солоневичи были единодушны в том, что Сталин и Гитлер, соперничая в международных делах, ревниво копируют стиль поведения и приемы друг друга для завоевания «симпатий масс». Правда, первой обратила на это внимание Тамара в своих «Записках советской переводчицы»:

«В 1926 году Гитлер еще не был у власти и никто не вызывал у Сталина черной зависти по линии популярности у народа. Тогда Сталина было невероятно трудно увидеть. Кроме майского и ноябрьского парадов и пары съездов в году, он нигде не показывался. Его портретов нигде не печатали. Нужно было, чтобы Гитлер пришел к власти, чтобы появились его портреты в кино и в театрах, где он был изображен разговаривающим с детьми, окруженным молодежью, произносящим речь на предприятиях, чтобы Сталин решился показать и себя «своим народам». Когда я вижу известный снимок, изображающий зловещую физиономию «обожаемого» Иосифа Виссарионовича рядом с головкой чернокудрой маленькой девочки, мне становится тошно. Так не вяжется это бездушное жестокое лицо с лицом невинного ребенка. Это просто профанация».

Ситуация в Европе менялась, советский и германский вожди были вынуждены искать сближения, преследуя диаметрально разные цели. Сталин стремился к созданию благоприятных условий для перевооружения армии и ускоренной подготовки ее для отражения агрессии с Запада. Гитлер пытался развязать себе руки для «активных действий» в Центральной Европе и против Польши. Советский Союз значился в числе стратегически важных целей, но на более отдаленную перспективу. Поэтому германский фюрер прикидывал различные варианты действий по нейтрализации Сталина в Европе, искал пути к завязыванию «мирного диалога» с Россией.

Семья Солоневичей выписывала основные советские газеты, и по их заметно потеплевшему тону в отношении Германии уловила главное: «флирт» между диктаторами успешно развивается. Особенно странно смотрелись на страницах газет с девизом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» обширные фрагменты речей Гитлера, из которых, правда, цензурой вычеркивались выпады фюрера в адрес евреев и коммунистов...

«Внутренняя линия» РОВСа в Софии вела неотрывную слежку за советским полпредством, которое находилось в большом доме, выстроенном по соседству с царским дворцом. С санкции болгарской полиции «контрразведка» РОВСа организовала пост наблюдения за «советским притоном». Пост находился во внешне безобидном киоске, который торговал всякой всячиной: от газет до сладостей, безделушек и сигарет. Киоскеры порой менялись, но всегда это были люди Фосса.

Резидент Максим знал об этом, и не исключал возможности провокаций со стороны боевых организаций эмигрантов. В полпредстве предприняли дополнительные меры по «самозащите»: усилили охрану здания и территории, наглухо закрыли парадные двери. Посетителям пришлось заходить в полпредство с черного входа, вне сферы обзора «наблюдателей» Фосса.

Киоскеры из «внутренней линии» Максим регулярно снабжал дезинформацией. Его агенты из полпредовских сотрудников под предлогом покупки сигарет или свежих газет общались с продавцами, и в ходе внешне необязательных бесед «о том, о сем», «проговаривались», «допускали инсинуации», «намекали» и «подбрасывали» кусочки разрозненной информации о деятельности полпредства и его «тайных связях» в рядах эмиграции. Все это стекалось к Фоссу, и он старательно вычислял «двойников», работающих на большевиков.

Неожиданно Москва предупредила Максима о том, что, по ее мнению, «внутренняя линия» приступила к разработке Ворона: «Вам, на месте, конечно, виднее, но прежде чем предпринимать какие-либо меры по данным, полученным от Ворона, гарантируйте, чтобы об этих фактах было известно другим лицам из окружения Фосса».

Резидент ответил, что Ворон вне подозрений», хотя активная работа его лучшего агента в Софии, действительно, привлекла внимание «внутренней линии». Как следует из воспоминаний В. Буткова, «капитан Фосс, опытный разведчик, с первого дня появления Николая Абрамова начал его подозревать и установил за ним наружное и внутреннее наблюдение, которое, в итоге, привело к разоблачению молодого Абрамова. У Фосса были фотографии встреч Н. Абрамова с разведчиками советского посольства, и все это он представил отцу — генералу Абрамову».

Центр — «Петру» во Францию, 4.07.1937 г.:

«Известные Вам братья Солоневичи возбудили ходатайство о разрешении им въезда во Францию — на международную выставку. Имеются опасения, что они попытаются остаться в Париже на жительство, куда переведут свою газету. Отношения братьев с РОВСом натянутые. Примите меры по их недопущению во Францию».

«Не допустить» братьев не удалось, они получили желанные визы. Их первые впечатления о стране были тревожными: рост социальной напряженности, наличие «предреволюционной» ситуации, дух конфронтации, овладевший французами, — все это было видно невооруженным глазом. Французы жаждали перемен.

Иван так вспоминал об этой поездке:

«Ровно двадцать лет спустя после нашей революции, в 1937 году я попал в Париж, во время парижской всемирной выставки. Я не был на положении туриста. Мне приходилось вести поистине чудовищную работу, и не было никакого времени следить за французским общественным мнением, и не было даже времени посетить выставку. Были основания опасаться коммунистического покушения, и мои друзья держали меня в положении, так сказать, «усиленной охраны». Я видел очень мало. Но то, что я видел, было жутко. На улицах Парижа появились те же зловещие люди, как и на улицах Петербурга 1917 года. Было ясно: французские недоноски собираются следовать примеру русских недоносков... Были времена «народного фронта», и «пролетариат» шатался по митингам... Воздух Парижа пах Керенским. И Лениным — тоже. Только в отличие от русского примера, соответствующий Ленин пришел из Германии. Сейчас принято ругать Гитлера — не хочу хвалить его и я. Но все-таки думаю, что победа Гитлера обошлась Франции дешевле, чем обошлась бы победа Тореза»¹.

Приемом «эмигрантской массы» в Париже Иван остался доволен, его знают, его работу ценят, у него есть последователи:

«Переполненные залы, в них сливки всей национальной эмиграции. Банкеты в нашу честь — галлиполийцев, моряков, РОВСа, казаков, «Возрождения» и других. Штабс-капи-

¹ Солоневич И. Диктатура слоя. Буэнос-Айрес, 1956. с. 102.

таны таксисты, установившие для нас дежурства своих такси. Русские семьи, зазывавшие на русский борщ. Две случайные поездки на случайных такси, и — бывает же так — оба раза попались русские шоферы. При попытках платить: «Нет уж, И.Л., мы вас знаем — с вас еще и деньги брать!..» Вместо франков просто крепкое рукопожатие»¹.

Бывший царский дипломат Е.В. Саблин писал В.А. Маклакову из Лондона (1.08.37):

«Братья Солоневичи докатились до Парижа. «Возрождение», конечно, захлебывается от восторга... Читали ли Вы заметочку в названной газете в номере от пятницы 30-го июля под названием «Доклад бр. Солоневичей»? Прочтите непременно. Дальше идти некуда в смысле втирания очков эмиграции. В заметочке сей утверждается, что в связи с неизбежной и близкой революцией на родине отношение иностранцев к эмиграции должно будет измениться и уже меняется. Из недавних париев (парле пур ву, месье Семенов, хочется сказать сему активисту) эмигранты превращаются в людей, которые получают право говорить твердым языком, предъявлять требования и утверждать — не забывают, что мы будущая власть России. Не правда ли, очаровательно. Я готов простить Семенову все его благоглупости за сей перл. Мы будущая власть России. Кто это мы, позволительно спросить? Я так отстал от Парижа, что не могу даже себе представить, на кого намекает сей лидер активистов... Воображаю, как должны смеяться в Москве не только большевики, а скажем, родственники самого же Семенова. Ведь вот какой юморист оказался в самом деле»...

Через неделю Е. Саблин написал тому же адресату (7.08.37):

«Какой-то полковник из РОВСа сравнил братьев Солоневичей с... Мининым и Пожарским... Вот уж когда можно воскликнуть: «Экскузе дю пё!» (Не взыщите!)».

Чекисты не спускали с «гастролеров» глаз. Агент Кондитер сообщил в начале августа в резидентуру НКВД в Париже:

«Приехавшие сюда братья Солоневичи были в НТСНП, и Борис сделал небольшой доклад. Затем Поремский и Рожде-

¹ См. статью Солоневича И.Л. «Пути, ошибки, итоги», опубликованную в «Нашей газете», № 35—38, июнь — июль 1939 г.

ственный имели с ним беседу до часу ночи и проводили до-мой. Между Союзом и Солоневичами есть разногласия, идущие именно от Союза. Так, Брянский выступил после ухода Бориса, критикуя его по всем пунктам его доклада. Но были и такие, вроде полковника Сакса, объединяющего здесь гвардейцев, которые пытались разъяснить позицию Бориса и не допустить открытых разногласий. Недоверие к братьям исходит из Белграда, от профессора Георгиевского».

В информационной сводке ИНО НКВД о европейском турне Солоневичей было отмечено, что братья не добились тех результатов, на которые рассчитывали:

«Небезызвестные Солоневичи — проездом из Парижа — уже несколько дней находятся в Брюсселе. Выступили с тремя лекциями-докладами 8, 10 и 13 августа, которые не представили никакого интереса и построены, главным образом, на воспоминаниях прошлого. Братья стремятся объединить вокруг себя русскую эмиграцию за исключением младороссов, евразийцев и других левых организаций, и войти в контакт с троцкистами (Солоневичи говорили о необыкновенной храбрости и гении Троцкого). Будучи в Париже, они вели переговоры с руководителями всевозможных национальных партий, пытаюсь пролезть в их вожди. Переговоры с НТСНП не привели к каким-либо результатам, хотя братьям была обещана поддержка (на самом деле парижское отделение НТСНП резко настроено против Солоневичей). Приблизительно такой же ответ братья получили от Российского Национального Объединения (Лукасов и К°).

В Брюсселе братья организовали боевую дружину, дав ей название, — РОС¹. В нее вошла воинственно настроенная молодежь, как-то Марков, Проценко, несколько человек из НТСНП и имперцев. Этот отряд в настоящее время занят охраной Солоневичей».

В дни пребывания Солоневичей во Франции русскую колонию сотрясал очередной скандал. В газете «Возрождение» (6.08.1937.) была опубликована заметка о подозрительной встрече лидера младороссов Казем-Бека с «советским» графом Алексеем Алексеевичем Игнатьевым в кафе «Коаяль».

¹ РОС — Русское общество спортсменов.

Если до этого контакты Младоросской партии с представителями СССР были под вопросом, то «секретное свидание» в кафе, на котором присутствовал еще один «советский», явный чекист, продемонстрировало эмиграции, что прежние смутные подозрения имели реальную основу. Движение младороссов находится под контролем сотрудников ГПУ-НКВД! Нет, не напрасно они объявили себя «второй советской партией»!

Скандал нарушил гармонию отношений Великого князя Кирилла Владимировича с младороссами. До происшествия в «Коаяле» он симпатизировал программе партии и поддерживал контакт с ее руководством через своего представителя Великого князя Дмитрия Павловича. Казем-Бек был вхож в близкое окружение Кирилла, являясь при нем своего рода официальным «политическим обозревателем». Вождь младороссов очень осторожно, без нажима пользовался доступом к Кириллу для разъяснения партийных целей, задач и идеологии партии. Для Великого князя они не могли не быть притягательными. Младороссы считали идеальным государственным устройством самодержавную монархию, но не ту, что была предательски разрушена в феврале 1917 года, а обновленную — надклассовую, трудовую и социальную. Весьма привлекательной казалась Кириллу Владимировичу магическая формула младороссов — «Царь и Советы». Освобожденные от контроля большевиков, Советы вполне могли стать самостоятельными органами самоуправления, успешно взаимодействовать с представителями монаршей власти на местах и в центре. Но теперь, когда Казем-Бека подстерегли в «советской компании», рассчитывать на его политический проект стало невозможно. Эмиграция расценила бы это как вызов.

Казем-Беку пришлось подать в отставку, которая Великим князем была принята не без сожаления. Для него, без всякого сомнения, это было грустное прощание с манящей иллюзией возвращения на трон, созданной в воображении талантливого, лично преданного ему человека, умевшего увлечь магнетизмом своих слов любого слушателя...

После поездки «в Европу» Иван долго не мог избавиться от ощущения бессилия и безвыходности. Нашумевший скандал с Младоросской партией еще раз показал, что чекисты мастерски разрушают эмиграцию изнутри. Взаимное недове-

рие и перекрестные подозрения — с этим феноменом эмигрантской жизни они с Борисом столкнулись в Париже в очередной раз. В разных группах эмигрантской массы были свои «подозреваемые». Это утешало Солоневичей: обвинения в их адрес не были чем-то исключительным. Тема «чекизма» вызывала у эмиграции нервный холодок, была привычной и даже необходимой для поднятия тонуса, как посещения «фильмов ужасов».

После Парижа постоянно возникали беспокойные мысли и по другому поводу, куда более важному. Приятно было вспоминать о теплом приеме «эмигрантской массы», доверяющих ему штабс-капитанов. И тревожно думалось о руководящих «верхах», внешне — милейших людях, представлявших в большинстве своем бывший правящий слой России. Они встречали Солоневичей роскошными банкетами, «блеском оперной декорации», многословными речами солидарности. В этих речах Иван вновь и вновь ощущал холодную волю «милейших людей» к реваншу, возвращению любой ценой всего, что было утрачено ими в России после революций и гражданской войны: имений и земель, фабрик и нефтепромыслов, губернаторских и министерских постов. Поэтому, задавая риторический вопрос — «Что скрывается под оперой банкетов, знамен, традиций и высоких слов: Россия или аппетиты?» — Солоневич был стопроцентно уверен в ответе: «Аппетиты! Бесчестные и глупые претензии!»

Рассчитывать на этих бездарных и жадных людей из «потонувшего мира» в предстоящей работе по перестройке России, по мнению Ивана, было невозможно: «Утопленники со ржавыми ядрами, привязанными к ногам. Кажется, что они стоят, — они не стоят, а только плавают. Кажется, что они двигаются. Но это просто их пошевеливает течение. Мертвые люди, мертвые слова и мертвый мир. Полная и абсолютная безнадежность». И, по оценке Солоневича, полное отсутствие на их стороне объединяющей идеи и реальной силы для освобождения и отстройки России.

22 сентября 1937 года русскую эмиграцию в Европе потрясло похищение генерала Е.К. Миллера. Во всех центрах русского рассеяния с тревогой заговорили о многочисленных провокаторах, особенно в РОВСе. Безжалостным напад-

кам подверглась «внутренняя линия» и генерал Скоблин, которого мировая и эмигрантская пресса единодушно называла агентом ГПУ, заманившим генерала на свидание с «германскими офицерами», которые на самом деле были чекистами из Совдепии.

Иван вмешался в «обще-эмигрантскую дискуссию», поддавшись на уговоры генерала Абрамова, который настойчиво просил «защитить честь боевого корниловского генерала Скоблина». В принципе, на этой теме и сосредоточился Солоневич, анализируя в своей статье обстоятельства похищения Миллера¹. Иван напомнил читателям своей газеты, что Скоблина и прежде обвиняли в сношениях с большевиками. Тогда генерал потребовал суда чести, и суд его оправдал. Повторение нападок на Скоблина, «обвинения командира Корниловского полка в провокации» Иван истолковал как действия большевиков по нанесению «морального удара» по Белому движению.

Солоневич писал:

«В наше время возможны всякие варианты азевфовщины. Однако ген. Скоблин, главным образом благодаря его жене Н.В. Плевицкой, был вполне обеспеченным человеком и имел возможность разъезжать по Европе на собственном автомобиле. Плевицкая не так давно получила весьма основательную премию по поводу ее автомобильной катастрофы. Я не склонен предполагать ген. Скоблина таким идиотом, который, имея на глазах целый ряд примеров, начиная от Слащева и кончая Тухачевским, стал бы продавать свою душу за чертovy черепки. За ним — немалый боевой стаж, а Надежда Васильевна — глубоко и искренне верующая женщина, и предположение, что она могла участвовать в предательстве, мне кажется чрезвычайно мало вероятным».

Иван отметил также, что для похищения 73-летнего генерала не нужно было организовывать «тайнственных свиданий». Он не имел охраны и вел себя настолько неосторожно, что хватило бы автомобиля и двух крепких молодцев, чтобы похитить его. Солоневич подчеркнул, что убедился в этом, когда два месяца назад вместе с В. Левитским посетил Милле-

¹ Солоневич И.Л. Похищение ген. Е.К. Миллера // «Голос России», 28.09.1937.

ра в Бианкуре и обнаружил, что тот живет в огромном замке, расположенном в лесу, причем без какой-либо охраны!

Голос писателя «в защиту» Скоблина прозвучал диссонансом. Вновь поползли слухи: с Солоневичами нечисто, они прикрывают предателя и, возможно, сами являлись подготовительной частью этой операции НКВД, для чего и выезжали во Францию и Бельгию под предлогом чтения лекций. «Разоблачитель провокаторов» Бурцев сообщил прессе, что об этом «сомнительном турне братьев Солоневичей» ему с тревогой говорили в сентябре 1937 года представители Национального союза нового поколения. Фактов у них не было, но они считали своим долгом поделиться подозрениями, что братья разлагают эмиграцию «по заданию Москвы». Мол, внешне их работа носит антибольшевистский характер, но подспудно все делается «в интересах Совдепии».

К чести Бурцева надо сказать, что поспешных выводов в отношении братьев он делать не стал: «Я к ним присматриваюсь, и определенного мнения пока не составил».

После лекционного турне Иван вернулся в Софию, а Борис задержался в Брюсселе лечить глаза. Зрение его снова стало сдавать. Еще год назад, — при их постоянном безденежье, — это вызвало бы серьезные проблемы. Но сейчас было проще: газетных доходов вполне хватало, чтобы оплатить услуги лучших специалистов.

Тамара торопила мужа с приездом: для очередного номера не хватало материалов. На этот раз Иван не забыл о подарках: купил французские духи и журналы мод, которые попались на глаза. На обратном пути под стук вагонных колес стал набрасывать карандашом фрагменты статей для «Голоса России». Газета не должна выдыхаться: без актуальных, полемически поданных тем, безжалостных оценок и логически безошибочных выводов, к чему он уже приучил своих читателей, газета обречена на прозябание и упадок. Сколько их было у эмигрантских издателей — таких провалившихся попыток! Достаточно побывать в эмигрантских библиотеках: невостребованные с неразрезанными страницами журналы и тощие подшивки газет, которые бесполезно пылятся на полках. Нет, надо писать так, чтобы глагол жег сердца людей и сейчас, и через десятилетия.

В Софии враждебные выпады в адрес Солоневичей тщательно фиксировались советской агентурой. Они были своеобразной лакмусовой бумажкой: сохраняет ли эффективность долгосрочная программа по компрометации братьев?

Агент Старик сообщил в октябре 1937 года:

«В группе офицеров-дроздовцев (в торговой конторе полковника Конькова) был поднят вопрос о Солоневичах. Все в один голос заявили, что «это — советская сволочь, которой верить никак нельзя. Они из той породы, которая под пение «Боже, Царя храни» способны на какую угодно гнусность. Они страшнее явно большевизантствующих активистов».

Друг Солоневичей — актер Е.Ф. Ждановский¹, который недавно приехал из Праги, доверительно сообщил мне:

«Боюсь, что они тоже советские кадры. Думаю, что Борис засел в Бельгии потому, что он участник «саблинского дела». Вот будет скандал! Тогда и воскресшему из мертвых никто не поверит. Подозрительно, что они в последнее время нигде не показываются. Говорят, что Иван болен, хотя он постоянно пишет и печатает свои статьи, а Борис, вроде бы в Брюсселе, но, может быть, и не там. Разве разберешь их, они все скрывают».

Протопресвитер Шавельский и его сестра слышать не могут о Солоневичах. Не только не бывают у них, но даже о каком-то хозяйственном недоразумении переписывались по почте, избегая личных встреч. Сегодня Шавельский с жаром назвал их «необыкновенными нахалами, бессовестными людьми, потерявшими всякий стыд». Он сказал: «Мне теперь было бы неприятно съездить у них и кусок хлеба, думая, как бесстыдно они обдирают несчастных штабс-капитанов».

Генерал Зинкевич пришел к окончательному выводу, что Солоневичи — большевистские агенты. Он как будто кается, что первое время был доверчив к ним, помогал их водворению в Болгарию. Говорит, что с братьями надо быть предельно осторожными, черт их знает, кто они такие: «Если станет известно, что Борис с его атлетической силой втаскивал генерала Миллера в советский автомобиль, то мы ни на минуту не усомнимся в достоверности такого факта...»

¹ Ждановский Евгений Фадеевич (1892—1949) — известный певец (бас). В 1923 г. покинул Россию, жил и работал за границей, с 1935 г. в Софии, где выступал в оперном театре.

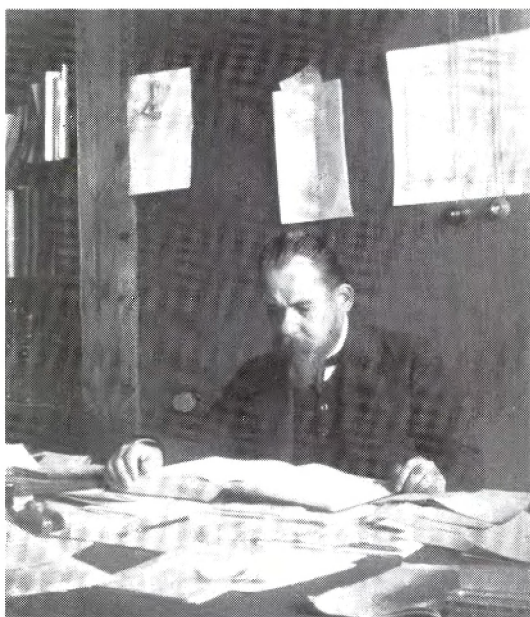
Отец писателя – Лукьян Михайлович Солоневич.
1900 г.

Мать писателя - Юлия Викентьевна Солоневич
(дев. Ярушевич). 1910 г.

Мать Ивана Солоневича у прялки

Отец Ивана Солоневича – в редакции
«Белорусской жизни»

Ранняя фотография Ивана с братьями Всеволодом (вверху), Борисом и сестрой Любой. 1905 г.

Мать с детьми: (слева направо) Всеволод, Любовь и Иван. 1910 г. Фото Б. Солоневича

Иван за чтением
газеты «Русский
спорт». Январь 1914 г.

Всеволод (Вадя)
Солоневич. 1919 г.

Иван и Борис (оба в очках) среди друзей-спортсменов общества «Сокол». 1914 г.

Иван и Борис. Одесса. 1921 г.

Борис Солоневич. Одесса. Зима 1922 г.

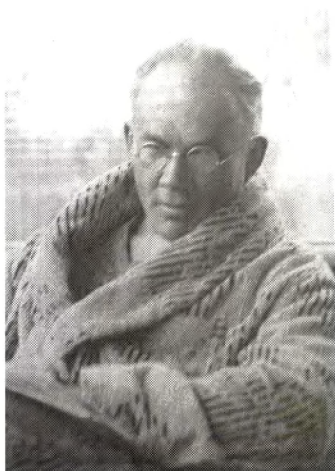
Дом в Салтыковке под Москвой. Фото К. Чистякова

Иван Солоневич с сыном Юрием в Салтыковке.
1927 г.

Тамара Солоневич в
Салтыковке. 1927 г.

Иван в Салтыковке
накануне побега.
1932 г.

В карнавальном наряде. После поездки на Памир.
1931 г.

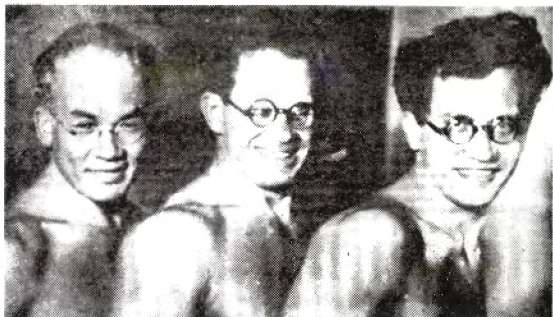

Фото из следственного дела Бориса Солоневича.
Февраль 1932 г.

Фотография
И. Солоневича
из архива
финской
полиции.
Август 1934 г.

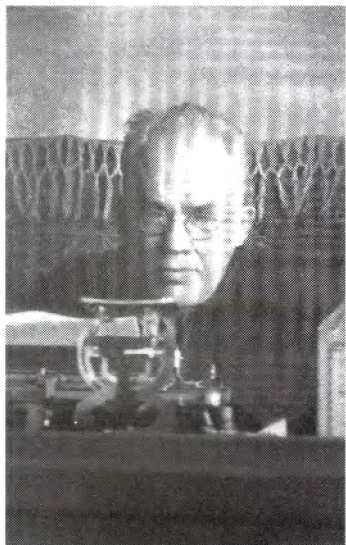
«Три
богатыря».
1936 г.
Фото
из газеты
«Голос
России»

Стенд памяти
Тамары Солоневич в
Антикоминтерне (Берлин).
Лето 1938 г.

Николай Абрамов,
агент НКВД
«Ворон»

Иван Солоневич в
Германии. 1938 г.

Иван с женой Тamarой.
София. 1936 г.

Иван Солоневич с
генералом Туркулом и
членами его семьи. Май
1938 г.

Полковник абвера
Б. Смысловский-
Хольмстон. 1942 г.

Юрий Солоневич.
1939 г. Германия.

Инга Солоневич.
1939 г. Германия.

Рут Солоневич. 1947 г.
Германия

Иван Солоневич.
Берлин. 1940 г.

Вид на г. Темпельбург (Померания), место
нацистской ссылки И. Солоневича в 40-е годы

Всеволод
Константинович
Дубровский-Левашов.
Рисунок из газеты
«Наша Страна»

Татьяна Владимировна
Дубровская. Фото из
газеты «Наша Страна»

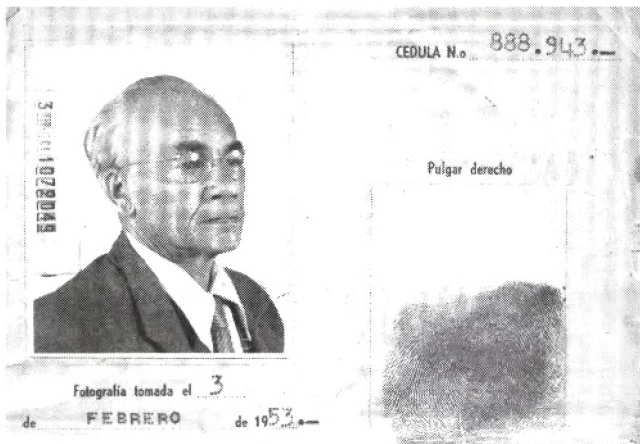
Станция Дель-Висо (Аргентина).
Современная
фотография

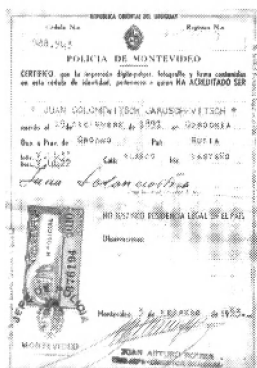
Итальянский
госпиталь
в Монтевидео, где
скончался писатель

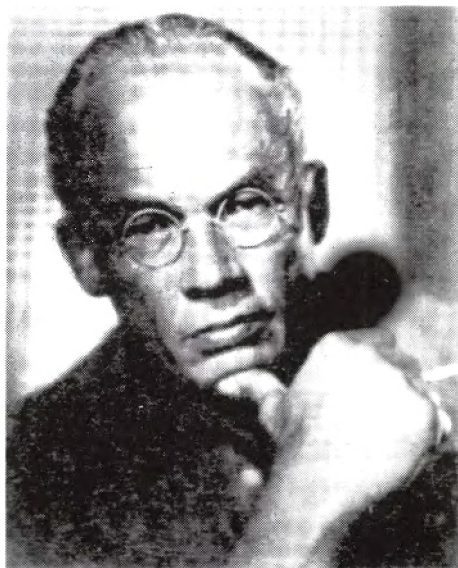
У входа в кинту «Misterio». Современная
фотография

Уругвайское удостоверение личности
И.Л. Солоневича. Последняя фотография писателя.
Февраль 1953 г.

Фрагмент
уругвайского
удостоверения
личности И.Л.
Солоневича

Самый известный портрет
Ивана Солоневича. 1937г.

**Автор у могилы
Ивана Солоневича
(«с подселениями»)
Английское кладбище
в г. Монтевидео
(Уругвай). 1997 г.**

**Так выглядела могила
И. Солоневича в 1999 г.**

**Современный вид могилы И.Солоневича.
Фото В. Бурляй**

Рут Солоневич,
90-летняя вдова
писателя. Фото
Эда Митчелла. 2006 г.

Портрет Ивана Солоневича.
Автор – Юрий Солоневич

В ноябре 1937 года на имя Ивана пришло письмо из японского города Коба. В последнее время он все чаще передовывал редакционную переписку Тамаре, но Федору Дмитриевичу Морозову ответил без ее помощи:

«Я был чрезвычайно рад получить письмо от такого, как я сам, ибо мой отец в детстве еще пас свиней. Поражаюсь Вашему здравому смыслу и тем умным мыслям, которые вы высказываете. Очень рад с Вами познакомиться. Ваше письмо шло всего 19 дней, полагаю — через Сибирь. К сожалению, к моим посланиям и посылкам газет большевики относятся крайне подозрительно и их не пропускают. Так, они перехватили мои заказные бандероли на Дальний Восток, раскрыли их, напихали в них всякой дряни и потом снова запечатали. Наши представители не догадались вскрыть пакеты на почтамте, а увезли домой, обнаружили подлог, но составить протокол уже не смогли. Теперь приходится все слать через Суэц, но зато очень долго идет.

Очень порадовался, смотря на Ваш магазин и на самовар. Это хорошо, что наш русский человек не забывает своей родины, духа и языка. Вы глубоко правы, когда пишете, что наш брат — мужики везде делают честь нашей родине, а аристократия — повырождалась. Это сущая правда... Не пишете ли Вы нам о жизни русских в Кобе и вообще в Японии? Вы написали в этот раз больше о своих личных политических взглядах, а теперь напишите, пожалуйста, об условиях жизни вообще. Да, Япония — великая страна, — это бесспорно, и от нее, да от Германии придется нам ждать спасения нашей многотрадальной родины от большевиков».

В конце 1937 года в резидентуру в Софии было направлено оперативное письмо, в котором пункт за пунктом перечислялись «уязвимые» с точки зрения Любянки моменты в поведении Солоневичей, в первую очередь Ивана. Рекомендаций по их использованию не давалось. Разберитесь, мол, на месте. Резидент Максим довел часть этих тезисов до Фосса и Браунера через свою агентуру, не прибегая к помощи Ворона. Резидент уже точно знал, что Николай Абрамов находится под негласным надзором «внутренней линии».

Вот некоторые из этих тезисов:

Приезд Ольги Курпатовой (Хольстон) в Софию. Уехала — 24.11.1937. Подозрительная миссия.

Разговор Бориса об устранении Георгиевского после возвращения из Югославии.

Разговоры о том, что Солоневичи создают фонд с целью подкупа болгарской цензуры и властей.

Приемы и вечеринки на квартире Солоневичей, главным образом — молодежи. Политически обрабатывают?

А. Мещерский получил письмо от друга, бежавшего из концлагеря, который написал, что Ивану верить нельзя, т.к. все описываемое в его книге — неверно.

Жена служила в Торгпредстве в Берлине в то время, когда Иван находился в лагере.

Получил из Германии 150 тыс. за книги, что является подозрительным.

Доктор Александр Сокольский — друг Бориса. Он болгарин, приехал из СССР в Болгарию в 1933 году. Был вызван в Дирекцию полиции, допрашивался по поводу Солоневичей в присутствии Браунера.

Фашисты считают Ивана большевиком. Тамара состоит в «Соколе», скаутах и НСНП, пытается вступить в ВФП, но ей отказали. Приходила, вынюхивала, по какой причине.

Солоневичи говорят, что были арестованы 11 раз, но сильно не пострадали, несмотря на то, что, по их словам, были активными контрреволюционерами.

Всегда и всюду в ссылках, концлагерях в строгой изоляции не находились, как все политические заключенные, а наоборот, им всегда «везло», они получали свободу передвижения, занимали какие-нибудь служебные посты.

Водили знакомство с видными работниками «Динамо» — чисто чекистской организацией. Посещали ГПУ, знали ответственных лиц из ГПУ. Борис работал в «Динамо» в Томске.

Полиция установила несовпадение рассказов братьев с данными их биографий.

По закону об измене родственники Солоневичей должны были быть репрессированы, однако отец жены и дети Бориса благополучно живут в Москве.

Посылка Юрия в Вену на учебу, частые приезды его на каникулы.

Странные отношения отца и сына. На докладах Ивана Юрий говорил, что «батяка все врет».

Широкий образ жизни: Иван и его семья — единственные русские эмигранты, живущие на улице Царя Освободителя.

Пишут в статьях и книгах о своих знакомых, в частности, в Орле, совершенно не заботясь о том, что те могут пострадать».

Игнорировать компрометирующие материалы, которые лавинообразно распространялись в падкой на сплетни эмигрантской среде, Солоневичам становилось все сложнее. Клевета повторялась с удручающим однообразием и постоянством, была в одну точку и была направлена на всех членов семьи, включая Юру. Даже в близком их окружении появились дезертиры: трудно было противостоять «общему мнению».

Ждановский перестал присылать контрамарки на свои концерты. Растворился в неизвестности доктор Сокольский, который еженедельно навещал их с визитами. Протопресвитер Шавельский не мог простить себе первоначальной «доверчивости» и старался компенсировать свой промах, вызывая к «бдительности» по отношению к Солоневичам. Священнику верили.

Отбиваясь от напора клеветы, Иван и сам допустил промах. Историю со своим «письмом в защиту Скоблина», которое он написал, поддавшись на уговоры генерала Абрамова, Солоневич переживал болезненно. Он оказался «защитником чести» агента НКВД! То же самое в отношении Плевицкой. Французская полиция арестовала ее за соучастие в похищении Миллера, а он, Солоневич, старался доказать, что певица не имеет к делу никакого отношения.

Через день после объявления об аресте Плевицкой Тамара подошла к столику с патефоном и, присев, стала выбирать из общей стопки пластинки с песнями в ее исполнении.

«Что ты собираешься с ними делать?» — спросил Иван.

«Разобью и выброшу», — сказала Тамара.

«Стоит ли? — возразил он. — Плевицкая в тюрьме и вряд ли скоро выйдет. Французы примерно накажут ее, чтобы другим было неповадно совершать преступления на их территории. Скоблин где-то скрывается, но слишком много знает, а потому опасен для своих хозяев. Я и ломаной полушки за его жизнь не дам. Но при чем здесь русские песни? В чем вино-

ват ее голос? Лучше Плевицкой сейчас в эмиграции певицы нет, так что пусть поет в нашем тесном кругу».

Он завел патефон, и, выбрав наугад одну из пластинок, аккуратно опустил иглу. «Замело тебя снегом, Россия», — запел чарующий голос...

Года через два после скоблинской истории, в статье «Пути, ошибки, итоги», Иван вернулся к этой неприятной для него теме. Он напомнил гельсингфорские эпизоды, когда только что прибывшие в Финляндию беглецы из советской России попали «в объятия» «неофициального» представителя РОВСа «некого офицера Корниловского полка», а через него «влезли в Скоблина». В статье Иван по понятным соображениям не стал называть имя Бастамова, но подчеркнул, что именно через него Борис передал в РОВС (то есть Скоблину) «кое-какие сведения разведывательного характера». РОВС требовал явок в России, и по этому вопросу братья никак не могли договориться. Сомнений в надежности представителя Союза еще не было, но переживания за судьбу тех, кого они могли подвергнуть серьезной опасности в Совдепии, были очень серьезные.

«Ругались мы сильно и долго, — признался Иван. — Был найден так называемый гнилой компромисс. Борис сообщил два весьма второстепенных адреса: один — своей квартирной хозяйки в Орле, другой — своего приятеля-офицера. Этих людей нынче нужно считать погибшими, так что никакого тут секрета нет. Я все-таки помнил свои одесские опыты и ни одного адреса не дал ни раньше — из Гельсингфорса, ни позже — из Софии»¹.

Пытаясь решить для себя и для других: имеет ли активная часть эмиграции реальную возможность работы «на Россию», Солоневич сделал категорический вывод: по линии РОВСа организовывать теракты в России нельзя! Большая часть «наиболее жертвенных людей эмиграции» погибнет без пользы для дела! Скоблинское наследие в Союзе, по мнению Солоневича, не было расчищено, чекистская сеть осталась нераскрытой, во многом из-за нежелания руководства РОВСа навести порядок в своей организации.

¹ См. статью Солоневича И.Л. «Пути, ошибки, итоги».

Об обстоятельствах исчезновения и смерти генерала Скоблина достоверной информации нет. Официальной и самой распространенной стала версия о гибели «№13» во время бомбежки Барселоны авиацией Франко. По другой версии, Скоблин был убит сотрудниками ИНО в воздухе на борту самолета, а его тело сброшено в воды Средиземного моря. Газета «Московские новости» опубликовала следующее послание, как будто бы подтверждающее эту версию: «Париж. Шведу и Яше. 28.09.37. Лично. Ваш план принимается. Хозяин просит сделать все возможное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь следов. У жены должна сохраняться уверенность, что «Тринадцатый» жив и находится дома. Алексей».

Этим псевдонимом подписывал шифровки тогдашний начальник ИНО Слуцкий. «Хозяином» в служебной переписке обозначался Сталин. Под псевдонимом «Яша» скрывался Яков Серебрянский-Бергман, организатор операций по похищению Кутепова и Миллера. «Швед» был резидентом ИНО в Испании (поэтому не вполне ясно, почему шифровка была адресована ему в Париж). По мнению газеты «Московские новости», ликвидация агента была осуществлена Павлом Судоплатовым, который в тот период использовал кодовое имя «Андрей». После проведения «акции» с пальца мертвого агента было снято золотое кольцо. Не исключено, что это сделали для того, чтобы, при возможности, передать жене генерала в качестве «вещественного привета»¹.

Нет сомнения, что 11 ноября 1937 года Скоблин был еще жив. Этим числом датировано его письмо, адресованное «товарищу Стаху». Судя по его содержанию, «№13» после похищения Миллера был укрыт на конспиративной квартире (скорее всего в Испании), потому что в тексте письма есть строчка: «От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моей «Васеньке» не дает мне целиком отдаться этому делу». «Васенькой» он звал свою жену. Она в это время находилась в парижской тюрьме под следствием. Французская полиция, не имея серьезных улик, все-таки посадила певицу за решетку, чтобы провести «показательный процесс» и продемонстрировать свою готовность к борьбе с иностранным шпионажем и терроризмом.

¹ «Наша страна», № 2387—2388, «Судьба Скоблина».

Скоблин очень переживал за «Васеньку». Он просил «Стаха», который приезжал к нему каждые две недели (из Франции?), найти возможность «ободрить, а главное успокоить» жену после двух месяцев ее пребывания в заключении. «Как Вы полагаете, — написал он своему оперативному «куратору», — не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»?» «Некоторые меры» — это, без всякого сомнения, планы вызволения жены из тюрьмы. Скоблин ощущал все большую вину перед ней: он — на свободе, а «Васенька» в руках тюремщиков¹.

Видимо, опасался Скоблин за свою собственную судьбу. Вот фрагмент из его письма:

«Недавно мне здесь пришлось пересматривать старые журналы и познакомиться с № 1 журнала «Большевик» этого года. С большим интересом прочитал его весь, а статья «Большевики на северном полюсе» произвела на меня большое впечатление. В конце этой статьи приводятся слова Героя Советского Союза Водопьянова, когда ему перед полетом на полюс задали вопрос: «Как ты полетишь на полюс, и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешься — пешком-то далеко идти?».

«Если поломаю, — сказал Водопьянов, — пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь: Товарищ Сталин не бросит человека!».

Эта спокойно сказанная фраза, но с непреклонной волей, подействовала и на меня. Сейчас я тверд, силен и спокоен, и тихо верю, что Товарищ Сталин не бросит человека!»

Бранные останки Скоблина, блестящего агента НКВД «№13» (вот уж, действительно, роковая цифра!), не были обнаружены и через семьдесят лет после его «исчезновения». Приказ был выполнен четко: «Операция не должна иметь следов».

В апогей скандала с похищением Миллера в редакцию «Голоса России» пришло очередное письмо от Спасовского (Гротта), подписанное неизменным титулом — «личный архитектор Высочайшего двора шаха Реза Пехлеви». Гротт сообщил, что получил «полномочия» Анастасия Вонсяцкого на ведение переговоров с Иваном Солоневичем об «установле-

¹ Плевицкая Н.В. (1884—1940) умерла во французской тюрьме.

нии деловой связи в вопросе ведения активной борьбы с большевизмом». Полномочия оговаривались некоторыми условиями: во-первых, соблюдением тайны предстоящих переговоров; во-вторых, отсутствием на страницах «Голоса России» и «Фашиста» статей и заметок, которые могли нанести ущерб авторитету обеих сторон своим содержанием. В постскриптуме Спасовский отметил:

«Я глубоко счастлив, что Анастасий Андреевич после своих тяжелых разочарований в людях и попыток совместной работы с ними, — еще раз решил завязать большое русское дело. Дай бог довести его до радостного, столь желанного для всех конца. Слава России!»

Пытался наладить политическое взаимодействие с Солоневичем другой фашистский лидер эмиграции — К.В. Родзаевский. Их переписка то и дело прерывалась. Солоневич сетовал:

«Вы, по-видимому, вовсе не получаете моих писем. Вероятно, Вы не получили и моей статьи о будущности русского фашизма. Вообще, наша корреспонденция на Дальний Восток идет как в пропасть: письма, газеты, книги».

Главная тема их переписки: объединение антибольшевистских сил эмиграции. Солоневич одобрял усилия Родзаевского, хотя и полагал, что для этого, особенно в Европе, — потребуется упорная предварительная работа.

«Если Вы примете во внимание, что только в одной софийской дыре издается шесть русских газет, — писал Солоневич в Харбин, — то, вероятно, представите себе трудности предпринятого дела. Однако — трудности останавливать не должны. Основное политическое задание на сегодняшний и завтрашний день — это создание национального центра — не в тех масштабах, о которых пишет «Новое Слово» в № 38, — ибо эти масштабы совершенно утопичны, а, хотя бы, в составе представителей Династии, РОВСа, фашистов, НТСНП и церкви: пять человек. Моя недавняя поездка по Европе заронила весьма серьезные сомнения в исполнимости и этой программы. Но если фашистам удастся склеиться хотя бы с РОВСом и НТСНП, — то и это будет огромным шагом вперед»¹.

¹ И. Солоневич — К. Родзаевскому, 10.10.37. В этом же письме Солоневич просил «конфиденциально, не для печати» информировать его о характере взаимоотношений Родзаевского с русскими фашистами в Германии и причинах разрыва с Вонсяцким.

Солоневич отозвался согласием на предложение Родзаевского о «создании единого газетного фронта» национальных русских изданий.

«Я принимаю его целиком не потому, что согласен с ним на все сто процентов, — писал он, — а потому, что если мы начнем дебатировать детали, то решение вопроса затянется еще на несколько лет. Принимаю Ваш проект таким, каким Вы его прислали. Но, как мне кажется, совершенно необходимо вставить в него отдельный пункт о, так сказать, — взаимонападении. Мне, например, очень трудно работать, скажем, с «Мечом», ежели он время от времени брыкается по моему адресу. В последнем номере он свалил меня в одну кучу с Вонсяцким и Казем-Беком. Нужно усвоить медицинский принцип: прежде всего не вредить».

Иван обещал помочь газете Родзаевского «Наш Путь» «в силу местных софийских возможностей»:

«Перепечатки — пожалуйста. Могу взять на себя освещение балканских вопросов, от которых я в «Голосе России» воздерживаюсь самым тщательным образом, — а есть кое-что интересное. Можно подтянуть рекламу «Нашего Пути» в «Голосе России» — и наоборот. Что касается сбора подписки и объявлений, то здесь решительно ничего не могу сделать. У нас, по существу, редакционного помещения нет. Есть квартира и четыре человека семьи, заваленных работой по горло».

«Четыре человека семьи» — так написал Солоневич. Однако в редакции из членов семьи фактически осталось только двое: Юра учился в Вене, а Борис в декабре 1937 года сообщил, что не собирается возвращаться в Болгарию, остается в Брюсселе, поскольку нашел хорошо оплачиваемую работу в издательстве «Силлак»¹. Он прислал свою фотографию: в кепи, кожаном пальто, армейских шнурованных ботинках (особый

¹ В Брюсселе Б. Солоневич жил в пансионе Крыловых — 45, Рю де Паскаль. В сводке НКВД от 13.01.1938 г. о нем сообщалось: «Солоневичу разрешено на один год остаться в Бельгии. За него очень хлопотали Архангельский и Гартман. Б.С. много занимается молодежными делами и спортивными организациями. Последние «достижения»: проведение показательных антикоммунистических «судов». Конечная цель всех спортивных начинаний Б.С. — подготовка боеспособных групп, которые в слу-

мужской шик!). Иван воспринял известие о решении брата с нескрываемым огорчением, как «ослабление семейного фронта», почти — измену.

Борис обещал присылать статьи в «Голос Родины», но это было слабым утешением. Конечно, в беседах с «любопытствующими» эмигрантами Иван о причинах такого решения брата не говорил, делая упор на том, что оно «никакой политической подкладки и последствий не имеет и иметь не может». Но эмигрантские «психологи-аналитики» комментировали на разные лады столь сенсационное событие. В Софии в «Зарнице» пришли к мнению: «Иван явно убит этим сообщением. Здесь кроется что-то серьезное, может быть, НКВД решил укрепить свои позиции в Бельгии?»

Причин для «разъезда» братьев было много. У Бориса не складывались отношения с Тamarой, которая вела финансы газеты. Ему казалось, что жена брата держит его на «голодном пайке», и считал, что «в самостоятельном плавании» сможет зарабатывать больше. Появились тревожные признаки неблагополучия со здоровьем: на некоторое время у Бориса отнялись ноги (от перегрузок на тренировках)¹. Это был ясный сигнал: пришло время отказаться от профессиональной борьбы. Устал он и от слезки со стороны РОВСа. Борис не хотел ссориться с офицерами, которые из-за «нетерпимости» брата стали враждебно относиться ко всей семье Солоневичей.

Первым сообщил Максиму о том, что между Солоневичами произошла ссора, агент Седат:

«Подкладка конфликта, видимо, в том, что младший брат намерен освободиться от влияния Ивана и работать самостоятельно. В настоящее время Иван сильно пьет, и жена собирается отправить его в санаторий для лечения. Проблем у них все больше. Даже Юрка Солоневич получил в Вене два анонимных письма: в одном угроза похищения, в другом — убийства».

чае войны с Советским Союзом будут переброшены через Финляндию на территорию СССР, чтобы поднять восстания в концлагерях».

¹ Удар у Б. Солоневича, после которого у него временно отнялись ноги, произошел 27 марта 1937 г. Капитан Фосс хотел воспользоваться этим для «окончательной расправы» с Борисом, но не решился на это только потому, что «никто из врачей больницы не внушал доверия».

Из сообщения Седата от 24 декабря 1937 года:

«Иван Солоневич жив-здоров, и в последнее время почти всегда в хорошем настроении. Сегодня в полдень даже показался в «Зарничной компании» и кутил. На нем новая полярковая шляпа цвета вороненой стали с синеватым отливом. Очки в черной металлической оправе, голубая рубашка и синий со светлыми квадратами галстук. Он был в поношенном пальто коричневого цвета в клетку, неуклюже подшитом ниже колен. Кожаные перчатки темно-вишневого цвета. Много курил, охотно угощал всех папиросами.

Живет он по ненормальному расписанию, работает на износ. Утром поднимается часов в восемь — девять, а иногда позже, завтракает и приступает к работе: пишет, знакомится с письмами, отвечает на них и т.д. Напряженно трудится до обеда, потом около одного-двух часов спит, и вновь за работу — до вечера. Ужин — между 8 и 10 часами, и вновь за рабочий стол до поздней ночи.

Он бывает относительно свободен на 2-3 дня после выпуска очередного номера газеты. Его часто беспокоят «желающие поговорить со знаменитостью», обычно это русские из провинции (Бургаса, Русе, Видина и др.). Им обыкновенно говорят, что Иван Лукьянович отдыхает или работает. Иногда вместо него очень коротко беседует мадам (Тамара), раньше это делал Борис.

В редких случаях принимает он сам. Это зависит от положения посетителя, например, высокие шансы на аудиенцию имеют генералы, инженеры, представители какой-нибудь организованной группы. Как правило, не отказывает Солоневич приезжающим из Югославии, хотя в большем почете у него гости из более далеких стран. Наиболее ценимые посетители — это визитеры из Скандинавии, Америки, Дальнего Востока».

Распространение газеты «Голос России» через не слишком тщательно подобранных представителей приводило иногда к болезненным финансовым скандалам. Один из них навредил отношениям Ивана с НТСНП. Член Исполбюро «новопоколенцев» П. Воропанов в январе 1938 года сообщал по этому поводу в партийные отделения:

«С Солоневичами у нас «разрыв дипломатических отношений». Причины ясны из «Голоса России». Вы, вероятно, сами видите и чувствуете, что их газета все больше и больше становится коммерческим предприятием со спекуляцией на «штабс-капитанах». У Вас, почти наверняка, много разговоров об истории «с растратой» Федина в Югославии. Вот в чем суть: цифра задолженности сильно преувеличена, так как масса газет осталась непроданной. Много задолжала провинция. Федин своевременно не сдал отчетности, так как летом его не было в Белграде. Солоневичи, не договорившись с ним до конца, бухнули «дело» в печать. Безусловно, есть желание Солоневичей «зацепить» наш Союз. Со стороны Федина, конечно, будут предприняты и уже предпринимаются соответствующие шаги. Как жаль, что «Голос России» не умер после первых 10—15 номеров, которые, действительно, давали ценный материал».

Тем не менее, история с Фединым не была столь очевидной, как старался доказать Воропанов. Тамара поспешила разъяснить ее представителям «Голоса России». Одно из таких писем было направлено 24 января 1938 года в Тянь-Тзинь (Китай):

«В связи с последними статьями Ивана Лукьяновича, вызвавшего возмущение по поводу необоснованных и бездоказательных нападок НТСНП на РОВС, боимся, что *нацмальчики* могут отказаться от распространения, как это уже имело место в Варшаве с Розеншильд-Паулином. Они очень обиделись на И.Л., и их руководитель Георгиевский старается теперь мстить. Совершенно «эмигрантский» подход к вопросу: нетерпимость ко всякой, даже дружеской критике. Вот еще один факт, который Георгиевского тоже сердит, но которого мы не могли замолчать, несмотря на наше желание не портить отношений с НТСНП. Наш представитель в Югославии Федин, рекомендованный нам Союзом, прокутил штабс-капитанские гроши и задолжал нам 35 000 динар, т.е. 700 долларов. Этим выход нашей газеты был поставлен под угрозу, и не будь у нас гонорара за немецкое издание «России в концлагере», которым мы немедленно заткнули дыру, все было бы очень плохо. Второй *нацмальчик* — Ланкин в Австралии, — тоже остался должен 150 долларов и тоже денег не шлет. Беда, да и только».

В этом же письме Тамара затронула тему сути разногласий «Голоса России» с НТСНП:

«Мы, конечно, очень рады дать Союзу (в Тянь-Тзине) 20 процентов в его пользу, ибо признаем, что он — одна из активнейших организаций национального типа. Мы всегда их поддерживали. Ошибка возглавления НТСНП заключается в том, что вместо того, чтобы устремить внимание общественности на главного врага — большевиков, — оно отвлекло это внимание в сторону русских же организаций, и тем самым дало Советам возможность замести следы похищения генерала Миллера и еще больше дискредитировать белую эмиграцию в глазах всего мира. Выносить сор из избы надо было, только имея в руках действительные документы, а их у *нац-мальчиков* не оказалось».

Тамара предупредила Вязьмитинова, что направление посылок через Сибирь — безнадежное дело:

«Пропали 15 пакетов по 100 штук в адрес Березовского, — писала она, — а также номера с 1 по 16 нашей газеты. Потом, когда мы, устав слать наши материалы через Суэц, попробовали послать номера с 42 по 48 через Сибирь, снова все пропало. Очень большие убытки. Дело заключается в том, что из Европы, и, в частности, из Германии, почта на Китай и в Манчжурию идет сразу в закрытых мешках. А Болгария — страна незначительная, — переписка с Дальним Востоком слабая, и потому пакеты отсюда идут просто в раскрытом виде. Ну, тут товарищи и стараются вовсю. Вот Вы, например, жалуетесь на то, что не получили ни одной нашей книги. А дело в том, что наш издатель Левашов (он издает наши книги за свой счет, а потом мы с него получаем 15%) послал Вам 20 штук «Молодежь и ГПУ» и 40 штук Соколову в Шанхай. Однако ни Вы, ни он, по-видимому, этих книг не получили, хотя это были заказные бандероли. Очень прошу Вас ответить, — дошли ли до Вас эти книги? Полагаю, что нет, так как иначе вы давно бы о них написали. Значит — перехвачены! На днях вышлем Вам через Канаду и Японию несколько книг «Памира», а если будет возможность у Березовского, он перешлет Вам несколько экземпляров моих «Записок советской переводчицы». Шлю рекламу английского издания «России в концлагере». Прошу помочь в распространении».

Напряженная изматывающая работа и конфликты с эмигрантскими вождями негативно сказывались на здоровье и нервах Ивана. Отсюда — попытки снимать стрессы с помощью алкоголя. Тамара все более настойчиво советовала ему отдохнуть где-нибудь в Австрии. По ее просьбе Юра навел справки и подыскал несколько подходящих санаториев, в которых «опытные врачи и психологи приводили в норму расшатанную нервную систему». Воспользовавшись предложением, Юра вновь приехал «на каникулы» в Софию, чтобы обсудить с родителями, в каком именно санатории зарезервировать место.

Покушение

В дверь редакции, которая находилась на первом этаже дома № 38 на бульваре Царь Иван Асен II в 9.30 утра 3 февраля 1938 года позвонил посетитель в коричневом пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Пожилая экономка Солоневичей немка Иоганна Грайс¹ приняла визитера, который вручил ей пакет и, сказав, что «это книги для Ивана Солоневича», тут же ушел. Экономка оставила пакет на большом столе в гостинной комнате, которая использовалась в качестве редакционного помещения и столовой. В 11 часов пришел секретарь Николай Михайлов и, по заведенному порядку, взялся за разборку почты. Тамара помогала ему.

Взрыв в редакции «Голоса России» раздался в 11 часов 30 минут. Он был такой силы, что здание содрогнулось, словно от мощного землетрясения. Открывавший ножницами «пакет с книгами» Михайлов погиб мгновенно. Тамара была смертельно ранена. Она прожила еще два часа, и все спрашивала, где Юра и где ее глаза (один глаз был у нее вырван взрывом). Иван и Юрий находились в других комнатах и не пострадали.

Оглушительный грохот, огненная вспышка, выбившая оконные рамы, клубы дыма, повалившие из квартиры, — все

¹ И. Грайс ведала домашним хозяйством семейства Солоневичей с сентября 1936 г. Ей полностью доверяли. В ходе допросов в криминальной полиции, экономка сообщила, что, по ее наблюдениям, «хозяйева опасались покушения и всегда принимали меры предосторожности».

это вызвало панику у жителей близлежащих домов. Многие стали звонить в полицию. Полицейский наряд прибыл на место происшествия через 5—6 минут. В разрушенной комнате громоздились обломки мебели, куски кирпичей, обвалившаяся со стен штукатурка. Двери были выбиты из косяков и искорежены. Сила взрыва была такой, что ножницы, которые держал Михайлов, вонзились в стену. Иван и Юрий застыли над руинами, забрызганными кровью, в состоянии шока. Тамара агонизировала. На «скорой помощи» ее повезли в Александровскую больницу, но по дороге она скончалась. Останки тела Михайлова полицейские агенты собирали в ящик письменного стола.

На место взрыва прибыли все, кому было положено по службе: пожарная команда, полицейский комендант, начальник уголовной полиции, начальник политического отдела Дирекции полиции и его подчиненные, включая Браунера. Начальником пожарной команды оказался русский эмигрант Г.П. Захарчук, подписчик «Голоса России» с самого первого номера. Услышав фамилию хозяина квартиры, он только и сумел сказать: «Удивительно, что бомбу не подбросили раньше».

На следующий день болгарские газеты опубликовали сообщение о том, что для определения вида взрывчатого вещества власти создали специальную комиссию, которой были переданы для анализа куски бумаги, картона и целлулоида, извлеченные из тел погибших. В комиссию вошли инженер-химик полковник Костов, пиротехник Гочев и инженер-химик Дирекции полиции Станю Ненов. По их мнению, взрывчатка находилась в картонной коробке коричневого цвета, найденные фрагменты целлулоида являлась частью абажура электрической лампы. Механизм бомбы сработал, когда Михайлов стал снимать картонную упаковку с «посылки». Эксперты так и не смогли установить, каким именно взрывчатым веществом была снаряжена бомба, отметив, что по силе поражения оно превышало самый эффективный из существующих материалов этого рода — тротил. На обрывках розовой оберточной бумаги обнаружили несколько болгарских слов, из чего сделали заключение, что упаковка адской машины была произведена в Софии.

Предположение о том, что бомба поступила по почтовому каналу, было категорически опровергнуто полицией. Никаких

посылок с книгами в адрес Солоневича и его домашних за последние дни почта не регистрировала. Следователи обратили внимание на то, что организаторы взрыва хорошо знали рабочий распорядок членов семьи Солоневичей, вручив бомбу в 9.30 утра. В это время Иван Лукьянович обычно находился за письменным столом. «Но судьба захотела спасти жизнь Ивана Солоневича, — отметил автор криминальной хроники газеты «Утро». — В день покушения он и после 10 часов утра был в кровати, потому что накануне вечером у его сына была гостя. В разговоре с нею Солоневичи провели время до полуночи. Семейство легло спать после часа ночи. Поэтому никто не встал в обычное время, то есть в 8—9 часов».

Много позже Юрий вспоминал:

«Когда эта штука (бомба) бахнула, то выворотила все, все внутренние перегородки, выбила все двери, окна. У нас была одна большая комната, вокруг нее 4 или 5 мелких, и был коридор длиной метров в 20, который вел к баькиной спальне. Бомбу принесли рано утром. Немка-кухарка открыла дверь и приняла этот пакет, мол, книги для господина Солоневича. Она поставила пакет на большой стол, стоявший посередине главной комнаты... Я спал в соседней комнате. Большая стеклянная дверь вся вылетела на меня. Как раз перед взрывом я проснулся и натянул одеяло на себя. Когда все это уже прошло, я пошел посмотреть на свою кровать и увидел, что вокруг моей подушки все было утыкано разбитым стеклом. Повезло... Батяка был в своей спальне, далеко, так что до него ничего не дошло. Кольку Михайлова разорвало на такие клочки, что и хоронить нечего было»¹.

В превентивных целях полиция арестовала несколько «подозрительных» лиц на предмет выяснения участия в подготовке взрыва, среди них — членов РОВСа Барабанова, Маркова, Тренько и других, которые ранее уже пытались убить издателя «Голоса России». От жителей района была получена информация о неизвестном мужчине в пальто темно-серого или коричневого цвета, который в течение недели до взрыва, регулярно «прогуливался» по бульвару в утренние и послеобеденные часы. Многие решили, что этот «молодой человек, имеет «симпатию» в каком-либо из ближайших домов».

¹ Из интервью Ю. Солоневича, данного А. Раевскому: «Вспоминая батьку» // «Наша страна», № 2153, 9.11.91.

Человека, принесшего бомбу и говорившего по-болгарски с еле заметным русским акцентом, так и не нашли. «Приватно» болгарская полиция утверждала, что взрывное устройство «послали» из советского полпредства, но представить убедительных доказательств этого так и не смогла.

Газета «Новая Камбана», проанализировав «по горячим следам», обстоятельства взрыва на квартире Солоневичей, предположила, что бомба была «направленного действия», поскольку разбросала осколки в горизонтальном направлении, в радиусе трех-четырёх метров. Цель такого взрыва — уничтожение всех находящихся поблизости. Объектом покушения был, без всякого сомнения, Иван Солоневич, который во время допроса показал, что ему не раз угрожали убийством, если он не откажется от своей деятельности. В газете «Новая Камбана» подчеркивалось, что доктор Солоневич не смог «указать на конкретных подозреваемых лиц».

Газета «Зора» (5.02.1938) воспроизвела показания свидетеля Мефодия Фотева, который проходил рядом с домом Солоневичей утром 3 февраля. Сразу же после взрыва он увидел неизвестного мужчину в серо-коричневой шубе, который крикнул ему на болгарском языке «беги!» и исчез в одном из соседних переулков. Фотев не обратил тогда особого внимания на этого человека, так как спешил оказать помощь раненым. Показания Грайс и Фотева в отношении неизвестного во многом совпали, хотя полиция не смогла определить, имел ли «человек в шубе» какое-либо отношение к «атентату». Возможно, он хотел побудить Фотева бежать с места покушения, чтобы отвлечь внимание от себя.

Газета сообщила также о том, что Николай Михайлов предчувствовал свою участь. Накануне покушения Николай и Юрий обедали в ресторане. Хозяин и официанты обратили внимание на плохое настроение Михайлова. Он отказался от еды. Когда его спросили о причине, Николай ответил неопределенно: «Меня что-то мучит». По мнению автора статьи, Михайлов «допускал, что угрозы против доктора Солоневича могут быть опасны и для него».

Полиция обыскивала квартиру-редакцию несколько раз. Были изъяты архивы и переписка. При осмотрах обнаружили крупные суммы в иностранной валюте — доллары, немец-

кие марки, франки. По сообщениям газет «Новая Камбана» и «Утро», Иван Солоневич получал деньги со всего света: абонемент за газету, от продажи книг, добровольных пожертвований. Ссылаясь на «друзей семьи», газеты утверждали, что часть денег была «припрятана» Тамарой на черный день. Она якобы часто говорила мужу: «Тебя могут убить, а я должна обеспечить какими-либо средствами будущее нашего Юры». Изъятая валюта была передана Болгарскому народному банку¹.

С филателистической коллекцией Солоневичей (некоторые подписчики «Голоса России» расплачивались почтовыми марками) полиция поступила проще, без формальностей. Альбомы с марками, многие из которых представляли значительную ценность, просто «пропали».

Борис дозвонился до брата из Брюсселя 4 февраля, чтобы убедиться в достоверности сообщений о террористическом акте. В тот же день он направил Ивану и Юрию телеграмму с соболезнованиями. На похороны не приехал.

Газета «Зора» от 5 февраля со ссылкой на источники в полиции отметила, что «агенты не заметили никакого внешнего проявления скорби, никаких слез у Ивана Солоневича. Даже больше: через некоторое время после взрыва Солоневич бродил по комнатам и тихо насвистывал, увлеченный своими мыслями». Подобное, «не соответствующее тяжести момента», поведение Ивана позже интерпретировалось его врагами как косвенное доказательство «самопокушения». Поэтому, мол, и «насвистывал», — все удалось! То, что Иван переживал тяжелейший шок от гибели жены, что она стала жертвой бомбы, предназначенной для него, журналистами почему-то не принималось во внимание.

Другая газета — «Утро» — в тот же день опубликовала пространное интервью с Иваном, в котором он рассказал о практических результатах «семейной» антисоветской работы, давая понять, что именно это привело к бомбовой атаке со стороны Советов:

«Прочитанные доклады: в Финляндии — 9, Болгарии — 12, Югославии — 10, Швейцарии — 6, Франции — 15, Бельгии — 11, Австрии — 4.

¹ Публикации соответственно от 4.02.1938 и 5.02.1938.

Нами опубликованы следующие книги:

Мои: «Россия в концлагере» — в двух русских изданиях, 4 — немецких, 1 — польском, 1 — хорватском, американском, английском, 3 — чешских, 1 — голландском. Эта книга переводится на сербский, испанский, французский, итальянский, шведский, норвежский, датский и японский языки; «Памир» — два русских издания. Переводится на немецкий, английский, польский, шведский и французские языки.

Борис Солоневич: «Молодежь и ГПУ» — два русских издания. Переводится на немецкий, французский и английский языки. Тамара Солоневич: «Записки советской переводчицы» — два русских издания, 2 — немецких, 1 — польское. Переводится на французский и английский языки.

Мы издали с пропагандистской целью на болгарском языке 4 брошюры: «В колхозе», «День врача в концлагере», «Товарищ Ягода», «Тайна Соловецкого монастыря».

С 20 июня 1936 года мы издаем газету «Голос России», которая имеет 7—8 тысяч экземпляров тиража. Газета распространяется в 52 государствах, главным образом во Франции и Америке.

Мы будем до конца продолжать нашу борьбу против большевизма, так как считаем, что большевизм — огромное зло и величайшая опасность для человеческой культуры и человеческой жизни».

После взрыва в редакции «Голоса России» «внутренняя линия» в Софии стала распространять слухи о том, что в советском полпредстве действует «балканский центр» по изготовлению бомб. Цель была очевидной: спровоцировать разрыв дипломатических отношений.

Чтобы раскрыть «сеть советских агентов», привлеченных к организации взрыва, контрразведка РОВСа и Русский отдел Общественной безопасности Болгарии усилили наблюдение за полпредством. В число подозреваемых попал издатель литературно-исторического журнала «Вольный Дон» Павел Назарьевич Кудинов. Его имя тогда знали многие. В марте 1919 года Кудинов возглавил Верхнедонское восстание, потом воевал в Добровольческой армии, в 1920 году был вынужден эмигрировать и осел в Болгарии. Из-за хлопот по отправке имущества умершего казака семье на Дон Кудинову пришлось общаться с советским «дипломатом» Яковлевым.

Агенты Фосса зафиксировали визиты Кудинова в полпредство в ноябре 1937 года. За ним организовали слежку и выяснили, что издатель «Вольного Дона» несколько раз встретился с Яковлевым в «неофициальной трактирной обстановке», что было истолковано Фоссом как «явный признак предательской работы на Советы». К тому же в своем журнале Кудинов стал резче осуждать западные державы за подготовку «вооруженной экспансии» против России, называл Белое движение «панской чумой, напастью на людей», выступал «вразрез» антисоветским установкам РОВСа. Летом 1938 года Кудинов был арестован. Допрашивал его начальник Русского отдела тайной полиции Браунер:

«Павел Назарьевич, вы не отрицаете того, что встречались с секретарем Советской делегации?»

«А я думаю, что она же и русская»...

«Вот уж в этом я с Вами не согласен, не русская она, а подлая, всем миром презренная, большевицкая»...

«Партии всякий раз могут срывать друг другу головы, менять роли, но Россия остается Россией»...

Ответы Кудинова Браунер назвал «дерзкими и необидительными». По его представлению в августе 1938 года «просоветски настроенного казака» выслали вначале «в ссылку» в провинцию, а в 1939 году выдворили в Румынию, обвинив в деятельности по разложению русской эмиграции и в шпионаже в пользу СССР¹.

Отпевание погибших прошло в церкви Святой Софии. Почти вся русская колония и немало сочувствующих болгар проводили в последний путь Тамару Солоневич и Николая Михайлова. Впереди траурной процессии несли венки, перевитые лентами национального русского «триколора», и вслед за ними — над многотысячной толпой, — в сильных руках студентов-спортсменов, — плыли гробы. Вдоль маршру-

¹ Подробно о Кудинове П.Н. см.: *Разогреева Л.П.* Не милости хочу, а справедливости. Интернет-версия журнала «Слово», № 4, 2003. После Второй мировой войны Кудинов был выдан болгарским правительством Советскому Союзу и осужден «как бандитский главарь» Верхнедонского восстания на 10 лет. Освобожден в 1956 г., после чего вернулся к семье в Болгарию.

та бесконечного человеческого потока были расставлены усиленные наряды полиции. Власти опасались новых покушений «бомбистов».

После того как гроб Тамары был опущен в могилу, Иван обнял сына, и в наступившей пронзительной тишине произнес вполголоса:

«Юрий, теперь борьба до конца...»

Слова предназначались только сыну, но были услышаны многими.

Никаких речей не произносилось. В отчетах о похоронах столичные газеты единодушно отметили: «Общее мнение эмиграции и болгарской общественности: покушение — дело рук здешней легации Советов».

Трагедия в Софии вызвала поток солидарных писем-посланий со всего Русского Зарубежья. В числе первых откликнулся Михаил Спасовский (Гротт). Он узнал о гибели Тамары из 6-го номера «Нового Слова». Спасовский писал, обращаясь к Ивану Солоневичу:

«На Ваши плечи легла холодная рука смертельных испытаний во имя счастья той Белой, той нашей царственной России, которой Вы так преданно и жертвенно служите... Несомненно, покушения на Вас будут продолжаться, поэтому необходимо создать вокруг Вас крепкую организацию бдительной охраны из верных и смелых людей. Пора нам всем перейти на военное положение, — ведь лучших из нашей семьи уничтожают, как куропаток, — по выбору и безнаказанно!».

Соболезнования прислали многочисленные русские организации, эмигрантские деятели культуры и искусства. Среди них — И.А. Бунин, который написал: «Дорогие Солоневичи! Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свои чувства, но надеюсь, что Вы поймете их и без слов. Да сохранит Вас Бог. Ваш Ив. Бунин»...

Первый обзор «откликов» на взрыв в Софии поступил на Лубянку из резидентуры НКВД в Финляндии. Агент Лидер (Петриченко) передал своему оперативному куратору письмо генерала Добровольского в Софию, в котором тот просил обсудить вопрос о взрыве на собрании активной части белой эмиграции и сообщить ему мнение этой группы. Добровольский поделился своими версиями покушения:

«По делу взрыва здесь существует 4 оценки:

Солоневичи — действительные и опасные враги СССР. За их активную работу против СССР ГПУ решило покончить с ними при помощи болгарских коммунистов. Эту версию поддерживают генерал Альфтан, его помощник Киселев и группа НТСНП во главе с Веригиным.

Солоневичи прибыли сюда как агенты ГПУ для разложения белой эмиграции, но, увлекшись антибольшевистской работой, изменили ГПУ и начали вести действительную антибольшевистскую работу. Таким образом — адская машина — это месть со стороны большевиков. Эту версию поддерживают генералы Добровольский и его группа (Петриченко, Щепанские, Бастамовы, Батуев и другие).

Адская машина — это дело рук русских фашистов, считающих братьев Солоневич агентами ГПУ, разлагающими движение белой эмиграции. Эта версия имеет здесь мало сторонников.

Солоневичи были и до сих пор являются агентами ГПУ. А так как в последнее время они пользуются меньшим доверием, ГПУ решило поднять их авторитет среди эмиграции путем взрыва, сделав их «мучениками большевистской мести». Сторонники ее рассуждают так: решили пожертвовать Тамарой, которая вовсе не является женой Солоневича. Отсутствие Солоневича с сыном в комнате во время взрыва — не случайное дело, а специально рассчитанное.

Сторонники этой версии подкрепляют свои доводы еще и тем, что у Ивана Солоневича не чувствуется серьезных переживаний в связи со смертью Тамары. Наоборот, он артистически бравировал этим делом, стараясь нажить капитал. Кроме того, некоторые удивлены молчанием со стороны Бориса Солоневича, проживающего в Бельгии. Эта версия также имеет мало сторонников».

По оценке резидентуры в Гельсингфорсе, «неудавшийся взрыв адской машины в квартире Солоневичей внес еще большую путаницу в оценку деятельности семьи Солоневичей». Клесмет «завизировал» сообщение 8 февраля 1938 года без каких-либо пометок. Операция-то, по большому счету, провалилась. Иван Солоневич выжил...

На Лубянке о проведенной в Софии «специальной операции» знал ограниченный круг сотрудников: руководство и прямые исполнители. На текущие запросы в 7-й отдел ГУГБ по факту покушения составлялись предельно «нейтральные» ответы такого характера:

«Помощнику начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД
майору госбезопасности тов. Чопяк:
На Ваш № от 9.03.38

По имеющимся у нас данным, 3-го февраля с.г. в 11 часов 30 минут на квартире Ивана Солоневича произошел сильный взрыв. Убита Тамара Солоневич и его секретарь — Михайлов, Юрий Солоневич контужен. Иван Солоневич, находившийся во время взрыва в другой комнате, не пострадал. Произведенным болгарской полицией следствием — причина взрыва не установлена.

Зам. начальника 7-го отдела майор *Шпигельглас*.
Начальник VI сектора *Клесмет*».

Известный в эмиграции генерал М.Ф. Скородумов, будущий создатель Первого русского корпуса в годы Второй мировой войны, после взрыва в редакции «Голоса России» опубликовал в газете «Партизан» (орган «Народного ополчения») письмо, пронизанное чувством недоверия к Ивану Солоневичу:

«Лично я никому из приехавших от большевиков до их тщательной проверки не верю и не считаю их своими. Кто может доказать, что Солоневич в продолжение 20 лет не служил большевикам не за страх, а за совесть? Кто может доказать, что он бежал из Совдепии, а не командирован с особым секретным назначением за границу? Кто может доказать, что Солоневич родился в сорочке и что из одиннадцати миллионов заключенных на Соловках только он оказался сверхчестливым и бежал, да еще с целой семьей? Кто может доказать, что Солоневич наш, а не их, и, наконец, кто может доказать, что Солоневичам бросили бомбу большевики? А что, если в 1941 году откроется, что никакой бомбы большевики Солоневичам не присылали?... Может быть, отвлекли внимание толпы травлей большевиков из редакции, — в подвале их

же редакции выполняли возложенную на них секретную задачу? И что принесенная из подвала в редакцию бомба — не вовремя взорвалась?... Кто может доказать, что такой случай не возможен?... Кто может доказать, что в редакции распаковывали, а не запаковывали эту бомбу? Кто может доказать, что это не Божий перст возмездия?».

Письмо Скородумова вызвало немедленную реакцию полковника П.Д. Михайлова, отца Николая, погибшего секретаря редакции «Голоса России:

«Прежде чем писать о ком-нибудь и что-нибудь, надо подумать и знать, про кого и что пишете. Вы позволили себе написать следующее в статье «Бомба Солоневичей»: «Кто может доказать, что в редакции распаковывали, а не запаковывали эту бомбу?» Но вы не знаете, что пакет с бомбой распаковывали, а не «запаковывали», как вы мерзко и преступно высказали предположение. Мой сын, мой единственный, любимый сын, воспитанный мной в беспредельной и НЕПОДКУПНОЙ любви к России, любивший Ее со всем пылом юношеской натуры, — не чета вам всем, погрязшим в суетностях властолюбия... Вы дерзнули оскорбить память того, кто всей душой был предан России и, не зная Ее, любил во много раз сильнее и бескорыстнее, чем многие из вас, мнящие себя вождями и вершителями судеб возрождающейся Родины»¹.

Генерал Добровольский подвел «итоги» взрыва бомбы в Софии, связав его с внешне- и внутривосточной ситуацией в Совдепии:

«Мне кажется, что приближаются решительные сроки. Сталин явно потерял голову, что видно из поведения большевиков в связи с бегством Бутенко из Румынии от агентов ГПУ и объявления Литвинова о том, что Бутенко — подставное лицо. Еще хуже для большевиков — последний процесс в Москве (Бухарин, Рыков, Крестинский и др.). Чего стоит обвинение Бухарина в желании уничтожить Ленина, Сталина и Свердлова за Брестский мир? Ведь после этого Бухарин был официальным идеологом партии, по его «Азбуке коммунизма» обучали... Рыков в течение 10 лет был главой Совнаркома, т.е. премьер-министром.

¹ «Голос России», № 109, 26.07.38.

Сейчас их и других министров и посланников обвинительный акт рисует как изменников, агентов немцев и одновременно англичан... Разве это не настоящее безумие и сумасшедший дом? Из этого дома бегут полпреды, улетают летчики, от этого дома шарахается в сторону Европа, сговариваясь между собой. Для нас, для России все это может закончиться грандиозной катастрофой, если внутри или вне ее не найдутся силы, способные предотвратить этот распад... ГПУ решило перейти в наступление, и результаты Вам известны. Похищением генерала Миллера в связи со Скоблиным скомпрометировали РОВС. Натравили РОВС и НТСНП друг на друга. Следующий эпизод — бомба в редакции Солоневичей. Тут двойной и ловкий удар.

Солоневичи за что-то уничтожаются... Взятая ими политическая линия укрепляется. РОВС и НТСНП посрамлены, а Солоневичи возвеличены. Теперь это герои, и правильность их штабс-капитанской программы и тактики подкреплена большой бомбой. Мог погибнуть Иван, но тут дело не так в «вожде» (какие они там «вожди», вы знаете), а в этом вредном для нас и полезном для врага движении вспять, к прошлому, с претензией на власть, против чего так правильно протестовал генерал Деникин в своем выступлении: «Не править идем, а служить России». За это Иван Солоневич облаял его в «Голосе России», внушая штабс-капитанам, что именно они идут править...

Нет, ГПУ — положительно талантливо — и ведет свою работу на «ять». Ведь подумайте только, какой теперь прилив чувств к Солоневичам... «Вождь» (Иван) к тому же уцелел, да в резерве еще остался «доктор Боб». Тамару Владимировну Солоневич мне очень жаль: она была симпатичнее их всех...

В № 86 редакция заявила, что после разгрома осталась без средств, в чем мать родила. О 70 тысячах франков, найденных после взрыва, ни слова, и все об этом сразу забыли. Там же довольно хитро проводится мысль: мы взорваны не за книги, а за газеты (поддерживай!). И замечателен финал: «Нас подозревали, не агенты ли, и правильно делали, но вот теперь после бомбы ясно, кто мы»¹.

¹ Письмо Добровольского — С.М. Петриченко от 8.03.1938. Ознакомились с его содержанием Ежов, Фриновский, Минаев.

В частных беседах и письмах враждебные выпады в адрес «семейки Солоневичей» допускал И.А. Ильин, которого уже в те времена нередко называли «честью и совестью» русской эмиграции.

В прошлом Ильин не раз собирался подвергнуть критике «эксгибиционистов» Солоневичей, но после взрыва в редакции «Голоса России» отложил это намерение. В архиве Ильина сохранился набросок¹, по которому видно, в каком именно ключе планировалось это критическое выступление:

«Безбожные, а потому глубоко пошлые люди. Пролганные, циничные, советские ловчи́лы. Ni foi, ni loi². Пустые души, в которых есть только личная злоба и жажда мести по отн(ошению) к коммунистам. И эту личную злобу они театрально разыгрывают как пламенный патриотизм, делая себе на этом эмигрантскую карьеру среди демагогирующих штабс-капитанов. Приехали демократами-республиканцами — и к Милюкову; не пристроились — объявили себя, держа нос по ветру, монархистами, чтобы писать о Вел. кн. Кирилле такие вещи и таким тоном, от которого порядочному немонархисту стыдно становится.

Если бы коммунисты не посадили их в концлагерь — то они все и сейчас ловчились бы там, предавая Россию ради собственного устройства, разыгрывая свою советскую карьеру по «спортивным» организациям и по «интуристам».

Это люди, растлившие себя в советской службе...

Убийство госпожи Сол(оневич) производит впечатление ужасной и грязной истории, случившейся с отвратными людьми: сатана черта растерзал, злодеи живого лемура переехали, волка поезд раздавил. И все, что они делают, — насыщено самовлюбленностью, пьяною рисовкою, каким-то нескрываемым бесстыдством, эксгибиционизмом.

В наше слепое время люди думают: все, что против коммунистов, — все хорошо. Но вот поднимается черное на красное, растление справа на растление слева — и мы опять будем задыхаться».

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935—1946). М.: Русская книга, 2000. С. 554.

² Ни стыда, ни совести (фр.).

Несмотря на предельную безжалостность оценок (ни одного слова «в пользу» братьев!), Ильин пришел к весьма неожиданным выводам: «А говорить об этом сейчас публично — не следует — Солоневичи пока «полезны».

В этом «прагматизме» Ильин, хотелось бы отметить, мало чем отличался от различных «фракций» Русского Зарубежья — от НТСНП до «внутренней линии» РОВСа, которые в разное время хотели «использовать» Солоневичей. Но упрямые «ловчилы» шли своим собственным путем, не подчиняясь и не подпевая никому (отсюда и ярлык — «себе на уме»). Подчеркнутая самостоятельность братьев вызывала широкую гамму негативных чувств у верхушки эмиграции: от раздражения и слепой подозрительности до ненависти и откровенной враждебности.

Вот еще одно подобное свидетельство. Кандауров, руководитель фашистов в Болгарии, так написал об Иване в штаб-квартиру своей партии в Харбин (13 февраля):

«Относительно Солоневичей. Иван мне говорил перед моим отъездом в Бухарест, что он получил письмо от нашего главы. Я не успел познакомиться с его содержанием, но хочу предупредить вас, что надо быть с этими типами очень осторожными. Если до вас дошли все номера их газеты, то вы могли прочесть в одном из них сообщение о том, что «в Софии существуют две группы фашистов и одна собирается бить другую». Это было явно провокационное сообщение, я говорил с Иваном, и он был вынужден признаться в своей неправоте и неосмотрительности. Но обещания поместить опровержение не исполнил, стараясь вывернуться».

Я их очень хорошо узнал и близко с ними познакомился. Сейчас я вполне убежден, что они талантливые и умные провокаторы. В чью они работают пользу, — на большевиков или на собственный карман, — я не могу сказать, т.к. первое обвинение довольно сильно. Но одно верно, — они используют все возможности для того, чтобы развернуть свое газетное дело, не интересуясь особенно правдивостью своих сообщений, нисколько не беспокоясь о том, может ли их сообщение нанести вред национальному делу. В Париже здоровые национальные круги кроют их последними словами за политическое жонглерство.

Все это я пишу вам с просьбой передать Константину Владимировичу, что надо быть очень осторожными в переписке с ними, если таковая вообще нужна. С ними все равно каши не сварить, они никогда не воспримут нашу линию работы. Их дело — национальное словоблудие, — т.к. до сих пор ни одного своего слова, даже в самой маленькой своей части, они не претворили в дело. Кроме того, никогда нельзя быть уверенным, что ваше письмо не будет опубликовано. Я бы посоветовал К. В. не переписываться с ними лично, а поручить это кому-либо из секретариата по поручению главы. Не стоит имени К.В. попадать в какую-либо грязную комбинацию. Никто не знает, что могут выкинуть Солоневичи».

«Пожелание» это было передано Родзаевскому, которое вместе с другими отзывами подобного рода охлаждало стремление «главы» к сотрудничеству с издателем «Голоса России»...

После покушения на Солоневича полпред Раскольников и его жена решили стать невозвращенцами. Известия о политических репрессиях в Советском Союзе, серия террористических актов, прокатившихся по странам Европы в отношении изменников и «врагов Сталина», и, конечно, ощущение нависшей над ними опасности (люди Яковлева следили за каждым их шагом) побудило их к побегу. Раскольников направил в Наркоминдел телеграмму об отъезде в Москву. Он и его жена простились на вокзале с провожавшим их коллективом полпредства и «отбыли» на родину. До границы они не доехали. На одной из станций Раскольниковы покинули поезд и отправились в прямо противоположном направлении, надеясь просить убежище во Франции.

У «контрразведки» РОВСа первые серьезные подозрения о «чекизме» Николая Абрамова появились в начале 1937 года. Под различными предлогами его постепенно отстранили от «настоящей работы». За ним было установлено наблюдение и «внутренней линии», и болгарской полиции. Подозрений становилось все больше, но поймать его с поличным не удалось.

Абрамов-старший догадывался, что сын каким-то образом причастен к взрыву в квартире Солоневичей. Генерал сомнениями не делился ни с кем, свои переживания держал в тайне.

«Внутренняя линия» доложила генералу материалы по делу Николая летом 1938 года. Состоялся серьезный разговор отца и сына. Федор Федорович пытался добиться признания, но Николай на все уговоры и требования отвечал категорически: «Я ни в чем не виноват!» Тем не менее генерал, памятуя о категорических выводах «внутренней линии», — предательство! — был вынужден принять волевое решение. Он приказал сыну покинуть пределы Болгарии.

Об этом факте «проникновения НКВД» в ряды РОВСа было сообщено, «циркулярно и доверительно», в региональные отделы. Правда, сделано это было с большой задержкой — только в середине февраля 1939 года. Генерал А. П. Архангельский¹, направивший письмо в региональные отделы, объяснил задержку требованиями полиции, которая вела расследование дела. Генерал сообщал:

«Николай Абрамов уехал в начале прошлого года уже по настоянию полиции и как нежелательный иностранец. В настоящее время он вместе с женой находится в Париже. Генерал Абрамов, собрав 7 февраля старших начальников, находящихся в Софии, «отбросил личное и, руководствуясь пользой дела», рассказал все, что он знает по этому тяжелому для него делу.

К особо секретным делам РОВСоюза Николай А. никогда не имел доступа, отец с ним этими делами не делился, а со времени женитьбы сына и жил с ним на разных квартирах.

¹ Архангельский Алексей Петрович (1872—1959) — генерал-лейтенант, новый председатель РОВСа (после похищения Миллера и отказа Ф. Ф. Абрамова возглавить Союз). Архангельский — участник Первой мировой войны (на штабных должностях). После Октябрьской революции некоторое время служил у большевиков: занимался, в частности, привлечением «военспецов» в ряды РККА. Одновременно поддерживал связь с подпольным Национальным центром, содействуя тайной отправке офицеров в Добровольческую армию. В начале 1918 г. перешел к белым. Был подвергнут военно-полевому суду за службу у большевиков и оправдан. С конца 1920 г. в эмиграции. С 1927 г. жил в Бельгии, много лет работал служащим транспортной фирмы. В годы Второй мировой войны последовательно защищал интересы русских военных эмигрантов перед оккупационными властями. После освобождения Бельгии союзниками советское правительство требовало его выдачи, но безуспешно. Являлся председателем РОВСа до января 1957 г.

Отношения отца с сыном были холодные, что наблюдалось всеми. Привлечение Николая А. к разведывательной работе сопровождалось колебаниями отца, который уступил сыну, боясь упреков в том, что «оберегает сына от опасной работы, на которую идут другие». Несомненно, что Николай А. узнал технику работы в известной ограниченной области».

«Дело Николая Абрамова» стало достоянием широкого круга эмигрантов, узнал о нем и Солоневич. Его мнение о «покровительстве» высших чинов РОВСа агентам Лубянки получило очередное подтверждение, о чем он заявил на страницах своей газеты.

В мае 1950 года Иван Солоневич, будучи уже в Аргентине, писал: «После взрыва в редакции «Голоса России» был еще один скандал: сын и помощник генерала Абрамова, кандидата на пост главы РОВСа и командира «второго корпуса», Николай Абрамов оказался советским провокатором. И когда он был разоблачен полицией, то ген. Абрамов устроил то, что немцы называют Affentheater — обезьяний театр, — в присутствии «чинов РОВСа» предложил Николаю Абрамову восстановить «честь офицерского мундира» путем самоубийства и даже любезно предложил провокатору свой револьвер. К револьверу, к чести и к офицерскому мундиру Николай Абрамов, естественно, не проявил решительно никакого интереса. И поэтому, вместо револьвера, ему в два дня был устроен заграничный паспорт и виза в Париж, а также были приняты все меры к тому, чтобы в Париже Николай Абрамов появился в совершенно незапятнанном виде»¹.

После покушения Иван словно оказался в вакууме. Ему и сыну выражали соболезнования, высказывали сочувственные слова, но потом соблюдали дистанцию, как будто общение с ними грозило новыми взрывами, кровью и увечьями. Вновь помог Борис Калинин, узнавший, что после «атентата» Солоневичи остались под открытым небом: квартира их была полностью разрушена, и никто не осмеливался дать им приют. Калинин пригласил их к себе на улицу Венелин, дом 11. К ним был приставлен полицейский, который не оставлял Солоневичей без присмотра.

¹ Солоневич И.Л. Зловещая тень // «Наша страна», № 44, 13.05.50.

Через несколько дней после взрыва у Калининкова побывал агент Старик. Он написал в отчете о визите:

«За ужином были: Солоневичи, Калининков, его жена Екатерина Александровна, сестра Екатерины — Анна и сын ее Александр (Фелицыны), жена доктора Сметанина (приятеля Ивана) с дочерью Ольгой, гимназисткой лет 17-ти, печатники «Голоса России» — Левашов и Михаил Михайлович Карпов.

Дверь квартиры отворила Анна Александровна Фелицына. Все названные ужинали, запивая водкой. Стол был накрыт в комнате Калининкова. Порция от всех яств уносилась в комнату Ивана Солоневича для угощения приставленного к нему охранника.

Иван Лукьянович сидел, как мрачный демон, и производил впечатление ненормального или страшно пьяного. По его словам, он абсолютно лишился аппетита. Ел он только по принуждению хозяйки.

Очень много говорили о положении в Советском Союзе, судебных процессах над партийными руководителями. На чей-то вопрос: «Неужели Бухарин и компания действительно признаются в таких преступлениях?» — Иван Солоневич ответил: «Я не сомневаюсь, что их пытали, а больше всего, что их отравляли ослабляющими силу воли ядами. Я сам с братом Борисом и Юрой испытал действие этого яда в ГПУ, когда нам паяли связь с немцами и шпионаж в их пользу. Физиологические признаки этого неизвестного нам яда таковы: апатия, невероятная потеря силы воли, полная физическая слабость, даже «недержание», которое при скудном питании меня гоняло 8—10 раз в ночь в уборную. Но процесс Бухарина — начало конца советчины».

По словам Левашова, после взрыва тираж «Голоса России» вырос с 8 до 10 тысяч экземпляров. Болгарский Синод (по предложению митрополита Стефана) собирается издать книгу «Россия в концлагере».

Дальнейшее пребывание в Болгарии грозило Солоневичам новыми бедами. Полиция не исключала повторения покушений. Висело на волоске издание «Голоса России» — постоянного источника неприятностей для болгарских властей. В кризисных условиях очень помог Левашов, взявший все заботы по газете на себя.

Единственной страной, проявившей интерес к судьбе Солоневичей, была Германия. Консульство с готовностью отозвалось на обращение к ним по поводу виз. Гибель Тамары словно сняла с Солоневичей все прежние подозрения в «связях с НКВД». Иван и Юрий решили, что лучшего варианта им не найти: в рейхе положен конец коммунистическому разгулу и безнаказанности. Оттуда можно будет руководить газетой. Левашов доказал, что человек он ответственный и надежный, не подведет. Там можно будет продолжить — решительно и бескомпромиссно — борьбу с большевизмом, как он обещал над телом Тамары...

Отец и сын вылетели в Германию 19 марта. Их отъезд был обставлен повышенными мерами безопасности, о нем знали только два-три лица из близкого окружения. Для резидента Максима их бегство из Болгарии не осталось незамеченным. В тот же день он сообщил в Москву о содействии немецкого посольства «эвакуации «спортсменов». Лишь некоторое время спустя в 91-м номере «Голоса России» появилось короткое сообщение о том, что Солоневичи находятся в немецком санатории. Конкретное место, разумеется, указано не было.

После тщательного обследования врачи предупредили Ивана: «Вы на грани серьезного нервного срыва». В соответствии с диагнозом заставили его пунктуально выполнять лечебно-профилактические процедуры: прием лекарств, ежедневные спортивно-физические нагрузки, массаж, моционы по живописным дорожкам.

Вместо нансеновских документов отец и сын получили, по выражению Ивана, «фальшивые немецкие паспорта». Сотрудники службы безопасности рейха настаивали на сохранении Солоневичами полной анонимности их нахождения в санатории, требовали ведения переписки только через специально прикрепленного агента-охранника. Немцы, как и болгары, считали, что покушение на них может повториться.

Под «крышей» Третьего рейха

Первые недели в Германии, проведенные в санатории в окрестностях баварского города Обинга, прошли для Ивана как в тумане. Психологическая травма рокового 3 февраля за-

живала с трудом. Вспоминал он о тогдашних своих ощущениях с неизменной болью:

«В Германию, весной 1938 года я приехал не при совсем обычных обстоятельствах: зловещие люди убили мою жену, сын был слегка ранен, я не находился в полном равновесии. И сейчас, восемь лет спустя, в памяти встает разорванное тело любимой жены и ее раздробленные пальчики, вечно работавшие — всю ее жизнь. Болгарская полиция откровенно сказала мне, что бомба пришла из советского полпредства, что она, полиция, ничего не может сделать ни против виновников этого убийства, ни против организаторов будущего покушения... Нас обоих охраняли наши друзья, да и полиция тоже приняла меры охраны. Против уголовной техники зловещих людей, против их дипломатической неприкосновенности — эта охрана не стоила ни копейки. И вот — виза в Германию, виза в безопасность, виза в убежище от убийц. Нетрудно понять, что никаких предубеждений против антикоммунистической Германии у меня не было»¹.

По русской эмиграции в это время усиленно гуляли слухи, что Солоневич после покушения «сошел с ума». Постаралась вездесущая советская агентура. Цель была очевидна — скомпрометировать дальнейшую публицистическую деятельность писателя. Иван, понимая злонамеренность этих слухов, будучи уже в Берлине, подготовил «опровержение» (31.03.1938) и отправил его в Брюссель редактору журнала «Часовой» В. Орехову. Тот не замедлил с ответом:

«Совершенно доверительно, 3.04.38.

Глубокоуважаемый Иван Лукьянович!

Получил Ваше письмо и благодарю за память. Прежде всего, позвольте мне выразить Вам мое глубокое удовлетворение тем, что Вы находитесь «в здравом уме и твердой памяти». Клеветники усердно распускают слухи, идущие из известного мне центра, о том, что Солоневич «сошел с ума», что газета прекратила свое существование, что Вы решили «передать газету младороссам» и прочие небылицы. К сожалению, часть эмиграции, подверженная панике и сплетням, этому ве-

¹ Солоневич И.Л. Диктатура слоя. С. 43.

рит и бессознательно, иногда с видом благожелательным, повторяет всю эту гнусную стряпню.

Желаю Вам полного выздоровления и, сколько это возможно, оправиться от настигшего Вас тяжелого удара.

Вы правы, что «связь» наша как-то прервалась. Только, отчасти, потому что мне известно, что Вы поддерживаете постоянную переписку с Юрием Львовичем Войцеховским, который не только является моим личным другом, но и крайне ценным сотрудником по общей работе. Я могу подчеркнуть здесь, что и с Сергеем Львовичем Войцеховским меня связывают годы совместных усилий и полное взаимное понимание. Во время нашего последнего свидания с ним мы много говорили о Вас и решили, что С.Л.В. постарается Вас навестить для того, чтобы условиться именно о том, о чем Вы сейчас пишете (об «Общем фронте»). Если Вы пробудете в Германии некоторое время, спишитесь срочно с С.Л.В. Поездка его в Берлин несравненно легче и удобнее, чем в Софию. Наконец, не исключается возможность и моего приезда, хотя это не так важно. Ибо все, что Вам скажет С.Л.В., то думаю и я...

Охотно отвечаю Вам на Ваши вопросы. Сейчас надо кончать всякую полемику на тему о РОВСе. Руководство им досталось глубоко честному и порядочному человеку, далекому от всяких интриг и мерзостей, которыми была полна история РОВСа. Он принял это назначение как тяжкий крест. Вы верно пишете, что он очень немолод. Но, если он даст РОВСу хорошее направление, то организацию можно будет спасти. В данное время Архангельский в Париже и попал в хорошие руки. Ближайшее время покажет его направление. Или действительно честные люди, желающие добро РОВСУ, или... «внутренняя линия», которая, как Вы верно заметили в Вашей передовой, кончена пока только на бумаге. (Вы были правы, говоря, что вся травля, которая в военных кругах велась против Вас, исходила «оттуда». То же сейчас происходит и со мной. На меня выливают ушаты грязи, поместили гнусный выпад в журнале «Армия и Флот», готовят, кажется, атаку в «Галлиполийском Вестнике»).

Мой Вам искренний и дружеский совет: пока ничего не писать о РОВСе и подождать ближайшего времени. Я лично заявил Архангельскому сразу же, что предоставляю себя в полное его распоряжение и готов с ним совершенно лояльно работать. Отношения мои с ним были превосходными.

Не откажитесь сообщить, сколько времени Вы пробудете в Берлине, чтобы я мог сообразоваться с этим. Тогда напишу подробнее.

Еще раз желаю Вам всякого добра и благополучия.

Искренне уважающий Вас *В. Орехов*».

Внешне искренняя тональность письма Орехова имела «подтексты». О них можно судить по посланию редактора «Часового» к С. Л. Войцеховскому, отправленному в тот же день 3 апреля в Варшаву:

«Я получил два дня тому назад письмо от Ивана Солоневича, живущего в Берлине. Все слухи о его «помешательстве» — клевета. Письмо его написано в самом дружеском тоне и желании полного сотрудничества и контакта. Несмотря на то, что я с очень многим из его работы не согласен, и учитывая все, что нам о нем говорили, я все же не считаю возможным прекращать с ним отношения. Если он даже и приносит вред, то только личным общением с ним можно этот вред парализовать.

Поэтому я ответил ему письмом, копия коего при сем прилагается. Письмо это ни к чему не обязывает ни Вас, ни меня. Но при известных обстоятельствах такую встречу я лично признал бы желательной. Если Вы со мной не согласны, то всегда можно сослаться на невозможность приехать и «затормозить на ходу».

Адрес Солоневича, который он сообщил для моего личного сведения:

N.Paramonoff, Haberland Str. 11, Schoneberg Berlin».

Рекомендации Орехова в отношении «перемирия», в крайнем случае, «временного нейтралитета» с РОВСом Солоневич не принял. Реакция Союза не заставила себя ждать.

Из агентурного сообщения Беркута (София, вторая половина 1938 года):

«Раздражение руководства РОВСа в отношении Ивана Солоневича достигло апогея. Примирение невозможно. Редактор журнала «Часовой» В.В. Орехов написал по этому поводу Сергею Войцеховскому:

«Сейчас Солоневич занял совершенно невозможную позицию... Возмущение им повсеместное. Хочется думать, что

это — последствия его тяжелого несчастья. В общем, скажу Вам, что в смысле работы по оздоровлению РОВСа Солоневич талантливо сорвал все мои усилия, а мне пришлось от него отбояриваться, ибо стали думать, что я заодно с ним.

В Софии организовано «Общество друзей «Голоса России». Инициатором называется Н.И. Плавинский, в числе его помощников упоминают Лохматова, Михайлова, Ковалевского. Они уверяют, что газета вскоре вновь выйдет в свет, но это более чем сомнительно. Газета разрешена не будет. В этом направлении сильно старается РОВС через свои связи у болгар»¹.

Покидая Софию, Иван передал издательские и финансовые дела надежному, честному до щепетильности Всеволоду Константиновичу Левашову. В тот сложный для Солоневича период газетой «Голос России» заинтересовались японцы. Они были очень активны в Европе, налаживая связи с эмигрантскими деятелями и организациями антисоветского толка, рассчитывая использовать их в своих интересах в будущей войне. Особенно плотно японские эмиссары работали с «новопоколенцами».

Для проведения зондажа о перспективах привлечения к аналогичной работе «Голоса России» в Софию в июле 1938 года прибыл секретарь дипломатической миссии Японии в Бухаресте Такао.² Назойливое любопытство дипломата раздражало Левашова, но он, следуя телефонным инструкциям Солоневича, ответил на все вопросы японца, делая акцент на том, что финансовые дела газеты процветают и она «не нуждается в субсидиях со стороны».

Советская разведка раздобыла запись бесед Такао с Левашовым. Дотошный японец оказал большую услугу Лубянке, описав до мельчайших подробностей обстоятельства визита и состояние дел в редакции. Судя по всему, «техническая база» газеты впечатления на японца не произвела:

«Издательство «Голоса России» помещается в плохонькой комнатке в 4 квадратных метра на заднем дворе дома № 8 по

¹ Орехов В.В. — Войцеховскому Л.В., 24.07.1938.

² Японский дипломат (и разведчик) Такао подготовил также для своего МИДа справку «Солоневич и его взгляд на СССР» на основе содержания книги «Россия в концлагере» и публикаций в «Голосе России».

улице Веслецы. Никакой вывески нет, и все выглядит как подпольная типография».

Левашов сообщил дипломату, что газета издается тиражом 5 тысяч экземпляров и что наибольшее количество подписчиков находится в Соединенных Штатах:

«Среди русских эмигрантов в Америке есть много интеллигентов, и взгляды, высказываемые Солоневичем, выражают как раз то, что они хотели бы, но не могут высказать. На восток — в Шанхай — отправляется обычно 500 экземпляров, в Японию — 15. В Румынию уходит до 200 экземпляров. Латвия является единственной страной, категорически запрещающей ввоз «Голоса России».

По словам Левашова, в Советский Союз с каждого тиража тайно ввозится 150 экземпляров, которые оказывают необходимый эффект на подневольных граждан:

«Если верить письмам моряков с советских судов и европейцам, побывавшим в России, газета там передается из рук в руки и с нею знакомится большое количество людей».

В ходе бесед Левашов подчеркнул, что «Солоневич своей газетой вносит организующее начало в антисоветское движение белоэмигрантов всего мира. В последнее время, в связи с напряженной обстановкой в Советском Союзе, его влияние на эмиграцию заметно выросло. Число лиц, которых можно считать его единомышленниками, достигает 10—15 тысяч». Призывы Солоневича затрагивают чувства людей, изгнанных с родины, не сумевших найти себе спокойного убежища. К ним не остается равнодушной и та мыслящая часть белоэмигрантов, которая за 20 лет, прошедших после революции, остепенилась, и, казалось бы, почти забыла о существовании родины.

Японец записал слова Левашова о том, что Солоневич считает своей основной задачей — объединительную. Среди тех, кто ему намерен содействовать в этом деле, были названы Русская фашистская партия на Дальнем Востоке и фашистские группы в Европе — генерала Туркула, которая вышла из РОВСа, и Меллер-Закомельского в Германии. Русский национальный союз участников мировой войны, созданный Туркулом, в наибольшей степени разделяет чаяния Солоневича, который как вождь завоевывает все большее доверие к себе¹.

¹ Враги Ивана Солоневича из окружения Туркула настойчиво «обрабатывали» его в 1936—1937 гг., снабжая информацией о том, что «бра-

На ее «руинах» возникла «Наша Газета». Конечно, большая часть материалов для публикации поступала от Ивана. Но и эта газета после советской ноты протеста была прикрыта. Солоневич не сдавался. Следуя его инструкциям, Левашов организовал издание журнала «Родина», который после придинок и «выволочек» Отдела по контролю печати при совете министров Болгарии прекратил существование на 6-м номере. В марте-апреле 1941 года Левашов по настоянию Солоневича пытался наладить выход еще одного журнала. Но Отдел по контролю печати был начеку и наложил на этот проект «вето». Голос публициста Солоневича был заглушен на все 4 года войны и 3 года оккупации Германии союзниками...

Иван называл книгу «Россия в концлагере» своим «вторым паспортом в Германию». Вышла она в мае 1937 года в Эссенском издательстве в двух томах под названием «Потерянные: хроника неизвестных страданий». Текст немецкого издания был «скорректирован» только в одном месте. По просьбе редактора были опущены нелестные слова о фюрере германской нации, которые произнес чекист Чекалин в известной сцене ночного исповедального разговора с писателем: «Этот (т.е. Гитлер. — Н.Н.) — ерунда, этот глубокий провинциал».

В конце июня «Хроника неизвестных страданий» попала в руки рейхсминистра пропаганды доктора Йозефа Геббельса. Книгу прислал ему директор Эссенского издательства. В сопроводительном письме говорилось: «Это — квинтэссенция правды о большевистском режиме, рассказанная одним из тех, кто мог стать его жертвой». Геббельс, считавший себя экспертом по советским делам, книгу прочел с интересом, и в дневнике, в котором фиксировал «для истории» свое видение значимых событий современности, сделал следующую запись:

«Читаю ужасающую книгу о России. «Потерянные» Солоневича. Фюрер тоже заинтересовался ею. Следующий день в жизни (национал-социалистической) партии будет опять посвящен борьбе с большевизмом».

За второй том («Бегство из советского рая») Геббельс взялся в середине октября и не удержался от очередного негодующего комментария:

«Запоем читаю вторую часть «Потерянных» Солоневича. Просто ад на земле творится в России. Стереть его с лица земли. Долой!»

Нацистские бонзы часто упоминали и цитировали книгу Солоневича, характеризуя ее как «поучительное чтение» об ужасах большевизма. Познакомиться с книгой Солоневича рекомендовал каждому немцу Герман Геринг, выступая в «Спорт-Паласе» летом 1937 года. Там же, в ноябре с аналогичным призывом выступил Геббельс. В нацистских газетах печатались рецензии, которые единодушно говорили о книге как «о сильнейшем ударе по большевизму». После таких откликов спрос на «Россию в концлагере» у читающей немецкой публики резко возрос: книга переиздавалась в Германии пять раз.

По мнению одного из российских биографов Солоневича, «не только политическая верхушка, но и интеллектуальная элита Германии, во многом стоящая в оппозиции к власти, оценила «Россию в концлагере» по достоинству». Для Солоневича это было предметом особой гордости, он, в частности, отметил: «Известный немецкий мыслитель граф Кайзерлинг вычитал в моей книге то самое важное, что не вычитали наши растяпы: «русские, которые переживут сегодняшний ад, будут в сто раз сильнее и в сто раз интеллигентнее, чем их довоенные компатриоты»¹.

Нет сомнения, что авторство этой книги стало для Солоневича не только «вторым паспортом в Германию», но и своего рода палочкой-выручалочкой в самый сложный период его «отношений» с нацистами, когда в 1941 году Иван подверг критике планы и цели германского «натиска на Восток». Наказать автора «России в концлагере» концлагерем германским даже с точки зрения нацистских заправил было «контрпродуктивно»: это негативно сказалось бы на «имидже» рейха. Поэтому для Солоневича избрали более «мягкое наказание» — ссылку и принудительное молчание...

Воодушевленное похвалами иерархов рейха, Эссенское издательство пригласило Солоневича прочитать цикл лекций «по мотивам» книги «Россия в концлагере» в крупных городах Германии. Иван согласился и взялся за работу. Очень кстати Левашов переправил в Берлин библиотеку Солоневича

¹ Солоневич И.Л. Белая Империя // Пути, ошибки и итоги.

ча (около 3 тысяч томов) и, самое главное, архив. Эти материалыгодились при подготовке выступлений. Все тексты пришлось предъявлять на предварительную цензуру. Немецкие власти не хотели импровизаций, и в этом, казалось, следовали порядкам, заведенным в Советском Союзе.

Несмотря на сохранявшуюся угрозу покушений, Иван Солоневич отправился в лекционное турне. Он называл свои лекции «встречами с германской общественностью» и позже не без иронии писал:

«Я был принят как нечто среднее между Шалапиным сегодняшнего дня и Квислингом — завтрашнего, но тогда еще никто не знал, что такое Квислинг. Обоюдное разочарование наступило довольно скоро, через несколько месяцев. Но пока что все было очень мило».

В свободное время Иван писал статьи для «Нашей Газеты», которая стала выходить вместо закрытого болгарскими властями «Голоса России». При всяком удобном случае Солоневич заявлял, что «занимается разработкой основных положений Белой идеи в применении к условиям послесоветской России (!), конечно, с учетом итальянского и германского опыта».

У эмигрантов из России, живших в Германии, лекции Ивана Солоневича пользовались неизменным успехом. Тайная государственная полиция контролировала их содержание, изучала реакцию слушателей. Так, в сводке гестапо в Дрездене, озаглавленной «Месячное сообщение о русской, украинской и грузинской эмиграции», отмечалось:

«Русское национальное и социальное движение (РНСД) в городе проявило себя для широкой общественности устройством лекции русского эмигранта И.Л. Солоневича. Была налажена реклама: на столбах расклеены листовки и плакаты, в газетах — помещены объявления. Особо указывалось на то, что жена докладчика стала жертвой покушения, осуществленного ГПУ в Софии. Писатель выступил 9 июня на открытом собрании в большом городском выставочном зале перед многочисленной аудиторией в 1300 слушателей с докладом на тему «Агония советской власти». Солоневич читал лекцию на немецком языке, и так как он им владеет недостаточно хорошо, его порой было трудно понять».

Инцидентов на собрании не произошло. Против содержания доклада ничего нельзя возразить, это действенная антибольшевистская пропаганда. Местные газеты опубликовали положительную информацию о собрании.

Другой доклад (на этот раз закрытого характера) прошел на следующий день в 20.00. в малом зале коммерческого объединения для 160 представителей местной русской колонии, соответственно на русском языке. Ничего предосудительного отмечено не было».

Еще один отчет гестапо:

«Франкфурт-на-Майне, 15 июня 1938 года:

На ипподроме состоялось открытое собрание, организованное местной группой РНСД, на котором выступил И. Солоневич из Софии с лекцией на тему «Агония советской власти». Начальник пропаганды РНСД А. Мельский произнес вступительную и заключительную речи. Слушатели, число которых достигало 4500—5000 человек, встретили указанные выступления с большим одобрением. Из-за нехватки мест более 1000 человек осталось за пределами ипподрома. Особых происшествий отмечено не было».

В сводке содержались другие данные, указывавшие на всеохватный характер интереса гестапо к славянской колонии:

«Изменений в ее составе во Франкфурте-на-Майне не произошло. По статистике русских эмигрантов — 232 (из них 39 — украинцев). Членов РНСД — 63 (34 — русских, 12 — украинцев, 2 — поляка, 15 — немцев). Немцы-возвращенцы из России — 34 (из них арестован полицией 1). В июне в колонии состоялось 5 членских собраний, 3 вечеринки, 7 занятий на курсах языка, которые посещаются, главным образом, немцами для усовершенствования знания русского. Мер государственно-полицейского характера в отношении русских эмигрантов в отчетном месяце не предпринималось».

Вспоминая об этом периоде своей жизни, Солоневич не раз говорил, что это было время «утраченных надежд»:

«Содержание моих лекций нашим читателям известно. В этих лекциях не было никакого лизоблюдства, никакой подделки под местный стиль, никаких самостийностей и никакого неуважения к русскому народу вообще. Та прорусская ли-

ния Германии, которая очень сильна и сейчас, попыталась за меня, так сказать, ухватиться. Была намечена лекция в Спорт-Паласе с предполагаемой аудиторией в 25 000 человек и с передачей по радио всей Германии. Были намечены и некоторые другие возможности. И вот тогда, словно по команде, была мобилизована наша собственная сволочь. Почти одновременно — в «Галлиполийском Вестнике», в варшавском «Мече» и в польской печати, в «Царском Вестнике» и я не помню, где еще, стали изливаться ниагары помоев: и разлагатель, и агент ГПУ, и алкоголик, и истерик и что хотите. Избранные места этих помоев переводились на немецкий язык и рассылались по всем немецким инстанциям. Вонь поднялась неопишуемая. Какой-то белградский генерал получил от какого-то своего приятеля из Москвы какое-то письмо, в котором оный приятель, лично меня знавший по Москве, утверждал, что я был инспектором ОГПУ Московского округа... Что ОГПУ переправило нас всех с определенным заданием морального разложения генералов — словом, черт знает, что такое... За большевицкую агентуру в Германии по голове не гладили — еще менее гладят сейчас»¹.

В Германии, против ожидания, Иван не чувствовал себя в полной безопасности. В письме Юрию Войцеховскому в Варшаву он делился своими опасениями:

«Со встречей в Данциге — дело обстоит очень слабо. Я едва ли смогу туда поехать. За мной и здесь идет слежка, в Гамбурге готовилось какое-то новое покушение. По распоряжению из Берлина власти взяли меня в такой оборот, что — извините за выражение — и в уборную одного не пускали. Поставили охрану и внутри и снаружи дома, а в Берлин отправили на самолете, предварительно проверив документы всех пассажиров. В чем там было дело — я в точности не знаю, но весьма сомневаюсь в том, чтобы немцы так за здорово живешь стали бы предпринимать такие мероприятия. Данциг — порт. Ехать туда без соответствующего предупреждения неудобно. Предупредить — значит, вызвать такую же примерно «мобилизацию», какая была в Гамбурге»².

¹ Солоневич И. Вся власть — русским мозгам! // «Родина», № 3, 5.06.1940. С. 4.

² И. Солоневич — Ю.Л. Войцеховскому, 12.07.1938.

Агентура НКВД по-прежнему контролировала обстановку вокруг Ивана Солоневича и редактируемой им из Берлина газеты. Тщательно отслеживался «рост напряженности» между Солоневичем и РОВСом. Сильнейшую бурю в Союзе вызвали номера от 12 и 19 июля 1938 года. Верхи РОВСа сочли себя кровно оскорбленными, и в очередной раз назвали Солоневича «советским агентом», продолжающим выполнять «чекистское» задание по внесению раскола в РОВС, компрометации его руководства и разжиганию недоверия эмиграции к Союзу. В верхах решили: оскорбление генералов Витковского, Зинкевича и полковника Скородумова Солоневичу и его «подручным» не должно сойти с рук. Мнение «низов» РОВСа разделилось. «Штабс-капитаны» в большинстве своем поддержали Солоневича в его уничижительно-беспощадной критике в адрес командиров Союза.

Надо ли говорить, что Левашов разделял критическую позицию Солоневича. Возглавители РОВСа, по его мнению, устали от борьбы с большевизмом, подменяя ее демагогической фразой, имитацией «конспиративных акций», скучными совещаниями «об очередных задачах» по свержению «кремлевских узурпаторов». Однажды в знак протеста Левашов послал на очередной банкет РОВСа фотографа, и затем поместил на первой странице газеты снимок с текстовкой: «Вот так мы спасаем Россию!»

Эта капля переполнила чашу терпения экстремистов в Союзе. Левашова навестил «некий молодой мужчина с военной выправкой» и, воспользовавшись доверчивостью хозяина квартиры, нанес ему сильнейший удар кастетом в лицо, после чего трусливо скрылся. Борис Солоневич, узнав об инциденте, сказал своим брюссельским друзьям, что это — оправданная месть офицеров «Нашей Газете» за ведение «клеветнической» кампании против РОВСа. Из-за «отсутствия» Ивана Лукьяновича удар кастетом достался его ближайшему помощнику.

Власти восточноевропейских стран («санитарного кордона») с подозрением относились к «Голосу России», а потом и к «Нашей Газете», считая «сомнительной» их ориентацию. Распространителям газет нередко приходилось доказывать, что они не ведут подрывной работы против «стран пребыва-

ния» и что единственным врагом газеты является Советская Россия. Больше всего проблем было в Польше: представителя «Голоса России» С.Л. Войцеховского без видимых причин по нескольку раз в месяц вызывали «для бесед» в полицию. В письме Юрию Войцеховскому Солоневич предупредил, что запрет на газету — дело времени: «Нужно иметь в виду, что фамилия наша вообще одиозна в Польше. Еще с довоенных времен, в связи с той газетой, которую мы с отцом издавали раньше в Вильне, а потом в Минске».

В этом же письме Солоневич признал, что его отношения с недругами из эмиграции заметно обострились:

«Как Вы, вероятно, знаете — «Меч» (№ 27 от 10—07) тоже включился в травлю, которая начинает принимать, так сказать, всеобщий характер. Это сделано, конечно, по предписанию Георгиевского... Вреда он приносит неисчислимо количество... Для меня наступают весьма страдные дни: травля подымается со всех сторон. Даже местное «Новое Слово» старается ей втихомолку подпевать... О «Последних Новостях» и говорить нечего. А я просто *очень устал*... Мне бы хоть недели две отдыха... Да вот — и некогда, и льет дождь, и некуда деваться для отдыха... Большое спасибо за Вашу оценку и за Ваши пожелания. Думаю, мы вступаем в период, когда драться придется очень всерьез — и чуть ли не во все стороны»¹.

Но даже в «период всеобщей травли» раздавались голоса в поддержку Солоневича, причем — с самой неожиданной стороны.

«Муль» из Парижа, 12.09.38.

В защиту Ивана Солоневича «на закрытом» заседании правления «Российского национального объединения» (РНО) неожиданно выступил Ю.Ф. Семенов, редактор газеты «Возрождение». Раньше он не был столь терпимым в отношении «коллеги», помещая в газете назидательно-укоризненные заметки о крайностях в поведении Солоневича и его нападках на руководителей РОВСа. И вот — разительная перемена: в своем кругу Семенов стал неизменно подчеркивать, что Иван Лукьянович, действительно, единственный кандидат в «фюреры» белой эмиграции в предстоящей «последней борь-

¹ И. Солоневич — Ю.Л. Войцеховскому, 12.07.1938.

бе», что он ему верит совершенно и всякие подозрения по поводу того, что Солоневич «подослан», считает «большевистской провокацией».

Как сообщал «Муль», в РНО занялись выяснением «первоисточника» слухов о «чекизме» Солоневича. Вскоре Семенов дознался, что эти слухи идут от генерала Бориса Штейфона. По сведениям, которые поступили к Семенову из Румынии по неким «секретным каналам», следовало, что Штейфон — давний советский агент. По заданию ГПУ он якобы поступил на службу в румынскую сигуранцу, чтобы шпионить в пользу СССР.

На собрании РНО Семенов во всеуслышание заявил, что вскоре с советской стороны будут переправлены свидетели с «документальными доказательствами» чекизма Штейфона. По данным «Муля», Семенов строил свои обвинения на следующих фактах. Примерно за год до исчезновения генерала Кутепова Штейфон приехал в Париж. В качестве рекомендации Штейфон предъявил ему (Семенову) визитную карточку Кутепова.

Штейфон рассказал, что нелегально побывал в Советском Союзе, причем поездку организовали его бывшие друзья по службе в Генеральном штабе, состоящие на службе в Красной армии и входящие в «крепкую антисоветскую организацию». Штейфон был принят в эту организацию и явился к Семенову в качестве ее уполномоченного с предложением сотрудничать в проведении антисоветской работы. Больше всего Штейфон настаивал на подготовке террористической группы и посылке ее в Союз. При этом просил не направлять одиночек: они, мол, непременно «попадут в сети провокации». Беседа была долгой, все время на полунамеках, и Штейфон показался Семенову подозрительным субъектом с повадками провокатора.

После его ухода Семенов поехал к Кутепову, чтобы выяснить, хорошо ли он знает Штейфона? Кутепов резко ответил, что он «этому господину» не доверяет, а визитную карточку был вынужден вручить ему «как офицер офицеру». Отказ в карточке якобы грозил вызовом на дуэль за «оскорбление». Через год после того памятного для Семенова разговора Кутепов был похищен. Дальнейшее наблюдение за действиями Штейфона в рядах эмиграции убедило Семенова в том, что он — советский агент.

Свидетели с документами из-за «чертополоха» так никогда и не появились. Семенов к вопросу о «предательстве» Штейфона больше не возвращался, понимая, что может нарваться на неприятности, если генерал узнает о его обвинениях. Именно так получилось с генералом Павлом Дьяконовым, которого Семенов назвал одним из участников похищения Кутепова. Однако слухи о «ненадежности» Штейфона в «коллективном подсознании» эмиграции нет-нет, а возникали. В отношении Штейфона Семенов «довести дело» до конца так и не успел. Началась Вторая мировая война, Штейфон возглавил Русский корпус, который совместно с частями вермахта сражался с партизанами Тито, следуя ставшему широко известным лозунгу, выдвинутому генералом: «Хоть с чертом, но против большевиков!»¹...

¹ Даже сейчас, десятки лет спустя, когда многие архивы «заговорили» и исследователи загадок русской истории обладают достаточным материалом, некоторые обстоятельства «дела Кутепова» остаются непроясненными. Например, до сих пор не развеяны сомнения о связи Штейфона с ГПУ-НКВД. Предполагать можно всякое. Он мог стать невольной жертвой одной из хитроумных операций чекистов, мог проявить временную слабость, поддавшись на шантаж жизнью родственников, которые оставались в Советской России. Странности поведения Штейфона в «деле Кутепова» (генерал не дал своей версии событий) оставляют место если не для обвинений, то для выводов о двусмысленности его поступков в то время. Их высказали, в частности, В. Зернов и Б. Прянишников на страницах «Нового журнала» (См. «Новый журнал», № 138 и 139, 1980 г., статьи В. Зернова «К похищению ген. Кутепова», Б. Прянишникова «А.П. Кутепов и Б.А. Штейфон»).

В защиту Штейфона выступили его соратники из правления Союза чинов русского корпуса (См. «Наши вести», № 382, март 1981 г.). По их мнению, Зернов, несмотря на все его оговорки, фактически обвинил покойного генерала в соучастии в похищении Кутепова. При этом Зернов ссылаясь на откровения сестры (тоже покойной), которые он держал под спудом столетия. Аргументы соратников: «Все утверждения В.М. Зернова совершенно голословны. Вряд ли ген. Штейфон мог ездить в Сов. Россию; как и ген. Кутепов, он был слишком известен советчикам, чтобы рисковать быть опознанным. Он мог ездить в Польшу или Румынию для организации «переходов» и мог получить при этом мешочек с русской землей, но вряд ли он стал бы сообщать подробности этих поездок посторонним, тем более даме». По их мнению, бездоказательна и ссыл-

Когда Иван Солоневич определял для себя линию поведения после другого похищения — генерала Миллера, он вспоминал об обстоятельствах «дела Кутепова», вредности для авторитета эмиграции и, особенно, РОВСа бесконечной череды внутренних разборок, обвинений, контробвинений, просто клеветнических выпадов. В брошюре «Нашим друзьям» (август 1938 года) Иван разъяснил свою позицию:

«Когда после похищения генерала Миллера, НТСНП допустил огромную политическую ошибку с его разоблачительными митингами, я, совершенно ясно сознавая, что иду на разрыв (надеюсь — временный) с этой организацией, самым резким образом выступил против этой кампании, т.е. в защиту РОВСа, и сорвал ее. С тех пор утекло много воды. Сейчас можно поставить вопрос так: если в распоряжении НТСНП были данные об очередных провокаторах в среде РОВСа, — то почему эти данные не опубликованы до сих пор? Если этих

ка Зернова на Бурцева: «Если бы последний считал ген. Штейфона предателем, то, несомненно, не стал бы молчать об этом».

По мнению авторов письма, неубедительными выглядят аргументы против Штейфона Б. Прянишникова, автора книги «Незримая паутина» об инфильтрации советской агентуры в эмигрантскую общественность в 20-х и 30-х гг. Ведь это он высказал в статье «свое сомнение в том, что ген. Штейфон был в квартире ген. Кутепова в день похищения: «В те дни никто, в том числе и Л.Д. Кутепова, об этом не сообщали» (а ведь Л.Д. Кутепова в своем показании полиции, наверное, указала всех лиц, бывших у нее). Но, если ген. Штейфон не был там, то главное обвинение В.М. Зернова теряет всякое основание)». (По свидетельству самого генерала — его письмо А. Геруа, — на квартире Кутепова он все-таки был. — Н.Н.). В статье Прянишникова вновь возникло имя Бурцева. Исследователь упомянул, что Бурцев генерала Штейфона предателем не считал. Кому верить?

Защитники памяти Штейфона высказали мнение, что у Зернова могли быть какие-то основания для сведения личных счетов с генералом. Было отмечено также, что публикация порочащих его память статей «Новым журналом» выглядит подозрительно: «Какую практическую цель может преследовать эта кампания? Ген. Штейфон уже 35 лет в могиле, и никто из его родственников не играет никакой роли в политической жизни эмиграции. Ответ несомненен — скомпрометировать быв. чинов Русского корпуса, сражавшихся под его командой. Пришить нам ярлык «немецких наймитов» не удалось; нужно попытаться попробовать что-то другое».

данных не было, то для чего нужно было в момент растерянности и паники поднимать сенсацию всеэмигрантского скандала? Прав я был или не прав?».

«Мы живем в атмосфере, зараженной, *прежде всего, клеветой*», — констатировал Солоневич. Поэтому с железным упорством он отстаивал свою принципиальную журналистскую позицию: ни в коем случае не опускаться до уровня привычной эмигрантской полемики, копания в грязном белье вождей, тиражирования сомнительных слухов, на которые с такой алчностью реагирует обывательская масса эмиграции. Ведь все это — питательная среда для измены, для возникновения новых Слащевых и Скоблиных...

Одним из первых «германских адресов» Солоневичей стало местечко Клейн-Махнов в окрестностях Берлина¹. Отец и сын поселились на вилле, окруженной яблоневым садом, который создавал ощущение покоя и оторванности от внешнего мира. В местечко перебрались по совету «куратора» из гестапо. По данным Службы безопасности, советской разведке стал известен адрес берлинской квартиры Солоневичей. «Куратор» не удержался от воспитательных комментариев: по его мнению, Солоневичи слишком неразборчиво приглашали в гости друзей-эмигрантов, среди которых — наверняка — были агенты НКВД.

Вилла в Клейн-Махнове стала первым семейным пристанищем для Юрия и его жены Инги после брачной церемонии в здании магистратуры.

Еще со времен Гельсингфорса Иван Солоневич знал об увлечении сына, шутливо называл Ингу «чухонкой» и не вмешивался в личные дела Юры, считая, что «время покажет».

То, чему было суждено случиться, случилось.

«Ватик, я женюсь, — сказал Юра, появившись в дверях кабинета, — Инга согласна, ее близкие родственники тоже, препятствий нет. Теперь слово за тобой. Благословляешь?»

Иван Лукьянович оторвал глаза от пишущей машинки, развернулся в кресле и, поправив очки, с нарочитой серьезностью посмотрел на сына:

«Если гарантируешь внука, благословляю».

¹ Они жили по адресу: Jagerstieg 23—13.

«Конечно, гарантирую, — улыбнулся Юра, и добавил, — хотя, технически говоря, не сразу, не завтра и даже не послезавтра...»

Они дружно рассмеялись: слово «технический» Ватик часто использовал в своих писаниях, когда говорил о чем-то неизбежном и предрешенном.

С юной шведкой Ингой Доннер (финской подданной) Юра познакомился три года назад в Гельсингфорсе. Совместные занятия в Академии искусств «Atheneum», походы на пленэр, вначале с сокурсниками, затем вдвоем, помогли быстрому сближению. Отъезд Солоневичей в Софию, а после взрыва в редакции — в Берлин, не прервали этих отношений, Юрий и Инга переписывались, строили планы на будущее. Агенты НКВД не раз «фиксировали» в своих отчетах попытки эмигрантских девушек «влюбить» молодого Солоневича (на этот счет в «русской Софии» заключались даже пари!). Но Юра держался стойко и чувству своему не изменил.

В конце лета 1938 года Инга приехала в Берлин в сопровождении тетушки и кузин. Формальным поводом для приезда было, как написала Инга в своих мемуарах, «ознакомление с художественными сокровищами Европы и обогащение моего духа». Но главным было другое: повидаться с Юрой после многомесячной разлуки и «решить самые неотложные вопросы». Юра встретил Ингу и ее спутниц на железнодорожном вокзале, очаровал тетушку Верну и кузин, показал себя с наилучшей стороны в качестве гида по музейным залам Берлина. «Нам не потребовалось много времени, чтобы принять решение о женитьбе», — вспоминала Инга.

Но препятствия для брака возникли, причем с самой неожиданной стороны. По нацистским законам всем «брачующимся» в рейхе необходимо было документально доказывать, что они не являются лицами с «еврейской кровью». Задача оказалась сложной, потому что, по замечанию Инги, «было легко доказать, кем ты являешься на самом деле, но как доказать, что ты кем-то не являешься?» Пришлось заниматься поисками приемлемых для нацистов документов. Юрий заплатил несколько марок некоему эстонцу за нотариально оформленные показания о том, что он «присутствовал» при процедуре крещения «малыша Солоневича» в Православной ортодоксальной церкви. Такую же липовую справку получила

Инга из Финляндии. Справка была подписана юристом, другом семьи, и констатировала, что в церковных записях о семье Доннеров, тщательно изученных «на глубину пяти поколений», евреев не обнаружено.

Медовый месяц молодожены провели в горах. Иван Солоневич сопровождал их до места, проделав в автобусе весь путь от Берлина до альпийского домика. Почти весь день он просидел на залитой солнцем террасе, наблюдал за молодыми, которые катались на лыжах, оглушая окрестности веселыми криками. Иван понимал и оправдывал сына. Нельзя страдать вечно: боль от катастрофы в Софии должна затихнуть, не мешать жить. Сам Солоневич страдал после гибели Тамочки глубоко и безутешно, считая себя виновником ее смерти. Если бы Тамочка осталась в Берлине, если бы он не настаивал на ее возвращении к нему, с ней *этого* не случилось бы никогда...

Иван внимательно прислушивался к тому, что говорили о Германии эмигранты. Некоторые, таких было немного, считали, что жить в Третьем рейхе тяжело, что политические, социальные и расовые противоречия загнаны вглубь, постепенно размывая изнутри режим Гитлера. Внешние признаки его прочности: многотысячные марши, факельные шествия, всеобщая истерия при виде фюрера, — все это «критики» называли «отражением коллективного лицемерия». Мол, другого выхода у немцев пока нет: надо приспособливаться, мимикрировать, пережить эпоху «нацистских крикунов». На самом же деле, среднестатистическая германская душа «тайно» протестует.

Убедился Солоневич и в том, что победная эйфория гитлеровского национал-социализма усилила германофильские настроения в значительной части русских эмигрантов. В случае войны многие из них были готовы примкнуть к боевым колоннам фюрера, чтобы разгромить большевизм и сбросить Сталина любой ценой. Своих симпатий к Гитлеру германофилы не скрывали, восхваляя в фюрере врага большевиков, решительного вождя, способного нанести поражение СССР.

Но были и диссонирующие точки зрения. «Критики» нацистов предупреждали «фанатиков фюрера», что такая откровенно прогерманская позиция вредит интересам Националь-

ной России, морально компрометирует лидеров эмиграции накануне решающих событий в Европе, порождает недоверие к белым русским у западных демократий. Впрочем, германофилы отмахивались от этих здравых суждений: мощь стальных легионов Третьего рейха такова, что ни одно государство на континенте не в состоянии им противостоять.

Первый тревожный сигнал для русских поклонников Гитлера прозвучал во Франции. Власти выслали из страны нескольких белых генералов в числе 200 с лишним «нежелательных иностранцев», полагая, что они могут принадлежать к предательской «пятой колонне». Иначе поступить французы не могли: белые офицеры в полной военной форме при любой подходящей «оказии» маршировали по центральным улицам столицы с распущенными знаменами. Об их симпатиях к историческому врагу Франции было хорошо известно. Эмигрантская пресса, в особенности газета «Возрождение», играла подстрекательскую роль, подзадоривала штабс-капитанскую массу, провоцируя ее на выступления против СССР и пропагандируя «активизм», который здравомыслящим людям в русском рассеянии казался неумным, неуместным и опасным.

В этих условиях требовалось четко оценить «пределы» сближения с немцами, взаимодействия с ними, если такое было возможно, ни на минуту не забывая об интересах России, русского народа, условиях независимого, суверенного, свободного от большевиков и нацистов будущего...

Жизнь в местечке Клейн-Махнов недолго оставалась спокойной. Однажды, когда Солоневичи садились в автомашину, чтобы отправиться в Берлин, Юрий по привычке заглянул под нее (согласно инструкции по безопасности!) и увидел подозрительную коробку, прикрепленную к днищу. Пришлось вызывать саперов, которые со всеми предосторожностями извлекли подозрительный предмет. Оказалось, что это и в самом деле бомба. После этого происшествия, — с недельным перерывом, — Солоневичи обнаружили, что во время их отсутствия кто-то побывал в их доме и перевернул в нем все сверху донизу, разбив все, что можно было разбить. Это была акция по запугиванию: ни деньги, ни ценные вещи не пропали.

Солоневичи были уверены — это работа НКВД. Пришлось снова переезжать. Просторную квартиру в Берлине рекомендовал им «куратор» службы безопасности, не забыв отметить, что в этом же доме, — весьма фешенебельном, — живет киноактриса Лиль Даговер.

Иван дал согласие на переезд, даже не посмотрев предварительно квартиру. Подыскать подходящее жилье в Берлине было нелегко...

Инга оставила описание этой квартиры:

«Когда я впервые оказалась в моем новом доме, у меня возникло такое ощущение, что обои табачно-коричневого цвета в столовой комнате словно пытаются сообщить мне о каком-то прошлом несчастье, которому они были свидетелями. Моя вера в то, что каждое жилище имеет свою ауру, всегда являлась причиной для шуток и недоверия в моей семье. Мебель, которая имела в квартире, была черной, полированной и элегантной, но вызывала ощущение депрессии. Позднее мы узнали, что все это принадлежало еврейской семье, которую изгнали из квартиры, не дав им возможности вывезти свои вещи»¹.

Эта неприятная ситуация была впоследствии использована недругами для компрометации Солоневича: он, дескать, подыскал квартиру и «организовал» все так, чтобы прежние жильцы больше «не появлялись».

Вживание Инги в «русский быт» было для нее нелегким. Главной причиной трудностей ее адаптации был Иван Лукьянович, который так «узурпировал» своего сына, подчинив его своей воле, планам и проектам, что молодая жена оказалась как бы «на обочине» интересов собственного мужа!

Позднее Инга сетовала:

«Я думала, что выхожу замуж за одного Солоневича, а вышла за двоих. Юра даже взял отца с нами на медовый месяц: он был вне себя после гибели Тамочки, чудовищно пил, и Юра боялся его оставить одного... Я вообще их обоих очень мало видела. Юра был очень хорошим сыном, они жили душа в душу, да и у дедушки был чрезвычайно сильный характер, он всегда являлся средоточием всех окружающих. А меня не

¹ *Solonevich Inga. The Long Trek to Solola*, p. 68.

подпускал к их политической жизни, да еще нас разделяла и его широкая натура...»¹

Упомянула она о «широкой натуре» свекра не без оснований:

«Когда мы жили в Берлине, к нему валом валили русские эмигранты. И абсолютно каждого он уговаривал остаться поужинать, остаться переночевать. И это в пору продовольственных карточек! Ему было решительно невдомек, что я простаивала по несколько часов в очереди ради пяти-шести картошек. Однажды, какая-то засидевшаяся в гостях русская поэтесса обронила, что ей нечем укрываться по ночам. Так дедушка прошел в мою комнату, взял мое красивое финское одеяло, дар моей матери, и вручил этой даме! А когда я запротестовала, рассердился!»

Было бы неправильным говорить о равнодушии и черством отношении Ивана к невестке. Он ценил ее художественный талант, искренне восхищался ее анималистскими работами, о которых, в частности, писал:

«Собачьи портреты выходили у Инги замечательно: каждый песик имел свою собственную, неповторимую в истории мироздания индивидуальность»²...

Обиды Инги на Ивана Лукьяновича сохранялись долгие года после его смерти. В какой-то мере она была права, концентрация на политической борьбе, ежедневная публицистическая страда, обдумывание и подготовка масштабных трудов о монархии и судьбах России ограничивали его контакты с близкими людьми, часто лишали их эмоциональных ноток. Он слишком поздно получил возможность обращаться к русским читателям в полный голос, и потому торопился, жертвовал всем...

Переезды Солоневичей с квартиры на квартиру помогли Ивану освоить «географию» Берлина. Он обзавелся схемой транспортной сети города и, сверяясь с нею, выстраивал свои маршруты, не переставая удивляться пунктуальности «прибытия-отбытия» поездов городской железной дороги,

¹ Казанцев Н. Жены Солоневичей // «Наша страна», № 2734 от 26.04.03, публикация в Интернете.

² Солоневич И. Диктатура слоя. Буэнос-Айрес. С. 53.

линий метро, автобусов и трамваев. Автомобильные потоки захлестывали столичные улицы, капоты новеньких «опелей» и «хорьхов» блистали лаком. Люди на улицах выглядели довольными и счастливыми. Все свидетельствовало об экономическом подъеме рейха. Позорный Веймарский мир ушел в прошлое, благодаря решительным волевым действиям фюрера.

Иногда Солоневич углублялся под зеленый шатер Тиргартена и, прогуливаясь по аллеям, обдумывал очередную статью для отправки в Софию или баловал орешками общительных белок. Симпатичные зверьки сопровождали его до ближайшей скамьи и с любопытством заглядывали через плечо в немецкие газеты, которые он по обыкновению просматривал. Чаще всего это были «Фолькишер беобахтер» и «Ангрифф». С карандашом в руках читал Солоневич посвященный вопросам политики еженедельник «Дас рейх», который редактировал Геббельс. Солоневич называл «Дас рейх» лучшим политическим изданием не только в Германии, но и в англосаксонских странах. При этом делал вывод, что после прочтения «Дас рейха» его содержание надо воспринимать «наоборот»: исходить из того, что все хорошее для рейха никак не подходит для России.

Берлин постоянно напоминал Ивану о погибшей жене. На Линденштрассе, 21—25, находилось здание советского торгпредства, тайны которого с чисто женской пронизательностью вскрыла Тамочка. В универсальных магазинах Тица и Вертгейма она покупала одежду, чтобы «приобрести маломальски европейский вид». Из дверей пансионата фрау Бетц по Доротеенштрассе Тамочка выходила каждое утро, проводя Юру на уроки в Кернер-Оберреальшуле, а потом спешила в «Крафт дурх Фрейде», где преподавала служащим французский язык. Именно из этих учительских 150 марок заработка она выкраивала средства, чтобы через друзей в Москве и Ленинграде «организовать» продовольственные посылки в концлагерь, которые помогли им продержаться во время побега...

В сентябре-октябре 1938 года несколько одиноких вечеров Иван посвятил написанию статьи «Большевизм и женщина», своего рода лирико-политической эпитафии, посвященной Тамочке. Только через восемь месяцев после ее гибели Солоневич смог обратиться к болезненной для него теме:

к истории их знакомства и отношений, сложных перипетиях совместной жизни на фоне драматических событий русской истории. Возможно, он никогда бы не взялся за эту статью, если бы не настойчивые просьбы Эссенского издательства о подготовке послесловия к изданию незаконченной книги Тамары «Три года в Берлинском торгпредстве».

Иван так объяснил свои переживания: «Мне еще и до сих пор очень трудно взяться за эту тему: с нею связано слишком много тяжелого и трагичного. Самое трагичное — это, может быть, сомнение: а не зря ли я подставлял всю нашу семью под большевицкий террор, и не зря ли погибла Тамочка». Это сомнение навсегда поселилось в душе Солоневича, преследуя его до последнего дня жизни.

С первых же дней пребывания «под крышей» рейха Солоневич почувствовал, что немцы с методичной дотошностью «изучают» его возможности, чтобы наилучшим образом использовать их для борьбы против Советов. Чаще всего к нему обращались «за консультациями» эксперты из институтов и центров по изучению России. Не обходили его вниманием немецкие журналисты. Брели интервью, приходили «обменяться мнениями» перед посещением Советского Союза, просили советов. Иван помогал, чем мог, и в беседах с немцами неизменно подчеркивал, что ошибочно идентифицировать весь русский народ с коммунистическим режимом, что «большевизм» — это навязанная силой чуждая русским идеология, что в России зреют силы сопротивления, которые рано или поздно добьются успеха, несмотря на концлагеря и террор НКВД.

Было заметно, что нацистское руководство относилось к правому лагерю русской эмиграции весьма сдержанно, чтобы не сказать враждебно. Решающее слово в определении «государственной политики» в отношении этой категории русских, проявлявшей полную лояльность гитлеровскому режиму, принадлежало, конечно, самому Гитлеру. Он был прагматичен, «русским азиатам» не доверял, допускал их временное «использование» в интересах Германии, но не в качестве консолидированной, объединенной силы под русским же руководством. По мнению фюрера, эта сила могла — в перспективе — стать куда большей угрозой для рейха, чем Советский

Союз. В его «русские планы» были посвящены очень немногие лица даже из ближайшего окружения.

Интерпретатором идей и «установок» Гитлера по стратегии «освоения» восточных территорий был Альфред Розенберг. Ключевой характер носили тезисы об «обезлюживании» значительной части исконно русских земель и их освоение «расой господ» — переселенцами из рейха. При таком нацистском «раскладе» для России доверять русским, в том числе из правого и ультраправого лагеря, было бы со всех точек зрения неразумно. Поэтому деятельность русских организаций в Германии неуклонно ограничивалась, подвергалась все более жесткому контролю, с задачей полного сведения на нет.

В рамках этого курса, все русские организации, имевшие «командные центры» за пределами рейха, в 1938 году в Германии были запрещены. Руководству РОВСа пришлось согласиться на преобразование 2-го отдела Союза в самостоятельную организацию, возглавляемую генерал-майором фон Лампе. «Самостоятельность» эта была внешней, потому что фон Лампе должен был согласовывать работу вновь созданного «Объединения русских воинских союзов» с генералом Бискупским¹, который тоже не имел полномочий на принятие самостоятельных решений. По всем проблемам — большим и маленьким — он обращался в немецкие инстанции.

С Василием Викторовичем Бискупским Солоневичу пришлось часто встречаться для решения различных вопросов своего пребывания в Германии. Бискупский был одной из ключевых фигур, через которые в 20—30-х годах шло «общение» между русской эмиграцией и германскими властями.

Немцы заметили Бискупского, бывшего конногвардейца, «человека шляхетских кровей», еще в 1918 году, когда он командовал войсками гетмана П. Скоропадского на Украине. В июле-сентябре 1919 года Бискупский был главой пронемецкого Западнорусского правительства, созданного в Берлине. «Правительство» бесславно кануло в Лету, не получив реальных «властных полномочий». В 1920 году, находясь в Германии, Бискупский участвовал в «Капповском путче», содействовал подготовке «Пивного путча», после провала которого

¹ Бискупский В.В. (1878—1945) — генерал-майор. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

Гитлер несколько дней скрывался у него на квартире. Впоследствии фюрер скрывал этот факт: он не хотел в своей биографии эпизодов, указывавших на какие-либо прошлые связи с русскими.

Бискупский был близок к А. Розенбергу, поддерживал доверительные отношения с генералом Э. Людендорфом. Благодаря этому, Бискупский стал одним из руководителей общества «Ауфбау», которое Людендорф создал в Мюнхене для налаживания «деловых связей» между немецкими националистами и русскими правыми. Бискупский входил в окружение Великого князя Кирилла Владимировича и (ссылаясь на его личную «заинтересованность») безуспешно пытался получить со счетов Николая Второго те небольшие деньги, которые хранились в немецких банках. В 1936 году нацисты назначили Бискупского руководителем Управления делами русской эмиграции, которое сами эмигранты часто называли «консульством».

В первое посещение Иван легко отыскал пятиэтажное здание и остановился под блестящей медной табличкой Управления на русском и немецких языках. Входная дверь была заперта, но после нажатия кнопки она автоматически открылась. Солоневич вошел внутрь и, преодолев несколько ступенек, увидел еще одну дверь внушительных размеров, обитую черной кожей. Похожие врата он часто видел в официальных учреждениях рейха, включая гестапо, и снова подивился тому, как близки вкусы нацистских и советских начальников, обожавших роскошную торжественность. В первой и второй приемных терпеливо сидели посетители, и Солоневич, проходя мимо, в их приглушенном говоре услышал-почувствовал, как называли его имя. Из канцелярии с табличкой — «Посторонним вход воспрещен» — доносился стук двух или трех пишущих машинок. По-видимому, работы в Управлении было много.

Бискупский встретил Солоневича в дверях кабинета. Крепко пожал руку. Провел к столу, усадил напротив, благожелательно улыбнулся. Генерал — высокого роста, дородный, на вид ему — около 65 лет. Внешность представительная, полная собственного достоинства. Усы стриженные. Высокий большой лоб. Седые, причесанные наверх волосы. Бискупский был одет в добротный костюм темно-синего цвета. На паль-

цах обеих рук поблескивали золотые массивные кольца. Надушен. Словом, буржуа.

Кабинет Бискупского — это громадное помещение с паркетным полом. Направо — около стены — стол для заседаний. У другой стены — два больших черных, наглухо закрытых шкафа. Посредине кабинета — круглый большой стол с самоваром для чаепитий «в русском стиле». В глубине — еще один стол, — рабочий, покрытый зеленым плюшем. На нем — лампа с абажуром, расписной поднос со штампами и печатями, карандашница в форме черепа, стопки русских и немецких газет. Помещение украшено портретами русских царей, в углу — икона и рядом с нею — фотография Николая Второго. Над столом Бискупского — еще одно фото — Адольфа Гитлера.

Солоневич был наслышан о личной драме Бискупского. Долгое время он находился в тайной связи с певицей Анастасией Вяльцевой, «королевой граммофона», «чайкой русской эстрады», как называли ее поклонники. Связь была тайной, потому что офицерам запрещалось заключать браки с «артистками». Во время Русско-японской войны Вяльцева узнала, что ее любимый тяжело ранен. Бросив все, она отправилась в Маньчжурию, чтобы быть рядом с ним. Так вся Россия узнала об их отношениях. Бискупскому пришлось оставить военную службу. Они обвенчались. Но счастье длилось недолго. Вяльцева заболела белокрыем. Бискупский в отчаянной попытке спасти ее дал согласие на прямое переливание крови, но это только ухудшило состояние жены. Тогда ученые еще не знали о том, что существуют разные группы крови. В феврале 1913 года Вяльцева скончалась. Эта печальная история не могла не вызывать сочувствия у Солоневича. Он пережил похожую драму, хотя причины ее были совсем другие...

Познакомился Солоневич с сотрудниками Бискупского. Его секретарь — Петр Николаевич Шабельский-Борк, участник гражданской войны, литератор, писавший под псевдонимом Старый Кирибей. Петр Николаевич немцев похвалил, сказал, что такого отеческого отношения к русским, как в Германии, — нет нигде в Европе. На работу бюро дают 10 тысяч марок в месяц. Оклады — хорошие... Заместитель Бискупского — Сергей Владимирович Таборицкий, сын статского советника, высокий, худощавый, лет 45 лет. От него попахива-

ло вином, видимо, «образовался подходящий повод». По его отрывистой импульсивной речи и резким движениям чувствовалось, что он — человек быстрых решений, не слишком озабочивающийся последствиями. Таборицкий жил в Германии с 1919 года. В эмиграции впервые услышали о нем после его неудавшегося покушения на Гучкова на одной из берлинских улиц. В марте 1922 года Таборицкий вновь стрелял — в Милюкова. Пули попали в другого, был убит В.Д. Набоков¹. Убийцу осудили на 12 лет каторги, но уже через пять лет он оказался на свободе. Идеи Гитлера Таборицкий безоговорочно разделял и потому вступил в НСДАП².

Прощаясь с Солоневичем, Бискупский по собственной инициативе затронул тему получения немецких «дотаций» на ведение антисоветской работы. Генерал был категоричен:

«В этом плане шансов у вас нет никаких. Попытайтесь обратиться в «Антикоминтерн». Если нужно будет, я вас порекомендую. Но в успехе я сомневаюсь. Мы здесь столько лет живем, но ни одного пфеннига на эти цели от немцев не получили»...

Следующим, кого Иван посетил в Берлине, был барон Меллер-Закомельский. Два года назад он доброжелательно отнесся к предложению Солоневича о сотрудничестве в распространении «Голоса России» через ячейки Русской национал-социалистической организации (РНСД).

Солоневич хорошо знал публицистику Мельского, считал его ведущим журналистом национального зарубежья, искренне озабоченным темой будущего России и ее политического устройства. Еще в 20-е годы он зарекомендовал себя как знаток «еврейского вопроса», поэтому либеральная эмигрантская пресса неизменно клеймила его как черносотенца и погромщика. В Берлин Мельский переехал из Парижа после прихода к власти нацистов. Иван знал, что барон возглавлял также

¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — видный деятель партии кадетов, отец известного писателя, автора нашумевшей «Лолиты».

² С 1939 г. Таборицкий «курировал» по партийной линии вопросы, связанные с «идеологическим воспитание» русской молодежи в нацистском духе. Он стал начальником Национальной организации русской молодежи (НОРМ).

«Кружок российских культурно-политических изучений», организационно связанный с РНСД, и на скудные немецкие дотации издавал «Осведомительный вестник Отдела пропаганды РНСД», в котором позитивно оценивалась «историческая миссия Гитлера по преобразованию Европы».

Несмотря на комплименты в адрес фюрера и национал-социализма, политически безобидный для нацистов «Вестник», делавший упор на антикоммунистическую и еврейскую проблематику, был закрыт в начале 1939 года, что для Солоневича стало очередным доказательством «высокомерия и неблагодарности нацистов».

Мельский, седеющий брюнет лет пятидесяти, среднего роста, встретил Ивана любезно. Он заметно прихрамывал и при ходьбе опирался на трость. В зале партийного штаба под аккомпанемент пианино невидимый исполнитель пел арии из «Демона».

«Это Смирнов, один из наших членов, — с улыбкой пояснил Мельский. — Репетировать ему негде, вот и приходит к нам — распеваться».

У Солоневича сложилось впечатление, что Мельский был откровенен, рассказывая о работе РНСД «на советском направлении». Так, он сообщил, что поддерживает связь через немецкие посольства с партийными ячейками в странах-«лимитрофах», направляя им для распространения и заброски в СССР литературу, брошюры и газеты, «близкие по духу» его собственному «Вестнику». Пояснил, что старается вести пропагандистскую работу без лишнего шума. С 35-го года, рассказывал Мельский, он проводит семинары «закрытого типа», на которых готовятся кадры для будущей России. В качестве преподавателей приглашаются профессора из Немецкого института политических наук Геббельса. В июле 1937 года Мельский подписал от имени Штаба своей организации соглашение о «пакте» РНСД с Российским Фашистским Союзом Родзаевского, сделав, таким образом, первый шаг к оформлению будущего Российского Национального Фронта.

Мельский признался, что испытывает огромные трудности в своей работе, часто из-за отсутствия денежных средств («немцы — скупая нация!»), нередко по вине фанатиков-нацистов, которые в каждом русском видят потенциального врага. «Как видишь, мы ведем упорную, конкретную работу «на

перспективу», веря, что час возвращения в Россию рано или поздно настанет», — подытожил свой он свой рассказ.

Слухи о том, что Мельский является платным агентом гестапо, Солоневич называл «типичными побрехушками эмиграции». Он даже нашел возможность опровергнуть их в «Нашей газете». Про «деньги гестапо» писать открытым текстом было сложно, поэтому Иван несколько смягчил тему:

«Интеллигенты пришли ко мне с сенсационной новостью: «вы знаете, Мельский снова получил немецкие деньги и выпускает свой «Вестник». Немецкие деньги Мельский действительно получил — из ломбарда. Приезжаю в Берлин и захожу в заваленную бумагами комнатушку — канцелярию РНСД, кабинет Мельского. Нужно перестукать на немецкой машинке двадцать страниц некоего документа. Машинки нет. Где она? Пошла в ломбард вместе с часами и костюмом. На полученные немецкие деньги выпущен очередной номер «Вестника». Когда номер разойдется, машинка и часы будут выкуплены»¹.

Отношения с Мельским не прерывались до осени 1941 года, то есть до ссылки Солоневича в Померанию. Все это время «доброхоты» из эмиграции, отнюдь не агентура НКВД, пытались рассорить их. В июле 1939 года Солоневич писал об этих попытках:

«Я живу в Германии полтора года. Полтора года подряд мне упорно и настойчиво, с видом самого дружеского расположения и желанием «по-дружески предупредить», говорят самую несусветимую дрянь о моих соратниках по фронту, А.В. Туркуле и А.В. Мельском. Я это пишу, в частности, для того, чтобы под всякими дальнейшими разговорами, по крайней мере со мной, поставить, наконец, точку...»

В июне 1939 года в газете «Штюрмер»² появилась статья «Жидовский наймит», направленная против Солоневича. «Штюрмер» выходил тиражом в миллион экземпляров, ему покровительствовало национал-социалистическое партийное руководство. Чтение «Штюрмера» для многих нацистов, озабоченных карьерным ростом, было чем-то вроде демонстрации идеологической зрелости.

¹ Солоневич И.Л. За тенью Распутина // «Наша газета», 31.07.39.

² Иллюстрированная газета «Штюрмер» («Der Sturmer»), что в переводе с немецкого означает «Штурмовик». Выходила в 1923—1945 гг.

Русским эмигрантам было о чем поговорить и злорадно посплетничать: самая антисемитская газета рейха обвинила крайне правого деятеля эмиграции, националиста, монархиста и вождя «штабс-капитанов» в том, что он своей подозрительной деятельностью «льет воду» на мельницу евреев.

Кое-кто захотел воспользоваться этой статьей, чтобы рассорить Солоневича с Мельским. Иван так рассказал об этом:

«Вот приходят ко мне трое представителей интеллигенции... по поводу статьи в «Штюрмере».

«Только вы знаете, кто статью написал? — Это Мельский!»

О том, что Мельский написал эту статью, уже получены сообщения из Праги, Белграда и Парижа — значит, действует какая-то всеэмигрантская организация клеветы. Симпатичным интеллигентам я говорю: «Послушайте, Мельский пишет в «Нашей газете», Мельский шлет ей свои приветствия, Мельский работает для «Белой Библиотеки». И вот, тот же Мельский будет публично расписываться в том, что он работает в газете врага Германии и еврейского наймита?»¹

Иван сумел выяснить, кто же на самом деле является автором статьи. Оказалось, что сочинил ее директор газеты Карл Гольц, ближайший сотрудник Ю. Штрайхера, владельца газеты, влиятельного деятеля нацистской партии во Франконии, близкого соратника Гитлера. Солоневич направил в «Штюрмер» протестующее письмо, в котором подчеркнул, что вся его публицистическая работа носит антисоветский, антисталинский, антикоминтерновский характер и не имеет каких-либо других скрытых целей и тенденций. «Штюрмер» это письмо не опубликовал, потому что Штрайхера не интересовали эмоции какого-то там русского с «очень подозрительной фамилией».

Настаивать на публикации опровержения Солоневич не стал, понимая, что шансов на успех не имеет. Штрайхер был известен как нацистский фанатик, садист, не расстававшийся с хлыстом, которым не раз «поучал» чем-то ему не угодивших сотрудников. От Мельского Иван узнал, что Геббельс однажды «ходатайствовал» перед Гитлером о закрытии «порнографического» издания Штрайхера, мотивируя это тем, что газета

¹ Солоневич И.Л. За тенью Распутина.

наносит громадный ущерб «положительному образу» Германии за рубежом. Гитлер с Геббельсом не согласился, полагая, что, несмотря на все идеологические недостатки «Штюрмера», газета выполняет позитивную роль, разоблачая «деструктивную роль» евреев в истории Германии.

Мельский советовал Ивану «проигнорировать» фальшивку Гольца, который даже среди немецких журналистов был чем-то вроде изгоя. Многие не подавали ему руки из чувства брезгливости, считая его сексуальным извращенцем, выплескивающим свои тайные пороки на страницы «Штюрмера». Однако совсем забыть об истории с «Жидовским наймитом» Солоневич не смог. Камень, брошенный в него Гольцем, не означал ли, что пора убираться из рейха? Своими сомнениями Иван поделился с сыном. Юра сказал, что уезжать, видимо, придется, но куда именно — это еще вопрос. Кто примет? Какая страна? После долгой дискуссии остановились на Соединенных Штатах, где действовала организация «штабскапитанов» и где издаваемая Иваном газета пользовалась неизменным успехом. Инга с их решением согласилась, сказав, что уезжать надо скорее, пока не разразилась война. В американском консульстве выяснилось, что процедура получения виз на постоянное проживание в стране потребует немало усилий, полна бюрократических препон и не столь быстра, как хотелось бы Солоневичам.

Не откладывая дела в долгий ящик, Иван написал статью «Пути, ошибки, итоги»¹, которая явилась не только фактическим ответом на грязную публикацию в «Штюрмере», но и «контрударом» по клеветнической кампании, развязанной против него в 1938—1939 годах. Достаточно упомянуть откровенно враждебную брошюру Н. Цурикова² «Господин Солоневич и его «работа» в эмиграции», в которой был старательно собран и «любовно» обобщен весь «псевдоразоблачительный» материал, который появился в эмигрантской прессе с 1935 года.

¹ Солоневич И.Л. Пути, ошибки, итоги // «Наша газета», № 35—38, 19 июня — 3 июля 1939 г.

² Цуриков Николай Александрович (1886—1957) — юрист, участник Первой мировой войны, деятель эмиграции, поддерживавший связи с П.Б. Струве и руководством РОВСа. Сотрудничал в правоцентристских изданиях.

Солоневич не стал прибегать к «лобовой», сокрушающей все и вся полемике, в которой в эмиграции ему не было равных. Для «подведения итогов» он предпочел исповедальную тональность, причем заявленное им желание «объективно поделиться опытом» трех лет «мучительной и трагической работы с газетой» тут же нарушается: Иван начал рассказ о себе с самого начала — с истоков своей мужицко-поповской биографии, навсегда определившей его общественно-политическую траекторию:

«Я и по социальному, и географическому и по политическому рождению принадлежу к первым росткам новой национальной и глубочайшим образом демократической России. Демократической не в смысле западноевропейского либерализма, а в смысле живой, кровной, нутряной связи с народной массой. Я не граф и даже не дворянин. Я мужик. Политически в наше время это совершенно чудовищное преимущество... Это не сословная гордость, взятая наоборот, а это простой и ясный политический расчет. Это кровная связь с массами, которые одни, только они одни, будут решать судьбы России»¹.

Иван подытожил свою работу с эмиграцией за период от Гельсингфорса до Берлина, подчеркнув, что от ее «верхов» так и не получил той помощи, на которую первоначально рассчитывал. Весь зарубежный опыт Солоневича указывал на то, что эти верхи реакционны, настроены реваншистски (получить назад привилегии и собственность, которые были утрачены после гражданской войны, и «наказать всех виновных»), не знают «нынешней психологии русского (подсоветского) народа», неспособны предложить многомиллионной массе, живущей в России, пути для совместной работы во имя ее блага и процветания. По оценке Солоневича, с таким эмигрантским начальством «ни на какие компромиссы идти нельзя». Диалог нужно налаживать только с «трудовой Россией». По прогнозу Солоневича, «в этой России будет всяческий почет, будут всяческие посты для тех, кто умеет и хочет работать, и ничего не будет для тех, кто вместо работы пытается опереться на звание и на чин: такие нам не нужны. Таких с нас хватит. При

¹ См. статью Солоневича И.Л. «Пути, ошибки, итоги».

таких Россия никогда на ноги не встанет — при их помощи Россия не смогла не то что стать, но даже и устоять»¹.

Иван назвал своей главной ошибкой то, что более трех лет пытался наладить совместную работу с реакционно мыслящими «верхами». Он предупредил, что со своего пути не сойдет, потому что это означало бы пойти на предательство «штабс-капитанов» в зарубежье и народных масс в России, в особенности тех, кто находится в концлагерях: «Я до конца буду гнуть свою линию. Меня можно убить, но заставить меня свернуть с дороги — это утопия».

Для Солоневича главный участок его работы — выработка соответствующего мировоззрения у тех эмигрантов, кто не относится к «реакции»:

«Наша Газета» постепенно выковывает то национально-русское мировоззрение, которое можно было бы назвать по-немецки «национал-социалистическим», по-польски — «народно-демократическим» и которое мы пока называем штабс-капитанским. Движение имперское, национальное, православное и глубочайшим образом народно-демократическое. Движение монархическое, ибо в монархии мы видим скрещение и закрепление Империи, Нации, Православия и народных интересов. Движение антисемитское по существу, а не по истерике, ибо еврейство было и будет врагом и Империи, и Нации, и Православия, и народа. Движение органическое, ибо мы ищем в нашей истории наших корней и ни за какими европейскими шпартгалками не гонимся».²

Изложив свое кредо, Солоневич ясно дал понять: примирения с «верхами» не будет. От полемических «резкостей» он не только не откажется, но и усилит степень их «оскорбительности», чтобы навсегда отбить охоту у эмигрантской реакции («шушеры»!) «примазываться к штабс-капитанскому движению»...

Помня совет Бискупского, Солоневич заглянул в штаб-квартиру «Антикоминтерна». Сотрудники были рады визиту известного антикоммуниста. Кое-какие полезные советы Иван сумел получить и в этой организации. Ему намекнули,

¹ Указ. соч.

² См. статью Солоневича И.Л. «Пути, ошибки, итоги».

что «не следует слишком рассчитывать» на нацистов-филантропов: «Русские эмигранты раньше не раз пользовались германскими деньгами и злоупотребляли этим. Давали обещания и не выполняли их. Итог очевиден — немцы разочарованы в эмигрантах, отзываются о них с недоверием».

Иван на «филантропов» не рассчитывал принципиально, но отметил для себя, насколько часто в разговоре с ним затрагивался вопрос о «немецких субсидиях». Практически все лидеры русской эмиграции по собственной инициативе поднимали эту тему. Видимо, поток «даровых рейхсмарок», действительно, иссякал.

Солоневича пригласили «приобщиться» к работе «Антикоминтерна». Он обещал «подумать». В завершение визита, в сопровождении сотрудницы Марианны Грейфе, Иван посетил тематическую выставку «Антикоминтерна», развернутую в трех залах. Марианна, хорошо говорившая по-русски, выполняла обязанности гида, «посвящая» Солоневича в страшные тайны сталинской России: антисоветские плакаты, разоблачительные брошюры на русском и других языках, карта СССР с многочисленными черными флажками, обозначающими расположение концентрационных лагерей, фотографии измученных людей в телогрейках за колючей проволокой. Была на выставке и его, Солоневича, «именная витрина»: под стеклом — издания книги «Россия в концлагере» на разных языках и над ними, на стене, — фотография Тамары, та самая, которую распространили информационные агентства после ее гибели.

Марианна рассказала, что родилась в Москве в 1908 году, и, если бы не революция, никогда бы не покинула «огромной, сказочной страны России». С гордостью заявила, что является членом национал-социалистической партии (вступила еще до прихода Гитлера к власти!) и что ее брат Герман считается ведущим специалистом по русским делам в Германии. Договорились, что Марианна организует их встречу...

Прочное знакомство завязалось у Солоневича с редактором русскоязычной газеты «Новое слово» Владимиром Михайловичем Деспотули. Газета выпускалась «на паях» Внешнеполитическим департаментом НСДАП и Министерством пропаганды. Редакция находилась в восточной части города — на

Александрплац. Солоневич долго ходил вдоль мрачного здания, пока не догадался пройти во двор. Искомая дверь находилась там. Он поднялся на третий этаж, постучал и, услышав громкое «Херейн!», вошел. В приемной Солоневича встретил пожилой секретарь, который провел гостя в кабинет редактора.

Деспотули — маленького роста, черноволосый, — принял Солоневича с откровенным любопытством, и в ходе разговора заметно потеплел, возможно, потому, что гость хорошо отзывался о «Новом слове» и его «организирующем влиянии» на умонастроения эмигрантов. Поговорили о цензорских ограничениях в газетно-издательском деле, проблемах с бумагой и завышенных тарифах типографий, хотя Деспотули было в этом плане значительно легче: его газета печаталась в государственной типографии, подотчетной министерству Геббельса.

Новый знакомый сказал, что никогда не верил слухам о «провокационной миссии» Солоневичей в эмиграции, исходя из содержания их публицистики и общественной деятельности. Их «вредоносность» для Советского Союза не вызывала сомнений и, по мнению Деспотули, считать всю эту огромную работу «прикрытием связи с ГПУ» было очевидной глупостью. О деятелях белой эмиграции Деспотули отзывался без пиетета. Особенно досталось Бискупскому. Его главный редактор назвал сибаритом за «чужой счет» (не пояснив характеристики) и «аристократическим ретроградом». Деспотули намекнул, что Розенберг не переваривает Бискупского, но поделаться с ним ничего не может, потому что в высшем руководстве рейха у генерала есть влиятельные покровители.

О своей газете Деспотули говорил без особого энтузиазма («устал тянуть ляжку»), упомянул, что они имеют около 7 тысяч подписчиков, но печатают на 1000 экземпляров больше для распространения в местах «кучного» проживания русских. Деспотули показал Солоневичу кабинеты, которые были добротнo мебелированы и снабжены всем необходимым для журналистской работы: новенькие пишущие машинки, телефоны, стеллажи до потолка с досье на актуальные темы и даже кофеварки. Деспотули завел его в помещение, где стояла мощная радиостанция, с помощью которой сотрудники вели запись текущих передач советского радио, чтобы, по словам главного редактора, «быть в курсе событий на той стороне».

В первые месяцы жизни в Германии Иван, пожалуй, ближе всего сошелся с основателем и руководителем «Русского Национального Союза Участников Войны» (РНСУВ) генерал-майором Антоном Васильевичем Туркулом. Союз Туркула действовал под девизом «Бог — Нация — Социальная справедливость». За два с лишним года существования Союза его отделы, помимо Франции, были созданы в Бельгии, Чехословакии, Югославии, Греции, Албании, Болгарии, Аргентине и Уругвае. В РНСУВ входили ветераны сражений Первой мировой и гражданской войн, стоявшие на активных антисоветских позициях.

РНСУВ возник как противовес РОВСу, который, по убеждению Туркула, был пассивной, неспособной к реальному действию организацией, проявлявшей непонятную слабость в выработке четкого политического курса. Значительную часть вины за это он возлагал на старших командиров РОВСа, которых подвергал критике со страниц официального органа своего Союза — газеты «Сигнал».¹

В Берлине Туркул оказался не по своему желанию: в числе других белых генералов он был выслан из Франции за «пронемецкую ориентацию». Туркул не скрывал прогитлеровских симпатий. Ему нравилась «эффективность» нового германского режима, сумевшего за считанные месяцы расправиться с «красной угрозой» и предложить привлекательную для большинства немцев программу модернизации страны и защиты ее жизненных интересов.

К Солоневичу, несмотря на его нелегкий характер и конфликтивность, Туркул отнесся вполне лояльно. Он ценил его публицистический и литературный дар.

Надо ли говорить, что критику Туркула в адрес РОВСа Солоневич разделял полностью. Не было разногласий и в оценке текущего момента: мировая ситуация стремительно меняется, эти изменения надо встретить во всеоружии. Самые неотложные задачи для здоровых сил эмиграции были очевидны: как можно скорее объединить идеологически близкие политические движения и партии, сформировать боевые

¹ Выходила в 1937—1940 гг.

силы для неизбежной «военно-политической акции». И, наконец, определиться с фигурой лидера, который должен возглавить эмигрантский национальный центр и его боевую организацию. Избрать главнокомандующего...

По мнению Туркула, дожидаться «внутреннего переворота» в СССР не имело смысла. Он считал, что еще до начала войны в Европе надо было ослаблять власть Сталина путем развертывания на территории СССР гражданской войны, используя для этого боевые отряды из числа эмигрантов и «национальные силы на русской земле». Туркул полагал, что нападение Гитлера на СССР неизбежно и что с немцами, хочешь не хочешь, до определенного момента придется сотрудничать. Но потом, по замыслу генерала, русские национально-патриотические силы должны будут дать отпор германизации и колонизации России. Главной стратегической задачей в будущем Туркул считал превращение Красной армии в Российскую Императорскую армию.

Оба, и Солоневич, и Туркул, с воодушевлением приняли идею создания Российского Национального Фронта (РНФ), призванного, наконец, объединить эмигрантские организации. Солоневич почти ежедневно встречался с Туркулом. В «неформальной обстановке» пивной, на берегу озера или за садовым столом виллы Солоневича в Клейн-Махнове они обсуждали принципиальные программные вопросы.

Когда в начале 1939 года нацисты наложили запрет на деятельность РНФ, Солоневич отдалился от Туркула: слишком велико было разочарование. Но дружеского расположения к генералу-дроздовцу Иван не изменил. Во время пребывания в Темпельбургской ссылке до него доходили разрозненные известия о Туркуле, который так и не получил шанса на реализацию своего «стратегического плана» по массовой заброске боевых отрядов эмиграции на территорию СССР. Не вышло и с организацией сопротивления политике немцев, направленной на «колонизацию и германизацию России». Генерал командовал казачьей бригадой во власовской армии РОА, вдали от советских границ. После войны Туркул был председателем «Комитета русских невозвращенцев», в 1950 году возглавил «Комитет объединенных власовцев» в Мюнхене с печатным органом «Доброволец»...

«Я не лезу в вожди!»

Создание единого Национального русского фронта было провозглашено на торжественном собрании в Берлине 18 мая 1938 года. Это была последняя предвоенная попытка объединения «правого крыла» российской политической эмиграции. Инициатором создания «Фронта» был Российский фашистский союз на Дальнем Востоке. Идея НРФ многим показалась своевременной, «прижилась» и, редкий для эмиграции случай, была реализована! Во «Фронт», помимо Российского фашистского союза, вошли РНСУВ, РНСД, кружки друзей «Голоса России», Русский Национальный Союз в Америке (руководитель Н. Мельников). К «Фронту» также примкнули ячейки «новопоколенцев», парижский кружок В. Ларионова «Белая Идея», некоторые казачьи организации и редакция «Возрождения».

Солоневич надеялся на быструю консолидацию «Фронта» и делал все возможное для выработки приемлемой для всех политической программы и платформы действий. О перспективах Солоневича на «возглавление» «Фронта» говорили все чаще. За его спиной стояла разветвленная «штабс-капитанская» (народно-имперская) организация (в 1938 году насчитывалось не менее 40 «берлог» в Европе, Азии и Северной Америке).

Свою точку зрения на «Фронт» Солоневич разъяснил в статье «Передовые позиции»:

«Наш Национальный фронт построен, так сказать, на принципе разделения труда: Российское Национальное и Социальное движение (РНСД) работает по преимуществу в Германии. Российский Фашистский Союз работает главным образом на Дальнем Востоке. Российский Национальный Союз участников войны (РНСУВ) охватывает по преимуществу военных и ставит своей целью — опять-таки по преимуществу — подготовку военной мысли. «Наша Газета» свою основную задачу видит в постройке идейного и психологического моста между зарубежной и подсоветской Россией.

Наш Национальный Фронт уже в настоящее время является вне самого сомнения и вне всякой конкуренции наи-

более мощной организацией Зарубежья. Ежели мы и не устраиваем по этому поводу никаких торжеств, то, уж во всяком случае, мы достигли одного: мирной совместной работы. Даже и это очень скромное достижение — в истории эмиграции беспримерно. Может быть, это очень уж незначительное достижение. Однако и такого до сих пор сделано не было. Европейская часть эмиграции никак не хочет верить в наш фронт: помилуй Бог, невиданный и беспримерный в истории Зарубежья скандал: четыре организации, которые по всем законам зарубежной политической жизни должны были бы друг с другом конкурировать, вгрызаться друг другу в глотки и вообще всячески друг друга подсиживать, — мирно работают друг с другом».

Михаил Спасовский (Гротт), корреспондент Солоневича в Тегеране, написал ему в связи с созданием «Фронта» (15.06.1938):

«Мы, наконец-то, получили реальную опору и для соби- рания действенных русских сил, и для согласования наших русских национал-революционных политических заданий, и для практических свершений. Нет сомнения, к этому фронту примкнут все волевые наши, действительно русские организации и газеты. Вот когда произойдет отсеивание подлинных сынов грядущей национальной России от ее явных и скрытых врагов, — вот когда качественный отбор воочию покажет, кто среди нас готов идти и идет спасти Россию, и кто именно занят только самолюбованием и словоблудием!..

И еще, — как хорошо, что наш Национальный фронт завязался именно в Берлине и там пребывает, а не в каком-нибудь Париже, — ведь эта очаровательная резиденция «Великого Востока» Франции является поистине могилой всех русских начинаний! Парижский период русской эмиграции — чего уж тут скрывать! — есть самый позорный в истории русского зарубежного пребывания. Что дало русскому делу наше эмигрантское сидение в этом французском Вавилоне? Ничего, кроме провалов, провокаций, предательств и тяжких катастроф. Подальше, подальше от этого злчного места!»

Гротт приложил к своему письму восторженное послание одного из русских эмигрантов в Иране (Персии):

«От лица здешних «штабс-капитанов», которые считают «Голос России» своим руководящим органом, а И.Л. Солоневича

ча своим руководителем, обращаюсь к Вам, как нашему единомышленнику, с просьбой передать ему наше искреннее согласие на вхождение «Голоса России» со всеми ее «штабс-капитанами» в Национальный фронт. Это и есть та среда, которая выдвинет и поддержит русского Гитлера и русского Геринга. Так будет, — так должно быть. Ура Национальному фронту! Ура главному штабу этого фронта в лице генерала Туркула, Меллер-Закомельского, Солоневича, Деспотули, Тедли, Рыбакова! Да здравствует Россия, да сгинет СССР!»

М. Самсонов в письме В. Маклакову из Будапешта (12.11.1938) подтвердил всеобщее оживление русской эмиграции в связи с Национальным фронтом:

«Хотя пропаганда Солоневича большого впечатления не производит, вопрос о создании «центра» русской эмиграции очень всех интересует. Прошу Вас не отказать высказать Ваше мнение по этому вопросу, ибо возможно, что он будет поставлен на очередь дня. Самого Солоневича здесь считают очень ценным эмигрантом, хотя другие — провокатором или просто политическим авантюристом».

В. Маклаков отозвался на призыв М. Самсонова «высказаться» по поводу создания Фронта (16.11.1938):

«Мое личное мнение по этому вопросу совершенно определенное. Как она ни симпатична, по существу, абсолютно неосуществима. Я не буду говорить о чисто русских партийных разногласиях, которые продолжают быть очень большой реальностью, если даже церкви не сумели объединиться. Но сейчас русскую эмиграцию разделил вопрос международный. Та записка, о которой Вы говорите (Петровича), вытекает из сочувствия Гитлеру, веры в него: на этом никогда Вы эмиграции не объедините. Даже те, кто втайне ей и сочувствуют, ни здесь, во Франции, ни в Англии, в этом не признаются; да и сочувствующих не так много. Поэтому речь может идти не об объединении, а только о выборе некоторой партийной позиции и об объявлении всех несогласных врагами отечества. Кроме новых раздоров из этого не выйдет ничего. Я могу себе представить, что все русские, живущие в Германии, объявят себя гитлеровцами; это их дело, но рассчитывать на этом объединить всю европейскую эмиграцию — уже безумие. Я продолжаю оставаться вне партии и с этой позиции не сойду, а, кроме того, надежд на Гитлера совершенно не разделяю и по существу».

Маклаков отметил также, что лично Солоневича он не знает, его публицистическим талантом давно восторгается, хотя его «политическая подоплека» ему неясна.

Интересно, что и русские масоны-эмигранты «на заре» Национального фронта оценивали Солоневича «неясной в политическом отношении фигурой». Так, в ходе очередного заседания парижской ложи «Лицом к России»¹ 24 июня 1938 года имя Солоневича не раз упоминалось в связи с возрождением в среде эмиграции «настроений гражданской войны». Масон Бурьшкин, считавшийся в ложе специалистом по германской проблематике, привлек внимание «братьев» к тому, что в «Майн кампф» Гитлера «говорится об акции на Россию». Бурьшкин подчеркнул, что «в плоскости этой идеи действуют сейчас Туркул, Солоневич, Меллер-Закомельский». Много эмигрантов из Франции, несомненно, под влиянием этой пропаганды, уехало в Германию. Среди нас действуют элементы, которые вводят нас в борьбу, и это уже не белые мечты, это реальное задание».

Другой брат — Кроль — внес свою лепту в дискуссию:

«Я не удивился бы, если бы узнал, что немцы выдвинули Туркула или Солоневича на ампула генерала Франко для России и устроили там то, что они сделали в Испании. Это, конечно, послужило бы началом мировой войны. Против этого мы ничего сделать не можем, но мы все-таки должны принимать меры борьбы против растлевающего влияния национал-социализма, должны действовать на тех, среди которых Солоневич ведет свою пропаганду».

Оптимизм Солоневича в отношении перспектив РНФ не выдержал испытания временем. Фронт не имел объективных возможностей для развертывания работы в Германии. Несколько заявлений «на злобу дня», не имевших последствий, череда бесполезных собраний, игра в «перетягивание каната»

¹ В ложу входили братья: Н.Д. Авксентьев, П.А. Бобринский, П.А. Бурьшкин, М.П. Кивельович, И.А. Кривошеин, М.А. Кроль, Б.П. Магидович, П.Н. Переверзев, А.С. Альперин, В.Л. Вяземский, Б.Ю. Прегель, В.Е. Татарин, М.М. Тер-Погосян, Н.В. Тесленко.

за лидерство в РНФ, — все это стало напоминать привычную возню в эмигрантском болоте, что всегда вызывало у Солоневича отвращение. «Заккрытие» немцами РНФ он встретил без особых переживаний. Этого следовало ожидать после запрета деятельности партии Мельского. Если даже он не смог поладить с нацистами, что говорить о русском национальном «Фронте»?

Свое мнение о роли брата в РНФ высказал Борис. Он знал, что Иван был кандидатом на лидерство в Национальном Фронте, завидовал черной завистью (амбиций ему было не занимать) и, не удержавшись, в очередной раз «лягнул» брата. В брошюре «Не могу молчать», выпущенной в 1939 году, Борис указал на «ненужность» присутствия Ивана в рядах Фронта, когда там есть такие опытные политики, как Туркул, с его взвешенным, разумным, конструктивным подходом к делам РНФ. По словам Бориса, Туркулу, а также Родзаевскому и Мельскому только и приходилось что сдерживать и поправлять И.Л. Солоневича:

«Формально все они стоят вместе с И.Л. в одном строю «Российского Национального Фронта» и, так сказать, идут вместе. Но, на самом деле... они ведут совсем иную тактику — объединительную, тактику сговора, размежевания, тактику привлечения всех ценных людей без ударов и оскорблений. И на этом спокойном, достойном фоне выходки И.Л. кажутся такими угловатыми, нелепыми и ненужными»¹.

Борис высказал точку зрения и на причины «провала» РНФ:

«Национальный Центр», вопрос о котором обсуждался так серьезно и всенародно, теперь отошел в область преданий. Во всяком случае, об участии в нем И.Л. и «Нашей Газеты» нельзя и говорить. «Российский Национальный Фронт» — построение очень туманное. Судя даже по тому, что организации, входящие в него, действуют совершенно по-разному, можно сомневаться в «единости» этого фронта. Опубликованное еще в октябре сообщение о создании Р.Н.Ф. до сих

¹ Солоневич Б.Л. Не могу молчать! // «Наша газета», Эмиграция, РОВС, И.Л. Солоневич. Париж, 1939. С. 51—52.

пор осталось без поддержки какими-либо совместными действиями. Иногда чудится, что «Российский Национальный Фронт» это — Иван Лукьянович. А орган его — «Наша Газета». Но разница в тоне «Нашей Газеты», «Сигнала», «Р.Н.С.Д.» и «Нации» настолько разительная, и стремление И.Л. к самостоятельной политике настолько выпирает всюду, что слово «фронт» кажется несколько искусственным. Слово «фронт» предполагает и единство действий и единство командования. Единства действий нет. А насчет единства командования? Разве Иван Лукьянович может кому-либо подчиняться вообще? Он хочет командовать сам. Но можно сомневаться, что такие спокойные и сильные люди, как ген. Туркул, полк. Скалон, А. Мельский, К. Родзаевский пошли бы в подчиненные к нервно неуравновешенному человеку, несмотря на весь его ум и все его таланты»¹...

Борис подчеркнул, что надежды эмиграции на то, что в треугольнике РОВС — Туркул — Солоневичи — можно будет достичь реального политического объединения, — мало вероятно: «...появившаяся трещина в этом треугольнике угрожает перерасти в пропасть»².

Иван Солоневич, анализируя причины провала «Фронта», особенно критиковал Родзаевского, его стремление любой ценой выдвинуться на роль «Национального Вождя, Вождя Российского Фашизма». Скорее всего, по этой причине Родзаевский поторопился издать свой 90-страничный теоретический труд о русском фашизме и его программных установках, — эдакий доморощенный вариант «Майн кампф». Возмутило Солоневича практическое отсутствие в этом труде упоминания о монархии, монархической реставрации и державном вожде. Значит, в будущей России без этого можно обойтись? Особенно Родзаевский налегал на необходимость замены коммунистической диктатуры диктатурой фашистской, называя ее для пропагандистской удобоваримости «национальной». Полномочия будущего диктатора России Родзаевский, без всякого сомнения, примерял только на себя.

¹ Солоневич Б.Л. Не могу молчать! С. 42—43.

² Там же, с. 43.

В статье «Русский путь»¹ Солоневич камня на камне не оставил от «теоретических установок» Родзаевского и его претензий на диктаторство:

«Диктаторов русская революция знала вполне достаточное количество, — иронизировал Солоневич. — Был тот же Керенский-душка и прочее. Был Ленин, есть Сталин. Была диктатура Деникина, была диктатура Колчака, были диктатуры Миллера, Юденича, Петлюры. Была даже и диктатура Махно. Ну, и что? Где в результате всех этих Вождей и Героев с самых больших букв типографского набора, — где мы с вами нынче? Так что же, еще раз попробовать такую же схему?» Солоневич вновь подчеркнул, что высшим и исторически проверенным гарантом стабильности в России может быть только российская монархия. Только ей поверит русский человек. Монархия «никогда никаких хороших слов не говорила, никогда никаких турусов на колесах не обещала», но на протяжении тысячелетия упорно и последовательно делала свое дело, строя Империю, в которой было бы удобно и защищенно всем ее жителям.

Солоневич отверг попытки Родзаевского трактовать российский фашизм с позиций теории и практики итальянского и германского фашизма: «Мировой фашизм» для нас ни при чем. Не нужно строить никаких интернационалов — хотя бы интернационалов наоборот».

В качестве альтернативы «фашистской диктатуре» Родзаевского Солоневич предложил три ключевых пункта программы штабс-капитанского движения для будущей России:

— восстановление монархического правления как политической необходимости;

— возвращение к православию как источнику духовного и национального бытия, защищая его, если потребуется, даже вооруженным путем («Никакого «равенства религий перед законом»!);

— обращение к народно-демократическим истокам российской истории, «которые были изуродованы «дворянскими вольностями».

¹ См. указанную работу в сб. статей Солоневича И.Л. «Вся власть — русским мозгам!» СПб.: 2003.

«Мы — за восстановление общенародного и общенационального единства, — подчеркнул Иван, — за общую для всех «государеву службу» и за оценку людей не по «разрядным книгам», а только и исключительно по службе».

Родзаевский критическое выступление Солоневича по поводу программы Фашистского союза воспринял в штыки и ответил традиционным набором обвинений-оскорблений: первое, Солоневич действует по директивам ОГПУ, второе, он — психически ненормален. Ответил Иван только через полгода в журнале «Родина», используя не менее сильные выражения, чем его политический оппонент:

«Для идейной критики Родзаевский безоружен абсолютно. Аки младенец. Его программа — это просто убогое и малограмотное либретто к комбинации из трех чужих опер»¹.

Читателям Солоневич объяснил, что свою статью «Русский путь» рассматривает как эпизод идейной борьбы и защиты монархических взглядов. По его мнению, сторонники Родзаевского и других политических партий должны знать, какие именно конечные цели ставит перед собой движение «штабс-капитанов».

Отстаивая свои монархические взгляды, Иван Солоневич не оставлял попыток добиться приема у Главы Российского Императорского дома Великого князя Владимира Кирилловича, к которому он обратился с тщательно продуманным и одновременно эмоциональным письмом². «Я надеюсь, — писал он, — что в качестве русского монархиста, — монархиста от рождения своего, и человека, прошедшего сквозь все мытарства советской жизни, я смогу быть полезным Вашему Высочеству, делу возрождения Монархии и делу возрождения России».

Солоневич пытался заинтересовать Владимира Кирилловича теми вопросами, которые он намеревался затронуть в ходе аудиенции:

¹ См. в журнале «Родина» № 1 (1.05.40) статью Солоневича И.Л. «На ту же тему».

² Письмо направлено 1.01.1939 г.

«Моя просьба вызвана прежде всего тем обстоятельством, что о целом ряде вещей, о которых я писать не мог, я могу доложить только Вам. Вам и *больше никому*. С другой стороны, я имею основание предполагать, что едва ли еще кто-нибудь располагает такими данными об опорных линиях монархического движения в России, какие накопились у меня». И еще одна многозначительная фраза, являющаяся, без всякого сомнения, ключевой в письме: «Я абсолютно убежден (это убеждение только закалилось в советское время), что Россия *неизбежно* вернется к монархии».

Солоневич был уверен, что Владимир Кириллович отзовется на его послание, заинтересуется «опорными линиями монархического движения» в Советской России. Но ответа не последовало.

Во второй половине января 1939 года Великий князь посетил Берлин. В воскресенье, 22 числа, он присутствовал на торжественном богослужении в соборе. Иван отстоял весь молебен, погруженный в свои не слишком веселые мысли. Владимир Кириллович рядом, редкая возможность, но удастся ли обратиться к нему, попросить об аудиенции? Служил Берлинский архиепископ Серафим (Ляде), немец по рождению, человек недюжинного ума и энергии, который, несмотря на свой немецкий акцент, воспринимался паствою как истинно русский. После богослужения Солоневич даже не пытался приблизиться к Великому князю, который был окружен, как стеной, представителями эмигрантских организаций. Несмотря на сильную простуду Владимира Кирилловича, о которой из «беспроволочного телефона» узнали все присутствующие, он не сразу покинул собор, удостоив беседы тех из лидеров эмиграции, которые находились рядом с ним.

Через два дня Солоневич, получивший приглашение на большой прием в честь Главы династии, все-таки смог обменяться с Владимиром Кирилловичем несколькими словами, носившими протокольный характер, и выслушать от него высокую оценку его литературной и публицистической деятельности, направленной на защиту интересов России, Православия, Монархии. Великий князь подчеркнул, что очень ценит его верноподданнические чувства, искреннее отношение к династии, пожелал Солоневичу такого же упорства в

деле служения высшим интересам России и в будущем, которое, по мнению Владимира Кирилловича, было многообещающим для всех русских.

На приеме было около 400 приглашенных, и главный распорядитель его, генерал Бискупский, делал все возможное, чтобы вниманием Главы Императорского дома не был обделен ни один из влиятельных членов берлинской колонии. Помогавший Бискупскому генерал Лампе (обычно они избегали друг друга) подал Солоневичу знак, что время, отпущенное на беседу, истекло. Опять торопливые протокольные слова, прощальный поклон Солоневича, и к Великому князю подвели очередного собеседника. Все строго по списку, который озабоченно проверял представитель Императорского дома Фабрициус де Фабрис. Надо ли говорить, что Иван Солоневич покинул прием разочарованным. Несколько минут протокольной беседы далеко не то, на что он рассчитывал. Неужели все эти благородные дамы в придворных нарядах (несть им числа!) так важны для судеб Императорского дома? А ведь, он, единственный русский мужик на приеме, должен был, наверное, рассчитывать на какое-то исключение из правил, на особое отношение...

Вспоминая об этом приеме, Солоневич писал:

«С Великим князем я разговаривал в моей жизни всего один раз. Этот разговор длился минут пять»¹.

То, что не удалось сказать Великому князю, Солоневич изложил в статье «Монархия и штабс-капитаны», опубликованной в двух номерах «Нашей Газеты» 19 апреля и 17 мая. Внешним поводом к публикации статьи явилось Обращение Главы Императорского дома к верноподданным по случаю Пасхи, в котором содержались такие слова: «Теперь, когда все Русские люди, мыслящие восстановление Империи Российской на ее исторических началах, объединились вокруг Меня, Я вновь призываю: будем едины, ибо только в единении сила! Пусть старшие принесут на алтарь Отечества свой жизненный опыт, а молодые — присущие им пыл и энергию. Да поможет нам Бог!».

В Обращении в жестких формулировках осуждался коммунистический режим в России:

¹ «Наша страна», № 5, 13.11.1948.

«Нынешняя власть за двадцать два года страданий народных залила потоками крови Родину нашу, довела Ее до небывалого обнищания и продолжает предавать интересы страны на пользу III интернационала. Бессмысленно верить в ее перерождение во власть национальную, и нельзя ее признать хранительницей государственных рубежей и защитницей интересов России. Эта антирусская власть, учитывая опасность нарастающего из недр народных спасительного национализма, силится направить здоровые устремления народа в русло своих отравляющих душу идей. Те, кто верит в достижения нынешней власти и готовы усматривать в ней как бы преемницу создателей русского величия, — в своем заблуждении не встретят сочувствия Моего. Интернациональная коммунистическая власть останется до конца своего врагом России и ее народов. Не может быть примирения и соглашения с богоборческой лженародной властью».

По оценке Солоневича, Обращение Великого князя полностью «дезауировало» прежние попытки просоветских элементов в эмиграции, прежде всего младороссов, «морально связать династию с большевизмом, организовать международную поддержку большевизма путем спекуляции именем династии, вести от имени династии пропаганду советских достижений, советской эволюции и советского национализма»¹. Нейтрализация Младоросской партии как политического течения, спекулировавшего близостью к династии, по мнению Солоневича, выдвинула на первый план вопрос о подлинно монархических, политически активных кадрах, которые могут стать эффективным инструментом реставрации монархии в России.

В монархическом зарубежье, считал Солоневич, таких кадров практически нет, и оно «оставлено совершенно без руля и без ветрил», хотя весь ход развития событий указывал на то, что лозунг восстановления монархии в России вот-вот будет затребован. Писатель пытался определить: кто, какие силы, в случае переворота в России смогут взять на себя руководящую роль? Кто реально претендует на выполнение такой задачи? Солоневич назвал кандидатов и тут же дал отрицатель-

¹ См.: Солоневич И.Л. Монархия и штабс-капитаны // Вся власть — русским мозгам! СПб., 2003.

ную оценку их возможностям. Этот Высший Монархический Совет, который время от времени заседал в Париже, состоял в большинстве из крупных помещиков и нередко подменял интересы монархии интересами реванша, «помещичьих вожделений». Фашистские и профашистские организации РНСУВ, РНСД, новопоколенцы и другие «не спешили» включать в свои программы конкретные положения о восстановлении монархического правления в России, довольствуясь в лучшем случае «туманными и уклончивыми формулировками».

Газета «Царский Вестник» никакой организационной и пропагандистской роли сыграть также не смогла бы: ее материалы, по характеристике Солоневича, — это «сплошное кликушество, позорное для лиц мужского пола», «умильная манная кашка», «захолустно провинциальный стиль царевкокшайского церковного старосты», полное отсутствие способности к анализу и выработке программы действий. «Средний русский зарубежный офицер» тоже не способен ни к вооруженной (за годы эмиграции его техническая отсталость в этой области стала непреодолимой), ни к идейной защите монархии. Оказавшись в России, он будет не в состоянии доходчивым и современным языком изложить «подсоветским» соотечественникам суть своих монархистских взглядов, аргументировать необходимость восстановления монархии в стране, раскрыть концепцию монархического мироустройства после десятилетий большевизма.

Не менее строго оценил Солоневич перспективы Движения штабс-капитанов «на фронте возрождения монархии», указывая, что оно все еще находится в процессе организации, создания «идеи и костяка будущего служилого слоя Императорской России». Конечный вывод неутешителен: «Ни одной действительно активной, действительно монархической организации у нас нет». Правда, Иван намекнул на то, что его Движение решает задачи, о которых не время рассказывать в печати:

«Не будем связывать Главу Императорского Дома нашими организационными претензиями. Мы живем в такое путанное время, в котором буквально каждый день скрывает всяческие неожиданности и сюрпризы. Мы можем рисковать неожиданностями. Глава Императорского Дома рисковать не может. Ежели лидер штабс-капитанов сорвется на каком-ни-

будь неудачном политическом зигзаге — это полбеда. Если сорвется Глава Императорского Дома, — это может быть уже катастрофой».

Этот фрагмент из завершающей части статьи «Монархия и штабс-капитаны» можно истолковать, как завуалированный комментарий по поводу явного нежелания Великого князя ответить на январское письмо Солоневича. Великий князь воздержался от встречи с писателем и, соответственно, знакомства с его соображениями о проблемах монархии и «опорных линиях монархического движения в России». Иван дал понять, что ему ясен ход рассуждений Главы Императорского Дома:

«Мое имя постоянно склоняется недругами, разобраться в том, какой я на самом деле, — нелегко, и поэтому я понимаю вашу позицию, — вы хотите избежать политического риска общения со мной, как личного, так и через переписку».

Что же касается «опорных линий монархизма» непосредственно в России, то Солоневич категорически утверждал: это, в первую очередь, 120 миллионов крестьян. Насильственная коллективизация не выбила из них монархических убеждений. По словам писателя, «для всего российского крестьянства царское время — это есть потерянный по неразумию рай. Иногда идея монархии облекается в религиозно-мистические формы, и призрак царя-мученика как-то сливается с великой тенью Христа. Иногда идея монархии формулируется чрезвычайно ясно и четко как экономическая и политическая необходимость для крестьянства». Латентный монархизм не чужд и тем 18 миллионам рабочих, выходцев из деревни, которые по своему реальному «социальному происхождению» были кулаками, подкулачниками и середняками. Они вынужденно мимикрировали, но сохраняют в себе огромный потенциал сопротивления и ненависти к большевикам. По мнению Солоневича, «это основные кадры грядущей всероссийской резни: эти будут резать без никаких».

При наличии столь мощной крестьянско-пролетарской поддержки, считает Солоневич, не возникнет серьезных препятствий по приобщению к делу восстановления монархии «технократически настроенной интеллигенции» (при хорошо поставленной пропаганде). Не останется в стороне и большая часть командного состава армии, для которой установление

монархического образа правления станет надежной защитой от «бонапартистских» эксцессов, кровавых чисток и борьбы за власть в армии.

Из сообщения агента Муля от 8 февраля 1939 года:

«Белая эмиграция в Берлине имеет двух «высоких покровителей» — Геринга, опекающего «имперское русское движение» и настаивающего на большом походе, и Розенберга — особенно сочувствующего сепаратистским стремлениям, в частности — украинцев.

В последнее время общим замыслом Гитлера больше всего отвечает, конечно, Розенберг. В Германии идет повальная регистрация белоэмигрантов с настойчивым пожеланием каждому «отыскать в своем роду какие-либо украинские корни».

Недавним любимцам «имперского» полка было предложено помалкивать и вести себя тише. Туркула вызывали в гестапо и пристрастно допрашивали о его отношении к украинцам и вообще к украинскому вопросу. В связи с этим Туркул якобы писал письма в Париж, жаловался на усталость и выражал надежду вырваться за границу. В тех же кругах утверждают, что разрыв между Солоневичем и Туркулом близок, хотя совсем недавно они воспевали друг друга. Признаки этого охлаждения уже имеются в газетах Туркула «Сигнал» и «Нашей Газете» Солоневича.

Небезызвестный белоэмигрантский журналист Рышков (Евгений Тарусский)¹ в последнем номере газеты «Часовой» поместил ответ на письмо какого-то полковника, опубликованное в № 14 «Нашей газеты». Он предлагал Архангельскому немедленно сдать должность «подлинному вождю» Солоневичу».

Сообщение агента Одессит — 3 марта 1939 года:

«Начинается заметный отход от «Главы династии», причем в сторону Солоневича. Последняя история с «предатель-

¹ *Тарусский* (Рышков) Евгений (1895—1945) — белый офицер, участник Гражданской войны, зам. главного редактора газеты «Новое слово». Конец Второй мировой войны застал его в казачьем стане в Австрии. Когда англичане стали выдавать казаков советской репатриационной комиссии, Тарусский застрелился.

ством» Николая Абрамова повлияла на многих людей из РОВСа и усилила приток новых сторонников в лагерь Солоневича. С другой стороны замечается также тяга «штабс-капитанов» на сближение с НТСНП. На одном из собраний «штабс-капитанов» в Париже председатель местной группы полковник Значковский обратился к членам кружка с призывом оказывать помощь НТСНП во всех случаях жизни, т.к. это единственно серьезная организация, идеология которой родственна «штабс-капитанам».

Под массовые «чистки» в центральном аппарате и резидентурах НКВД попали многие чекисты, работавшие по «спортсменам». Большая часть этих оперативных работников была физически ликвидирована. Неосведомленность новых московских руководителей и «повторение пройденного» откровенно проступали в тех запросах и указаниях, которые направлялись в обезлюженные резидентуры. Отъезд, а правильнее сказать, бегство Солоневичей в Германию осложнило работу ИНО НКВД по их «освещению».

В начале апреля 1939 года в берлинскую резидентуру поступило инструктивное письмо по налаживанию работы по «спортсменам». В документе указывалось, что Солоневич работает в тесном контакте с генералом Бискупским (Русский эмигрантский комитет), бароном Меллер-Закомельским и полковником Скалоном (РНСД), а также генералом Антоном Васильевичем Туркулом (РНСУВ)¹. По сведениям Москвы, «Солоневич, Туркул и другие, являясь агентами немецкой разведки, ведут по ее заданию работу по объединению активной части белой эмиграции в так называемый «Российский Национальный фронт (РНФ)». Фронт всецело находится в руках немцев, которые планируют его использование в борьбе против Советского Союза».

¹ В отношении Туркула А.В. («Бульдога» в переписке НКВД) «дополнительно сообщалось» давно известное, что после высылки из Парижа он обосновался в Берлине, откуда руководил имеющимися в различных странах группами своей партии РНСУВ. Указывалось также, что немцы использовали Туркула для подготовки русских боевых кадров и диверсионно-террористических групп, что не соответствовало действительности. В ориентировке было также отмечено, что «Бульдог» вместе с женой живет по адресу Мейнкерштрассе, 24.

В отношении Ивана Солоневича Москву интересовало все: от распорядка и образа жизни до адреса местожительства.

Выполнить это задание было сложно. В конце 30-х годов была практически «заморожена» деятельность советской разведки в Германии. В 1937 году был вызван в Москву и репрессирован легальный резидент Борис Моисеевич Гордон. А.И. Агаянц, назначенный Центром на «замену» Гордону, так и не получил возможности наладить ее должным образом. В декабре 1938 года молодой резидент попал на операционный стол по поводу прободения язвы желудка. Но хирургическая помощь запоздала, Агаянц скончался прямо в госпитале. Почти год резидентура не имела полномочного руководителя.

С сентября 1939 по июль 1941 года легальным резидентом советской разведки в Берлине был Амаяк Захарович Кобулов (псевдоним «Захар»). Карьера его началась после возвышения Берии, ставшего главой НКВД. В российской «шпиологической» литературе не раз отмечалось, что «Захар» не только не обладал данными для разведывательной работы, но и элементарной грамотностью не блистал. Он был дилетантом, но с чрезвычайно развитым самомнением и амбициями, и потому с первых дней пребывания в Берлине попал в поле зрения гестапо. Среди приобретенных Кобуловым «ценных источников» был латышский журналист Орест Берлинкс, 26 лет, корреспондент рижской газеты «Бриве земе», который передавал «Захару» дезинформацию о мирных намерениях Гитлера в отношении СССР, используя якобы имеющиеся у него источники в германском МИДе. «Дезу» составлял сам министр Риббентроп, а агентурной работой Берлинкса руководил штандартенфюрер Ликус, начальник отделения 4-D гестапо.

Через 60 лет после жизни в нацистской Германии Юрий Солоневич вспоминал, что покушения «советской власти» на них не прекращались даже там:

«В одной только Германии было шесть покушений. Одна бомба взорвалась в Гамбурге. К счастью, никого не убила, но могла. Это было в большом зале, где 6 тысяч людей должны были собраться через четверть часа. И она бабахнула из-под кафедры, где батька должен был говорить»¹.

¹ Интервью с Ю. Солоневичем «Вспоминая батьку» // «Наша страна», № 2153, 9.11.1991.

Указать на конкретное «авторство» этих покушений сейчас практически невозможно. В условиях «жесткого контрразведывательного режима» в нацистской Германии советская разведка не предпринимала острых акций на ее территории, тем более по физической ликвидации врагов Советского Союза. Этот подход укрепился после подписания советско-германского пакта о ненападении. Сталин не хотел осложнений с Гитлером. Поэтому «покушения» на Солоневича вряд ли имели «советскую подоплеку». Впрочем, можно допустить, что кто-то из антинацистского сопротивления, а именно — подпольные ячейки компартии, на свой страх и риск, пытались ликвидировать Ивана Солоневича, который вел в то время масштабную пропагандистскую работу по разоблачению «преступлений Сталина и сталинского режима».

Не менее Ивана опасался покушений Борис. «Русское Общество Спортсменов» (РОС) в Брюсселе выделило ему охранника, и Борис, покидая утром квартиру, по примеру генерала Миллера, всегда оставлял на столе записку: куда идет, с кем должен встретиться, когда вернется.

В 1938—1939 годах несколько попыток сближения с Солоневичем предприняло Русское Трудовое Христианское движение (РТХД). Руководство его считало «полезным» иметь в своих рядах «перспективного лидера», имеющего, как полагали в РТХД, «особые» отношения с немцами. Движение ставило своей целью объединение различных группировок русских эмигрантов, способствовать росту их политического и хозяйственно-политического влияния. Движение носило название христианского, а не православного, что было направлено на привлечение к его работе всех русских христиан, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Агент Чиркин, май 1939 года:

«Войцеховский развил огромную деятельность, разъезжая по Бельгии, устраивая собрания и уговаривая всех записываться в христианский синдикат. Лодыженский¹ сказал ему, что очередной закрытый (тайный) съезд, состоявшийся в Женеве, был очень интересен и продуктивен. На будущий съезд Войцеховского обязательно пригласят, а сейчас Лоды-

¹ Лодыженский А.И. — издатель газеты «Новый путь», органа РТХД.

женский обещал прислать ему все отчеты, доклады и постановления предыдущего.

Главная задача съезда состояла в выработке политических и экономических планов становления России после свержения Советской власти, а также подготовке кадров специалистов, которые могут занять руководящие посты. В будущей России должен быть установлен корпоративный строй, основанный на христианско-демократических принципах, так как фашистские и национал-социалистические не подходят. Лодыженский сказал, что на съезде присутствовали архиеп. Анастасий, проф. Ильин, адмиралы Кононов и Машуков, Гершельман, Борис Робертович из Белграда, и Миткевич — председатель РТХД в Сербии. Головин, по его словам, на съезде не был, но работал с Лодыженским в тесном контакте.

Войцеховский был в Берлине, где видел всех русских деятелей. От встреч с немцами он уклонился. Гитлер на Украину наступать не собирается, сейчас его враг № 1 Польша и ее лидер Бек. По словам Войцеховского, наибольшее значение у немцев имеют Туркул и Солоневич, хотя за последнее время начал выдвигаться Ларионов, который в ссоре с Солоневичем. Меллер-Закомельский все больше связывается с гестапо. Он заметно измельчал, занимается доносительством. Тедли сболтнул, что не полагается, и был опять посажен.

По совету Солоневича Войцеховский отказался от представительства газеты «Новое Слово» на Бельгию. Причина — поддержка, которую оказывает ее редактор Деспотули РОВСу и, главное, Абрамову.

Войцеховский уговаривал Солоневича примкнуть к РТХД и постараться убедить немцев разрешить его существование в Германии. Солоневич, который сочувствует РТДХ, не хочет поднимать этого вопроса, считая, что немцы этого никогда не разрешат. Войцеховский все-таки надеется уговорить его в будущем, а, кроме того, он сам собирается вести переговоры с немецкими властями».

Первая половина 1939 года была относительно спокойным периодом в жизни Солоневича: «Я сейчас в первый раз лет за двадцать пять имею, наконец, возможность перевести дух, — писал он. — Возможность, правда, довольно скромная. Газета выходит, и книга пишется. Но все-таки я сижу на бе-

регу горного озера и даже ужу рыбу. Сужением не ладится: моя старая рыболовная бездарность. Но удочка чрезвычайно способствует спокойствию души и ясности в мозгах»¹.

Солоневич дожидался развязки той ситуации, которая сложилась в «верхах» Третьего рейха. Несмотря на явное нежелание гитлеровского руководства «сотрудничать» с антибольшевистской русской эмиграцией, все еще сохранялась надежда на здравый смысл «прорусского крыла германского генералитета», его способность повлиять на Гитлера.

В нацистских кругах Солоневич считался одним из ведущих экспертов «по русским делам», поэтому его периодически приглашали «для консультаций» в научно-исследовательские институты Розенберга. Многие от него скрывались, но то, что он смог «расшифровать» там, его потрясло. Солоневич писал позднее: «Об академии А. Розенберга на Кроссинг-Зее я как-нибудь расскажу... На Кроссинг-Зее был «бург» — целый городок, в котором были собраны «сливки партии» для подготовки полного уничтожения русского народа. Разумеется, на основах «самой современной и самой научной философии»². Имя одного из таких партийных «профессоров» Солоневич назвал, — Грейфе³. Именно он пытался получить у русского писателя «консультацию» «по поводу возможности уничтожения 60 миллионов русских на европейской территории»⁴.

Нацистский режим по-настоящему еще не перешел от «теории к практике», если не считать «ночи длинных ножей», когда были вырезаны конкуренты Гитлера из группировки Эрнста Рема и некоторые свидетели гомосексуальной активности фюрера в его молодые годы в Вене, Мюнхене и в годы

¹ Солоневич И.Л. Пути, ошибки и итоги.

² «Наша страна», № 9, 8.01.1949.

³ Грейфе Герман (род. в 1902 г., в Москве — умер 2 мая 1945 г., в Берлине) — доцент германской Высшей школы политики в Берлине (с 1933 г.), сотрудник Антикоминтерна. В 1934—1936 гг. — директор Русского научного института (переименованного с 1935 г. в «Институт научных исследований Советского Союза»). С 1936 г. Грейфе — управляющий делами «Института Ванзее», подчиненного СС, с сентября 1938 года — заместитель научного руководителя этого же института. Автор исследования (1937 г.) о концентрационных лагерях в Советском Союзе.

⁴ «Наша страна», № 6, 13.11.1948.

службы в армии. Грозный «сигнал» был подан нацистами евреям, жившим в Германии: поджог синагог, грабежи еврейской собственности, запугивания, «вытеснение» евреев за пределы германских границ.

В июле 1939 года Иван Солоневич с сыном совершил автомобильное путешествие по рейху. Юрий увлекался автовождением, выглядел как заправский шофер, даже приобрел специальные перчатки. Поначалу он злоупотреблял скоростью, но потом пришел с отцом к компромиссу — не больше шестидесяти километров в час, чтобы спокойно любоваться идиллическими немецкими пейзажами!

По поводу этой поездки Солоневич написал: «Мы с сыном вырвались на несколько дней в поездку по Германии... «Соответствующее учреждение» намекнуло мне на нежелательность моих поездок в трамвае, в метро, в автобусах: раз мы вас к себе пустили, мы отвечаем за вашу безопасность. Берите такси и записывайте номер. Поездки же вне Берлина без сопровождения соответствующих лиц из соответствующего учреждения не рекомендуется совсем, — всегда кто-нибудь сопровождает. Это очень трогательно, но очень неудобно. Какое-то вечное *memento mori*. Знаю, что рано или поздно помру — зачем напоминать об этом на каждом шагу?»¹

Сохранившееся описание поездки по немецкой провинции — своего рода «дневниковая зарисовка» Солоневича, каких немало встречается в его литературно-публицистических трудах:

«Несколько сот километров по великолепной цементной скатерти авто-бана, потом в сторону — на шоссе, потом еще раз в сторону — на проселок, тоже, впрочем, асфальтированный, и — никакой слежки. Мы вынырнули в какой-то харчевне «Пестрого Козла», в местах, куда еще не ступала нога белого человека, вооруженного нансеновским паспортом. Благодарить. Документов никаких не спрашивают. Юра со своим немецким языком вполне сходит за чистокровного немца-шофера, возящего некоего знатного иностранца по германским достопримечательностям. Мне с моим акцентом за немца никак не сойти».

¹ См. брошюру: Солоневич И.Л. Россия и гитлеризм. София, 1938.

Юра — главный помощник и, если можно так выразиться, «консультант» отца по «интуитивным» оценкам «текущего исторического момента», новых лиц из круга общения, планов на будущее. Иван с нескрываемой гордостью отзывался о сыне:

«Юра неизменно культурнее среднего — и даже не очень среднего — зарубежного генерала (из русской эмиграции). Этот мальчишка говорит свободно на двух языках — немецком и шведском, кое-как еще на двух — французском и английском. За эти годы оный «мальчишка и щенок» грузил бочки, напихивал трухой игрушечных медведей, ставил экспедицию «Нашей Газеты», вел и ведет большую незаметную черновую работу по газете и по организации, написал совсем неплохую книгу, в которой я не поправил ни одной запятой (от каждой поправки Юра на стенку лезет — да и некоторые друзья писали мне, что он пишет лучше меня). За это время Юра, помимо всего прочего, учился своей живописи и нынче зарабатывает свой хлеб своей графикой»¹.

После того, как Борис в конце 1937 года неожиданно отказался вернуться в Болгарию, между братьями начало расти отчуждение. Правда, в июле-августе 1938 года их отношения ненадолго «потеплели» по причине подготовки сценария для берлинской киностудии «UFA». В основу совместного проекта была положена повесть Бориса «Тайна Соловецкого монастыря» и книга Ивана «Россия в концлагере». Но из Министерства пропаганды им сообщили, что постановка фильмов «из русской жизни» запрещена. Запрет был якобы вызван не политическими причинами, а опасениями превращения фильма в очередную «развесистую клюкву» из советской жизни. После провала на кинематографическом поприще братья больше не встречались.

С руководством РОВСа в Бельгии конфликтов у Бориса не было: его «отход» от брата оценили по достоинству. Бориса приглашали на многие мероприятия организации, в том числе на банкеты по торжественным случаям, которые едко высмеивал Иван. Генералы Архангельский и Гартман, возглавляв-

¹ Солоневич И.Л. Пузыри потонувшего мира (к «Самому важному») // Вся власть — русским мозгам! С. 139.

шие Бельгийское отделение РОВСа, считали полезным «подключение» Бориса к работе Союза. Но личная жизнь Бориса вызывала нарекания в колонии. Агент «Одессит» сообщал: «Борис ведет себя в своей обычной манере — на вечеринках выступает с песенками и куплетами, иногда непринужденно дебоширит, ухаживает за молоденькими барышнями, родители которых пишут письма в Союз с протестами, а он без всяких церемоний отвечает — «не ваше дело». Многие от него отшатнулись».

«Отделившись», Борис начал активно писать в эмигрантскую прессу, стал европейским корреспондентом журнала «Нация», который издавался в Харбине. Его журналистское удостоверение подписал сам Родзаевский.

Летом 1939 года Иван порвал с братом все связи. Причиной разрыва стала опубликованная в Париже брошюра Бориса «Не могу молчать!» с подзаголовком: «Наша Газета», Эмиграция, РОВС и И.Л. Солоневич». В качестве эпиграфа к ней Борис поставил несколько цитат из переписки с братом. Вот они:

«Как ты уже давно знаешь, я считаю твою тактику в отношении эмиграции за последний год — вредной русскому делу... Это — не стройка, а разложение и разрушение... (Из моего письма брату, от 18 марта 1939).

«Если ты не прекратишь недостойной русского журналиста оскорбительной и клеветнической травли верхов нашей белой эмиграции, в частности РОВС, я буду вынужден немедленно опубликовать резкую брошюру о твоей тактике и постараюсь возглавить движение протеста против твоей разлагающей работы в эмиграции»... (Из моего письма брату, от 4 мая 1939).

«Твой нынешний ультиматум и по форме и по существу глуп уже до степени сумасшествия». (Самая корректная и спокойная фраза ответного письма брата, от 5 мая 1939).

Борис посвятил свою брошюру проблеме падения престижа «Нашей Газеты» и нелояльному, если не сказать деструктивному, характеру ее использования в отношении «возглавителей» эмиграции, возлагая всю ответственность за это на Ивана. По мнению Бориса, история «Нашей Газеты» («Голоса России») делится на три этапа: рапорт зарубежной России

о подсоветской; вмешательство в жизнь эмиграции; попытки организационно-политического творчества в эмиграции.

Наиболее успешным, по его оценке, был первый этап: «Этот коллективный рапорт как бы приоткрыл завесу, опущенную над тем, что творится на нашей Родине. Проверенные на опыте четырех (Солоневичей), выстрадавшие в лагерях и в советской жизни, анализы и прогнозы «Голоса России» разметали многие иллюзии и туманы, покрывавшие настоящие пружины и корни советской жизни. Именно этот период — рапорта и анализов советской жизни — привлекли к газете и нашему «коллективному» имени такую любовь и такое уважение русской эмиграции. Поездка моя и брата с докладами по странам Европы еще более усилила этот ореол. Русские люди увидели и, так сказать, проверили «чувство локтя» с теми, кто вырвался «с того света», и этот личный контакт закрепил, казалось, навсегда, сердечную и политическую связь эмиграции с Солоневичами».

Второй и третий этапы, по оценке Бориса, были полностью провалены. Причины идейного заката газеты: *неверная оценка сил эмиграции, и — устремление ударов несравненно-го полемического таланта Ивана Лукьяновича не в сторону врагов, а в сторону друзей.*

В частности, Иван Солоневич взял ошибочный курс на возвеличивание политического потенциала тех «штабс-капитанов», тех «одиночек», которые «сидели по углам». Борис дал им такую характеристику: «Они были или очень милыми, гостеприимными и вместе с тем слабыми людьми, начинавшими уже забывать свой долг перед Родиной и не сумевшими найти себе места в русском строю, или — наоборот: обозленными, самолюбивыми, с большим самомнением. Эти последние в недостатках эмигрантской работы винули всех, кроме себя... Черновой работы они не признавали. Им нужно было что-то особое, что пришлось бы им по вкусу. На работу в строю они были не согласны. Им нужна была какая-то «индивидуальная» работа, которая бы их удовлетворила. Но сами себе они найти ее тоже не могли»...

По версии Бориса, апеллируя именно к этой категории эмигрантов, Иван Солоневич начал наносить «удары по своим». «Это ощущение, — пишет Борис, — окрепло после того, как ясно определился перелом отношения газеты к эмигрант-

ским организациям и их руководителям, после того, как блестящий полемический талант Ивана Лукьяновича стал больно и, главное, оскорбительно бить во все стороны, перейдя с врагов на тех, кто, казалось бы, должен был считаться друзьями. Удары по ген. Зинкевичу были восприняты массой галлиполийцев, как косвенные удары и по ним, оскорбления проф. Георгиевскому каждый новопоколенец принял в какой-то мере и на свой счет. Травля ген. Архангельского — задевала достоинство всех военных вообще».

Борис подчеркнул, что трансформация Ивана из «публициста в полемиста» стала отталкивать от него эмигрантов, прежде лояльно относившихся к нему: «Шутливый тон стал все больше превращаться в язвительный, а потом и прямо в оскорбительный. Прицелы насмешек стали переводиться все выше и ближе, пока, наконец, не создалось положение, когда почти все и вся прошли под бичом пера И.Л. и никто, даже близкие друзья и брат не были гарантированы от того, что в каком-то очередном номере, в случае несогласия с мнением И.Л., на него не обрушится со всем уничтожающим блеском град насмешек и издевательств». Борис привел небольшую сводку таких издевательских оценок:

«Деникин — вопиющая бездарность, Абрамов — трус, Архангельский — вывеска, Витковский — болван, Зинкевич — идиот, Фосс — чекист, Семенов — «убожество высказываний», Байдалаков — говорит «вредный вздор», Георгиевский — «микроорганический кандидат в Ленины», члены РОВСа — «генеральские денщики», командование РОВСа — «горькая сволочь» и «большевицкая агентура»...

Борис особо отметил в брошюре, что написал ее не с целью защиты РОВСа, мол, Союз обладает таким авторитетом, что не нуждается в чьей-либо защите. Тем не менее по своему содержанию этот труд Бориса: яркий политический документ в поддержку РОВСа, «нашего белого лагеря» и — попутно — публичная демонстрация осуждения брата, неприятия его позиции, разрыва с ним.

По мнению Бориса, его брат проявил неблагодарность, организуя «травлю» РОВСа: «Как удивительно скоро и удобно Иван Лукьянович забыл ту громадную поддержку, которую оказал РОВС рождению «Голоса России»! Нам достали визу, а потом и право жительства в Болгарии, помогли денежным

авансом, советами, связями. Тот же «Галлиполийский Вестник» и ген. Зинкевич дали свои газетные адреса, даже своих представителей... Правда, ведь это было три года тому назад... Можно и забыть об этом!... Но как тягостен вид такой «забывчивости!».

Борис сетовал, что в условиях эмигрантской жизни брат «совершенно безнаказанно может писать буквально все, что он хочет... В более или менее нормальном положении И.Л.у не дали бы ни возможности, ни права писать таким тоном и в таком направлении. Если бы у нас была бы теперь какая-то территория и, скажем, главнокомандующий Белой Армией на этой территории был ген. Туркул, я глубоко уверен, что он учредил бы над И.Л. суровую цензуру. Только в нашем безвременье и беспространственности И.Л. может издавать «свой личный орган» и быть похожим на легендарного слепого Гакона, в упоении битвы ставшего рубить своих... Печать — оружие слишком опасное, чтобы его бесконтрольно оставлять в руках нервно неуравновешенного и безответственного человека...»

Борис считал непозволительным со стороны брата настаивать усталую, больную, взвинченную эмиграцию против ее лидеров и привел такие слова из 29-го номера «Нашей Газеты»:

«Господа русские офицеры! Вашу кровь, которую вы проливали во имя Белой Идеи, господа Зинкевичи и Абрамовы превращают в гной большевицкой провокации... Ваши верхи, ваши руководители — сволочи. Виноваты во всех ваших неудачах — они. Они продали, предали и проворонили Российскую империю, Великую войну, гражданскую войну, и теперь давят вас, «штабс-капитанов». Смахните их, уберите их, объявите им бойкот, не подавайте им руки, разгоните их... Это — дураки, каторжники, нечестные люди, чекисты, большевицкая агентура.. Только ВЫ можете, разогнав их, начать настоящее дело, спасти Россию... Девять шансов из десяти, что уже в этом году мы будем в России»...

«Пророчество» Ивана о том, что эмигранты ступят на землю России «уже в этом году», Борис считал недопустимым, потому что многие «штабс-капитаны» привыкли ему верить: «А что, если судьба вынет неудачный шанс?»

По мнению Бориса, с Ивана Лукьяновича — «взятки гладки. Что ему, что его травля РОВСа ударила по сердцам тысяч людей? Что ему, если его пророчество не выгорит? Тираж газеты, благодаря постоянному щекотанию нервов читателей не падает («Вот покрыл генералов!»). Нерассуждающий политический друг у него только один — пишущая машинка. Безоговорочный сотрудник — тоже один — Юра. Что ему еще?... На крайний случай, он плюнет и уйдет. А пока там что, — он нетерпим к чужим мнениям и не обращает внимания на критику друзей. Ведь если человек с ним не согласен, в лучшем случае, он — дурак, а в худшем... он ставится по другую сторону баррикады... Неудивительно, что И.Л. (его же выражение) оброс подхалимажем и платными нерассуждающими служащими. Конечно, в этих ненормальных условиях трудно сохранять равновесие. Еще римляне говаривали — «власть портит нравы». А власть у И.Л. действительно кое-какая есть, только вот пользуется он ею теперь во вред русскому делу...»

В качестве примера для Ивана Борис привел специфику «взаимоотношений» двух военных союзов РОВСа и РНСУВа. Союз, основанный генералом Туркулом в противовес РОВСу, существует больше двух лет. «У Союза прекрасная идеология и программа, по существу, совершенно разделяющаяся всеми белыми русскими эмигрантами. Казалось бы — предпосылки для развития этого Союза исключительные.. А кто, собственно, мешает Союзу влить в себя не только всех дроздовцев, но и все офицерство вообще? Очевидно, есть *какие-то* причины личного порядка, которые мешают среднему офицеру встать в ряды этой ценной организации. И мне кажется, что ген. Туркул инстинктом понимает серьезность этих причин, давая директивы членам РНСУВ не уходить из РОВС и работать вместе. Так теперь, по существу, и выходит: РОВС и РНСУВ работают вместе в одних рядах по немного измененным специальностям... Это вот я называю мудрой политикой».

Совет Бориса старшему брату, которого он любит, уважает и ценит за литературно-публицистический талант, вполне искренен:

«Конечно, было бы прекрасным выходом из положения, если бы И.Л. забрался в какую-либо санаторию на все лето или отправился бы на Адриатическое море ловить рыбку, лечить нервы и ждать внучат. Тогда, может быть, осенью мож-

но было бы начать другую линию газеты и опять сплотить около себя или хотя бы просто поддержать здоровые кадры русских эмигрантов».

Если И.Л. на это не пойдет, создать вокруг него общий фронт давления и сказать категорическое «довольно»!

Надо признать, что в своей критике РОВСа Иван Солоневич не был одинок. В эмиграции давно обсуждался вопрос о том, что Союз идет «не туда».

Е. Саблин писал В. Маклакову из Лондона по этому поводу (11.11.1937):

«Интересы здравого смысла также обязывают наших военных не увлекаться совершенно несбыточными мечтами, сколь патриотическими ни были бы побуждения. Еще печальнее, чтобы не сказать посильнее, то обстоятельство, что, по имеющимся сведениям, на «активизм» были истрачены громадные средства. Если бы эти средства пошли на какие-либо благотворительные цели — не возник бы и вопрос преступлений, пьянства и самоубийств. Подумайте лишь, что можно было бы предпринять на те деньги, которые тратились на активизм, в результате чего появились провокация, а затем и предательство. Всю эту политику необходимо вырвать с корнем. Мне хотелось бы как-то помочь всем этим штабс-капитанам, которых смущают всевозможные Солоневичи, Семеновы, Алексеевы, Шебеки и К°. Мне хотелось бы разъяснить руководителям РОВСа всю пагубность для их организации вот этого внимания к безответственным активистам... Отказ от политики отнюдь не синоним исчезновения РОВСа. Конечно, необходимо бороться за сохранение РОВСа, как крупной русской национальной организации, но сам РОВС должен помочь своим друзьям, к числу которых я искренно причисляю себя, и не давать своим явным и потенциальным врагам оружия в руки против самих себя».

Иван считал действия брата «интригами». Борис «развалил» в Бельгии Русское общество спортсменов (РОС), ведущую организацию в структуре «штабс-капитанского» движения. Аналогичные попытки он предпринимал в отношении РОСа в Париже. Правда, во Франции роковую роль по компрометации «штабс-капитанского» движения сыграл редак-

тор газеты «Возрождение» Ю. Семенов, который охотно публиковал клеветнические вымыслы об Иване Солоневиче. Писатель высмеивал эти выдумки, устрашающе звучащие для обывателя-эмигранта:

«Иван Солоневич — агент гестапо, а, следовательно, и ГПУ, немецкий ставленник и прочее. Пишет он под диктовку германского министерства пропаганды, и нужно-де спасти бедных штабс-капитанов от всяких полицейских неприятностей». Бедным штабс-капитанам, действительно, пришлось спасаться и самораспуститься: время военное — докажи потом, что ты не верблюд. Наш центральный кружок был зарезан»¹.

Разрыв между братьями оживленно комментировался в кругах эмиграции. В газете «Сегодня» (№ 181 от 3.07.1939) был помещен отклик на брошюру «Не могу молчать» под названием «Политическая ссора двух братьев». Опираясь на содержание этой брошюры, автор, укрывшийся под псевдонимом Р. В-й, камня на камне не оставил от журналистской и публицистической работы Ивана Солоневича:

«Неприятен тон статей, где вопрос касался эмиграции. Впрочем, надо сказать, что вообще тон и стиль «Нашей Газеты» был слишком бравурный, решительный и самонадеянный. Теперь братья разошлись. Это не ссора родственников, а принципиальное размирение политического характера... Борис объясняет промахи и грубости брата тем, что он — больной человек и, значит, безответственный. Так или иначе, брошюра вполне справедливо отмечает, что вера в «Нашу Газету» и в работу Ивана Солоневича погасала и погасла. На страницах даже благожелательных к Ивану Солоневичу органов печати все реже и реже, все равнодушной и холодней становились отклики и упоминания: интерес исчез... Но бесспорно одно: брошюра Бориса Солоневича проникнута искренностью, написана с болью в сердце. Это голос глубокого и безнадёжного разочарования, горьких сожалений в том, что задуманное не удалось».

Не пожалел бранных слов в письме писателю И. Шмелеву Иван Ильин: «Ивашку Солоневича (гад последний! наемный агент Геббельса, живет под Берлином в отнятой у евреев вилле) — прекрасно обработал Цуриков. И брат Сол(оневича) —

¹ Солоневич И.Л. На наших путях // «Родина», № 1, 01.05.1940.

Бориска — тоже наложил. По-моему и Бориска и Ивашка — оба гады»¹. Или такой выпад Ильина в сторону Ивана: «Для меня Солоневич был всегда гадом. Его приемы — грязные. Это какой-то вывихнутый большевик, не без русской (грязной только) соли»².

Иван вычеркнул Бориса из своей жизни. А тот, войдя в раж, изо всех сил подрывал авторитет брата, продолжая «вразумлять» его со страниц эмигрантской печати. Борис посвятил Родзаевского в обстоятельства семейной жизни Ивана. Лидер дальневосточных фашистов, не обладавший интеллектуальным потенциалом для публичной полемики с Солоневичем, опубликовал в журнал «Нация» (24.12.39) очередную статью Бориса, из содержания которой Иван понял, что на него собираются вылить очередной ушат помоев.

Иван ответил на эти недостойные выпады статьей «На ту же тему»³. Он резонно указал на то, что, будучи монархическим публицистом, обязан отстаивать идею монархии в борьбе с другими конкурирующими течениями, включая фашистскую, которую представляет Родзаевский. Иван набросал даже примерную схему, по которой Родзаевский мог бы «вдребезги разбить» его монархическую аргументацию, попытавшись доказать, в частности, «что идея Русской Монархии давным-давно устарела, или, по крайней мере, что для данного момента она потому-то и потому-то несвоевременна: нужно-де подождать. Может быть, все это было бы спорно (бесспорных вещей в мире очень мало), но тут еще можно было бы разговаривать».

Надежды Ивана на цивилизованную полемику не сбылись. Родзаевский и его «Нация» предпочли самый экономичный с точки зрения умственных усилий способ: тот самый, помойный. Иван привел небольшую цитату из статьи Бориса, чтобы проиллюстрировать предложенный уровень дискуссии о фашизме и монархизме: «Аппетит власти диктатора эмигрантской мысли (т.е. И. Солоневича. — *Н.Н.*) рос не по дням, а по часам... Имена Тамочки, Юрочки, Боречки

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935—1946). М.: Русская книга, 2000. С. 276. Письмо датировано 6.07.1939.

² Там же, с. 279. Письмо датировано 15.10.1939.

³ «Родина», № 1, 1.05.1940.

вперегонки забегали по «Голосу России». Скоро вся эмиграция знала, когда мы встаем, чаепитничаем и чавкаем за обедом, храпим ли во сне».

Отвечая Родзаевскому, Иван в первую очередь обращался к брату, напоминая ему об этике, элементарной морали, бдительности, наконец, когда каждое неосторожно сказанное слово может быть использовано врагом:

«Нельзя же так, голубчики-соратники. И нельзя пользоваться письмами Бориса Лукьяновича. Как ни низко стоит уровень нашей эмигрантской порядочности, но до этого не доходила еще ни одна эмигрантская газета — даром что Б.Л. такого рода информацию рассылает по всему белу свету. Иногда она попадает и к красному свету... Часто попадает и ко мне. О ней я ничего не писал, ибо был почти уверен, что ни одна русская газета не станет лазить под семейными кроватями. «Нация» опустилась или собирается опуститься и до этого».

Попытки Бориса выставить на всеобщее обозрение личную жизнь брата были бесчестными, как удары ниже пояса. Гипотетически братья могли бы примириться, если бы конфликт ограничивался только защитой пострадавших ими политических взглядов: ведь время идет, политические взгляды постоянно меняются, оценки тех или иных деятелей эмиграции тоже (кумиры не вечны!). Однако слухи об оскорбительной болтовне Бориса постоянно доходили до Ивана. Из Бельгии приезжали «штабс-капитаны», сохранившие ему верность, и предлагали «хорошенько проучить» Бориса, чтобы не распускал язык. Однако Иван в корне пресек идею «воспитательной взбучки»: «Жизнь покажет, кто прав, кто виноват...»

Последняя атака Младоросской партии

В августе 1939 года член Младоросской партии Василий Дюкин¹ подготовил для Антисоциалистического цен-

¹ Дюкин Василий Николаевич (род. в 1901 г. в г. Порт-Артур — умер в 1985 г. в Риме) — участник Гражданской войны, поручик, автор книги «Кадеты и юнкера в Белой армии и на чужбине». Был членом представительства Младоросской партии в Риме. Работал статистом на итальян-

тра в Италии «аналитический документ» по братьям Солоневичам.

Это была очередная акция по их компрометации, причем не только перед эмиграцией, но и германскими властями. Основной тезис оригинальностью не отличался: «Они не те, за кого себя выдают». Дюкин проигнорировал статью-кредо Солоневича «Пути, ошибки, итоги», опубликованную месяцем раньше. Раз оправдывается, значит, есть за что!

Младороссов не устраивала перспектива превращения Солоневича в «русского фюрера», в «объединителя» всех национально мыслящих эмигрантов, поддерживаемого к тому же (слухи об этом ходили настойчивые) нацистской верхушкой и генералами вермахта. При таком варианте развития событий разваливалась вся эволюционная концепция младороссов для России. «Русский фюрер» и подчиненное ему воинство будут использованы Третьим рейхом как вспомогательная сила в ходе агрессии и разгрома Советского Союза, а потом отброшены за ненадобностью. Младороссы не сомневались, что Гитлер выполнит свою программу по завоеванию жизненного пространства на Востоке, не останавливаясь перед любыми жертвами, прежде всего русскими.

В «Докладе Дюкина» доказывалась мысль о том, что именно младороссы способствовали окончательному разоблачению «большевизма» Солоневичей. Доклад был фактически поэтапным обзором жизни братьев до августа 1939 года и ставил под сомнение все, что Солоневичи писали, говорили, сообщали о себе публично и в частном порядке.

Если проанализировать пункты «доклада», можно убедиться в том, что дезинформация, которую настойчиво распространяли «спецы» НКВД, прочно угнездилась в сознании и подсознании эмиграции. Младороссы повторяли (с вариациями, конечно) основные тезисы из аналогичных обвинительных документов РОВСа. Реальные факты жизни Солоневичей часто искажались в них до неузнаваемости.

ских киностудиях, был регентом хора и старостой русской православной церкви. В 70-х гг. — председатель правления Русской библиотеки им. Н. Гоголя в Риме. Доклад Дюкина о Солоневичах был «получен» на Лубянке 31.09.1939 г., т.е. через полтора месяца после написания.

Определенная вина лежала на самих братьях, которые излишне «беллетризировали и героизировали» свои поступки и деяния в советский период жизни. Заметные «разночтения» в их историях свидетельствовали, по мнению «аналитиков» эмиграции, о том, что ГПУ не сумело по-настоящему отработать их легенды, как это было в 20-е годы, когда успешная операция «Трест» потрясла основы эмигрантской жизни.

Основные положения «Доклада Дюкина»:

Братья не воевали в рядах Белой армии:

«Солоневичи были совершенно неизвестны эмиграции, но как выяснилось позже, они происходили из семьи революционеров-социалистов, до войны занимались журналистикой (в очень малой степени и были мало кому известны) и спортом в среде бойскаутских организаций. Во время войны под различными предлогами избежали быть зачисленными в армию. В Гражданскую войну находились в тылу Добровольческой армии, служа в «ОСВАГе» (Осведомительное агентство), т.о. тоже уклонились от присутствия в действующей армии». При эвакуации Крыма войсками генерала Врангеля, остались в Севастополе и ПЕРЕШЛИ НА СТОРОНУ КРАСНЫХ».

Братья были близки к советским верхам:

«Дальнейшая их деятельность после перехода к «красным» узнается из их книги «Россия в концлагере», где они откровенно и цинично описывают свои первоначальные успехи как в журналистике, так и в области спорта, свою близость к правительству и личную дружбу с Ягодой (бывшим начальником ГПУ), с которым «выпили не одну бутылку водки», как выражаются сами Солоневичи, указывая в то же время, что это было необходимо, что так складывались обстоятельства».

Братья не подвергались реальным репрессиям:

«Провинившись в чем-то (что — нам доподлинно неизвестно), Солоневичи были сосланы в «концлагеря», но не как простые арестованные, а на известные должности, что, как известно, применяется только для лиц, занимающих какие-либо посты, и провинившихся не в области политики, а в смысле каких-либо упущений, воровства, недосмотра, взяточничест-

ва и пр. Такие лица подвергаются ссылке в качестве конвоиров, надсмотрщиков, инструкторов, заведующих хозяйствами и т.п. Так случилось и со всем семейством Солоневичей».

Побег братьев был фальшивым:

«Через некоторое время Солоневичи бегут из «концлагерей» в Финляндию. Все подробности бегства очень красноречиво описаны в «России в концлагере», но для людей, хорошо знакомых с обстановкой и условиями концлагерей, такое бегство кажется почти невозможным, подозрительным и маловероятным. Четыре человека одновременно бегут из различных лагерей, благополучно проходят все опасности и препятствия, одновременно уходят за границу и даже выносят с собой кой-какие записки, документы и, кажется, фотографии, тогда как люди, бегущие оттуда, только чудом спасаются и, конечно, не думают о багаже, записках и пр. Эти факты сразу же бросили некоторую тень подозрения и недоверия на фантастическое бегство семейства, и многие просто утверждали, что под видом бегства Солоневичей выпустили из России с определенными заданиями по поручению ГПУ».

Братья прошли школу советской журналистики и пропаганды:

«Так или иначе, в конце 1934 года семейство Солоневичей попало в Гельсингфорс. По своему прибытию туда Солоневичи первым делом попытались войти в контакт с тамошней русской колонией, но успеха не имели, т.к. представители ее подозрительно отнеслись к новоприбывшим и даже не дали им залы для устройства доклада о России и о самих Солоневичах. В то же время они входят в хорошие отношения с редактором парижских «Последних Новостей» Милюковым и помещают в его газете свою первую работу «Россия в концлагере». В 1935 году Солоневичи помещают в «Современных Записках» второй свой рассказ — «Деревня».

Нужно отдать справедливость, что оба рассказа были написаны очень интересно и сильно и произвели большое впечатление на некоторую часть эмиграции, падкой ко всему новому, появляющемуся в ее скучной жизни, ко всему этому совершенно не знавшей, кто и что такое Солоневичи. Но, наряду с большим успехом этих рассказов, положивших начало из-

вестности братьев в эмиграции, некоторая часть, в частности младороссы, — сейчас же увидели что-то весьма подозрительное во всем этом и уже тогда выразили свое сомнение относительно истории Солоневичей, тем более что среди младороссов были люди, хорошо знавшие их.

Нужно отметить, что Солоневичи, пройдя хорошую школу в советской России в смысле журналистики и пропаганды, знали, как на кого можно и нужно подействовать, чем заинтересовать, прекрасно учитывали окружающую обстановку и настроения, и великолепно изучили психологию толпы, угадывая ее желания и подчиняя ее себе. О Солоневичах стали говорить, и ими стали интересоваться».

Братья ищут подходящее поле для своей деятельности:

«Видя после первых успехов, что в Финляндии поле их деятельности слишком невелико, отношение колонии сдержанное и возможностей развернуться мало, Солоневичи стали искать способы и средства перебраться в какое-либо другое государство, но везде встречали большие затруднения. Наконец, Солоневичи разыскали своего бывшего товарища по гимназии, некоего капитана Фосса, являющегося начальником «внутренней линии» при отделе РОВСа в Болгарии, возглавляемого генералом Абрамовым. При помощи Фосса и генерала Абрамова Солоневичам удается переехать в Болгарию, в Софию, и там обосноваться. Тот же генерал Абрамов ссудил братьям 5000 левов в долг на основание печатного органа (между прочим, генерал эти 5000 левов до сих пор не получил). Со своей стороны Солоневичи, чтобы завоевать окончательно расположение РОВСа и дружественной ему газеты «Возрождение», прежде всего разошлись и рассорились с Милюковым и Шульгиным, постарались заглазить то, что во время дружбы с Милюковым поругивали «Возрождение».

Братья издают газету для саморекламы и вербовки сторонников:

«В конце 1936 года начала свое существование издаваемая Солоневичами газета, получившая громкое наименование «Голос России». Первые номера газеты были полны призывов к борьбе с большевиками и саморекламой братьев, где были даже помещены фотографии всего семейства вместе и

в отдельности. Особенностью новой газеты, отличающей ее от прочих эмигрантских, был своеобразный стиль (блатной жаргон), довольно смелые вульгарные выражения и ругательства, которыми Солоневичи пересыпали свои статьи

Успех газеты был несомненный, но и тут мнение эмиграции разделилось: многие приходили в восторг и упоение, читая грубые статьи, другие чувствовали омерзение, но количество поклонников газеты растет. Снова сказывались способности Солоневича влиять на массу. Вокруг них появляется группа поклонников, которая все увеличивается и увеличивается. Этих поклонников Солоневичи нарицательно называли «штабс-капитанами», т.к. большинство из них было из среды военных. Тираж газеты стал быстро расти, появились ее представители в других государствах».

Братья хотят быть «вождями» и собирают деньги через газету:

«РОВС, «Возрождение», НТСНП, фашисты Родзаевского сильно поддержали Солоневичей, которые вошли с ними в связь, всеми силами им угождали, а те, в свою очередь, славили братьев. Слава Солоневичей росла «не по дням, а по часам», и к 1937 году они настолько уже влияли на мысли большей части эмиграции, что стали подумывать над тем, как бы им стать ее «вождями», что ясно вытекало из их же собственных выражений. На страницах газеты была открыта рубрика «Наша Трибуна», в которой печатались восторженные письма поклонников, но многие смело утверждали, что часть этих писем писалась самими братьями.

Якобы по инициативе «штабс-капитанов» при газете был основан «Фонд спасения России», куда собирались средства и пожертвования, и фонд этот был исключительно в распоряжении братьев. Между прочим, впоследствии Солоневичи отказались дать отчет, куда были истрачены все суммы «фонда», и объясняли только, что деньги пошли на «расходы чрезвычайной важности». Кроме того, у Солоневичей была масса других способов собирать деньги со своих поклонников — как-то: на поддержание газеты, на личные расходы и пр.

В 1937 году Солоневичи достигли высоты своей славы. Ими были предприняты поездки с докладами в Белград и Па-

риж, где РОВС и «Возрождение» устроили торжественную встречу и прием. В честь их устраивались банкеты, представители РОВСа называли их вторыми «МИНИНЫМ и ПОЖАРСКИМ», «Возрождение» захлебывалось от восторга... После подобного триумфа в Париже Солоневичи еще больше стали подумывать о том, чтобы создать вокруг себя новую партию или объединить несколько организаций в «Русский национальный фронт» под своим водительством».

Братья получили серьезный отпор со стороны партии младороссов:

«Солоневичи постепенно становились самоувереннее, нахальнее и, наконец, дошли до такого состояния, когда решили, что все им дозволено... Истощив все свои запасы относительно России и пересказав все способы борьбы с коммунизмом, которые сводились лишь к тому, что **«все способы хороши»**, **«что цель оправдывает средства»**, Солоневичи решили, наконец, навести порядок среди эмиграции. Прежде всего они обрушились на Младороссов, стараясь всеми способами и средствами доказать связь Младороссов с большевиками, создать бойкот вокруг Младороссов и добиться развала Младоросской партии. Они посвятили ряд статей в своей газете довольно циничного и вульгарного содержания, направленных против Младороссов, а, кроме того, при всех удобных случаях стремились их скомпрометировать.

Но они встретили со стороны Младороссов серьезный отпор и заставили младороссов серьезно заинтересоваться и выяснить всю деятельность братьев и преподнести эмиграции их действительное лицо. **Борьба с младороссами и явилась первым крупным поражением Солоневича (Бориса)**, повлекшим за собой полное разоблачение братьев и подробное знакомство с их личностями. После первого выступления Солоневичей против Младороссов князем Тумановым было написано «Открытое письмо Б. Солоневичу», в котором ясно и определенно говорилось о деятельности братьев в России, и о переходе их к «красным». Это письмо впервые ознакомило эмиграцию с истинными Солоневичами и заставило многих призадуматься. Затем последовал ряд других статей и брошюр, в которых если не прямо, то вполне определенно гово-

рилось, что Солоневичи прибыли за границу с определенными заданиями ГПУ, одним из которых является разложение эмигрантских организаций...»

Братья вели атаку на Династию и православную церковь:

«В своем увлечении борьбы с Малороссами братья затронули и императорскую династию, высказав себя первоначально «истинными монархистами». Солоневичи прежде всего не признали законности прав государя императора Кирилла Владимировича, и, кроме того, предъявили ему условия о роспуске Младоросской партии, что только при этом условии они, а за ними и вся эмиграция, признают Великого князя — государем-императором. Ответа, конечно, они никакого не получили и, озлобившись, повели самую нетактичную и грубую атаку на членов императорской фамилии. Этим выпадом они **совершенно отвратили от себя** всю легитимно-монархически настроенную эмиграцию, что и явилось **вторым крупным ударом** для дальнейшей деятельности Солоневичей.

Теряя под ногами почву, Солоневичи довольно резко выступили с критикой православной церкви за границей. Последняя никоим образом не реагировала на их деятельность, тем самым заставив **отвернуться** от них принадлежащих к этой церкви верующих людей. Несмотря на это, они, благодаря своей опытности и изворотливости еще весь 37 год плавали на поверхности и (достигли) вершины своей славы, т.к. прозревание эмиграции происходило значительно медленнее, чем очарование. Но разоблачительная деятельность младороссов, к которым постепенно присоединялось мнение и других эмигрантских кругов, презрение династии и церкви постепенно ставили Солоневичей в безвыходное положение».

Братья изменили ГПУ, перейдя на службу в гестапо:

«Приблизительно к тому моменту, когда положение братьев стало катастрофическим, на них и было произведено в 38 году таинственное покушение в Софии. Бомба, присланная неизвестным лицом, стоила жизни Тамаре Владимировне Солоневич. Есть много предположений и версий на этот счет, но подавляющим большинством эмиграции было решено, что это дело рук ГПУ. Часть эмиграции, сочувствовавшая Солоневич-

чам, была того мнения, что ГПУ решило убрать братьев, увидев в них опасных для себя врагов. Большинство же считало, что между Солоневичами и ГПУ произошло что-то непонятное и неизвестное: либо братья, не выполнив возложенных на них заданий, решили отойти от этой работы, либо изменили ГПУ, перейдя на службу в германское гестапо.

Так или иначе, но после покушения внимание эмиграции снова было обращено на братьев, о них снова всюду говорят, но закат быстро приближается. Удар за ударом обрушивается на Солоневичей: **распоряжением болгарских властей** закрывается газета «Голос России», а затем **без объяснений причин** братья **высылаются из Болгарии**, как нежелательный элемент. Братья переселяются в 38 году из Болгарии в Берлин».

Братья организуют «Русский Национальный Фронт»:

«Очутившись в Германии, Солоневичи еще «не складывают оружия» и стараются занять прежнее положение в эмиграции: выпускают новую газету («Наша Газета»), мало отличающуюся от «Голоса России», продолжают безуспешно травить младороссов и, главным образом стараются провести в жизнь свою старую мечту: организовать «Русский Национальный Фронт» под своим водительством. Это им отчасти удается, но в очень небольшой степени. В состав этого блока вошли сами Солоневичи, генерал Туркул со своей организацией, фашисты Родзаевского и часть НТСНП. Но и тут Солоневичам не удалось стать во главе «Фронта», т.к. этот блок, между прочим, ничем себя **не проявивший**, возглавляется комитетом, одним из членов которого является Иван Солоневич».

Братья ссорятся с РОВСом:

«К этому моменту относится ссора Солоневичей с РОВСом, который не вошел во вновь образовавшийся блок. Солоневичи резко выступили с критикой РОВСа, обвиняя его в полной бездеятельности, внутренних беспорядках, обругали начальство Союза и, в результате, круто восстановили против себя РОВС и, конечно, газету «Возрождение». Они, подхватив все имеющиеся разоблачительные материалы, выставленные младороссами, открыто заявили, что Солоневичи, действительно, явились за границу с целью разрушить имеющиеся эмигрантские организации, рассорить между собой отдельных ее пред-

ставителей, называя их просто «растлителями душ». К РОВ-Су и «Возрождению» сейчас же присоединились многие организации и печатные органы, пришло время и Милюкову отомстить за прошлые обиды...».

Братья поссорились:

«К неудачам на внешнем фронте добавились неурядицы в самой семье Солоневичей: по неизвестным причинам братья поссорились. Борис Солоневич заявил, что уходит из числа сотрудников «Нашей Газеты» и, порвав с Иваном, уехал в Брюссель. (Между прочим, в Брюсселе он был подвергнут обыску и арестован тайной бельгийской полицией)».

Братья потерпели полный крах:

«После вышеописанных событий, конечно, последовал полный провал и крах деятельности пресловутых братьев. Если не считать генерала Туркула, то Иван Солоневич остался один, и вся его деятельность свелась к полнейшему нулю. Даже его верные «штабс-капитаны» покинули его, поняв весь вред, принесенный Солоневичами эмиграции в целях ее разложения. Ходят слухи, что Иван Солоневич находится на услужении гестапо, но вряд ли оно может серьезно интересоваться прогоревшим политическим деятелем с довольно темным и грязным прошлым...»

Комета Солоневичей быстро промелькнула на эмигрантском небе, оставив после себя чувство отвращения и брезгливости и стыда у тех, кто так быстро и безрассудно поверил в гений и чистоту новых «Минина и Пожарского». Теперь бывшие их поклонники, особенно «Возрождение», всеми способами стараются опровергнуть свои бывшие симпатии и слабость к братьям и всеми способами стараются добить и окончательно прикончить прогоревших братьев.

Так заканчивает свою деятельность семейство Солоневичей, в течение многих лет мутивших больные мозги эмиграции».

К «Докладу Дюкина» был приложен вопросник отчетливо обвинительной тональности. Он предлагался вниманию всех членов партии, кто интересовался работой «подсоветских» журналистов-дезинформаторов. Это была квинтэссен-

ция подозрений, которые возникли с первого дня после перехода Солоневичами советско-финской границы. Вот основные вопросы:

«Почему Солоневичи, называющие себя патриотами, уклонились от участия в Великой войне?

Где были и что делали Солоневичи в начале революции?

Каким образом и когда Солоневичи очутились в Белой армии?

Почему Солоневичи, обладающие исключительно хорошим здоровьем, уклонились от фронта, предпочтя пребывание в тылу и устройство в Осведомительном Агентстве?

Почему Солоневичи не эвакуировались вместе со всей Белой армией генерала Врангеля из Крыма, а перешли на сторону «красных»?

Почему Солоневичи оказались не только не расстрелянными, но и не преследуемыми ГПУ?

Почему Солоневичи старательно умалчивают об этом периоде их жизни?

Каким образом Солоневичи, бывшие «белые», очутились среди «красных», без особого труда находят себе работу, да еще такую, как журналистика, то есть, устроившись на места, которые доверялись только ответственным партийным работникам, т.е. 100-процентным коммунистам?

Каким образом Солоневичи смогли получить должности инструкторов спортивных организаций комсомола?

Когда и при каких обстоятельствах состоялось знакомство Солоневичей с комиссаром ГПУ чекистом Ягодой?

Почему Солоневичи пили водку с чекистом Ягодой, а не пытались его убить?

Почему и за что Солоневичи, имея такого влиятельного друга, вдруг были сосланы в «концентрационный лагерь»?

Почему Солоневичи были в «концлагере» не как простые арестованные, а имели опять-таки там административные должности?

Каким образом Солоневичи могли бежать из концлагеря, захватив с собой и фотографический аппарат, и фотографии, и дневники, и даже различные документы, если известно, что бегство из концлагерей сопряжено с невероятными трудностями и риском быть расстрелянными?

Почему Солоневичи, прибыв за границу, сразу же принялись за поучение эмиграции, не зная ни условий жизни, ни характера и возможностей работы эмиграции?

На какие средства только что бежавшие из России Солоневичи начали издавать собственную газету, т.к. хорошо известно, что для издания газеты необходимы крупные суммы и что для отдельного бедного эмигранта такое предприятие является совершенно невозможным?

Почему, едва начав издавать газету, Солоневичи первым же делом повели яростную атаку против Младороссов, совершенно не будучи знакомы ни с идеологией, ни с программой Младоросской партии?

Почему и для чего Солоневичи старались всеми способами разложить и дискредитировать Младоросскую партию?

Почему Солоневичи начали проповедовать «активизм», находясь уже в эмиграции, а не применили свою активность, будучи в России?

Почему Солоневичи только после разрыва с Милюковым объявили себя «ортодоксальными монархистами»?

Почему в это же самое время Солоневичи самым недостойным образом всемерно старались дискредитировать Русскую Императорскую Династию?

Кто и почему совершил покушение на Солоневичей в Софии, и почему Солоневичи, всегда слишком много обо всем писавшие, слишком мало придали значения этому покушению, обратив больше внимания на то, что Династия Романовых им «не выразила соболезнования»?

Почему только один Солоневич после похищения генерала Миллера сразу же написал о невинности генерала Скоблина?

Почему Солоневич после переезда в Германию превратился неожиданно в юдофоба, будучи раньше «нейтральным» в отношении еврейского вопроса?

Почему Солоневич в последнее время повел самую энергичную атаку против РОВСа, стараясь разложить его, тогда как еще не так давно считал его «единственной организацией, способной вести активную работу с большевиками»?

На какие средства Солоневичи, будучи «бедными эмигрантами», продолжают издавать свою газету в Германии?

Что послужило причиной разрыва между братьями?

Почему Солоневичи старались разложить все эмигрантские организации, в частности Младоросскую партию, и продолжают это делать и теперь?»

Вопросник и завершающую, «итоговую» часть к докладу Дюкина написал некто Вержбицкий. По его мнению, «полупочтенное семейство», кометой промелькнув в эмигрантском небе, исчезло бесследно и бесславно. Их недолгий успех был вызван политической наивностью эмиграции, ее моральным упадком, отсутствием духовной силы и неверием в Россию. Кроме того, эмигрантской массе не хватало чувства национальной гордости. Она излишне доверчиво поклонялась своим «новым вождям».

По оценке Вержбицкого, Младоросская партия исполнила свой долг. Она сумела поставить «безошибочный диагноз», «вскрыла» сущность Солоневичей, провела «санитарную кампанию», разоблачила их приемы и методы, нанесла точный удар по их «общественно-политическому престижу»: «В результате кумиры оказались низвергнутыми, и вчерашние защитники «братьев» сегодня вспоминают о них с чувством гадливого отвращения...»

«Аналитический доклад» Дюкина в эффектной форме обобщил практически все вброшенные в эмигрантскую среду «активки» НКВД. Он был передан в Антикоммунистический центр в Риме, стал достоянием итальянской тайной полиции ОВРА и через нее, — в рамках отлаженного сотрудничества, — гестапо. В Берлине доклад был подшит в досье на Солоневичей, страницы его пронумерованы, внесены в опись. В будущем — может пригодиться.

По иронии судьбы, именно в 1939 году Иван несколько смягчил свою непримиримую позицию в отношении партии Казем-Бека, признал за нею определенные заслуги в разработке новой идеологии русского традиционализма. Он писал: «Национальная эмиграция не только не научилась языку и мышлению современности, она отстала даже от того уровня, который был современен в 1913 г. Идею «приводного ремня» от монархии к массам ни по ту, ни по эту сторо-

ну рубежа у нас не имеется. За рубежом была сделана только одна такая попытка — это Младоросская партия. Нужно отдать справедливость, это единственная из монархических группировок, которая говорила современным языком, оперировала понятиями современности и не была исполнена плотоядными вожделениями реставрации».

Атака на Солоневичей была, без преувеличения, одной из последних политических акций младороссов. Через месяц началась Вторая мировая войны, которая положила конец относительно спокойному существованию этой партии во Франции. Для французского правительства подписание советско-германского мирного договора, приведшего к разгрому союзной Польши, стало предлогом для «принятия мер» в отношении «просоветских» организаций в стране, которые рассматривались как потенциальные коллаборационисты Германии.

Казем-Бек был арестован французскими властями еще до оккупации страны. Причина была очевидна: твердая поддержка, которую оказывал вождь младороссов Советскому Союзу. После подписания французами акта капитуляции в городке Компьен по русской колонии поползли слухи об угрозе выдачи Казем-Бека немцам в числе других «просоветских элементов» как одного из главных агентов большевиков в стране. Он был вынужден бежать вначале в Испанию, а затем в Соединенные Штаты, где официально объявил о роспуске своей партии¹.

¹ Около 15 лет Казем-Бек работал в США преподавателем русской литературы в Коннектикутском колледже, ведя параллельно общественную деятельность. Он издавал газету «Новая заря», в которой освещал военные события в Европе с позиций солидарности с Советским Союзом. После войны Казем-Бек переориентировался на религиозную публицистику, отстаивая интересы Московской патриархии в США и странах Западного полушария. В советском посольстве ему не слишком доверяли: шли годы холодной войны. Человек с таким неординарным прошлым автоматически заносился в списки «враждебных элементов». Советская резидентура даже начала его разработку, присвоив ей условное название «Паук» (по данным операции американских спецслужб «Венона», в ходе которой осуществлялось декодирование зашифрованной переписки советских учреждений в США и странах Латинской Америки). В 1956 г. по ходатайству Московской патриархии Казем-Беку было разрешено прие-

На рубеже тридцатых-сороковых годов материальное положение семьи Солоневичей ухудшилось. В Болгарии правительство Царя Бориса приняло решение о закрытии «Нашей Газеты». После трехмесячной паузы в Софии стал выходить журнал «Родина», фактический преемник «Голоса России» и «Нашей Газеты». Удалось выпустить только 6 номеров журнала. Германское правительство, по словам писателя, «после некоторых обоюдных разочарований» запретило продажу его книг. «Попытки сбежать в Америку не удалось. Иностранные гонорары оказались отрезанными войной. Мне и моей семье глядел в глаза наш старый социалистический знакомый: голод. Кроме того, над моим сыном — художником — висела угроза мобилизации на военные заводы. Вообще было плохо», — так Иван охарактеризовал сложившуюся ситуацию¹.

Попытки Инги заработать на жизнь безобидными и вполне аполитичными «картинками» из мира животных привели к возникновению серьезной проблемы: «Вместе с первыми заказчиками появился дядя, предъявивший удостоверение какой-то полиции и поставивший свирепый вопрос: а имеет ли фрау Солоневич право рисовать собачьи портреты? Состоит ли она членом национал-социалистической камеры изобразительных искусств — и прочее в этом же роде»².

На семейном вече было решено, что Иван поможет житейски неопытной Инге преодолеть запрет камеры изобразительных искусств на продажу ее работ. Как отметил писатель, «расчет был на то, что я с моим отечественным социалистическим опытом сумею как-то оставить в дураках и немецких социалистов».

Опыт пригодился! На ключевой позиции в национал-социалистической «культурной камере» находился партайгеноссе Лесник, недоучившийся студент художественной школы. Он-то и определял «соответствие» работ художников идеоло-

хоть в Советский Союз на постоянное жительство. По тогдашнему ритуалу в «Правде» было опубликовано его покаянное письмо о политических прегрешениях (16.01.1957.). Последние годы жизни Казем-Бек работал переводчиком и консультантом в Отделе внешних церковных связей Московской патриархии.

¹ Солоневич И. Диктатура слоя. С. 53

² Там же.

гическим постулатам Третьего рейха, зорким взглядом подмечал наличие в их творениях элементов «вырождения» и скрытого диссидентства. Иван Солоневич с задачей справился. По его словам, «техническая часть всего этого предприятия была урегулирована быстро и безболезненно». Взятка помогла решить «возникшую проблему». А общение с партайгеноссе Лесником Солоневичу очень пригодилось. Работая над страницами «Диктатуры слоя», посвященным искусству тоталитарных обществ, он не раз вспоминал Лесника и его «идеологически выдержанные» высказывания, которые явственно перекликались с тем, что Солоневич под другим «политическим соусом» не раз слышал в Москве.

В этот сложный период в «общине» Солоневичей появилось маленькое существо, которое объединяло, радовало и согревало их. Иван Лукьянович писал:

«У меня сейчас имеется внук, размеров от роду шести месяцев — хороший внук, оптимистический, как масляный блин. Я с великим удовольствием отвлекаюсь от работы, чтобы поговорить с ним на интеллигентные темы. На мои интеллигентные разговоры потомство отвечает с неизменной экспансивностью: начинает размахивать тремя лапками, четвертую засовывает в рот, ухмыляется во всю свою масленичную рожу и отвечает что-то, вероятно, тоже очень интеллигентное, но совсем непонятное»¹.

Щекастый упитанный малыш и в самом деле производил впечатление существа серьезного, основательного, с оптимистическим взглядом на жизнь. И улыбка была у него очаровательная. Иван Солоневич по-разному обращался к внуку, ориентируясь на его «текущее миронастроение»: то Михаил Юрьевич, то Михайло или Мишутка, но чаще всего — Мишка.

Он родился 30 ноября 1939 года, в тот же самый день, когда началась Советско-финская война. Войска Ленинградского военного округа получили приказ перейти границу и разгромить противника. Все были уверены в быстрой капитуляции Финляндии. Но численное и техническое превосходство не помогло советской армии: в начале декабря стало очевидным, что финны сдаваться не намерены.

¹ Солоневич И.Л. По путям иловайским // «Родина», № 5, 20.07.1940.

Упорное сопротивление финской армии стало неожиданностью для советского руководства: подвижные группы лыжников атаковали со всех направлений, в том числе с тыла. Снайперы-«кукушки» выбивали командный состав. Бутылки с зажигательной смесью, прославившиеся в годы Великой Отечественной войны как «коктейли Молотова», впервые были использованы финнами для уничтожения советских танков. Военнослужащие Красной армии не были готовы к войне в зимних условиях и нередко большими группами сдавались в плен.

Один из историков «зимней войны» писал:

«Без теплых рукавиц и перчаток, обутое в сапоги, в ботинки с обмотками, тысячи солдат обмораживали руки и ноги. Укомплектованные (хотя официально воевал лишь Ленинградский ВО) жителями южных республик, незнакомых с суровыми зимами, ночевками на снегу, воинские части с трудом пробивались сквозь заваленные сугробами леса, а выйдя без маскхалатов на ледяные просторы озер, в темных шинелях, попадали под финские пули, изображая из себя, как тогда говорили бойцы, «мишень № 14» (фигурная мишень «силует в полный рост»)¹.

В конце 1939 года финское правительство пригласило Ивана Солоневича «для постановки», по его словам, антисоветской пропаганды. «Мне пришлось приложить очень большие усилия, — вспоминал он, — чтобы прекратить тот стиль радиопередач и листовок, который действовал «как раз наоборот»: стиль антирусский»². Зарисовки Гельсингфорса в месяцы «зимней войны» можно найти у Солоневича в некоторых предвоенных и послевоенных публикациях. Особенно его поразило, что в самый разгар советских бомбардировок финской столицы у подножия памятника Царю Освободителю неизменно лежали свежие цветы.

Для финских властей, однако, «главным советником» от русской эмиграции стал «бывший секретарь Сталина» Борис Бажанов³. Он сумел добиться поддержки ведущих организаций — от РОВСа до Монархического Совета. В адрес Маннер-

¹ Бонафедде Г. Зимняя война // «Посев», № 3, 1985 г. С. 56.

² «Наша страна», № 17, 30.04.1949.

³ См.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Изд-во «Третья волна». Франция, 1980. С. 295—301.

гейма было направлено коллективное письмо лидеров эмиграции, и маршал без задержки прореагировал на него, предложив Бажанову приехать в Гельсингфорс. Их беседа длилась весь день 15 января, в заключение которой Маннергейм дал согласие на формирование «Русской Народной Армии» из пленных красноармейцев. В этой работе Бажанову помогали офицеры финляндского отдела РОВСа. Как полагал Бажанов, первый отряд «добровольцев» должен был вызвать «эффект снежного шара». Пленные в массовом порядке решились бы на вступление в РНА, и в итоге, не менее 50 дивизий РНА после «успешной наступательной кампании» ринулись бы в глубь России.

Подготовка первых подразделений из 450 военнопленных затянулась на два месяца, и когда в марте они отправились на фронт, поступило сообщение об окончании войны. Финские власти попросили Бажанова срочно покинуть Финляндию, чтобы избежать включения в списки лиц, подлежащих выдаче советской стороне. В своих воспоминаниях он писал: «Все это совершенно резонно и правильно. Я сажусь в автомобиль, еду в Турку и в тот же день прибываю в Швецию». Вполне вероятно, что Иван Солоневич 15—16 марта получил те же самые рекомендации и бежал тем же самым маршрутом. Любопытно, что Бажанов ни слова не упомянул о деятельности Солоневича в Финляндии. Видел в нем конкурента? Или испытывал к нему недоверие под влиянием местных активистов РОВСа? Скорее всего, и то, и другое.

Защита русской линии

Первое представление о том, какой будет война на Востоке, Иван Солоневич получил во время поездки в конце 1939 года через Польшу и Швецию — в Финляндию. Он писал:

«Мне случилось посетить и Варшаву и Стокгольм. В Варшаве я видел все, что там делалось, а в Стокгольме я читал, что об этом писалось: из Польши уезжали или бежали тысячи нейтральных людей — шведов и норвежцев, американцев и аргентинцев, купцов, инженеров, певцов, журналистов — и мировая пресса была переполнена ужасом и отвращением.

Несколько позже я спрашивал немцев: «Зачем все это нужно? — поднимать против себя общественное настроение всего мира?» Немцы отвечали: «А нам плевать — у нас военная машина. И эта военная машина действует на основании самой современной науки о войне и философии войны»¹.

Но были и другие оценки, которые заставляли Солоневича задуматься:

«Уже в 1940 году немцы передавали мне и такой миф: генералы сознательно спровоцировали войну и сознательно ведут ее на проигрыш — ибо иначе от Гитлера им не избавиться никак»².

В самом начале Второй мировой войны у Ивана сохранилась надежда на «здравомыслие» нацистского руководства, возможность «компромисса» с ним с целью использования военного потенциала Германии для свержения власти большевиков и реализации проекта установления в России народно-монархической формы правления. Иван не видел себя в стороне от этого процесса. В тот период Солоневич часто начинал свои публичные выступления словами: «Если в грядущей России что-то будет зависеть от меня...»

Он еще верил в то, что всей своей судьбой, радикальным неприятием советской власти и бескомпромиссной политической траекторией предназначен для выполнения громадной исторической миссии — восстановления России из пепла большевистской революции...

Критических ноток в отношении гитлеровского режима в статьях Ивана Солоневича 1939—1940 годов почти нет, что, впрочем, вряд ли было возможно в условиях жесточайшей цензуры, введенной Геббельсом. Сдержанность писателя-публициста была не только отражением благодарности стране, которая предоставила ему убежище. В какой-то мере он был «очарован» внешними достижениями Германии, «торжеством ее воли и силы». Солоневич старался разобраться в причинах стремительного укрепления экономической и военной мощи Германии, ее политической консолидации на основе национал-социалистической идеологии. В его статье «По пу-

¹ «Наша страна», № 8, 25.12.1948.

² Там же, № 5, 13.11.1948.

тям иловойским» то и дело встречаются высказывания апофеозного характера:

«Мир переживает период омоложения — иногда мучительного. На современных стадионах возрождаются эллинские «гимназии» и «лицеи». В современной Италии возрождается древний Рим. В современной Германии возрождается Священная Римская Империя Германской Нации»;

«Два года самым внимательным образом всматриваюсь в совершенно грандиозное строительство современной Германии»;

«Я никак не отрицаю ни «личности», ни «героя». Но они благодетельны *только тогда*, когда идут по линии исторического пути народа, не против течения и не в хвосте, а *во главе течения* — как идет Адольф Гитлер».

«Наши доморощенные фашисты, вопя о русском Гитлере, совершенно забывают то простое обстоятельство, что можно *мечтать*, но *рассчитывать* на это никак нельзя. У нас человек калибра Гитлера — Петр I — появился за всю нашу историю только один раз, — люди такого калибра появляются раз в столетие».

«Политическую теорию можно строить только на сущности народа, которая выражена в его прошлом и которая ставит его цели в будущем. Именно так построил и свою теорию, и свою практику Адольф Гитлер: он доводит до апогея ту линию исторического развития, которая была заложена во всем прошлом германского народа и наиболее яркими выразителями которой явились Фридрих Великий и Бисмарк. Очень нетрудно заметить, что все элементы национал-социализма в, так сказать, недоделанном виде заключаются и в деятельности Бисмарка».

Внешняя лояльность этих утверждений не означала, что Солоневич был готов отказаться от всего, что он проповедовал раньше, и пойти на службу к «эффективному режиму», который сумел навести порядок в стране, объединить народ понятной идеологией, правда, густо пропитанной доктриной расовой исключительности. С этой доктриной, отодвигающей многие другие народы, включая славянские, на роли «неполноценных», Солоневич начал знакомиться по вполне конкретному поводу. К нему обратился за помощью «добрый приятель, бывший есаул лейб-гвардии Казачьего полка, инженер И.», ко-

торый до прихода Гитлера к власти успешно занимался производством рекламных фильмов. Оказалось, что в национал-социалистической Германии к киноделу допускались только «расово-чистые лица», лишённые еврейской крови. По этой причине к инженеру И. зачастили нацистские бюрократы, требуя предъявить так называемое «арийское удостоверение».

Приятель Ивана в силу своей горячности отмахнулся от назойливых визитеров, но когда почувствовал, что существование его фирмы находится под угрозой, всполошился. Ещё бы: многие клиенты стали его избегать. С Советской Россией все связи он давно прервал и никоим образом не мог затребовать оттуда соответствующие справки. Солоневич обещал инженеру помочь и вскоре выяснил, что из «расовой ловушки» можно выбраться двумя основными путями. Первый вариант: нанять за определенную сумму марок и бутылку шнапса трех свидетелей, которые могли подтвердить в суде под клятвой «арийскую безупречность бабушек и дедушек». Вторым вариантом: прибегнуть к услугам некоего русского профессора генеалогии, работавшего в Кенигсбергском университете. Он вывез из России тома родословных книг дворянства и за определенную плату выдавал липовые справки, которые (тоже за плату) принимались службами, контролирующими «расовую состоятельность».

Инженеру И., чтобы не потерять кинофирму, пришлось «откупаться» от бюрократов, боровшихся с «излишками» еврейской крови в арийских телах. Во всей этой расовой параферналии Солоневич выявил для себя две стороны монеты: «Арийское законодательство отдавало немецких евреев на полное растерзание немецким партийцам. Но и немецкое (население) было обложено тяжкой данью — моральной и материальной». Путем нехитрых подсчетов писатель определил, что «раса господ» должна была получить в общей сложности около 100 миллионов арийских удостоверений, получивших в русских эмигрантских кругах название «жидомеров». Получение справок открывало безграничное поле деятельности для вымогательства, шантажа и издевательств, на которые столь падки профессиональные бюрократы.

Для Солоневича советские и нацистские бюрократы — близнецы-братья. Они работают по одним и тем же схемам,

только один, скажем, «удостоверяет» пролетарские корни «подателя сего документа», а другой — принадлежность к высшей расе. И в Германии, и в СССР узурпаторы власти (нацисты и большевики) апеллируют к своим народам как к «мессиям», призванным спасти человечество, и они же через всемогущий бюрократический аппарат «превращают их в бессловесное и бесправное быдло». То есть, если следовать мысли Солоневича, каждая «очередная власть» под самыми разнообразными предложениями вносит сумятицу в устоявшееся законодательство, вводит сотни ненормативных актов, превращает в ад жизнь простых граждан, погружая их в иллюзорно-гротесковый мир зависимости от «справок», подтверждающих буквально все, даже право на жизнь...

После правки Солоневича, 12 апреля 1940 года Левашов разослал по «берлогам» циркуляр-разъяснение о причинах «приостановления» выхода «Нашей Газеты». «С первых же номеров газеты, — отмечалось в «циркуляре», — приходилось бороться за ее существование и парировать, часто в самый последний момент, удары, готовые ее поразить. Ни один из 65 номеров не вышел в нормальных условиях». Левашов отметил, что с началом войны позиции для борьбы у противников «Нашей Газеты» заметно улучшились.

В полицейские инстанции разных стран Европы посыпалась новая серия доносов, в которых указывалось, что Иван Солоневич — двойной шпион: и ГПУ и гестапо¹. В Болгарии доносы были приняты всерьез. Там Солоневичу поставили в вину не «шпионаж», а излишне «антисоветский тон» издания, который якобы мог посорить болгарское правительство с Москвой на фоне «прогрессирующей дружбы с Советами». В циркуляре Левашова подчеркивалось, что если возобновления газеты добиться не удастся, то софийская редакция попытается наладить издание журнала. В качестве промежуточной альтернативы планировалось издание серии брошюр на острые темы современности и отдельных глав «Белой Империи».

¹ В частности, во Франции было опубликовано «доносительное» письмо А. Гулевича, в котором он призывал власти запретить распространение газеты Солоневича.

Левашов призвал штабс-капитанов проявлять терпение, верить в то, что «будут восстановлены те оборвавшиеся сейчас ниточки, по которым в души истинно русских людей шла энергия и воля Ивана Лукьяновича к борьбе за возрождение России и создание понятной идеи, которая может быть противопоставлена идее коммунизма».

В документе вновь подверглось критике состояние дел в русской эмиграции, которая за небольшим исключением «не выявила ни одной сколько-нибудь яркой идеи». «Теперь же, — по оценке циркуляра, — когда она принесена из Советского Союза (Иваном Солоневичем), когда она идет от народа, а не является плодом заседания Высшего монархического совета, эмиграция не может ее не принять».

На время вынужденного молчания Ивана Солоневича «циркуляр» предлагал «штабс-капитанам» заняться политико-идеологической работой, подготовкой докладов по трудам вождя, приведением в порядок «умственного багажа». Задача предельно ясна: при первой возможности все это будет применено на практике. В документе рекомендовалось использовать успешный опыт одной из «берлог», члены которой тщательно изучили «Белую Империю». Прежде всего, тщательно проработать главу «Дух народа» по темам: формы нового мира, обусловленные великим и славным прошлым России; динамика нашего развития; внутренняя ценность русского народа; самобытный русский государственный инстинкт; литературное кривое зеркало; народный инстинкт — нация; «теория» о русской лени; территориальное расширение России; образ Микулы Селяниновича; наши недостатки; о демократическом строе.

Вот несколько конкретных установок из «циркуляра»:

«Наша идея проста и понятна — национальная православная народная монархия. Кадры — они есть у нас, они разбросаны по всему миру. Мы должны оформить эти кадры, влить в наше движение всех способных к живой работе русских людей... В повседневной черновой работе наши «берлоги» должны руководствоваться следующими положениями: только те группировки и организации в Зарубежье, которые не приемлют ни коммунизма, ни реакции, являются нашими союзниками, и их мы должны поддерживать всеми возможными

ми средствами. И обратно: со всеми организациями, так или иначе оборонческими или примиренческими, или несущими с собой сословно-кастовую и реакционно-монархическую психологию, мы должны всемерно бороться: именно оттуда надо ждать каждый момент предательства и доносов»¹.

И еще один тезис персонального характера:

«Иван Лукьянович не в силах сам со всем справиться — мы должны ему помочь. Он должен знать, что имеет в своем распоряжении совершенно определенный и готовый кадр помощников и проводников его идеи».

Циркуляр как бы уведомлял штабс-капитанов: приближается час, когда их патриотизм и готовность к жертвенному служению родине будут востребованы.

В эти дни Левашов помогал Солоневичу и в другом, более прозаичном деле — в продовольственном. Он просил одну из корреспонденток «Нашей Газеты» в Швейцарии «по мере возможности» посылать Солоневичу посылки с кофе, чаем и консервированной ветчиной. С питанием в рейхе становилось все хуже: карточки, эрзацы, очереди...

В июне 1940 года в журнале «Родина» была опубликована статья «Будущая русская дипломатия»². Автор подписал ее псевдонимом «Средний беженец». Под ним скрывался сам Иван Солоневич: статья была нужна в качестве «затравки» для серьезного разговора на самую актуальную тему момента: о судьбе России в преддверии войны на Востоке. По мнению «Беженца», эмиграция должна быть благодарна Гитлеру, что он «вовлек Сталина «в драку» и тем самым поставил на очередь русский вопрос. Автор, однако, пояснил, что эта благодарность — отрицательная, поскольку гитлеризм в

¹ В циркуляре были и другие рекомендации по методике проведения дискуссий. Вот одна из них: «Докладчик должен представить себе, что перед ним сидят любопытные люди, которые, однако, ничего не знают. Его просят объяснить, что такое, например, корпоративный строй, что такое — тоталитарный, и каково отличие одного от другого. Далее докладчик спрашивает, а как смотрит Илья Лукьянович на каждую из этих государственных систем, пригодны ли они для России, и если нет, то почему».

² «Родина», № 4, 20.06.1940.

положительном смысле неприемлем, поскольку германизм и славизм несовместимы. Исторические основания для этого вывода есть, т.к. германизм всегда рассматривал славизм как «удобрение для расцвета своей высшей культуры». «Средний беженец» добавил: «В возможность онемечения России я не верю, но я и пальца не приложу к его попыткам».

Солоневич ответил «Среднему беженцу», явно пытаясь разобраться в том, на какие перспективы возрождения России можно рассчитывать после гипотетического падения Советского Союза. В отношении военной слабости СССР у Солоневича сомнений не было: вот его «голый арифметический расчет»:

«Финско-советская война.

СССР: население около 180 миллионов. Самая современная военная техника. Непрерывная подготовка к войне. Непосредственная близость театра военных действий.

Финляндия: 3 ½ млн. Очень слабая военная техника (к началу войны 80 самолетов, слабая артиллерия, нехватка снарядов). Помощи извне почти никакой.

Война длилась 3 ½ месяца и дала продвижение советских войск на 60 километров.

Бои в Бельгии и Голландии.

Германия: 80 млн. Исключительная техника и готовность к войне.

Бельгия и Голландия: население 17 млн. (не считая колоний!). Высоко развитая промышленность. Самая усиленная подготовка к войне, в особенности за последний год. Помощь союзников.

Война длилась десять дней».

По оценке Солоневича, финская война показала «невероятную эволюцию вниз» Советской России, т.е. ее слабость, неготовность к ведению серьезных боевых действий.

Статья была написана в мае 1940 года, Советско-германский пакт о ненападении соблюдался Москвой по всем параметрам, и Солоневич воздерживался от прогнозов о неизбежности военного столкновения между двумя государствами. Но он подчеркнул, что эмиграция должна быть благодарна Адольфу Гитлеру за то, что он «вывел СССР из состояния гнилого равновесия».

Сложившаяся ситуация на востоке Европы «с точки зрения голого, холодного, логического, географического и прочего расчета», а также «наличие общей границы между Германией и СССР и наличие сильнейшей в мире армии делает Германию самым решающим из всех *внешнеполитических* факторов в советских и русских делах, — писал Солоневич. — Едва ли стоит ставить вопрос: нравится ли нам это или не нравится. Нам не может нравиться ничто, являющееся следствием большевицкой революции. Нам не может нравиться ни советский голод, ни советский террор, ни советский кабаk, — ни всяческая слабость России, отсюда проистекающая. У нас нет никакого основания приходить в восторг от нынешней европейской войны, тем более что результаты предыдущей мы, русские, почувствовали глубже, чем кто бы то ни было. Словом, мы не находимся в положении разборчивой невесты. Выбирать мы сможем только на своей земле. А до этого момента — даже и «симпатий» выбирать не стоит».

По мнению Солоневича, в ожидании более благоприятных времен целесообразно «выработать ряд целей, планов, если хотите, то хотя бы и схем. Для того чтобы в первый подходящий момент, а может быть, и несколько раньше, дать русским людям ряд, по возможности, трезвых, практических и понятных для них предложений. Там будет неизбежный идейный хаос. А у нас будет, хоть и немного, но нечто готовое». И это, прежде всего, — идея народной монархии.

В ответе на «письмо» «Среднего беженца» Солоневич затронул такие темы как изучение немецкого опыта восстановления страны («внутренней консолидации»), повышение продуктивности сельского хозяйства, судьба советской армии, советского кадрового аппарата, формирование нового дипломатического корпуса. Солоневич считал, что с последней задачей проблем не будет:

«Те люди, которые нынче представляют интересы русского беженства, как Штрандман в Белграде, ген. Бискупский в Берлине, Маклаков в Париже, Саблин в Лондоне, Бахметьев в Вашингтоне, — все они находятся очень в курсе местной политики. Весьма сомнительно, чтобы этих людей следовало заменять новыми, и еще более сомнительно, чтобы на дипломатических постах следовало бы оставлять прежних полпредчиков».

Для понимания позиции Солоневича в тот период немаловажное значение имеет заметка «От редакции», которая появилась в 3-м номере журнала «Родина» (5.06.1940):

«Читатели, наверное, заметили, что наш журнал почти не затрагивает тем о войне, с невиданным ожесточением бушующей сейчас в Европе. Да, мы избегаем этих тем до некоторой степени умышленно. Причин к тому несколько:

Первая: при стремительных темпах современных событий и при военной неурядице почтовых сообщений — угнаться за событиями дело безнадежное. Каждый день несет что-нибудь новое, и это новое заглушает интерес вчерашнего дня. Три недели нашего опоздания для иных наших подписчиков несут изменения не только политические, но и географические. О прошлом же приятно читать в спокойные времена.

Вторая причина: война неминуемо вызывает болезненное следствие — шпиономанию. «Родине» приходится учитывать и эту болезнь. При наличии сомкнутых рядов наших профессиональных клеветников-доносчиков — не исключены любые сюрпризы и неприятности. А мы стремимся, чтобы журнал доходил по мере возможности до всех штабс-капитанов зарубежья.

Третья причина: Россия в войне еще не участвует, — а мы пишем только о России.

И четвертая причина: всегда, во всех условиях и в любых передрыгах мы должны мыслить, чувствовать и говорить только по-русски. И без того достаточно русских газет, которые говорят по-французски, по-немецки, по-еврейски и пр. Наш журнал — журнал русский и только русский. Его задача — давать духовную пищу для русского сознания и русской мысли. Эту задачу мы будем проводить неуклонно, пока будут хоть малейшие технические и политические возможности. Заговорить на чужом языке не может заставить нас никакая сила в мире».

В последних словах Солоневича содержится намек на то, что его пытаются заставить «говорить по-немецки». Министерство пропаганды было не прочь «привлечь» русского публициста к воспеванию «побед на Западе» среди эмигрантов. Но Иван на это не откликнулся.

Летом 1940 года выпуск журнала «Родина» прекратился «по обстоятельствам военного времени». Отсутствие печатной

трибуны катастрофическим образом сказались на связях Солоневича со «штабс-капитанскими» организациями. Как вспоминал позднее Левашов, «война нанесла серьезный удар всему «штабс-капитанскому» движению в целом. Многие группы его членов (после войны) попали за Железный занавес, не успев покинуть захваченные Советами страны. Другие — прекратили свою деятельность, продолжение которой стало невозможным в условиях военного времени. По злой иронии судьбы, немало «штабс-капитанов» попало в тюрьмы и концлагеря союзников по клеветническим доносам, обвинявших их в сотрудничестве с Иваном Лукьяновичем, которого клеветники изображали как немецкого агента, в то время как он сам находился в ссылке как «ненадежный иностранец»¹.

В предвоенное время в Русском Зарубежье многие умы занимались разработкой программ и планов будущей «реорганизации» России. Иван Солоневич не без иронии писал об этом:

«В Берлине у меня был такой знакомый — тоже писатель проектов, А.Р. Самое скверное заключалось в том, что был он замечательно милым человеком. У него был проект переустройства России на началах графизма. Поэтому его письменные проекты изобиловали схемами: круги, кривые эллипсы, параболы и гиперболы. Круги должны были как-то вращаться, — и если они будут вращаться правильно, так, как требуется истинными принципами графизма, то это ему, графизму, принадлежит «грядущая эра». Отделаться от автора, графизма и эры не было никакой возможности. Генерал А. Туркул тоже было чуть не пал жертвой в борьбе роковой. Но он закрывал глаза — чтобы внимательно выслушать истины графизма, и часа два-три спал совершенно спокойно, не тревожимый ни параболлами, ни эрами: у генерала А. Туркула был большой боевой опыт... У меня его не было. Господина А-ра мне пришлось просто выставить вон»².

Но и сам Солоневич пытался сконструировать «модель» будущей национальной России. Он настойчиво работал над

¹ Дубровский (Левашов) В. Народно-монархическое движение: Вчера — сегодня — завтра. // «Наша страна», 16.05.1953.

² «Наша страна» № 23, 23.06.1949.

составлением «Политических тезисов Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения», в которых формулировал единственно перспективный (и реализуемый), с его точки зрения, проект государственного устройства будущей России. Это обширный труд, составленный в четко-установочной, по-военному категоричной форме¹. Базовая главка его — «Русский национализм». Все остальное идет как бы в развитие: «Монархия», «Православие», «Правящий слой», «Служилый слой», «Право собственности», «Хозяйство и планы», «Армия», «Крестьянство», «Рабочий вопрос», «Самоуправление» и т.д.

Исследователи называют «Тезисы» первым конспективным изложением «Народной Монархии», главной концептуальной работы Солоневича.

По мнению автора, «идея всякого национализма есть идея, объединяющая и воспитывающая нацию к исполнению ее исторической миссии на земле. С этой точки зрения — шовинизм есть дурное воспитание нации. Космополитизм — отсутствие всякого воспитания. Интернационал — каторжная работа нации для чуждых ей целей». Для Солоневича русский национализм неразрывно связан с православием, его христианским и православным мироощущением. Он подчеркивает: «Вне религиозной основы не может быть обоснован никакой национализм, как не может быть обоснована и никакая этика. Русский национализм без православия есть логическая нелепица».

Единоличная наследственная монархическая власть — не менее важная составляющая часть русского национализма. Она оформляет нацию «государственно». Политический аспект неразрывно связан с существованием Российской Империи, «исторически соединяющей азиатский материк с европейским полуостровом, обеспечивающей нации российской беспрецедентное в истории мира непрерывное жизненное пространство, которое включает в себе все необходимые материальные ресурсы для самостоятельного и самобытного развития. По мнению Солоневича, Российская Империя не только обеспечивает материальную базу существования российской

¹ «Политические тезисы» были впервые опубликованы Всеволодом Левашовым в Софии в 1940 г.

нации, но и является необходимой территорией «для осуществления основной религиозной задачи нации российской — поисков Божьей правды на грешной земле».

Один из ключевых моментов «Политических тезисов» — недопустимость эксплуатации человека человеком в новой России. Сословия, классы и касты должны быть ликвидированы: «Никаких «пролетариев» и «буржуев», никакого деления на «белую» и «черную кость». Вместо этих понятий Солоневич выдвигает понятие государственной службы, «подчинения частного интереса интересу общенациональному». Фактически он предложил замену сословно-классового строения государства на корпоративное. При таком строе, пояснил Солоневич, «каждый русский занимает в нации то или иное положение только и в зависимости от своих личных качеств и своей личной работы — безо всякой оглядки на родословные и капитал».

Показательно также положение о прогрессивности русского национализма, его устремленности в будущее, стремлении «вооружить нацию самым современным духовным, экономическим, культурным, техническим и военным оружием, какое только может дать самая современная культура и техника мира. Русский национализм стремится также и к тому, чтобы именно Россия явилась творцом самого современного оружия».

Пolemично звучит вывод Солоневича о том, что не стоит искать во всех несчастьях России результат внутренних и внешних заговоров. Слова Солоневича о реальных виновниках этих несчастий актуально звучат и в наше время:

«Русский национализм обладает достаточной долей мужества, чтобы все собственные ошибки отнести на свой собственный счет — и не вваливать их ни на чьи чужие плечи — масонские, немецкие, еврейские, английские, японские и какие угодно. Там, где мы терпели поражения, мы терпели их только и исключительно по своей собственной вине. Слабость есть величайший грех, который может постигнуть нацию или национальную идею. И расплата за грех слабости является неотвратимой расплатой, где бы эта слабость ни проявлялась. Большевицкая революция есть расплата за наши человеческие грехи, накопившиеся в течение двух веков».

Солоневич так вспоминал о рождении главного труда своей жизни:

«Работа была начата в Берлине в 1940 году, когда первый опыт живого соприкосновения с просвещенной Европой вызвал целый ряд соображений, которые и легли в основу «Народной монархии». В Берлине у меня еще была библиотека, томов тысячи три. Длительность моего пребывания в Берлине мне уже и тогда казалась очень ограниченной. Потому, планируя свою работу, я сделал несколько сот выписок. Работа была начата уже в ссылке, в Померании, библиотека осталась в Берлине и погибла. В процессе работы выяснилось, что, как это всегда бывает в таких случаях, выписок оказалось недостаточно, и пополнить их было нечем. Таким образом, в работе оказался целый ряд зияющих пробелов»¹.

К таким пробелам Солоневич отнес отсутствие в его труде анализа деятельности славянофилов и их отношения к Российскому самодержавию. Все попытки писателя отыскать сочинения славянофилов в Берлине закончились провалом. В Берлинской государственной библиотеке эти книги имелись, Солоневич был ее постоянным посетителем (по его словам, «почетным абонентом») и мог рассчитывать на особое отношение. Но книг этих так и не получил, их запрятали в «нацистский спецхран». В гитлеровской Германии, которая планировала огнем и мечом осваивать для себя «жизненное пространство» на славянском Востоке, литература подобного «сорта», пусть даже относящаяся к XIX веку, была, несомненно, подрывной.

Невозможно было отыскать в тогдашнем Берлине и сочинения классиков марксизма. «Я хорошо знаю Карла Маркса, — писал в этой связи Солоневич, — не только «Капитал», но и все его писания. В его переписке с Ф. Энгельсом есть истинно убийственный отзыв о русских марксистах. В советских изданиях мужа сего этот отзыв по понятным соображениям изъят. В Германии Гитлера Карл Маркс был изъят вообще. Уже в британской зоне Германии мне удалось получить (в 1947 году. — Н.Н.) английское издание К. Маркса и сделать из него нужные мне выписки»².

¹ Солоневич И.Л. По поводу «Народной монархии» // «Наша страна», № 120, 3.05.1952.

² Там же.

Два чемодана этих выписок, по свидетельству Солоневича, ему удалось вывезти в Аргентину, потом в Уругвай, где онигодились при завершении работы над «Народной монархией».

Необходимо отметить, что название «Народная Монархия» стало использоваться Солоневичем значительно позже, в сентябре-октябре 1950 года. В конце 1939 — начале 1940 года в ходу было другое название — «Белая Империя». В тот период все мысли писателя были направлены на решение главной задачи: «Дать в руки зарубежного штабс-капитана по мере возможности законченную и по мере возможности безукоризненную монархически-национальную аргументацию. Дать русскому человеку вообще хорошо, убедительно и, что очень важно, ярко написанное изложение основ русской государственности»¹. По замыслу Солоневича, в этот труд должны были войти такие «проблемные статьи-главы», как «Дух народа», «Монархия», «О Православии», «О вооруженной силе страны», «Об экономическом положении» и «О правящем слое».

На страницах «Нашей Газеты» Солоневич попытался осуществить это намерение, успев опубликовать до января 1940 года две из намеченных статей — «Дух народа» и «Монархия». Продолжить публикацию из-за закрытия газеты не удалось. Правда, его последователи на Дальнем Востоке из группы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения в Шанхае выпустили «Белую монархию» отдельным изданием в 1941 году. Солоневич называл это издание «сборником статей»...

Агент Экис, сентябрь 1940 года:

«В Берлине распространяется брошюра Владимира Карловича Аргенландера, активиста белоэмигрантского движения. По содержанию этот труд — точная копия взглядов Солоневича и К°, разница лишь в том, что автор озабочен созданием Соборной народной монархии, а Солоневич сам хочет быть диктатором. Аргенландер считает, что после войны с Германией Россию ожидает анархия. Этим хаосом автор брошюры и его друзья надеются воспользоваться, чтобы восстановить

¹ Солоневич И.Л. По эмигрантским ступенькам // «Наша газета». № 65, 18.01.1940.

монархию во главе с сыном покойного великого кн. Кирилла Владимировича. По оценкам Аргенландера, «эмиграция разгромлена: у нее нет территории, нет платформы, все перегрызлись и перессорились, живут прошлым».

У эмиграции есть сейчас один вождь — Иван Солоневич. В момент анархии в России за ним пойдут все, как один человек. В Союзе он намерен опираться на многотысячную армию, сидящую в лагерях. Рядом с ним — генерал Бискупский и Мельский. Вокруг этого центра никто не группируется в данный момент, но он пользуется огромной популярностью среди всех белоэмигрантов. Правда, есть опасения, что большевики могут покончить с Солоневичем, как они покончили с Миллером. Этим и объясняется скрытность его существования. Напрямую в России сейчас ничего нельзя сделать, ни через посольства, ни через эмиссаров. Все моментально падаются, контрразведка НКВД работает блестяще.

Бискупский и Меллер (люди очень нестойкие, продажные) поставлены Гитлером как бы руководителями всей эмиграции. У них широкие полномочия. Им, в общем-то, немцы доверяют. Например, по рекомендации Бискупского был взят на работу в гестапо Павел Петрович Жемчужин. Аргенландеру — этому полному ничтожеству — дали место на военном заводе. Он занимается кадрами — кого оставить, кого отправить на фронт и т.п. Сейчас эмиграция, даже ее верхушка в лице Солоневича, который считается практиком, не думает предпринимать чего-либо решительного. Надо ждать действий Гитлера, окончания войны, развала Союза. Но армия из бывших кадровых офицеров есть, есть вожди, царь. Немцы расчистят дорогу, за ней хлынет Русское Зарубежье. Вот она — четкая концепция современной эмиграции.

В русских церквях в Германии молятся о здравии Гитлера и о ниспослании всем его врагам бед земных и небесных. Вообще, церковь — это единственное место, где эмиграция приобретает брошюры и газеты, нелегально читает лекции, содержание которых не просмотрено предварительно немецкими властями. Брошюры и журнал Солоневича распространяются во время церковных служб. Вся эмиграция ударилась в религиозность, церкви всегда переполнены, и вести всяческую агитацию весьма легко».

Изредка через общих знакомых до Ивана доходили сведения о жизни брата. Борис работал в Антверпене представителем «Нового слова», имел официальную немецкую карточку журналиста. В предвидении «грандиозных мировых событий» Борис выучил немецкий язык. Он считал, что весной 1941 «мордобой» между русскими и немцами будет почти неизбежным. По его оценкам, одна из причин — экономическая: Германия якобы получила только 10 процентов того, что Советский Союз обещал поставить, и это стало источником серьезных трений. Борис полагал, что Германия стоит перед двумя возможностями накануне войны на Востоке: воевать, завоевывать, грабить и — поддерживать свою власть штыками. Или же — воевать, вызвать и поддержать национальную революцию и войти в союз с национальной Россией. Борис надеялся, что немцы склонятся ко второму варианту действий.

Он жаловался знакомым, что русские в эмиграции боятся заниматься самой невинной политической работой, хотя время требовало активной подготовки к любым неожиданностям.

В материальном плане жизнь Бориса из-за его бытовой безалаберности так и не наладилась: он «выкручивался», не более того. Кое-какие гонорары он получал из «Нового слова». Но книги его в Германии продавались с трудом. Впрочем, в 1940 году Борис писал мало, поскольку, как он сам говорил, его захлестывали мировые события, не давая сосредоточиться. Как рассказал Ивану один из ездивших в Антверпен друзей, бытовые условия Бориса были не лучше «собачьих»: в его комнате царили холод, грязь, беспорядок. В одном углу — куча бумажного мусора, в другом — над газовой плитой — протянута веревка и сушатся носки. Сам он ободранный, заштопанный, ноги обернуты в бумагу для сохранения тепла. Жаловался на отсутствие картошки и подходящих ботинок. Собеседник Ивана признался, что подарил Борису свои — несколько поношенные, но все еще крепкие. Борис был очень доволен этим «презентом».

В середине декабря 1940 года Ивана Солоневича посетил на квартире «в порядке надзора» (Stierstrasse, 16, 3-й этаж, дверь направо) очередной курирующий сотрудник гестапо¹.

¹ Квартира была трехкомнатной: две из них занимал Иван Лукьянович (кабинет, спальня), одну — Юрий, Инга и Мишка. Имелся черный

Он должен был выяснить, чем занимается один из лидеров русских эмигрантов в Германии, доволен ли своей жизнью, какие строит планы на будущее, имеет ли претензии к национал-социалистическому режиму.

Иван встретил визитера в дверях, окинул его взглядом: немец был в штатском, выше среднего роста, плотный, с крупной головой, словно втянутой в плечи. Особой его приметой был приплюснутый, как у боксера, нос. Солоневич не удержался, спросил: не был ли тот боксером. «Нет, не был», — прозвучало в ответ.

Как написал позднее гость в своем служебном отчете, Иван был в раздраженном состоянии духа, говорил, что настало время покинуть Германию, хотя он еще не решил, — куда именно податься. («Вероятнее всего, — в Финляндию, — заметил он, — там у меня появились родственники»). Солоневич с горечью рассказал о том, как он был арестован его, визитера, коллегами. Это произошло за три дня до приезда советского министра иностранных дел Молотова в Берлин¹. К Солоневичу приехали на квартиру, «взяли под локотки» и отвезли в тюремную камеру. В гестапо ему объяснили, что это делается в его же интересах: мол, если что случится с Молотовым, то первое подозрение падет именно на него, Солоневича. Все его знают как фанатичного врага Советской власти. Он не раз выступал с угрозами в адрес советских политических деятелей. Поэтому, мол, в его же, Солоневича, интересах посидеть «в изоляции». Если с Молотовым что-то случится, то претензий к нему, Солоневичу, не будет. Сразу станет ясно, что покушение совершили другие.

Вместе с Солоневичем «превентивно» сидело несколько десятков украинцев из националистических организаций, главным образом студенты.

выход, номер телефона 88-03-26. На двери в квартиру — в специальном «окошке» — визитная карточка Юрия. Судя по ряду косвенных данных, сведения об этих визитах и содержании бесед поступали в резидентуру НКВД в Берлине. Не исключено, что агент Брайтенбах снова получил доступ к материалам гестапо на Солоневича, хотя этот вопрос требует дополнительного изучения.

¹ Молотов был приглашен с официальным визитом в Берлин И. фон Риббентропом 13 октября. Приглашение было принято. Молотов находился в германской столице 10—12 ноября 1940 г.

31 января 1941 года в другой беседе с «куратором», которая шла в здании гестапо, был затронут вопрос о софийском покушении и гибели Тамары. Иван заявил, что после долгих раздумий он пришел к выводу, что бомбу ему все-таки подбросили не большевики, а «внутренняя линия» РОВСа. Гестаповец с этим не согласился. Сказал, что его учреждение (в порядке оказания помощи болгарам) занималось этим вопросом, чтобы в будущем застраховать своих людей от подобных акций со стороны Советов.

«Бомба была снаряжена в Советском Союзе», — убежденно заявил немец.

Иван спорить не стал, заявил, что при всех условиях, в случае приближающейся войны с СССР надеется встать в ряды политических руководителей (русской национальной) армии.

Гестаповец не обратил внимания на слова о «приближающейся войне». Его заинтересовало другое. Он спросил со скептической улыбкой:

«О какой русской армии вы говорите? О той, которая будет создана на основе Красной армии? С нашей точки зрения, вряд ли это осуществимо».

Немец взял одну из папок, положил перед собой:

«Это перевод вашего труда о будущей России, «политические тезисы Российского народно-имперского движения». Мне они показались демонстративно полемическими. Прямо скажу, что по своей направленности, они ни в чем не совпадают с германскими интересами».

Немец перелистал перевод, нашел нужное место и стал читать вслух:

«Основной добродетелью нации является сила. Основной добродетелью национальной идеи является тоже сила. Там, где нет силы в нации, — бывает Уругвай»...

Немец прервал чтение, спросил:

«Почему именно Уругвай? Можно было бы назвать страну поближе, Чехословакию или Польшу»...

Он вновь опустил глаза:

«Сила, основная и величайшая доблесть нации, в нашем русском случае может быть только православной силой, то есть силой, направленной не к господству, а к служению, не к подавлению, а к помощи, не к эксплуатации, а к дружбе.

Русская сила — не сила разбойника и бандита, а сила работника и отца... Вне этой концепции — русской силы не может быть. Россия сильна только в том случае, если она следует законам своего — а не чьего-нибудь чужого — национального бытия»...

Гестаповец изучающе посмотрел на Солоневича:

«Не думаю, что в интересах Германии иметь в близком соседстве конкурирующую силу. Тем более Красную Армию, усиленную эмигрантами из военных, которую вы надеетесь идеологически перевоспитать, снабдить самым передовым вооружением и превратить, как вы пишете, «в орудие защиты от внешних врагов». Европа сейчас — это Германия! Ваши тезисы не назовешь многообещающими для будущей единой Европы»...

Немец пытался выяснить у Солоневича, кого он имел в виду, когда написал «гений в политике — это хуже чумы»:

«Поступило анонимное сообщение, что вы, герр Солоневич, имели в виду фюрера»...

При этом гестаповец неодобрительно покачал головой...

В статье «Миф о Николае Втором» Солоневич изложил этот эпизод своей жизни в юмористический тональности:

«В свое время я изрек некую истину: «гений в политике — это хуже чумы». В те времена эта истина была сообщена почти без доказательств. Несколько позже по поводу нее меня свирепо допрашивали в гестапо: кого это я, собственно, имел в виду? Я отвечал невинно: конечно, Сталина. Еще позже я пытался обосновать эту истину так: гений это человек, выдумывающий нечто принципиально новое. Нечто принципиально новое, естественно, входит в конфликт со всем, что называется «старым». Но так как жизнь человеческого общества базируется на целой сумме старых навыков, верований, традиций и чего хотите еще, то гению остается одно: попробовать сломать «косность среды» методами вооруженных доказательств. Из этого никогда ничего путного не выходило»¹.

Вот, для сравнения, еще одна версия этого эпизода в интерпретации Солоневича:

¹ Солоневич И.Л. «Великая фальшивка Февраля» и другие статьи». С. 121.

«В одной из своих статей я обронил фразу, которая мне впоследствии, в Германии, дорого обошлась:

«Гений в политике — это хуже чумы».

Гитлер, говорят, принял это на свой счет, и мне пришлось объяснять в гестапо, что я имел в виду только гениев марксизма. И что вообще — нельзя же придирааться к парадоксу! Но это все-таки не парадокс. Гений в политике — это человек, насильственно нарушающий органический ход развития страны во имя *своих* идеалов, своих теорий или своих вожделений — не идеалов массы, — иначе масса реализовала бы эти идеалы и без гениев, время для этого у массы есть. Несколькими гиперболически можно сказать, что «гений» врывается в жизнь массы, как слон в посудную лавочку. Потом слона сажают на цепь, а владелец лавочки подбирает черепки. Если вообще остается что подбирать. Потом приходят средние люди, «масса», и чинят дыры, оставшиеся после слоновьей организации Европы или мира»¹.

В начале июня 1941-го «куратор» вновь встретился с Солоневичем. С видимым оживлением Иван упомянул о том, что долгое время безнадежно пытался добыть средства на публикацию рукописи «Возрождение империи» и вот, кажется, лед тронулся. В секретариате Геббельса ему сообщили, что министр дал указание выделить необходимые средства на издание книги (оставались считанные дни до нападения Германии на Советский Союз, обещать можно было все, что угодно).

Гестаповец выразил сомнение в том, что книга с подобным содержанием может быть напечатана в условиях рейха:

«Ваша идея утопического монархизма — всего лишь красивая сказка, беспочвенная фантазия эмигранта. Возможности для ее реализации не будет, тем более после этой войны. Вы, герр Солоневич, должны понять, что Германия ни при каких условиях не допустит восстановления монархии в России».

По версии Ивана, последнее слово в этом споре все-таки осталось за ним. Он ответил «скромно и застенчиво»:

«Мы, видите ли, тысячу лет обходились без немецкого согласия — вероятно, обойдемся и дальше!»²

¹ Солоневич И. Диктатура слоя. С. 87.

² «Наша страна», № 5, 13.11.1948.

Недрузьями Солоневича (при его жизни) и идеологически «ориентированными» исследователями-биографами (после смерти) упорно поддерживалась версия о его коллаборационизме. Распускались слухи о тайных и явных связях Солоневича с заправилами Третьего рейха, добровольных «советнических услугах» и прочих неблагоприятных деяниях, несовместимых со сложившимся обликом национально мыслящего публициста, защитника русской монархии. Этого никогда не было. Можно с уверенностью сказать, что Солоневич не изменял России и всегда в силу возможностей пытался воздействовать на «германцев», предупреждая их, что агрессивные планы в отношении СССР потерпят крах, потому что направлены на уничтожение Национальной России и превращение русских в германских рабов.

Нужно отметить, что Солоневич, подводя итоги своего германского периода, считал свой переезд в Третий рейх «огромной ошибкой». Правда, иного выбора у него не было, западноевропейские демократии не хотели принимать у себя человека, вызывавшего очевидную ярость со стороны Сталина. Свою роль в переезде отца и сына Солоневичей в Германию сыграла кампания по дискредитации, начатая агентами НКВД в Финляндии и продолженная «широким веером» в странах Западной Европы, а также в местах русского рассеяния. «Компрометирующие» Солоневичей фальшивки были подхвачены в эмиграции теми силами, которые видели в братьях угрозу своему прежде безраздельному влиянию на Русское Зарубежье. Концентрические круги от этой провокации до самого последнего дня преследовали Ивана Лукьяновича. Он с горечью писал об этом в первом номере «Нашей страны» (Буэнос-Айрес, 1948 год) в статье «Восемь лет»:

«Я только что просмотрел мои собственные издания 1936—1940 года. Скандал они причинили, по-видимому, вполне достаточный: «Социалистический вестник» называл меня «кандидатом в русские Геббельсы», мечтающим о никогда не существовавших временах царя-Гороха. Орган упомянутого царя — белградский «Царский вестник» с редкой изысканностью писал: «Солоневич может быть и не агент ОГПУ, но он хам и подлец». Основатель сегодняшней солидаристской партии проф. Георгиевский называл меня поочередно то агентом ГПУ, то агентом гестапо. И все обещал «представить до-

кументы»... Польская пресса скромно и деловито заявила, что я агент ГПУ и, кроме того, заядлый враг независимой Польши. Немецкая партийная пресса посвящала мне целые полосы, обзывая меня врагом Германии и «Judenfreund»... А наши социал-демократы уже во время войны объявили меня правой рукой Геббельса. Так создается слава мира»¹.

Что действительно было, так это то, что Иван Солоневич попытался «образумить», направить на «путь истинный» нацистских бонз.

Вот как вспоминал об этом Юрий:

«В 38-м году, когда мы туда (в Германию. — *Н.Н.*) попали, батя написал меморандум Гитлеру — 36 страниц, в котором он предсказал будущее до такой степени точно, что жутко становится. В нем он сказал: много было таких, которые пытались Россию завоевать, — ничего у них не вышло. И не вышло потому, что они совершали всегда одну и ту же ошибку: они были против русского народа. Если бы они поставили на сторону русского народа, то и тогда было бы трудно, но хоть бы был шанс. А воевать против русского народа это значит, что вы будете идти до Владивостока, и на пути каждый куст будет стрелять. И на каждом мосту придется оставлять часовых. А конец будет — наполеоновский.

Мы даже не знаем толком, читал ли его (меморандум. — *Н.Н.*) Гитлер или нет. Однако Гиммлер, например, понимал, что немцев просто не хватит, чтобы завоевать всю Россию. Батя считал, что если уже ничего в немецкой политике изменить невозможно, то нужно хотя бы постараться розенберговскую линию как-то подавить. Поэтому он старался немцам объяснить, что антирусское направление приведет к поражению».

Если следовать подсказке младшего Солоневича, «Меморандум» отца был написан и направлен Гитлеру в первые месяцы их пребывания на немецкой земле, вероятнее всего в июне-июле 1938 года. В сентябре Иван Солоневич опубликовал брошюру «Россия и гитлеризм». Содержание ее может пролить определенный свет на то, что думал Солоневич о «со-

¹ «Наша страна», № 1, 18.09.1948.

вместимости» этих двух понятий и пригодности гитлеризма как идеологии для применения на русской почве. Его брошюра так и начинается:

«Обе России — и подсоветская, и зарубежная — бьются в поисках новой творческой идеи. Той идеи, которая должна придти на смену уже выродившемуся коммунизму и которая должна лечь краеугольным камнем в будущее здание нашей родины».

Какова же, по мнению Солоневича, эта новая проверенная творческая идея? Он отвечает без оговорок:

«Для большинства русской эмиграции эта проверка уже сделана. И это большинство, при всех его колебаниях относительно Германии, как внешнеполитической силы, все-таки склоняется к фашизму как внутри-творческой силе. Делается оговорка о том, что предпосылки итальянского и германского фашизма должны быть изменены в зависимости от наших чисто русских особенностей и приноровлены к нашему неповторимому в истории национальному бытию».

И далее: «Национал-социализм — это не угроза культуре, а это защита этой культуры от большевицкого варварства. Это передовой участок общемирового антикоммунистического фронта... Гитлер спасает Европу от коммунизма... Это просто передовой окоп...»

Необходимо отметить, что в таком взгляде на фашизм Солоневич не был оригинален. В Германии многие считали, что фашизм не только стал бастионом против наступления «левого тоталитаризма», но и по-своему «искал справедливых социально-политических реформ», по выражению русского философа Ивана Ильина.

Какие варианты развития событий прогнозировал Солоневич для Советской России «в увязке» с Германией?

Первый вариант. В России победит антикоммунистический заговор. Будет проведена ликвидация сталинских ставленников, сам «гениальнейший» превращен «в шашлык». Новая правящая группировка в России протянет руку дружбы гитлеровской Германии. Все вопросы европейского бытия разрешатся: «Германия перестает быть крепостью, осажденной со всех сторон и демократиями, и большевизмом, и еврейством, и масонством. Образуется практически несокруши-

мая военно-политическая и экономическая сила. Мир станет на новые пути».

Второй вариант. Наболевший германо-чешский конфликт приведет к войне. Натренированная на наступление Красная армия нанесет молниеносный удар через Польшу. Германия окажется в обстановке августа 1914 года. Поражение Германии будет означать революцию и «всеевропейский коммунизм — превращение Европы в колхозную и концлагерную пустыню».

Что из этого следует для русской эмиграции, каковы ее практические выводы?

«...Ни при каких комбинациях обстоятельств не быть в стане врагов Германии... За всеми тяжкими извилинами нашего пути в Россию нужно иметь в виду нашу путеводную звезду. Эта звезда есть Империя Российская».

Каковы же — по Солоневичу — предпочтительные пути и образцы для развития будущей России?

Он, не без оговорок, высказывается за гитлеровский режим, который, по его оценке, «является наиболее демократическим». Он мотивирует этот тезис так: «Этот режим ведь не ставит своей ставки ни на аристократию, ни на наследственное дворянство, ни на финансовый капитал и не на буржуазию вообще. Он ставит свою ставку на народные массы Германии, иначе говоря на ее демократию... Нет классов, нет сословий, есть только немцы, работающие каждый на своем участке и заслуживающие уважения только в зависимости от своей работы».

Не должно ли тревожить русскую эмиграцию военно-политическое усиление гитлеровской Германии?

Солоневич, в общем-то, согласен, что повод для тревоги есть: «В известной степени усиление Германии опасно и для нас» (он имеет в виду еще и Англию, Францию, Польшу, Чехословакию).

Если все-таки германо-советская война будет развязана, то, по прогнозу писателя, послебольшевицкая Россия «за воссоздание своего единства и своей мощи будет драться, если нужно, десятилетиями, а если придется, то и веками. Это очень невеселая перспектива. Но она невесела для обеих сторон».

Имеются ли у эмиграции шансы для ее предотвращения? Иван весьма осторожен в ответе:

«Очень плохую услугу обеим сторонам оказывают те люди, которые толкают Германию к этой перспективе. В числе этих людей есть много русских. Эти русские, сами того не ведая (а, может быть, и ведая) кладут очень увесистые гири на антирусскую чашу весов. По существу, «русский вопрос» в Германии еще не решен. Есть разные высказывания, и есть разные точки зрения, но окончательной линии еще нет. И в каком именно виде она сложится — неизвестно»...

Какие силы из русской эмиграции, по мнению Солоневича, приносят вред интересам России и каким образом?

«Товарищи младороссы из второй советской и, рассудку вопреки, монархической партии, вероятно, думают, что делают большое русское дело, когда на всех перекрестках обливают грязью Германию и с бесстыдством, находящимся в полном соответствии с моральным уровнем первой советской партии, пропагандируют красу и мощь «нашей доблестной красной армии»... Другие дяди, ошарашенные большевизмом, метнулись совсем в другую сторону. Один из наших бывших столпов отечества, ныне подвигающийся в той же Германии, несет публично такую ахинею, что даже немцам и тем слушать, хоть, может быть, и лестно, но неудобно. По его концепции, Россию построили немцы. И так как русские сами по себе править не могут, то вот на смену немцам пришли жидаы. Жидаы оставили от России пустое место. Религии нет, морали нет, работать никто не хочет, все разложилось и выродилось. Вместо России — пустое место. Но если пустое место, то совершенно ясно — почему бы им не владеть. Природа не терпит пустоты, а политика и тем паче. И вот, целый ряд русских людей снабжает немцев заведомо неверной информацией, заваливает немецкие учреждения заведомо подлыми доносами...»

Каков, по мнению Солоневича, его собственный вклад в дело недопущения военного столкновения Германии и России?

«Я же думаю, что я делаю гораздо большее русское дело, когда устно — десяткам тысяч и письменно — миллионам немцев напоминаю, например, о завете Бисмарка вечной дружбы с Россией и о том, что за нашей спиной имеется тысяча лет нашей истории и двести лет нашей империи, и что мы совсем не сапогом сморкаемся, что мы вовсе не такие плохие организаторы, как это можно думать, и что, например, организо-

вать пути сообщения через горы, степи, тайгу и болота, заносы и половодья на пространстве одной шестой части земной суши — это совсем не так просто, как пустить поезд-молнию из Гамбурга в Берлин»...

Самобытность России, ее истории и пути в будущее — вот о чем должны помнить все ее граждане:

«Наши протесты против попыток натянуть на русскую спину пиджак с чужого плеча имеют глубочайший религиозно-национальный смысл: они не продиктованы «полемикой». Мы считаем, что даже и те методы национально-государственного строительства, которые в других моральных условиях и по-иному одаренных народов дают современные успехи, — будучи применимы к нашим моральным условиям и к по-русски одаренному русскому народу — дадут результаты катастрофические. Мы считаем, что всякие попытки навязать русской истории нерусские государственные системы, вызванные к жизни задачами внешней торговли и задачами внешней политики (на противоположных полюсах — Англия и Германия), являются новыми попытками замутить и отравить истоки русского религиозно-национального и государственно-творческого инстинкта и сознания. С этими попытками мы боролись, боремся и будем бороться, откуда бы они не исходили. Россия — сама по себе. Ничего доброго от заграничных идейных импортеров мы до сих пор не видали — и не увидим»¹.

Несмотря ни на что, прогноз Солоневича для России оптимистичен:

«...Необходимо во всем, что мы говорим, и во всем, что мы делаем, помнить о тысяче лет нашей истории, о тех дырах, в которых мы сидели и из которых мы все-таки выбрались, помнить о страшной мощи нашего народа, великого и в несчастьи, — и всеми делами, всеми помыслами нашими утверждать нашу великую и ничем непоколебимую волю к жизни и творчеству. Эта воля есть необходимая предпосылка нашего будущего. На ней и только на ней можно отстроить Российскую Империю. Российская Империя будет отстроена именно потому, что эта воля осталась непоколебленной».

¹ Солоневич И.Л. Материалы к тезисам (сокращенный текст: «Тезисы народно-имперского движения»). С. 30.

Когда стало ясно, что война Германии с СССР неизбежна, русская эмиграция раскололась на два лагеря спорами об исходе грядущего столкновения. Та часть, которая прогнозировала победу нацистов, была значительно большей. «Кто из живших в Германии в 1939 году верил в то, что немцам «набьют морду»? — писал Юрий Солоневич. — Помню его (отца. — Н.Н.) споры — иногда ожесточенные — с ген. Бискупским, с Меллером-Закомельским, с «ручными немцами», со мной. В начале Советской войны я сам чуть не влез в форму «зондерфюрера». Помню, я к тому времени в окончательную победу немцев тоже уже не верил, но я считал, как считали миллионы других, что не могут же немцы быть уж совсем окончательными дураками! Что они поставят русскую армию, «мы» разобьем Советы, а там уж будем посмотреть... «Дураки, — говорил батька, — окончательные!» Доказательств у него не было. Или были, но не выдерживавшие зондерфюреровской критики. Он туманно ссылался на Моммзена, на «дранг нах остен». Прижатый к стенке, говорил: «Я так чувствую» В июле первые сомнения стали заползать в мою мятущуюся душу. Я решил повременить. В августе стало ясно мне, а в сентябре и октябре последнему остовцу: дураки, и притом — сволочь»¹.

Подоплеку не слишком благозвучного слова «сволочь» раскрывает один из эпизодов берлинской жизни Ивана Солоневича. Связан он с 12-летней соседкой по дому, немецкой школьницей, которую писатель назвал «белокурой Валькирией»². Она нередко приходила в «гости» к Солоневичу, причем всегда с определенной «потребительской» целью. У него — для подкрепления сил во время литературной работы — на столе всегда была плитка шоколада. Валькирия приходила полакомиться и попутно рассказывала о своих школьных делах. Была она членом гитлеровской организации для девочек и получала азы подготовки в нацистском духе.

Она-то и рассказала Солоневичу, что учит английский язык, потому что «мы будем управлять Англией». Тема заинтересовала писателя, и он спросил: «А Россией вы тоже будете управлять?» — «И Россией тоже, но в Россию (сестра)

¹ Солоневич Ю. Цена жизни // «Наша страна», № 176, 3.05.1953.

² Солоневич И.Л. Диктатура слоя. С. 26—29.

Минна поедет; только там русского языка не будет, так что Минне хорошо, не нужно его учить». Солоневич поговорил с отцом Валькирии о странных идеях в голове его дочери, но отец, почтенный директор школы, понял его превратно и заверил, что причин для беспокойства нет: «Таких *приличных* русских... мы, немцы, обижать не собираемся, тем более, что вы уже живете в Германии и можете рассматриваться как лицо, заслуживающее германское доверие».

Иван обсудил этот разговор с сыном, и Юрий был не менее обеспокоен: «Если уж двенадцатилетних девочек натаскивают на войну — то надо отсюда бежать».

В книге «Диктатура слоя» Солоневич написал в 1946 году, «по горячим следам событий»: «Если бы Гитлер проявил хоть чуть-чуть больше догадливости, — Красная армия перестала бы существовать уже в 1942 году. Она перебежала бы (перешла бы) на сторону любого русского, но антибольшевистского правительства».

Призывы Солоневича к благоразумию никакого воздействия на гитлеровское руководство не оказали. По мнению писателя-публициста, «расовая философия», культ арийца-сверхчеловека, а также стремление к захвату территорий на Востоке, стали идеей фикс не только военно-политического и чиновничьего аппарата Германии, но и немецкого обывателя. Восприимчивости к предостережениям Солоневича не проявил никто.

Для Ивана воплощением немецкого невежества в русских делах стал профессор истории Люман, милейший человек, обладатель окладистой снежно-белой бороды, любитель комфорта и схоластических построений. По словам Солоневича, «он был набит цитатами с головы до ног. Он помнил их все наизусть. Его мозг был забит десятками тысяч никому не нужных подробностей. Но он не понимал *ничего*. Ничего, имеющего значение в человеческой жизни и в человеческой истории. Попивая вермут и поглаживая свою классическую бороду, он с сожалением смотрел на мою жалкую библиотеку, в беспорядке наваленную в моем рабочем кабинете, и с сознанием сочувственного превосходства снабжал

меня — по памяти — цитатами из Гегеля, Моммзена, Трейчке, Бисмарка, Ницше, Фихте, Виндельбранда и прочих... Даже и Достоевского проф. Люман знал лучше меня. Из всех этих фундаментов науки, философии, литературы и прочего, с неотвратимой неизбежностью геологического процесса выросло гордое здание будущей немецкой победы»¹.

Люман — обобщенный образ немецкого ученого-схоласта. Но в основе его — конкретный прототип, Артур Лютер², известный в Германии литературовед, знаток русской и немецкой истории и культуры, эрудит и библиограф, родившийся и долгое время живший в России.

В 1914 году мировая война навсегда «отрезала» Лютера от России. В годы войны он был пропагандистом в лагерях русских военнопленных: сочинял и редактировал брошюры, в которых сравнивались различные аспекты жизни в России и Германии, разумеется, в пользу последней. Работа эта координировалась разведывательной службой полковника Вальтера Николаи. Свои брошюры (не менее 20) Лютер подписывал псевдонимами — Артемьев, Кабаков, Силин, Орловский и другими. Возвращаться в Россию Советскую Лютер после войны не захотел и обосновался в Германии.

Он читал лекции в университетах рейха и в Немецкой школе книготорговли, в которых «подстраивался» под доминирующую национал-социалистическую идеологию.

После прихода Гитлера к власти Лютер сблизился с теми кругами русской эмиграции, которые «делали ставку» на фюрера во имя свержения большевистской власти в России. Ко времени знакомства с Солоневичем он был на вершине своей карьеры, человеком обеспеченным, знающим, как распорядиться бесценным капиталом «знания России изнутри». Перед войной особым спросом в рейхе пользовались материалы, доказывающие внутреннюю слабость России, неспо-

¹ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. С. 150.

² Лютер Артур (род. в 1876 г. в Орле — умер в 1955 г. в Баден-Бадене). Родители его из прибалтийских немцев. Он окончил историко-литературный факультет Московского университета (1894—1900). Занимался преподавательской работой в России и Германии. Автор монографии на немецком языке «История русской литературы» (1924). До 1912 г. жил преимущественно в России.

способность русских к управлению своими огромными территориями без помощи «со стороны». Колосс на глиняных ногах по всем прогнозам немецких экспертов должен был рухнуть от первых же ударов вермахта. Лютер охотно писал на эти темы, укрываясь под псевдонимами.

В книге «Диктатура слоя» Солоневич настолько «утрировал» реального Лютера, что пришлось умолчать о его русских корнях и, без всякого сомнения, выдающейся карьере специалиста по русской литературе.

С Лютером Солоневич познакомился в редакции «Нового Слова», куда немецкий ученый регулярно (до 1941 года) писал статьи, восхваляющие политику рейха в области литературы и искусства, и отнесся к писателю с некоторой снисходительностью: еще один русский в его коллекции знакомств, только и всего. Дискутировал Лютер тоже свысока. В борьбе цитат он, несомненно, выигрывал. Солоневич вспоминал об этом:

«Против профессора Люмана (Лютера) и всеоружия его научного познания сидел я, мозолистый футболист, и пытался доказать мысль, которая в ее плебейской формулировке могла бы быть средактирована так: и вы, профессор — дурак, и ваш Гегель ни на копейку не умнее»¹.

По частотности употребления слова «дурак» в отношении Люмана (Лютера) можно понять, до какой степени его эрудированное невежество раздражало Солоневича. Для него Люман — «набитый цитатами дурак», в том числе, цитатами из русских классиков — Достоевского, Чехова, Горького и русской эмиграции «с ее полными собраниями мемуаров и разъяснений». Цитаты были так плотно подогнаны друг к другу, что опровергнуть их было невозможно:

«Я пытался, обходя цитаты с тылу, указать на тот простой факт, что не лишние же люди Чехова и босяки Горького построили Империю от Балтийского моря до Тихого океана, но и на это у проф. Люмана была соответствующая цитата: это построил немецкий правящий слой в России; вот вам, пожалуйста, де Валь, Серафим, Розенберг и прочие. Мое обходное движение провалилось с позором, даже самый глубокий тыл профессорских построений был укреплен непроходимой колючей проволокой цитат»².

¹ Солоневич И.Л. Диктатура слоя. С. 150.

² Там же, с. 153.

Солоневич знал о масштабах германских приготовлений к войне, понимал, что агрессия неотвратима и, несмотря на это, продолжал еще более упорно доказывать Лютеру и другим своим оппонентам обреченность «похода на Восток».

«В медовые месяцы моего пребывания в Германии, — вспоминал Иван Лукьянович, — перед самой войной и в несколько менее медовые — перед самой советско-германской войной, мне приходилось вести очень свирепые дискуссии с германскими экспертами по русским делам. Оглядываясь на эти дискуссии теперь, я должен сказать честно: я делал все, что мог. И меня били как хотели — цитатами, статистикой, литературой и философией. И один из очередных профессоров в конце спора иронически развел руками и сказал:

— Мы, следовательно, стоим перед такой дилеммой: или поверить всей русской литературе — и художественной и политической, или поверить герру Солоневичу. Позвольте нам все-таки предположить, что вся эта русская литература не наполнена одним только вздором.

Я сказал:

— Ну что ж, подождем конца войны.

И профессор сказал:

— Конечно, подождем конца войны.

Мы подождали»¹.

Книгу «Диктатура слоя» Солоневич писал в 1946—1947 годах. Есть в ней такие строки: «Не знаю, жив ли сейчас милый проф. Люман, цела ли его вилла и не выпили ли представители восточных народностей его западноевропейский винный погреб. Вероятно, выпили». Солоневич угадал наполовину. Богатейшая библиотека и личный архив Лютера погибли в огне во время налета на Лейпциг английских бомбардировщиков. Винный погреб стал добычей победителей. Сам Лютер уцелел и после войны читал лекции в Марбургском университете. Уже в преклонном возрасте взялся за «Воспоминания», но успел довести их только до 1918 года...

В патриотических кругах русской эмиграции не исключали, что в недрах германского общества или в вооруженных силах неизбежно созреет антигитлеровский заговор.

¹ Солоневич И. Народная монархия. Буэнос-Айрес: 1973. С. 188—189.

«Если В.В. Бискупский кое-как надеялся на военный переворот, — писал Солоневич, — я не надеялся даже и на это. Для меня разгром Германии был абсолютной неизбежностью при всяких мало-мальски мыслимых обстоятельствах. Если бы я расценивал обстановку хотя бы на одну йоту иначе — вероятно, мне немцы кое-что заплатили бы за мое «перо». Или: я бы посоветовал идти другим людям. Ни с Гитлером, ни с Гиммлером, ни с Власовым, ни с Жиленковым я бы лично не пошел ни при каком стечении обстоятельств»¹.

Критическая позиция, занятая Солоневичем в отношении германского похода на Восток, поставила точку на попытках нацистских функционеров различного калибра использовать его в качестве «знакового» пропагандиста «из русских», оправдывающего германскую войну против Советского Союза. Иван после многих безуспешных попыток «вразумления» нацистов отказался от этого, понимая, что их терпение на исходе. Об этой ситуации он написал в статье «Философия политики»:

«Вот пошел бы я, допустим, к Гиммлеру... и сказал бы ему:

«Хайль Хитлер, майн хальбфюрер; я преодолел свои монархические националистические русские убеждения и, вот, готов стать под ваше начало», — то Гиммлер, конечно, ни на копейку мне не поверил бы. Моя предыдущая биография — гестапо очень хорошо известная — не давала никаких поводов предполагать, что я, наконец, стал прохвостом — то есть, что я, зная досконально планы Германии, — согласен продавать ей Россию за цену марок и нашивок, за цену чертовых черепков немецкого благословения. Или, если бы такое чудо взаимного доверия и произошло бы, и Гиммлер приказал бы Жиленкову освободить для меня место министра пропаганды, — то что я в этом случае мог бы писать и говорить? Только то, что писал и говорил непристойной памяти В. Деспотули, редактор берлинского «Нового Слова»: ни одного живого слова мне не дали бы сказать. Ибо всякое живое слово, всякое слово, которое могло бы нести жизнь России, — было петлей для Германии и для Гитлера»².

¹ «Наша страна», № 9, 8.01.1949.

² Там же.

В мае 1947 года, подытоживая свою эпопею в Третьем рейхе, Иван Солоневич писал:

«В Германии же дела сложились так: разгром ее был для меня вне всякого сомнения. Но точно так же была вне всякого сомнения полная невозможность какого бы то ни было притятия коммунизма. Оставалось следовать Блоку:

Не сдвинуться, когда коварный гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города и в церкви гнать табун,
И мясо белых братьев жарить.

Ах вы этого хотели — попробуйте и на своей шкуре!

Мне оставалось одно: не лезть никуда и советовать эмиграции делать то же самое: по меньшей мере, не помогать немцам, ибо они все равно будут разбиты. Это было, конечно, «пораженческой пропагандой», да еще и во время войны. Уже в 1939 году мои книги были запрещены. Потом меня посадили, потом выслали в ссылку в Померанию, под надзор полиции».

Поиски потенциального лидера для «антибольшевистского русского правительства» предпринимали накануне нападения Германии на Советский Союз Альфред Розенберг и его референт по русским делам Рудольф Лейббрандт¹. Наиболее подходящей кандидатурой после Солоневича им казался Борис Бажанов, который зарекомендовал себя в период финско-советской войны как последовательный враг большевиз-

¹ Лейббрандт Рудольф (1899—1980), род. в немецком селе Хоффнунгсфельд под Одессой. В 1918 г. переехал в Германию. Защитил докторскую диссертацию по проблемам хозяйственной жизни немецких поселений под Херсоном и в Бесарабии. В 20-х гг. несколько раз посетил Советский Союз. Заочно судим в СССР как «немецкий шпион» в процессе 1933—1934 гг. в отношении профессоров и преподавателей немецкого отделения Педагогического института в Одессе. В 1931—1933 гг. — стипендиат Фонда Рокфеллера, стажировался во Франции и США. С 1933 г. — руководитель Восточного отдела внешнеполитического ведомства НСДАП. В 1939—1943 гг. — руководитель политического отдела Восточного министерства.

ма и сталинского режима. Не исключено, что положительную оценку его «организационным способностям» дал нацистам сам маршал Маннергейм. По «запросу» Розенберга в середине июня 1941 года Бажанов был разыскан в оккупированном Париже и доставлен в Берлин. Немцы хотели присмотреться к нему, понять, подойдет ли он на столь ответственную роль. Будет ли управляемым?

Разговор Бажанова с Розенбергом и его помощником Лейббрандтом шел на русском языке, «эксперты» по России владели им почти в совершенстве. Интерес их сосредоточился на специфическом вопросе: как поведет себя советское правительство и партийная верхушка, если завтра начнется война. Как вспоминал Бажанов, после нескольких подобных вопросов он ясно понял, что война с Советами — вопрос дней. Свою догадку он высказал собеседникам и спросил:

«Каков ваш политический план войны? Собираетесь ли вы вести войну против коммунизма или против русского народа?»

Розенберг попросил разъяснить суть вопроса.

Бажанов разъяснил:

«Если вы будете вести войну против коммунизма, то есть, чтобы освободить от коммунизма русский народ, то он будет на вашей стороне, и вы войну выиграте; если же вы будете вести войну против России, а не против коммунизма, русский народ будет против вас, и вы войну проиграете».

Розенберг ответа о «политическом плане войны» не дал, сославшись на то, что это решение может принять только фюрер. Бажанов ему не поверил, считая, что это не более чем отговорка, нежелание раскрыть перед русским истинные цели войны. Правда, через два месяца он услышал от Лейббрандта версию, казалось бы, подтверждавшую слова Розенберга. В первые дни войны только что назначенный министр оккупированных на Востоке территорий пришел к Гитлеру и предложил такие варианты освоения вновь приобретенных земель:

«Мой фюрер, есть два способа управлять областями, занимаемыми на Востоке, первый — при помощи немецкой администрации, гауляйтеров; второй — создать русское антибольшевистское правительство, которое было бы и центром притяжения антибольшевистских сил в России».

Ответ Гитлера был безапелляционен:

«Ни о каком русском правительстве не может быть и речи. Россия будет немецкой колонией и будет управляться немцами».

После «почетного плена» в Берлине и ожесточенных споров с Лейббрандтом о ходе и конечных результатах войны (Бажанов предсказывал поражение Германии, несмотря на начальные успехи немцев), «личному секретарю Сталина» решили вернуться во Францию с условием, что он не будет заниматься политикой. На роль подставного руководителя Бажанов явно не годился: его позиция для нацистов была неприемлема. До конца войны Бажанов «спокойно жил в Париже, занимаясь физикой и техникой». В какой-то мере это подконтрольное «парижское сидение» Бажанова было аналогично «ссылке» Солоневича в Померании, куда он был отправлен нацистами в том же 1941 году.

Перед тем как покинуть Берлин Бажанов встретился на квартире известного «бомбиста» Ларионова с руководителями «новопоколенцев» Поремским, Рождественским и другими, которые «просочились в Берлин, желая проникнуть в Россию вслед за немецкой армией». Бажанов пытался отговорить их от этой затеи, назвав ее безнадежной, обреченной на провал, потому что сопротивление на оккупированных территориях будет расти, возникнет партизанское движение, и в итоге советская власть вновь подчинит себе население. «Ничего сделать нельзя!» — таким был вывод Бажанова. «Новопоколенцы» к его совету не прислушались, решив идти с немецкой армией в Россию.

К тому, что «новопоколенцы» оказались в Берлине, приложил руку редактор «Нового Слова» Деспотули. В мае 1941 года он (по инициативе Лейббрандта!) посетил Белград, где встретился с членами Исполнительного бюро НТСНП и передал им предложение «несогласных с Гитлером кругов в Германии» об установлении «негласного сотрудничества в деле решения русского вопроса». Деспотули заявил, что эти круги считают «новопоколенцев» единственной политической организацией русской эмиграции, с которой можно иметь дело. Ходатайство Деспотули в НТСНП обсудили и, после всех «за» и «против», приняли. В июле-августе 1941 года в Берлин выехала первая группа руководства партии.

Лейббрандт встречался с ними на полуконспиративной основе, пытаясь составить исчерпывающе полную картину подходов различных политических тенденций русской эмиграции к будущему политическому устройству России, их отношение к «германскому фактору». «Новопоколенец» Б. Прянишников вспоминал¹, что после переезда в Берлин исполнительного бюро НТСНП Лейббрандт с помощью Деспотули установил личный контакт с В.М. Байдалаковым. Его прогноз в отношении войны на Востоке был также неутешительным для Германии: «Третий рейх потерпит поражение, если не использует против Сталина антикоммунистические настроения подсоветского населения».

Вслед за руководителями партии в Германию потянулись и рядовые «новопоколенцы». Лейббрандт и его окружение, пытавшиеся нащупать более гибкий курс германской политики на Востоке, исподтишка проводили свою собственную «восточную политику», и потому «попустительствовали» «новопоколенцам» в беспрепятственной переброске кадров на оккупированную территорию Советского Союза. Всего на Восток было переправлено около 250—300 «новопоколенцев», которые получили возможность на деле проверить свои программы по внедрению партийных доктрин в «подсоветскую среду».

С ведома Лейббрандта при редакции «Нового Слова» было создано своего рода «редакционное совещание», которое выступало как негласный русский центр по координации и взаимной информации. Членами его стали В. Деспотули, его помощник И. Перов, В. Байдалаков, В. Поремский, К. Вергун, С. Рождественский, А. Казанцев и Д. Брунст. Вспоминая о тех днях, Б. Прянишников отметил, что на одном из первых заседаний «совещания» обсуждались вести, привезенные Розенбергом из ставки Гитлера. Их рассказал Деспотули «под строжайшим секретом» сам Лейббрандт, но редактор «Нового Слова» не выдержал, поделился услышанным с членами «совещания»:

«Безумный фюрер требовал разгрома всего русского. Его «рихтлиниен» предписывали такие меры, как закрытие всех высших и средних учебных заведений, уничтожение библио-

¹ Б. Прянишников. Новопоколенцы (цит. по интернет-публикации).

тек, отбор из советских пленных здоровых белокурых парней для оплодотворения немецких вдов с последующим их уничтожением после начавшейся беременности и передачей родившихся детей в государственные детские ясли».

По словам Деспотули, «Лейббрандт и многие чины Ост-министерии пришли в ужас от этих диких затей Гитлера».

Не менее сильные эмоции эта информация вызвала у членов «совещания». Но решения «идти на Восток» они не изменили. Надо было «сосуществовать» с нацистами, проводить свою политическую линию среди советского населения, «доказывать» и тем и другим, что НТСНП является единственной силой, способной действовать в условиях постбольшевистской России.

В «Записках бывшего эмигранта» Д. Брунст честно рассказал о результатах деятельности «новопоколенцев» в России. «Партийная работа» так и не приобрела массового характера, постепенно деградировала и утратила «идейный стержень», чем деморализовала даже проверенные кадры. Сотрудничество с немцами приобретало все более неприглядный характер. Не напрасно одна из наиболее впечатляющих глав «Записок» Брунста названа «Обслуживание немецкой разведки». Подытоживая наблюдения о походе «новопоколенцев» в Россию, Брунст был предельно лаконичен: «Все очевиднее становилось, что НТС в долгожданный час встречи с народом, который он мечтал «освободить», потерпел полную неудачу».

Ссылка в Темпельбург

Весной-летом 1941 года Иван Солоневич довольно часто посещал мрачное здание неподалеку от Александерплац, где находилась редакция «Нового Слова». После закрытия нацистами русских общественно-политических организаций и печатных органов, только эта газета оставалась «на плаву».

Главный редактор Владимир Деспотули своей издательской линии не проводил, послушно исполнял указания министерства пропаганды, пел «осанну» Гитлеру и другим «выдающимся» вождям национал-социализма и очень опасался случайных опечаток, которые могли извратить смысл той или

иной публикации и быть интерпретированы цензурой как «сознательный трюк», скрытая форма протеста.

Деспотули не претендовал на роль «русского оракула», отражающего позицию национальных кругов эмиграции. Однако, по наблюдениям Солоневича, контакты с представителями различных политических групп он поддерживал тесные, особенно с «новопоколенцами».

Солоневич догадывался, что немцы имели какое-то отношение к дружбе Деспотули с «новопоколенцами», но в беседах с ним этой темы не затрагивал. Визитами в редакцию Иван пользовался, в основном, для того, чтобы ознакомиться с последними сводками о боях на Восточном фронте. Внимательно вчитывался он и в публикации министерства пропаганды, в которых все откровеннее рассказывалось о грандиозных планах фюрера по установлению «нового порядка на восточных территориях». Солоневич жадно поглощал эти материалы: его мыслительная «топка» нуждалась в постоянном поступлении «горючего».

Слушая Деспотули, который говорил с ним как бы вскользь, а *grorso*, всегда без свидетелей, Солоневич со все большим разочарованием убеждался в том, что германское руководство остается глухим к тем многочисленным проектам, с которыми выступали различные группы русской эмиграции. О содержании этих предложений много позже написал Николай Февр, тогдашний сотрудник «Нового Слова»:

«Различаясь между собой в деталях, все проекты, в общем, сводились к одному и тому же. А именно: образование национального российского правительства в одном из крупных городов, занятых германскими войсками; признание этого правительства Германией и ее союзниками и заключение с ними союза против большевиков; военная и техническая помощь Германии и ее союзников национальному российскому правительству. Последнее же, согласно этим проектам, должно было: организовать российскую национальную армию для борьбы с советской властью; взять в свои руки административное управление областями, очищенными от большевиков, и подписать с Германией экономический договор, который являлся бы для нее компенсацией за помощь в антибольшевистской борьбе»...

Бронетанковые клинья вермахта рвались на оперативный простор в глубь советской территории. Соппротивление час-

тей Красной Армии подавлялось немцами безжалостно, с высокомерным профессионализмом, приобретенным в ходе победоносных «блицкригов» против Польши и западных стран. Военно-пропагандистские органы вермахта вели круглосуточное радиовещание на русском языке, сбрасывали тысячи листовок на отступающие подразделения Красной Армии. Ими были засыпаны прифронтовые города и поселки. Советских солдат призывали бороться с большевистской властью, уничтожать жидов-комиссаров, сдаваться в плен. В некоторых листовках подчеркивалось, что немецкая армия воюет не против русского народа, а «против коммунизма и его бесчеловечного режима». Первоначально этому верили.

Солоневичи ходили в кинотеатр, расположенный неподалеку от их дома, чтобы посмотреть «Вохеншау» — очередные выпуски кинохроники о боевых действиях «героических солдат фюрера» на Востоке. Сюжеты неизменно повторялись: многокилометровые колонны понурых пленных, сожженные и исковерканные танки, аэродромы с бесконечными рядами самолетов со звездами на крыльях, которые так и не вступили в бой, сцены с крестьянскими «делегациями», вручающими хлеб-соль немецким солдатам. Отец и сын анализировали содержание официозных газет, репортажи с фронта, надменные интервью немецких генералов с уничижительными оценками «неполноценного славянского противника». По оценке Юрия, «шапкозакидательские» настроения преобладали.

При всей ненависти отца и сына к советскому режиму, кажущая легкость, с которой части вермахта продвигались к Москве, радостных эмоций у них не вызывала. А ведь Иван Солоневич не раз в своих предвоенных статьях указывал на низкую боеспособность Красной Армии, убежденно доказывал, что ее рядовой и командный состав с готовностью повернет штыки против «ненавистного» Сталина и его режима, «если завтра война, если завтра — в поход». Казалось бы, его прогнозы сбываются, теперь самое время искать путей в Россию, чтобы взяться за установление в ней порядка по тем организационно-политическим «проектам», которые неоднократно обсуждались на заседаниях Русского национального фронта. Но нет, такого стремления у Солоневичей не было. Сопровождать крестоносцев рейха в деле «германизации и колонизации» России: что же тогда называть предательством?..

В первые недели «дранг нах остен» русская эмиграция в Германии окончательно убедилась в том, что нацистское руководство самым категорическим образом выступает против формирования боевых частей Русской освободительной армии. Впрочем, из «беспроволочного телеграфа» стало известно, что в некоторых звеньях немецкого командования на восточном фронте эти распоряжения зачастую игнорировались: хотя создавать боевые подразделения из советских военнопленных никто из генералов вермахта не решался, но во вспомогательные прифронтовые части пленных рекрутировали тысячами. Может быть, это был первый признак смягчения «вето» Гитлера? Или немецкие военные, демонстративно игнорируя указания фюрера, решили de facto вступить в союз с теми русскими, которые ненавидят Сталина и его режим?

Иван вновь встретился с Деспотули. Издатель «Нового Слова» ничем не порадовал. Он сообщил, что дорога на Восток для эмигрантов прочно закрыта стараниями Розенберга. Даже переводчиками в воинские части и оккупационную администрацию берут только немцев с «опытом» жизни в России и прибалтов, выходцев из стран-лимитрофов. Деспотули не перебарывал «сибарита» Бискупского, но не без сочувствия упомянул о том, как в июле-августе генерал обивал пороги влиятельных кабинетов рейха, чтобы доказать их самодовольным хозяевам, что Германия выбрала ошибочную стратегию в отношении России и русского народа. От него отмахивались. Даже «русифил» Лейббрандт поверил в то, что Гитлер не ошибся и добьется своего в очередной раз: еще несколько недель, и Россия прекратит свое существование как независимое государство.

Деспотули был пессимистичен: изменения курса в отношении «недопущения» русских эмигрантов в Россию не предвидится. Антисоветские «заслуги», какими бы они не были, немцами игнорируются.

«Значит, никаких шансов на прозрение немцев?»

Деспотули доверительно придвинулся к Солоневичу:

«Никаких! Поэтому «новопоколенцы» решили пробираться в Россию поодиночке, устраиваться в органы управления и местные газеты, постепенно налаживать национальную работу.

Все другие наши силы пытаются что-то изображать, копошатся, но не более того: и РОВС, и люди генерала Туркула, и...»

Продолжать Деспотули не стал, но Солоневич понял, что он хотел сказать «и монархисты»...

В сентябре один из чиновников Министерства по восточным территориям предложил Солоневичу работу в оккупационной администрации в Белоруссии. Чем-то вроде «главного пропагандиста», «белорусского Геббельса». Иван отказался. В интерпретации В. Левашова это решительное «нет» Солоневича, произнесенное в самый пик успехов вермахта «на Востоке», вызвало у «немецких работодателей» крайнюю степень раздражения:

«Они ничего не могли понять, как может герр Солоневич отказываться от предложенного ему крупного поста в «правительстве» его «родной» Белоруссии». А эти его заявления, что он «предпочитает должность швейцара у министра пропаганды Всероссийского правительства — посту министра пропаганды в правительстве Белоруссии»? Немцы «не могли понять и той дерзости, с которой Иван Лукьянович, со свойственной ему прямоотой, предупреждал фюрера, что война против России и против русского народа приведет к разгрому и гибели Германии!»¹

Вскоре стало известно, что предлагавшийся Солоневичу пост в Минске занял Фабиан Акинчиц², один из создателей микроскопической партии белорусских национал-социалистов, сотрудник отдела пропаганды в ведомстве Розенберга. Доверие немцев Акинчиц заработал тем, что призывал к

¹ Дубровский В. Народно-монархическое движение: Вчера — сегодня — завтра // «Наша страна», № 174, 16.05.1953.

² Фабиан Акинчиц (род. в 1886 г.) не раз менял политическую «ориентацию», в разное время сотрудничал с польской разведкой и ГПУ. Увлёкся национал-социалистической идеологией, полагая, что Германия сможет гарантировать достижение Белоруссией независимости. В годы Второй мировой войны, сохраняя свою должность в отделе пропаганды Восточного министерства, работал по совместительству «начальником пропаганды» в марионеточном правительстве Родослава Островского. Помогал гестапо и пользовался этим, чтобы избавляться от соперников. Был убит группой боевиков, связанных с советским подпольем, в марте 1943 г. в Минске на квартире В. Козловского, редактора пронацистской «Белорусской газеты».

борьбе со сталинским режимом в Белоруссии и называл большевиков и евреев главными врагами белорусов. Розенберг выделял Акинчица из числа своих сотрудников-«инородцев», говорил, что готов подписаться под каждым словом его статьи «Жида в Белоруссии».

Иван не раз сталкивался с Акинчицем в Берлине в 1938—1941 годах, и при встречах, глядя в его неустойчивые глаза, удивлялся его внешней схожести с Бабенко, тем самым Бабенко, которому Солоневичи доверились при подготовке побега из СССР. Акинчиц действовал по той же схеме: задавал внешне невинные вопросы, в «доверительной» форме критиковал правящую верхушку рейха, жаловался на «нечестность» нацистов в отношении истинных патриотов Белоруссии. Он вовсю клеймил «болванов со свастикой вместо мозгов», не понимающих, что Германии, чтобы победить, «нужны надежные союзники на Востоке». Иван в полемику не вступал, разводил руками, словно давая понять, что сочувствует переживаниям собеседника.

Именно от Акинчица Солоневич узнал о создании в июне 1941 года Белорусского национального центра (БНЦ) и меморандуме, направленном его руководством на имя Гитлера, в котором выражалась надежда на то, что Германия благожелательно отнесется к стремлению белорусов жить в «собственном независимом государстве». По словам Акинчица, с меморандумом ознакомился Розенберг, доложил о его содержании фюреру, но конкретного ответа руководителя БНЦ так и не получили. Это была не первая попытка белорусских «наци» договориться о создании независимой Белоруссии. Их покровители из Восточного министерства и абвера ничего не смогли сделать. Пришлось напрямую обращаться к Гитлеру.

Партийная головка БНЦ, в которую, помимо Акинчица, входили Козловский, Степович, Альбин, Арцишевский, Юшневич, Пецукевич и другие, пыталась завоевать доверие нацистов, содействуя, в частности, абверу в подготовке диверсионных отрядов из белорусов, которые находились в лагерях военнопленных (около 70 тыс. чел.) после разгрома Польши.

Это была идея Акинчица. В ноябре 1940 года он направил в Восточный отдел НСДАП рапорт, в котором предложил использовать военнопленных белорусов в интересах рейха. Надо было внедрить в их головы национал-социали-

стические идеалы, провести их переподготовку в военных и разведывательных школах, и затем наиболее подготовленные кадры перебросить на территорию Советского Союза. Немцы воспользовались предложениями Акинчица и его соратников. Диверсионные отряды белорусских «наци» приступили к действиям в советской приграничной зоне за несколько дней до начала войны.

Из всех мимолетных бесед с Акинчицем Солоневич сделал еще один неопровержимый вывод: Гитлер и его окружение намерены использовать сепаратистов для ослабления и расчленения России.

О том, что тучи над ним сгущаются, Солоневич знал еще с апреля-мая 1941 года.

Во-первых, гестапо стало известно о его контактах с группой офицеров вермахта, для которых он в 1938—1939 гг. «в частном порядке» прочитал курс лекций о положении в Советском Союзе. Некоторые из этих офицеров служили в пропагандистском отделе ОКВ, неплохо говорили по-русски, бывали в России. Они были противниками войны на Востоке, считая, что агрессия приведет к разгрому Германии.

Аргументы, которые Солоневич использовал на полуконспиративных встречах с ними в 1940 — начале 1941 гг., были теми же самыми, что в «Меморандуме», направленном нацистскому руководству. Но в гестапо сочли, что он ведет среди офицеров непозволительную «разлагающую работу», подрывает моральный дух военных. К тому же независимый характер и «демонстративно патриотические», «прорусские высказывания» писателя давно раздражали нацистов. Иван не преувеличивал, когда писал: «В Германии я, рискуя виселицей, не сошел с позиций самодержавия и прочего, что с самодержавием связано»¹.

Во-вторых, до Ивана дошла новость об аресте брата в Бельгии. За ним пришли 22 июня, в день нападения Германии на Советский Союз. Бориса посадили в лагерь «Брейн-донк», режим в котором был настолько жестким, что известия о судьбе заключенных редко просачивались «на волю». Брату опять не повезло. Теперь за него взялись немцы, а у

¹ «Наша страна», № 9, 8.01.1949.

них в концентрационных лагерях обходятся без спортивной работы. Послаблений не будет. Видимо, кочующую по эмиграции клевету о тайных связях братьев с ГПУ-НКВД немцы все-таки «заглотили». Странно, что гестапо не пришло за ним, Иваном, в тот же самый день 22 июня.

К октябрю вермахт захватил значительную часть европейской территории России, вышел на подступы к Москве. В немецком плену оказалось не менее 3 миллионов красноармейцев. Казалось, коммунистический противник был навсегда повержен. Гитлер и его окружение были настолько уверены в победе, что уже не маскировали своих истинных целей в России. Оккупационная администрация была, в основном, сформирована. Нацистская верхушка нуждалась в быстром подтверждении «рентабельности» войны на Востоке.

Гиммлер и Розенберг слали своим представителям грозные циркуляры, требуя скорейшего выполнения стратегических установок фюрера по «Плану Ост». Конечные цели агрессии уже не скрывались: уничтожение «родины большевизма» как самостоятельного государства, а русских — как нации. Все отчетливее проявлялся принципиальный подход устроителей «нового порядка»: разделяй и властвуй! Украинцам, прибалтам, кавказским и другим «нерусским» народам предоставлялись определенные привилегии. Это была своего рода «подачка туземцам», которых планировалось использовать для «сдерживания» русских в послевоенное время.

Все чаще эмигранты в Берлине узнавали о том, что советских военнопленных помещали в загоны за колючую проволоку, не давали им ни воды, ни пищи. Смертность в таких импровизированных «полевых лагерях уничтожения» была чудовищно высокой. Среди пленных можно было найти тех, кто в той или иной форме верил в «освободительную миссию» немцев. У них были свои счета с советской властью, и они могли стать надежными союзниками немцев в деле ликвидации коммунизма. Однако и к ним была применена голодная удавка. Немцы явно и высокомерно «не нуждались» в русских, и те, довоенные, слухи о нацистских планах массового уничтожения «унтерменшей» не были, оказывается, «академическим преувеличением» Розенберга и его сотрудников.

Поздней осенью 1941 года, несмотря на ежедневно звучащие по радио победные марши, Иван Солоневич знал твердо: Германия обречена на поражение. Он понимал и то, что война не будет «молниеносной». Известное дело, русские долго запрягают, но быстро ездят. Но что делать ему? Что посоветовать Юре? Как всем им уцелеть в это опасное, непредсказуемое по последствиям военное время? Очевидно одно: он не может врать, кривить душой, подпевать нацистам в дни их кровавого похода против России.

Остается единственно возможный вариант поведения: молчание! Если хочешь сохранить свой скальп, нельзя допускать ни одного публично сказанного критического слова в адрес рейха, его лидеров и их самоубийственной политики! Сейчас в разгар войны самую невинную критику истолкуют в гестапо как «пораженческие настроения» с соответствующими последствиями. А выжить надо, хотя бы для того, чтобы увидеть крах этой германской авантюры с приобретением «жизненного пространства» на Востоке. К тому же он заключил пари с профессором Люманом о том, кто выиграет войну. Надо уцелеть хотя бы для того, чтобы на дымящихся развалинах рейха взглянуть в светло-голубые арийские глаза профессора и потребовать выигрыш, если, конечно, Люман сумеет выбраться живым из этой передраги ...

Молчанием встретила русская эмиграция в Германии заявления нацистских лидеров о целях войны против Советского Союза. Розенберг исходил из расовых установок: «Германия не может допустить того, чтобы у нее под боком неорганизованно плодился и размножался народ, стоящий на низшей степени развития и вечно угрожающий поглотить высшую германскую расу». Геббельс был более конкретен в своей передовице в еженедельнике «Дас райх», не без вождения подчеркивая, что война «на тучных нивах Востока ведется германским народом за тот хорошо накрытый стол, который после окончания войны будет в каждой германской семье».

Об умонастроениях русской эмиграции в тот переломный период войны написал Николай Февр:

«Таким образом, «идеологическая борьба с советской властью», ведомая якобы Германией, очень быстро выродилась в самый прозаический «дранг нах остен», начатый ради того, чтобы после (разумеется, победного) окончания его, каждый

немец мог бы сесть у «хорошо накрытого стола» и, наконец, как следует — нажраться. А пресловутый «крестовой поход против большевизма», вызвавший столь естественный подъем в душе каждого антибольшевика, превратился... в какой-то своеобразный «крестовый поход за салом». Если после этого у кого-либо из наиболее оптимистически настроенных врагов большевизма и оставались еще какие-либо сомнения, то они были быстро рассеяны самой жизнью».

В октябре тревожные ожидания Солоневича оправдались. Его вызвали в знакомое здание на Принц-Альбрехтштрассе, 8. гестаповский чин перелистал увесистое дело, лежавшее перед ним на столе, и голосом, не допускающим возражений, приказал ему в трехдневный срок покинуть Берлин и поселиться в каком-нибудь городке Померании. Разъяснений о причинах «недружественной» меры Иван требовать не стал. В принципе, все понятно. Хорошо, что не концлагерь! Хотя, «для биографии», может быть, не помешало бы познакомиться с нацистскими нарами...

После консультаций у берлинских друзей и знакомых писатель остановил свой выбор на Темпельбурге¹. Самый конкретный совет дал Владимир Деспотули. Он однажды отдыхал в Померании и с восторгом, в общем-то, несвойственным для него, отозвался о крае как о «климатическом курорте» для поправки нервов, а также месте, излюбленном рыбаками и охотниками. По всему было видно, что Деспотули с радостью бросил бы свои заботы по газете и отправился туда. Но это было невозможно. Надо было день за днем воспевать подвиги вермахта на Востоке. Дал Деспотули еще один совет: обращаться по житейско-бытовым вопросам к тамошнему зубному врачу Карку. Он был в городке авторитетной фигурой и любил помогать «в порядке взаимопомощи».

Во второй половине октября Иван в сопровождении агента гестапо выехал к месту ссылки². Разговорить немца, что-

¹ Ныне это город Чаплинек Западно-поморского воеводства Польши, пользующийся хорошей славой у туристов и любителей-рыболовов.

² Интересная параллель: именно в октябре 1941 г. дела разработки НКВД на Ивана и Бориса Солоневича были вывезены (в числе многих других) спецпоездом из Москвы в глубокий тыл в Свердловск на хра-

бы выяснить «виды» организации Гиммлера на его, Солоневича, дальнейшую судьбу не удалось. Гестаповец всю дорогу читал, на остановках иногда выходил на перрон, чтобы размять ноги. Во время его отлучки Солоневич утолил любопытство, посмотрел, что за книгу с таким непроницаемо-мрачным выражением лица читает «сопровождающий». Это был «фундаментальный» труд Розенберга «Миф XX века». Солоневич усмехнулся: он не смог преодолеть и двух десятков страниц этой убийственно скучной схоластики. Но немцы — народ упорный. Этот тип точно вызубрит книгу до конца...

В Темпельбурге Солоневич первым делом нанес визит дантисту Карку. В книге «Диктатура слоя» Солоневич описал немца как бывшего социал-демократа, допустившего в прошлом «ошибочный» брак на еврейке, «страдавшего недержанием убеждений», а также как неисправимого болтуна, который осмеливался говорить плохо о национал-социалистической партии и даже Гитлере. По меркам того времени этого было вполне достаточно, чтобы упечь дантиста в тюрьму, но местная нацистская верхушка подобной глупости не совершила: Карк был единственным и очень приличным зубным врачом в городе и его окрестностях. Поэтому ему позволяли многое: он не только получал гонорар в регламентируемые пять марок, но и принимал различные «добровольные» подношения от клиентов, что нацисты категорически запрещали. Карк эти запреты игнорировал, у крестьян он брал мясо, яйца, масло и прочий натуральный продукт, а в случае необходимости требовал дрова и уголь.

Благодаря протекции Карка Иван вскоре переехал из гостиницы в прочный, построенный на века фархверковый дом, где немногословные хозяева сдали ему комнату. Находился дом в 6 километрах от городка, в деревне Альт Драгайм, к которой подступали вплотную бесконечные, унылые поля. Основательных померанских мужиков Солоневич окрестил «гренадерами». Их предков прусские правители рекрутировали в свои боевые полки как наиболее стойких солдат. «Гренадеры» эпохи Гитлера недели две-три присматривались к «ученому»

нение в связи с «отсутствием условий для разработки фигурантов». Немецкие войска готовились к решающему штурму Москвы: существовали опасения, что архив может быть захвачен врагом.

русскому, о котором было известно, что он находится под при-
смотром полиции. Потом стали навещать в гости.

«Гренадеры» предпочитали для общения вечерние часы, чтобы не слишком компрометировать себя визитами к ссыльному. Как вспоминал Солоневич, «приходили мужики и сапожники, батраки и торговцы» и «после всяких вводных предложений о погоде и об урожае, о том о сем, неукоснительно заворачивали беседу к тому одному, что их интересовало: к войне». Из этих неторопливых бесед Солоневич сделал вывод, что простые немцы войны с Россией не хотели по вполне понятной причине: они уже имели опыт Первой мировой. В книге «Диктатура слоя» писатель называл своих собеседников в Альт Драгайм общим именем «Иоганн Мюллер». И пытался представить себе ход размышлений такого типичного Мюллера в отношении войны в России:

«Он воевал против русского солдата, который почти без оружия, бился с истинно звериным упорством. Те тысячи верст, которые штаб мерил циркулем, а профессора — цитатами, он, Иоганн Мюллер, месил собственными пудовыми сапогами. Скучность русской железнодорожной сети... он, Иоганн Мюллер, познал с точки зрения собственных подошв: значит, нужно будет месить собственными сапогами тысячи верст русского бездорожья, оставаться без хлеба и без подвоза. В годы оккупации Украины он, Иоганн Мюллер, познал первые зачатки страшной народной войны — далекого отголоска 1812 года и слабого намека на народную войну 1941—1944 годов. Это в него, Иоганна Мюллера, стрелял каждый куст и каждый угол. Это он, Иоганн Мюллер, сжигал, по приказу начальства, целые деревни и целые деревни уходили в леса и из лесов полыхало новое пламя партизанской войны... Потом он, Мюллер, разбитый и окровавленный возвращался домой — в доме было разорение, инфляция, и черт его знает, что еще».

Через доктора Карка Солоневич стал подыскивать местного учителя, чтобы договориться с ним об уроках немецкого языка. Несмотря на проведенные в Германии годы и десятки прочитанных для «местной аудитории» лекций, Иван чувствовал, что его знание немецкого оставляет желать лучшего.

Карк порекомендовал в качестве учительницы Рут Беттнер¹, молодую вдову обер-лейтенанта, командира подразделения парашютистов, погибшего в ходе операции по захвату Кипра в мае 1941 года. В ту эпоху нравы в померанской провинции были мещанскими, Рут боялась сплетен и потому решила, что уроки лучше всего давать «на виду у всех» на открытом воздухе. Так и повелось, они прогуливались вдоль озера («в духе» философов-перипатетиков) и вели нескончаемые «учебные беседы». Как позднее вспоминала Рут, «худшего решения быть не могло: о ее связи с русским писателем сплетничали все»².

Первая же прогулка показала, что работа по «шлифовке» немецкого языка Солоневича предстоит немалая. Словарный запас у Ивана был богатый, но произношение сильно страдало. Поэтому возникали смешные, а нередко и пикантные ситуации. Так, в день знакомства Иван поднялся на площадку, с которой была видна панорама Темпельбурга, и произнес весьма двусмысленные слова: «Hübsche Höschen» («хорошенькие панталоны»). Рут была весьма удивлена такой репликой русского и дома, вытирая тарелки после ужина, размышляла о том, почему русский проявил такую неделикатность, заговорив о нижнем белье с женщиной, с которой только что познакомился. Только тогда до нее дошло, что Солоневич хотел сказать совсем иное: «Hübsche Häuschen» («хорошенькие домики»). В другой раз, в ресторане Солоневич заказал официанту «Ein Gebiss», что означало «зубные протезы». Официант улыбнулся и переспросил, не имеет ли клиент в виду «Imbiss», то есть «легкую закуску»?³

¹ Девичья фамилия Рут — Кеттельхак, родилась она 29 августа 1916 г. в Лейпциге.

² Здесь и далее использованы фрагменты «Воспоминаний Рут» из архива К. Чистякова, а также материалы переписки автора с Р. Солоневич.

³ Эти уроки значительно улучшили немецкое произношение Солоневича. «Наверное, я хороший учитель, — вспоминала Рут. — Годы позже в Уругвае (1952) мы сидели в летнем кафе, и мужчина за соседним столиком то и дело наклонялся к нашему столику. Он явно прислушивался к разговору. Заметив, что нас это стало раздражать, он извинился и объяснил, что давно уже не слышал такого прекрасного немецкого языка. Женщина, сказал он, должно быть, из центральной области Германии, а мужчина, скорее всего, с самого востока страны. Мы рассмеялись и объяснили ему, что он прав: я из Саксонии, а мужчина действительно с востока — из России».

Иван «в порядке взаимности» давал Рут уроки русского языка, знание которого, по его мнению, могло пригодиться ей в будущем. Первое занятие она запомнила навсегда. Иван положил перед ней русскую газету, на полях которой написал алфавит кириллицы. Потом под каждой буквой поставил эквивалентную ей по звучанию — немецкую. Сразу же после этого он сказал: «А теперь прочти этот заголовок»...

«Мне стоило громадных усилий произнести первые в моей жизни русские слова, — вспоминала Рут. — Но я помню их до сих пор — «Рабочий труд»...

В ходе такого «пешеходного» изучения языка Солоневич хорошо узнал город и его окрестности. Здесь было все, в чем нуждалась стандартная, привыкшая к комфорту, немецкая душа: железнодорожная станция, два газетных киоска, универсальный магазин «Густав Росенов и сын», популярное кафе «Эрих Хюбнер» неподалеку от Рыночной площади, лодочный вокзал, от которого можно было совершать поездки по озеру Дратциг-зее и другим на моторном катере «Ролхер», любуясь идиллическими пейзажами «Померанской Швейцарии».

После двух месяцев знакомства Солоневич сделал Рут предложение. По ее словам, это было неожиданностью для нее: «Я была, мягко говоря, изумлена и вежливо отказалась, — так вспоминала она об этом событии через 60 лет. — На следующий день я объяснила Ивану, что подобный брак невозможен. Во-первых, у нас было 25 лет разницы в возрасте; во-вторых, мы недостаточно хорошо знали друг друга; в-третьих, различались наши религиозные убеждения, хотя это не имело большого значения, поскольку мы не были фанатиками; в-четвертых, наши страны воевали друг с другом. Герр Солоневич ответил: «Если это вас волнует, мы не будем больше об этом говорить, но мы поженимся». Мы, действительно, об этом больше не говорили и, в конечном счете, поженились».

Это был прочный, по-своему счастливый брак. Иван Лукьянович не раз говорил, что «он совершенно изменил психологию Рут и обратил ее во врага и нацизма, и коммунизма. Рут «считала своим долгом выучить русский язык, стать примерной «русской женой» и сподвижницей писателя и политического деятеля из России, конечно, настолько, насколько это было в ее силах. Ей удалось многое. Она стала говорить и писать по-русски, научилась готовить русские блюда, помо-

гать мужу в его повседневной литературной и политической работе. Однако проникнуть в сущность идеи народной монархии и почти непрерывных дискуссий Ивана Солоневича с политическими оппонентами Рутика, как ее звал муж, была не способна, поскольку, по мнению солоневичевода Казанцева, ко всему подходила «с немецкими мерками, с немецкими мозгами и немецкой душой»¹.

В отличие от преуспевающего доктора Карка забота о пропитании была для Солоневича изматывающе неблагоприятным делом. «Отovarивать» продовольственные карточки с каждым днем становилось все сложнее: «эрзац-маргарин», «эрзац-хлеб», «эрзац-кофе» и другие эрзацы все больше преобладали в рационе. Приходилось исхитряться, в том числе браконьерничать в лесу и на озерах. Иногда, чтобы получить несколько килограммов картошки, свеклы или кочанов капусты, Иван нанимался на работу к прижимистым крестьянам, считавшим, что русские должны быть довольны любому «вознаграждению».

Как вспоминает Рут, ее муж использовал еще один «запрещенный» способ приобретения продуктов. При содействии Левашова поклонница литературного творчества Солоневича в Швейцарии отправляла ему посылки с бразильским и колумбийским кофе, используя (по доверенности) его денежный счет в этой стране. По словам Рут, «за настоящий кофе можно было купить половину Германии, и потому обмен его на продукты помогал нам хотя бы на время улучшить питание. Но надо было быть очень осторожными, чтобы не донесли»...

Из разговоров немцев между собой Иван впервые услышал слово «вербауэр». На прямые вопросы знакомым немцам о том, что оно означает, Солоневич внятных ответов не получил. Даже доктор Карк, несколько смутившись, ответил неразумительно: хозяин на земле, переселенец на новые территории и т.д. Несмотря на странную немецкую «конспирацию», до сути вопроса все-таки удалось докопаться. «Вербауэр, — в

¹ См.: Казанцев Н. Устремленный в будущее // «Наша страна», № 2407—2408.

расшифровке Ивана, — это вот что: в оккупированных немцами областях часть населения — после войны (во время войны нужны рабочие руки) должна быть истреблена, и часть отдана в распоряжение вербауэров. Вербауэр — это вооруженный немецкий крестьянин — надсмотрщик, который должен был играть роль среднюю между нашим казачеством и ямайским плантатором. Мужики взвыли. Проект был оставлен после неудачи под Москвой, но все-таки Остминистерium успел перебросить на Украину каких-то вербауэров из Голландии и Мекленбурга: они там и остались»¹.

Зимой 1941—1942 гг. в Померанию стали прибывать первые советские пленные. По крестьянским домам разнесли «гебраухан-вайзунг» (*написание Солоневича*), в которых давались рекомендации о том, как обращаться с *унтерменшами* с Востока. Авторы «инструкции» уведомяли, что эта «рабочая сила» останется в Германии на весьма долгий срок и после войны. По оценке Солоневича, померанские мужики относились к «остовцам», в основном, хорошо. Но, размышляя над словечком «унтерменш», Иван Лукьянович пришел к выводу, что использование его немецкой пропагандой принесет Советам больше пользы для организации разгрома Германии, чем все союзные поставки по ленд-лизу.

Из бесед с пленными Солоневич выяснял, как складывается ситуация на Восточном фронте, какой грозной силой становятся партизанские отряды. Не без злорадных реплик в адрес «Розенберга и его команды идиотов» узнавал он о том, что пропагандистские службы в СССР сместили «советскую идеологию» на второй план, выдвинув на первый славные военные традиции прошлого, подвиги Александра Невского, Дмитрия Донского, Кутузова, Суворова и других патриотов-героев. Были введены ордена их имени, гвардейские полки и дивизии, восстановлены погоны, выпущены из лагерей уцелевшие православные священники. Великая Отечественная война набирала силу, и именно в этом качестве она стала принимать грозные очертания для гитлеровской Германии...

Годы жизни в Темпельбурге снабдили Солоневича бесценным материалом для понимания германской истории, специфических сторон германской жизни, германского характера.

¹ См. «Наша страна», № 6, 17.11.1948.

Надо отметить, что в период написания своей статьи «Россия и гитлеризм» (сентябрь 1938 года) он был более «снисходителен» к особенностям национального характера немцев и к их коллективной «обеспокоенности» поисками жизненного пространства:

«Немцы, в самом деле, являются народом без пространства — Volk ohne Raum. На их бранденбургских песках даже картошка не растет без искусственных удобрений. Нет железа, нет нефти, нет цветных металлов, нет марганца, нет наших аршинных черноземов. Есть только железное трудолюбие. Можно как угодно смеяться над немецкой расчетливостью и над этими бесконечными «Verboten», но нужно войти в положение немцев, хотя бы уже для того, чтобы в тот момент, когда мы будем иметь возможность договариваться (сейчас мы этой возможности не имеем вовсе), учесть некоторые основные факты немецкой истории, немецкой психологии и немецкой географии».

Жизнь в Альт Драгайме и Темпельбурге избавила Солоневича от иллюзий в отношении «германского образа жизни». Эта деревушка дала Солоневичу возможность заглянуть за кулисы немецкой жизни: «Я не хочу ничего идеализировать и ничего очернять, — писал он, — немецкий быт, исконный и кондовый немецкий быт, сложившийся веками и освященный традицией — есть вещь истинно отвратительная: такого отвратительного быта, злобного, завистливого, грязного — я никогда и нигде не видал. Этот именно быт объяснил мне исторические судьбы Германии — от завоевания Рима до потери Берлина».

В Темпельбурге в июле 1942 года писатель снова встретил «белокурую Валькирию», ту самую, которая в бытность его в Берлине приходила к нему полакомиться шоколадом и с детской наивностью рассказывала о том, как их, школьников, готовят «управлять Россией». Солоневича поразило тогда, с какой безапелляционностью 12-летняя девчушка говорила о том, что немцам не нужно изучать русский язык, что он им в России не понадобится.

Повзрослевшая Валькирия шагала под звуки духового оркестра среди двух-трех сотен беременных женщин, эвакуированных из Берлина по причине ожесточенных бомбежек. Горожане сбежались посмотреть на них, с восторгом повторяя:

«Это настоящее солдатское братство». «Беременный батальон» направлялся в лагерь для беженцев, чтобы переждать там трудные времена.

Солоневич не смог удержаться от иронии:

«Действительно золдатентум! Здесь ничего не скажешь! И ребят-то сколько?! Приказ есть приказ: приказано было рожать. В других странах идет пропаганда рождаемости, дают премии — и ничего не выходит. Здесь достаточно было приказа. Мы — народ без пространства — Фольк оне Раум. Нам нужны новые территории. А для того, чтобы заселять эти новые территории, — нам нужны новые солдаты. Логика немного, — но есть приказ».

Писатель подошел к матери Валькирии (она тоже ожидала ребенка «для фюрера»), чтобы перекинуться словом-другим. Ничего радостного она не рассказала: ее муж, директор школы, погиб на восточном фронте, дом на Штирштрассе 16 в Берлине, в котором все они жили до войны, сторел после бомбежки. Вместе с ним — превратилась в золу вся библиотека писателя. Несмотря на все свои утраты и потери, «обе Валькирии» продолжали твердить:

«А мы все-таки победим...»

Следуя своей манере предельного заострения, выдвижения эпатажирующих выводов, Солоневич через год-полтора после разгрома рейха так отозвался о своем «германском опыте»:

«Германия смыла с меня последнее, что во мне осталось от какого бы то ни было уважения ко всему, носящему гордую этикетку «гуманитарная наука» — наука о человеке в общественной жизни. Здесь, в Германии — родина научной этики и нравственные инстинкты ботокудов. Здесь родина философии права и практика силы, творящей право. Здесь родина научной психологии и полное непонимание ближнего своего. Здесь родина философии истории и абсолютное непонимание основных движущих сил человечества».

В первые месяцы пребывания в Померании Солоневич еженедельно наносил визиты в темпельбургский отдел полиции, чтобы «отметиться в наличии». Подобный контроль сохранялся до начала 1942 года. Потом у полицейских чинов

работы прибавилось: появились тысячи остарбайтеров, военнопленных, все чаще приходилось организовывать облавы на бежавших из концлагерей «врагов режима». Солоневичу разрешили отмечаться ежемесячно, что позволило ему совершить несколько самовольных отлучек, достаточно рискованных, — в Берлин. Юрий в то время работал в немецких изданиях художником-иллюстратором и карикатуристом. Если для Кукрыниксов главным объектом для сатирических насмешек был Гитлер, то для Юрия — Сталин. После войны, будучи уже в США, младший Солоневич всегда указывал в своих биографических справках: «В Германии являлся антикоммунистическим иллюстратором».

Первую после высылки поездку в Берлин Иван предпринял для того, чтобы предупредить сына и невестку: объявленная Гитлером война Соединенным Штатам — начало катастрофы! От Берлина не останется ни пуха, ни пера! Удирайте из столицы! Чем быстрее это будет, тем лучше. Прогноз оказался точным. Бомбежки союзной авиации с 1942 года становились все более разрушительными, а с 1943 откровенно беспощадными, направленными на подавление «боевого духа» населения. Молодые Солоневичи послушались совета. Они пробыли неделю в Темпельбурге, а затем сняли номер в гостинице деревни Альт Драгайм. Хозяин ее был важной шишкой: начальником фольксштурма!

Два-три упоминания о поездках Ивана в Берлин, эскизных, без подробностей, можно обнаружить в его статьях послевоенной поры. Во 2-м (2.10.1948) и 3-м (16.10.1948) номерах газеты «Наша страна» он, в частности, упомянул о своих встречах с Власовым, Жиленковым и Трухиным, о ночных дискуссиях с первым из них «под водочку». «Собеседникам» ни о чем договориться не удалось. Солоневич упорно не верил в конечный успех планов на «военное сотрудничество» с Гитлером с целью освобождения России.

В июне 1942 года Отто Бройтигам, советник Альфреда Розенберга по делам русских эмигрантов, созвал конференцию пронацистски настроенных подопечных. Они должны были продемонстрировать поддержку военным усилиям рейха на Востоке, выступить с призывами к Красной армии и русскому населению «отказаться от бесполезного кровопролития» пе-

ред лицом подавляющего превосходства вермахта. Иван Солоневич даже не рассматривался в числе кандидатов на конференцию: Бройтигам знал, что тот по-прежнему придерживается «неприемлемой» для рейха позиции.

Тем не менее с конца 1941 года на оккупированной территории Советского Союза стали появляться книги Ивана Солоневича, в первую очередь «Россия в концлагере» и повесть «Памир». В газетах, которые издавали немцы, публиковались перепечатки «идеологически подходящих» фрагментов из его произведений. Делалось это без ведома и разрешения автора.

Оккупационная пресса по разным каналам доставлялась в советские «компетентные органы» и тщательно анализировалась на предмет выявления пособников гитлеровского рейха. Постоянное появление имени Солоневича в «фашистских газетенках» побудило Лубянку «поднять» архивные дела, заведенные на него. В середине ноября 1942 года в город Свердловск поступил запрос из Москвы: «Просим сообщить о наличии материалов на Ивана Солоневича и характере их содержания».

Через три недели на Лубянку поступил ответ: «Солоневич проходил по делу «Спортсмены» и ряду других, отражающих деятельность эмиграции в большинстве стран ее расселения». Особо подчеркивалось, что «объект проверки» после бегства в Финляндию «поддерживал контакты с белоэмигрантскими организациями, в частности, с НТСНП, 3-м отделом РОВСа, а также с капитаном Фоссом, генералом Абрамовым, известными террористами Бастамовым и Соколовым¹. После переезда в Болгарию в мае 1936 года Иван и Борис Солоневичи развернули активную деятельность на базе фашистских идей, концентрируя свое внимание на объединении сил русской белой эмиграции для борьбы с советской властью и коммуни-

¹ Соколов Петр Петрович (1891—1971) — до Октябрьской революции известный спортсмен, увлекавшийся, как и братья Солоневичи, футболом, боксом и борьбой. В период жизни в Финляндии — член местного отдела РОВСа, агент английской разведки, использовавшийся ею, в частности, для сбора информации о членах русской колонии. Сведения о Солоневичах, переданные Соколовым в английскую резидентуру, имели «предостерегающий характер»: «Подозрительны на связь с ГПУ-НКВД».

стическими идеями. Для этого они издавали газету «Голос России», которую распространяли во многих странах среди русской эмиграции и частично перебрасывали в СССР».

После войны Иван постарался внести ясность в вопрос о публикациях его произведений немцами в годы войны, не желая выглядеть в глазах своих последователей, почитателей и будущих биографов коллаборационистом нацистов. «Я тут решительно ни при чем, — написал он в статье «Два лагеря» (30.11.1948), — и никаких геройских подвигов с моей стороны не потребовалось. Какой-то оборотистый немец, промышленявший в Риге в отделе Пропаганда-Норд, издал три моих книги общим тиражом в 600 000 томов на русском языке и для «востока». Я потом письменно разыскал этого немца — не для того, чтобы получить с него мой гонорар, а для того, что я в том издании решительно ни при чем».

Солоневич считал, что «популяризацией» своего творчества в России он также обязан НТС: «Партия солидаристов захватила в свои руки *все* русские газеты в оккупированных зонах... Я до сих пор не знаю, из каких соображений это было сделано: из чисто литературных или из политических»...

В начале февраля 1943 года Иван зашел к доктору Карку и понял, что происходит что-то чрезвычайно важное. Тот сидел в кресле у столика, вперив глаза в черный рупор динамика (многоволновые приемники были изъяты из обращения), и с окаменевшим лицом слушал речь министра пропаганды Геббельса, который выступал в берлинском Спорт-Паласе. Карк мрачно взглянул на гостя и сказал:

«Объявлена тотальная война. Капитуляция исключена. Ради победы Гитлера народ должен пойти на любые жертвы. Это означает конец Германии...»

Солоневич просидел до конца выступления Геббельса, выслушал клятву присутствовавших в зале: «Приказывай, фюрер, мы повинемся тебе!», и вышел, не сказав Карку ни слова.

В «годы Темпельбурга» Солоневич ни на день не прекращал творческой работы. Он вспоминал:

«В ссылке было совсем не плохо, хотя и голодно-вато: деревня, лес, озеро. Это были самые плодотворные годы моей

жизни... Ссылка моя была тем «университетом», какой в старое время проходили старые наши революционеры — только, конечно, наоборот. Я массу читал, думал, писал. Нашел ответы, каких раньше у меня не было. Написал два тома о нас самих: кто мы и как дошли до жизни такой, а также как нам из этой жизни выбираться. Один том — о победе философии над религией, теории над традицией, революции над Европой: вот и влипли во всеевропейскую питекантропию. Один том о российской прогрессивно-параличной интеллигенции — вот о многотомном и многоликом Бердяеве, который завел нас в нашу дыру».

Солоневич обдумывал новые главы «Белой Империи», записывая на четвертушках бумаги ключевые фразы, по которым в будущем можно будет восстановить весь текст. В эти же годы он настойчиво работал над рукописью, посвященной «сравнительному анализу» гитлеровской и советской тоталитарных систем. Здесь тоже приходилось «шифровать» содержание страниц, посвященных рейху, откладывать доработку и шлифовку труда до благоприятных времен.

В первой своей статье «после разгрома рейха» Солоневич изложил суть своих размышлений, своей «переоценки ценностей»:

«Очень скоро для меня выяснилось, что той Германии, какую нам преподносили в наших университетах, — Германии Гегелей, Гёте и всякого такого в природе не существует, как никогда не существовало в природе России Лебядкиных, Обломовых, Каратаевых и всяких таких бывших босых и лишних людей. Но страна Гете принимала лишних людей совершенно всерьез. Розенберг списывал целые страницы не только с Достоевского, Чехова, но и из Горького. Словом, на основании всей суммы самой современной науки, философии и стратегии и прочего — немцы готовили войну за более или менее полную ликвидацию всех лишних людей, проживающих на нелишнем для немцев пространстве».

Солоневич в силу особенностей своего характера не любил признавать ошибок, особенно в области прогнозов. Но о своих просчетах в отношении оценки германских проектов для России он сказал без каких-либо околичностей:

«Я не знаю, что Вы читали по поводу немецких планов и немецких зверств на востоке и чему именно Вы верили и чему

не поверили. В первое время я не поверил даже своим собственным глазам: нет, не может быть. Оказалось: может быть. Оказалось и еще хуже, — не может быть иначе: Гитлер, как и Сталин, с неба не свалились. Они есть результат предшествующего развития. НКВД, «гениальнейший», партия, колхозы, интернационал — все это было спланировано за десятки лет до Ленина-Сталина. Высшая раса, народ без пространства, сила, творящая право, лишние люди на Востоке, немецкое превосходство во всем и надо всем — было сформулировано за десятки и сотни лет до прихода к власти Гитлера».

Обратил внимание Солоневич на генетическое различие между немцами и русскими в восприятии абстрактных догм и идеологических установок:

«Наши теории были беспочвенными интеллигентскими теориями, которые даже сейчас, после 30 лет их господства в стране, прошли по народной душе, как вода по гусю... В Германии они то ли выросли из почвы, то ли успели врасти в почву — немцы, все немцы захлебывались от перспектив: икры, каракуля, чернозема, спины (рабской. — *Н.Н.*) И мощным клином готовили свое самоубийство. Сейчас в Берлине вместо гегелевского мирового духа сидит сов. маршал Соколовский. А «прыжок из царства необходимости в царство свободы» оказался прыжком в выгребную яму. Попытки построить мир без Бога привели всех нас в Питекантропию»¹.

Если бы нацистам стало известно о его «нелегальной исследовательско-аналитической работе», то, без всякого сомнения, репрессии последовали бы незамедлительно. Чтобы замаскировать главный труд и предъявить по первому требованию полиции «образец литературного творчества» на просмотр, Солоневич стал писать приключенческий роман «из подсоветской жизни». Работа над романом была не только творческим, но и ностальгическим процессом. Иван Лукьянович как бы возвращался в Россию, к ее пейзажам, сильным страстям и характерам. В дальнейшем эта незаконченная рукопись (три с половиной главы) ему очень пригодится: в переработанном и тематически «модернизированном» виде ро-

¹ «Писатель Иван Солоневич спасся (из его письма друзьям в Калифорнии)». См.: газета «Русская жизнь», 20.05.1947.

ман «Две силы» будет печататься отдельными «фельетонами» в газете «Наша страна»...

В годы войны Иван Лукьянович лишь однажды предпринял попытку «пробиться» в эмигрантскую печать, предложив в 1944 году через надежного посредника свою работу «Большевизм и крестьянство» русскому издательству в Праге. Попытка Солоневича «спрятаться» под псевдонимом провалилась. Острые неповторимые повороты мысли, своеобразный «задиристый» язык указывали на единственно возможного автора этого произведения. Не обошлось без очередного доноса. Кто-то из редакторов издательства сообщил «власовскому начальству» о попытке Солоневича «пробиться» к русской читательской аудитории, и на печатание брошюры был наложен запрет. В определенной степени это была месть: Иван отказался от сотрудничества с генералом Власовым и пропагандистскими органами РОА¹.

Дважды за период «интернирования» Солоневича в Темпельбург приезжал Всеволод Левашов, которого Иван Лукьянович в 1938 году оставил своим представителем в Софии. С началом войны против Советского Союза Левашов оказался не у дел. Болгарские власти закрыли газеты и журнал, которые он издавал, запретили его деятельность в качестве болгарского руководителя «штабс-капитанского движения». Не желая оставаться в стороне от политической борьбы, Левашов включился в антикоммунистическую работу в болгарской печати. Как вспоминала его жена Т.В. Дубровская, «он начал печататься в болгарских изданиях под псевдонимом «Волк» и написал и издал книгу «Большевизм» (на болгарском языке). Как многие другие русские эмигранты, Левашов верил, что германо-советский конфликт может принести России освобождение от власти коммунистов.

¹ Солоневич считал, что к этому приложил руку «бывший чекист» Жиленков, приставленный немцами к Власову в качестве «политрука». Предлогом для запрета брошюры якобы послужила содержавшаяся в ней критика советской политики в области «ликвидации кулака как класса». Жиленков, по мнению Солоневича, «эту ликвидацию русского мужика» одобрял «в тонах искреннего партийного энтузиазма» («Наша страна», № 2, 2.10.1948).

В поисках заработка Левашов поступил на службу в Дирекцию национальной пропаганды. Он писал статьи для болгарских газет, на них обратили внимание в Германии. Ему предложили стать представителем «Антикоминтерна», и Левашов согласился. Работа его состояла в том, что ему присылали из Берлина антисоветские брошюры и журналы, которые он распространял в Болгарии. По сведениям НКВД, которые «требуют проверки», он с 1944 года являлся агентом германского разведоргана «Абверштелле-София». Если это так, то абверовцы не слишком заботились о своих людях: к концу войны Левашов очень нуждался.

В 1944 году Левашов открыл свое «пропагандистское бюро» на улице Патриарх Евтимий, дом 4. У него был «незапечатанный» властями радиоприемник. Левашов слушал и записывал содержание передач из Москвы и Лондона. Сводки он предоставлял в Дирекцию национальной пропаганды и Дирекцию печати. Для дополнительного заработка писал аналитические статьи, тиражировал их на *циклостиле* и «по линии» Дирекции пропаганды рассылал в столичные и провинциальные газеты.

Письменную связь с другом Левашов поддерживал до полного коллапса рейха. Это было отдушиной для Ивана Лукьяновича, возможностью, пусть в «подцензурном режиме», но все-таки обмениваться мыслями «по текущему моменту». Последнее письмо от Левашова Солоневич получил в Темпельбурге в первых числах января 1945 года. К тому времени Всеволод находился в Австрии, откуда не без тревоги следил за событиями в Болгарии, в которую пришла Советская армия. Новая власть приняла декрет о роспуске фашистских организаций и конфискации имущества «коллорационистов». Находясь в Вене, Левашов слышал по болгарскому радио, что новое «красное» правительство приговорило его к смертной казни за антикоммунистическую деятельность в Болгарии»¹.

Другой декрет предписывал провести народные суды над виновниками вовлечения Болгарии в войну на стороне гитлеровской Германии. В стране начались суды над лицами, причастными к злодеяниям и репрессиям военных лет. Одно-

¹ Дубровская Т.В. Тайна Всеволода Константиновича // «Наша страна», №1394, 16.11.1976.

временно шла «чистка» государственного аппарата от «враждебных элементов». Сотрудники НКВД и СМЕРШа с особой тщательностью вели розыск активистов эмиграции. Был задержан и допрошен Борис Калинин. Левашов сообщил об этом в Темпельбург, отметив, что чекисты пытались выяснить у Калиникова, где укрыт архив Солоневича.

Первой — осенью 1944 года — покинула Темпельбург Рут, узнав от друзей, что ее включили в списки мобилизованных для рытья окопов на Восточном фронте. Без долгих раздумий Рут позвонила подруге, бывшей однокласснице, муж которой был главным врачом туберкулезного санатория, и попросила о помощи. Уже через два дня, совершив нелегкое по тем временам путешествие на велосипеде, она работала санитаркой в Рейнландии. Иван Солоневич и другие члены семьи «продержались» в Темпельбурге до середины января 1945 года. О том, что ситуация в Померании и Восточной Пруссии осложняется, Иван Лукьянович понял еще в августе 1944 года, когда английские бомбардировщики нанесли удары по портовым городам на побережье Балтики. Беженцы из Кенигсберга рассказывали, что исторический центр города был сметен ураганом осколков и пожарами. Сильным разрушениям подверглись Данциг и Штеттин. Вокруг Темпельбурга силами военнопленных стали возводить укрепления, устанавливать бетонные надолбы против танков, а на улицах появились баррикады из булыжников и мешков с песком. В административных и школьных зданиях оборудовали пулеметные гнезда. Пожилые фольксштурмисты маршировали по беговой дорожке городского стадиона. Город готовился к обороне.

По дрожанию оконных стекол, чутко реагирующих на грохот далекой канонады, можно было догадаться, что на востоке идут ожесточенные бои. Из отдельных реплик ополченцев, которых вооружили не деревянными (учебными), а настоящими винтовками и фаустпатронами, Иван узнал, что части 2-го Белорусского фронта ведут бои с группировкой армий «Висла», пытаясь прорваться к Балтийскому морю.

Беженцы из Восточной Пруссии непрерывным потоком шли на запад, такой же роковой час настал для жителей Померании. В начале января 1945 года Юрий узнал «из надежных источников», что местные власти начали выдавать *марш-*

бефели, то есть путевые эвакуационные документы, жителям Темпельбурга и окрестностей.

Угроза пленения для Солоневичей была более чем очевидной, причем со всеми «негативными последствиями» военного времени. Рассчитывать на получение маршбефеля не приходилось. Изнемогающие от круглосуточной работы писари злобно отмахивались от Солоневичей: в первую очередь немецкие жители! Не мешайте! Оставалось одно: пренебречь формальностями и уходить без «разрешительного документа».

Несколько дней ушло на подготовку, по выражению Ивана, «очередного побега». Больше всего им повезло с приобретением «гужевого транспорта» — лошадки-трехлетки, которой было присвоено имя Сонька. По стечению обстоятельств, дочь знакомого немецкого фермера собралась замуж, срочно потребовалось приданое. Им стало имущество Солоневичей. Чтобы приобрести лошадку, немцу вручили всю мебель, посуду, постельное белье и т.д. и т.п. из квартиры Рут, которая, уезжая в Рейнландию, дала Ивану разрешение распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Все равно придется все бросить: Советская армия наступает...

Поздно ночью Юрий отправился к фермеру, у которого все эти предотъездные дни находилась Сонька, дожидаясь старта в неизвестность. В телегу были заранее сложены необходимые вещи и драгоценные запасы продовольствия: ржаной хлеб, овсянка, сухое молоко, кофе, рыбные консервы. На самое дно был помещен архив и пишущие машинки: Ивана с русским шрифтом, Юрия — с немецким. Те немногие книги, которые у них были, пришлось, к великому горю Ивана, бросить. Юра привел Соньку с телегой в условленное место и вручил вожжи Инге. Отныне ей предстояло управлять лошадкой и присматривать за Мишкой, который, несмотря на мороз, сладко дремал в телеге, закутанный в толстый плед.

Ночь была снежной, непроницаемые облака висели низко над головами беглецов, и Темпельбург, через который им пришлось пробираться, казался вымершим. Ни патрулей, ни фолькштурмистов, ни заградотрядов. Казалось, что именно в эту ночь 15 января все обитатели города решили в последний раз основательно выспаться. Поэтому Солоневичи миновали улочки Темпельбурга без происшествий. На рассвете

они примкнули к потоку беженцев, которые сомнамбулически двигались вперед, в непроницаемо-туманную мглу. Солоневичи с облегчением растворились в многокилометровой «колонне спасения». До конечного пункта — Гамбурга — предстоял путь в 600 километров.

В первые дни «драпежа» был определен круг обязанностей каждого. Иван отвечал за сохранность имущества и продовольствия. Во время остановок на ночевку он сгружал узлы и пакеты, укладывал их один к одному и устраивался на них спать. Юра исполнял роль квартирмейстера и «организатора» сена для Соньки. При наличии сотен лошадей в «колонне спасения» это было крайне трудно: дело часто доходило до потасовок, синяков под глазом и разбитых носов. Инга присматривала за Мишкой и Сонькой, чтобы они были накормлены, напоены и не болели.

Солоневичи покинули Темпельбург вовремя. Январское наступление потрясло до основания оборону немцев в Восточной Пруссии и Померании. В феврале после перегруппировки сил советские фронты — 1-й и 2-й Белорусские, 2-й Прибалтийский продолжили наступление. Был взят штурмом город-крепость Кольберг на балтийском побережье и многие другие города. По заведенному в Москве торжественному ритуалу, победы советских воинов отмечались салютами, и в одной из сводок Информбюро в числе освобожденных от нацистов городов упоминался Темпельбург (взят 4 марта)...

Иван вспоминал:

«В феврале 1945 года мы, — то есть сын с семьей и я, — бежали из Померании на запад. Мы оба — на вело, жена сына с внуком на возике. Вообще: в сравнении с этим побегом наш пресловутый побег из концлагеря ББК в Финляндию был только увеселительной прогулкой. Красная Армия шла в верстах тридцати сзади нас, дороги были занесены сугробами, — а там, где не было сугробов, шоссе обледенело как каток. Наш конь выдохся окончательно и вот, греемся мы в каком-то придорожном трактире и слышим истерический крик: «Казаки, казаки!»

Я бросился в дверь. Мимо по деревенской улице с визгом, улюлюканьем и прочим в этом роде скакала орда. Раско-

сые всадники гнали табуны лошадей. У меня душа медленно сползла в пятки: все-таки попались!»¹

Но беглецам в очередной раз повезло. Эта «орда» оказалась одним из эскадронов генерала Краснова, и Солоневич отправился в казачий штаб, чтобы просить помощи и защиты и раздобыть там еще одну сивку, на подмогу Соньке. За такую лошадку в дни эвакуации платили огромные деньги: она могла выдержать сильнейший мороз, любое питание и исправно тащить огромный груз. Иван разыскал командира части, представился и даже показал ему удостоверяющий «документ» — подлинное письмо генерала Краснова. Командир, в общем-то, согласился помочь, но только в том случае, если у Солоневича есть золото, чтобы заплатить за услугу. Иван сказал, не подумав толком, что золото есть, и сразу же пожалел. Ожидать от этой орды можно было всего.

После встречи с казаками Солоневич предпочел, по его признанию: застрять в деревне на несколько «лишних» часов, «чтобы только не попадаться на глаза ни орде, ни ее командиру». Иван был смелым человеком, но хорошо знал, с какими именно соотечественниками столкнула его судьба: это был казачий карательный отряд. По словам Солоневича, немцы называли подобные орды «Schreckensregiment» и почти до самого конца войны предпочитали их власовским формированиям, в которых «было очень патриотическое, и вовсе не пронемецкое настроение». По поводу казаков писатель как бы мимоходом обронил: «Сейчас не следует талдычить о том, что эти отряды делали, но не следует также и думать, что этого не знает никто. Не следует также думать, что даже и в иных условиях такие орды будут действовать иначе».

В колонне беженцев были всякие люди. В условиях всеобщей нужды процветало воровство. Так, из-под самого носа Ивана («был слишком погружен в свои мысли») украли керосиновую лампу, которая в бесконечной череде случайных пристанищ и бивуаков освещала своим неровным, но надежным светом беженский быт Солоневичей. Особенно нужен был этот свет Инге, которая готовила еду, чинила прохудившиеся вещи, врачевала мозоли и ушибы членов «команды».

¹ См.: «Два лагеря» // «Наша страна», № 4, 27.11.1948.

«Я была готова задушить этого вора своими собственными пальцами, лишенными ногтей, — писала Инга, — четвертовать и посадить его на кол, а потом позвать волков и стервятников, чтобы они завершили дело. Но единственное, что я могла сделать, так это высказать бедному Ва, что я думаю по поводу его провала в качестве сторожа, хотя он и без того чувствовал себя достаточно плохо».

Уже в первые дни пути Сонька стала сдавать. Стоило больших усилий заставить ее тащить перегруженную телегу. После нескольких неудачных попыток Юре удалось добыть за килограммовый пакет кофе еще одну конягу по кличке Кофф: она была «в возрасте» и с дурным характером — так и норовила куснуть своими крупными желтыми зубами любого, кто оказывался поблизости. Несмотря на эти недостатки, Кофф обладала примечательным «тягловым потенциалом» и выносливостью. Инга, с ее врожденным знанием душ «братьев наших меньших», сумела найти общий язык с лошадкой, и вскоре Кофф, запряженная в дрожки (еще одна «добыча» Юрия), энергично бежала следом за Сонькой.

Постепенно, сопротивляясь этому изо всех сил, заболел Иван. Переживания последних дней сказались на желудке, боли были невыносимыми. Каждый шаг давался ему с трудом, лед нарастал на подошвы ботинок, и удержаться в вертикальном положении на скользкой дороге было невероятно сложно. Ивана спасало самолюбие. Ему, привыкшему считать себя сильным, выносливым, по-мужицки семижильным, казалось недостойным проявлять слабость. И все-таки, если бы не спасительные дрожки, на которые Иван время от времени забирался, кто знает, как бы завершилось для него это зимнее путешествие по дорогам Германии.

Очередную остановку Солоневичи сделали в городке Альтдам-на-Одере. Мост через реку усиленно охранялся — опасались диверсантов, и потому в темное время суток через него пропускали только военных. На отдых темпельбургские беженцы пристроились в одной из гостиниц неподалеку от Одера, чтобы не прозевать часа, когда можно будет перебраться на тот берег, в Штеттин. Ночью Ивану стало совсем плохо: он сполз с деревянного топчана на пол, застонал и на мгновение потерял сознание. Положение было отчаянным, все

понимали это, и особенно Иван. Он даже прошептал что-то вроде: «Оставьте мне пистолет и уходите!».

Юрий бросился на поиски доктора. Тот готовился к эвакуации, паковал вещи и категорически отказался идти к больному. Он, однако, уделил несколько минут Юре, расспросил о симптомах болезни и сказал без лишних церемоний, что на девяносто девять процентов уверен в том, что у Ивана прободение язвы и что, «в данных условиях» это означает летальный исход. По его словам, Ивану осталось шесть-семь часов жизни. Чтобы смягчить страдания умирающего, добрый доктор не пожалел дефицитного морфия из своих запасов. Всю ночь Юрий и Инга провели у ложа Ивана. Он недвижно лежал, закутанный в ставшие грязными за время пути одеяла, и только по еле слышному дыханию можно было догадаться, что он еще жив.

Память об этой трагической ночи сопровождала Юрия всю жизнь. По странному совпадению, кульминация болезни Ивана прилась на 3 февраля, на тот день, когда в Софии, семь лет назад, погибла от взрыва бомбы Тамара. И в эту бесконечно-изматывающую ночь Юра не переставал шептать, повторять до изнеможения, как молитву, одни и те же слова: «Тамочка не даст ему умереть, не даст умереть»...

На следующий день Солоневичам удалось перебраться на другой берег Одера. Если бы не помощь многодетного немца Розе, с которым они познакомились незадолго до прихода в Альтдам, «переправа» не была бы такой успешной. Но эта помощь полностью соответствовала поговорке «долг платежом красен». Юрий предложил Розе довести до Штеттина солидный «излишек» его вещей, а немец — доставить туда же, вопреки всем контрольно-пропускным проверкам, семейство Солоневичей. Так и получилось. Инга изображала плодовитую «супругу» Розе, Юрий — сопровождающего Розе помощника, а Иван в полубеспамятстве лежал среди чемоданов и рюкзаков, прикрытый брезентом. Лишь однажды при пересечении моста, по «вине» Ивана возникла критическая ситуация: из-под брезента как раз над проверяющим документы офицером появилась нога в калоше. Офицер устало взглянул на Розе и сделал вид, что не заметил «контрабанду»...

Трудно сказать, что, в конечном счете, спасло Ивана: доза морфия, несколько спокойных дней в качестве пассажира на

телеге или небесное покровительство Тамочки. После переправы через Одер его здоровье стало восстанавливаться.

В начале марта Солоневичи сделали недельную остановку в городке Зехлин, провинции Мекленбург. Нужно было дать Ивану время для полного выздоровления, подкормить его и подкормиться всем, благо старые друзья-немцы из гостиницы, в которой Солоневичи останавливались до войны, встретили их с распростертыми объятьями. Друзья хотели узнать правду о том, что все-таки происходит на востоке. Правду они узнали, и она их не обрадовала. Между тем Юра отправился в Берлин, чтобы выяснить судьбу чемодана, который был спрятан в одном из подвалов перед отъездом в Темпельбург. Каждый вечер в сторону столицы пролетали бесчисленные флотилии «летающих крепостей», поездка была рискованной, но необходимой: в чемодане были консервы и чистая одежда.

К общей радости Юрий вернулся из Берлина живым и здоровым, в обнимку с чемоданом, который чудом уцелел, несмотря на мародеров и ежедневные налеты бомбардировщиков.

После войны Иван часто вспоминал о пути из Померании под Гамбург, с бесконечными вереницами подвод, январской и февральскими вьюгами, дорогами, заваленными брошенными повозками, сломанными автомобилями и обледевшими трупами. Он писал:

«Мы ночевали в десятках крестьянских дворов. Нам ни разу не отказали в пристанище потому, что мы — русские». «Это был самый страшный побег моей жизни, — подытожил историю эвакуации из Померании Иван Лукьянович. — Спаслись мы истинным чудом...»

Юрий пользовался любой возможностью, чтобы запечатлеть картины бегства для истории: сделал серию карандашных набросков. Подходящую бумагу в то время добыть было невозможно, и он создавал свои рисунки на оборотной стороне разных регистрационных бланков. Быстрый, уверенный штрих, точно подмеченные детали и теплое сочувственное отношение к героям зарисовок, среди которых есть и сами Солоневичи. Можно только удивляться тем проявлениям юмора, которые сопровождали Юрия в те смертельно опасные дни.

Много лет спустя Инга Солоневич использовала рисунки мужа, сделанные в дни исхода из Померании, в качестве иллюстраций своей книги воспоминаний «Долог путь до Солола».

Из собственных рисунков военной поры Инга взяла только один — для обложки. На фоне снежной пустыни — бесконечный извивающийся поток повозок, телег, возков и прочего, в основном, гужевого, транспорта. На переднем плане — усталые клячи, обреченно волокущие автомашину, в которой давно нет топлива. Карандашный штрих неровен, нечеток, иногда как бы неуверен, и это создает ощущение пронизывающего холода, страха и отчаянья...

В зоне английской оккупации

Первую длительную остановку после бегства из Померании Солоневичи сделали в имении Ниендорф, которое располагалось неподалеку от города Разебург. Юра бывал в Ниендорфе раньше: гостил у своего друга по фамилии Редлих, который работал в имении агрономом. Хозяин Ниендорфа в мирные времена занимался выращиванием породистых рысаков, но война все изменила: коней почти не осталось, а в стойлах обитали военнопленные — англичане и южноафриканцы.

Беженцы устроились «на жительство» в двух комнатных «дома для слуг», в котором уже обитали рабочие, привезенные из Польши и Франции. Условия жизни были примитивными, но иллюзия «устроенности», надежной крыши над головой придавала беглецам оптимизма и веры в лучшее будущее. Нет, не напрасно после долгого перерыва Иван снова стал напевать вполголоса, «для себя», слова романса о «блаженной стране». Это были закатные недели Третьего рейха, который из последних сил старался выстоять, разбить в последнем решающем бою армии союзников, наступавшие со всех сторон. Боевой дух подразделений вермахта улетучивался на глазах. По лесам бродили группы дезертиров, их ловили эсэсовцы и «показательно» вешали на придорожных деревьях. Правда, фольксштурмисты и члены гитлерюгенда все

еще проявляли боевитость: они рыли бункера в окрестных лесах, устраивали засады на перекрестках проселочных дорог и автострад.

Информацию о событиях в мире Солоневичи тайком черпали из сообщений Би-би-си, используя для этого небольшой радиоприемник, который везли из Темпельбурга. Его подарил Ивану на прощание доктор Карк: оказывается, он слушал не только «позволенные» нацистами официальные передачи.

Прогнозы Би-би-си предвещали скорый конец войны: рейх близок к капитуляции, его главари разбегаются, сопротивление немецких частей не имеет смысла. Один Геббельс не сдавался, призывал вермахт и германский народ к продолжению героической борьбы: еще немного, и «чудо-оружие» радикальным образом изменит обстановку на фронтах.

В эти дни в Ниендорфе появилась Рутика. Ее легкий характер, позитивная энергия, умение разрядить спорную ситуацию шуткой — еще больше сплотили Солоневичей в обстановке всеобщего хаоса и предчувствия надвигающейся катастрофы. Иван старался не показывать своих эмоций, но по всему было видно, что вместе ему стало спокойнее, хотя «дезертирство» Рут с оборонительных работ было серьезным преступлением. Приезду Рут искренне радовалась Инга. Ей было очень нелегко в беспокойной мужской компании Солоневичей. Теперь рядом с нею была подруга, которая помогала «нейтрализовывать» всех парней, готовить еду (в том числе «деликатесы» из овса и крапивы), обстирывать и, несмотря на постоянно возникающие трудности, не терять женского обаяния.

Серьезных боев по соседству с Ниендорфом не было. Главные события происходили где-то вдалеке. Некоторое представление о событиях тех дней может дать фрагмент из книги Солоневича «Диктатура импотентов»:

«Маленький городок покинут немецкими частями и его обстреливает союзная артиллерия — на всякий случай. Отступившая немецкая артиллерия обстреливает тот же городок, предполагая, что союзники уже там. Городок горит. Снаряды рвутся. Крестьяне и крестьянки на велосипедах и тележках везут подлежащие сдаче молоко в местную маслобойню Власти, которая издала этот приказ, — уже нет. Но порядок все-таки должен быть. В первые месяцы оккупации какой-то преиспол-

ненный инициативы дядя приказал рубить плодородные сады: земля-де будет нужна для картошки. Немцы рубили сады — не все немцы и не все сады, но все-таки рубили».

В первый день мая Иван как обычно включил, но теперь без опаски быть схваченным, приемник и услышал голос немецкого диктора, обычно читавшего реляции с фронта. На этот раз голос его был преисполнен боли и драматизма:

«Наш фюрер, Адольф Гитлер, сражаясь до последнего вздоха против большевизма, пал за Германию сегодня после полудня в оперативном штабе имперской канцелярии»...

Объявление о капитуляции Иван Лукьянович воспринял с видом профессионального пророка, который с самого начала знал, что будет именно так. Возможно, именно в эти дни у него родилась фраза-эпитафия, подводящая итоговую черту под нацистским правлением: «Над всей гитлеровской эпопеей веет мрачный дух Нибелунгов, и заключительный аккорд Второй мировой войны с потрясающей степенью точности повторяет последнюю песнь героев, пьющих кровь своих друзей...»

Инга вспоминала о тех майских днях в Ниендорфе с сарказмом и горечью: «Когда большой день прекращения огня, о котором все мечтали шесть долгих лет, наконец, наступил, все произошло без драм, фанфар и барабанов. Это произошло... в полной тиши. Вначале прикатили на танках и джипах, пробившись через лесные чащи, американские военные. Они застрелили одного парнишку буквально на наших глазах. Это был подросток, который не смог дождаться формального разрешения на передвижение и побежал к дому, к своей маме, не услышав приказа «стой», когда ему сказали «стой». Они подобрали его и его внутренности и швырнули их на джип вместе с другими военными трофеями».

В те дни Солоневичей больше всего интересовали сведения о «размежевании» западных и советской оккупационных зон. По понятным причинам, «советская часть» Германии никак не подходила для жизнеустройства семьи Солоневичей. Иван и Юрий побывали в штабе местного гарнизона, чтобы выяснить, нет ли планов передачи района Ниендорфа под советский контроль. Ответ был категоричен: «Таких планов нет».

Части Советской армии базировались на другом берегу озера на солидном отдалении от парка Ниендорфа. К тому времени американцев сменили английские военные, и с «томми», как их называл Иван, отношения сложились дружеские, несмотря на «антисоветские» оценки Солоневича, которые он и не думал скрывать. Казалось, можно было жить спокойно. Однако на противоположной стороне думали иначе. Ранним утром солдаты с красными звездочками на пилотках стали выдвигаться в сторону имения. Невольным свидетелем этого маневра стал седобородый «папаша» Редлих, русский эмигрант, убежденный враг советской власти, фанатик рыбалки. Когда из густого тумана раздались крики «стой!» и по воде заплясали фонтанчики автоматных очередей, старик, недолго думая, бросился из лодки в воду и поплыл к берегу. Первыми, кого оповестил Редлих о происшествии, были Солоневичи.

Сомнений не было: пора уходить дальше на запад. Днем удалось выяснить, что кто-то из местных немцев сообщил «на ту сторону» об Иване Солоневиче и его прежних «связях» с нацистами. Сотрудники СМЕРШа отнеслись к сигналу о «важном русском», который скрывался от выдачи советским властям, с полной серьезностью. Смершевцы решили похитить Солоневича, благо он был рядом — через озеро. По свидетельству Рут, «советским солдатам, которым приказали захватить Ивана Лукьяновича, не повезло, они наткнулись на патруль английской военной полиции и были задержаны». После этого инцидента англичане установили постоянное дежурство у дверей дома, куда на несколько дней переселились Солоневичи. Как вспоминал Иван, англичане из Ниендорфа отнеслись к ним лояльно: «Снабдили жильем, тоже в деревне и в лесу, дали кое-какие советы и оказали кое-какую защиту против товарищеской любознательности»¹.

Иван получил пропуск на право передвижения семейства в пределах английской зоны оккупации и документ, разрешающий ему как главе семьи «реквизировать» в случае необходимости жилплощадь любой немецкой семьи. Этим документом Солоневичи не воспользовались. Выгонять несчастных, уни-

¹ «Писатель Иван Солоневич спасся» (из его письма друзьям в Калифорнии) // «Русская жизнь», 20.05.1947.

женных, попираемых победителями немцев на улицу? Нет, это было невозможно по всем человеческим и христианским законам.

Ниендорф Солоневичи покинули с сожалением. Они успели обжиться в этом уютном имении, и вот — снова дорога, снова неизвестность. Иван развернул карту и ткнул пальцем в некую точку, которая находилась в нескольких километрах от границы с Данией. Путь предстоял немалый — в город Фленсбург, где, по мнению Ивана, можно было переждать тяготы послевоенного времени. Провинция Шлезвиг-Гольштиния славилась гостеприимством, тишиной своих курортных мест и мясомолочным изобилием. Для этого путешествия семья подготовилась лучше, чем в Темпельбурге. Лошадки, любимцы семьи Сонька и Кофф, дружно цокали копытами по брусчатке и асфальту, и за ними, подпрыгивая на выбоинах, катил крытый фургон на резиновом ходу. Иван и Юрий сопровождали его на велосипедах, и по очереди — на раме — везли Мишку. Рут нездоровилось, лицо ее было тронуту заметной желтизной. Она несколько раз теряла сознание, и тогда караван прекращал движение, и Иван старался привести ее в чувство, прикладывая к губам фляжку с кофейным напитком.

«Английский пропуск» помогал преодолевать многочисленные пункты контроля на дорогах. Из массы беженцев и перемещенных лиц «отсевались» для дальнейшей проверки подозрительные лица. В этот бесконечный перечень входили видные функционеры рейха, сотрудники гестапо и абвера, военные преступники, участники карательных акций, «служащие» концлагерей, коллаборационисты нацистов. В Ратцебурге Солоневичи сделали короткую остановку на отдых и стали свидетелями одного из «парадов победы», которые торжествующие союзники проводили в полуразрушенных городах поверженной Германии. Разрозненные кучки немцев молча наблюдали за марширующими подразделениями шотландской пехоты, их клетчатými юбочками, аккуратными гетрами, тщательно вычищенными башмаками, вслушивались в пронзительно-торжествующие звуки волюнок, и в их некогда по-арийски волевых, а ныне трагически потухших, глазах, угадывалось изумление. Как могли эти смешные пришельцы в

юбочках, которые смешно задирали весенний ветер, разбить, повергнуть в пыль железные легионы фюрера?

Уцелевшие мосты и понтонные переправы на Эльбе были закрыты для гражданских лиц, и Солоневичам, чтобы не терять времени, пришлось двигаться в сторону Гамбурга. В конце 30-х годов Иван несколько раз выступал в этом городе с лекциями. Сейчас Гамбург был неузнаваем. От центральной части города остались только руины. Бесконечные лабиринты развалин пугали зияющими провалами окон, а зловоние разлагающихся под каменными завалами тел вызывало тошноту.

Рут становилось все хуже, и ее пришлось оставить в одном из полевых госпиталей, развернутых англичанами для гражданского населения. Немецкому врачу хватило мимолетного взгляда, чтобы определить у нее гепатит. Иван обещал Рут вернуться за нею при первой возможности, но она была настолько плоха, что вряд ли понимала смысл его слов.

Караван двинулся дальше. Временами у Солоневичей появлялось ощущение, что они возвращаются во времена Третьего рейха: Шлезвиг-Гольштиния была наводнена вооруженными частями вермахта, в основном из группировки «Висла». Английские патрули и дорожные заставы не предпринимали никаких действий для интернирования немцев. Более того, на контрольно-пропускных пунктах хозяйничали немецкие военные. По мнению Ивана, немецкая армия оставалась «под ружьем» по приказу из Лондона. Черчилль не доверял Сталину, опасался внезапного рывка Советской армии в сторону Ла-Манша и потому сохранял резерв из испытанных бойцов немецкой армии, имевших опыт борьбы с русскими.

На значительной части Шлезвиг-Гольштинии делами управляло так называемое правительство гросс-адмирала Деница, официального преемника Гитлера. Оно просуществовало до 23 мая, и только после решительного протеста советской стороны было признано незаконным, а члены его арестованы.

Помимо немецких солдат, в провинции сосредоточилось несколько сотен тысяч беженцев из Померании и Восточной Пруссии. Иван понял, что для них, Солоневичей, «жизненного пространства» в Шлезвиг-Гольштинии не было. Не было его и

на датской территории. Датчане опасались, что под видом перемещенных лиц их страну заполонят «перекрасившиеся» нацисты и военные преступники, и усилили охрану границы.

Солоневичам пришлось возвращаться. По дороге заглянули к Рут, и она уговорила их забрать ее из больницы.

Июнь застал беженцев в Винсене, близ Гамбурга. Юра в ходе своих разведывательно-ознакомительных «вылазок» обнаружил в этом пригороде «импровизированный госпиталь», в котором главным врачом работал балтийский немец Эрнст Кюглер, поклонник публицистики Ивана с довоенных времен. С его помощью в госпиталь были помещены Рут и Инга, которая героически, бок о бок с мужчинами переносила все тяготы жизни на колесах, пока и ее не свалил прилипчивый гепатит. Кюглер сделал все возможное, чтобы вытащить «с того света» своих пациенток. Достаточно сказать, что после работы он сам объезжал на велосипеде сельскохозяйственные фермы по соседству с Винсеном, добывая дефицитный по тем временам молочный сыр, чтобы дополнить им скудное больничное меню.

Иван и Юрий обретались по соседству с Винсеном, чтобы жены не чувствовали себя брошенными, и тоже занимались поисками пропитания. Мужья немецких фермерш сидели в лагерях, фильтрационных, концентрационных и других. Нужда в рабочих руках была большая. Поэтому Солоневичи, с их трудолюбивыми лошадками, устраивались поденщиками. Так они обеспечивали себе горячую похлебку на обед и по булке хлеба на вечер. Это было трудное время для семьи: болезни, жизнь врозь, полное отсутствие перспектив. Не напрасно Инга назвала одну из глав своей книги, посвященной «парням», — «Сироты».

Между тем приближалась осень, с Балтики непрерывной чередой накатывали нудные морозящие дожди. Дальше откладывать вопрос о поисках надежной постоянной крыши над головой было невозможно. Эта миссия по общему согласию была поручена Юрию, который хорошо разбирался в немецкой психологии, был по-носорожьки терпелив в общении с бюрократами различных рангов и темпераментов и, главное, понимал, что провал «миссии» означал одно: поселение

в лагерь «ди-пи». А это означало: учетные карточки со всеми данными, повседневный контроль со стороны лагерных властей и постоянно — угроза выдачи...

Летом и осенью 1945 года по зонам, находившимся под «западным контролем», прокатилась волна насильственной репатриации в СССР бывших советских граждан, которые по тем или иным причинам оказались на территории рейха и оккупированных европейских стран. Некоторые акции «по высылке» приобретали характер карательных операций: по периметру лагерей, где были сконцентрированы военнослужащие РОА, казачьих частей, Первого Русского корпуса, а иногда и их семьи, располагались танки, пулеметы, боевые подразделения американской и английской армии. Под угрозой применения силы «русских пособников наци» загоняли в грузовики, отвозили на железнодорожные станции, где под парами стояли составы, которые набивали живым грузом и потом безостановочно гнали на восток. Попытки сопротивления жестоко пресекались. Счет шел на сотни погибших и покончивших с собой.

С особым тщанием сотрудники СМЕРШа и НКВД охотились за теми «главарями» Русского Зарубежья, которые с оружием в руках боролись с Советской армией. Первым и самым крупным успехом был захват генерала Власова, а также некоторых членов его штаба. Ходили также слухи о том, что в ловушку чекистов попал генерал Краснов, автор романов из казачьей жизни. Противоречивые сведения ходили о генерале Бискупском. Кто-то утверждал, что он не сумел вовремя скрыться из Берлина и был вывезен в Москву на расправу, кто-то доказывал, что Бискупский принял участие в провалившемся заговоре Штауффенберга против Гитлера в 1944 году и был казнен вместе с другими немецкими офицерами. Бесследно пропал Мельский. То ли погиб при обстрелах Берлина, то ли сумел «раствориться» среди миллионов беженцев. Был арестован смершевцами и переправлен в Советский Союз Владимир Деспотули.

Несмотря на противоречивость слухов о позиции западных властей в отношении русско-советских «ди-пи», Солоневич считал, что «теоретически» политический климат был предпочтительней в английской зоне оккупации. «По отноше-

нию к Советам Черчилль всегда придерживался враждебной позиции, — аргументировал Иван свою точку зрения. — После войны у Англии и Советского Союза дорожки неизбежно пойдут врозь». Несмотря на «эксцессы» англичан по отношению к русским «перемещенным лицам» — «ди-пи» — в Австрии в 1945 году, в Германии они особенного рвения не проявляли и при любой возможности саботировали деятельность советской репатриационной миссии. Один из ее руководителей не преувеличивал, когда отметил в своем ежемесячном докладе: «Прожженные английские политиканы, видимо, еще до окончания войны смекнули, что перемещенные лица им пригодятся, и с самого начала взяли курс на срыв репатриации».

Солоневич так писал об этом периоде: «Это было время, когда англичане считали себя обязанными выдавать дезертиров Красной армии, — но уже не выдавали их. Англичане, кажется, вообще не выдали никого, — по крайней мере, из своей зоны в Германии». В американской зоне деятельность советской репатриационной комиссии была прекращена в начале марта 1949 года. В английской — на год позже, в апреле 1950 года.

По регистрационным спискам «ди-пи» Солоневичи были «приписаны» к лагерю в Хайденау, где, по выражению Ивана, «в идиотских условиях», в тесноте и обиде, обреталось около трех тысяч человек. Ивану пришлось пробыть в лагере не более недели, и с первых дней он ощутил атмосферу взаимных доносов, недоброжелательства, откровенной конкуренции за место «под лагерным солнцем». Он был слишком замечен в эмигрантской среде и не сомневался, что его идейные и личные враги сделают все возможное, чтобы скомпрометировать его в глазах англичан, представить «другом Геббельса, Гимmlера и самого Гитлера». На этом можно было сделать карьеру. Любое доносительное письмо определялось в личное дело «ди-пи», и по нему велось расследование. В первую очередь обращалось внимание на наличие у подозреваемых преступного нацистского прошлого. Малейшее «темное пятно» в биографии (реальное или фальшивое) затрудняло процедуру оформления выезда, задерживало его на месяцы и годы.

В первые осенние дни 1945 года Юрию удалось найти идеальное место для размещения семейства. С уверенной улыбкой человека, знающего, что все права на его стороне, он вошел в кабинет бургомистра в Холленштаде и положил на его рабочий стол документ, выданный Солоневичам начальником штаба англичан в Ниендорфе. Бургомистр ознакомился с содержанием оформленного по всем правилам документа (печати, регистрационный номер, четкая подпись) и обреченно взглянул на посетителя, прикидывая, на чей конкретно дом нацелился этот самоуверенный тип, которому покровительствуют англичане. Чтобы продемонстрировать готовность к компромиссу, Юрий в подчеркнуто доброжелательной манере заявил, что понимает трудности бургомистра, не желающего конфликтовать со своими, что он, Юрий, тоже не хотел бы доставлять беспокойство жителям подопечной бургомистру территории. Поэтому лучше всего полюбовно договориться: его, Юрия, семья должна получить на зиму жилье, всего-навсего две-три комнаты, причем не обязательно, чтобы там была роскошная мебель.

Немец с решением вопроса не тянул и на следующий день вручил Юрию бумажку с адресом: имение Аппельбек Холленштадского района Ротенбургского округа. Местное военное управление англичан «не возражало» против проживания Солоневичей в имении, которое находилось в 15 километрах от Хайденау. Писательский статус Солоневича, подтвержденный оригиналами переписки с английским издательством о публикации его книг, стал для британцев решающим аргументом.

Аппельбек был замечательным местом! Красивый просторный дом, красная черепичная крыша которого простиралась на хозяйственные постройки: конюшню, коровник, свинарник, сеновал и небольшую лесопилку. Был небольшой пруд, в котором дремали золотистые карпы. Хозяину, герру Шютте, крупно не повезло. Он воевал в России, попал в плен и теперь вынужден провести пять долгих лет в страшной холодной Сибири. Пока же всеми делами в имении «ворочали» женщины — бабушка Шютте, ее дочь Гертруда и юное поколение семьи Шютте — Карин и Карл-Хейнц. Солоневичи собирались прожить в Аппельбеке не более года, но застряли там на все три.

По словам Рут, все члены семьи неизменно вспоминали об Аппельбеке «как спокойном местечке, как «доме»: «Мы должны были чем-то питаться, и мужчинам позволили рубить деревья и колоть дрова (на продажу). Другими словами, всегда было тепло. Мы не зависели от угля, достать который было практически невозможно. Кроме того, наши хозяйки имели свое электричество, благодаря маленькому водопаду между озерами. И еще у нас был телефон! Чего еще мы могли желать?»

Там, в Аппельбеке, Иван Лукьянович и Рутика заключили в 1947 году официальный брак.

Снова появились в продаже газеты, тиражи которых из-за нехватки бумаги, были ограниченными. Иван за соответствующую плату договорился с киоскером в Хайденау, и тот оставлял для него «Люнебургер Ландесцейтунг». Ссылки на нее довольно часто появляются в книге Солоневича «Диктатура слоя». По этой газете Солоневич следил за ходом судебного процесса над Крамером, комендантом Бельзенского концлагеря, и его подручными. Преступники использовали многочисленные уловки, фальшивых свидетелей, любую демагогию, чтобы оправдаться, скрыть правду, избежать сурового наказания. По мнению Солоневича, этот суд, начавшийся 17 сентября 1945 года, стал своего рода репетицией Нюрнбергского процесса, своеобразной школой для судей, которым предстояло поставить последнюю точку в кровавой истории Третьего рейха.

По «беспроволочному телефону» до Ивана доходили новости о судьбе Бориса. По слухам, после концлагеря «Брейн-донк» нацисты перевели брата в другой лагерь — с более мягким режимом. Там Борис получил возможность писать статьи. Некоторые из них он пытался опубликовать во французской и немецкой прессе. Потом немцы выпустили из лагеря всех «националистов-антибольшевиков», в том числе Бориса. Ходили слухи, что почти все освобожденные «платили» немцам за это согласием быть доносчиками.

С приходом англичан Борис обратился к своему «концлагерному опыту» и написал разоблачительную книгу об ужасах нацистских застенков. На книгу обратили внимание чле-

ны Союза бывших заключенных «Брейндонка». Бывшие «зеки» обвинили Бориса в «коллорабационизме». В июне 1945 года Борис был арестован агентами Сюртэ. Иван не верил слухам о «пособничестве» брата, считая, что их распускают агенты НКВД, чтобы добиться его выдачи Советскому Союзу¹.

И в самом деле, с «подачи» резидентуры, советское посольство в Бельгии делало все возможное, чтобы «заполучить» Бориса Солоневича². Но бельгийские власти не спешили, мотивируя задержку «отсутствием закона о военных преступниках». Советскому послу было заявлено, что только после принятия парламентом такого закона вопрос о выдаче Солоневича будет рассмотрен. А вскоре Борис был освобожден из тюрьмы и «по состоянию здоровья» (болезнь глаз) направлен «под домашний арест». Летом 1946 года суд все-таки состоялся, и Борис был приговорен к двухлетнему заключению. Через считанные недели он был освобожден по ходатайству быв-

¹ Агентура НКВД в Бельгии черной краской рисовала «поведение» Бориса в лагерях нацистов. Вот образец такого описания: «Обыкновенно заключенные избегали попадаться на глаза немцам. Борис Солоневич придерживался другой тактики. Он всюду лез, назойливо подхалимствовал, пытался изобразить из себя невинную жертву, по ошибке попавшую в число людей, сидящих «по заслугам». Солоневич высказывал немцам верноподданнические чувства, расшаркивался, лебезил перед ними самым отвратительным образом, будь то начальник лагеря или часовой. Сидя в «Брейндонке», Солоневич только и думал, что о своих статьях. Он писал их на клочках бумаги и пытался передавать через часовых. За это бывал бит, но не отчаивался. Часовым и заключенным рассказывал всякие небылицы о Советском Союзе. Однако когда его спросили полу-серьезно-полушутливо, где было лучше — в Соловках или «Брейндонке», Солоневич ответил: «В Соловках я сидел 4 года. Попробуйте столько же отсидеть здесь!»

² В конце июня 1945 г. в НКВД СССР на имя Деканозова поступила информация, подписанная наркомом госбезопасности В. Меркуловым: «НКГБ считает целесообразным заполучить Б. Солоневича и просит Вас дать послу необходимые указания по этому вопросу». Указания были даны, после чего советские представители систематически обращались к бельгийцам в отношении выдачи Б. Солоневича «для привлечения его к ответственности как военного преступника».

шего царского консула Буткевича, который являлся одним из руководителей т.н. Нансеновского комитета¹.

В ноябре 1947 года в 4-е Управление МГБ поступили сведения о том, что Борис Солоневич скрывается в районе города Гамбурга (английская зона оккупации) и ведет антисоветскую работу среди «ди-пи». В 1948 году Борису удалось получить визу и выехать в США. По сведениям МГБ, он некоторое время жил в Чикаго, сотрудничал в газете «Новая жизнь» и писал романы приключенческого или «антисоветского» содержания.

После настойчивых поисков Ивану удалось связаться с Всеволодом Левашовым. Они возобновили переписку. Оказалось, что друг находится в американской зоне оккупации, в лагере «Парш» в Зальцбурге. Левашов жил в постоянном страхе выдачи Советам. Опасаться было чего: новая народно-демократическая власть Болгарии заочно приговорила его к высшей мере. В начале 1947 года Левашов женился на симпатичной девушке Татьяне Владимировне, урожденной Киреевой. В «дипийском» лагере они работали рядом. Особенно сблизила их «тайная деятельность» по изготовлению фальшивых документов для тех обитателей лагеря, которым грозила выдача Советам. Тамара Дубровская так вспоминала о лагере «Парш»:

«Спешная работа по изготовлению таких документов началась еще до того, как я вышла замуж за Всеволода Константиновича, но продолжалась и долго после того, как мы поженились и получили от лагерной администрации отдельную маленькую комнату, в которой и образовалась штаб-квартира новой индустрии. Индустрии спасения человеческих жизней. В этой маленькой комнатке работали два энергичных русских антикоммуниста: Всеволод Константинович и скромный та-

¹ По сведениям резидента МГБ Гаида, Борис Солоневич перешел на полулегальное положение, скрываясь в окрестностях Шефтонского монастыря (Арденны). Он сотрудничал в эмигрантской газете «Радуга», распространял среди «ди-пи» листовки «антисоветского содержания». Правительство Бельгии по-прежнему отказывалось выдать его властям СССР, мотивируя это тем, что «закон о выдаче военных преступников» все еще не одобрен парламентом.

лантливейший художник-график из новой эмиграции... Надо было видеть с каким удовлетворением, граничащим с восторгом, они, после проделанных сложных операций, вручали нуждающемуся потрепанную метрику или какое-нибудь удостоверение личности!»¹

Переписка Солоневича и Левашова была, в основном, посвящена проектам возобновления издательской деятельности. Как вспоминала Дубровская, «имея за спиной опыт издания печатных органов «Голоса России», «Нашей Газеты» и «Родины», совершенно естественно было мечтать об их продолжении, и, конечно, как и в Софии, — обоюдными усилиями. В Германии, где находился И.Л. Солоневич, и в Австрии, где в беженском лагере жил Всеволод Константинович, царил полный развал, и казалось, что эти мечты не превратятся в действительность»².

Советская репатриационная комиссия не оставляла своих планов добиться выдачи Левашова и некоторых его «товарищей по несчастью». Один из офицеров американской разведки русского происхождения обеспечил им надежное укрытие на конспиративной вилле неподалеку от лагеря. Кстати, этот же офицер помог Левашову в получении надежных документов на имя Дубровского (так звали его родного дядю), чтобы раз и навсегда избавить его от угрозы выдачи в СССР. По словам Тамары Владимировны, Левашов согласился на это не без внутреннего сопротивления: «Тяжело было ему расставаться с древней фамилией своего скромного отца-офицера, предки которого задолго до Иоанна Грозного были служилыми боярами».

В английской зоне оккупации жилось спокойнее, чем в других. Но Солоневичи все равно страдали от бесправия, неопределенности. Если, как и все другие «ди-пи», они в первые месяцы после войны мечтали о «свободной инициативе», возможности честно зарабатывать деньги и жить пусть без роскоши, но благополучно, то по мере укрепления «по-

¹ Дубровская Т.В. Тайна Всеволода Константиновича.

² Дубровская Т.В. «Неодинаковый» гений // «Наша страна», № 1472, 16.05.1978.

рядка» в английской зоне все более отчетливо понимали, что их надежды утопичны.

Англичане проводили денацификацию, но без той жесткости и методичности, с которой американцы, особенно в первые недели, преследовали всех, кто имел хоть какой-то вес в государственном и политическом аппарате рейха. Денацификация была, кстати, «изобретением» оккупационных властей США, которым самым активным образом помогали те беженцы из Германии, которые в 30-х годах покинули ее «по причине неарийского происхождения». По розыскным спискам в американской зоне арестовывались тысячи сотрудников гестапо и других карательных служб, НСДАП, административного аппарата нацистов, органов пропаганды.

Те, кто успешно преодолевали чистку, получали сертификат «благонадежности». Немцы называли подобную справку «перзильшайн», намекая на стиральный порошок «Persil». Без такого документа о политической «санобработке» нельзя было и мечтать о спокойной жизни и хорошем трудоустройстве. К лету 1946 года в западных зонах оккупации массовая денацификация уступила место методу «персонального расследования». Претенденты на административные должности проходили через такую процедуру в обязательном порядке.

Англичане быстро сообразили, что подобрать на все должности стерильно чистых от нацизма немцев невозможно. Не напрасно глава британской военной миссии в одном из германских городов приказал расклеить следующее издательское объявление:

«Миссия разыскивает немца, который готов признаться, что он был убежденным нацистом, верил в Гитлера и служил ему. До последнего времени британские офицеры встречали только тех членов нацистской партии, которые утверждали, что состояли в ней для того, чтобы не быть репрессированными, сохранить свой пост и иметь возможность прокормить семью. Похоже, никто из немцев не верил в идеологию нацистов, но работали на них все».

По наблюдениям Солоневича, «в объятия оккупационных властей сразу хлынул деклассированный и безработный элемент старой национал-социалистической бюрократии, новой просто социалистической, демобилизованных военных, разоренных торговцев, безработных приказчиков и всякого

такого неприкаянного люда. В течение нескольких месяцев был сколочен аппарат власти, который никому работать не дал». Все были заняты одним: учились выживать любой ценой за счет других.

В книге «Диктатура импотентов» в главе, посвященной «плановому хозяйству» и бюрократам, Солоневич рассказал о том, как его семья боролась с голодом:

«В 1946 году, находясь в культурной Германии и состоя под попечением культурных оккупационных властей, мы *все-таки* развели огород. Земли для этого «по плану» не было. Нам, «ди-пи», по существующим законоположениям, огородов разводить не полагалось. Мы нашли полянку в лесу, выкорчевали десятка три пней и посадили огурцы — семена были, конечно, куплены на черном рынке. Огурцы предполагалось засолить на зиму и обеспечить себя витаминами. Бочек для засола не было. В местном магазине... продавались какие-то полубочонки — неудобные и нелепые. Но можно было приносить и их. Это, оказалось, были *параши*. Я купил одну. В магазине г-на Кюка в городе Холленштедте, округ Харбург, я дал официальную подписку в том, что эту парашу я буду употреблять только по ее официальному назначению. Она *все-таки* пошла под огурцы. Так нарушил закон не один я»¹.

С нарушителями закона оккупационные власти боролись теми же способами, что и предыдущая — нацистская: запугиванием, угрозами, поощрением доноительства, облавами. Попадал в облавы и Солоневич, которому по писательским и отъездным делам приходилось много ездить за «пределы» района его приписки в качестве «ди-пи» (с начала 1946 года он хлопотал о выезде в какую-либо из стран, «безопасных» в плане выдачи Советскому Союзу).

Во время поездки в Гамбург Солоневич мог наблюдать за тем, как отряд немецкой полиции проводил облаву на Штайндамм, где действовала «черная биржа», на которой можно было приобрести необходимые в быту вещи: мыло, зубную пасту, лезвия для бритвы, камни для зажигалки, иголки для швейных машинок и т.д. В первый раз Ивану удалось избежать ареста и со стороны наблюдать за тем, как бросали в грузовики и правых и виноватых: в полиции, мол, разберемся.

¹ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. С. 198.

Во второй раз «зазевавшегося» писателя схватили и «в числе еще нескольких сотен живого двуногого улова поволокли в полицию». Солоневич вспоминал:

«Там меня и прочих обыскали. Там и у меня и у всех прочих нашли папиросы: даже и в плановой стране люди все-таки что-то курят. Но я, умудренный советским опытом, постоянно таскаю с собою около полуфунта всяких документов, удостоверений, бумажек и черт его знает, чего еще. В их числе я откопал квитанцию о получении мною посылки из САСШ — и еще таможенную отметку об уплате пошлины за папиросы. Я торжествующе предъявил эти бумажки. Они были довольно старые. Не было никакого основания предполагать, что папиросы, найденные у меня в кармане, были именно теми, которые значились в квитанции. Они и не были. Но меня все-таки выпустили. Остальные несколько сот человек остались торчать в полиции».

Этот, казалось бы, обычный эпизод из «оккупационного быта» стал для Ивана еще одним основанием для горьких выводов о всесилье «отрядов всеобщей бюрократии». Они проводят акции, унижающие человеческое достоинство, и результаты их, по большому счету, ничтожны: 500—600 изъятых папирос стоимостью в 20—30 марок, но сколько психических травм для арестованных, сколько опозданий на работу, сколько проклятий в адрес властей. По мнению Солоневича, «обыски и облавы стали одно время чем-то вроде спортивного промысла или промыслового спорта, — как ужение рыбы: и интересно и питательно. Устраивались облавы на вокзалах — и люди опаздывали к поездам. Устраивались заставы на местах — и целые заводы простаивали, пока рабочих обыскивала полиция. В газетах появлялись торжествующие заметки о зихергештельте¹ сотен папирос, десятков кило мяса и прочего в таком же роде. Я газеты читаю очень внимательно — профессионально. Я ни разу не читал сообщений о зихергештельте сотен тысяч папирос. По самым скромным моим подсчетам один только Гамбург должен выкуривать в день не меньше двух, а то и пяти миллионов «черных папирос». Они *не могут* быть конфискованы, ибо люди, которые торгуют сот-

¹ Изъятие, конфискация (нем.).

нями тысяч папирос — имеют всякие документы на всякую папиросу».

Чтобы не рисковать лишний раз, Солоневичи старались перейти на самообеспечение, развивали «натуральное хозяйство». Например, отсутствие хозяйственного мыла в продаже и, тем более, по карточкам, было возмещено изготовлением «самопального». Как-то Иван поделился в кругу семьи воспоминаниями о том, что точно такую же «мыльную нужду» он, Тамара и Юра испытывали в годы военного коммунизма, но — голь на выдумки хитра: варили свое собственное мыло да еще приторговывали излишками на рынке. Иван перечислил необходимые ингредиенты для кустарного изготовления мыла, описал процедуру варки.

Так получилось, что домашняя технология «мыловарения» в изложении Ивана довольно скоро пригодилась. Инга и Рут узнали, что в семействе Шютте случилось несчастье: по естественным причинам сдохла одна из хрюшек. Чтобы не подвергать угрозе инфекции других свиней, хрюшка была незамедлительно погребена на окраине леса. Узнав об этом, жены Солоневичей стремглав бросились к месту ее захоронения с лопатами и кухонными ножами. Хрюшка была извлечена на свет и подвергнута аутопсии, но не для определения причин смерти, а с целью извлечения жира.

Проверенная жизнью технология мыловарения не подвела. Свиное сало, щелок, вода из пруда, — из этой комбинации исходных элементов удалось изготовить вполне терпимое по качеству мыло, тошнотворный аромат которого разносился по всей округе в дни постирушек и помывок.

В середине 1946 года агенты МГБ установили место жительства Солоневичей — село Аппельбек, Холленштадский район, неподалеку от Гамбурга. Сотрудники ведомства были настолько загружены работой, что розыскное дело № 973 на Ивана Солоневича завели с большим запозданием — 6 февраля 1948 года! Оно находилось «в производстве» 4-го Управления МГБ. Фамилия Ивана Солоневича значилась также на 736-й странице алфавитного розыскного списка № 1 МГБ СССР. В годы войны Солоневич, отбывая ссылку в Померании, ни разу не попал «в поле зрения» НКВД и СМЕРШа. По-

этому в постановлении на заведение дела ему вменялись «старые дела»: организация штабс-капитанского движения, издание газеты «Голос России», участие в «созданном немцами «Русском национальном фронте».

В июле 1946 года Ивану Солоневичу пришлось лечь в больницу в Бухгольце. «У меня появилось нечто вроде ревматизма», — писал он, явно преуменьшая серьезность своей болезни. Больше, чем ревматизм, его беспокоили острые желудочные боли. Выбор больницы был определен тем, что туда перебрался из Винсена Эрнст Кюглер, тот самый, который излечил год назад Рут и Ингу. Кюглер хорошо знал русский язык, был знаком с основными произведениями своего пациента и, самое главное, был убежденным монархистом. Иван Солоневич получил в качестве «почетного гостя» отдельную палату и, по его словам, был подвергнут «самым современным методам лечения». Главной темой для общения была, конечно, монархическая. Кюглер ностальгически вспоминал о годах своей жизни в Российской империи, о великодушном «стиле правления русского самодержавия», причем о многих позитивных сторонах его, признавался писатель, особенно для малоразвитых окраин, «я не имел никакого представления».

Для Солоневича пребывание в больнице стало дополнительной возможностью для общения с «бывшими советскими», в том числе дезертирами. В своей статье «Вопрос о династии» Иван Лукьянович рассказал о том, как помогал им сочинять «новые биографии», чтобы избежать выдачи в СССР, и давал практические советы о том, как преодолеть трудности жизни на чужбине.

Эрнст Кюглер помог своему русскому другу и в другом: «организовал» ему операцию на глазах, чтобы спасти его от окончательной слепоты. Но подходящих очков долгое время достать не удавалось: послевоенная разруха!

Осенью 1946 года Иван ездил в Мюнхен для налаживания связи с Высшим монархическим советом. Город в то время был центральным пунктом сбора эмигрантов и местом предпочтительного базирования различного рода международных организаций, работающих с «ди-пи».

В ходе встречи с председателем Совета П.В. Скаржинским Солоневич договорился о предоставлении ему финансовой помощи для издания рукописи о том, «что именно свершалось в Германии — точнее в германской «восточной политике» за 1938—1945 года». Книга «страниц в 250» должна была выйти в свет к моменту отъезда Солоневичей из Германии. «Выпустить ее раньше, — вспоминал Иван Лукьянович, уже находясь в Аргентине, — было нельзя. Английские оккупационные власти, которые в ряде случаев оказали мне весьма существенную помощь, настойчиво предупреждали, чтобы я не писал решительно ничего: «Иначе нам было бы трудно отказать Советам в вашей выдаче». Валютная реформа (в западных оккупационных зонах) сорвала издательские планы Высшего монархического совета. В обозримое время эта книга никак не может выйти в свет»¹.

Что имел в виду Солоневич? Как понять это выражение «в обозримое время»? Многие «мотивы» этой неизданной работы Иван Солоневич использовал в первых номерах газеты «Наша страна», но при жизни автора она так и не была полностью опубликована. Лишь в 1956 году рукопись была издана Дубровским отдельной книгой под названием «Диктатура слоя». Судя по всему, Солоневич, а позднее и Дубровский, понимали, что издание подобной книги в Аргентине при правлении Хуана Перона было бы воспринято как прямой вызов. «Хустисиализм» Перона был аргентинской интерпретацией социализма, — а о «социализме» и в советском, и в нацистском варианте в «Диктатуре слоя» было сказано столько разяще-разоблачительного, что при желании — многое из этого можно было бы приложить к «хустисиализму».

В сентябре 1955 года Хуан Перон был свергнут, а вместе с ним и его «хустисиалистский строй». Главное препятствие к изданию «Диктатуры слоя» исчезло...

Солоневич внимательно присматривался к послевоенной деятельности Партии солидаристов (экс-«новопоколенцев», энтээсовцев), ее политической линии в отношении других организаций эмиграции. Из испытания войной солидаристы, казалось, вышли окрепшими, умудренными опытом «практи-

¹ «Наша страна», № 4, 30.10.1948.

ческой работы» на оккупированной территории СССР. Они сумели наладить деловые отношения с представителями западных властей, контролировали несколько лагерей с «ди-пийцами», что позволяло им ускоренными темпами пополнять свои ряды.

В лагерях солидаристов царили порядок и дисциплина. Солоневич писал в этой связи: «Осенью 1946 года я ехал из Мюнхена в Гамбург. В Мюнхене мои друзья снабдили меня такими сокровищами, как папиросы, шоколад, кофе, консервы и прочее, — время было очень голодное. По дороге я дня на три остановился в лагере Менхенгоф, находившемся под управлением солидаристов. Мои друзья из числа солидаристов дали мне комнату. Я попросил ключ, — в лагере было около трех тысяч всякой публики, и было бы рискованно оставлять мои сокровища не под замком. На мою просьбу о ключах мне ответили, что здесь — русский лагерь, и что здесь не воруют. Три дня мои сокровища лежали открытыми всяким вожделе-ниям, и за три дня не пропало ни одной папиросы»¹.

Писатель неизменно подчеркивал в своих статьях, что никакого личного мотива для вражды с солидаристами не имеет, постоянно напоминал о том, что в их рядах у него есть друзья. В частности, Солоневич писал: «В Гамбурге у меня был добрый приятель, — В.Д. Самарин², новый эмигрант, солидарист и редактор партийного (солидаристов) еженедельника «Путь». Милейшей души человек, глава настоящей русской семьи, радушной и гостеприимной — и, вообще, хороший человек. В смысле «русскости» и радушия — намного лучше многих самых старых эмигрантов».

И все-таки довольно скоро Иван пришел к выводу, что «энтээсовцы» действуют «предательски» по отношению к другим эмигрантским организациям, стараясь проникнуть в них, разложить изнутри, перетянуть к себе наиболее активных членов. Солоневич подкреплял свои выводы тем, что 15-й пункт довоенного устава НТСНП, — «принцип разложения», — так и не был отменен на съезде солидаристов, который прошел весной 1948 года под Франкфуртом.

¹ «Наша страна», № 3, 16.10.1948.

² В 1946—1948 гг.

Оказавшись позднее в Аргентине, Солоневич с возмущением вспоминал о поведении солидаристов в лагерях «ди-пи», где они «захватили всю полноту власти». Доставалось от них и монархистам. «Мне известен факт, — писал Солоневич, — когда в управляемом солидаристами лагере Фишбек в 25 километрах от Гамбурга, человек, предлагавший новым «ди-пи» монархическую литературу — кустарную и бедную, — был арестован и передан немецкой полиции по обвинению в коммунистической пропаганде»¹.

Под административным и политическим контролем НТС находились десятки тысяч людей, ожидавших решения своей судьбы. Солидаристы, по словам писателя, объявили себя «всей эмиграцией» и терроризировали «ди-пи» угрозами сорвать их выезд за границу. Иван Солоневич написал о том, что и его, «человека не робкого десятка» затронула эта политика «энтеэсовцев», ведь «я жил в зоне солидаристской оккупации (у Гамбурга), и солидаристы заявляли: меня-то уж они не выпустят!» И мне пришлось уехать, так сказать, потихоньку»².

Весной 1947 года Солоневичи стали готовиться к отъезду из Германии. Во время странствий по дорогам Германии планы переезда в Америку обсуждались не раз. Первую попытку оформления эмиграционных документов они предприняли еще в начале 1940 года. Но война смешала все карты. От тех документов вряд ли что сохранилось: сгорели вместе с американским консульством после бомбежки. Теперь — вторая попытка, и Иван надеялся, что все необходимые процедуры будут пройдены быстро. Надо было только восстановить связь с друзьями в Соединенных Штатах.

Иван еще не знал своего «конечного адреса», но прежде всего побеспокоился о вывозе за рубеж своих рукописей. Это дело он поручил энтеэсовцу А. Тенсону, приятелю Юрия. Как впоследствии констатировал Солоневич, рукописи «пропали, так и не были переброшены никуда... Они пропали бесследно, — что было бы очень большой неприятностью, если бы у меня не остались их копии»³.

¹ «Наша страна», № 7, 11.12.1948.

² «Наша страна», № 5, 13.11.1948.

³ См.: «Суд Е. Мамукова» // «Наша страна», № 19, 28.05.1949.

Первая послевоенная публикация, в которой сообщалось о судьбе бывшего вождя «штабс-капитанов», появилось в издававшейся в США газете «Русская жизнь» от 20 мая 1947 года. Статья была напечатана под заголовком «Писатель Иван Солоневич спасся (из его письма друзьям в Калифорнию)». Конечно, это был пробный сигнал, попытка «всплыть на поверхность», проверка реакции «своих и чужих»:

«После перерыва в несколько лет я, наконец, имею возможность сообщить о своем существовании. Это я делаю несколько на авось: сквозь мытарства последних лет я спас, кроме оптимизма, — сына, его жену и моего внучонка, «престарелую и многострадальную» пишущую машинку, — мои новые рукописи и ряд адресов моих бывших друзей. Возможно, что в эти адреса вкралась ошибка. Возможно также, что за эти страшные годы Ваши интересы и симпатии подверглись некоторому пересмотру. Очень много «людей ухитрились «бердязезироваться», сменить свои вехи, сжечь старых богов и отправиться на поклон всяким новым. Это старое традиционное и привычное занятие, всосанное российской интеллигенцией с млеком всех философских ослиц истории. Если такого сорта превращение произошло и с Вами — прошу считать мое письмо недействительным».

Судя по тональности письма, Солоневич не слишком верил, что его встретят «литаврами и фанфарами»:

«Около года тому назад, после разрешения переписки с заграницей, я обратился к некоторым людям в Нью-Йорке, имена которых я пока не хочу называть. Я получил восторженный ответ и кучу обещаний: посылки, одежда, визы. Я никому больше не писал. Прошел год. Мы так же наги, голодны и «безвизны», как и раньше. Полагаю, что я здесь столкнулся просто с хлестаковщиной. Но не исключается и худшее. Приходится начинать все сначала».

В этом письме несколько раз упоминается о голодной «дипийской жизни»: «Вот я, писатель с почти мировой известностью — мои книги как-никак появились на 17 языках, — не так давно атаковал в поле ястреба, отбил у него остатки недоеденного кролика, мы их сварили и съели: ну, чем не Питкантропия?!»

Этот «сюжет» в развернутой форме Солоневич использовал позднее в книге «Диктатура импотентов». С шокирующей откровенностью он коснется темы лишений и голода, с которой «дипийцы» повседневно сталкивались в оккупированной Германии. Вот фрагмент из книги:

«Совсем недавно, в марте 1947 — (сорок седьмого!) года я очень хотел есть. Не в первый раз и не я один: так же хотели есть мой сын, его жена и мой внук. И есть было нечего: очередная посылка от наследников Нэтти Бумпо нам, наследникам Гегеля, где-то застряла по дороге... Мои репортерские глаза заметили огромную хищную птицу, что-то доедающую, а мои футбольные ноги понесли меня к ней. Это было что-то вроде морского орла, и доедал он — без карточек — какого-то кролика. Орел был огромен. Он расправил свои самолетные крылья и встретил меня угрожающим клекотом. Я сгреб основательный сук: дело шло о *struggle for life* — о *пище*. Так мы стояли оба: писатель и птица. Я сделал несколько шагов вперед. Птица еще выше подняла свою орлиную голову. Я снял пальто, обернул его вокруг левой руки, как плащ тореадора, и стал наступать. Птица заклекотала еще раз — потом, видимо, признав мое культурное превосходство — взмахнула крыльями и улетела. На земле оказались задние ноги кролика, остальное птица уже успела съесть. Я эти остатки поднял. Мы их сжарили и съели. Ну, — чем не Питекантропия?»¹

Статья «Иван Солоневич спасся» заканчивается драматическим прогнозом:

«А пока что — отвратительно до предела. И не только потому, что есть нечего, а еще и потому, что остатки т.н. христианской морали в Европе (если она здесь когда-либо вообще существовала) еще более гнусны, чем останки кролика. Если сегодня Сэми и Томми отсюда уйдет, то сегодня же вечером начнется всеобщая резня — все будут резать всех. Но и все буду резать нас: как классовых, расовых и проч. чужаков».

Нужно ли говорить, что статья «Иван Солоневич спасся» была «замечена» сотрудниками советской резидентуры, действовавшей в тот период в Сан-Франциско. Информация об «откровениях» «известного антисоветчика» ушла в Москву на Лубянку в дипломатической вализе.

¹ Солоневич И. Диктатура импотентов. С. 25—26.

Летом 1947 года лагерь Хайденау возглавил новый начальник м-р Левин, «свежеимпортированный из Англии». Отношения Солоневича с ним не сложились. В книге «Диктатура импотентов» есть пассажи, которые прямо указывают на то, что у писателя не раз чесались руки, чтобы «дать м-ру Левину по физиономии». Останавливало Ивана только то, что в качестве «ди-пи» он был очень уязвим. Конфликт, в конечном счете, мог привести к его «показательной» высылке в Советский Союз, чтобы другим бунтарям неповадно было оспаривать решения начальства. Особенно раздражало Солоневича то, что Левин, «бывший невзрачный писец на задворках какой-нибудь конторы», с бюрократическим упрямством пытался «вернуть» его в барак: мол, отныне никаких послаблений в режиме для всех «приписанных» к лагерю не будет!

Борьба завязалась нешуточная, но все бюрократические «крючки» Левина Солоневич преодолевал с помощью документов, справок и разрешений военного управления оккупационной зоны. А если таковых не оказывалось, то писатель «вооружался» подложными документами, например, для деловых поездок в другие районы Германии. Бывали и другие житейские сложности, преодолеть которые традиционным способом было бы трудно.

Тем временем семейный «клан» Солоневичей пополнился еще одним членом — малышкой Улитой. Для подтверждения «права на паек» девочку нужно было еженедельно «показывать» лагерному начальству: жива или нет, не получают ли эти хитрые «ди-пи» питание на «мертвую душу». Для Солоневичей с их опытом преодоления бюрократических сетей проблем с этим не было:

«От нас до лагеря 15 километров проселочной дороги. Авто, понятно, у нас нет. Возить новорожденного ребенка на вело или на чем попадая никакой возможности нет. Сын арендует на час-полтора соответствующего ребенка в одном из немецких семейств в Хайденау и демонстрирует его любвеобильной администрации: вот, видите, жива».

Были просветы и «на фронте» борьбы с голодом. Из Соединенных Штатов стали поступать продовольственные посылки от Марины Сергеевны Кингстон и Александра Федоровича Ключкина. Они же взяли на свое «обеспечение» се-

мейство Левашовых-Дубровских. И Солоневичи, и Дубровские считали, что именно эти посылки спасли их от полуголодного существования в первые послевоенные годы.

Через Международную организацию помощи беженцам — IRO, — Иван Солоневич, после долгих, временами унижительных хлопот получил на всю семью визы в Аргентину. Рутика из-за замужества на «владельце» нансеновского паспорта утратила свое немецкое подданство и была вынуждена переоформлять свои документы. Это задержало ее выезд из Германии на несколько месяцев.

Как бы хорошо ни жилось Солоневичам в спокойном Апельбеке, пришлось снова собираться в дорогу. Они щедро заплатили водителю грузовика, чтобы без проблем добраться до Фаллингсбостеля, откуда отправлялись за океан «дипийцы», которым повезло с поисками новой родины. Фаллингсбостель был жутким местом: при нацистах вокруг городка действовали концентрационные лагеря для советских военнопленных. Неухоженные кладбища, заросшие лебедой и крапивой, с тысячами безымянных могил были страшным напоминанием о недавней войне.

Тягостные дни мая 1948 года Солоневичи провели в «дипийском» лагере: нескончаемые ряды огромных солдатских казарм, переполненных измученными, жаждущими перемен людьми. Было сыро, голодно и по ночам холодно. Сырость увлажняла табак, и это больше всего огорчало Ивана. Без курения он всегда нервничал. А тут снова анкеты, бесконечные комиссии — и полная неизвестность о том, что «готовит грядущий день». Среди тех, кто ожидал отправки, было несколько еврейских семейств. Несмотря на новые времена и особую предупредительность оккупационных властей, они боялись оставаться в Европе.

Юра сутками бился в невероятно длинных очередях, чтобы добыть билеты на поезд до французского города Канны. Именно оттуда им предстояло отправиться в далекую Аргентину. Но конкурентов было много, казалось, что все жители Европы спешили покинуть свой континент, словно предчувствуя новые беды, войны и катастрофы. Особенно много говорили о «советской угрозе», агрессивных планах Сталина.

Наконец, усилия Юры принесли успех: с помощью все того же IRO он получил билеты на поезд. И Солоневичей не огорчило, что все билеты были «стоячие»: только бы скорее выбраться из Питекантропии!

Канны стали их последней остановкой в Европе перед отбытием в Южную Америку. С вокзала семейство прямиком направилось в уютный отель на берегу моря, вызвав переполох своим внешним видом у его обитателей. После мучительной ночи в забитом до предела составе, в антисанитарных условиях, среди десятков таких же несчастных «клиентов IRO», отстаивавших свое право на лишние сантиметры пространства в тесном вагонном коридоре, Солоневичи выглядели не лучшим образом.

Они с честью выдержали это последнее испытание перед броском за океан, гордо продефилировав мимо курортников: с растрепанными волосами, в грязной одежде, с пожитками, перевязанными веревками, источая «запах странствий», который ничем не напоминал аромата «Шанели». После водных процедур и тотальной стирки одежды Солоневичи в предвечерний час вышли на берег, чтобы насладиться покоем, мягким средиземноморским ветерком, неторопливым шорохом прибоя. Сонное мерцание городских огней успокаивало, возвращало надежды на счастливое будущее «подальше» от разрушенной враждебной Европы, в которой для Солоневичей не было ни своей крыши над головой, ни перспектив, ни гарантий безопасности.

И вот Европа позади! Они на пароходе, а вокруг — бескрайние воды океана. Существует два описания этого рейса через Атлантику. Одно принадлежит перу Инги, второе — Ивана Солоневича.

Для Инги путешествие было полно поэзии и отдохновения: «Как необычна эта ленивая жизнь, это сидение в шезлонге, как приятно смотреть через сверкающий, наполненный солнцем океан в сторону горизонта, который таит секреты нашего будущего... Пища была сытной и хорошей, несмотря на то, что состояла она в основном из французского хлеба, красного вина и макарон, то есть того, что любил Юра...

Один ленивый день следовал за другим, словно волны в безбрежном море. Наконец, я почувствовала запах земли — учуяла новый мир прежде, чем увидела его, — странный экзотический аромат орхидей, пряностей и вулканической пемзы. А вот и знаменитая «Сахарная голова» Рио в отблесках солнечного заката!»¹

По мнению Ивана, рейс выдался на редкость тяжелым. Солоневич описал его без каких-либо намеков на романтику дальних путешествий: «Мы ехали на итальянском пароходе. Перманентные макароны на гнилом жиру привели наше пищеварение в такое состояние, от которого мы не можем отделаться до сих пор. Десятка четыре писем, отправленных с парохода воздушной почтой, не пришли никуда. Денег у нас не было ни копейки»².

Во время плавания у Ивана было достаточно времени для размышлений о жизни. Предлог был подходящий: трагическое прошлое было отрезано Атлантикой, будет ли более счастливым новый этап его судьбы? О своих нерадостных выводах Иван Солоневич написал в книге «Диктатура импотентов»:

«За революционные тридцать лет (в СССР и Германии. — *Н.Н.*) я перепробовал профессии: кооператора, инструктора спорта, профессионального грузчика, профессионального рыбака, циркового атлета, фоторепортера, варил мыло из дохлого скота и питался морскими улитками. Раза два-три пробовал заниматься так называемой спекуляцией, но из этого ничего не вышло. Сидел в советском концентрационном лагере и попал в германскую ссылку. Голодал много и сильно. Опытом тридцати лет революционной жизни в социалистическом СССР и в национал-социалистическом Третьем рейхе может похвастаться не всякий. Если бы меня сейчас спросили, что есть самого характерного во всем этом опыте, я бы ответил: чувство унижения»³.

Удастся ли ему прожить без этого чувства в Аргентине?

¹ *Solonevich Inga. The Long Trek to Solola. P. 140.*

² «Наша страна», № 8, 25.12.1948.

³ *Солоневич И. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Новосибирск: 1994. С. 23—24.*

Убежище в Аргентине

На землю Аргентины семья Солоневичей сошла по гулкому металлическому трапу парохода «Brazil» 29 июля 1948 года. Их пожитки — несколько потрепанных чемоданов и картонных коробок — затерялись в глубоких трюмах (позже Юра отыскал их, потратив на это несколько дней). Вместе с другими «европейцами», мечтающими обрести, наконец, надежное жизненное пристанище, Солоневичи поехали на неповоротливых темно-зеленых автобусах в Дом иммигрантов. Довоенный представитель «Голоса России» в Буэнос-Айресе, — Киселевский, — на поддержку которого так рассчитывал Иван, в порту не появился. Глядя из окон автобуса на бесконечные причалы и корпуса пароходов с экзотическими названиями, отец и сын озабоченно обсуждали неприятную ситуацию. В первые дни пребывания в незнакомой стране очень не помешали бы дружеский совет и помощь, в том числе в виде крышки над головой.

Ощущение неопределенности длилось недолго. У входа в Иммиграционное управление их ждали двое приземистых загорелых мужчин. По их скромному внешнему виду и мозолистым рукам было заметно, что зарабатывают они на жизнь физическим трудом. Оказалось, что в прошлом они были членами «штабс-капитанского» движения. Узнав о прибытии своего идейного вождя, решили поприветствовать его и предложить помощь. Надо ли говорить, что их предложение было с благодарностью принято.

Инга оставила описание тех условий, в которых им пришлось жить первые месяцы:

«Бедные, но добросердечные старожилы предоставили нам одну из двух своих комнатушек в Буэнос-Айресе, а также кухню во дворе, котел и два мешка, набитых шерстью, которые, брошенные на ледяной кирпичный пол, служили нам матрасами. В том многострадальном котле я вначале кипятила пеленки (Улиты), затем варила суп и в заключение грела воду для чая. Иногда, когда начинал дуть ветер из Патагонии, нам было холоднее, чем в Финляндии... Наш багаж еще не был найден. И мы ходили в летней одежде, той самой, в которой

в июле стартовали (из Европы). Но дело в том, что в Аргентине это — зимний месяц»¹.

«Старожилы» поддержали Ивана в главном, в его издательской деятельности. Он вспоминал: «За четыре месяца наши штабс-капитаны, до сих пор мне неизвестные, набрали денег для газеты, окружили нас всех истинно трогательными заботами»².

В течение трех дней Иван с помощью вновь приобретенных друзей оформил все необходимые бумаги для легализации пребывания семьи в стране. По их же совету побывал на «калье Брасиль», где находился Свято-Троицкий храм, чтобы познакомиться с его настоятелем отцом Константином³. Солоневич знал, что благодаря неустанным хлопотам Константина Изразцова правительство Аргентины широко распахнуло двери страны для русских «дипийцев». Отозвавшись на просьбы отца Константина, президент Хуан Доминго Перон подписал указ о допуске 10 тысяч бывших советских граждан в Аргентину. Однако Изразцов на этом не остановился и через американский Красный Крест продолжил работу по организации официальных приглашений русским перемещенным лицам из Европы в страны Южной Америки.

Получасовая беседа с престарелым священником (сморщенное лицо, седая борода, заметно дрожащие руки) оставила у Солоневича двойственное впечатление. С одной стороны — неторопливые расспросы о его планах жизнеустройства в стране и печатании газеты (Изразцова уже оповестили об издательских планах Ивана), с другой — подчеркнутое от-

¹ *Solonevich Inga. The Long Trek to Solola. P. 141.*

² «Наша страна», № 8, 25.12.1948.

³ *Изразцов* Константин Гаврилович (1865—1953), род. в с. Задорье Тверской губернии в семье священника. Учился в семинарии, затем в Петербургской Духовной академии. Был удостоен степени кандидата богословия. По ходатайству МИД весной 1881 г. был направлен настоятелем Русской Православной Церкви в Буэнос-Айресе. Проект Изразцова о строительстве русского православного храма в Аргентине был поддержан Николаем II. На собранные в России пожертвования был возведен Свято-Троицкий храм (освящен 23 сентября 1901 г.). После Октябрьской революции о. Константин перешел в подчинение Архиерейскому Синоду РПЦ за границей, став непримиримым врагом большевиков. К. Изразцов погребен в Свято-Троицком храме по особому разрешению Хуана Перона.

существование эмоций и соблюдение дистанции. Лишь иногда, когда Солоневич упоминал о сложных эпизодах своей жизни в Советском Союзе и «трениях» с нацистским режимом по поводу будущего России, в глазах батюшки возникал отблеск живого интереса. Из реплик Изразцова было понятно, что священник не примирился с «победой Сталина» в войне, которая, по его словам, только продлит страдания русского народа под «гнетом коммунистов».

Ивану довелось услышать об Изразцове разные мнения. Кто-то превозносил его («он спас меня и семью»), кто-то напомнил о фактах категорического отказа батюшки ходатайствовать за тех «дипийцев», которые были «сомнительны» по своим связям с Советами. Изразцов не доверял «религиозным послаблениям» военных лет в СССР, называл их «фикцией», временной уступкой чувствам верующих, чтобы «организовать» их на общенародную борьбу с Гитлером. Юра, учивший испанский язык по затрепанному учебнику начала века и подшивкам газет, обнаружил в них несколько интервью Изразцова, в которых священник не скрывал надежд на победу Третьего рейха. В принципе, он был сторонником той пораженческой позиции, которая преобладала в эмиграции: пусть немцы побьют большевиков, а «разобраться» с немцами потом мы как-нибудь сумеем.

Едва освоившись в Буэнос-Айресе, Иван взялся за налаживание газеты. Он пробивал лицензию, писал впрок статьи для первого номера, изучал «рынок» русскоязычных газет, которых в стране было шесть! Нанес еще один «принципиально важный» визит — к «ветерану» русской прессы в Аргентине Сергею Ивановичу Стабрану, который приехал в страну в 1929 году из Латвии.

К деятельности этого «ведущего издателя» «русского Буэнос-Айреса» присматривалось советское посольство. В справке о нем, составленной дипломатами в 1949 году, в частности, отмечалось:

«С. И. Стабран окончил московское коммерческое училище. Был добровольцем во время Первой мировой войны, дослужился до чина прапорщика. Во время революции состоял в эсеровской организации Бориса Савинкова, принимал уча-

стие в Ярославском мятеже. Был арестован, но во время пересылки бежал из-под конвоя, вырвав винтовку у сопровождавшего его красноармейца. По рассказам самого Стапрана, одного из конвоиров он убил. После этого Стапран скрывался в Латвии, недолгое время был даже членом правительства, но из-за «раздора» с президентом Ульманисом от полномочий отказался. В Риге издал книгу воспоминаний «От мрака России к солнцу Латвии». После приезда в Буэнос-Айрес основал газету «Русский в Аргентине». Первоначально она была резко антисоветской, ориентированной на РОВС (филиал его был создан в Буэнос-Айресе в 1931 году). Эмигранты часто называли газету «Восстание в Сибири», поскольку Стапран на все лады повторял клеветнические слухи о Советской России. Примерно с 38—39 годов, то есть перед войной, газета изменила свой курс, стала более дружественной СССР. С 41 года она заняла просоветскую позицию.

Органом русской колонии газету назвать нельзя. Она часто меняла направления в зависимости от интересов Стапрана, который руководствуется только личной выгодой. Интересы к политическому объединению белой колонии он не проявлял, занимал самостоятельную позицию, не желая превращать газету в орган какой-либо организации. Было время, когда он даже препятствовал созданию других газет, скупая русский типографский шрифт. Самым близким его сотрудником является белоэмигрант Григорьев¹, автор большинства передовых статей. По прежней профессии он — адвокат. Некоторое время Григорьев работал штатным сотрудником «Сексьон эспесиаль», департамента полиции по борьбе с коммунизмом. Его «специальностью» были контрольные посещения собраний украинских, белорусских и русских эмигрантов.

Основной доход Стапрану приносит не газета, а клиника «Суипачи», совладельцем и администратором которой он является».

¹ Григорьев Дмитрий Иванович (1889—1966) — участник мировой и Гражданской войн. Окончил русский юридический факультет Пражского университета, затем межевой факультет Карловского университета. В Аргентине — с 1930 г. Работал землемером, затем переводчиком в суде (он свободно владел десятью языками). В газете «Русский в Аргентине» вел обзоры международных событий.

О Солоневиче Стапран был наслышан, имел в своей библиотеке книги «Россия в концлагере» и «Памир», о которых отозвался с похвалой: «Написано кровью сердца, веришь каждому слову».

Стапран угостил Ивана местным «чайком» — йерба-мате, заварив его в серебряном сосуде «для почетных гостей», и дал дельные советы по процедуре оформления лицензии на издание газеты. Он обещал позвонить «кому надо» для облегчения дела (действительно, позвонил!), дал адрес поставщика «относительно недорогой» газетной бумаги (дефицитной в то время), предупредил о «повышенном градусе патриотизма» аргентинских властей и посему рекомендовал воздержаться от какой-либо критики на «местные темы».

Пожимая при прощании руку Солоневича, Стапран сказал: «Новую газету в Буэнос-Айресе, да еще русскую, можно поставить только большой кровью. Здоровья вам, кажется, не занимать, справитесь. Но рынок платных объявлений здесь очень ограничен, тут мы будем весьма и весьма конкурировать, предупреждаю заранее».

Иван только улыбнулся: о рынке платных объявлений он не думал совсем. «Наша страна» будет политическим, а не коммерческим изданием...

Солоневича беспокоило, что за время, прошедшее с 1941 года, он как бы пропал для эмиграции, оказавшись вначале в ссылке, а затем в оккупационной зоне: «Сказать то, что я считал правдой, — было нельзя, а говорить то, что я не считал правдой, — я не хотел». Семь лет вынужденного молчания — это большой срок. Не забыли ли его? Перспектива возвращения в эмигрантскую публицистику вдохновляла Солоневича. Инга вспоминала: «Ва (Иван) смог заниматься газетой, и знакомый стрекот его пишущей машинки, который неизменно сопровождал нас во всех наших приключениях, заполнил пустоту долгого молчания»¹.

Юрий помогал отцу в его каторжной работе всем, чем мог. Чтобы лучше освоиться в Аргентине, он в ускоренном темпе выучил испанский язык, седьмой по счету в его «лингвистическом багаже». В поисках заработка Юра делал все: красил

¹ *Solonevich Inga. The Long Trek to Solola. P. 142.*

стены домов, расписывал вместе с Ингой кафельные плитки «местными сюжетами» с конными гаучо для продажи туристам, не гнушался работой грузчика. Он обивал пороги изданий, которые находились под финансовым и политическим контролем Эвиты — обворожительной жены президента Перона, — предлагая карикатуры «политического содержания», как правило, — со Сталиным в качестве главного героя. Одну из этих карикатур широко воспроизвела не только аргентинская, но и мировая пресса: голова Сталина высовывается из танкового люка, вот-вот начнется марш-бросок в сторону Ла-Манша. За спиной Генералиссимуса — зловещая тень Гитлера, протягивающая ему пузырек с цианистым калием: «Возьми, пригодится!».

Настойчивость Юры принесла плоды: его пригласили художником в официозный (и потому денежный) журнал «Аргентина», который начали издавать по инициативе Эвиты в рекламно-пропагандистских целях.

Первый номер «Нашей страны» дался Ивану действительно большой кровью. Газета вышла в свет 18 сентября 1948 года, через полтора месяца после прибытия Солоневичей в Аргентину. В числе первых поздравил Ивана «с премьерой газеты» Стапран:

«Спасибо за присланный номер. Прочел на одном дыхании. А корректора своего гоните прочь! Никуда не годен!».

Иван, усмехнувшись, вздохнул: корректурой в страшной спешке занимались они с Юрой. До каких-то статей просто не дошли руки.

Вспоминая о «каторге» первых месяцев издания «Нашей страны», Иван писал:

«Так, как мы работали эти месяцы, — мы не работали даже и в концлагере ББК... Наша «организация» оказалась форменным скандалом: люди, на поддержку которых мы — «по организационной схеме» — могли бы рассчитывать, на чисто умыли руки... Люди, которые ни в какие «организационные схемы» не входили, нас кормят, поят и даже снабдили меня шляпой. Они же дали деньги на издание, по крайней мере, первых номеров».

Чтобы газета выходила регулярно, Солоневич забывал обо всем, просиживая дни и ночи за письменным столом. Слож-

ности встречались на каждом шагу. Больше всего он был доволен технической стороной издания газеты. В типографии не слишком старались, видимо, считая «Нашу страну» провальным делом, типичной эмигрантской газетой-однодневкой. В редакции не было минимально необходимой справочной литературы, в том числе орфографического словаря. Не было ни одного экземпляра собственных книг Солоневича! Перед тем как покинуть Германию он пытался «разжиться» хоть чем-то из своего «литературного наследия», но без успеха:

«В американском, английском и французском издательствах был, оказывается, распродан весь тираж («России в концлагере»). Немецкое издание было запрещено гитлеровским правительством, и очередные сто тысяч в продажу допущены не были — и попали в Лейпциге советчикам, а союзники конфисковали все книги И.Л.С. даже из немецких библиотек — как «вызывающие вражду между союзниками» — САСШ и др., с одной стороны, и СССР — с другой»¹.

За воссоздание «справочной полки», библиотеки и архива взялся предприимчивый Юра. Он выпрашивал книги, брал их «взаймы», покупал и охотно принимал в дар довоенные издания трудов отца, «Белой Библиотеки», подшивки «Голоса России», «Нашей газеты», «Родины» и другие материалы.

В первом номере газеты Иван подвел итоги «европейского этапа» своей литературно-публицистической деятельности. Ему хотелось поделиться с читателями своим опытом и переживаниями, с предельной откровенностью рассказать о тех испытаниях, через которые ему, как и другим «дипийцам», пришлось пройти. Но не это было главным. Вдохнуть надежду в деморализованные души «дипийцев», прибывших и продолжающих прибывать в Аргентину и другие страны Латинской Америки, США и Канады, — вот что он считал своей первоочередной задачей.

Иван понимал, что «штабс-капитанское движение» осталось в прошлом. Перспектива, которую Солоневич прежде рисовал для него, — со всей очевидностью провалилась. «Служилый слой» не дождался своего «часа Икс». Он не был востребован Россией и русским народом. Надежд на это оставалось все меньше. После Второй мировой войны Совет-

¹ «Наша страна», № 26, 3.09.1949.

ский Союз распространил свое влияние на Восточную Европу. Многие члены «берлог» и более половины подписчиков «Голоса России» оказались за «железным занавесом». Следовательно, надо было искать другую перспективу и создавать несколько другое движение, сохраняющее все ценное, что было в его идеологических установках, разработанных для «штабс-капитанов». Солоневич был уверен в одном: народно-монархическая идея не потеряла значимости для русской эмиграции первой волны и обязательно приобретет сторонников среди второй...

Из «пепла и руин» недавних потерь, катастроф и поражений возникла концепция новой газеты для новой эпохи, была обозначена ее ориентация и соответствующая ей редакционная политика. Среди задач, поставленных Иваном перед «Нашей страной», была одна неизменная для всей его издательско-публицистической деятельности: борьба за возрождение и развитие национально-государственной традиции, за внедрение в эмигрантскую массу идеалов народной монархии.

Четкое определение целей, считал Солоневич, поможет реальному объединению сознательной части эмиграции, эффективности ее совместной политической работы. Враг оставался прежним: коммунистический режим в России. Главными проблемами современности, по мнению писателя, были следующие: противостояние капиталистического и народно-демократического «лагерей», возрастающая угроза атомной войны, экспансионизм сталинской империи и «неоправданная беззубость» Соединенных Штатов перед лицом «коммунистической угрозы».

Иван начинал дело без авторского коллектива, большая часть материалов в первых номерах принадлежала его перу. Но это не было ему в тягость, он истосковался по общению с читателями: и со штабс-капитанами, и с недавними «подсоветскими» гражданами, заброшенными на чужбину. Опытный журналист понимал, что ему предстоит нелегкая задача завоевания душ и сердец «второй волны» эмиграции, но не собирался «играть с нею в поддавки», отказываться хотя бы от малой части своих выстраданных убеждений. Иван был уверен, что идея народной монархии будет с сочувствием и пониманием воспринята этими дезориентированными, обездоленными, отторгнутыми Советским Союзом людьми.

Для тех, кто после многолетнего перерыва раскрыл «газету Солоневича», встреча стала настоящим праздником. Их властитель дум остался прежним: за годы вынужденного молчания его темперамент бойца-публициста не выдохся, не обеззубел, не утратил эмоциональности и той запредельной искренности, которая помогала Солоневичу приобретать друзей даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Его публицистический талант приобрел высшую зрелость, отточенность, внутреннюю завершенность.

В первых номерах «Нашей страны» Солоневич обещал читателям рассказать о своих встречах и беседах с генералом Власовым. Кроме того, Иван уведомлял: «Газета планирует начать серию публикаций-свидетельств о трагическом пути Русской Освободительной армии под командой ген. А.А. Власова — изучение истории власовского движения имеет для нас совершенно реальное практическое значение»¹.

По мнению Солоневича, «всю власовскую акцию» после попадания Власова в немецкий плен можно оценивать с трех точек зрения: первая — генерал является предателем; вторая — генерал есть герой; третья — он жертва катастрофически сложившихся обстоятельств. Последняя оценка представлялась Ивану наиболее верной. Иван считал первопричиной трагических провалов планов Власова по организации борьбы с коммунистическим режимом его незнание реалий нацистской Германии («ген. Власов не имел о ней решительно никакого представления»). Отсюда провальные результаты его деятельности в 1942—1945 гг. Его расчеты на немцев, на массовый переход красных частей, на поддержку западных союзников и эмиграции не оправдались.

Анализируя в статье «Акция генерала Власова» иллюзорность планов бывшего советского военачальника, Солоневич дал понять, что в личных беседах с генералом он пытался доказать ему, что его политическая и военная «роль была заранее и заведомо *безнадежной*» в условиях столкновения «чудовищных мировых сил» — Германии и России, национал-социализма и коммунизма, непримиримости мировых appetitов германской бюрократии и таких же appetitов советской, мо-

¹ «Наша страна», № 2, 2.11.1948.

гучего инстинкта защиты родины. По заключению Солоневича, «в этом чудовищном переплете инстинктов, традиций, интересов и вожделений — о которых он, Власов, кроме того и понятия не имел», случилось то, что случилось: «Генерал Власов пал жертвой собственных иллюзий»¹.

Обещания о публикации записей бесед с Власовым Солоневич, однако, не выполнил. Лишь однажды, через десять месяцев после «заявки», он вновь упомянул в газете о встрече с командующим РОА и разговоре с ним на тему распространности монархических взглядов среди граждан Советского Союза. Писатель настаивал на том, что тяга к монархизму огромная. Власов был настроен скептически:

«Поверьте мне, Иван Лукьянович, в СССР я встретил только одного монархиста — это был мой отец».

На это Солоневич ответил:

«А не потому ли, что только ваш отец рискнул вам в этом признаться?»²

Можно только догадываться о причинах, побудивших Солоневича отказаться от публикации записей бесед с Власовым. Воспоминаний о генерале появлялось все больше, в них самым подробным образом, день за днем, раскрывалась сложная, противоречивая, часто конфликтивная, история его отношений с немцами. Не исключено, что на этом изобильном фоне литературы, посвященной Власову, собственные воспоминания казались Солоневичу не столь захватывающими и оригинальными. Вполне возможно, что определенную (сдерживающую) роль сыграло прибытие в Аргентину высокопоставленного «дипийца» — генерала Б. Смысловского-Хольмстона³. В годы войны он встречался с Власовым по вопросам

¹ «Наша страна», № 2, 2.11.1948.

² «Наша страна», № 21, 25.06.1949.

³ Смысловский Борис Александрович (род. в 1898 в Москве — умер в 1988 г. в г. Вадуц, Лихтенштейн). Из дворянской семьи, отец — офицер царской армии. Во время Первой мировой войны Б. Смысловский получил первое офицерское звание. Участник Гражданской войны на стороне белых на юге России, с 1920 г. — в эмиграции, в Польше. Работал в Красном Кресте, позднее — в нотариальной конторе. Поддерживал связи с представителями немецких военных кругов, благодаря чему добился права на поступление в академию германского генштаба. По некоторым данным, с 1938 г. — сотрудник абвера.

организации русских частей в Германии, знал досконально его предысторию, обстоятельства пленения немцами, мог с исчерпывающей полнотой поведать о трансформации бывшего советского генерала в командующего Российской Освободительной армией.

Впрочем, Смысловский вскоре так и сделал, опубликовав в газете «Суворовец» серию статей «Личные воспоминания о генерале Власове»¹.

Постепенно отлаживалась сеть распространения «Нашей страны». В Буэнос-Айресе каждый русский знал, что в розницу газета продается в киоске г-на Вербицкого на Облигадо, 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич, на улице Леандро Алем, 1140, или у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте, Леандро Алем и Сармьенто. Один номер стоил одно песо.

Рассылкой газеты («постановкой экспедиции») занимался Юрий. Большим подспорьем в этом деле явились «чудом спасенные адреса 3 тысяч подписчиков «Голоса России». Три года назад отгремели последние выстрелы мировой войны, и, конечно, судьба большинства подписчиков была покрыта мраком и туманом. Поэтому несколько месяцев газета рассылалась, буквально, «на авось»². Запечатанные в пакеты номера уходили с почтамта в неизвестность: на адреса в Аргентине, Бразилии, других странах Южной Америки, в Соединенных Штатах и Западной Европе.

Рентабельность газеты была почти никакой («издание «Нашей страны» не предназначено для хорошей жизни»), но Иван Солоневич, чтобы обеспечить более благоприятные условия для работы, решил рискнуть: вся «команда», — включая Юрия, Ингу, внуков Михаила и Улиту, — переехала в местечко Дель-Висо в 40 километрах от столицы. На кинте «El Misterio» («Тайна») царили блаженная тишина и, по словам Юрия, «полный семейный суверенитет». Одноэтажный дом в «испанском стиле» с белыми стенами и черепичной крышей был окружен большим парком, в котором росли сосны и пальмы, но преобладали эвкалиптовые деревья, терпкий аро-

¹ В № 30(45) — 38(53), август — октябрь 1949 г.

² «Наша страна», № 3, 16.10.1948.

мат которых распространялся на всю округу. Вокруг этого зеленого оазиса простиралась бескрайняя, плоская, как письменный стол, аргентинская степь — пампа. От кинты до железнодорожной станции можно было добраться пешком минут за пятнадцать, что позволяло поддерживать оперативное сообщение с Буэнос-Айресом.

После европейских испытаний Солоневичи удивлялись тому, что в Аргентине не было воровства. Дом, который они арендовали в Дель-Висо, имел три двери «на улицу» и ни одного надежного замка. Хозяин кинты, американец, обитавший по соседству, успокоил их, сказав, что за долгие годы жизни в местечке ни разу не слышал о том, «чтобы кто-то что-то украл: так здесь не бывает». Непривычными для Солоневичей были проявления соседской солидарности «по собственной инициативе». Один из жителей Дель-Висо помог Юрию подвезти баллон с газом на подводе и «чрезвычайно обиделся», когда тот предложил ему несколько песо за услугу. Многодетная соседка, у которой были куры, регулярно одаривала Солоневичей яйцами, но от денег отказывалась: «Яйца — бесплатные, я их не покупала».

В Дель-Висо семья Солоневичей нашла все условия для продуктивной работы. «Патриархальная, добродушная и примитивная» жизнь провинции особенно пришлась по сердцу Ивану Солоневичу. «После Европы как-то особенно приятно встретить просто человеческие отношения, — писал он, — в Европе мы от них слегка отвыкли. Люди не смотрят на вас, как на ходячий источник прибавочной стоимости. Или как на человека, на эту прибавочную стоимость покушающегося. Словом, «телец золотой» слопал еще не все»¹.

В конце октября 1948 года до Буэнос-Айреса добрались Всеволод Левашов-Дубровский и его жена Татьяна.

Они попали в мощные объятия Солоневича, который отыскал их в переполненном Иммиграционном доме. Если Татьяне после долгих странствий как-то удавалось сохранять «презентабельный» (по «дипийским понятиям») внешний вид, то Левашов выглядел более чем экзотично: на нем были дам-

¹ «Наша страна», № 3, 16.10.1948.

ские брюки жены, что, конечно, поражало коренных аргентинцев, весьма щепетильных в соблюдении норм приличия, особенно, в одежде. Но иного выхода у Левашова не было: в Буэнос-Айрес супруги прибыли совершенно обнищавшими.

Дубровские имели визовое разрешение на въезд в Соединенные Штаты, но без долгих раздумий решили последовать за Солоневичами. «Теперь работа пойдет на лад, — повторял Иван, вглядываясь в исхудалое лицо друга. — Первые номера «Страны» были форменным безобразием, без тебя — полный провал. Спасай газету!» В своей статье «Неодинаковый гений» Татьяна Владимировна вспоминала о той первой встрече со смешанными эмоциями:

«Все утверждали, что И.Л. был очень приятным, веселым и общительным человеком. Каково же было мое смущение, когда с первого же момента почувствовала холод и сухость в его обращении со мной. Первым делом он спросил: «А вы умеете печатать на машинке, вы, вообще, что-нибудь умеете делать, чтобы участвовать в нашей работе?» Оказалось, что он был озадачен моей молодостью (30 лет тому назад я была очень молода, а выглядела, как 17-летняя). Я ответила, что три года работала секретаршей В.К., и очень скоро его опасения рассеялись»¹.

После завершения формальностей с Иммиграционным управлением Дубровские переехали в Дель-Висо. В «главном» доме с тремя комнатами обитали Солоневичи. Дубровских разместили в бывшем курятнике, приспособленном под жилье. Так на какое-то время кинта «El Misterio» стала пристанищем для всего состава редакции. Жена Ивана — Рутика — приехала в Аргентину через несколько месяцев после Дубровских.

Тенистый парк служил «писательской лабораторией» для Солоневича. Он как бы «выхаживал» свои статьи, прогуливаясь по дорожкам, и в эти минуты творческого уединения домочадцы старались ему не мешать. Потом садился за машинку и «выстреливал» очередной публицистический шедевр, как всегда острый, нелюбезный, не оставляющий читателя

¹ «Наша страна», № 1472, 16.05.1978.

равнодушным. Иногда Иван Лукьянович предпочитал диктовку, и тогда по клавишам стучала Дубровская. Она имела возможность хорошо изучить своего «шефа», знала его сильные и слабые стороны, и впоследствии давала ему объективные оценки, характеризуя его как человека, далекого от педантизма, разнообразного в эмоциях, подверженного частой смене настроений. Дубровская писала о Солоневиче:

«И.Л. был человеком весьма разносторонним и «неодинаковым». В нем сочеталась сугубая серьезность историка с задором первоклассного хлесткого публициста; такая же серьезность политического мыслителя с большим чувством юмора, проявлявшегося не только в его писаниях, но и повседневной жизни. Именно эта «неодинаковость» и влекла к нему тысячи русских политических эмигрантов»¹.

Дубровская вспоминала, что Солоневич очень не любил, когда кто-то, особенно «из своих», подвергал сомнению его концепцию русской истории, его оценки исторических деятелей России. Не позволялось делать этого даже во время неформальных бесед за чайным столом:

«Я, осмелев, стала высказывать свои мысли, даже противоречить. Однажды я восстала против очень нелестного эпитета, касающегося императрицы Екатерины Второй, на что И.Л. мне возразил: «Таня, уж ведение газеты оставьте мне». Беседы были настолько интересны, что заставили меня временами забывать о моей застенчивости. Поневоле все больше и больше я вовлекалась в разговоры. Часто беседы касались литературы, когда и я говорила о прочитанном, любимых книгах, любимых авторах»².

Все чаще главной темой застольных разговоров была грядущая мировая война. Иван считал, что она не за горами. После одной из таких дискуссий в статье «Тени войны» Солоневич даже рискнул назвать предполагаемую дату ее начала — июль 1949 года (со ссылкой на хорошо информированные английские круги)! Но тут же, на всякий случай, оговорился: войну «может быть, оттянут еще на 6—7 лет». Правда, общий вывод писателя безапелляционен: «Мы, во всяком случае, вступаем в период «последнего и решающего» боя. Все,

¹ «Наша страна», № 1472, 16.05.1978.

² Там же.

что мы успеем за те месяцы или годы, которые нам еще подарены судьбой, — мы должны сделать»¹.

Работы было много, и Солоневич не жалел ни себя, ни других, стараясь сделать газету самой полемичной и читаемой. Дубровский взвалил на себя всю техническую часть: от метранпажирования до экспедиции. Как отметил биограф Солоневича Н. Казанцев, «поначалу дела газеты шли плохо: не было никаких денег. Дубровский стал налаживать самую важную часть дела — распространение, ибо получалось так, что газета шла неизвестно куда — по устаревшим, довоенным адресам подписчиков — и не давала никакого притока средств. Каждый номер висел на волоске. А если только один номер не вышел бы к сроку, сразу могло пропасть доверие публики к тому, что она действительно будет выходить регулярно. Поэтому приходилось мириться со всеми материальными трудностями и жертвовать решительно всем, вплоть до покупки брюк»².

Только по воскресеньям Иван позволял себе расслабиться. Это был день визитов:

«По воскресеньям начались паломничества — почитателей и политических последователей Ивана Лукьяновича — «штабс-капитанов», — писала Дубровская. — Кто только не бывал в Дель-Висо! Старые (по «Голосу России») и новые почитатели таланта И.Л. сразу превращались в его друзей. Очень многие из них помогли «Нашей стране» стать на ноги, кто материально, а кто хлопотами или предоставлением своей квартиры в городе для экспедиции газеты. Не будь этой двойной помощи буэносайресских русских друзей, — куда труднее было бы поставить издание «Нашей страны» на твердые ноги»³.

Постоянным гостем у Ивана Лукьяновича был священник Георгий Романов. В прошлом он был офицером корниловского полка. В эмиграции его любили: именно он чаще всего взваливал на себя хлопоты о получении виз для тех эмигрантов, которые попадали в Аргентину нелегально. По просьбе Романо-

¹ «Наша страна», № 15, 2.04.1949.

² Казанцев Н. Устремленный в будущее.

³ «Наша страна», № 1472, 16.05.1978.

ва в газете регулярно печатались его «позывные», чтобы «незаконные русские» могли установить с ним связь. На всякий случай к тексту добавлялось пояснение: «Мы (в редакции) не можем рекомендовать незнакомых людей. Нет времени выяснять сведения и наводить справки». Но рекомендации, конечно, давались и справки наводились. Как не помочь своим!

Дубровская тепло вспоминала о дружбе близких ей людей. Иван Лукьянович и о. Георгий могли часами беседовать, обмениваться идеями, планами на будущее, иногда спорить до хрипоты. По словам Дубровской, «оба блистали своим умом, образованием, культурой и высоким полетом мысли»¹. В памяти ее сохранились трогательно-комичные эпизоды, связанные с друзьями. Однажды Иван попросил ее на время удалиться из той части сада, где его и Юры усилиями было устроено что-то вроде спортивной площадки. Оказалось, что Иван Лукьянович и о. Георгий (не снимая рясы!) делали стойки на руках, состязаясь в том, кто дольше выстоит.

Конечно же, для крещения Улиты был приглашен отец Георгий. Раньше, из-за всех передряг, связанных с отъездом Солоневичей из Германии и устройством в Аргентине, до этого важного ритуала не доходили руки. Священник прибыл вечером, был накормлен и устроен на ночь во дворе дома, чтобы утром приступить к церемонии. Свой нагрудный крест о. Георгий повесил на невысокую балюстраду в изголовье. На его несчастье, пригретый Солоневичами щенок по кличке Налле решил развлечься на сон грядущий. Лучшего партнера, чем о. Георгий, он не нашел. Щенок подкрался к ложу священника, схватил блестящую цепочку с крестом и, оглядываясь, побежал прочь, словно приглашая поиграть «в догонялки». Отец Георгий не мог позволить такого осквернения креста! Он вскочил и в ночной рубашке помчался за щенком, перескакивая через клумбы, продираясь через кустарник, сшибая декоративные пальмочки. Немногие свидетели этого кросса с препятствиями вспоминали потом, что за свою жизнь ничего более забавного не видели. Отец Георгий сумел завладеть символом своего священнического статуса, но крещение Улиты отложил на неделю...

¹ «Наша страна», № 1472, 16.05.1978. .

В начале 1949 года Дубровские покинули кинту «El Misterio» и переехали в Буэнос-Айрес, чтобы быть поближе к типографии и контролировать качество ее работы.

После первых 60 номеров, которые выходили раз в полмесяца, было решено перейти на недельный график выпуска газеты. Подписчики восприняли это как верный признак укрепления авторитета «Нашей страны». Газета была хлесткая, зубастая, непримиримая, активно откликалась на события в Советском Союзе и в среде эмиграции. Как и в прошлые годы, резкость и бескомпромиссность суждений Ивана Лукьяновича не оставляла равнодушными читателей, выбивала искры, а то и пламя эмоций у тех, кому нравилась (или не нравилась) его бескомпромиссность в интерпретации событий.

Появление новой русской газеты в Буэнос-Айресе своевременно «зафиксировали» в Советском посольстве. Судя по «наблюдательному» отчету дипломатов, имя Солоневича не забылось. В документе посольства было отмечено, что «ряды русской эмиграции в Аргентине пополнили такие признанные ее вожди, как Солоневич и Вержбицкий». Попутно указывалось, что Солоневич «во время финской войны работал в Хельсинки и руководил отделом финских белоэмигрантских организаций, а во время Великой Отечественной войны — сотрудничал с немцами». Ссылок на источник этой информации сделано не было. Скорее всего, дипломаты обнаружили ее в самой газете, препарировав «в надлежащем свете» факты из статей Солоневича.

В отчете подчеркивалось, что пребывание Солоневича в Аргентине, вдали от болевых центров политической жизни эмиграции, делало его, в общем-то, «безопасным». В документе сообщалось и такое: «По приезде в Буэнос-Айрес Солоневич получил от американцев средства и (совместно с Левашовым В.К.) приступил к изданию своей антисоветской газеты». К этим строкам была добавлена «мини-справка» на Левашова: «Бывший редактор газеты Солоневича в Болгарии «Голос России», осужденный заочно болгарскими демократическими властями к смертной казни».

Но сведения об «американском финансировании» были, разумеется, выдумкой. Русские монархисты никогда не пользовались симпатиями правящей и «теневой» элит в США. Солоневич не преувеличивал, когда с предельной откровенно-

стью писал о тяжелом материальном положении «Нашей страны» и своих переживаниях по этому поводу:

«Война будет. Железный занавес снова будет прорван. Сквозь этот прорыв будут брошены массы вражеской литературы, а у нас снова не будет ничего. Что и как скажем мы, русские монархисты, и нынешним новым эмигрантам, и будущим миллионам перебежчиков и будущим «освобожденным» двумстам миллионов о: Церкви, Монархии, России, о Феврале и об Октябре, о Белой Борьбе и о народных восстаниях, о революции и компартии — о Российской Империи — вообще о том, как с разных сторон ее пытались погубить... Русские монархисты! — Вы тратите деньги на очень много вещей — раскройте всерьез кошелек и для нашего издательства... Мы здесь с почти сверхчеловеческими усилиями «Нашу страну» кое-как наладили — и местные русские люди помогли нам больше, чем мы могли ожидать в самых оптимистических условиях. Но местные источники — исчерпаны».

А вот еще один «сигнал SOS» в 26-м номере газеты: «Друзья — читатели! «Нашей Стране» очень трудно. А Вам совсем не трудно завербовать для нее хотя бы еще одного подписчика. Постарайтесь сделать это».

Иван понимал, что без талантливо пишущих единомышленников невозможно наладить выпуск тематически разнообразной, остро-полемичной газеты, дающей пусть небольшой, но стабильный доход. Первые номера «Нашей страны» стали как бы сигналом боевой трубы, созывающей друзей-писателей и журналистов. Они прибывали в Буэнос-Айрес после нелегких военных лет, с грузом трагического опыта, разочарований и личных утрат. От своих авторов Солоневич требовал элементарного: писать и действовать «на путях *нормальной* человеческой логики».

При подборе сотрудников Иван Солоневич ориентировался на авторов из *новой* эмиграции, среди которых были профессор Б. Ширяев (А. Алымов), философ А. Филиппов, журналист В. Рудинский. Издатель «Нашей страны» был искренне рад появлению в «пишущем активе» газеты Сергея Войцеховского. Он был представлен читателям как «старый товарищ по подпольной работе в России — в начале 20-х годов». Солоневич подчеркнул, что Войцеховский сумел про-

браться из Совдепии в Польшу, где перед войной и в военные годы «был начальником над русской эмиграцией». По мнению Солоневича, «С.Л. принадлежит именно к числу тех «зубров», на совести которых лежат тысячи, а может быть, и сотни тысяч *спасенных* русских жизней — работу по этому спасению наши левые называют «засилием». В порядке такого засилия, С.Л. ухитрился перед занятием советами Варшавы снарядить путем взятки соответствующим властям два поезда, на которых выехала почти вся русская эмиграция польской столицы»¹.

Плодотворно сотрудничал с газетой писатель Борис Башилов. В числе многих русских «дипийцев», спасаясь от «репатриации» в Советский Союз, он нашел убежище в Аргентине. В биографической справке для читателей Солоневич написал, что произведения Башилова пользовались большой популярностью среди «дипийцев», особенно научно-приключенческие романы: «В Моря и Земли неведомые», «Юность Колумба Российского», «Необычайная Жизнь и Приключения Аристарха Орлова». Солоневич не преминул отметить, что «в отличие от Ж. Верна, Б. Башилов сам исходил и изъездил все места, о которых он пишет. Будем надеяться, что, попав из концентрационно-оккупационной Германии в свободную и спокойную Аргентину, он будет в состоянии творить».

Несмотря на нелегкий характер автора, Иван нашел с ним общий язык. Первые произведения Башилова (настоящее имя которого — Борис Платонович Юркевич), посвященные эпопее завоевания Арктики («17 миллионов собачьих шагов», «Флейта бодрости»), публиковались еще в Советской России. Он болел за русский народ, не принимал советской власти и не раз пытался «бросить ей вызов»: попытаться опубликовать в советской же газете статью-разоблачение, статью-проклятие. Лишь отчаянные мольбы жены: «Боречка! Это бесполезно, бессмысленно, а у нас дети. Пощади их!», — заставили его отказаться от демонстративно-жертвенного шага. Однако ненависть Юркевича к сталинскому режиму была столь велика, что, попав в окружение, он добровольно сдался немцам. Когда стала формироваться Российская Освободительная армия ге-

¹ «Наша страна», № 28, 1.10.1949.

нерала Власова, он в числе первых откликнулся на призыв с оружием в руках бороться за освобождение России.

Войну Юркевич закончил в должности офицера штаба генерала Трухина в Хойберге. По свидетельству Н. Казанцева, писатель некоторое время сотрудничал с «солидаристами», но «угасание» у них национального чувства, их зависимость от иностранных разведок побудили писателя порвать с ними. Только среди монархистов Юркевич нашел то, что было созвучно его душе и идейным исканиям. Под именем Михаил Тмарцев он стал печататься в «Нашей стране» и даже стал автором девиза газеты.

Большую часть своих произведений Башилов опубликовал в газете Солоневича. Их гранки использовались затем для формирования книжечек-брошюр, которые раскупались значительно быстрее, чем солидно переплетенные книги. Когда Юркевич финансово окреп, он завел небольшой книжный магазин и библиотеку, из которой давал книги «напрокат» за небольшую плату. Особым спросом у читателей пользовался его фундаментальный труд «История русского масонства». Через неофициальный «русский культурный центр» Башилова в Корпусном Доме в буэносайресском пригороде Вижа-Бажестер на улице Сан-Мартин, 344 прошла, можно сказать, вся русская колония.

Он много работал, писал страстно, с жаром сердца и в жертвенности своей любви к России ни в чем не уступал Ивану Солоневичу, который сказал о своем друге: «Будем надеяться, что в истории русской литературы Б. Башилов будет, так сказать, переломным моментом от оплевателей нашей родины к объективному и художественному описанию ее тернистого исторического пути»¹.

Первое время по прибытии в Аргентину регулярно писал в «Нашу страну» Дмитрий Константинов, человек сложной судьбы и драматических переживаний, типичный, по словам Солоневича, идейный «власовец», попавший в плен «по случаю» и решивший остаться с немцами, несмотря на приближавшийся крах рейха. Он знал, что его будущее покрыто мраком — предатель! Если он сумеет перебраться через ли-

¹ «Наша страна», № 17, 30.04.1949.

нию фронта на советскую сторону, прощения «своих» ему никогда не добиться. В лучшем случае попадет в штрафной батальон, в худшем, и наиболее вероятном, — будет расстрелян. Константинов умирать не хотел потому, что, как и Солоневич, никогда не идентифицировал себя с советской властью, и она не воплощала для него понятия Родины. Для Константинова эта власть была враждебной с самого начала.

На своеобразную личность писателя-«власовца», и к тому же священника, обратила внимание одна из аргентинских журналисток, написавшая о нем в популярный журнал «Эль Огар». Это был редкий случай для «местной журналистики»: обычно о русских охотнее всего писали в уголовной хронике.

Со статьей «Все дороги ведут в Буэнос-Айрес» ознакомилась вся «читающая эмиграция»¹. Есть смысл привести ее целиком:

«Шесть дней недели с понедельника до субботы Дмитрий Константинов работает. В воскресенье он снимает «овералл», надевает рясу священника и служит обедню для своих соотечественников в красивой православной церкви на ул. Бразиль. Это не единственный из буэносайресских *попов*, которым пришлось примениться к новым условиям жизни. В Аргентине слишком мало лиц, верных своему культу, чтобы все священники, которые среди нас обрели свободу, могли заниматься работой, соответствующей их назначению. В Буэнос-Айресе живет около 10 священников русской православной церкви, зарабатывающих в течение 6 дней хлеб свой насущный трудом, не связанным с церковью. Только один день они посвящают Богу.

Один из них — Дмитрий Константинов — может рассказать невероятную и драматическую историю. Этот бывший капитан Красной Армии принадлежит к так называемой «новой русской эмиграции». Ему удалось уехать из Советского Союза только после мировой войны, то есть на 28 лет позже, чем его соотечественникам, бежавшим от красного террора на Запад после большевистской революции. В течение 33 месяцев с начала войны он носил мундир Красной Армии. Он находился в Ленинграде, осажденном немцами. Воевал на Балтийском и

¹ Статья опубликована в № 2133, 29.09.1950.

Украинском фронтах. Весной 1944 года был взят в плен, когда его отряд был уничтожен немецкой дивизией «Викинг».

Дмитрию Константинову сейчас 41 год. Он рано поседел. Он худой и небольшого роста. Острая бородка и усы придают ему вид типичного представителя русской дореволюционной интеллигенции. Даже 25 лет жизни под коммунистическим режимом не смогли уничтожить в нем глубоко укоренившихся семейных традиций. Он учился в гимназии, а затем в 2-х высших учебных заведениях, в одном из которых он был затем преподавателем. Он смог посвятить эти годы научной работе, был известен в Ленинграде как квалифицированный специалист своего дела.

В период жизни в Ленинграде он страстно интересовался религией, видел в ней единственное спасение от ужасного материализма советского режима. Но этим занимался тайно, чтобы его не схватили агенты политической полиции. Только в Германии, куда он был перевезен как пленный, он посвятил себя своему призванию и был рукоположен в священники. Он был священником в армии генерала Власова, созданной из бывших советских военнопленных. В 1949 году он прибыл в Аргентину. Константинов опубликовал здесь воспоминания: «Я сражался в Красной Армии», повествование о месяцах, прожитых им в мундире советского офицера.

Вместе с другим русским — Николаем Февром — он издает здесь еженедельник и сам работает в нем типографом, корректором, газетчиком и администратором. Константинов знает советский режим. Он знает его как рядовой гражданин. Он знает его маленькие тайны, его повседневные методы... Он никогда не занимал высоких постов, не поддерживал отношений ни с каким министром, никогда не был в Кремле. Он был одним из 100 миллионов рабов этого режима, подверженных днем и ночью разным «гимнастическим упражнениям» по сталинской доктрине, для которых есть только одна возможность избавиться от красной действительности — смерть».

Константинов при первой возможности обзавелся наборным станком, стал налаживать издание собственной газеты. Солоневич понимал его: самостоятельность — великое дело! Еще одна русская газета в Аргентине? Ничего. Без конкуренции, — честной конкуренции! — в газетном деле нельзя...

Перелистав подшивку «Нашей страны» «эпохи Солоневича», можно убедиться в том, что подавляющая часть материалов посвящена России и российским проблемам. «Аргентинская тема» возникала спорадически и носила лояльный характер. Иван был благодарен стране, принявшей его, и потому не допускал и намека на критику в адрес Аргентины, хустисиализма, президента Перона, его внешней и внутренней политики. В самом первом номере газеты была помещена «Ода Аргентине» на испанском языке, подписанная инициалами J.V.:

«Рыцарственная Аргентина сумела сохранить в трудной борьбе уважение к человеку и под умелым водительством смогла уклониться от сумасшедшего урагана, который обрушился на современный мир. Аргентина следовала своему собственному пути, благородная, она позволила тысячам и тысячам обездоленных людей прибыть сюда и возродиться в честном труде, наслаждаясь жизнью, в которой нет места ни страху, ни голоду. Наша газета обосновалась на дружественной этой земле потому, что знала и понимала: в Аргентине есть место для проповеди истины и пробуждения вечно благородных христианских чувств. Да здравствует Аргентина!»

Это были времена подъема правления Хуана и Евы Перон. Харизматическая чета умело апеллировала к народным массам и использовала притягательную «социалистическую лексику». Идеология «хустисиализма» подавляла все другие. Марширующие отряды «безрубашечников», готовые на все по первому требованию Эвиты, вызывали у Солоневичей вполне понятные ассоциации: «Третий рейх» с «аргентинским лицом»! Но «рейх» на берегах Рио-де-ла-Платы им не казался опасным, скорее — опереточным.

Иван Солоневич обратил внимание на то, что США пытались все бесцеремоннее вмешиваться во внутренние дела Аргентины, нащупывавшей т.н. «третий путь», равноудаленный от капитализма и коммунизма. Аргентинский «нейтралитет» в годы Второй мировой войны был заклеен союзниками, — в первую очередь американцами, как вариант пособничества странам «оси». Так что, в 1948 году в Аргентине не все было так мирно и спокойно, как казалось. Левоцентристские партии, подстрекаемые агентурой США, взяли курс на дестабилизацию режима Перона.

Свои первые впечатления от страны Солоневич изложил в статье «Об Аргентине»¹. За месяцы жизни в Буэнос-Айресе и местечке Дель-Висо у писателя сложилось четкое представление о «бытовой ситуации» в стране. Предлогом для написания статьи были письма читателей, которые стояли перед выбором: ехать в Соединенные Штаты или на берега Рио-де-ла-Платы? Иван, эмигрант «со стажем», хорошо знал, что может интересовать бесправного, изголодавшегося, неприкаянного «дипийца», стремящегося выбраться из разгромленной войной Европы. Это — отношение местных жителей к пришельцам, наличие работы, сносного жилья и питания. Рекомендации Солоневича складывались в обнадеживающую картину:

«Два наиболее крупных преимущества Аргентины сводятся к следующему: первое — никто не смотрит на вас, как нежелательного иностранца, съедающего туземный хлеб. Второе — никто не остается без работы. Особенно легко и быстро устраивается новая эмиграция, которая почти сплошь имеет техническое образование и, кроме того, располагает тем, чего так не хватает нашему «интеллигентному» поколению: практичностью... Всякий эмигрант, имеющий хоть какие бы то ни было практические навыки, устраивается быстро и во всяком случае сносно... Как и во всех странах мира «служба» оплачивается слабо. Но, я думаю, что «предприимчивость» имеет здесь больший простор, чем где бы то ни было: в стране нехватка технических сил, а страна индустриализируется. Так, например, девицы, располагающие только одним-единственным капиталом — умением делать абажуры, — уже имеют свое предприятие. Традиционная русско-эмигрантская промышленность — трактир, — не имеет, кажется, никаких шансов на успех... Разговоры о жилищном кризисе чрезвычайно преувеличены. Квартиры находят все. Цены довольно разные — как попадетсЯ. Мой нынешний сосед по пригороду и бывший сосед по транзитному лагерю инж. Г. нашел три комнаты со всеми удобствами за 200 пезо в месяц... Жалование среднего служащего — пезо около 500».

Солоневич не пожалел газетного «пространства» на бытовые советы, рекомендуя, к примеру, всегда иметь в виду, что «в столице — население столичное. То есть, там пальца

¹ «Наша страна», № 7, 11.12.1948.

в рот класть не полагается». В отношении питания Солоневич весьма категоричен, что, возможно, отражает диетические ограничения, которые были наложены на него врачами из-за нажитой в годы войны язвы: «Людей, любящих поест, ждет некоторое разочарование: нельзя есть много мяса, свинины есть и вовсе не полагается, водки пить нельзя, надо налегать на фрукты. Фрукты дешевы, — но не европейские. В общем, фунт картошки равен примерно фунту бананов. И кило дров — около фунта бананов. Все наоборот: антиподы. Капусты не достать».

По мнению Солоневича, самое неприятное, что ожидает эмигранта — «это период акклиматизации. Климат в самом Буэнос-Айресе довольно тяжелый: сырость. Летом — духота, как в бане, простуды, сквозняки, ветры с моря. В 40 километрах (от Буэнос-Айреса) — сухо, приятно и легко».

«Страноведческая» статья Солоневича была прочитана «дипийцами» в Европе, и многие решили избрать Аргентину для переселения. Иван Лукьянович советовал другим, но для себя на вопрос «стоило ли приезжать в Аргентину?» однозначно ответить не мог. Перспективно ли для его газетно-публицистической работы «сидение в Аргентине»? Не слишком ли это «тупиковая страна», чтобы находиться в авангарде борьбы с коммунизмом? В последнем декабрьском номере газеты за 1948 год он признался:

«Буэнос-Айрес был одним из последних городов в мире, куда я хотел бы попасть. Это не потому, что он плох сам по себе — хотя он слишком далек от всех центров нашего рассеяния — а потому, что политическая атмосфера этого города — эмигрантская атмосфера — была или казалась хуже, чем где бы то ни было в другом месте. Старой эмиграции здесь очень мало, но и она в свое время была почти целиком монополизирована младороссами, которые по естественному ходу событий сейчас перешли в советский патриотизм. Здесь издавался «Русский в Аргентине», который имел 2000 тиража при его антисоветской ориентации, и вырос до 8000, когда перешел на советскую. Потом здесь возникла очень крупная группа «солидаристов», начавшая издавать свои «Вехи».

Солоневич «присматривался» к деятельности коммунистов в Аргентине, пытаясь определить, существует ли с их стороны опасность для его газеты. Он писал: «Компартия ле-

гальна — но по головке ее если и гладят, то не слишком потцовски, так что никаких безобразий здесь нет».

О дипломатических и других представителях Советского Союза в Аргентине Солоневич отозвался, в общем-то, сдержанно:

«Русская «официальная» колония, по-видимому, хуже других. Но под официальной поверхностью имеется очень значительная прослойка очень хороших русских людей, так что отсутствие официальной помощи русским новоприбывшим эмигрантам с лихвой окупается всякими видами личной помощи... Как и повсюду в этом мире, довольно высоко поставлено производство всяких сплетен. Если бы их принять всерьез, то три четверти колонии оказались бы советскими агентами. В реальности дело обстоит вовсе не так плохо. Не думаю, чтобы этих агентов было бы больше 0,01%. Вероятно, значительно меньше»¹.

Сюжеты о «внутренней линии» постоянно возникали в публицистике Солоневича аргентинского периода. Он называл ее «самой страшной опасностью для *всей* антисоветской эмиграции». По мнению Солоневича, «внутренняя линия» — есть та «магистраль», по которой в эмиграцию уже много лет льются и советские директивы и советская провокация — и по которой выливаются из эмиграции кровь ген. Врангеля, Кутепова, Миллера, Т. Солоневич и еще тысяч неизвестных нам людей — идеалистов и энтузиастов, которых «внутренняя линия» слала на работу в СССР и которые остались в советских подвалах». Вот почему я считаю своим *русским долгом* снова начать мою прерванную войной борьбу против, в самом деле, одной из самых страшных провокаций во всей мировой истории»².

Солоневича встревожили сообщения эмигрантской печати о том, что в Мюнхене «восстал из праха» капитан Клавдий Фосс. Оставаясь в тени, он установил контроль над жизнью тамошней русской колонии с помощью соратников по РОВСу и по службе в абвере. Иван был уверен в том, что именно Фосс возглавлял «внутреннюю линию» по заданию НКВД, а никак не

¹ «Наша страна», № 7, 11.12.1948.

² «Наша страна», № 44, 13.05.1950.

генерал Скоблин или Николай Абрамов, которым, по мнению Ивана, для этого не хватало «интеллектуального уровня».

Как полагал Солоневич, именно капитан Фосс был организатором взрыва в редакции «Голоса России», а потом — в Анкаре в 1942 году, когда целью было убийство немецкого посла фон Папена. Его помощником, по мнению писателя, выступал «ежовский активист» Павлов, а в Софии помогал Абрамов, «главный технический организатор». В подтверждение своей версии Солоневич ссылаясь на расследование Берлинского гестапо, которое отметило схожесть этих двух покушений.

Солоневич припомнил рассказы военного пилота Владимира Унишевского, который дезертировал на самолете из СССР в Эстонию, а затем перебрался в Германию. Иван, печатавший в газете его «Записки советского летчика», часто встречался с Унишевским в Софии и однажды услышал от него о планах возвращения в Россию:

«Что ты там будешь делать?» — изумился Солоневич.

«Проводить антибольшевистскую агитацию и пропаганду», — не без гордости ответил бывший летчик.

Оказалось, что Унишевский стал сотрудничать с капитаном Фоссом. Тот обещал перебросить его на моторной лодке в Одессу для ведения «специальной работы». Из этой затеи ничего не вышло. Накануне отправки за «чертополох» Унишевский решил съездить в Берлин, чтобы «проконсультироваться» с генералом Бискупским. Имя Фосса насторожило генерала. Он порылся в своем архиве и показал Унишевскому фотографию, на которой, по словам Бискупского, была снята группа советских агентов в Юго-Восточной Европе. На снимке среди «товарищей» Унишевский увидел Фосса¹. В достоверности этой истории писатель не сомневался.

Солоневич считал разрушительную работу «внутренней линии» по РОВСу исторически исчерпанной. Поставленная Лубянкой задача по ликвидации Союза как политической силы была, практически, выполнена. Тем опаснее, по мнению писателя, могли быть новые «направления» использования

¹ Интервью А. Раевского с Ю. Солоневичем «Вспоминая батьку» // «Наша страна», № 2153, 9.11.1991.

капитана Фосса и ему подобных для реализации новых поручений ОГПУ — НКВД — МВД по расколу эмиграции, компрометации ее перед демократиями и даже подчинению «руководству советских сановников». Писатель до конца дней своих называл капитана Фосса агентом НКВД, успешно делавшим чекистскую карьеру «в одной из контрразведок германского «СС» в румынской оккупационной зоне — в Одессе и Николаеве».

Солоневич ошибался, называя Фосса чекистом. Начальник «внутренней линии» РОВСа в Софии, бывший капитан Дроздовского полка Клавдий Александрович Фосс в первые дни гитлеровской агрессии против Советского Союза предложил свои услуги немцам. Оккупационные власти назначили его помощником коменданта города Николаев на Украине. Фосс использовал эту должность для ведения работы по заброске агентов в тыл Красной армии. Позже, в период обороны Одессы, он вел «разложенческую работу» среди защитников города, засылая к ним провокаторов и диверсантов. После эвакуации советских частей из Одессы Фосс проводил «зачистку» города от партизан. Не исключено, что именно он стал виновником гибели Николая Абрамова, который по линии НКВД был оставлен в одесском подполье для ведения разведывательной работы среди оккупантов.

Фосс руководил деятельностью «русской группы» морской разведывательной команды абвера на Черном и Азовском морях. За заслуги перед рейхом был награжден Железным крестом.

После войны непотопляемый Фосс удачно «пристроился» в английской зоне оккупации. Умер своей смертью и был похоронен на одном из кладбищ в Германии. Н. Казанцев прислал автору этих строк фотографию могилы Фосса: солидный красновато-коричневый мрамор надгробья, дикий виноград, вьющийся на ограде. Можно сказать, еще одна судьба с вполне благополучным финалом...

Солоневич, до предела занятый газетой, не уклонялся от общественной деятельности. Так, он принял активное участие в многолюдном собрании представителей старой и новой эмиграции, которое состоялось 5 сентября 1948 года по

инициативе и под председательством генерала Смысловского-Хольмстона. От имени РОВСа выступили священник Георгий Романов и полковник Трошин. От национальной организации Русских разведчиков говорили капитан Бутков и доктор Петров. Иван Солоневич, профессор Загарский, Е.Э. Месснер, Шереметьев и представители РОА выступали как представители новой эмиграции. Собрание заявило о готовности «бороться с сатанинской властью за освобождение многострадального русского народа от кремлевской власти» и постановило учредить с этой целью «Союз русских людей им. генерал-фельдмаршала А.В. Суворова».

Руководителем избрали генерала Смысловского-Хольмстона, секретарем — поручика Георгия Неронова. Единодушно проголосовали за организацию курсов унтер-офицеров для кадров РОА и за выпуск для них учебников из Парижа. Было решено издавать газету «Суворовец», редактором которой назначили Месснера¹. Единогласно высказались за открытие русской библиотеки. Новый «Союз» направил президенту Перону телеграмму с выражением «лояльности» и подтверждением «верности Аргентине, приютившей русских изгнанников».

Попал Солоневич и на собрание организации «Государево Служилое Земство»² 17 апреля 1949 года и был введен в состав его правления. Председателем ГСЗ избрали Н.И. Сахновского. Через несколько лет он станет непримиримым врагом публициста. Главной задачей ГСЗ стало проведение среди эмигрантов лекций, «имеющих целью отмыть ту грязь, которой так щедро замазано прошлое нашей Великой Родины»³. Как правило, члены ГСЗ заседали в Клубе Белых Русских эмигрантов. Собрания неизменно завершались пением русского гимна «Боже, Царя храни». В знак непоколебимой лояльности властям принимались приветственные послания президенту Перону. Солоневичу казалось, что у ГСЗ больше возможностей сблизить все имеющиеся в Буэнос-Айресе орга-

¹ Редакция размещалась: ул. Пуэйредон, 1245, район Мартинес. По этому же адресу находился и штаб «Союза суворовцев».

² Государево Служилое Земство было основано в Аргентине в октябре 1948 г.

³ «Наша страна», № 17, 30.04.1949.

низации «консервативного толка»: «Если это удастся, то мы окажемся более едиными, чем какая-либо иная человеческая группировка в этом перепутанном мире»¹.

Перед войной отношения Солоневича с «новопоколенцами» складывались не лучшим образом. В «новых исторических условиях» Иван не пытался найти какой-либо компромисс с их преемниками из НТС, ужесточая критику в их адрес по всем направлениям — от кадровой до программно-идеологической работы:

«Именно сейчас солидаристы — истинно атлетическая партия — подбирает в суму свою все, что только попадает на их партийные пути: и православие и Сартра, и лагеря ИРО, и философию «дирижизма» и кое-как сбежавшую советскую бюрократию, которая *просчиталась* на Гитлере и теперь — вероятно по милюковским заветам — пытается словчить на демократиях. Подобрали они и «власовскую идею». В самых беспощадных выражениях Солоневич опровергал утверждения «солидаристов» о том, что они в годы войны вели свою про-русскую, антинацистскую и антисоветскую линию, неся значительные кадровые потери на этом самостоятельном «третьем пути»².

В апреле 1949 года разногласия Солоневича с одним из руководителей «солидаристов» Е. Мамуковым выплеснулись на страницы печати. В № 16 «Нашей страны» (16.04.1949) Иван критически высказался в адрес НТС, выдвинув, по оценке Мамукова, «тягчайшие обвинения», а именно:

— НТС — третья советская партия — компартия за рубежом;

— Программа партии «солидаристов» является только одним из вариантов программ многочисленных фракций ВКП(б);

— Психологически тип якобинца 1789 года, коммуниста 1918 года, нациста 1938 года и «солидариста» 1948 года — *одинаковые* человеческие типы;

— Основное внимание «солидаристов» обращено на борьбу с монархизмом.

¹ «Наша страна», № 26, 3.09.1949.

² Там же.

Мамуков ответил в журнале «Вехи» (25.04.1949) и посоветовал на «неблагодарность» Солоневича, которому в Болгарии «солидаристы» помогли издать книгу «Россия в концлагере», организовать турне по Югославии и вывезти его рукописи из Германии после Второй мировой войны. Мамуков потребовал провести суд российской общественности в Аргентине, «чтобы решить обоснованность и правдивость выдвинутых Иваном Солоневичем обвинений».

Дав оценку «личным» выпадам Мамукова, Солоневич вновь повторил свои шесть вопросов к «солидаристам», которые, в сущности, и явились причиной призыва к проведению суда:

«Чем солидаристская партия отличается от любой другой тоталитаристской партии?

Чем солидаристская хозяйственная программа отличается от коммунистической хозяйственной программы?

Чем «усадебный участок» отличается от «приусадебного участка»?

«Чем «функциональная собственность» отличается от священной социалистической собственности?

Чем, кроме нового массового террора, можно удержать русское крестьянство на его «усадебных участках»?

Как именно представляют себе солидаристы перевоспитание русского народа от православия к солидаризму?»

Для Солоневича солидаризм и коммунизм схожи и по сути, и по содержанию. По его мнению, именно эту тему необходимо поставить на судебное рассмотрение: «Имеем же мы право знать, как это нас всех будут функционализировать и солидаризировать, какой размер «приусадебного участка» будет определен для Микулы Селяниновича и какой именно вариант ВЧК-ОГПУ-МВД будет стоять на страже веселой солидаристской стройки»¹.

Конфликт с Мамуковым начал подрывать устои относительно спокойной жизни Ивана Солоневича в Аргентине. «Солидаристы» себя в обиду не давали...

Еще одной организацией, вызывавшей резкую неприязнь Ивана Солоневича, был «Славянский союз», который в Арген-

¹ «Наша страна», № 19, 28.05.1949.

тине со страниц местных газет все чаще обвинялся в «коммунизме и советизме». В странах Латинской Америки эта «антиславянская» кампания направлялась Соединенными Штатами, вернее, резидентурами Центрального разведывательного управления, созданного в 1946 году. Аргентина не избежала этой участи.

С коммунизмом и его «подопечными организациями» у Ивана — старые счеты, поэтому он включился в кампанию по обличению деятельности «Славянского союза» в Южной Америке. Солоневич считал, что «Союз» — это филиал ОГПУ-НКВД на континенте, через который поступали финансовые средства на деятельность местных компартий. По мнению писателя, «коммунистическая подоплека» этой организации была особенно заметна по его печатному органу — газете «Наш голос», которая регулярно публиковала хвалебные статьи о деятелях большевистской революции, в том числе Ф. Дзержинском. По словам Солоневича, под воздействием «красной пропаганды», направляемой из Совдепии, «порозовела» значительная масса членов «Союза».

Со страниц «Нашей страны» раздавались призывы оказывать противодействие коммунистическим активистам «Союза», «живущим на деньги и по инструкциям Москвы». Другим его членам, малоискушенным в политике «попутчикам», «очарованным» марксистской утопией, надо было, по мнению Солоневича, открыть глаза на правду, используя эффективную контрпропаганду. Писатель разъяснял, что рядовые члены никогда не жили при советской власти и потому легко поддавались на обман:

«Выходцы из русской провинции, перешедшие под польское управление после польско-советской войны 1921 года, их утешало то, что на их родине (советской ее части) дела идут блестяще, и в этом их иллюзии подкреплялись левацкой пресой всего мира»¹.

Важно отметить, что утверждения об активной «прокоммунистической работе» «Славянского союза в Аргентине», его «целенаправленной подрывной деятельности», не имели осно-

¹ «Наша страна», № 17, 30.04.1949. Статья на испанском языке: «A la opinion publica argentina».

вания. Вот содержание одной из типовых отчетных справок сопосольства о работе «Союза»:

«В Аргентине проживает сравнительно большое для такой страны количество славян, по подсчетам Славянского комитета — до 800 тысяч. После организации «Всеславянского комитета» в Москве, славянское движение в Аргентине, несмотря на неблагоприятные внешнеполитические условия, получило широкий размах. Даже во времена реакционного режима клики ГОУ в 43–45 годах, когда движение было на нелегальном положении, а сотни активных работников славянских организаций сидели в тюрьмах, и когда 12 из 13-ти демократических газет были закрыты правительством, даже тогда размах славянского движения не снизился. Оно просто приняло другие формы.

По всей Аргентине существует более 150 различных организаций, входящих в Славянский союз. Он имеет свой печатный орган «Унион Эслава», выходящий два раза в месяц, и, кроме того, 15 газет на различных славянских языках: украинском, польском, болгарском, словенском и других. Руководители «Славянского союза» часто обращаются в посольство с просьбой о предоставлении им различных материалов по таким вопросам, как история славян, религии и т.д. Мы помогаем как можем, учитывая, что связь «Союза» с «Всеславянским комитетом» практически отсутствовала».

Не было ничего сомнительного в личности президента «Союза» — П.П. Шостаковского, о котором посольство сообщало в Москву такие сведения:

«Это — старый русский эмигрант, бывший начальник русской технической миссии в Италии (1915—1917 гг.). Ему 70 лет. В Аргентине — с 1928 года. В первые годы Советской власти написал две антисоветские книги — «Русская голгофа» и «Потонувший мир». Во время Великой Отечественной войны занимал просоветскую позицию, активно участвуя в эмигрантских организациях помощи родине. С 1945 года по настоящее время возглавляет «Союз» в Аргентине. Одновременно является неофициальным уполномоченным митрополита Вениамина — представителя русской патриаршей церкви в США, и потому вокруг Шостаковского группируются православные, находящиеся в конфликте с местным священником, ярким антисоветским протоиереем К. Изразцовым.

В 1946 году Шостаковский опубликовал тиражом в 10 тысяч экземпляров работу «История русской литературы» на испанском языке. Некоторые ее трактовки расходятся с официальной точкой зрения советского литературоведения. Сам Шостаковский объясняет, что он написал книгу, не имея советских материалов. Он же сотрудничает в литературном приложении к газете «Ла Пренса», самой распространенной в Латинской Америке, где публикует статьи о советской литературе, театре и пр. Кроме того, участвует в переводе и редактировании ряда советских изданий на испанском языке (сочинения Ленина для издательства «Проблемас», «История дипломатии» для «Лаутаро» и др.). Мы систематически передаем ему материалы по религиозным вопросам».

Вот и вся «подрывная деятельность» «Славянского союза» и его «главаря» Шостаковского. Тем не менее, в результате «антиславянской» кампании 25 апреля 1949 года по указанию президента Перона деятельность «Союза» была запрещена, многие его члены арестованы. Активную роль в выявлении активистов («подрывных элементов») и дискредитации работы «Союза» сыграли «суворовцы» Смысловского-Хольмстона. Репрессивные меры Перона Солоневич приветствовал, особенно по запрещению изданий «Союза»:

«Если вы возьмете в руки любое советское издание, то вы сразу же отметите его нестерпимо патриотический стиль. Двух- или трехмиллионная масса западнорусских мужичков, никогда советского рая не видавшая, — это есть *обманутая* масса. И этот обман организуется и финансируется правительством, которое для своих пятых колонн никаких денег не жалеет»¹.

Юрий долго уговаривал отца и тот, наконец, согласился позировать. Но предупредил, что не сможет сидеть абсолютно «неподвижной статуей». Чтобы не терять времени, он будет писать одну из глав «Диктатуры импотентов». На этом и договорились. По мнению Юрия, портрет этот стал «визуальным отражением» ненависти, которую испытывал Иван Лукьянович к понятию и содержанию термина «социализм».

¹ «Наша страна», № 17, 30.04.1949.

Юрий вспоминал позднее, что после смерти отца представительница «Нашей страны» в Нью-Йорке М.С. Кингстон просила этот портрет, чтобы повесить на сцене в день проведения памятного вечера:

«Я хотел было ей его послать, но не рискнул, — признался Юрий. — Вся его ненависть, все его дикое отвращение к социализму — в этом портрете. Для него социализм был не так, как для нас — врагом, но отвлеченным каким-то, недоступным простому удару в зубы. Для него — он был совершенно вещественным, лично знакомым спрутом, обвинившим полмира, которому он, батька, благодаря данным ему Богом талантам, обязан обрубить щупальцы. Сознание этих талантов и сознание отсутствия их у других возлагало на него долг забыть про все остальное, культивировать эти таланты, это отвращение и ненависть, и бороться, бороться, бороться... Зло, причиненное миру и нашей Родине социализмом, он видел, как мы видим зло, причиненное укусом змеи: физически... И то, что люди его не видят так, как он, то, что они вообще занимаются чем-то другим, второстепенным, из года в год лило желчь на его, в сущности мягкую, человеческую душу, обозлило ее, заострило ее до одного только острия: политики»¹.

Описание этого же портрета Солоневича, «с неслыханной художественной мощью исполненного его сыном», дал Н. Казанцев: «Наружность писателя, преображенная, вдохновенная; он имеет вид пророка. Кисть Юры сумела передать необыкновенную силу человека, который своей манерой писания, искренностью, экспрессией был способен как электрическим током сотрясать своих читателей. Его взгляд пронзителен; его глаза горят огнем, вероятно, того же блеска, который некогда горел в глазах Достоевского».²

В 1949 году Иван Солоневич завершил книгу «Диктатура импотентов», посвященную теории и практике «научного социализма», который он называл «наукой о **несуществующем в природе явлении**». Книга, по замыслу писателя, должна была стать осиновым колом для различных модификаций «кровожадной», по его мнению, системы, «высшим достижением которой стали НКВД и гестапо».

¹ Солоневич Ю.И. Цена жизни // «Наша страна» № 176, 30.05.1953.

² Казанцев Н.Л. Жены Солоневичей.

Пользуясь редкими часами, которые оставались ему после дневной страды по подготовке очередного номера газеты, Солоневич продолжал работу над текстом «Белой Монархии», в котором последовательно, взвешенно, исторически документированно и образно излагал свой взгляд на идеальное государственное устройство будущей России. Этим трудом Иван хотел «вооружить» эмиграцию, которая, как он надеялся, рано или поздно вернется на родину. Он писал в «Нашей стране»:

«С 1917 года и по сей день мы (эмигранты. — *Н.Н.*), кроме поражений не переживаем ничего. Если бы в мелькании наших беженских судеб у нас было бы время взять в руки самый элементарный курс русской истории и была бы возможность о нем подумать, то мы увидели бы, что без монархии у нас никогда ничего не получалось — кроме поражений. Если бы мы вдумались в историю нашей антисоветской борьбы, то и тут мы увидели бы решительно все то, что сейчас видим своими глазами: десятки вождей, из которых каждый норовит «спасти Россию» и на этом славном пути норовит подставить подножку каждому соседнему кандидату в спасители. С того момента, когда в феврале 1917 года монархию и династию продал и предал весь или почти весь правящий слой страны, — до сегодняшнего дня, когда этот правящий слой служит панихиды, но не хочет служить Монархии, — мы, вот, и кувыркаемся от Волги до Ла-Платы. Ни в 1917, ни в 1949 году мы не догадались сделать самого простого: стать стеной у Трона. В 1949 году это гораздо труднее, чем это было в 1917»¹.

В этот «южноамериканский период» своей жизни Солоневич четко обозначил пределы своих политических притязаний: «Я никак не лезу в вожди. По двум причинам: я — монархист и признаю одного только «вождя» — Державного. Я не организатор. Требовать с меня организации было бы так же безнадежно, как пытаться доить божью коровку... Но то, что я могу — ИМЕЮ ПРАВО сказать Русскому Зарубежью — в Русском Зарубежье не может сказать никто иной».

¹ «Наша страна», № 11, 19.02.1949.

«Заговор» в Буэнос-Айресе

К середине 1950 года только в Буэнос-Айресе было не менее 5 тысяч русских эмигрантов, и это радовало Солоневича: ведь все они — потенциальные читатели «Нашей страны»! Во многом он был прав. В отчетах о «русской колонии» Советское посольство обращало внимание на такие факты:

«При отсутствии сколько-нибудь видных руководителей и организаторов среди русской эмиграции наиболее влиятельным лицом до 1939 года был, несомненно, священник Изразцов. Он имеет солидные связи в местных правящих кругах, что помогло ему захватить в свои руки все церковное имущество, принадлежавшее ранее царской России (церковь, доходный дом, земли). Во время Отечественной войны Изразцов открыто стал на сторону немцев, а после нее принял активное участие в приеме перемещенных лиц из Европы, способствовал враждебной деятельности против СССР таких организаций, как «Суворовский Союз», «Союз Александра Невского», «Союз казачества». Его церковь на улице Бразиль, 315, стала практически центром антисоветской активности.

Вновь прибывшие эмигранты почти целиком воспроизводят ту жизнь, которая велась ими прежде в Европе: с многочисленными организациями, обществами, землячествами, бесчисленными политическими направлениями, взаимной враждой и соперничеством, склоками и сплетнями. Достичь единства им никак не удастся. В Буэнос-Айресе издается 7 малотиражных эмигрантских газет и действует 15 общественно-политических организаций, которые входят в «Объединение русской колонии в Аргентине». «Объединение» возглавляет Вербицкий Ф.В., Кариус З.В. является его первым заместителем. На ролях вице-председателей выступают: старый русский эмигрант Ставровский А.Ф. для связи с местными властями, Воейков Н.Н. для связи с русскими организациями. Секретарь «Объединения» — граф Уваров А.И.

Формально объединены следующие организации: Государево Служилое Земство, РОВС, Союз св. Александра Невского, Суворовский Союз, Союз воспитанников русских кадетских корпусов, Национальный союз русских скаутов-раз-

ведчиков, Союз св. Андрея Первозванного и др. Место сбора всех организаций — «Дом русских белых эмигрантов» на улице Карлоса Кальво, 2851. Но как указывалось выше, объединительные тенденции подрываются взаимной враждой и соперничеством «вождей».

По оценкам посольства, эти тенденции усилились в конце 1950-го года после массового прибытия в Аргентину участников власовской армии и отдельных представителей белоэмиграции: «С санкции аргентинского правительства был создан т.н. «Власовский союз» (филиал мюнхенского «Власовского объединения»), в который вошло около 300 человек. Все руководители его — отъявленные враги советской власти. Они превозносят заслуги Власова, «героя и мученика за новую Россию», призывают не складывать оружия в борьбе с Советским Союзом. С апреля 1951 года «Союз» стал выпускать еженедельную газету «За Правду», власовская подоплека которой прикрывается тем, что она называет себя органом «Русского христианского возрождения» (тираж 500 экз.). Редактор — Ставровский. Сама редакция находится по адресу — ул. Сальгуэро, 1506. В Буэнос-Айресе стала выходить еще одна власовская еженедельная газета «Новое слово» тиражом в 400 экземпляров. Редактор — бывший священник армии Власова Дмитрий Константинов».

О «разноцветии» эмигрантских организаций в Аргентине и их соперничестве в 1951 году не без издевки написал Михаил Бойков, эмигрант второй волны, о творчестве которого Солоневич отзывался с уважением и которого печатал в своей газете.

Фельетон был опубликован в литературно-художественном сборнике «Южный крест» под названием «Приключения беспартийного эмигранта». Он настолько понравился Солоневичу, что был прочитан им вслух для всех во время традиционного чаепития в саду. Сюжет фельетона отличался актуальностью: некий эмигрант срочно пытается вступить в какую-либо из организаций, потому что ему сказали, что после «приближающегося» свержения большевизма «беспартийных в Россию не пустят».

И вот «не шибко грамотный в политических смыслах» эмигрант попытался найти свое место в «антибольшевист-

ских рядах». Вначале он попал в «Русский культурно-просветительный клуб имени Максима Железняка» и напоролся на явно «просоветскую организацию», которая занималась вопросами репатриации в СССР. Эмигранту пришлось прыгать из окна второго этажа, чтобы избежать отправки на родину «в закрытом автомобиле с конвоем». Не повезло ему и во второй попытке. Наткнулся на «товарища», очень похожего на Троцкого, который говорил лозунгами и цитатами из революционных песен. На видном месте его «конторы» возвышалось красное знамя со словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Эмигрант снова еле унес ноги.

Чтобы больше не рисковать, он обратился к крайне правым, «зубрам», то есть к «бывшей российской знати, высшему дворянству». В ходе «собеседования» эмигранта с князем, имевшим на груди «целую коллекцию орденов и регалий», стало очевидным, что эмигрант никак не подходит для «Объединения Зубров»: он был всего-навсего сын старшего дворника, то есть — неподходящего социального происхождения. Не нашел эмигрант понимания в «воинском союзе», где не обнаружилось никакой «борьбы с большевизмом, кроме командных выкриков, солдафонства и беспорядочного махания саблей».

«Солидаристы» отнеслись к эмигранту с большим пониманием. Но предупредили, что в будущем российском правительстве все главные портфели уже заранее распределены «между активистами и кадрами». Самое большое, что могли пообещать «солидаристы», — это должность «государственного уполномоченного артельно-маслодельно-сыроваренной, молочно-творожно-сливочной, винигретно-сметанно-блинной промышленности». Но перед назначением на пост эмигрант должен был отправиться на подпольную работу за «железный занавес», чтобы подтвердить свою «пригодность» для дела «солидаристов». После ряда наводящих вопросов эмигрант понял, что опять едва не совершил роковую ошибку: «солидаристы» намеревались ввести в России что-то вроде «исправленного коммунизма» со «слегка ограниченной» свободой личности.

Поиски подходящей политической организации эмигрант завершил на украинских «самостийниках». Вошел в их штаб-квартиру и остановился с разинутым от удивления ртом: «Никак не пойму, куда я попал. Вроде, в картинную галерею. По

всем стенкам висят усатые дяди и очами на меня грозятся. Присмотрелся я поближе, а это все портреты украинских гетманов. С древнейших времен и до наших дней: от Адама и Евы до пана Жилы, что в одном «дипийском» лагере был гетманом украинского барака». Выдать себя за «чистокровного украинца» эмигранту не удалось. В очередной раз ему пришлось спасаться бегством, под выкрики в спину: «Маскальский прихвистень! Московський лаполиз!»

Здесь кстати отметить, что тема сепаратизма, мельком затронутая в фельетоне, всегда волновала Солоневича. Он видел, как в годы Второй мировой войны националисты-сепаратисты получили, не без помощи германских нацистов, «второе дыхание». Он не мог не замечать попыток стран «западного блока» во главе США также использовать «самостийников» для раскола и развала России. В статье «О сепаратных виселицах»¹ Солоневич писал:

«Я — стопроцентный белорус... наших собственных белорусских самостийников я знаю как облупленных. Вся эта самостийность не есть ни убеждения, ни любовь к родному краю — это есть несколько особый комплекс неполноценности: довольно большие вожделения и весьма малая потенция: на рубль амбиции и на грош амуниции».

Решение «национального вопроса» для России Солоневич видел в тех же теоретических рамках, что и до войны. Оно было изложено в «Тезисах Народно-Имперского движения»:

«Российская империя есть наш общий дом, имеющий нашу общую крышу и общие внешние стены. Но в пределах этого дома — каждая народность имеет свою собственную квартиру: в которой она может устраиваться, как ей будет угодно — с некоторыми, однако, условиями: не поджигать общего дома и не устраивать в своей собственной квартире складов взрывчатых веществ, воровских притонов или нарушения общественной тишины и спокойствия.

Каждый человек Империи может говорить, писать, учиться и самоуправляться на каком ему угодно языке. Может знать общегосударственный язык, но имеет полное право и не знать. Может вводить в свою школу этот язык — но имеет право и

¹ «Наша страна», № 15, 2.04.1949.

не вводить. Однако: язык правительства, армии, транспорта, связи, полиции и пр. — должны быть языком общегосударственным. Словом — никто никого не заставляет любить русский язык. Не любишь — не надо, — тебе же будет хуже. Никакого нового изобретения тут нет. За некоторыми исключениями на Руси так и было»¹.

Среди массы эмигрантских лиц Иван Солоневич выделял генерала Бориса Алексеевича Смысловского-Хольмстона, руководителя «Суворовского Союза» в Буэнос-Айресе. Смысловский писал статьи на военные темы и претендовал на роль ведущего аналитика Русского Зарубежья в этой области. Солоневич без сокращений и правки напечатал в 3-м номере газеты его статью «Третья мировая. Законы геополитики и государственной стратегии» и просил писать еще².

В недавнем прошлом Смысловский служил в вермахте. Под его руководством в самом конце войны созданная им Первая Русская Национальная армия (ПРНА) пробилась к швейцарской границе и была интернирована в княжестве Лихтенштейн. Советская репатриационная комиссия добивалась выдачи Смысловского и его подчиненных, но безуспешно. С помощью IRO, международной организации, занимавшейся делами беженцев и «ди-пи», и благодаря хлопотам священника Константина Изразцова, Смысловский и его армия в 400 человек благополучно перебрались в Аргентину.

Мало кто среди аргентинских русских знал, что отправка в Советской Союз стала бы смертным приговором для многих из армии Смысловского, поскольку в ПРНА преимущественно «служили» бывшие сотрудники так называемого «Зондерштаба Р(усланд)». Этот контрразведывательный орган вермахта вел работу по сбору информации в тылах советской армии, занимался разложением партизанских отрядов и формированием лжепартизанских групп, задачей которых была провокаторская деятельность.

Под псевдонимом «фон Регенау», а затем «полковник Хольмстон», Смысловский руководил операциями «Зондерштаба Р» и по ходатайству адмирала Канариса, шефа абвера,

¹ «Наша страна», № 15, 2.04.1949.

² Там же, № 3, 16.10.1948.

не раз был отмечен наградами рейха. Эту насыщенную событиями главу своей жизни Смысловский пытался скрыть, и потому выразил Солоневичу неудовольствие, когда в «Нашей Стране» было упомянуто о его контрразведывательном прошлом. Иван поспешил опубликовать в газете следующую «поправку»: «Во втором номере «Нашей страны» в статье о власовском движении, было по ошибке указано, что ген. Б.А. Хольмстон работал в немецкой контрразведке. — Мы хотим исправить эту неприятную ошибку: ген. Б.А. Хольмстон работал в штабе северной группы на восточном фронте».

Смысловский был популярной фигурой в Аргентине, Бразилии и Парагвае, где обосновались бывшие военнослужащие ПРНА.

Прагматик по натуре, он обладал мощным инстинктом выживания: был многоликим, изворотливым, красноречивым и решительным в тех «чреватых последствиями» нестандартных обстоятельствах, на которые был щедр XX век. Он умел выбрать наиболее подходящую линию поведения в экстремальных условиях и достоверно играть ее. Достаточно привести фрагменты из его интервью бернской газете «Фрайе Вельт»¹ в период «сидения» в Лихтенштейне. Если верить Смысловскому, в годы войны он делал все возможное, чтобы навредить нацистам:

«Военное движение, которое я организовал в Германии, никогда не было националистическим. Мы не хотели воевать против русского народа или Советов, а только за демократическое государство. Мы никакие не реакционеры! Мы считаем царизм таким же ложным строем, как и русский коммунизм... Но, поскольку англичане и американцы заключили союз с Советами, мне ничего не оставалось другого как пойти на службу Германии. По договоренности со штабом Верховного командования вермахта я был обязан создать Первую русскую национальную армию. Однако я постоянно подчеркивал, что эта армия ни при каких условиях не будет воевать против англичан или французов. За это меня посадили в тюрьму на 8 месяцев.

Несмотря на неоднократные требования нацистов я всегда отказывался поставить свою подпись под Пражским об-

¹ Интервью Б. Смысловского опубликовано в номере от 28.09.1945.

ращением¹, в котором военнопленные и рабочие с восточных территорий призывались к борьбе против союзников на стороне Германии. Различие между мной и Власовым состоит в том, что генерал заключил пакт с СС и Гиммлером и поставил свою подпись под Обращением. Я знал, что в Германии было 14 миллионов рабочих с Востока и военнопленных. Я пришел к выводу, что мы должны в первую очередь вооружать себя (русских) с помощью Германии. Если бы эта идея осуществилась, тогда мы знали бы, против кого направить это оружие... Немцы никогда не испытывали ко мне полного доверия».

В этом же интервью Смысловский-Хольмстон рассказал о том, как пытался установить контакт с Лондоном через «польских друзей» из Сопротивления, выдавая себя за члена масонской ложи, как помогал спастись своим «протеже» полякам, евреям и англичанам. Смысловский уверял также, что он поддерживал контакты с заговорщиками, планировавшими убийство Гитлера 20 июля 1944 года.

«Вы являетесь приверженцем Керенского?» — спросила журналистка.

«Так точно, — охотно ответил Смысловский. — Керенский как раз то, что надо. Правда, я не был связан с Керенским, но его идеи считаю правильными. Я стою на позициях Милюкова»...

Стоит ли говорить, что к Солоневичу Смысловский-Хольмстон» повернулся самой привлекательной стороной своего «полифонического имиджа». Если бы он писал статьи для «Нашей страны» в духе того «гибкого» интервью, вряд ли Солоневич согласился их печатать. Однако в 1948 году Смысловский о Керенском и Милюкове даже не упоминал, подчеркивая при каждом удобном случае, что как истинно русский человек всегда придерживался монархистских убеждений и идеалов Исторической России.

Нет ничего странного в том, что, «очарованный» генералом, Солоневич, оценивая вклад русских эмигрантов в послевоенную антисоветскую работу, писал: «Единственным исключением является ген. Б.А. Хольмстон, книга и статьи которого оставят какой-то след в истории *реальной*, а не выпивочной

¹ Пражский манифест, подписанный т.н. антибольшевистскими силами в 1944 г.

антикоммунистической борьбы»¹. Солоневич называл генерала «наиболее выдающимся военным специалистом русской белой эмиграции», охотно печатал его аналитические статьи по проблемам войны и мира.

Смысловский всячески демонстрировал Солоневичу свое расположение, и тот, в свою очередь, при любой возможности заглядывал к генералу «на рюмку чая» — в штаб «Суворовского союза» или на «квартиру» Смысловского, который занимал два этажа небольшой гостиницы в районе Бельграно.

В его кабинете, увешанном картами регионов мира, обсуждались последние международные события и вытекающие из них возможные угрозы для будущего России. Как вспоминал Смысловский, они «вели долгие беседы. Иногда спорили. Часто рылись в своей исторической памяти и набрасывали планы на ближайшее будущее. Увлекаясь, шли за полетом фантазии. Мы оба были тогда сравнительно молоды. Иван Солоневич как журналист предпочитал чертить политические планы, а я как генштабист носился в сфере стратегии»².

В Аргентине Смысловский, по его словам, полностью разуверился в «образцовости» «культурного Запада»: Запад слишком «кичится превосходством своей цивилизации над нашей русской, византийско-восточной... считая всю нашу тысячелетнюю историю проявлением одного только варварства, от великих князей, царей, императора до последнего революционного периода». По мнению Смысловского-Хольмстона, завышенная самооценка Запада не соответствует реалиям, потому что демократические свободы, права человека, гуманность, священное право убежища и прочее, прочее, были перечеркнуты выдачей Советскому Союзу генерала Власова и десятков тысяч его офицеров и солдат³.

Смысловский-Хольмстон взялся за нелегкую задачу объединения русской эмиграции в Аргентине, чтобы затем использовать этот опыт на всем пространстве русского рассеяния. Солоневич, потерпевший в свое время фиаско с «Россий-

¹ «Наша страна», № 46, 10.06.1950.

² *Ген. Хольмстон. Реализация мечты Ивана Солоневича // «Наша страна» № 1515, 16.03.1979.*

³ См.: «Суворовец», № 30—53, август — сентябрь 1949 года.

ским Национальным фронтом», приветствовал инициативу генерала. Может быть, у Смысловского получится? «Базовой организацией» объединения должен был стать «Суворовский союз». Генерал воспитывал членов «Союза» на идеях исключительности и самобытности российской государственности, биологической мощи и непобедимости русского народа, который даже в условиях временного поражения способен «переварить любого оккупанта».

Усилия по объединению активной части эмиграции «на почве антикоммунистической платформы» Солоневич оправдывал и по другой причине. По его подсчетам, в Аргентине в русской эмиграции «доминировали просоветские элементы»: их было не менее 60 процентов от общего числа! Иван Лукьянович писал: «Советский патриотизм очень силен: Аргентина была цитаделью младоросского движения. Но главные кадры советских патриотов — это мужички из польских «восточных областей»¹.

Былая близость Смысловского к командованию вермахта также интриговала Солоневича. Особенно его занимала тема закулисных отношений политического и военного руководства рейха с русскими военными формированиями, прежде всего — с армией генерала Власова. Эти вопросы Иван постоянно затрагивал во время бесед с генералом. Оценивая прошлое, собеседники были единодушны в том, что Гитлер подписал себе смертный приговор, когда запретил использовать русские подразделения на Восточном фронте и стал осуществлять свою доктрину планомерного сокращения «популяции» расово «неполноценного» русского народа.

Солоневич и Смысловский в один голос критиковали не только Гитлера, но и Соединенные Штаты, которые абсолютно не «понимают Россию» и при этом еще осмеливаются готовить нападение на нее. Предчувствие войны — лейтмотив их бесед, содержание которых нашло отражение в ряде публикаций «Нашей страны» того времени.

Смысловский-Хольмстон не мог не понимать, что благополучие возглавляемых им остатков Первой русской национальной армии (ПРНА) зависит от благосклонности аргентин-

¹ «Наша страна», № 7, 11.12.1948.

ских властей. После прибытия в Буэнос-Айрес он добился аудиенции у «сильного человека» Аргентины Хуана Перона. От себя лично и от имени своей «армии» он поздравил Перона с избранием на высокий пост президента, а на страницах газеты «Суворовец» постоянно заверял, что в случае необходимости готов выступить на защиту Аргентины. В то время главным гипотетическим противником страны были Соединенные Штаты, куда Смысловский-Хольмстон не раз выезжал по неким «секретным делам». Вряд ли он выполнял поручения Перона. Так что заверения Смысловского о полной лояльности Аргентине носили не совсем «транспарентный», как сейчас говорят, характер.

Как бы там ни было, правительство Перона не чинило препятствий деятельности Смысловского и его «Суворовскому союзу». «Перон нас держит под своим крылом», — не раз говорил своим подчиненным Смысловский. Для поддержания связи со Смысловским военное министерство выделило специального офицера. Тайная полиция («Сексьон эспесиаль») в дела «Суворовского союза» не вмешивалась, каких-либо ограничений с ее стороны на проведение собраний и других мероприятий не было.

Смысловский не теоретизировал на темы монархизма, считая, что авторитет Солоневича в этой области непререкаем. Однако о будущем России и защите ее интересов генерал думал и говорил постоянно, в том числе и «по итогам» провалившейся гитлеровской агрессии. Газета «Суворовец» отражала ход его размышлений:

«Мы солдаты, и говорим без версальских оговорок, что нам благо России много дороже всех абстрактных формул и стремлений. Мы борьбы за Россию не боимся, больше того — мы ее хотим и мы ее ищем. Будем бороться везде, всегда и всеми доступными нам средствами. Нам нужно полное освобождение России и восстановление ее во всех ее всероссийских, духовных, моральных, исторических и материальных правах. Это наша цель и наша задача. Чтобы сказать еще яснее, после моря всевозможных деклараций, воззваний и обращений различных эмиграционных организаций мы говорим черным по белому, что мы боремся за — ЕДИНУЮ и НЕДЕЛИМУЮ...

Мы — русские, молодая и полная динамизма нация и Империей быть не устали, а потому никаких хирургических операций над телом России — мы не допустим... Я не грожу, а предупреждаю, так же как некогда, в докладных записках, будучи в германском генеральном штабе я предупреждал немцев. Не поверили или не захотели поверить — результат налицо»¹.

Именно под этим углом — неизбежности «гарантированного провала» — Смысловский анализировал намерения стран Запада решить «проблему СССР» силой оружия, оккупации и далее — «раздела наследства российского». Какой в этом случае должна быть позиция патриотических сил русской эмиграции? Ответ Смысловского был такой: «Воевать за освобождение России мы готовы, но за ее уничтожение никогда!»

Прогноз Смысловского — это своего рода предупреждение западным демократиям: «Что будет, если они даже при помощи атомной техники выиграют чудом Третью Мировую войну. Что будет дальше?..» Россия не Германия. Это не государство, а континент. Для оккупации одной шестой части света понадобится вся действующая армия, которую придется оставить под ружьем на веки веков. Ибо на всем необъятном пространстве, по городам и болотам, в лесах и руинах засядут партизаны. Миллионы партизан. Красные и белые, старые и новые. Вся национальная Россия уйдет в леса и начнется... «ни проходу ни проезду». Начнется Четвертая Мировая война, огневая, холодная, психологическая, экономическая, национальная и гражданская»².

Солоневич внимательно прочитывал русскую прессу Буэнос-Айреса, не оставляя без внимания газету «Суворовец», тираж которой не превышал 1500 экземпляров. Смысловский железной рукой руководил газетой, тематическим лейтмотивом которой была популяризация боевого и политического опыта лидера «Суворовского союза», его геополитических доктрин, обсуждения его сценариев Третьей мировой войны и способов нанесения поражения Советскому Союзу. Смысловский продолжал настаивать на том, что накануне войны требуется добиться единства эмиграции, в особенности, объ-

¹ «Суворовец», 19.04.1952.

² Там же.

единения ее воинских организаций. Первоначально Смысловскому это объединение в Аргентине как будто бы удалось. Вокруг «Суворовского союза» сгруппировались РОВС, Союз Александра Невского и другие.

В конце декабря 1951 года «Совет Российского зарубежного воинства» (СРЗВ) в обращении, подписанном генералом Архангельским, предложил Смысловскому войти в Совет и принять участие в совместной борьбе с Советами. Смысловский справедливо полагал, что ведущая роль в Совете вряд ли «зарезервирована» для него. Поэтому выдвинул явно неприемлемые требования для Совета, в частности:

— преобразовать СРЗВ в «Российский государственный военный совет»;

— создать главное командование, штаб главного командования;

— подготовить кадры для нескольких дивизий из членов существующих военных союзов;

— ввести единоначалие.

Надо ли говорить, что все заинтересованные лица поняли: на ответственную должность руководителя Российского государственного военного совета претендует сам Смысловский-Хольмстон. Больше СРЗВ с подобными предложениями к генералу не обращался.

Когда в редакцию «Нашей страны» начали приходить анонимки на Смысловского, Иван отнес их на счет «просоветских элементов». По этому поводу Солоневич опубликовал даже небольшую заметку «Анонимам»: «Редакция, и не только она одна, — получает гектографические листовки и написанные от руки письма, касающиеся ген. Б.А. Хольмстона. И листовки и письма написаны одним почерком и подписаны разными псевдонимами. Редакция просит автора всего этого не беспокоиться напрасно: такого рода инсинуаций «Наша страна» помещать не собирается»¹.

Но анонимки приходили все чаще. Неблагоприятные сведения о Смысловском стали поступать и от бывших членов «Суворовского союза». Первоначально Солоневич не придавал им значения, по себе зная, какие нелепые, сомнительные,

¹ «Наша страна», № 10, 22.01.1949.

а порой и разрушительные для репутации слухи и сплетни порождает «эмигрантское болото». Тем не менее, как журналист, не раз обжигавшийся на излишней доверчивости, он обратил внимание на то, что «слухи», идущие из разных источников, во многом совпадают.

Беглецы из «Суворовского союза» рассказывали, что генерал Смысловский-Хольмстон — бывший сотрудник абвера, который свою контрразведывательную работу для рейха пытается представить в глазах эмиграции в виде патриотического служения во благо Родины. Контрразведывательное прошлое генерала в Польше, Эстонии и России оставило «кровавый след». В конце 1944 — начале 1945 года, когда вермахт стал стремительно откатываться на запад, «полковник Хольмстон» решил, что самое время предпринять шаги для ухода от ответственности, как это делали многие пособники нацистов. Новое войсковое образование — «Первая русская национальная армия» — внешне ничего общего не имело с «Зондерштабом Р» и могло прикрыть его прошлое. «Хольмстон» полагал, что под русским национальным флагом будет легче выбраться на «нейтральную территорию», получить убежище и дожидаться неминуемого, с его точки зрения, столкновения Советского Союза с западными союзниками. Свой замысел «генерал Хольмстон» на удивление успешно выполнил. Он создал бутафорскую Русскую национальную армию, благополучно довел ее до границы со Швейцарией, а затем интернировал в Лихтенштейне.

Солоневичу было известно, что Смысловский нередко ссылался на личное «благословение» русского генерала фон Лампе: мол, можешь использовать службу в вермахте в патриотических целях. Однако Солоневич знал и то, что фон Лампе в предвидении войны издал по линии РОВСа приказ, в котором разъяснил, что никаких весомых предпосылок для ведения борьбы по освобождению России в переживаемый исторический момент нет. В приказе подчеркивалось, что если кто-то захочет действовать, вступив в германскую армию, то должен помнить, что служит он германским целям. Многие члены РОВСа правильно поняли этот приказ и на службу к немцам не пошли. Смысловский сделал выбор в пользу Германии.

Двойственное впечатление у Солоневича оставили утверждения диссидентов-«суворовцев» о том, что Смысловский «самовольно» присвоил себе звание генерал-майора. Его ссылки на то, что немецкое командование подписало приказ в самом конце войны, были сомнительными. Бои шли на улицах Берлина, Гитлер, проверив цианистый яд на любимой овчарке, обдумывал свое политическое завещание. Капитуляция была неминуема. Вряд ли в этих условиях кто-то из высших чинов вермахта стал озабочиваться присвоением полковнику Хольмстону очередного воинского звания.

Недрузи Смысловского считали, что мундир генерала (заранее подготовленный!) потребовался Хольмстону для ведения переговоров с властями Лихтенштейна: так, мол, представительнее!

Конечно, выяснить истинность этих утверждений в условиях Аргентины было трудно. О любых попытках подобного рода Смысловскому стало бы известно. Он никогда не забывал о своей профессии контрразведчика и создал в среде русских эмигрантов разветвленную сеть информаторов.

Говорили, что на эту специфическую работу военное министерство Аргентины выделяло Смысловскому необходимые финансовые средства. Трудно сказать, знал об этом Солоневич или нет, но соответствующие слухи «по русскому Буэнос-Айресу» циркулировали. Правда, часто говорили не о военной контрразведке, а о тайной полиции. Если у эмигранта, устраивающегося на работу, была рекомендация Смысловского, никаких проблем не возникало. Работодатели охотно принимали его людей. Члены «Суворовского союза» привлекались для изучения прибывших в страну «ди-пи» с «советским прошлым» (таких было около 7 тысяч). Если кто-либо из этих «дипийцев» посещал советское консульство или был замечен на премьере советской киноленты, то за ним устанавливалась профилактическая слежка. Наблюдение за советскими учреждениями в стране вели самые проверенные лица Смысловского, используя для этого автотранспорт, предоставленный «Сексьон эспесиаль».

Смысловский уделял постоянное внимание издательской и общественной деятельности Солоневича. Генерал не сомневался, что при определенных обстоятельствах писатель может

возглавить русскую эмиграцию. И хотя Солоневич опровергал подобные домыслы, Смысловский, будучи амбициозным человеком, не верил ему: как можно добровольно отказываться от лидерства?

Еще большую тревогу Смысловского вызвали сведения о том, что Солоневича видели в компании с «изменниками», покинувшими «Суворовский союз». О скандально-разоблачительных выступлениях Солоневича в прошлом, о его «неуживчивости» и «неблагодарности» Смысловский был наслышан от бывших членов РОВСа, входивших в руководство «Суворовского союза». Не готовит ли Иван какой-нибудь сенсации за его, Смысловского, счет, чтобы поддержать тираж «Нашей страны»? Пока Солоневич лоялен и приветлив при встречах, но кто знает, не маска ли это опытного газетного волка?

Смысловский дал строгое указание: усилить наблюдение за издателем «Нашей страны», докладывать о каждом его шаге, заранее проверять через типографию содержание его газеты...

Лидеры многочисленных эмигрантских организаций в Аргентине поначалу не проявляли признаков враждебности к Ивану Солоневичу.

Если и распускались «порочащие слухи» о нем, то бытового характера. Например, о том, что Солоневич лучше всего творит в состоянии «подпития». У него, мол, слева от стула стоит ведро с водкой, из которого он и черпает стаканами свою энергию и вдохновение. Правой же рукой — в алкогольном трансе — он покрывает десятки листов своим энергичным почерком. Ведро с водкой, это, конечно, выдумки. Но сам Солоневич не скрывал своей слабости. Однажды он написал:

«Я никогда не принадлежал и, вероятно, никогда не буду принадлежать ни к какому обществу трезвости. Я уважаю водку. Если ее нет, то, в худшем случае, можно пить коньяк. Если нет ни водки, ни коньяку — я предпочитаю чай».

Возможно, некоторые «нюансы» своего отношения к спиртному Солоневич приоткрыл в романе «Две силы». В реальной жизни писатель бравировал перед друзьями своей «сопротивляемостью» к алкоголю. Но через выдуманного персонажа можно было сказать правду:

«Вообще говоря, Светлов не любил пить. Алкоголь как-то ослаблял тот контрольный аппарат, который всегда стоял

между Светловым и миром. Алкоголь подстегивал воображение и ослаблял напряженность. Но мир требовал вечной настороженности. Сколько уж лет прожил Светлов в состоянии этой настороженности! Когда каждый шаг нужно было обдумывать и каждое слово нужно было взвешивать»¹.

Многие представители «первой волны» эмиграции помнили о темных слухах, порочивших имя писателя. Об этих старых наветах «made in NKVD» вскоре узнали политически активные члены «второй волны». По мере ужесточения полемики «Нашей страны» с «пузырями умершего мира», «зубрами» аристократических родов и католической «пятой колонной» в среде русской эмиграции, слухи обрастали новыми «подробностями». На этой почве искусственно подогреваемого недоверия постепенно укреплялся «объединенный фронт сопротивления» Солоневичу.

Особенно активно распространению слухов о том, что писателя с первых дней пересечения советско-финской границы «подозревали в связях с НКВД», способствовал капитан Бутков. Он якобы был в курсе действий «внутренней линии» РОВСа в Софии по разоблачению «чекистской группы Солоневича», слышал о компрометирующих Бориса фотографиях («встречи» с сотрудником советского посольства), о «подозрительных» финансовых поступлениях из Стокгольма и Гельсингфорса. В «дружеских» компаниях Бутков рассказывал об этих «фактах», и, без всякого сомнения, часть этих «компрометирующих откровений» поступала в «Сексьон эспесиаль».

Полицейское уведомление, предписывающее Солоневичу покинуть Аргентину, стало для него полной неожиданностью. Добиваться справедливости у властей Иван, однако, не стал. На это потребовалось бы много времени, и, в результате, могло обернуться санкциями против газеты. Вполне вероятно, что именно этого добивались его враги. Поэтому лучший вариант выхода из драматической ситуации — отъезд в соседний Уругвай! Оттуда можно будет руководить газетой и вовремя решать возникающие проблемы.

¹ Роман И.Л. Солоневича «Две силы» здесь и далее цитируется по интернет-публикации сайта «Русское небо» (rus-sky.com).

Даже через много лет после смерти мужа Рут Солоневич утверждает, что ему «в очередной раз» не повезло со страной пребывания. Генерал Перон был президентом авторитарного типа. Вряд ли он имел представление о содержании трудов русского публициста, однако, по мнению Рут, «то, что Иван Лукьянович писал о диктаторах, очень не нравилось Еве Перон, а, через нее — ее мужу». В книге «Диктатура импотентов» ни слова не говорилось об Аргентине и порядках в стране, но, в соответствии с пословицей «правда глаза колет», Ева поверила доносам: «Книга полна недостойных и оскорбительных намеков на Аргентину!»

Солоневичу предписали покинуть страну в трехдневный срок. Он в это время лежал в госпитале в ожидании операции по поводу гайморита. Выехать в указанный срок Иван не мог. Кто-то подсказал Рут имя офицера полиции немецкого происхождения, и она, напросившись к нему на прием, объяснила ситуацию. Офицер сжалился, разрешил отложить отъезд Солоневича на несколько дней, но не более того, «иначе и он, и я будем иметь большие неприятности».

Во второй половине июля 1950 года Иван Лукьянович поднялся на борт пароходика, курсировавшего по Рио-де-ла-Плата между Буэнос-Айресом и Монтевидео. В № 50 от 5 августа 1950 года «Нашей страны» появилось извещение «От редакции»: «Ввиду того, что Иван Лукьянович Солоневич по состоянию своего здоровья и по другим, не зависящим от него, обстоятельствам, покинул пределы Аргентины, издателем и редактором газеты «Наша страна» с 1-го августа с.г. является Всеволод Константинович Дубровский».

Иван считал, что его высылка из Аргентины — следствие заговора, хорошо оркестрованной кампании лжи и клеветы, серии доносов, направленных в тайную политическую полицию его врагами из эмигрантской «головки». Он не ошибался. По свидетельству Дубровской, сразу же после высылки Солоневича ее муж был вызван в «Сексьон эспесиаль» для «профилактической беседы», видел эти доносы и на всю жизнь запомнил имена людей, их подписавших.

По сведениям Н. Казанцева, «под доносами, обвиняющими И. Солоневича в антиперонизме и прочих грехах, стояли весьма разношерстные подписи: от меньшевика Н.А. Чолов-

ского, издателя журнала «Сеятель», до монархиста-реакционера Н.И. Сахновского».

Солоневич считал, что он не давал поводов для высылки:

«В организации местных склок на мне не лежит никакой вины. Я в местной жизни не принимаю решительно никакого участия. Ни танцулек, ни рюмок чаю «Наша страна» не организует. Даже и по лотерейной части мы ни с кем не конкурируем. Местных материалов в газете нет никаких. 85 % ее тиража идет за границу».

В советском посольстве внимательно следили за «драчковой» в руководящих кругах эмиграции, изучали ее участников, писали на каждого что-то вроде «общественно-политической характеристики». Вот одна из этих справок, касающаяся Чоловского:

«В Аргентине существует антисоветская организация народников, именующая себя «Российское народное движение (РНД)». Членами РНД состоят в подавляющем большинстве новые эмигранты из Советского Союза. В нее могут войти все, кто разделяет взгляды РНД в отношении борьбы с коммунистической диктатурой. Эта группа очень бедна материально. Руководителем ее является Никифор Аввакумович Чоловский, 55 лет, выходец из Киевской губернии, работающий на улице Терада № 2982 портным. Он — старый эмигрант, в стране находится около 40 лет. Имеет свой печатный орган «Сеятель», который выходит нерегулярно и небольшим тиражом (150—200 экземпляров). У Чоловского есть дома наборный станок и шрифты, т.е. он совмещает в одном лице издателя, редактора и наборщика. Готовый набор он доставляет в типографию старого русского эмигранта — Алексея Ольсевича — на улице Доррего № 1102, где печатаются такие антисоветские газеты, как «Суворовец» и «Наша страна».

В воззвании, опубликованном РНД в «Сеятеле», ставится такая цель: «Организовать первую стадию борьбы — «холодную войну», — путем использования радио, засылки за «железный занавес» листовок и брошюр».

Другого «подписанта» — Сахновского — подозревал и сам Солоневич. Сахновский был тогда представителем Российского Имперского Союза-Ордена в Южной Америке.

«Сахновский и другие подали на меня десятки синхронизированных доносов, — писал Солоневич. — Они были инспирированы Внутренней Линией... Недавно в полицию поступил новый донос, что я пишу по директивам советского агента. Я не питаю абсолютно никаких личных настроений даже против Сахновского, хотя мне известно, что основная часть доносов последовала именно от его группы. Сахновский есть реакция в самом густом смысле этого слова. На нас, как и на «правых» вообще лежит вполне — хоть и не нами — заслуженный одиум. Наши правые — конченная вещь. Под правыми я подразумеваю дядей вот вроде Сахновского. Сахновский — это помещик до мозга костей. Основная проблема восстановления монархии заключается в полном политическом и идейном разгроме этого слоя. Квалификация С.Л. Войцеховского: «злоба, тупость, невежество и мстительность» — совершенно правильна; достаточно присмотреться к тому же Сахновскому».

Иван Солоневич был разящ, беспощаден и бескомпромиссен в своих оценках. Тем не менее, если судить по оценкам того же Казанцева, Сахновский не был столь невежественен и туп. Он первым переиздал «Монархическую Государственность» Л.А. Тихомирова, книги об убийстве Царской семьи Н.А. Соколова и М.К. Дитерихса. Перед смертью он бесплатно распространил тиражи изданных им книг и брошюр в Русском Зарубежье, словно пытаясь перечеркнуть дурную славу о себе.

По-видимому, особый вес для полиции имел донос А. Ставровского, редактора газеты «За правду», который перешел в католичество и по этой причине пользовался определенным весом в правящих кругах Аргентины¹. На Ставровского сильное влияние оказывал ксендз Филипп де Режи², иезуит высо-

¹ См.: Казанцев Н. Устремленный в будущее // «Наша страна», № 2407—2408, 28.09.1996.

² В другом написании — Режи. Его «служебным контактом» в Риме был католический священник профессор Драганович, который проводил предварительное изучение русских «дипийцев» перед отправкой в Аргентину. Наиболее «перспективные» из них в плане обращения в католичество получали адрес и телефон Ф. Режи в Буэнос-Айресе.

кого ранга с широкими возможностями и связями в аргентинских верхах. Де Режи вел «миссионерскую работу» среди русских беженцев, дезориентированных «перемещенных лиц», пытавшихся обрести надежную материальную и духовную опору в Аргентине. На этот специфический момент в деятельности ксендза по «перетягиванию» православных в католицизм Солоневич обратил внимание в первые дни пребывания в Буэнос-Айресе. Подобную вкрадчивую «технику» приобретения адептов Солоневич хорошо изучил еще в Белоруссии. В статье «Об Аргентине» он написал: «Русских эмигрантов обычно встречает католический патер о. Филипп де Режи, — наше духовенство занято более важными делами».

«Дуэт» Ставровский — де Режи больше всего усилий посвятил проникновению в военные организации эмигрантов, в том числе — в «Суворовский союз». Когда это не удалось, разящий «огонь» католического дуэта был направлен на идеологического лидера эмиграции — Солоневича.

Николай Казанцев обобщил «версии», ходившие по «русскому Буэнос-Айресу» в связи с высылкой редактора «Нашей страны». Варианты были следующими:

«— Слава богу, что выслали — советский агент! (Это совершенно явно было пущено с целью компрометировать дело Солоневича и дальше).

— Выслали по настоянию советского посольства и только потому-де, что это лишь уступка настоянию советчиков — не закрыта газета и Солоневич продолжает в ней писать.

— Правительством Перона были опрошены представители некоторых русских организаций и на основании их разговоров о «вредности» деятельности Солоневича было принято решение его выслать.

— Солоневич вообще никуда не уезжал, а все это разыграно, чтобы он мог работать спокойно.

— Солоневич уехал в США, но, чтобы это скрыть, была придумана высылка. Вообще, в саму высылку люди верили с трудом, не допуская мысли о доносах».

По мнению Казанцева, ближе к истине версия номер три — опросы действительно были, власти «отреагировали» на поступившие доносы.

«Оперативно» отозвалась на высылку Солоневича газета «Новое русское слово», издававшаяся в Нью-Йорке¹:

«По распоряжению правительства Перона из Аргентины выслан И.Л. Солоневич, редактор еженедельной монархической газеты «Наша страна». Сторонники И.Л. Солоневича связывают высылку с последними его выступлениями против военной части русских монархистов и с его призывом «не мешать Керенскому». Решающую роль в высылке Солоневича, как передают, сыграла «внутренняя линия», пользующаяся среди русской военной эмиграции в Аргентине большим влиянием. В качестве иллюстрации к настроениям этих кругов нам сообщают, что на состоявшемся в Буэнос-Айресе монархическом собрании была принята резолюция: не оказывать демократиям никакой помощи в их борьбе с коммунизмом. И.Л. Солоневич выехал в Парагвай».

Трудно сказать, какими источниками пользовалась газета при подготовке этого сообщения. Однако указание на «военную часть русских монархистов» и «внутреннюю линию» достаточно конкретно. Но «внутренняя линия» в РОВСе давно перестала существовать как активная сила, а ссылка на «военную часть русских монархистов» была слишком расплывчатая. Может быть, имелся в виду «Суворовский Союз» Смысловского? Как мы знаем, основания для нейтрализации Солоневича у «генерала Хольмстона» были...

По большому счету, Смысловский-Хольмстон был тем человеком в Буэнос-Айресе, который мог повлиять на аргентинские власти в «деле Солоневича», предотвратить его высылку. Благодаря «карманной» контрразведке, Смысловский знал о том, где и кем пишутся доносы, был осведомлен об их содержании. Более того, в одном из руководящих кабинетов «Сексьон эспесиаль» с ним советовались по поводу того, давать или нет ход «обвинительным письмам». Именно под этим названием они были зарегистрированы в учетном отделе охраны.

У Смысловского были разные варианты действий. Он мог сказать: я уверен в том, что Солоневич никогда не имел отношения ни к Коминтерну, ни к Коминформу, и, тем более, к

¹ См. номер от 9.08.1950.

НКВД-МГБ. Он мог сказать, что Солоневич лояльно относится к хустисиалистскому режиму и президенту Перону. В конце концов, Смысловский мог поручиться за Ивана. Этого было бы достаточно, чтобы закрыть «дело Солоневича». Тем не менее, беседуя с представителем «Сексьон эспесиаль», он не сказал ни слова в защиту писателя. Обвинений Солоневича в «работе на коммунистов» не поддержал, но дал понять аргентинцам, что дальнейшее пребывание писателя в Буэнос-Айресе чревато конфликтами, выяснением отношений и скандалами среди русских эмигрантов. Не преминул Смысловский предсказать, что этим воспользуется советское посольство, вербуя агентов и соблазняя эмигрантов видами на возвращение в Советский Союз.

Доносам дали ход, и Смысловский фактически определил дальнейшую судьбу Солоневича.

Уругвай – последнее пристанище

Иван Лукьянович не скрывал, что его потрясло все случившееся.

В письме Дубровскому он указывал на Сахновского как главного, по его мнению, виновника и организатора высылки. Солоневич считал, что он связан с «внутренней линией», созданной НКВД. Упоминание некоего советского агента в доносах также не сулило ничего хорошего. У него не было и не могло быть «друзей» в советском посольстве. На кого конкретно из «советских» намекали в доносе?¹

Бродя по зябкому «зимнему» Монтевидео, Солоневич, наверное, не раз вспоминал свои слова, написанные в 1939 году: «Сколько блестящих актерских одежд и бутафорских декораций упало бы перед глазами нашей совести, если бы мы захотели быть искренними сами с собой. Мне очень стыдно и больно, прежде всего, за свою собственную слабость и за свои собственные ошибки.

¹ В тот период советская резидентура воздерживалась от ведения активной оперативной работы в Аргентине. Сталин старался избегать каких-либо проблем и конфликтов с Пероном, которого рассматривал как серьезного противника Соединенных Штатов в Западном полушарии.

Но мне стыдно и за очень многих так называемых «представителей национальной общественности и нашей национальной прессы». Мне стыдно за наши бесконечные споры, сплетни, взаимную клевету, помои, ссоры и дразги. Стыдно за нашу никчемность, мелочность и злобность, за нашу неспособность к подвигу и к настоящему жертвенному служению. Стыдно прежде всего — перед Россией».

Бойцовский характер Солоневича толкал его на продолжение борьбы «до победного конца», хотя он понимал, что ужесточение конфронтации с «пузырями потонувшего мира» чревато закрытием газеты.

Рассудительный Дубровский, которого власти предупредили о возможности запрещения газеты, пытался отвлечь Ивана Лукьяновича от эмигрантских конфликтов, ориентировать его на работу для достижения более важных политических целей:

«Ты только посмотри «с холодным вниманием вокруг», что творится в эмиграции. Грызутся все. Каждый, кому доступна пишущая или типографская машина, делает это печатным способом, кому недоступна — бегаёт с доносами. Мне кажется, что на этом фоне очень выгодной была бы серьёзная позиция и линия, устремленная в будущее, мимо этого гнусного настоящего. Для этого ты должен переключить свои мысли в другую плоскость и заставить машинку не «местию дышать», а рисовать те «контуры будущей России», которые ты ведь можешь сделать настолько интересными, что люди будут зачитываться. Надо подумать и об издании «Белой Империи»¹.

Настроенный на реванш Солоневич пытался сопротивляться, считая, что излишне благонамеренные номера газеты сделают ее скучной и малопривлекательной для читателя, а, следовательно, коммерчески провальной. Указания Дубровского на необходимость тематической «реорганизации» «Нашей страны» вызывали у Солоневича понятные опасения:

«Твоя линия с абсолютной неизбежностью гарантирует ее (газеты. — Н.Н.) медленное умирание. Ты слишком осторожен. Если нельзя писать о РОВСе, демократиях, социали-

¹ Письмо В. Дубровского — И. Солоневичу, 27.09.1950 г.

стах (Чоловский ведь тоже бегал с доносами), солидаристах, сепаратистах, дворянах, Чухнове, то это означает, что нельзя толком писать ни о чем стоящем... Нужно рисковать и дальше — обдумав это риск, принимая во внимание опыт. Газета всегда держалась яркостью и смелостью... Кроме того, получается впечатление, что «им» все-таки удалось зажать мне рот — это губит весь «престиж»: напугали, наконец... Нам нужно вернуться к стилистике «Голоса России». Во всяком случае: даже если газету окончательно прихлопнут — у нас еще останется возможность что-то предпринимать. Если газета погибнет от умеренности и аккуратности — дело пропало окончательно: это будет означать, что человек исписался, струсил и что ничего большего тут ждать нельзя»¹.

Споря с Дубровским, Солоневич, тем не менее, постепенно склонялся к его точке зрения. Потеря газеты означала бы утрату всего, что было достигнуто тяжким трудом. На неопределенно долгий срок он потерял бы возможность общения с эмигрантской массой, влияния на нее.

Можно согласиться с выводом Казанцева о том, что в споре оказался прав Дубровский, который, «искусно маневрируя» (в переписке с Солоневичем), сохранил газету и заложил основы для того, чтобы она существовала долгие десятилетия. И самое главное, Иван Лукьянович получил относительно спокойные годы жизни для работы над своим капитальным трудом «Белая Империя», окончательное название которого было подсказано тем же Дубровским — «Народная монархия».

Завершающий этап работы над этой культовой книгой всех монархистов России относится к 1949—1950 годам. На рекламных (последних) страницах работы Солоневича «Диктатура импотентов» в мае 1949 года был размещен анонс о публикации новой книги автора — «Белая Империя» и подробно обозначена ее тема:

«Русская интеллигенция, «оторванная от народа» в течение лет двухсот, пыталась перестроить Россию на свой образец — на полтораста своих образцов. С этой целью она рисовала нам: отвратную рожу царской России и светлый лик великой и бескровной. Светлый лик великой и бескровной мы

¹ Письмо И. Солоневича — В. Дубровскому. Ориентировочно, октябрь 1950 г.

сейчас можем наблюдать невооруженным глазом. И можем с абсолютной степенью бесспорности установить, что все прогнозы русской интеллигенции были сплошным вздором. «Белая Империя» доказывает, что совершенно таким же вздором были все диагнозы — то есть, что русская книжная, революционная и прочая интеллигенция врала совершенно *одинаково*: и о нашем будущем, но также и о нашем прошлом.

...«Белая Империя» пытается установить своеобразие русской психологии и русской истории и дать конструктивную идею, которая была бы основана на реальностях прошлого, а не на отсебятинах о будущем. Реальность прошлого есть Империя, *самая* справедливая во всей мировой истории и построенная на «за веру, царя и отечество», а не на атеизме, керенщине или интернационале. На религии, традиции и инстинкте, а не на философии, революции и рационализме. Возрождение одиннадцативековой традиции есть единственный путь к возрождению России»¹.

В труде «Народная монархия» Солоневич на многих фактах доказал, что Российская Империя не была тюрьмой народов, что в отношении гражданских свобод она не проигрывала ни одному современному государству, включая Соединенные Штаты. Он настаивал на том, что в области материально-технического прогресса Россия «во все лопатки догоняла Америку, и если бы не революция, то к нынешним временам почти догнала бы ее».

Самодержавие было предано теми, кто толпился у трона «алчною толпою», и оболгано пропагандистами-революционерами, получившими на эти цели деньги из бездонных хранилищ «мировой закулисы». Столь разрекламированный революционной печатью «репрессивный аппарат» империи оказался беззубым, действовавшим строго в рамках тогдашнего либерального законодательства.

«Схватка за умы простого человека, «нижних чинов», была проиграна с самого начала, — считал писатель. — Силы были не равны. Идейная борьба за Веру, Царя и Отечество отступила в казармы, в полицейские участки, казенные проповеди церковного ведомства.

¹ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов.С. 238—239.

Идейная борьба против Веры, против Царя и против Отечества захватила и кафедры, и газеты, и университеты, и сельских учителей, и семинаристов из духовного звания, и артистов из Художественного театра. Честно отсиживались: мужик и штабс-капитан. И тот и другой оказались (идейно. — Н.Н.) невооруженными».

В одном из последних прижизненных номеров «Нашей страны» Солоневич вновь без колебаний подтвердил, что «задачи монархического движения остаются теми же, что и прежде:

- ликвидация большевизма;
- борьба против расчленения России;
- восстановление Российской Монархии;
- борьба с реакцией, оформление и закрепление идейной установки».

Под «реакцией» Солоневич понимал практически всю правящую элиту дореволюционной России. Он считал, что восстановление монархии на социально-административной базе старого правящего слоя физически невозможно: «Бывший русский правящий слой политически совершенно разложился до революции, и именно это разложение сделало революцию возможной».

Своей личной задачей Солоневич считал широкую пропаганду идейных установок «Народной монархии» в служилом слое, в который писатель включал не только мелкое дворянство, разночинцев, но и выходцев из купечества, мещанства, крестьянства, духовенства, офицерства и даже интеллигенцию («для служения России вовсе не обязательно состоять на государственной службе»). Это — эмигрантский компонент соиздателей будущей народной монархии.

В Советской России, надеялся Солоневич, монархические идеи обязательно найдут массовый отклик, особенно после десятилетий коммунистического эксперимента, в первую очередь в трудовых слоях населения: «Для нас масса — не демос и не плебс. Для нас масса — это наш народ. Мы по старым путям больше не пойдём. Для нас благородство будет в труде, а не в голубой крови. Для нас мужик — не ругательное слово и не существо низшей расы. Это — наш брат».

Размышляя о главном политическом и литературном труде своей жизни, его предназначении, содержании и отличии от многочисленных эмигрантских схем, программ и доктрин

российского переустройства, Солоневич настаивал на том, что его проект уникален и реализуем, потому что учитывает всю прошлую историю страны:

«Народная монархия» — это, конечно, не программа. Это попытка формулировать то *общее*, может быть, *самое* небольшое, но зато и *самое глубокое*, что говорит в русском человеке и по ту, и по эту сторону рубежа. Так сказать, формулировка *голоса крови*. Попытка прощупать то основное, что строило Россию и что будет строить ее и дальше.

Значит — не программа...

Это — попытка найти неизбежность и неотвратимость *наших* путей, путей, по которым «желающие» пройдут *победителями*, а нежелающих судьба будет отбрасывать вон.

«НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ» предназначена не для эмигрантского легкого чтения — она предназначена ДЛЯ РОССИИ.

«НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ», в сущности, является попыткой исследования тех форм, в которых русский национально-государственный инстинкт проявлялся за все века существования нации и государства»¹.

Необходимо отметить, что это произведение Ивана Солоневича привлекает все большее внимание современных историков, политологов, социологов, философов и действующих политиков, не говоря о политически активных слоях российского населения. «Народная монархия» — многослойный, насыщенный разнообразным фактологическим материалом труд, жанр которого, по верному определению одного из специалистов, «определить трудно, это — и исследование, и размышления, и философия, выстраданные при осмыслении исторического и личного опыта. Написанное И. Солоневичем звучит как многоголосый оркестр, исполняющий симфонию любви к России и боли за Россию»².

В условиях несомненного кризиса монархической идеи и ее «мобилизующей силы», ясно определившихся к концу 20-х годов, усилия Солоневича в деле защиты и пропаганды на-

¹ «Что говорит Иван Солоневич». Изд. 2-е. Буэнос-Айрес: «Наша страна», 1954 г. С. 72.

² Куклина И.Н. Страсть и боль в поисках «правильного» государства Русь // «Безопасность Евразии», № 2 (16), 2004.

родно-монархических идеалов (в еще менее перспективных для них обстоятельствах 30—50-х годов), выглядят (для его критиков) как политическое упрямство, как слепое доктринерство вопреки доминирующим мировым процессам. И в СССР, и на Западе закрепилась стандартная точка зрения на то, что все монархическое — это — маргинальное, реминисценция отжившего, своеобразная отдушина для людей консервативного склада, находящихся на правом фланге современного общества, ностальгирующих по «прежнему историческому порядку».

Сам Солоневич и в своей главной работе, и в сопутствующей публицистике не раз подчеркивал, что его идея «народной монархии» не должна восприниматься как апология исторически застывшего, неспособного к развитию и саморазвитию государственного строя. Отсюда его постоянные напоминания о том, что монархия — это естественное для России состояние власти, способствующее реализации ее целей в тесном взаимодействии с народом:

«Нам нужны: достаточно сильная монархия и достаточно сильное народное представительство, причем силу той и другого мы будем измерять не их борьбой друг с другом, а их способностью *сообща* выполнять те задачи, которые история поставит перед нацией и страной. Мне могут сказать, что это утопия. И я могу ответить, что именно эта «утопия» и была реализована на практике политической жизни Старой Москвы»¹.

И в этом плане более чем справедливо мнение И. Куклиной, исследовательницы творчества писателя-публициста, о том, что «по существу вся книга И. Солоневича посвящена одной, главной проблеме, а именно проблеме отношений между властью и народом в российской империи». Нельзя не поддержать ее главный вывод: «Эта проблема по-прежнему остается главной проблемой в нынешней России»². Многие согласятся с ее размышлениями о том, что России нужна «народная» система власти: «Она еще не сложилась, и какой она будет, и будет ли вообще — далеко не ясно. Но нельзя не

¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. С. 99.

² Куikliна И.Н. Страсть и боль в поисках «правильного» государства Русь.

понимать, что от решения проблемы «хищения народа» в самом широком смысле этого понятия никакой власти в России устранить невозможно. В конечном итоге это будет грозить разрушением самой власти. И, возможно, окончательным разрушением России»¹.

Ощущение творческой неудовлетворенности от «Народной монархии» Солоневич не скрывал. И это понятно: работа над книгой велась в сложных, не располагающих к систематическому аналитическому труду условиях. «Со времени моего приезда в Южную Америку, — писал он, — я, волею судеб, («Судьба — это политика»), меняю местопребывание свое уже в *восьмой* раз. Полное собрание моих выписок (для работы над «Народной монархией». — *Н.Н.*) представляет собою перепутанную кучу обрывков бумаги, иногда спрессованных под очень большим давлением. Для того, чтобы привести эту кучу хоть в кое-какой порядок, нужно не меньше свободного месяца. И нужна рабочая комната. У меня нет ни того, ни другого... Для «научной работы» моя обстановка не годится никуда»².

По словам Солоневича, «Народная монархия» переделывалась и переписывалась четыре раза. Лишь после высылки в Уругвай писатель смог более или менее удовлетворительно завершить свой труд, но и тогда он говорил, что это только «схема» того, что он хотел бы написать. Солоневич был уверен, что после падения Советского Союза его труд будет востребован:

«Если я не ошибаюсь очень уж катастрофически, то в России она будет отвечать всей «тенденции развития» новой и по-настоящему национальной России. И вот именно поэтому я еще и еще раз обращаюсь с просьбой к нашим друзьям исправить все ее ошибки, описки и даже опечатки. Я не историк. Объем моей «эрудиции» очень разносторонен — от Клаузевица до Маркса — и от психоанализа до оккультизма. Но в исторической работе, какой по существу является «На-

¹ Куклина И.Н. Страсть и боль в поисках «правильного» государства Русь.

² Солоневич И.Л. По поводу «Народной монархии» // «Наша страна», № 120, 3.05.1952.

родная монархия», моих знаний мне не хватает. И в этой работе могут быть ошибки. Их нужно исправить уже здесь, а не ожидать того, чтобы наши противники стали бы публично исправлять их в России. Первые два выпуска, «Основные положения» и «Дух народа», имеют очень общий характер, и в них фактические ошибки и пропуски очень маловероятны, хотя, может быть, есть и они. В дальнейших выпусках этих ошибок и пробелов будет больше. Их нужно ликвидировать уже здесь, чтобы к моменту падения пресловутого занавеса мы имели бы «катехизис», по мере возможности неуязвимый ни для какой критики»¹.

«Для отдыха» Солоневич продолжал писать в очередные номера газеты главы-фельетоны романа «Две силы». С первого номера «Нашей страны» авантюрные похождения неунывающего Степки привлекли внимание читателей. Роман печатался под псевдонимом Глеб Томилин.

Дубровская вспоминала:

«И.Л. так полюбил своего «Степку» (главный герой романа; поэтому очень скоро в разговорах роман стал называться «Степкой»), что во время каждого нашего посещения (Дель-Висо. — Н.Н.) разговор неминуемо касался «Степки» и очередных его приключений для следующего номера газеты. «Степкой» увлекались все: он пользовался исключительным успехом среди читателей. Уже из Уругвая... И.Л. меня просил, чтобы я ему посоветовала, что сделать с тем или иным персонажем романа «Две силы» (вот тогда я поняла, что И.Л. все же «накручивал на ус» мои высказывания о литературе). Однажды он драматически мне написал: «Таня, мне приходится убить Степку! Как вы думаете, убивать или нет?» Я ему ответила, что ни в коем случае, очень уж он симпатичен. И, конечно, при наличии своего колоссального таланта И.Л. сумел «спасти жизнь» Степки и выдумать новое приключение»².

В предисловии к одному из позднейших изданий книги было отмечено:

¹ Солоневич И.Л. По поводу «Народной монархии» // «Наша страна», № 120, 3.05.1952.

² Дубровская Т. «Неодинаковый» гений // «Наша страна», № 1472, 16.05.1978.

«По нашему искреннему мнению — (это) самый лучший роман о советской жизни, вышедший когда-либо в эмиграции... Основная идея романа — борьба двух сил: Бога и дьявола, добра и зла, свободы и рабства. Практическая же тема романа — борьба за атомное владычество (и, следовательно, политическое) над миром».

В краткой рецензии на «Две силы» газета «Наша страна» отметила удачные стороны книги:

«Роман — с одной стороны — это нарочито ироничное повествование, подчас напоминающее Зоценко и Ильфа-Петрова, с математически выверенным детективным сюжетом, при поверхностном прочтении почти фарсовое, что подтверждают, например, говорящие фамилии. Но налет фарса настолько тонок, что не мешает относиться к повествованию всерьез. При том, что Иван Солоневич всегда говорил, что добро и зло кристаллизуется в борьбе, положительные (условно) герои романа изображены отнюдь не однопланово и схематично; а отрицательные — это, прежде всего, серьезные противники: «Глупых людей в этом учреждении не было вообще, либо были на самых низах». Читая роман Солоневича, отчего-то вспоминаешь Владимира Войновича — он отдыхает»¹.

В «Двух силах» писатель показал, как в недрах коммунистической системы возникли и множатся потенциальные изменники, оппортунисты, могильщики советской идеологии и партийных традиций. Они двуличны, бесчестны и терпеливо ожидают подходящего момента, чтобы перевернуться на другую сторону и нанести смертельный удар в спину бывшим соратникам. Прогноз писателя о перерождении правящей элиты Советского Союза оказался точным, хотя и запоздал на пятьдесят лет. Многие «верные ленинцы и марксисты» эпохи развитого социализма служили коммунизму из соображений выгоды, и когда партийные верхи дали сигнал: бери, хватай, грабь! — вся внешне непоколебимая оболочка советского режима рассыпалась в прах...

С особой тщательностью Солоневич выписал персонажей, связанных с НКВД. Отголоски личных наблюдений писателя ощущаются на тех страницах романа, где описываются «будни» и персонажи НКВД:

¹ «Наша страна», № 2727—2728, 14.12.2002.

«Конечно, данное учреждение никак не было похоже на санаторию для нервных больных... Обычная рутина учреждения была, в сущности, довольно проста: были тысячи состоявших на службе шпионов, сексотов, засекреченных сотрудников, была цензура почты, телеграфа и даже телефона. На базе всего этого выуживались более или менее подозрительные люди, этих людей подвергали на допросах соответствующей «обработке», они подписывали все, что угодно, и — в зависимости от их вины, от общей политической конъюнктуры или даже от личных счетов и настроений — отправлялись или в концентрационный лагерь, или на тот свет. Машина работала гладко и ровно — без каких бы то ни было осечек»¹.

Самый зловещий персонаж романа — Берман, которого в партийных кругах называли «советским Фуше». Это — гений злодейства, который не признавал «умственного превосходства даже за Вождем Мироздания», то есть Сталиным. Берман ведет рискованную игру и готов к любому исходу. Не напрасно он носит на среднем пальце левой руки кольцо с порошком цианистого калия. Имя Бермана Солоневич использовал в романе по понятной причине: Матвей Давыдович Берман был начальником ГУЛАГа во времена строительства Беломорско-Балтийского канала.

Вот какой портрет *своего* Бермана нарисовал писатель:

«Маленький, тщедушный, сутулый человек... На нем — старенькое потертое пальто — и даже портфель, играющий в СССР роль внешнего атрибута власти — во внешности не было ничего особенного — кроме, может быть, лица: чем-то и как-то оно напоминало лицо насекомого — если у насекомых вообще есть лица... Из глубоких впадин иногда выглядывали глаза — и тогда казалось, они снимали моментально и до мельчайших деталей точную фотографию окружающего мира — и опять прятались назад».

Берман — наркоман. Он прихрамывает, как Люцифер, и из своего московского кабинета, сидя в центре гигантской паутины, «расплетает (а также и сплетает) нити заговоров и контрзаговоров». Он не хочет быть винтиком, он хочет стать хозяином, и в этом ему может помочь только атомная бомба...

¹ Солоневич И. Две силы.

Иван сожалел, что ограничен временем, и не может уделять нужного внимания литературной шлифовке текста. Вечный цейтнот, в котором находился писатель в последние годы жизни, а потом неожиданная смерть не дали ему возможности завершить печатание романа в газете, а потом подготовить его к изданию отдельной книгой. Но даже в таком виде роман «Две силы» является подлинным национальным бестселлером.

Первое время после высылки из Аргентины Солоневич жил в Монтевидео. Это были «зимние» для Уругвая месяцы — август — сентябрь, сильно дожило, небо было затянуто серой пеленой, что сказывалось на жизненном тоне Ивана Лукьяновича.

От переживаний он снова заболел, и если бы не поддержка Валентины Евгеньевны Леонтович-Нееловой, трудно сказать, как бы он вышел из депрессии. Иван гостил и творчески работал на ее куриной ферме в окрестностях Сориано, дожидаясь Рут, которая завершала «бюрократические дела» по отъезду из Буэнос-Айреса. Сын Леонтович-Нееловой Алексей вспоминал много лет спустя о том, как «дядя Ваня» жил в доме его матери и как собирались вокруг него по вечерам русские эмигранты, чтобы обсуждать его «передовые идеи». Самым заядлым среди оппонентов был профессор-историк Михаил Шкурин. Часто спорили до утра, и это скрашивало «долгие зимние холодные ночи, (когда) в комнате дым от папирос и от дров печурки был настолько густой, что, казалось, его нужно разрезать ножом, чтобы разглядеть лица»¹.

Иван писал сыну 19 октября 1950 года: «Сориано, конечно, дыра, но очень хорошая дыра. Чудесный воздух, тишина. Нашли для нас две квартиры и жду Рутику, чтобы решить, — в которую. Мы стоим у какого-то порога. Нужно во что бы то ни стало сохранить бодрость духа. Мой сейчас совершенно бодр и я внутренне так спокоен, как не было уже очень давно»².

Настроение Солоневича заметно улучшилось, когда приехала Рутика. Она была неплохим поваром и на ферме взя-

¹ «Наша страна», № 2505—2506, 15.08.1998.

² Казанцев Н. Устремленный в будущее.

ла на себя обязанности по приготовлению пищи. Иногда по просьбе Рут Иван сопровождал ее на автобусе в Монтевидео, чтобы жена могла сделать неотложные покупки. Неприхотливость мужа в быту Рут кое-как переносила. Переделывать его было поздно. Но она была молодой женщиной, имела четкие представления о том, как должна выглядеть супруга известного русского писателя. Иван понимал ее «резоны» и терпеливо сопровождал Рут, когда она посещала магазины дамской одежды. А потом — снова рабочие будни.

Финансовые проблемы, которые так досаждали Ивану в Аргентине, были почти полностью сняты, но не из-за повышения «рентабельности» газеты, а благодаря бескорыстной помощи бывшего русского офицера, монархиста, сына прославленного флотоводца — Вадима Степановича Макарова. Он обосновался в Соединенных Штатах, был успешным коммерсантом, и, желая поддержать теоретика народного монархизма, ежемесячно отправлял на его имя перевод на двести долларов.

К ноябрю 1951 года относится «футурологическая» статья Ивана Солоневича о начале Третьей мировой войны, ее «ходе» и завершении. Поводом к ее написанию послужил «тематический номер» американского журнала «Коллиерс» (Colliers) от 27 октября того же года, в котором прогнозировалась атомная война США против СССР с нанесением многочисленных бомбовых ударов по советским городам. Статья была опубликована под заголовком: «Предварительный обзор войны, которой мы не хотим. Поражение и оккупация России, 1952—1960». Формально это был как бы репортаж из 1960 года, когда Третья мировая война «уже завершилась».

Обложка «Коллиерса» не могла не привлечь внимания: победоносно улыбающийся американский военный полицейский в каске, с винтовкой наперевес. Он позирует на фоне карты Советского Союза, на которой броская надпись — «оккупировано». В редакционной статье подчеркивалось: «Наше описание — не итог поверхностной фантазии или торопливых гипотез. В задачи авторов не входило создание шедевра беллетристической литературы. Наш проект — трезвый взгляд в будущее».

Значительно позже стало известно, что к изданию «специального номера» журнала приложили руку Госдепартамент и Пентагон¹. То есть, это была не рядовая акция «холодной войны», направленная на укрепление антисоветских тенденций. Номер журнала стал своего рода завуалированным ультиматумом Сталину и его соратникам. В редакционной статье подчеркивалось: «Советское руководство должно изменить свои взгляды и политику. Если этого не произойдет, то, несомненно, настанет день, когда это правительство исчезнет с лица Земли. Кремль должен принять решение. И если советские руководители не изменят своего курса, им следует понять, что свободный мир будет бороться. Будет бороться и победит». По оценке многих политических комментаторов того времени, «сценарий» журнала являлся почти идентичным отражением официального американского плана Третьей мировой войны.

По версии журнала «Коллиерс», главным средством борьбы Запада с Советами в Третьей мировой войне станет ядерное оружие. В качестве предлога для войны будет использовано «советское покушение» на жизнь лидера Югославии, маршала Тито. Чтобы вернуть эту страну в лоно «народных демократий», армии СССР, Болгарии, Румынии и Венгрии перешли ее границу и двинулись на Белград. Протесты западных стран спровоцировали ярость Сталина. По его приказу мощные танковые армии были брошены против европейских стран.

Только после этого «вызова» Кремля Запад нанес «удар возмездия»: 14 мая 1952 года с аэродромов в Западной Европе, Японии и на Аляске стартовали стратегические бомбардировщики и сбросили смертоносные атомные заряды на военные цели в СССР. Бомбардировки советской территории продолжались три с половиной месяца, но кремлевский диктатор оказывал сопротивление, отвечая врагу эффективными ударами, в том числе с использованием атомного оружия.

¹ Подготовка спецномера заняла не менее 10 месяцев. В авторскую команду были привлечены ведущие интеллектуальные «штыки» Запада: писатели Артур Кестлер и Джон Бойнтон Пристли, историк-политолог Роберт Шервуд, экономист Стюарт Чейз, военный аналитик Хенсон Болдуин и другие.

По версии «Коллиерса», вооруженные силы западной демократии, поддержанные большинством членов ООН, смогли к началу 1953 года остановить наступление Советской армии в Европе.

Сталин, чтобы «перехватить инициативу», приказал нанести ракетные удары по городам Восточного побережья США. Бомбардировщик «Туполев-4» прорвался к Вашингтону 10 мая 1953 года и сбросил на него атомную бомбу. Больше месяца потребовалось американцам на ответную акцию: в полночь 22 июня 1953 года атомная бомба была взорвана над Москвой, уничтожив ее исторический центр, в том числе Кремль и собор Василия Блаженного. Части спецназа США атаковали основные ядерные объекты Советского Союза на Урале и вывели их из строя. Эти операции позволили Западу овладеть стратегической инициативой, ослабить волю Советской армии к сопротивлению. На всех фронтах армии западных союзников перешли в наступление.

В поисках выхода из катастрофической ситуации часть советской военно-политической элиты решила на организацию заговора. Сталина отстранили от власти, его кресло занял Лаврентий Берия. Однако, по сценарию «Коллиерса», эти «рокировки» стали последними конвульсиями коммунистического режима, распад которого ускорили русские эмигранты. Их сотнями и тысячами сбрасывали на парашютах для пропагандистской работы, дезорганизации тыла, проведения актов диверсии и саботажа. Удержаться у власти Берии не удалось. Боевые действия завершились в 1955 году, Советский Союз прекратил свое существование. Штаб-квартира оккупационных сил разместилась в Москве.

Вот такое победоносное развитие событий в стиле «фэн-тэзи» нарисовал американский журнал.

В том, что Третья мировая война будет развязана, Солоневич не сомневался. Он, однако, полагал, что Западу при разработке любых планов в отношении Советского Союза надо раз и навсегда отказаться от традиционных стереотипов антирусского мышления. Если этого не произойдет, то, по его оценке, Третья мировая война завершится для западной цивилизации катастрофой. Для победы над коммунизмом необходимо использовать не столько военные арсеналы, сколь-

ко соответствующую мозговую атаку, психологическую подготовку будущих успешных действий на Востоке.

«В пику» журналу «Коллиерс» Солоневич выдвинул свой вариант свержения власти Сталина. Для этого в западных зонах Германии и Австрии, по версии писателя, будут сформированы дивизии из «советских политических беженцев». Будет усилена и «скорректирована» пропаганда на «коммунистические страны» и выдвинуты предельно простые тезисы: «свободные нации» ничего не хотят от России, а также ее народа. Свободные нации ведут борьбу только против коммунизма. Запад поможет русскому народу освободиться от тирании Кремля и потом предоставит русским полное право строить жизнь так, как они захотят. После войны Запад окажет экономическую и политическую помощь тем странам, которые были поработаны коммунизмом.

Третья мировая война, по «варианту» Солоневича, «начнется» во время Первомайской демонстрации в Берлине в 195... году. Во время марша представительной делегации из Советского Союза будет спровоцирована беспорядочная стрельба, взорваны гранаты, вспыхнет паника, и толпы демонстрантов, прорвав воинское оцепление, ринутся в западную часть Берлина, ища спасения. В результате, начнутся боевые столкновения на межзональной границе, советские танки при поддержке пехоты атакуют воинские подразделения бывших союзников в Западном Берлине. В ответ генерал Эйзенхауэр отдаст приказ моторизованным частям оказать помощь осажденному гарнизону.

С таким началом Третьей мировой войны Соединенные Штаты, по оценке Солоневича, будут иметь куда больше шансов на выигрыш, чем Германия в 1941 году, причем только потому, что американцы (ради эксперимента) выделяют 300 миллионов долларов на ведение психологической войны. Эти средства пойдут на формирование восьми дивизий из членов активной эмиграции. Немцы недооценили фактор использования русских вооруженных частей против Сталина, бросили за колючую проволоку не менее пяти миллионов военнопленных, обрекая их на смерть. Но на этот раз, «опытные эксперты по русским делам», несмотря на предубеждение американцев, получили возможность (им дали на это три дня)

«превратить» «красных солдат» в «русских солдат», в бойцов против коммунизма.

Проверку боем дивизий Русской армии Освобождения произойдет на западном берегу реки Эльба, куда прорвутся советские ударные части. Русские дивизии пойдут в «мирную атаку»: винтовки через плечо, в руках — национальные русские флаги. Пропагандисты разъяснят «красным солдатам» через громкоговорители, что перед ними — истинно «русская армия», что она борется «за свободу», за то, чтобы не было ни колхозов, ни концлагерей, ни Сталина...

По сценарию Солоневича, первый признак успеха подобной акции станет очевидным утром 2 мая. На сторону «армии свободы» перейдет одна из дивизий и повернет оружие против ударных группировок «красных». Начало Третьей мировой почти зеркально повторит начало Второй мировой. Многие советские части будут сдаваться, «выбирая свободу». Чешские части займут выжидательную позицию, польские — откровенного неповиновения, маршал Тито предпочтет нейтралитет. Оборонительная система Советского Союза начнет трещать по всем швам, возникнет хаос, преодолеть который так и не удастся. К атомному оружию, однако, не решатся прибегнуть ни западные, ни советские лидеры.

В своем «прогнозе» Солоневича нарисовал картины восстания в концентрационных лагерях ГУЛАГа. Это был его любимый тезис: миллионы «зеков» — реальная сила антисталинского сопротивления. С западных самолетов на территорию лагерей сбросят грузы с оружием, взрывчаткой, медикаментами и продовольствием. Будут десантированы «революционные группы» эмигрантов численностью в несколько сот человек, которые разоружат и ликвидируют лагерную охрану и сформируют из заключенных боевые отряды. Они перережут транспортные пути, возьмут под контроль правительственные средства связи, заводы и фабрики, поддержат стихийные крестьянские восстания. «Советской режим» будет держаться только за счет свежих частей, подтягиваемых из Сибири, а также Китая и Монголии.

К концу мая — началу июня сопротивление польской армии будет сломлено, многие ее командиры, в том числе маршал Рокоссовский, перейдут на сторону союзников, армии ко-

торых будут продвигаться на Восток со скоростью 30—40 километров в день. Сталин выступит по радио с «Манифестом», содержание которого будет похожим на то, которое прозвучало в начале Великой Отечественной войны. Но в новом «Манифесте» будет обещано реформировать режим, распустить колхозы и ликвидировать концлагеря. В «Манифесте» будут с осуждением процитированы заявления американских деятелей о необходимости расчленения России, аналогичные тем, с которыми выступали нацистские руководители. Свое обращение к народу Сталин завершит призывом: «За Бога! За Родину! За Сталина!»

Этот «маневр» Сталина позволит затянуть войну еще на один месяц. Русские патриоты в рядах Красной армии не согласятся с тем, чтобы Россия была «разрезана» на куски. Единая и неделимая Россия, как может быть иначе?! Бои к тому времени будут разворачиваться в районе Смоленска. Чтобы перехватить инициативу, президент Трумэн предложит Конгрессу выступить с торжественным заявлением о невмешательстве во внутренние дела России. Правда, с одним исключением: Организация и армии Объединенных Наций возьмут на себя обязанность обеспечить демократическое и свободное голосование на период избрания будущего правительства России.

Русские эмигранты поддержат заявление Конгресса США. В их обращении будет указано, что шестимиллионная Русская армия Освобождения явится гарантом российской независимости. Заявление подпишут представители Династии, социалисты, церковные авторитеты, а также такие известные в эмиграции люди, как профессора Ипатьев и Чичибабин, авиаконструктор Сикорский, дочь писателя графиня А. Толстая, писатель И. Бунин и другие.

Серьезная угроза для советского режима возникнет 10 июля, когда армия Освобождения на трех участках фронта добьется значительных успехов и создаст угрозу прорыва к Москве. Для усиления оборонительных линий из столицы будут переброшены надежные части МВД, а с Востока — новые китайские армии. На фронт прибудет Сталин, чтобы личным примером воодушевить войска. Командование обороной Москвы будет поручено маршалу Жукову. Однако битвы за

столицу не последует. 24 июля мир будет потрясен неожиданным радиосообщением. По постановлению Высшего военного совета, возглавляемого Жуковым и рядом других генералов, Иосиф Сталин, весь состав Политбюро и половина членов ЦК партии будут арестованы и повешены. Листовки с фотографиями казни распространят по всей стране. В декларации Совета будет предложен «почетный мир» армии Освобождения, которая перейдет под начало Русского командования, сформированного из советских генералов, победивших во Второй мировой войне.

Это будет взрыв анти-атомной бомбы! В США начнется «эпидемия» пацифизма, изоляционизма и разоружения. Ведь коммунизма и Сталина больше нет! 27 июля 195... года в Москву без единого выстрела войдут части Русской армии Освобождения. В этих обстоятельствах маршал Жуков будет как бы «воплощать» роль адмирала Деница в дни капитуляции Германии: он передаст власть русской армии и обратится к стране, заявив о необходимости признания нового Временного правительства, действующего в полном согласии с Организацией Объединенных Наций.

В свою «фантазию» на тему Третьей мировой Солоневич включил трогательную «автобиографическую картинку»: 14 ноября 195... года он будет сидеть на берегу реки Уши с удочкой в руках. В последний раз на этом же самом месте он рыбачил в 1933 году накануне очередной попытки побега. Много воды утекло с тех пор, «автор явно несколько постарел». Иван будет размышлять о революциях, о том, что их предотвращение становится все более дорогостоящим занятием. Но главная тема его раздумий — о политике «ястребов» в Соединенных Штатах, которые, в подражание журналу «Коллиерс», планируют расчленение России.

В завершение своей публикации Солоневич предостерег: попытки подобного рода приведут к началу Четвертой мировой. Стремление к расчленению России обернется суровыми последствиями для страны, которая попытается сделать это, то есть для Соединенных Штатов. Солоневич указал и на то, что планы атомной войны — обоюдоострое оружие. На Соединенные Штаты обрушится ответный удар возмездия, ведь у Советского Союза есть свой ядерный арсенал...

С похвалой об этой статье Ивана отозвался Смысловский, опубликовав в газете «Суворовец»¹ аналитический материал «От тактических побед — к стратегическому положению»:

«Талантливый ответ И. Солоневича безграмотному «Колиерс» в статье «Третья Мировая война в три месяца» является, конечно, фантазией, но ведь и фантазией были в свое время технические романы Жюль Верна. Его предсказания сбылись, и я склонен предполагать, что война может развернуться, скорее, по фантастической статье И. Солоневича, чем по весьма «реальным расчетам» американского «Колиерс».

С помощью друзей Солоневич перевел статью на английский язык и включил ее в качестве вкладыша в очередной номер «Нашей страны». Писатель хотел, чтобы его «сценарий» Третьей мировой стал известен в Соединенных Штатах. Для него это была возможность рассказать американцам о том, что думают русские патриоты-антикоммунисты о судьбе Советского Союза, о будущем устройстве России, о том, согласятся ли русские в стране и за ее рубежами на расчленение и оккупацию «великой и неделимой».

И еще он хотел пошатнуть стереотипы, сложившиеся о нем в США (реакционер, черносотенец, поклонник фашистов, империалист и т.д.), послать сигнал правды о себе, о своих настроениях, о своих мыслях и прогнозах. Враждебные слухи о нем распространялись почти всеми, кого он так или иначе «затрагивал» в статьях: от «Социалистического вестника» до мадам Кусковой, которая внушала эмиграции, что она «дала Солоневичу слишком много свободы». Но что будет с ним, если эту свободу урезать, что останется от его публицистики, заставляющей думать даже тех, кто не утруждает себя мозговой работой?

Последний адрес Солоневичей в Уругвае — городок Атлантида, который расположен в часе езды автобусом от Монтевидео. Для Рут этот курорт был идеальным местом для жизни: «Мы переехали на побережье и сняли хороший маленький домик с садом. В пяти минутах ходьбы от дома было море». В то время Солоневичи уже хлопотали о переезде в Соеди-

¹ «Суворовец», № 35 (204), 1952.

ненные Штаты и по этой причине решили, что не будут заводить живности: жалко бросать. Несмотря на уговор, Иван Лукьянович «живность» все-таки приобрел. Однажды ранним утром он разбудил Рут и пригласил ее на крыльцо. У дома весело помахивал хвостиком черный, как уголь, щенок. Скорее всего, его подбросили соседи, решив, что «гринго» сжалется над щенком и возьмут к себе. Так и получилось. Мурза очень привязался к ним, и потом — после смерти Ивана Лукьяновича, Рут, готовясь к отъезду в США, переправила его к тете Вале на ферму.

В конце 1952 года Юрий и Инга, направлявшиеся из Аргентины в США на борту грузового судна «Алрасса», побывали в гостях у Ивана и Рут (судно сделало остановку на два дня в порту Монтевидео). Юрий поразился тому, как быстро за последние месяцы состарился его батька: «Физически — половина того, что было. Уже в Аргентине оставалось немного. Уругвай съел еще килограммов пятнадцать. А 15 кг при его костях — это очень много. В его разговорах, а говорить с ним уже все последние годы можно было только о политике, было еще больше злобы, еще больше ненависти. Все «постороннее» просто перестало его интересовать. В его словах о монархии была такая дикая сила, такая абсолютная уверенность, что даже я, монархист по религии, столбенел и казался себе неверным Фомою... Но от батьки, моего салтыковского бога, не осталось почти ничего. Ни футбола, ни Анатоля Франса, ни даже уже и «Кожаного Чулка», который еще в Аргентине лежал у него на ночном столике... Может быть, в подсознании уже было чувство, что времени осталось немного. Язва желудка — все думали, что это язва, — болезнь не для политического деятеля. Вот во что обошлась батьке «политика»¹.

«Умер при таинственных обстоятельствах...»

Бойцовский темперамент Солоневича подорвала болезнь, которая подкрадывалась к нему исподволь, потихоньку, не вызывая у Ивана Лукьяновича особого беспокойства. И вдруг —

¹ Солоневич Ю. Цена жизни // «Наша страна» № 176, 30.05.1953.

обвал: невыносимые боли в желудке, и, как следствие, необходимость срочной операции.

О последних днях жизни Ивана Лукьяновича ходит много недобросовестных выдумок и откровенного вздора, претендующего на сенсационность. Вот характерный образец подобных измышлений: «За свои взгляды, которые Солоневич так страстно отстаивал именно в этой книге («Диктатура слоя»), автор заплатил жизнью. Карающий меч Коминтерна настиг его в далеком Уругвае: он был приговорен НКВД как «агент гестапо», и одновременно фашистской эмиграцией, как «агент НКВД». Оба приговора были приведены в исполнение членами «антисоветской организации» НТС»¹.

Редакция «Нашей страны» последовательно опровергла и высмеивала фальшивки такого рода. Первое сообщение о болезни Солоневича появилось в «Нашей стране» (№166, 21.03.1953):

«Недомогания, не оставлявшие Ивана Лукьяновича в течение последних двух лет его жизни в Уругвае, в последнее время, постепенно усиливаясь, приняли форму тяжелой болезни, в основе которой — анемия в очень острой форме (меньше половины нормального количества красных кровяных шариков в составе крови) и ухудшение болезни желудка на нервной почве.

Необходимость целого ряда клинических исследований заставит, или уже заставила, Ивана Лукьяновича провести некоторое время в клинике. Тяжелым заболеванием И.Л. объясняется, в частности, и его молчание по поводу создавшегося вследствие смерти Сталина нового положения в Кремле. В портфеле редакции имеются еще две-три статьи И.Л., но — если болезнь его затянется и не даст ему возможности нормально работать, — возможен некоторый перерыв в его участии в газете».

О своей язве желудка Солоневич писал в одной из статей, но как бы между прочим. Его ближайшее окружение тоже не сомневалось, что именно в этой язве причина его перманентных физических недомоганий. В статье «Осложнение», которая появилась в № 168 газеты (4.04.1953), Солоневич подробно рассказал о своих попытках подлечиться, вернуть былую

¹ «Наша страна», № 2397—2398, 20.07.1996.

«спортивную форму». Близкий друг его — отец Александр Шабашев — организовал для Ивана Лукьяновича бесплатную консультацию у некоей знаменитости. Доктор торопливо, без анализов и снимков, осмотрел писателя и заявил:

«Вам за шестьдесят, биография у вас такая-то, чего же вы хотите? Благодарите Бога, что вы вообще еще живы!»

«Диагноз» этот Солоневичу не понравился. Он ничего, в принципе, не объяснял. Почему год «свирепой диеты» не привел к улучшению, почему прошли острые желудочные боли, а физические кондиции резко ухудшились, причем настолько, что и пятьсот метров прогулочным шагом давались с большим трудом?

О запущенном малокровии Ивана Лукьяновича предупредила врач Галина Николаевна М.: «Ногти у вас совсем белые — сделайте анализ». Анализ сделали: диагноз подтвердился. И тут на Солоневичей обрушилась новая проблема: как оплатить лечение? Из государственной больницы Иван Лукьянович, по его словам, «сбежал на четвертый день», а частные клиники были ведущему публицисту Русского Зарубежья не по карману. В своей статье Солоневич признался в «неплатежеспособности»: «В общем, дело обстоит так: пока будет применяться паллиативное лечение, ибо для настоящего денег нет».

Публикации «Нашей страны» о болезни Солоневича привлекли внимание читателей по всему Русскому Зарубежью. В редакцию стали приходить денежные переводы и письма с вложенными купюрами, почти всегда на небольшие суммы, с пометкой «на лечение». Эти люди сами нуждались, не всегда разделяли политические взгляды Солоневича, но пройти мимо отчаянного сигнала SOS газеты не могли.

Иван Лукьянович был помещен 14 апреля в лучший в Монтевидео Итальянский госпиталь. Организм писателя был так ослаблен, что еще до операции врачам пришлось сделать несколько переливаний крови. Около недели ушло на обследование, — анализы, рентгеновские снимки. Врачи сообщили, что оснований для тревог нет, что признаков рака в кишечнике и двенадцатиперстной кишке не обнаружено. Есть только опухоль, которая мешает поступлению пищи из желудка в кишечник, ее-то и предстоит удалить. Известие успокоило

Ивана, и он завершил 20 числа свою очередную (как оказалось — последнюю) статью «Отец по наследству», посвященную смерти Сталина¹. На ее полях, карандашом, Солоневич сделал приписку, адресованную Дубровскому о том, что операция назначена на ближайшие дни и что после нее есть все шансы на быстрое выздоровление.

Задерживаться в госпитале Иван не собирался. Он был полон новых планов, беспокоился о незавершенных делах: «Не вышли обещанные «Тезисы Народно-Монархического Движения», не вышло задуманное «Руководство для пропагандистов», еще не переделана «Фальшивка Февраля», статья о «Правизне и левизне» лежит в совершенно сыром виде. Роман («Две силы». — Н.Н.) пишется с великим трудом и с большими переборами, — о качестве его я уж и не говорю»².

И еще он собирался написать брошюру, «предназначенную для широких кругов населения США». «Мы должны приехать в США не с пустыми руками, — сказал Иван жене накануне дня операции. — Слишком много сплетен распространяется обо мне. Эта брошюра станет нашей «визитной карточкой» для американцев». Иван надеялся, что в 1953 году они сумеют переехать в Соединенные Штаты. Соответствующее приглашение Госдепартамента он уже получил. Изобретатель вертолетов Игорь Иванович Сикорский предоставил Солоневичам афидевит: ручательство для переезда. Как вспоминала Рут, Иван Лукьянович хотел «оставить в Уругвае» все свои болезни, приехать в США таким, каким он был раньше, полным сил и энергии. Сказывалась и тоска по сыну, все понимающему другу, собеседнику, надежному спутнику.

Накануне операции Иван Лукьянович был спокоен, не догадываясь, что у него рак желудка, запущенный и фактически «неоперабельный». Рут была рядом с мужем до позднего вечера и с трудом сдерживала слезы. Врачи поставили ее в известность о реальном положении вещей, скрыв правду от Солоневича и, наверное, были правы. «По крайней мере, его последние дни, — писала газета «Наша страна», — не были

¹ «Наша страна», № 172, 2.05.1953.

² Солоневич И. Осложнение // «Наша страна», № 168, 4.04.1953.

омрачены сознанием, что смерть почти неизбежна при любом исходе».

На следующий день вскрытие желудочной полости подтвердило самые худшие опасения. Один из хирургов обреченно сказал: «Ну, тут все равно ничего не поделаешь, давайте зашьем». Второй возразил: «Нет, мы должны сделать все, что возможно, будем оперировать». Операция длилась три часа: пришлось вырезать две трети желудка, часть двенадцатиперстной кишки, на которой были обнаружены язвы. Оказалось, что раком была затронута и печень.

Рут не отходила от операционной ни на шаг. Она подробно описала все, что произошло, своим друзьям в редакцию «Нашей страны»:

«Во время операции все шло хорошо. Сердце работало вполне нормально. После трехчасового, мучительного ожидания мой муж был перенесен из операционной в палату и постепенно приходил в себя после наркоза. Я сидела возле него и держала его руку, в которой находилась игла аппарата для переливания крови, чтобы предупредить возможность нечаянного движения. Мы разговаривали, и я старалась успокоить его страдания, уверяя его, что скоро, скоро все пройдет, и он будет снова нормальным здоровым человеком. Так прошло около часу времени. Вдруг, совсем неожиданно, он стал задыхаться, и дыхание прервалось. Лицо его сразу же посинело... Доктора пытались помочь массажем, инъекциями... Все было напрасно»¹.

Сердце Ивана Солоневича остановилось в полдень 24 апреля 1953 года. В день похорон отец А. Шабашев долго всматривался в лицо друга, удивляясь его спокойствию, просветленности, тому высшему блаженству в чертах лица, которое характерно для людей, честно потрудившихся на своем веку и ушедших в мир иной с чувством исполненного долга. Священник совершил отпевание и проводил тело на Английское кладбище, по регламенту которого сохранность могилы была гарантирована на 99 лет. Рут верила, что «после освобождения России от большевиков, русский народ вспомнит об Иване Солоневиче и найдет для него кусочек земли на его Родине, которую он так любил, которой отдал всю свою жизнь»...

¹ Дубровский Вc. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича // «Наша страна» № 173, 9.05.1953.

Ивана погребли рядом с моряками с немецкого крейсера «Граф Шпее», который был затоплен экипажем в Рио-де-Жанейро после ожесточенного неравного боя с английской эскадрой. По мнению Рут, «это было лучшее место на кладбище». Что ж, в выборе именно этого места было нечто символическое: Иван Солоневич всю жизнь вел неравный бой с врагами монархии и Исторической России...

Розыскное дело 4-го Управления МГБ № 973 на Ивана Солоневича было закрыто 29 июня 1953 года, через два месяца после его смерти.

Есть нечто символическое в том, что совпали по времени две смерти — Сталина и Солоневича, — принципиально непримиримых врагов. Символично и то, что некролог Солоневичу и его статья о смерти Сталина «Отец по наследству» были опубликованы в одном и том же 172-м номере «Нашей страны» (2.05.1953). Один из них железной рукой правил огромной страной, создав общество казарменного социализма. Другой, обладатель крепких кулаков, следуя своему инстинкту, несокрушимой воле, консервативно-охранительным семейным традициям, бежал за рубеж, чтобы оказывать оттуда сопротивление «всемогущему большевистскому диктатору».

Личность Солоневича вряд ли интересовала советского вождя (мало ли на свете людей, ненавидящих товарища Сталина!). Но с содержанием книги «Россия в концлагере», которая нанесла столько вреда авторитету Советского Союза, Сталин был знаком.

Статья Солоневича «Отец по наследству» — последний аккорд его многолетней публицистической деятельности. В статье нет и намек на торжество, мол, труп врага всегда хорошо пахнет. По мнению Ивана, Сталин «из всех людей человечества, вероятно, ближе всего стоял к престолу Сатаны». Это — самое сильное «выражение» в адрес советского вождя. Еще одну характеризующую «формулу» писатель позаимствовал у Есенина: «Черный, черный, черный человек».

Для Солоневича смерть Сталина, «Гениальнейшего», — важный предлог, чтобы затронуть вопрос о «роли личности в истории». По оценке Солоневича, «горькая судьба подарила

коммунистической революции две «личности» поистине чудовищного калибра: Ленина и Сталина. Так же очевидно, что та же горькая судьба не подарила нам (русской эмиграции) никого. Ленин и Сталин шли во главе блестяще организованного, но количественно ничтожного меньшинства России и мира, и до смерти Сталина было очень много оснований опасаться, что коммунизм захватит весь мир. Теперь таких оснований стало гораздо меньше».

Статья Солоневича написана, если можно так выразиться, в «жанре некролога». Она как бы подытоживает жизнь Сталина. В небольшой биографической справке говорится:

«В возрасте семнадцати лет он уверовал в марксизм, сидел за него, рисковал виселицей, и никогда с этой стези не сходил. Он сразу же пошел за Лениным, и пока дело шло о более или менее теоретических построениях, оставался где-то на третьем плане. Но когда дело дошло до практики, а верховного судии — Ленина — уже не было, тогда Сталин сразу подавил, смял и потом уничтожил всех своих конкурентов и противников... И Сталин стал, практически, во главе первого в истории человечества государства, да еще великого государства, «где общность имущества» в момент смерти Ленина охватила всю промышленность и где ему, Сталину, оставалось закончить «общность» коллективизацией деревни».

Солоневич поставил несколько вопросов: Что ожидает Россию после Сталина? Кто сможет управлять ею? Чем завершится борьба «за наследство Сталина»? Как «свободный мир» будет строить свою политику в отношении «диктатуры страха и крови»?

Для писателя несомненно, что после ухода Сталина советская власть ослабеет и что в «коллективном руководстве», в которое входят Маленков, Берия, Молотов и Каганович, рано или поздно начнется борьба за власть, потому что «единая партия автоматически приходит к единоначалию». «Но кто же будет этим единым начальником? — вопрошал писатель. — И где — в «президиуме» или в подвале, — решится этот вопрос? Сейчас никто этого не знает, даже и Маленков. По всем разумным соображениям можно утверждать, что без очередной резни не обойдется. Члены «президиума» едва ли питают какие бы то ни было иллюзии на этот счет».

Сбылось и другое предсказание Солоневича: о неизбежной пассивности Запада после смерти Сталина:

«Момента слабости советской власти «свободный мир» не использует, как в свое время он не использовал моментов слабости Гитлера. Демократическая политика есть *всегда* лоскутная политика, робкая, противоречивая и недальновидная. Это нужно принять как факт...»

Версию о том, что в смерти Ивана Солоневича есть «сомнительный аспект», поддерживал его брат Борис. В предисловии к роману «Две силы» он писал: «Как известно, автор больше десяти лет тому назад умер в Уругвае *при чрезвычайных таинственных обстоятельствах*». По некоторым свидетельствам, Борис вставил эту фразу по просьбе издательства «Свободное слово Карпатской Руси». Руководствовалося оно понятными соображениями: автор, погибший от рук советских агентов, не мог не вызывать симпатий читателей-эмигрантов, и, следовательно, способствовать успешной реализации тиража.

Дубровская опровергала выдумки о «таинственных обстоятельствах» и «агентах». В письме к представителю «Нашей страны» в Бразилии Л. Рубанову она со свойственной ей прямотой рассказала о причине и обстоятельствах его смерти:

«Вкратце: И.Л. еще здесь, в Аргентине, очень страдал от язвы желудка, но не лечился и много пил. Вам, как его закадычному другу, могу сказать то, что никому никогда не рассказываю. Когда мы еще жили вместе (первые шесть месяцев нашего с Вс. К. пребывания в Аргентине) с Солоневичами, то сама видела, как И.Л. днем держал диету, а вечером переходил на вино. Когда он переехал в Уругвай, его язва ухудшилась и, наконец, перешла в рак. Не знаю, кто его оперировал, но все время болезни он был окружен теми русскими, которые и по сей день являются верными подписчиками «Нашей страны», и никто из них не был подозрителен. Надо принять во внимание, что организм И.Л. к тому времени настолько ослаб, что не удивительно, что он не выдержал операции. К тому же он фактически никогда и не лечился. И если и ходил к докторам, то потом не исполнял их предписаний. Да и курил он как в старые добрые времена. То, что И.Л. зарезали,

придумал Б.Л., — не знаю, зачем. Здесь же и в Уругвае таких сплетен даже не бывало»¹.

С подлинной болью переживала смерть мужа Рутика. Через две недели после смерти Солоневича новый главный редактор «Нашей страны» Всеволод Дубровский так написал о ней:

«Я хочу сказать несколько слов о мало кому известной самоотверженной женщине, которая отдала себя всю заботам об Иване Лукьяновиче... о его второй жене. Немка по происхождению, она сумела под влиянием Ивана Лукьяновича войти в круг тех интересов, которыми жил ее муж, и стать необходимой ему и незаменимой спутницей его жизни... до последнего его вдоха. Он умер на ее руках. Это она, еще не придя в себя после пережитого ею потрясения, на следующий день после погребения Ивана Лукьяновича нашла в себе силы написать мне подробное письмо, многие строки которого расплылись от капающих на них слез... и описать все детали происшедшего, помня, что Иван Лукьянович, как она пишет, «принадлежал не только нам, его близким», и считая своим долгом рассказать о его последних днях всем тем, кто прислушивался к его словам, кто разделял его идеи, всем тем, нам неизвестным — многочисленным — членам Народно-Монархического Движения, кому он принадлежал так же, как и своим близким»².

По словам Казанцева, Рут «была преданной нянькой и сиделкой Ивана Лукьяновича, в особенности в последние годы его жизни. Она целиком отдала себя уходу за Иваном Лукьяновичем, а после его смерти, — оставшись совсем одинокой, — пережила большую личную трагедию. Она потеряла сразу и мужа, и какую-то точку опоры в том пространстве между двумя родинami, в котором она жила последние годы, утратив свое немецкое отечество и, в сущности, не обретя нового — русского. Тем не менее она нашла в себе сил воспрянуть, переехать в США и даже поступить там, несмотря на свои уже немолодые годы, на медицинский факультет»³.

¹ «Наша страна», № 2405—2406, 14.09.1996.

² Дубровский Вс. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича.

³ Казанцев Н. Жены Солоневичей.

В те дни много было написано скорбных слов об уходе Ивана Солоневича. Из Нью-Йорка прислал свой реквием Юрий:

«У батьки были две надежды в жизни. Одна — для России, другая — для себя. Для России — Монархия. Для себя — озерко с хибаркой в лесу, удочка и пишущая машинка. В идеале — обе эти надежды сливались в одну: озерко на Урале. И, может быть, большее всего то, что даже этой, маленькой и такой дешевой мечты, так ему и не сбылось осуществить: хоть полгода на озерке с удочкой и пишущей машинкой... Не уберегли, говорят... Его нельзя было уберечь. Он сам себя сгрыз изнутри»¹.

В номере газеты с некрологом Ивану Солоневичу появилось следующее объявление:

«В опровержение уже появившихся злостных слухов о том, что с уходом из жизни Ивана Лукьяновича, кончено и дело «Нашей страны», мы заявляем категорически, что «Наша страна» *будет* выходить так же регулярно, как и до сих пор, и будет служить той же цели и той же идее. Мы отдаем себе ясный отчет в том, что *заменить* Ивана Лукьяновича не может никто, но продолжать его дело мы *будем* с твердой верой в помощь Божию, по мере наших сил и возможности». Эти слова были написаны Всеволодом Дубровским, который стал преемником Солоневича на посту издателя «Нашей страны». Он без колебаний возложил на себя ответственность за судьбу монархической газеты², понимая, что это его долг перед читателями газеты, и моральный — перед памятью друга. Газета стала альфой и омегой жизни Дубровского.

Подписчики были оповещены о том, что редакция, помимо нескольких готовых к печати статей Солоневича, располагает полной рукописью главного труда его жизни — «Народная Монархия». Дубровский обещал завершить его печатание в газете, а также выпустить отдельным изданием, чтобы он «дошел до русского народа, которому он посвящен, для которого он написан». Дубровский выполнил свое обещание.

¹ Солоневич Ю. Цена жизни.

² «Наша страна», № 1394, 16.11.1976.

В память об Иване Лукьяновиче он собирался подготовить и издать полное собрание сочинений в 18 томах. Вышло два первых тома: «Великая фальшивка Февраля» и «Диктатура слоя». Из-за финансовых трудностей и ухудшающегося здоровья Дубровский осуществить эти планы не смог.

Ноша была тяжелой, почти непосильной. Слово «отдых» исчезло из его словаря, и это в Аргентине с ее великолепными океанскими курортами! Сердечные боли преследовали Дубровского все последние годы жизни, и он стал «следить» за своим здоровьем не из-за страха смерти, а из-за опасений за судьбу газеты: бросил курить, сел на мучительную бессолевую диету. Препятствий для выпуска газеты у него было не меньше, чем у Солоневича, работать приходилось «в тесном окружении политических капканов и доморощенных, не менее опасных насекомых — завистников, непризнанных писателей, склочников и мстителей, готовых из-за пустяка в ложке утопить».

Но он выстоял:

«Без связей и знания испанского языка, без денег не только на типографию, бумагу и почтовые расходы, но и на хлеб насущный, Всеволод Константинович с женой, в незнакомой стране, без предварительного опыта и знающих помощников, мало сказать — сохранил жизнь и уберег от политического рахита не поднявшуюся еще на ноги газету; он сумел воспитать ее, дать ей твердое направление, привлечь серьезных авторов, а с ними и постоянных подписчиков — единственных финансистов газеты: ни от каких предприятий, обществ, союзов или партий «Наша страна» не приняла ни одной копейки и пользуется, от рождения до наших дней, *полной независимостью*. Это — ее едва ли не главная гордость заслужена усилиями и твердостью покойного редактора; ценой его рано оборвавшейся жизни...»

Скончался Левашов в ночь под 13 ноября 1966 года. Бразды правления газетой приняла в свои руки Татьяна Владимировна Дубровская. В некрологе мужу она написала, что газета «остается верной изначально поставленной цели. Служение родине продолжается. В выходе газеты произойдет перерыв на одну — две недели, после чего, благодаря блестящей организации дела, исполненной В.К. Дубровским, выпуск будет возобновлен без каких бы то ни было затруднений».

Татьяна Дубровская сохранила прежнюю направленность газеты, способствовала привлечению в нее способных авторов, в том числе из эмигрантской молодежи. В 60-х годах, в частности, к редактированию «Нашей страны» был привлечен Николай Казанцев, который стал известным аргентинским тележурналистом, автором предельно правдивой книги о Мальвинской войне.

Дубровская ушла из жизни в апреле 1982 года. Все думали, что выпуск газеты задержался из-за англо-аргентинского конфликта, и номер с траурной каймой стал для читателей полной неожиданностью. Один из них написал:

«Татьяна Владимировна была редкой русской женщиной-патриоткой. Умерла, как жила — на службе России. Да будет ее светлая память нам примером — вдохновляющим и помогающим сохранить «Нашу страну» на высоком уровне в бескомпромиссно национальном духе и не замутненной междоусобной бранью и внутриэмигрантскими «полемиками». Правое дело, которому Татьяна Владимировна посвятила свою жизнь, обязывает и нас служить главному: России, — не размениваясь на эмигрантские мелочи».

Так получилось, что все близкие Ивана Лукьяновича оказались в Соединенных Штатах.

После смерти Ивана Борис считал себя законным лидером и хранителем традиций «клана Солоневичей», хотя Юрий этого права за ним не признавал по вполне понятным причинам. Когда писатели Б. Башилов и Б. Ширяев отказались доработать роман «Две силы», Борис взялся за это сам. С тех пор роман неизменно печатается с написанными им финальными эпизодами. Борис внимательно следил за всем, что публиковалось в 50—80-е годы об «эпопее Солоневичей», давая через прессу отпор тем, кто пытался очернить имя брата.

Одно из таких опровержений появилось в журнале «Наши Вести». Некий М. Георгиевич в очерке «Свет и тени», опубликованном в № 210 этого издания, написал:

«Побег. Боюсь разочаровать читателей из тех, кои ожидают от этой главы «пинкертоновщины». Любителей подобного жанра отсылаю к Ивану Солоневичу. В его первой нашумевшей книге («Россия в концлагере») есть именно то, что им нужно, т.е. занимательное описание побега, состряпанное

первоклассным публицистом. Не хватает лишь одного — не-многого — правды. По опыту готов присягнуть, что покойный И. Солоневич бежать так, как он описывает, из-за железного занавеса не мог».

Ответ Бориса привожу полностью:

«Эта книга, «состряпанная» моим братом 25 лет тому назад, вышла в многочисленных русских изданиях и на иностранных языках. Она, действительно, «нашумела», но не своей «пинкертоновщиной», а очень глубоким анализом советской действительности и полным разгромом надежд на «эволюцию советской власти». Я лично был «соавтором» побега, и описание моего побега приложено, как последняя глава к (тексту) «Россия в концлагере». За все прошедшие 25 лет я нигде не встречал сомнений в правдивости наших описаний. Только левая мадам Кускова упрекнула брата в пристрастности описания СССР («не те краски»). Почти по этому же пути — из карельских лагерей в Финляндию — бежали до нашего побега: Бессонов («26 тюрем и побег») и проф. Чернавин с женой и маленьким сыном («Я говорю за молчащих»). После нашего побега удрать удалось Никонову-Сморозину («Красная каторга» — он там пишет и обо мне на Соловках) и уже в начале войны ст. лейт. П. Ваулину. И у них были свои «приключения». Побег из СССР — не прогулка по Невскому. Но их описания не были оскорблены словом «пинкертоновщина». И вот теперь, через 10 лет после трагической (и таинственной) смерти Ивана на боевом антибольшевистском посту, ВДРУГ в Белом журнале появляется оскорбительное обвинение во вранье. Да еще и «под присягой». Зачем ТЕПЕРЬ порочить автора, который уже ответить не может? Это еще было бы понятно в просоветской прессе, но в БЕЛОМ журнале?

Хочется верить, что этот недостойный удар по памяти моего покойного брата (отчасти и по мне) — только просто легкомыслие М. Георгиевича и недосмотр редакции.

Все это не только досадно, но и больно!»¹

Борис издавал газету «Родина», но когда слепота стала прогрессировать, — бросил все дела и поселился в доме для престарелых в Глен-Кове около Нью-Йорка. Умер 24 февраля 1989 года, похоронен в Новом-Дивееве (США).

¹ Письмо в редакцию // «Наши вести», 1.01.1964.

К его жизни и творчеству современный читатель проявляет все больший интерес, и было бы неправильно считать, что только в качестве «второго я», «отраженного света» старшего брата. Книги Бориса как документальные, так и художественные, издаются не только в России. Например, в Болгарии отдельной брошюрой вышел в свет его очерк под названием «Рассказ лекаря в советском концлагере», который впервые был напечатан в 1937 году в газете «Голос России». Авторы предисловия отметили, что «как всякое истинное произведение искусства, «Рассказ лекаря» — художественный документ нашего времени и полноправно входит в ряд книг, разоблачающих социалистический тоталитарный режим, в котором блещет бисером «Доктор Живаго», «Один день Ивана Денисовича», «Дети Арбата» и «Котлован»¹.

Юрий Солоневич после четырех лет в Аргентине переехал вместе с женой Ингой в Соединенные Штаты. В Нью-Йорке им не понравилось: равнодушный город, в котором было неуютно, и даже работа не доставляла радости. Поэтому в 1955 году они перебрались в окрестности городка Роаноук в штате Вирджиния, пейзажи которого напоминали Юрию Россию, а Инге — Финляндию. Они приобрели 130 акров земли в холмистом уединенном краю, куда можно было добраться по грунтовой дороге. На лесистом склоне горы Солола Солоневичи построили дом, из окон которого открывался прекрасный вид на долину Роаноук.

Чуть позже — по соседству с домом, получившим имя «Солола», — была возведена одноэтажная постройка, получившая громкое название школы. Впрочем, все необходимое для занятий там было: студии для индивидуальных занятий и несколько «жилых кабинок» для будущих учащихся. Деньги на строительство Юрий, переделавший свое имя на местный манер — в Джорджа, зарабатывал тем, что иллюстрировал детские книги, и делал рисунки к статьям в журналах «National Geographic» и газете «Saturday Evening Post». Из затеи с «Колонией искусств» ничего не вышло. Учеников было немного, большей частью одинокие скупающие дамочки. Потом эти домики облюбовали люди неопределенных профес-

¹ «Наша страна», № 2427—2428, 15.02.1997.

сий и бродяги с весьма туманным прошлым. Большого дохода они не приносили.

По соседству с «Солола» появилось еще несколько домов, и Юрий на правах «первопоселенца» стал называть дорогу, ведущую в Роаноук, «Ivan Solonevich Road».

Постепенно Солоневичи стали неотъемлемой частью местной жизни, местного быта, местного «творческого процесса». Обитатели Роаноука считали Юрия оригинальным творцом «в русском стиле», но с несколько устарелыми взглядами на современное (в то время абстрактное) искусство. Юрий шел против течения, писал в газеты письма и статьи, в которых разоблачал «халтуру» абстракционистов и господствующие в США либеральные взгляды. В Роаноуке знали, что дело может дойти до кулаков, если назвать идеи Джорджа «реакционными и отсталыми». Художник Петер Вреден вспоминал о подобных рукопашных эпизодах, когда, сцепившись с Солоневичем, они катились вниз по склону холма, «отстаивая свои взгляды на искусство».

Юрий сохранил верность реалистической манере. Его работы «эпохи Роаноука», это, прежде всего, пейзажи: лесная опушка ранним весенним утром; дорога, запорошенная снегом, по которой бредет одинокий странник; покосившаяся избушка на зеленом холме, плетень, серое дождливое небо. Встречаются у Солоневича композиции, в которых подчеркнуто экономными художественными средствами переданы эмоциональные состояния людей: изогнувшийся в творческом экстазе дирижер, печальная женщина, погруженная в созерцание бесконечных песчаных барханов; грустные влюбленные, обнявшиеся перед разлукой. А вот Икар с широко раскинутыми крыльями, готовый к полету. Обреченностью и поражением веет от него. Многочисленные портреты: американского генерала Гранта; по-домашнему уютной Инги, погруженной в воспоминания; отца — с мощным упрямым лбом, пронзительными глазами за стеклами очков. Его лицо изображено в полуобороте, он как бы оглядывается назад, в пережитое. А сзади него — задымленные, тронутые пожарами очертания континентов, нависшая над Европой черная свастика. Скорее всего, это эскиз для обложки книги с сочинениями отца.

«Политическое прошлое» Юрия сказывалось на его интересе к политикам современности. Он создал серию портре-

тов, среди которых особенно удался «образ» Рональда Рейгана. Какими-то неведомыми путями об этой работе стало известно президенту, и он решил приобрести ее. Художник предложил другой вариант «оплаты»: разговор «по душам», на 10—15 минут. Рейган согласился, и беседа затянулась на два часа. По имеющимся свидетельствам, Джордж поделился с президентом своими взглядами на коммунизм и о способах покончить с ним раз и навсегда. О рекомендациях Юрия-Джорджа ничего не известно. Но кто знает, может быть, именно они были использованы Рейганом, который, не без помощи «перестройщиков», сумел-таки повергнуть «советского монстра» на колени...

С газетой «Наша страна» Юрий почти на 40 лет прервал отношения, «вдрызг разругавшись», по его словам, с Левашовым-Дубровским. О причинах трудно судить: может быть, несогласие с редакционной политикой Левашова, может быть, из-за финансовых претензий. Не проявлял Джордж большого интереса и к жизни Русского Зарубежья. Объяснял это просто: «Устал от всего этого, эмигрантского... Еще с тех времен, когда батька бился об лед, пытаюсь переставить эмиграцию с одних рельс на другие. Старая русская эмиграция, в особенности закостенелая правая, как считал батька, больше портила, чем помогала. И поэтому он поставил свою газету в самом начале в Софии, Болгарии. Парижская эмиграция совершенно тогда прогнила к чертям. И батька это пытался расчистить. Он это назвал «обезвздориванием».

Терпеливые уговоры Инги все-таки побудили Юрия сесть за воспоминания об отце. В «Нашей стране» были опубликованы фрагменты: о батьке, Тамочке, счастливой жизни в Салтыковке. Всего Юрий успел написать около сотни страниц. Но завершить воспоминания не успел. В середине 1994 года, когда он находился в домашней сауне, с ним случился инсульт. Юрий потерял сознание, долгое время пролежал один в жарко натопленном помещении, получив сильнейшие ожоги. После этого несчастья он не восстановился ни физически, ни интеллектуально. Инга самоотверженно ухаживала за мужем последние годы его жизни, зная, что излечение невозможно.

Последняя выставка Юрия, организованная Ингой, прошла в октябре 2000 года в Роаноук-колледже (в Салеме). Она была названа «Двигатели и потрясатели» и посвящена выдаю-

щимся политикам XX века. В их число Юрий Солоневич, возможно, намечал включить и других, но успел выполнить фигурные изображения в рост только четверых: Гитлера, Черчилля, Мартина Лютера Кинга и Джона Кеннеди. Портреты приводились в движение моторчиками и кружились друг против друга, каждый сам по себе, в своем ритме, на своем участке «территории».

Юрий Иванович умер 21 февраля 2003 года от сердечного приступа. В газете «Роаноук таймс» была опубликована статья «Художник, обреченный на пожизненные поиски свободы». «После 87 лет Джордж Солоневич, наконец-то, свободен» — это первая фраза прочувствованной статьи, в которой жизнь художника была представлена как перманентное бегство от коммунистов, политических преследований, лагерей и несвободы»¹.

После смерти Ивана Рут переехала в Нью-Йорк, поселилась в Манхэттене. Совмещала работу в госпитале и учебу в университете на факультете психологии. Выйдя на пенсию, переехала в Роаноук, чтобы быть поближе к «своей семье». Последние годы жизни она живет в доме для престарелых «Брэндон Оукс», персонал которого любезно помогает ей вести интернет-переписку с исследователями-солоневичеводами. Она часто встречается с Ингой: за чаем у самовара они в который раз всматриваются в старые фотографии, вспоминая о прошлом, которое, если не слишком вдаваться в подробности, было не таким уж безнадежно тяжелым.

Рут решительно защищает память о муже, если до нее доходит информация о попытках оклеветать его имя. Именно так было, когда американский исследователь Лакер выпустил книгу о «Русском фашизме» и причислил Солоневича к лидерам этого политического течения.

¹ См. некролог в газете The Roanoke Times (Roanoke, Virginia, USA), 28.02.03. В некрологе не обошлось без драматических преувеличений. Автор его написал, к примеру, что в пятилетнем возрасте Юра был брошен в тюрьму (вместе с родителями), в которой провел три года (имеется в виду «одесский эпизод» 1920 г.). Неверна также информация о том, что Юрий после ареста в 1934 году на Мурманской «железке» просидел 18 месяцев в «одиночном заключении».

К сожалению, Рут стала косвенной виновницей того, что значительная часть архива Ивана Лукьяновича была безвозвратно утрачена. Юрий Солоневич вспоминал в интервью для «Нашей страны»:

«Моя мачеха, немка, когда переехала из Уругвая в Нью-Йорк, привезла с собой большой ящик, деревянный, полный всякой всячины. Там были и рукописи и полные комплекты «Голоса России» и «Нашей страны». Там была масса материала. Но, приехав в Нью-Йорк, она поселилась в Наяке, и во время одного из переездов с одной квартиры на другую оставила этот ящик в подвале у знакомых. Через год в этом месте было наводнение, и когда она пришла за своим ящиком, ей сказали, что все выкинули, потому что все замочило и стало вонять. Так что ничего из этого ящика не осталось. Это великая потеря, потому что там были вещи бесценные»¹.

Нужно ли говорить, что Иван Солоневич больше всего дорожил своим архивом: записными книжками, заметками на клочках бумаги, незавершенными произведениями, уникальными фотографиями, письмами, которые приходили к нему со всего мира от соотечественников, живущих по нансеновским паспортам. Он выручил свой архив, когда тот был «арестован» болгарской полицией после взрыва в редакции, спасал его от «внимания» гестапо в Германии, оберегал его во время бегства из Померании, когда каждый лишний килограмм «бесполезного» веса на повозке мог стать роковым для «тягловой силы» — лошадки, изможденной зимней дорогой и отсутствием корма. Пережил архив Солоневича годы английской оккупации, путешествие через Атлантику, Аргентину и Уругвай.

Иван Лукьянович мечтал о том времени, когда, подводя жизненные итоги, сможет «засесть» за мемуары, написать что-то в духе «Истории моего современника» Короленко. Он откладывал работу над воспоминаниями до более спокойной поры. Ему казалось, что именно в Соединенных Штатах он получит такую возможность, но судьба распорядилась иначе...

Для справки: Иван, Борис и Юрий Солоневичи были реабилитированы 20 июля 1989 года.

¹ Интервью А. Раевского с Ю. Солоневичем «Вспоминая батьку».

Возвращение с чужбины

Места Солоневича в Буэнос-Айресе — это бывшие окраинные районы столицы, где жили русские эмигранты, «штабс-капитаны», помогавшие писателю в первые, самые трудные, аргентинские месяцы. Улица Доррего, на которой находилась типография «Нашей страны», русские церкви, которые Солоневич посещал не только для молитв, но и для встреч с друзьями. Бульвар Флорида, по которому он иногда прогуливался, игнорируя витрины магазинов мужской одежды: денег хронически не хватало.

Конечно, самым памятным местом, связанным с Иваном Солоневичем, является кинта «El Misterio», которая до сих пор существует в городке Дель-Висо. Четыре года она была для Ивана Лукьяновича надежным творческим пристанищем. Целых четыре года оседлой жизни, плодотворной работы без помех и угроз! За высоким забором виднеется черепичная крыша дома, окруженного высокими царственными эвкалиптами, под которыми, настраиваясь на работу, раздумчиво прохаживался Солоневич. Неторопливый путь от железнодорожной станции Дель-Висо до кинты и потом — в обратном направлении на какие-то мгновения дает ощущение сопричастности к жизни Ивана Лукьяновича. С этого перрона он не раз отправлялся в Буэнос-Айрес, иногда один, иногда с Всеволодом Дубровским или Юрой...

С причала на берегу Рио-де-ла-Плата на современном пароме «букебусе» можно перебраться в Монтевидео. В Уругвае именем Ивана Солоневича освящены три города — Сориано, Атлантида и Монтевидео. Сориано, расположенный на берегу реки Уругвай, — такой же тихий, провинциальный и скучный, как десятилетия назад. Курорт Атлантида глядит в океан. Отдыхающая здесь публика ничем не отличается от той, что заполняла пляжи городка во времена Солоневича: спокойная, уравновешенная, подчеркнута равнодушная к чужой жизни.

В Монтевидео с жизнью и смертью Ивана Солоневича связаны два места. Это — «Итальянская клиника», где он провел последние дни в ожидании операции, с верой, что она бу-

дет успешной, и Английское кладбище, на котором находится его могила. На белом камне надгробья крупными латинскими буквами выбито:

Iwan Lukjanowitsch
Solonewitsch
14—11—1891 — 24—4—1953

И под православным крестом как эпитафия, как итог, как констатация главного в жизни этого человека — по-русски:

*«Идеологу народной монархии в будущей России
и борцу против коммунизма.*

Единомысленники».

В своем письме о последних днях и часах жизни Солоневича Всеволод Дубровский призвал сделать все возможное, чтобы сохранить могилу писателя для будущих поколений, «чтобы она не исчезла с лица земли». Он писал:

«Я думаю, что те друзья Ивана Лукьяновича, которые так сердечно отозвались в тяжелую минуту и так быстро собрали средства, нужные для его лечения, не будут возражать, если сумма, оставшаяся после оплаты счетов госпиталя и расходов по погребению, будет употреблена на постройку памятника и надгробной плиты. Если их жертвенная помощь не спасла жизни Ивана Лукьяновича, — она поможет теперь сохранить его могилу до того времени, когда перенесение его тела в Россию станет реальной возможностью»¹.

Некоторое время могила находилась в полном забвении. Лишь иногда ее навещал священник, приезжавший из Буэнос-Айреса для проведения службы в местной православной церкви. Надгробье покосилось, надпись на нем покрылась мхом и липкой тиной. Дошло до того, что на могиле появились таблички с именами «подселенных» усопших, которые не имели никакого отношения к Солоневичу и членам его семьи! Газета «Наша страна» забила тревогу. Порядок был наведен, надгробье отреставрировано...

¹ Дубровский Вс. Последние дни и часы жизни Ивана Лукьяновича.

К могиле Ивана Солоневича приходят нечасто, может быть потому, что постоянная русская колония в Уругвае невелика, а командированный из России люд просто не знает о ее существовании.

Но одиночество этой могилы обманчива: Иван Лукьянович Солоневич не забыт, его книги в сегодняшней России нарасхват, а содержание многих статей, написанных полвека назад, настолько злободневно, что не всякий редактор не всякого российского издания решится воспроизвести их. Опора на здравый смысл, отрицание утопий коммунистического и всяких других образцов, приверженность эволюционным формам развития общества и осуждение любого революционного насилия лежат в основе философских и социальных теорий Солоневича.

Ивана Лукьяновича можно назвать народным писателем-публицистом. Его произведения не претендуют на наукообразность, не ошеломляют заемной терминологией, не изобилуют цитатами и ссылками на «авторитеты». Они просты по аргументации, полны того внутреннего горения, полемического задора и остроты, которые задевают, привлекают внимание и уже не отпускают вас до последней строки.

Не все прогнозы Солоневича сбылись. Так, он писал в октябре 1948 года: «Будущая власть в России все равно придет из эмиграции, — ибо в условиях СССР никакая группа людей не может договориться, не может выработать ни стратегии, ни тактики, ни плана, ни программы: все расплылось, стерилизовано, аморфно»¹. Из нашего недавнего опыта мы знаем, что «группа людей» все-таки образовалась, выработала стратегию, тактику и эфемерную «перестроечную» программу и повела необъятную страну-континент заемным антинациональным путем к катастрофе, масштабы которой долго будут сказываться на судьбе, духовно-нравственном здоровье и благосостоянии народа.

Труды Ивана Солоневича в нынешней России издают все чаще, но «периферийно», малыми тиражами, выборочно. Крупные издательства мотивируют «отсутствие интереса» к Солоневичу тем, что он слишком сосредоточен на Рос-

¹ «Наша страна», № 3, 16.10.1948.

сии, «подозрителен» на связи с нацистами и фашистами, «не вписывается» в процессы глобализации, явно «контрастируя» с переживаемым историческим моментом.

Возвращается Иван Лукьянович с чужбины на Родину трудно, то натываясь на современную «идеологическую цензуру», то влача привычные вериги обвинений: «архаичен», «непримирим», «реакционен». В популярную обойму вошли модные имена иностранных и доморощенных проповедников неолиберальной доктрины и прочих экспериментальных «проектов», которые «на глазок и наугад» внедряются на российской «территории», конечно, для «блага населения». С какой яростью боролся Солоневич с навязыванием России чуждых экономических теорий, как ненавидел насильственное вмешательство «реформаторов и революционеров» в органичное эволюционное развитие страны! Сколько раз он с цифрами в руках и на живых примерах доказывал, что жизнь рядовых граждан — тружеников — России неизбежно ухудшалась после любых реформ и революций.

Невольно задумываешься, а что сказал бы Иван Солоневич, как напутствовал бы нас в нашем «сегодня», стоя в дверях своей редакции в Софии или в городке Дель-Висо? Скорее всего, так:

«После СССР нам будут предлагать очень многое. И все будут врать в свою лавочку. Будет много кандидатов: в министры и вожди, в партийные лидеры и военные диктаторы. Будут ставленники банков и ставленники трестов — не наших. Будут ставленники одних иностранцев и ставленники других. И все будут говорить, прежде всего, о свободах: самая многообещающая и самая ни к чему не обязывающая тема для вранья...

Появятся, конечно, и новые пророки — изобретатели какого-нибудь нового земного рая — то ли в одной нашей стране, то ли во всей поднебесной...

В общем — будет всякое. И на всякого «мудреца» найдется довольно простаков — с этим ничего не поделаешь: бараны имеются во всех странах мира — от самых тоталитарных до самых демократических. Их, как известно, не сеют и не жнут. Постарайтесь не попасть в их число. Это — не так просто, как кажется»...¹

¹ «Наша страна», № 2197, 12.09.1992.

Сейчас, когда в Россию с приличествующими почестями возвращают из-за рубежа останки «знаковых» противников большевистской революции (от генералов до философов) в новеньких сверкающих бронзой и лаком гробах, все чаще говорят о том, что Иван Солоневич заслуживает такой же чести. Поклонники его творчества и последователи его идей, в первую очередь, монархисты, все смелее выступают с этой инициативой и, кажется, в российских инстанциях возражений все меньше. Не будут препятствовать возвращению Солоневича на Родину и его немногие родственники, живущие в Соединенных Штатах.

Вопрос в одном: признает ли Иван Солоневич страну, в которую он вернется?

Хронология жизни и творчества Ивана Солоневича

1891 год, 1 ноября — родился И.Л. Солоневич.

1909 год — вышел первый номер газеты «Белорусская Жизнь» (позднее «Северо-Западная Жизнь»), издаваемой отцом И. Солоневича.

1912 год, июнь — Иван сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в г. Вильно.

1912—1915 — учеба на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (6 семестров).

1913 год, осень — женился на Тамаре Владимировне Воскресенской, преподавательнице французского языка в гимназии г. Минска.

1914 год, февраль — выступление на российском чемпионате в Риге в составе команды атлетического общества «Sanitas» (Минск). Был награжден медалью за второе место в соревновании по подниманию гирь.

1914 год, лето — Иван и Тамара совершили поездку в Париж.

1915 год, 24 февраля — Иван Солоневич стал официальным издателем, а отец — редактором газеты «Северо-Западной Жизни» (до сентября 1915 года).

1915 год, сентябрь — Иван вернулся в Санкт-Петербург, начал работать в консервативной газете «Новое Время».

1915 год, 15 октября — в Москве Тамара родила сына, который был назван Юрием.

1916 год, август — Иван призван в армию и «приписан» ратником 2 разряда в запасной батальон Лейб-гвардии Кексгольмского полка.

1917 год, январь — Солоневич комиссован по причине прогрессирующей близорукости. Вернулся в штат «Нового Времени». Подрабатывал грузчиком.

1919 год — Переезд в Киев. Работа в редакции «Вечерних Огней» (приблизительно с сентября по ноябрь). Бегство в Одессу в связи с наступлением красных.

1920 год — Недолгая работа в одесской газете «Сын Отечества». Заболевание тифом.

1920 год, июнь — Иван и Тамара вследствие доноса арестованы чекистами. В конце августа освобождены «по причине отсутствия улик».

1921—1925 годы — работает грузчиком, цирковым артистом. В 1922—1923 годах был преподавателем гимнастики, затем инструктором по физкультуре в Одесском продовольственном губернском комитете.

1926 год — переезд в Москву. Работа в ВЦСПС на инспекторской должности по физкультуре и спорту.

1928 год — издал руководство по «Гиревому спорту» (для спорторганизаций системы ВЦСПС) и брошюру «Самооборона и нападение без оружия» (для сотрудников НКВД). Газетно-журнальная работа в качестве нештатного сотрудника.

1929—1931 годы — Работа Тамары Солоневич в советском торгпредстве в Германии. После ее возвращения, — с целью подготовки побега семьи за границу, — оформление «развода» Ивана и Тамары. «Легальный» отъезд Тамары в Германию (сентябрь 1932 г.).

1931 год, лето — Журналистская поездка по Киргизии.

1932 года, сентябрь — первая попытка побега за границу, сорванная болезнью Ивана.

1933 год, май — вторая попытка побега, отложенная из-за внезапной болезни Юры.

Сотрудники НКВД ведут активную разработку семьи Солоневичей.

9 сентября — Арест всех членов «группы И. Солоневича».

Сентябрь-декабрь — тюрьма на Шпалерной (Ленинград), нахождение под следствием.

Постановление Чрезвычайной судебной тройки ПП ОГПУ ЛВО от 28 ноября 1933 года по делу № 2248. Солоневич обвинен в шпионаже (ст. 58 пункт 6), а также контрреволюционной пропаганде (ст. 58 пункт 10).

1934 год, 17 января — прибытие в Подпорожское отделение ББК.

В середине марта отец и сын направлены в Медгорское отделение ББК.

28 июля — третий по счету «синхронизированный» побег Солоневичей.

После 16 дней побега — пересечение границы с Финляндией.

1934 год, середина октября — в ИНО заведено дело «по освящению преступной деятельности» Солоневичей за рубежом».

1935 год, с 20 января в газете «Последние Новости» (в Париже) стали печататься очерки Ивана под общим названием «Россия в концлагере».

1935 год, май — приезд Тамары в Гельсингфорс «в гости».

1936 год, март-апрель — перед отъездом из Финляндии Иван организовал для эмигрантов цикл лекций о жизни в Советском Союзе.

1936 год, 8 мая — прибытие в Болгарию.

1936 год — на средства НТСНП («новопоколенцев») издана «Россия в концлагере».

1936 год, 18 июня — вышел первый номер еженедельной общественно-национальной газеты «Голос России».

1936 год, октябрь — Турне Ивана и Бориса по Югославии с чтением лекций.

1937 год — активная работа резидентуры НКВД и «контрразведки» РОВСа в Софии по «разоблачению провокаторства» Ивана Солоневича и его брата.

1937 год, июнь — Иван Солоневич завершил работу над повестью «Памир» и рядом рассказов, включенных в книгу с одноименным названием.

1937 год, июль-август — поездка во Францию и Бельгию с чтением лекций.

1937 год, декабрь — известие о решении Бориса не возвращаться в Болгарию из Бельгии.

1938 год, 3 февраля — взрыв бомбы в доме Солоневичей, в результате которого погибли Тамара Солоневич и секретарь редакции Николай Михайлов.

1938 год, 19 марта — отъезд Ивана и Юры в Германию из-за опасения новых покушений.

1938 год, 18 мая — создание единого Российского Национального Фронта в Берлине. Иван Солоневич — в числе руководителей Фронта.

1938 год, 9 августа вышел последний номер газеты «Голоса России», закрытой по настоянию советского полпредства. До лета 1940 года вместо нее выходила «Наша газета», потом — журнал «Родина».

1938 год, август — работа над статьей «Четыре года» (в Берлине).

1939 год, январь — 5-минутная беседа И. Солоневича с Великим князем Владимиром Кирилловичем, посетившим Берлин.

1939 год, лето — Иван Солоневич прервал все отношения с Борисом.

1939 год, июнь — вышла резко критическая брошюра Бориса «Не могу молчать», направленная против «разрушительной линии» брата в эмиграции.

1939 год, декабрь — 1940 год, март — пребывание И. Солоневича в Финляндии с целью «постановки» антисоветской пропаганды (в связи с советско-финской войной).

1939 год, август — публикация Младоросской партией брошюры, обвиняющей Солоневичей в «провокаatorстве» по заданию НКВД.

1940 год, лето — прекращение выпуска журнала «Родина» «по обстоятельствам военного времени».

1940 год — нацистские власти усиливают полицейский контроль за И. Солоневичем в связи с утратой к нему «политического доверия».

1941 год, октябрь — высылка писателя в г. Темпельбург (Померания) до середины января 1945 года.

1945 год, январь — бегство И. Солоневича и его семьи из Померании в связи с наступлением советских войск.

С осени 1945 до 1948 г. — Пребывание в английской зоне оккупации в качестве «перемещенного лица».

1948 год — оформление виз в Аргентину.

29 июля — прибытие в Буэнос-Айрес.

1948 год, 18 сентября — вышел первый номер газеты «Наша страна».

1950 год, июль — высылка из Аргентины в связи с клеветническими обвинениями местных лидеров русской эмиграции. Переезд в Уругвай.

1952 — март 1953 г. — завершение работы над рукописью «Народной монархии».

1952 год — отъезд Юрия и Инги в США.

1953 год, 24 апреля — день смерти И.Л. Солоневича.

25 апреля — похороны на Английском кладбище в Монтевидео.

1989 год, 20 июля — Иван, Борис и Юрий Солоневичи полностью реабилитированы в СССР.

Основная литература

Антонов Владимир, Карпов Владимир. Тайные информаторы Кремля. С них начиналась разведка. М.: Олма-пресс, 2003.

Бажанов Борис. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Франция, «Третья волна», 1980.

Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927—1950) в 3-х томах. М.: Русская книга, 2000.

Крымов В. Портреты необычных людей. Париж, 1971.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994, с. 125—126.

Материалы газеты «Наша страна» за период с 1948 по 2006 г. Материалы общественно-национального журнала «Родина», 1940 г.

Назаров М. «Миссия русской эмиграции». Том I, изд. 2-е, испр. М.: Родник, 1994.

Прянишников Б. Незримая паутина. ОГПУ-НКВД против Белой эмиграции. М.: ЭКСМО, Яуза, 2004.

Сборник материалов II Научно-практической конференции, посвященной И.Л. Солоневичу. СПб., 2005.

Сборник материалов I Научно-практической конференции, посвященной И.Л. Солоневичу. СПб, 2004.

Солоневич Б. Молодежь и ГПУ. София: Голос России, 1937.

Солоневич Б. Не могу молчать! «Наша Газета», эмиграция, РОВС, И.Л. Солоневич. Париж, 1939.

Солоневич И. Вся власть — русским мозгам! Сб. статей. СПб.: Русинформ, 2003.

Солоневич И. Диктатура слоя. Буэнос-Айрес, 1956.

Солоневич И. Народная монархия. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1973.

Солоневич И.Л. Диктатура Импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация.

Солоневич И.Л. Роман во Дворце Труда. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954.

Солоневич И.Л. Большевизм и женщина. В кн.: Т. Солоневич. Три года в Берлинском полпредстве. София, Голос России, 1938.

Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля и другие статьи. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954.

Солоневич И.Л., Две силы // Интернет-публикация.

Солоневич И.Л. Памир: советские зарисовки. София: Голос России, 1937.

Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: Римис.

Солоневич И.Л. Россия и гитлеризм. София: Голос России, 1938.

Солоневич И.Л. Четыре года. Август 1938 года.

Солоневич Т. Записки советской переводчицы. София: Голос России, 1937.

Солоневич Т. Три года в Берлинском полпредстве. София: Голос России, 1938 .

Чему свидетелями мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940. Сб. документов в двух книгах. Книга первая 1934—1937. Изд. «Гея», 1998.

Чистяков К. Следственное дело в отношении Ивана Лукьяновича Солоневича в архиве ФСБ. Материалы III Научно-практической конференции, СПб., 24 апреля 2005 года.

Что говорит Иван Солоневич. Изд. 2-е. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954.

Solonevich Inga. «The Long Trek to Solola», Pocahontas Press, Inc., Roanoke, Virginia, 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

«Всевидящее око» НКВД	5
Мечта о чемпионских лаврах	19
Явление зловещих людей	38
В Киеве — при белых, в Одессе — при красных	49
Переезд в Москву	64
Скитания скаута Бориса Солоневича	70
Жизнь «по Остапу Бендеру»	83
Приключения в горах Киргизии	94
Рай в Салтыковке	109
Агент «Прицельный» не промахнулся	126
В концлагере	142
В «синхронном» побеге	169
Тяжкая свобода финской заграницы	177
«Под колпаком» НКВД и РОВСа	204
Подметные письма в гестапо	247
Курс на Болгарию	252
Наконец-то своя газета!	267
Братья в перекрестье провокаций	300
«Не пора ли обезвредить, тов. Клесмет?»	327
Будни «процветающего» издателя	335
Покушение	365
Под «крышей» Третьего рейха	383
«Я не лезу в вожди!»	422
Последняя атака Младоросской партии	451
Защита русской линии	468
Ссылка в Темпельбург	505
В зоне английской оккупации	537
Убежище в Аргентине	565
«Заговор» в Буэнос-Айресе	601
Уругвай — последнее пристанище	622
«Умер при таинственных обстоятельствах...»	642
Возвращение с чужбины	660
Хронология жизни и творчества Ивана Солоневича	665
Основная литература	669

Нил Никандров

ИВАН СОЛОНЕВИЧ: НАРОДНЫЙ МОНАРХИСТ

*Редактор В.Г. Манягин, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0952

Оптовая торговля: Центр политической книги – 937-2822, 8-903-519-8541

«Столица-Сервис» - 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algoritm-kniga@mail.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 10.10.07. Подписано в печать 14.11.07.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л.21. Тираж 2000 экз. Заказ 2219.

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Книги Ивана Солоневича, прежде всего, «Народная монархия» и «Россия в концлагере», стали классикой монархизма. Но читатель, догадываясь, что судьба у Солоневича сложилась непросто, едва ли посвящен во все ее перипетии. Нил Никандров восполняет этот пробел. В написанной отличным русским литературным языком книге, рассказывается о судьбе Ивана Солоневича в России и зарубежье.

